295-летию г. Омска

Павел Брычков

ОМСКАЯ МОЗАИКА

Очерки по истории города и края

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Омск-2011

УДК
ББК

Омская мозаика. Брычков П. А.– Омск: 2011.– 568 с.

Когда и кем была основана Омская крепость? Отчего взбунтовались тарские жители при Петре I? Когда в Омске состоялся первый полет самолета? Как избирали до революции депутатов в Государственную думу? Как пришел к власти адмирал Колчак? За что был расстрелян первый секретарь обкома Дмитрий Булатов? На эти и многие другие вопросы вы найдете ответы в книге лауреата Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка известного омского писателя Павла Брычкова. Книга написана в основном по архивным документам-первоисточникам и редким дореволюционным изданиям и необходима всем, кто интересуется омской историей.

ISBN

© П. А. Брычков, 2011.
© Фото на обложке – автора.
На форзаце план г. Омска и Новоомска нач. XX века.

ОТ АВТОРА

Во время работы над историческими романами «Отпор» о Тарском бунте 1722 года и «Полуденный зной» об экспедиции за песочным золотом и основании Омской крепости много фактов, цифр и документальных свидетельств осталось за рамками художественного повествования. Именно поэтому были написаны документальные очерки об этих знаменательных для нашего края событиях.

Долго оставалось вне поля моего зрения более позднее время из омской истории, поскольку не доводилось соприкасаться с подлинными документами и источниками этой эпохи. Однако пишущий человек предполагает, а Бог располагает. По воле судьбы все-таки пришлось обратиться и к другим периодам из жизни Омска. Работа с архивными документами и дореволюционными изданиями позволила сделать акцент на неизвестных и малоизвестных фактах из истории города и края и обыденной жизни омичей.

Это издание не научное, поэтому практически нет ссылок на источники по ходу повествований. Список использованной литературы и архивных источников приведен в конце книги.

Очерки разбиты на четыре раздела и расположены хронологически с объединением по темам. Однако мозаика есть мозаика, и автор не претендует на всеохватность омской истории и надеется, что отдельные извлеченные из небытия факты, расширят представление о жизни наших предков и пригодятся при создании расширенной и уточненной истории края и города Омска. Тем более, что не за горами 300-летие Омска.

Издание осуществлено на субсидию
Правительства Омской области

I.

ОТ ЕРМАКА ДО ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

«ПОД ЕГО ГОСУДАРЕВУ ЦАРСКУЮ ВЫСОКУЮ РУКУ ПОДВЕЛИ…»

Взятие Кашлыка

26 октября 1582 года произошло первое крупное сражение дружины Ермака с войском хана Кучума на Чувашевом мысу близ столицы Сибирского ханства Кашлыка. Превосходящие в несколько раз силы противника были наголову разбиты, и Ермак занял Кашлык. Это стало началом присоединения Сибири к России.

То, что совершил отряд Ермака, численностью всего в 540 человек, для будущего российской государственности имело едва ли не решающее значение. До этого сражения у ермаковских казаков по пути к Иртышу по Туре и Тоболу были лишь мелкие стычки с татарами и остяками (хантами). Перед первым серьезным сражением казачьи струги поднялись вверх по Иртышу от устья Тобола и остановились на ночлег против урочища Атик-мурзы. При составлении сорок лет спустя «Синодика ермаковым казакам» по указанию тобольского архиепископа Киприана ветераны похода вспоминали, как ночью, глядя на многочисленные костры татарской рати, некоторые из казаков поддались панике и «восхотеша тоя нощи бежати». Но на казачьем круге, проведенном той же ночью, Ермак пресек подобные поползновения, ибо понимал, что отступление неизбежно приведет к гибели отряда. Казаки неуязвимы на своих стругах, но после ледостава в ноябре это преимущество исчезло бы.

Ермак Тимофеевич

Кучум сразу узнал о продвижении отряда Ермака, но, ввиду его малочисленности, особо не озаботился и решил остановить русских на подступах к своей столице. Для этого он приказал сделать засеку на Чувашевом мысу и за стволами деревьев укрыться от пуль. Не надо думать, что татары в ужасе разбегались от выстрелов пищалей и не знали огнестрельного оружия. Еще за несколько лет до прихода Ермака Кучум обращался в Крым, чтобы ему прислали пушки для войны с московским царем. Пушки были присланы из Казанского ханства. Две из них были установлены на горе у Чувашева мыса, однако во время сражения ни разу не выстрелили. Казаки позднее полагали, что они заговорили их. В итоге, стволы были сброшены на карабкавшихся по склону казаков и утонули в воде.

Кучум поручил командовать войсками царевичу Маметкулу, а сам расположился на горе поодаль. По Строгановской летописи казакам удалось

выманить татар из-за укрытия, Маметкул велел сделать в засеке проходы и атаковать русских. Казаки встретили их залповым огнем. Опыт у них в боях с турками и крымскими татарами был большой, особенно по стрельбе со стругов. Пока с одного борта палили, другие перезаряжали пищали. Под таким огнем татары не выдержали и побежали. Царевич Маметкул был ранен, и его едва успели вывезти на лодке по Иртышу. Увидев такое, остяцкие и вогульские (мансийские) князцы, воевавшие без особого желания, тоже бросились в бега. Ничего не оставалось делать, как бежать, и самому Кучуму.

Казаки вошли в Кашлык и взяли богатую добычу: меха, собранные в казну, за несколько лет, – собольи, куньи, чернобурой лисицы… Добычу разделили поровну меж собой. Местные племена, обложенные Кучумом данью, отнеслись к казакам миролюбиво. Уже на четвертый день к ермаковцам пришел князец Бояр и принес рыбу и прочие припасы.

Победа под Кашлыком оказалась легкой, но не решающей, она имела больше психологическое значение. Ермаку повезло, что отборные войска Кучума во главе с царевичем Алеем ушли в Пермский край и пытались взять Чердынь, которую оборонял воевода Пелепелицын. Столица Сибирского ханства пала, но главные сражения и испытания были еще впереди.

Сражение под Абалаком

Первое зимовье было трудным. Чтобы добыть пропитание, казаки пытались наладить рыбную ловлю на озере Абалак, располагавшемся в 15 верстах от Кашлыка. Рыбацкую артель возглавлял один из видных соратников Ермака Богдан Брязга. Царевич Маметкул 5 декабря внезапно напал на станы Брязги и перебил всех до единого. Ермак бросился в погоню. Маметкул с войском укрылся в городище недалеко от озера на высоком берегу у самого Иртыша. Его окружали земляные валы. К этому времени вернулся из-под Чердыни царевич Алей со своим войском, и Кучум направил его в помощь Маметкулу. Хотя татарские воины и были потрепаны под Чердынью и устали после длительной дороги, Тем не менее войско Маметкула превосходило дружину Ермака по численности в несколько раз и располагалось за укреплениями, которые нужно было штурмовать. Руслан Скрынников в своей монографии «Сибирская экспедиция Ермака» (на наш взгляд, наиболее убедительной из работ на эту тему в последнем тридцатилетии) пишет: «Судя по потерям в казачьем отряде, сражение на Абалаке носило исключительно упорный характер. В условиях суровой зимы казаки были лишены возможности использовать свои подвижные струги для маневров. Тем не менее они победили большую татарскую рать. События на Абалаке мало походили на то, что произошло на Чувашевом мысу. На этот раз ни о пленении Маметкула, ни о панике в его войске не было и речи. Бой был кровопролитным. Казакам надо было победить либо умереть. И они выстояли.

Победа горстки пеших казаков над объединенными силами Сибирского ханства объясняется как чисто военными, так и моральными факторами. В

первом столкновения с воинами Алея на Чусовой, а затем в бою на Чувашевом мысу Ермак нанес противнику столь мощный удар, что татары долго не могли оправиться от него психологически. Не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака».

Через сорок лет ветераны в «Синодике Ермаковым казакам» вспомнили лишь десятую часть погибших в сражениях – 37 человек, из них 8 человек погибли при Абалаке.

«К шерти привели…»

После победы Ермака под Абалком хан Кучум откочевал на юг, и это дало возможность Ермаку двинуться на север до Оби в остяцкие и вогульские волости и привести их к шерти (присяге) московскому царю Ивану IV (Грозному). Именно после победы при Абалаке перед Ермаком встал вопрос, что делать дальше. Он мог организовать за Камнем (Уральскими горами) что-то вроде казацкой вольницы на Дону, но даже не попытался этого сделать, ибо понимал: несмотря на военные успехи, без помощи государства ему в Сибири не удержаться.

Летом 1583 года из Кашлыка в Москву отправилось посольство (станица) от Ермака численностью 25 человек во главе с казаком Черкасом Александровым. Двинулись они на одном или двух стругах вниз по Иртышу, затем по Оби и везли царю собранный ясак – пушнину. Перевалив через Уральские горы, вышли на Пустоозеро. Это был самый безопасный и давно известный путь на Русь. Качество привезенных соболей так поразило присутствовавших при дворе в это время англичан, что они не один раз пытались прорваться к устью Оби, чтобы в обход московского царя добывать пушнину. Английские экспедиции были неудачны, хотя русские поморы ходили туда постоянно.

Черкас Александров привез царю, кроме соболей, и донесение Ермака о взятии Сибири. Текст этого донесения в варианте близком к подлинному дан в Погодинском летописце: «Писали Ермак с товарыщи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу, что … царьство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели, … татар и остяков и вогулич привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку, … и ясак им государю давати по вся годы, а на русских людей зла никакого не мыслить…» В Есиповской летописи есть главка «О послании к великому государю царю к Москве соунчем, о поведании взятья царства Сибирского».

В Москве сразу поняли важность сообщения. Иван Грозный осенью 1583 года отдал приказание Строгановым готовить в помощь Ермаку экспедицию. Царь якобы пожаловал казакам шубу со своего плеча, два панциря, сукна и прочего «жалования». Автор «Истории Сибирской» Семен Ульянович Ремезов заинтересовался судьбой панцирей. Один из них удалось обнаружить в Тобольске. Отец Семена Ремезова отвез его в подарок калмыцкому тайше Аблаю

в подарок. Сибирский историк так его описал: «Бит в 5 колец мудрастно, долиною в два аршина, в плечах с четью аршин, на грудех и меж крылец (лопаток – П.Б.) царские златые орлы, по подолу и рукавам опушка медная на 3 верьшка».

Позднее в исторической песне, это посещение грозного царя уже носит легендарный характер и на нем присутствовал будто бы сам Ермак:

А теперича, надежа, православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское.

Царь на радостях все его грехи простил и пожаловал ему «тихий славный Дон». К слову, в глазах народа Ермак вырос до уровня былинного героя, о нем сочинено много легенд и сказов. Позднее, разве только, Стенька Разин превзошел его по популярности.

Ермак и его товарищи

Самому Ермаку перед царем каяться было не за что. Он отстаивал интересы русского государства в Ливонской войне на западном фронте. В 1581 году там сложилось катастрофическое положение. Чтобы остановить продвижение войск Стефана Батория, русские полки предприняли вторжение в Литву. В походе принимали участие и вольные волжские казаки во главе с атаманом Ермаком.

Сибирский казак

В это же время на юге с Ногайской ордой воевал со своими казаками сподвижник Ермака по сибирской экспедиции Иван Кольцо. Вот он-то стал жертвой дипломатии, а его казаков официально именовали «воровскими». Стремясь избежать войны на два фронта, казакам дано было указание воевать только с теми ногайцами, которые возвращаются после набега на Русь и не воевать на территории Орды. Но казаки действовали по законам войны и дважды разгромили ногайцев на волжской переправе и даже сожгли столицу Орды – Сарайчик. В это время шведы захватили Нарву, Ям и Копорье, которые позднее пришлось отвоевывать Петру. Стремясь избежать расширения войны, на юге Русь усилила дипломатические контакты.

В августе 1581 года 300 ногайских всадников появились в районе реки Самары. Они сопровождали царского гонца В. Пелепелицына и ногайского посла. Волжские атаманы Иван Кольцо, Савва Болдыря, Никита Пан, несмотря на протесты Пелепелицына, разгромили ордынский отряд, бегством спаслись лишь 25 человек. Позднее, будучи воеводой

Чердыни, В. Пелепелицын донес царю, что с Ермаком отправились и эти «воровские» казаки. Царь прислал опальную грамоту, но она не застала казаков, они уже были по пути в Сибирь.

Среди атаманов-ермаковцев в походе участвовали Матвей Мещеряк, Яков Михайлов, Богдан Брязга, Черкас Александров. Равноправие «воровских» казаков и ермаковских строго соблюдалось, и даже в Москву посольство возглавляли атаман от обеих половин войска – Черкас Александров и Савва Болдыря.

История не сохранила имена всех участников похода. Руслан Скрынников, основываясь на вкладных книгах Чудова монастыря и Синодике Ермаковым казакам, называет несколько рядовых участников: Иван Шуянин, Михаил Григорьев, Афанасий Темниковец, Григорий Пережегин, Тарх Казарин, Федор Антропов, Михало Григорьев… В начале 17 века в составе «старой сотни» числились атаман Гаврила Ильин, пятидесятники и десятники Осташка Антонов, Ивашка Лукьянов, Ларка Сысоев, Дружина Васильев, Фомка Бородин, Пашка Ерофеев.

Каких-то достоверных сведений о биографии Ермака не сохранилось. Многие из городов претендовали быть родиной славного атамана, но где он родился неизвестно. Многие историки полагают, что в имени Ермак скрыт намек на его недюжинную силу, а само имя является сокращением полного имени Ермолай. Все портреты Ермака рождены воображением художников и не соответствуют его реальной внешности. Лишь у Семена Ремезова находим описание Ермака: «бе бо велми мужествен, и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволе, плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск и плечист».

Отсутствие достоверных биографических данных дает порой волю фантазиям и измышлениям. Так, один омский краевед, видимо по созвучию, считает, что Ермак Тимофеевич сибирский хан Ер Мар Темучин, что он призвал в союзники голландцев, но те не пришли, и тогда Ер Мар послал гонца к царю. И побоку все летописи и свидетельства участников похода!

К сожалению, в походе у Ермака не было своей канцелярии и никаких записей не велось. Не до этого было! И главные сведения о походе известны из поздних летописей. Основные из них – Есиповская и Строгановская. Первая написана дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым в 1636 году на основании Синодика Ермаковым казакам и воспоминаниям ветеранов похода и представляет Ермака «орудием Бога» в борьбе с бусурманами. Хотя надо сразу сказать: Ермак пришел с мечом, но не с крестом, веру инородцев он не трогал. Автор Строгановской летописи отводит главную роль не казакам и не государству, а Строгановым, которые, кстати, попытались прибрать к своим вотчинам завоеванные земли, но получили от государя по рукам. И третий источник – труд Семена Ремезова 1703 года «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Кунгурский летописец, обнаруженный Ремезовым, написан не позднее 20-40-х годов 17 века, видимо, канцеляристом вотчин Строгановых, и стал ценным дополнением к имевшимся летописям.

Гибель Ермака и окончание похода

Посланный царем отряд Семена Болховского прибыл в Сибирь в 1584 году. В отряде было 300 человек. Ермаковцы встретили его ликованием. Но приход новых людей обернулся лишь проблемами. Стрельцы рассчитывали отдохнуть в Кашлыке, но грянула зима с жестокими сибирскими морозами, а воеводы, снаряжавшие отряд, не позаботились даже о шубах. Еды казаки заготовили на зиму лишь для себя. Большие снега сделали невозможной охоту в тайге, и стрельцы почти все «померли с голоду». Правда, от них остались пищали, свинец и порох, недостаток которых у казаков остро стал ощущаться.

Вообще проблема продовольствия все три года пребывания Ермакова отряда в Сибири всегда стояла весьма остро. Продовольствие, собственно, стало косвенной причиной его гибели. Ермаку необходимо было во что бы то ни стало собрать в Кашлыке провиант для очередной зимовки. А тут прибывает вестник, что Кучум не пропускает торговый бухарский караван на «Вагайской перекопи». Бухарцы играли особую роль в экономической жизни Сибири, и казаки были очень заинтересованы в их приходе. Ермак немедленно двинулся по Иртышу на юг с отрядом в 108 человек. В дни похода он был втянут в затяжные бои. Особенно сильные столкновения были у Бегишева городища и урочища Кулары. Пять дней Ермак штурмовал Кулары, но не смог его взять и стал двигаться дальше: «Назад де воротяся приберем!» Дойдя до Шиш-реки, что ныне в Омской области, он повернул обратно. Но Карачи, возглавивший войска Кучума после пленения царевича Маметкула, заготовил западню. Татары на пути следования Ермака расставляли своих людей, которые твердили в один голос, что видели бухарцев в верховьях Вагая. Отряд направился по Вагаю, но, не найдя бухарцев, вернулся к устью и остановился на ночлег. Ночь с 5 на 6 августа 1585 года была темная и дождливая. Татары внезапно напали на спящий лагерь. Они стремились захватить струги, тогда казаки погибли бы все поголовно. Прикрывая отход казаков, Ермак погиб. Скрынников замечает, что панцири не могли стать причиной гибели Ермака, как пишет Есипов, ибо надевались только перед боем, а нападение было внезапным. Вряд ли он утонул. Татарское предание говорит, что Ермак бился с могучим воином Кучугаем, стал одолевать его, но тут порвался ремень на шлеме, и Кучугай поразил его в шею копьем.

После этого боя в отряде осталось 90 человек. Собрали круг и решили уходить из Сибири. Ушли тем же северным путем, что ходили посланцы к царю.

Казаки не знали, что уже перевалил через Урал и спешит к ним на помощь отряд воеводы Ивана Мансурова. Тот, не найдя казаков в Кашлыке, попытался их догнать и двинулся к Оби. Но не догнал, поставил там Обский городок. После окончания Ливонской войны у правительства появилась возможность выделить силы и на Сибирь. В 1586 году отряд под командой воевод Сукина и Мясного основал Тюменский городок, а через год Данила Чулков поставил Тобольск. Началось стремительное освоение Сибири.

ПУТЯМИ РЕЧНЫМИ

При взгляде на карту нашей страны, изрезанной великими и малыми реками, невольно сравниваешь их с артериями, пронизывающими огромный организм. Сравнение, конечно, банальное, но справедливое. Ведь даже сегодня водные артерии во многом обеспечивают жизнедеятельность России. А жизнь на русском Севере без них и представить невозможно.

Огромную роль сыграли реки и в освоении новых территорий русским государством.

Ведь чуть более полувека после похода Ермака понадобилось для того, чтобы присоединить Сибирь от Урала до Тихого океана! История не знает ничего подобного. Остановимся кратко на главных путях продвижения русских на восток.

С усилением Московского княжества и падением независимости Великого Новгорода в 1478 году Печорский край вошел в состав единого Русского государства. Печора и Вишера стали главным путем в Зауралье. В 1483 году воеводы Федор Курбский и Иван Салтыков-Травин прошли с Вишеры на Лозьву и Пелым, потом вниз по Тавде на Тобол, Иртыш и Обь. «Повоевали» Югру, пленили многих князцов, и те согласились платить дань Ивану III. Следует заметить, что случилось это за сто лет до Ермака. Однако присоединить и освоить Сибирь в то время не удалось. Печорский путь был слишком далеким от Москвы.

Лишь после присоединения Казани появился более короткий путь в Сибирь через Каму. По ней из владений Строгановых и начал свой путь в Сибирь 1 сентября 1582 года Ермак с дружиной в 540 человек. Не случайно поход начался осенью, когда вода в уральских реках поднимается. Из Камы струги Ермака вошли в Чусовую, из Чусовой в Серебрянку. Течение рек было сильным и часто приходилось тянуть суда бичевой. Это трудное дело было обычным для казаков и все сибирских землепроходцев. Так что вряд ли бы они поняли социальный подтекст картины Репина «Бурлаки на Волге»!

От верховьев Серебрянки казаки на руках перенесли струги на Тагил-реку, бросив тяжелые суда. Далее плыли уже по течению. Из Тагила в Туру, из Туры в Тобол. По Тоболу дошли в конце октября до Иртыша, к столице царства Кучума Кашлыку, в пятнадцати верстах от будущего Тобольска.

Через три года остатки дружины Ермака (90 человек) под началом Матвея Мещеряка и Ивана Глухова возвращались обходным Печорским путем: сначала по Иртышу, потом до устья Оби и, обогнув с севера Уральский хребет, двигались по Печоре. Ранее этим же путем ходили в Москву к Ивану Грозному с вестью о присоединении Сибири посланцы Ермака.

Позднее нашли более короткий волок – из Чусовой сразу в Туру. Путь по рекам из Москвы в Западную Сибирь был таким: р. Москва – Ока – Волга – Кама – Чусовая – Тура – Тобол – Иртыш. Именно этот путь подробно описал в своем дневнике капитан Унковский, посланный Петром I в Джунгарию в

1721 году. Водным путем добирался до устья Чусовой из Москвы в 1714 году и будущий основатель Омской крепости подполковник И.Д. Бухолц, а далее до Тобольска – сухим путем.

После основания в 1601 году Мангазеи из Западной Сибири в Восточную Сибирь можно было попасть двумя путями: северным через Мангазею (сначала морским путем, затем по рекам Таз и Турухан) и южным по притокам Оби, прежде всего, использовали Кеть. У волока с Кети на Енисей поставили в 1618 году Маковский острожек, а с другой стороны волока Енисейский острог. В 1620 году правительство запретило морской путь, опасаясь беспошлинной торговли и проникновения в Мангазею западноевропейцев (попыток таких было много), и южный путь стал основным.

В 1629 году отряд служилых из Тобольска, Березова и Мангазеи прошел по Нижней Тунгуске и обложил местных аборигенов ясаком. В 1633 году «на захребетные реки Чону и на Вилюй, и на Лену» отправилась экспедиция Шаховского и в течение 6 лет ставила зимовья и острожки в Вилюйском крае, собирая ясак с якутов и тунгузов и десятую пошлину с русских промышленников. В 1630 году был построен Илимский острог у волока на Лену. Из Томска на Лену в 1636 году вышел отряд в 50 человек с атаманом Дмитрием Копыловым. Они добрались до верховьев Алдана. А 30 человек с Иваном Москвитиным отправились дальше на восток по реке Мае, перешли через горный перевал на Улью, и по ней в 1639 году первыми из русских вышли к Тихому океану. Обследовали побережье и впервые рассказали о народах Амура.

Первое сквозное плавание по Амуру совершил Иван Нагибой с отрядом в 27 человек, причем к устью он прорывался с непрерывными боями. У Шантарских островов судно было раздавлено, и они вернулись в Якутск сухим путем, претерпев немыслимые лишения, но не потеряв ни одного человека!

А сколько таких отрядов сгинуло. Так что Сибирь не упала к нам с неба, а добыта потом и кровью русских людей!

Все селения строились обычно на берегах рек. Реки были буквально дорогами жизни. Вплоть до XIX века по этим рекам ходили только парусные и гребные суда – струги, кочи, лодки, барки, дощаники… Так, флотилия Ермака состояла из стругов длиной 10-20 метров, шириной 2-3 метра и осадкой не более 1 метра. Такие струги вмещали по 20 человек. Широкое распространение в Сибири получили плоскодонные дощаники, на которых можно было перевозить большее количество людей и грузы.

Первый колесный пароход в Западной Сибири появился в 1838 году в Тюмени. Назывался он «Основа» и плавал по Туре. Однако родоначальником организованного судоходства на реках Западной Сибири считается создание «Пароходства Поклевского-Козелла и Ко» в 1846 году. С этой даты начинает свой отсчет и нынешнее Иртышское пароходство. В 1846 году был совершен и первый междугородний рейс парохода из Томска в Тюмень. А в 1854 году на этом маршруте появился пароход «Ермак» мощностью 100 л.с.

К 1859 году в Иртышском бассейне действовало уже 5 товариществ и ком-

Пристань в устье Оми

паний. В 1864 году свое пароходство открыла известная в Сибири торговая фирма тобольского купца Михаила Даниловича Плотникова «М. Плотников и сыновья». Он создал свой паровой флот и контролировал перевозки ниже Семипалатинска до устья Оби. Это пароходство просуществовало вплоть до революции.

В 1870 году купцы М. Плотников, Горский и А. Шишкин составили между собой товарищество «Дружина» для развития пароходных сообщений и торговли по рекам Западной Сибири. Первый пассажирский пароход «Кормилец» появился в 1883 году. К 1893 году здесь плавали 93 парохода. Впрочем, многие были небольшой мощности, и их правильнее было бы назвать паровыми катерами. С мощностью 100 л.с. и более было 18 процентов, 80-сильных было около 25 процентов. Средняя же мощность всех этих судов составляла 68 л.с.

В 1912 году «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» приняло в свои компаньоны «Русско-Китайское общество пароходства и торговли» и фирму «Корнилов и сыновья» и стало самым крупным пароходством на Иртыше. Оно имело 25 товарно-пассажирских и 24 буксирных парохода, а также 120 деревянных и железных барж. Обслуживало 8 пассажирских линий, среди них: Тюмень – Павлодар – Семипалатинск, Тюмень – Омск, Омск – Семипалатинск, Тюмень – Тобольск и др.

Баржи строились в городе Таре. Тара была и главной хлебной пристанью.

Омскому городскому обществу принадлежал пароход «Омск». В 1914-17 годах активно курсировал из Омска грузопассажирский пароход «Коммерсант» «Товарищества А.К. Русаков». Он ходил до Чернолучья и Тары, а в воскресные дни через каждые полтора часа доставлял пассажиров в Загородную рощу.

В бассейн Иртыша, случалось, заходили и иностранные пароходы. Любо-

пытна история с пароходом «Луиза», который вышел из Англии 6 июля 1877 года и благополучно прибыл в Тобольск 8 сентября, где остался на зимовку. Он привез 50 тонн галлипольского масла, 7 тонн труб, якорей, цепей и такелажа и 72 тонны угля. Весной с открытием навигации пароход «Луиза» двинулся в обратный путь. Но шкипер Рауцин отказался от русской помощи, и пароход попав в шторм у слияния Обской и Тазовской губы, сел на мель. Пришлось англичанам долгое время общаться с самоедами (ненцами), пока им на помощь не пришли русские мореходы.

Этот рейс имел любопытные последствия. В Министерство финансов поступило несколько ходатайств о беспошлинном ввозе товаров из-за границы по маршруту «Луизы». Такое право было предоставлено барнаульскому купцу Функу. Ему было разрешено ввезти товаров на сумму 32 000 рублей серебром, в том числе деревянного масла на 4000 руб., сухих фруктов и орехов на 4600 руб., консервов на 3500 руб., рису и саго на 2500 руб., керосину на 2000 руб., красок на 2000 руб., посуды на 1800 руб., олова на 1500 руб., сельдей на 1200 руб., пряностей на 1000 руб, сыру на 1000 руб.

Эти товары были отправлены из Гамбурга на корабле-пароходе «Нептун». Но идти ему пришлось больше под парусами, хотя и имелась паровая машина мощностью 40 л.с.

Эпоха пароходов долгие годы продолжалась и в советское время. Но постепенно они стали замещаться теплоходами. Так, уже в 1928 году известный капитан И. А. Чудинов привел из Гамбурга, построенный там для Советского Союза, теплоход «Анастас Микоян», мощностью 1600 л.с. Теплоход прослужил до 1970 года в Иртышском пароходстве.

«И ВЗЯТО С ТОГО ПОШЛИН…»

Становление единой таможенной службы на Руси стало возможным после преодоления удельной раздробленности и создания централизованного Московского государства. Ее основные черты сформировались к концу XVI – началу XVII века, и основная цель службы состояла в пополнении государевой казны и в определенной степени регулирования потоков товаров как внутри страны, так и на внешнем рынке.

Таможни были почти во всех крупных городах того времени. Во главе ее стоял таможенный голова. Главными его помощниками были целовальники и подьячие. Целовальники занимались непосредственным сбором пошлин, оценкой товаров. Подьячие вели бумажные дела, записывали товар в таможенные книги сначала начерно, а потом переписывали начисто, писали проезжие грамоты, которые заверял своей печатью таможенный голова. К слову, когда в 1648 году томские жители свергли воеводу Осипа Щербатого, тот умудрился спрятать городскую печать, и восставшие пользовались для ведения городских дел печатью таможенного головы, хотя забирать эту печать у него пришлось силой.

Таможенные головы назначались обычно из торговых людей на два-три года, а целовальники избирались на год из городских жителей. Так, в 1671 году в тобольской таможенной избе было 7 целовальников. На пост таможенного головы особенно не рвались, так как это было связано с материальной ответственностью за недоборы и отрывом от собственной торговли. По истечении срока голова менялся, но предварительно он должен был отчитаться, сдать дела. Подчистки, подклейки в таможенных книгах не допускались, не допускались и недоборы и переборы пошлин. При нарушениях производились начеты. Так, в Мангазее приняли дела у таможенного головы Макеева головы Кокорин и Брагин. Но в Тобольске провели повторный более строгий учет, и на Макеева было насчитано 360 руб. Последовало указание: «И то велено доправить на таможенных головах Иване Кокорине и Петре Брагине по 180 руб. за то, что они отпустили Макеева без счету». А отпустили без счету, надо полагать, за взятку, которая вряд ли превышала сумму недостачи.

Прогрессивные люди, такие как Ордин-Нащокин, еще при царе Алексее Михайловиче, сформулировали принцип, который актуален и сейчас: чтобы народ и страна процветали, необходимо вывозить за рубеж товаров (товаров, а не сырья!) больше, нежели ввозить из-за рубежа. Назначенный в пограничный тогда город Псков, Нащокин увидел там в торговле полное безобразие. Торговля с немцами шла практически беспошлинно. Мелкие торговцы, не имея денег, брали их у немцев, скупали по дешевке товары внутри страны и передавали товар немцам, имея за это небольшое вознаграждение. Нащокин попытался прикрепить маломощных торговцев к русским купцам с капиталом, которые выдавали бы ссуду мелким торговцам и держали высокие цены на вывозимые русские товары. Но довести дело до конца ему не удалось.

Основными таможенными центрами на юге была Астрахань, на востоке – Тобольск, на севере – Архангельск. До тех пор пока Петр не прорубил окно в Европу на Балтике, Архангельск оставался единственным портом, связывавшим Россию с Западной Европой. Он давал 75 процентов внешнеторгового оборота. И во второй половине XVII века здесь собирали до 80 тысяч рублей таможенной пошлины в год. За русский рынок боролись купцы Нидерландов, Англии, Швеции. Иностранные купцы, несмотря на запреты властей, вели розничную торговлю внутри страны, разоряя русских торговцев. И только в 1649 году после многочисленных жалоб английским купцам запретили торговлю внутри страны, мотивируя тем, что Кромвель казнил короля.

Продолжая поощрять отечественных торговцев, в стране по Таможенному уставу 1653 года были ликвидированы многие мелкие таможенные пошлины, сохранившиеся еще со времен феодальной раздробленности. Была введена единая рублевая пошлина – по 10 денег с рубля, то есть 5 процентов с покупной цены товаров (рубль=200 деньгам). С иноземцев брали значительно больше, чем с русских купцов.

Так, в Таможенной книге Устюга Великого за 1676 г. читаем: «Сентября в 5 день гость Василий Иванов сын Грудцын явил от прошлого году осталой ржи 2600 мер. Октября в 11 день Васильев племянник Вавила Никитин сын Коробицын пришел от Архангельского города на карбасе, товару явил по городской выписи 12 косяков камок италинских, мерою в них 800 ар.<шин>, да гость Ивана Панкратьева товару явил по городской выписи: 70 половинок сукон анбургских (гамбургских – П.Б.), 11 косяков объярей шелковых, мерою в них 362 ар., 9 половинок сукон галанских, мерою 443 ар. Он же, Вавила, явил городовой покупки 3 косяка объярей шелковых, 30 ар. отласу, 30 ар. камки, 6 половинок сукон летчин, 30 юхтей сафьянов, 2 половинки сукон анбурских. <…>

А на Устюге у них в продаже осталой ржи 820 мер. Цена той проданной ржи 252 р. С того платили пошлин по 10-ти д.<енег> с рубля. Итого 12 р. 20 ал.<тын>».

Кроме того, Вавила «скурил вина 2000 ведер, ценою за ведро 15 ал. Итого 900 р.

И в том винном курении изошло осталой ржи 1500 мер, цена 480 р. С того платили пошлин по 10-ти д. с рубля, итого 24 р.»

Однако в это же время платили в Устюге и по 5 денег с рубля, существовали и амбарная пошлина, проезжая (по 8 денег с саней), за наем на чужое судно носником (лоцманом).

В основу сибирской таможенной системы легла десятая (десятинная) пошлина, взимавшаяся в одинаковом размере во всех сибирских городах. Однако эта пошлина по размерам была в 2-5 раз больше рублевой пошлины европейской части Российского государства. Так правительство стремилось покрыть расходы на содержание служилого населения Сибири.

Однако поначалу, сразу после Ермака, в Сибири разрешалось торговать беспошлинно. Это вызвало такой резкий приток промышленных и торговых

людей, что уже в 1597 году Борис Годунов издал указ о введении десятой пошлины. Правда, при этом от пошлины освобождались стрельцы и казаки, стоимость товара и пушнины которых не превышала 1 рубля. Основным промыслом была «мягкая рухлядь». Особенно ценился сибирский соболь. Из-за низких минусовых температур мех у него был густой и качественный. В Мангазее соболь стоил 2 руб. Но были экземпляры, которые оценивались по 10-20 рублей. Такую ценную пушнину правительство стремилось заполучить в казну, «имать на государя», а промышленным людям выплачивались за этих соболей деньги из таможенной казны. До 30-х годов существовало правило, что если сорок соболей стоят менее 140 рублей, то такую пушнину пропускать, а если больше, например, 141 рубль, то изымать в пользу государя. Вот где было поле для злоупотреблений!

Пользовались спросом черные и черно-бурые лисицы, бобры, горностаи… Не случайно, например, горностай оказался на гербе города Тары. В семнадцатом веке в иные годы через Тару проходило до 300 тысяч шкурок горностая. Шкурка стоила 20-40 копеек. Неудивительно, что при таком истреблении через два века горностая хватало только на мантии царям!

Правительство пыталось как-то регулировать промысел. Так, инородцы до 1610 года должны были поставлять ясака 11 соболей с человека, после 1610 года – по 9 соболей. Но обычно это норма не выполнялась. Аборигенам было выгоднее продать или обменять соболя у промышленных людей. Воеводы часто требовали добывать зверя лично им. Правительство ограничило вывоз пушнины «на Русь» для воевод на сумму не более 500 руб., письменным головам и дьякам – на 300 руб., простым служилым людям – на 50 руб.

Порядок работы таможни бал такой. Предположим, из Сургута торговый человек решил отправиться с товаром в Тобольск. В Сургуте он «являл» товар в таможенной избе. Его оценивали, описывали, заносили в таможенные книги и выдавали проезжую грамоту, с перечисленными в ней товарами. Завышение цены таможенниками было настоящим бичом. И часто не потому, что таможенный голова был плох, а потому, пользуясь современным языком, что он пользовался устаревшими инструкциями, в которых цены не соответствовали реальным.

Приехав в Тобольск, торговый человек объявлял товар, который он хочет продать. Его сравнивали с указанным в грамоте. Те товары, которые не значились, изымали в пользу государства. В Туринске, например, местные целовальники обнаружили у приказчика Тимофея Андреева «сверх проезжие грамоты… в лишке пять осетров свежих». Осетры были отобраны, а за утайку Андреев был обложен «протаможьем в размере 2 руб. 4 алт. 1,5 деньги».

При покупке товара от людей, которые не могли уплатить пошлину, торговый человек вносил пошлину за них. 14 июня 1640 года приказчик гостиной сотни Федор Воропаев заявил, что он покупал по деревням в розницу у всяких людей 9 пудов коровьего масла за 14 руб. 3 алт. 2 деньги, 300 камысов лосиных за 18 руб., 100 камысов кониных за 3 руб., 20 полтей (туш) свиного мяса за

16 руб. и всего этого товару у него на 51 руб. 13 алт. 2 деньги. И с того товару взято с него десятые пошлины за продавцов 5 руб. 4 алт. 4 деньги*.

Десятую пошлину с товара надо было платить до продажи его. Это предполагало наличие свободных денег, которых часто не было, и люди просили об отсрочке уплаты пошлины.

Таможенным головам давались большие полномочия по борьбе с контрабандой. Им вменялось в обязанность обыскивать все имущество вывозимое воеводами, письменными головами и дьяками. Мех искали «в санех и в каптанах, и в сундуках и в чемоданех, и по коробьям, и в платье, и в подушках, и постелех, и в бочках, и в печеных хлебах, и в саньих постельниках, и в полозах… и в пазухах, и в штанах, и в зашитом платье». Найденное изымали. Как изымали и две-три новые шубы из красной лисицы или куницы якобы для проезду.

Со временем условия смягчались. По Новоуставному сибирскому таможенному уставу 1698 года разрешалось покупать товары между городами. Только в конечном пункте его надо было явить в таможенной избе и заплатить десятую пошлину.

До 1693 года, кроме десятой пошлины, в Сибири существовали еще 16 видов пошлин: пошерстная, роговая, померная, поамбарная, полавочная, головщина, весчая, записная, проезжая, отъезжая, посаженная, полозовая, яичная, поворотная, веничная, постоялая. И это до Петра I, большого изобретателя новых налогов! После царского указа 1693 года в Сибири из 17 осталось семь видов пошлин. Этим же указом был изменен принцип десятой пошлины, за пушной промысел рассчитывались не деньгами, а каждым «десятым зверем от девяти». Многие пошлины говорят сами за себя. Поамбарная взималась хранение товаров на гостином дворе, ее размер равнялся 3 алтынам за неделю. Пошерстная – за продажу скота, в Туринске брали по три деньги с головы. Померная – за продажу хлеба. Полозовая собиралась в тех пунктах, где находились оживленные торговые пути, размер ее составлял 8-12 денег.

С экономическим развитием Сибири унифицировалась и облегчалась для торгового человека таможенная система. К концу XVII века тем, кто торговал с Китаем, достаточно было оплатить десятую пошлину в Нерчинске или Верхотурье и в остальных города Сибири он мог торговать беспошлинно.

**Алтын – 3 копейки; аршин – 0,71 метра; деньга – полкопейки; косяк – клин ткани (по Далю); камка – шелковая ткань с разводами; камыс – шкура с ноги лося или лошади; объярь – волнистая и струистая ткань, накатная; юхть (юфть) – мягкая кожа.*

СИБИРЬ-КОРМИЛИЦА

Известное высказывание Ломоносова о том, что могущество России прирастать будет Сибирью, центральная власть, как показывает история, понимала почти во все времена так, что Сибирью должна кормиться большей частью Европейская Россия. Существование термина Европейская Россия вплоть до революции 1917 года говорит о том, что Сибирь рассматривалась как нечто обособленное.

Уже во времена ошеломляющей по темпам народной колонизации Сибири, когда за первую половину XVII века русские пассионарии заняли территорию от Урала до Тихого океана в поисках Беловодья, «Мамур»-реки и Китайского клина, государи посылали своих воевод в сибирские крепости и города именно на «кормление». И воеводы, обалдев от окружающего их богатства, кормились не стесняясь. Вот только один пример. В 1648 году в Томске казаки, крестьяне и посадские жители не вынесли притеснений и злоупотреблений воеводы князя Осипа Щербатого восстали, избили его и посадили в собственном доме, приставив караул из 20 человек. И Щербатый, находясь под арестом, умудрялся отправлять дощаники, груженные мехами и другими ценными товарами, добытыми у ясачных людей и «с калмыцкого торгу», в Европейскую Русь.

С течением времени мало что изменялось, менялись лишь формы «кормления». На смену воеводам и дьякам пришли губернаторы и чиновничья свора – казнокрады и взяточники. Наблюдать их злоупотребления честным людям, начиная от сосланных декабристов до сибирских областников, было невыносимо, и они пытались протестовать. Будущий главный идеолог сибирского областничества Г.Н. Потанин, будучи еще молодым, писал в «Колоколе» Герцена: «В управлении Сибирью господствовали хаос и произвол губернаторов, чиновничье невежество и явная глупость «гениального петербургского руководства». Его дополняет его друг и сподвижник Н.М. Ядринцев: «Если какой-нибудь чиновник за слишком уж вопиющие подвиги увольняется со службы с преданием даже суду, то он преспокойно переходит иногда еще на лучшую должность в соседнюю губернию, где его принимают с распростертыми объятиями».

Сами же областники выступали за экономическую самостоятельность Сибири, требовали отказаться от взгляда на Сибирь как на колонию, а наиболее радикально настроенные выступали за отделение и создание демократической республики. За что и серьезно поплатились. Против них было заведено уголовное дело, которое так и называлось: «Дело об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам». Григорий Николаевич Потанин взял всю вину на себя и был отправлен после гражданской казни на пятилетнюю каторгу в Свеаборгскую крепость, остальные его соратники были отправлены на различные сроки на поселение в северные губернии европейской части России.

В чем состояла правда областников? Н.М. Ядринцев писал: «Сущность производительности Сибири и характер ее обмена – в сбыте собственных сырьевых ресурсов и приобретении всего, до мельчайших потребностей хо-

зяйства, привозного из Европейской России». В 1870-90 годы в Сибирь поступали костромские ситцы, шадринские пряники, нижнетагильские сундуки, чердынские точила, деревянные изделия из Нижнего Новгорода и т. д.

Причем некоторые товары, например, металлы, кожи, лес, воск и другие, Сибирь ввозила, но уже в обработанном виде, уплачивая комиссионный процент и двойной тариф за провоз. По словам Ядринцева, сырье в Сибири покупалось «по самой низкой цене, почти за бесценок, а привозные – втридорога». В итоге сибиряки затрачивали на ввозимые товары сумму в шесть раз большую, чем получали от вывоза. Только на стеарине и покупке изготовляемых из него в Европейской России свечей Сибирь теряла ежегодно 60 тысяч рублей. Еще более не равный, не эквивалентный обмен носила торговля с аборигенами. Сложившуюся ситуацию Ядринцев называл «бесцеремонной наживой на Сибири», «мануфактурной эксплуатацией», от которой страдали все сибиряки.

Областники были против Челябинского тарифного перелома. Вместо обычного тарифа, по которому плата за перевозку груза относительно удешевлялась по мере увеличения расстояния, правительство ввело «ломаный» за провоз хлеба до Челябинска, а далее тариф взимался как за вновь поступивший груз. В итоге стоимость провоза возросла на 9-9,5 коп. с пуда хлеба, что понизило его конкурентоспособность, а царская казна получила с каждых 12 млн пудов хлеба, вывезенного из Сибири, более 1 млн рублей. Всего же в виде прямых податей, арендных и тарифных платежей, не считая косвенных налогов и питейных сборов, государство изымало ежегодно из сельского хозяйства Западной Сибири до 40 млн рублей, закрепляя его экстенсивный характер.

Сделан был подобный «перелом» в интересах помещиков Европейской России, как уже говорилось, чтобы снизить конкурентоспособность.

Стремясь нейтрализовать действие Челябинского тарифа и привлечь иностранные капиталы в Сибирь «областники» выступали за отмену пошлин в устье Оби и Енисея и освоение Северного морского пути.

Что касается сепаратизма, то на следствии Г.Н. Потанин показал, что они рассматривали «сепаратизм не как цель, а как средство, чтоб воспитывать местный патриотизм». После судебного процесса «областники» продолжали настаивать на хозяйственной самостоятельности и территориальном самоуправлении Сибири в составе России.

Все труднее становилась жизнь сибирского крестьянина. Если в XVII веке крестьяне обрабатывали в пользу казны одну десятину из пяти, то в начале XX века расходы на уплату податей составляли 43 % от дохода крестьянского хозяйства.

Взгляд на Сибирь как некую обособленность значительно уменьшился, по нашему мнению, после постройки Транссибирской магистрали, Русско-японской войны и аграрной реформы Столыпина. Железная дорога главной артерией соединила «голову» и «туловище» страны, создала условия для более гармоничного их сожительства. Русско-японская война показала, что любая, пусть и самая отдаленная часть страны – это Россия, и ее надо уметь защищать. Переселение крестьян из Европейской части России в ходе столы-

пинских реформ 1906-1911 годов, укрепляло в народе мнение, что Сибирь это место родное, место, где можно жить лучше и богаче. Не случайно многие поселки и деревни в Омской области основаны именно в эти годы. В 1910 году П.А. Столыпин вместе с министром А.В. Кривошеиным побывал с инспекционной поездкой по Сибири и радовался тому, как крестьяне укореняются и обустраиваются на новых местах, радовался урожаям хлеба в 60 пудов (к слову, по современным меркам весьма невысоким), настроению переселенцев. И кто знает, будь у России двадцать спокойных лет, как желал Столыпин, Россию, действительно, было бы не узнать. Но Столыпина убили, а через шесть лет грянула революция и Гражданская война.

И опять, матушка-Сибирь, выручай! После неурожайного 1920 года Совет Народных Комиссаров выпускает Постановление «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». В Постановлении давалось указание карать уклоняющихся от продразверстки конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции и обеспечить наркомпроду вооруженную силу в 9000 штыков и 300 сабель.

Третью часть хлебофуража из продразверстки на Сибирь должны были сдать крестьяне Омской области. По Сибири заколесили вооруженные продотряды, выгребая зерно, в том числе и семенное. Крестьяне ответили крупнейшим в Сибири восстанием, известным в истории как Ишимское или Западно-Сибирское 1921 г. Оно охватило территорию от Салехарда до Кокчетава. Власти пришлось привлекать значительные силы регулярной армии, бронепоезда и артиллерию, дабы подавить выступление крестьян и казаков, не пожелавших умирать голодной смертью. Это восстание вкупе с Кронштадтским мятежом и Тамбовским восстанием стали причиной отмены политики военного коммунизма и замены продразверстки продналогом.

За годы Советской власти Сибирь во многом преобразилась, но ее роль осталась той же. К 1992 году Сибирь поставляла 2/3 топлива, добываемого в России, почти половину леса и значительную часть редких и цветных металлов, имела значительный удельный вес военно-промышленных предприятий, но отставала значительно по уровню жизни от Европейской России. В Восточной Сибири, например, уровень жизни был на 47 процентов ниже, чем за Уральским хребтом.

Не добавили оптимизма и годы демократических реформ. Большинство предприятий ВПК и высоких технологий ушли в небытие. Сибирь все больше становится сырьевым придатком, но на этот раз даже не Европейской России, а Запада и Китая, куда уходят наши газ, нефть и лес-кругляк.

СИБИРЬ И КОММЕРЦИЯ

«Сибирский Лейпциг»

Совместное дореволюционное предпринимательство было по преимуществу семейно-клановым. И это понятно: с родным человеком работать надежнее, да и весь труд своей жизни кому передавать как не наследнику. Поэтому названия торговых домов (Т/Д) и товариществ в виде Т-во «Имярек с сыновьями и Ко» были самыми распространенными. Но бывало, что объединялись даже и конкуренты.

В силу статуса Омска как города военно-чиновничьего здесь не успели развиться купеческие династии и поэтому, когда после постройки Сибирской железной дороги в 1894 г. город превратился в «сибирский Лейпциг», то он оказался «захваченным» крупнейшими российскими и иностранными фирмами.

Накануне первой мировой войны здесь имелись отделения как минимум 24 российских акционерных обществ и паевых товариществ (без учета банковских и страховых обществ). К 1917 году число их возросло до 33, из них 14 специализировались на мануфактурной торговле: «Морозова Саввы сын и Ко», «Морозов Викула и Ко», «Братья Носовы», «Э. Циндель», «Рябушинский П.М. с сыновьями», «Овсянниковы Братья и А. Ганшин» и др. Ряд московский компаний имел магазины в «Московских торговых рядах». Имелись в Омске и отделения многих крупных фирм по торговле сельхозтехникой («Эльворти», «Работник» и др.) Масло скупали преимущественно иностранные датские и английские компании.

Магазин Т-ва “Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями”

Оптовая торговля приносила огромные доходы. Так, собственные капиталы «Т-во Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко» превышали 110 млн рублей, а в 1913-1914 гг. им было произведено продукции на 100 млн рублей. Насколько велика сумма судите сами: весь бюджет Омска в 1913 г. составлял 835 400 рублей.

При таком положении омским купцам средней руки ничего не оставалось, как быть клиентами этих фирм. Что они и делали. К примеру, омский купец 2-й гильдии Иван Богаткин, торговец мануфактурой и владелец кирпичного завода был клиентом «Московских торговых рядов», в частности фирм «Т-во Никольской мануфактуры Саввы Морозова Сын и Ко», «Эмиль Циндель и Ко». В

1904-1905 гг. он покупал у «Никольской мануфактуры» товара на 3,5 тыс. рублей. Самостоятельно торговала жена Александра Никитична в составе Т-ва «Богаткины». Однако после 1912 г. дела пошли неудачно. Векселя Т-ва «Богаткины» в конторе «Никольской мануфактуры» были признаны сомнительными, и они были исключены из «расчетных книг». В мае 1913 г. «Богаткины» попали в списки должников по Уралу и Сибири.

Кто кнутом, а кто обухом

Капиталы наживались по-разному. Так, областники полагали, что сибирская буржуазия свои капиталы наживала не в следствие развития рыночных отношений, а благодаря монополии и кабале, порожденных произволом администрации и неэквивалентным обменом с Европейской Россией. Николай Ядринцев писал: «Сибирский торговец – агент мануфактуриста… Гуж, кнут и обух составляли едва ли не единственные орудия первой сибирской культуры и происхождения капитала. Нажить деньги гужом – это обогащение извозом при честном труде, исключающем грабежи и разбои. Нажива кнутом – извоз с грабежом. Нажива с обухом – это также извоз, но по большей части уже прямой грабеж».

Примером такого возвышения служит судьба Хрисанфа Кандинского (1774 – 1860-е) из династии забайкальских купцов. В молодости он разбойничал на таежных дорогах, за что угодил на каторгу. Отбыв наказание, поселился в с. Бянкино Нерчинского горно-заводского округа. К 1817 г. сумел пробиться в купцы 2-й гильдии, помогли припрятанные награбленные богатства. Местные жители считали его миллионером. Сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанской специально останавливался в с. Бянкино, чтобы познакомиться. Возможно, не без его подсказки Хрисанф вступил в Нерчинское сотоварищество иркутского отделения Российского Библейского общества. Вместе с братьями занимался скупкой пушнины, ростовщичеством, извозом, поставкой леса на казенные нужды.

К середине 19 века клан Кандинских – братья, сыновья, племянники и внуки, занимающиеся коммерцией, – своими ростовщическими операциями буквально закабалили население Забайкалья. На золотых приисках имели место беспорядки и волнения. О злоупотреблениях их писал даже столичный журнал «Современник» (№2, 1860). В начале 1850-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев объявил все кабальные сделки Кандинских противозаконными. Это, видимо, и привело к тому, что в 1858 г. Хрисанф объявил себя несостоятельным должником, и в 1860-е годы Кандинские выходят из сферы большого бизнеса.

Для достижения цели не гнушались связями и подкупами. Иван Дмитриевич Асташев (1796 – 1859) дворянин, один из крупнейших золотопромышленников. До 1833 года служил в Военном министерстве. С началом «золотой лихорадки» в Восточной Сибири устроился в 1833 году приказчиком к известному золотопромышленнику Ф.И. Попову. Так хорошо повел дело, что Попов

выделил ему 40 тыс. рублей на расходы по поискам золота. Используя столичные связи, Иван Дмитриевич выхлопотал себе в Мариинской тайге участок бассейна Кондустуюлы, где уже екатеринбургский купец Я.М. Рязанов нашел золото. Рязанов подал в суд, который тянулся с 1837 по 1842 гг. Поняв, что ему не одолеть Асташева, у которого все судьи «в знакомцах», Рязанов предложил создать компанию по добыче золота на паях. Что и было сделано. Кроме этого, Асташев владел еще и Великониколаевским прииском Бирюсинской системы, арендовав его у великого князя Николая Николаевича. Ежегодно на этом прииске намывали от 52 до 117 пудов золота. Не случайно, Асташев скоро стал миллионером. За успехи в золотодобыче он был награжден Кабинетом Его императорского величества бриллиантовым перстнем «в пример другим золотопромышленникам Сибири за общеполезную деятельность в новой сфере». В 1841-1842 гг. на Великониколаевском прииске дважды были волнения рабочих, подавляемые с помощью казаков. Асташев экономил на питании рабочих.

Дети «золотой лихорадки»

Многие купеческие фамилии «поднялись» благодаря золотодобыче.

Сын Асташева Вениамин Иванович (1837 – 1889) продолжил дело отца и в 1872 году учредил акционерный «Сибирский банк». В 1874 году совместно с А.К. Фохтом, Г.Е. Гинзбургом, А.Ф. Переяславцевым и графом П.И. Шуваловым купил казенное Березовское месторождение золота около Екатеринбурга. В 1875 году имел в «Березовском золотопромышленном товариществе» 105 паев из 400. В 1879 году основал Алтайскую золотопромышленную компанию «В.И. Асташев и Ко» с основным капиталом 450 тыс. рублей, где ему принадлежало 300 паев из 1000. В 1887 году генерал-лейтенант Вениамин Асташев был держателем большинства паев (210 из 400) в «Миасском золотопромышленном деле». Сын Вениамина в 1898 году с женой урожденной княжной О.А. Оболенской создал товарищество «Драга», преобразованное в 1901 году в общество с капиталом 500 тыс. рублей.

В 1857 году иркутский купец 2-й гильдии Иван Иванович Базанов получил право на разработку золотых приисков в Восточной Сибири.. Вместе с купцом 1-й гильдии М.А. Сибиряковым они купили пароход с баржами и организовали компанию, действовавшую на реках Лена и Витим. 15 октября 1864 года они приняли в свою компанию купцов 1-й гильдии Я.А. Немчинова из Тары и И.Н. Трапезникова из Иркутска. Хотя компания называлась «Ленско-Витимское пароходство Ко Сибирякова и Базанова» компаньоны имели равное долевое участие. 27 февраля 1865 года с теми же компаньонами Иван Базанов основал «Прибрежно-Витимскую золотопромышленную Ко», преобразованную в 1888 году в «Компанию промышленности» и владевшую 177 золотоносными участками. В компании не брезговали и широко привлекали труд каторжан, за что известный областник Г.Н. Потанин назвал Базанова «рабовладельцем». К концу жизни состояние Ивана Базанова оценивалось в 15 млн рублей. Таким же богатством, а то и более, располагали и его компаньоны.

Яков Немчинов оставил сыну Андрею наследство около 17 миллионов. А все его состояние оценивалось в 48 млн рублей, он считался самым богатым человеком в Сибири.

Иркутский купец Александр Федорович Второв торговал мануфактурой, готовым платьем, обувью, галантерей и т.п. С развитием золотопромышленности вошел в «Забайкальское золотопромышленное т-во Останиной, Белоголового и Второва». Ему принадлежало 10 паев из 30. На 8 приисках было добыто 1884-1896 гг. свыше 92 пудов золота. Кроме того, он скупал пушнину, сельхозпродукты, занимался кредитованием. Валовая прибыль от торговли в 1887-1888 гг. превышала 1 млн 600 тыс. рублей. В феврале 1900 г. был утвержден устав Т-ва «А.Ф. Второв с сыновьями» с основным капиталом 3 млн рублей.

В 1906 г. Т-во купило мануфактурое дело своего главного конкурента в Сибири Т-ва «Н.Д. Стахеева» и открыло несколько новых отделений в Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Камне-на-Оби. В Томске А.Ф. Второв построил гостиницу «Европа» с 60 номерами, оборудованными по последнему слову техники, с электричеством, ванными и душем. В предвоенные годы Т-во стало пайщиком ряда текстильных фабрик в Москве и Подмосковье и ядром образованного в 1914 г. «Т-ва внутренней и вывозной торговли» – монополии синдикатного типа в тексильной промышленности. Торговые обороты Т-ва достигли 30 млн рублей, прибыль в 1915 г. – 2 млн рублей.

«Пароход белый-беленький…»

Реки в Сибири всегда были одним из основных путей сообщения. А со второй половины 19 века пароходы становятся главными конкурентами гужевого транспорта. Одним из основателей сибирского пароходства был Альфонс Фомич Поклевский-Козелл, один из крупнейших предпринимателей Сибири. В 1845 году в Тюмени спущен на воду выписанный из Швеции пароход мощностью 60 л.с. Поклевский-Козелл входил в компанию «Опыт» и объединение «Комиссионерство сибирского пароходства». Но затем отошел от пароходного дела и стал главным откупщиком в Тобольской губернии и крупнейшим винокуренным заводчиком региона. Три его винокуренных завода производили 800 тыс. ведер. В 1868 г. он строит новый водочный завод в Омске и пивоваренный в Падуне (1882 г.). Кроме этого, на его деньги построено красивое каменное двухэтажное здание для мещанского девичьего училища и приюта «Надежда».

Только в Западной Сибири держал 28 оптовых складов вина и спирта. Покровительствовал ссыльным полякам, участникам восстания 1868 г., говорят, даже на его Падунском заводе хранилось оружие, предназначенное для восстания.

В 1898 году в Тюмени же было образовано Западно-Сибирское т-во пароходства и торговли (ТОВАРПАР) путем слияния крупных пароходных компаний региона: «Курбатов и Игнатов», «А. Трапезников и Ко», «В.С. Колмогорова наследники», бийских купцов Морозовых. В 1912 г. в Т-во вошли пароходства «И.Н. Корнилова наследники» и «Русско-китайское акционерное общество». Товарпар имел пристани во всех крупных городах по Оби и Иртышу. В 1916

году основной капитал составил 4,1 млн рублей, делившийся на 8228 паев (акций) по 500 рублей. Пароходство имело 48 пароходов и 100 барж. В 1917 году Т-во приобрело за 1,6 млн рублей крупное пароходство барнаульских предпринимателей Мельниковых (10 пароходов).

В 1914 году во всей Сибири было 316 пароходов и теплоходов и 771 буксирное судно. На Енисее первая пароходная компания возникла в 1860 г., а в 1910 г. было создано «АО пароходства по р. Енисею».

В Бассейне р. Лены действовали «Ленско-Витимское пароходства Сибирякова и Базанова», а также «Почтово-пассажирское пароходство» Глотова. В 1913 году по Лене плавали 31 пароход и 21 баржа.

И было масло прибыльнее злата

Основателем промышленного сибирского маслоделия с полным основанием можно считать Александра Николаевича Балакшина (1844-1921) курганского купца 2-й гильдии. В молодости он увлекался революционными идеями, за что был исключен из Казанского университета и сослан под надзор полиции в Ялуторовск. После окончания ссылки переехал в Курганский уезд Тобольской губ., где с друзьями основал в д. Логовушке паточный завод («Компания Балакшина и Ванюкова»). В январе 1902 года подал в министерство земледелия докладную записку с просьбой выделить деньги на развитие в Сибири маслодельных кооперативов.

Деньги были выделены, и он назначен руководителем организации по устройству кооперативных маслоделен.

В 1902-1907 гг. было создано 273 маслодельные артели, выпускавшие прекрасное масло, пользующееся огромным спросом в Европе. Когда субсидии правительственные кончились, Балакшин предложил объединить все артели в Курганский союз маслоделов, преобразованный позднее в Сибирский союз маслоделов. В него входило 2015 артелей с 3 млн голов скота. Экспорт сибирского масла к 1917 году достиг 2,4 млн пудов в год. Благодаря этому государство получало золота больше, чем от всех приисков России вместе взятых.

Однако реализация масла за границу шла через иностранные фирмы, что наносило ущерб артелям. Стремясь избавиться от этого, Александр Балакшин в 1913 году организовал Союз сибирских кооперативных товариществ «Юнион», основными членами которого стали Союз сибирских маслодельных артелей и английская фирма «Лонсдейлъ». Союз развернул большую работу в других странах, но окончательно вывести торговлю маслом из под контроля иностранных фирм так и не удалось. В 1921 году Александр Балакшин скончался в Лондоне, где и был похоронен.

От чая да вина прибыль видна

Кяхтинский купец 1-й гильдии Иван Александрович Басов в 1875 году вместе со свои зятем М.А. Коковиным и купцом А. Молчановым основал Т-во «Т-Д Молчанов, Коковин и Ко» с оборотным капиталом 614 тыс. руб. и за-

пасным 31 тыс. После смерти Молчанова в 1885 году был создан Торговый Дом «Коковин и Басов», занимавшийся торговлей чаем, японскими колониальными товарами. В 1906 году оборот предприятия только по торговле чаем составил 4 млн рублей. Кроме этого в 1880 – 1890-е годы Басов и Коковин участвовали в качестве пайщиков в чаеторговых фирмах «Приамурское т-во», «Цзинь-Лун», «И.К. Шустов и Ко». Активно участвовали в пушной торговле на севере Якутии, на Чукотке и в Монголии, владели приисками в Забайкалье, салотопенным, кожевенным, пимокатным и солеваренным заводами. Общий оборот фирмы составлял несколько миллионов рублей, на всех предприятиях работало более 1500 рабочих.

Павел Андреевич Пономарев (1844 – 1883), иркутский купец 1-й гильдии, разбогател на чайной торговле. В 1867 г. вступил в компанию Н.Л. Родионова и И.С. Хаминова, владевшими чайными плантациями в Китае. В 1871 г. переехал в китайский город Хань-коу, где занимался покупкой и обработкой различных сортов чая. В 1876 г. скупил у компаньонов все паи и сам возглавил предприятие «П.А. Пономарев и Ко». Фирме принадлежали три фабрики по производству плиточного и кирпичного чая. Магазины фирмы были во всех крупных городах Восточной Сибири. Фирма установила контакты с Японией и Турцией, с некоторыми странами Европы.

Лучшие и редкие сорта он отправлял императрице Марии Александровне, и получил «за усердие» золотой перстень, украшенный бриллиантами.

Советник Алтайского правления Константин Павлович Платонов (ум. 1898 г.) в 1868 году в компании с купцом Гадьиным строит в 35 верстах от Бийска Иткульский винокуренный завод. Из Иткульского спирта изготовлялась водка «Платоновская», наливки, ликеры до 30 тыс. ведер в 1890-е гг. На всероссийской Нижегородской выставке 1896 г. «некторин из китайских яблочек» барнаульского завода получил бронзовую медаль. В 1880-1890-е гг. владел Иткульским заводом совместно с Е.И. Судовской, женой крупного чиновника. Компания «К.П. Платонов и Е.И. Судовская» была крупнейшей на Алтае по торговле спиртными напитками. В 1880-е гг. имела по всему Алтаю 10 оптовых складов и 46 питейных заведений. Константин Платонов стал одним из инициаторов «стачки» (т.е. сговора – П.Б.) винокуренных заводчиков, когда они сумели повысить цену за ведро водки с 6 до 8-9 рублей. Совместно с женой чиновника Айдаровой он строит рядом с Иткульским заводом стекольный завод, где делает не только бутылки, но и посуду и даже хрусталь.

Сибирь его возвеличила

История сибирского купечества хранит много любопытных историй и судеб. Вот одна из них.

Основатель династии Домбровских Яков Савельевич (1794 – 1885) или Раби Яков сын Саула Домбровер, родился в Юрбурге Ковенской губ. Рано женился, в 1819 году бежал из семьи за границу, где служил старшим помощником у лондонского раввина, изучал английский язык, Библию, Талмуд и ев-

ропейские обычаи. В 1831 году родители жены разыскали его и вернули на родину. Но, видимо, он не захотел жить с женой, и ее родственники написали на него донос, в котором намекнули на его участие в польском восстании 1831 года и добавили к его фамилии окончание «ский». Якова арестовали и сослали в Сибирь, в Иркутскую губ. В Нижнеудинске он познакомился с зажиточным евреем Осипом Мелеховичем, который выдал за него свою дочь и взял в свое торговое дело. Он занимался доставкой хлеба и спирта в Иркутск, оброс связями в административных кругах. В 1861 г. в компании с Яковом Лейбовичем и купцами Немчиновым, Сибиряковым, Базановым и Трапезниковым построил два винокуренных завода в Иркутском и Нижнеудинском округах.

Кроме торговли вином, занимался торговлей мануфактурой, хлебными операциями и золотодобычей. В 1870 году скупил все земли, находящиеся в 16 верстах от Московского тракта и в 28 верстах от Иркутска. С сыновьями Михаилом, Ильей и Гдамием построил стеколоделательный завод, крупчатомельничное заведение. Отличался широкой благотворительностью.

В написанной самим себе эпитафии он обозначил основные этапы жизни: «Жмудия его родила, Англия просветила, Сибирь его возвеличила, Земля Иркутская его прикрывает».

«ПОЖАЛУЙ НАС, МИЛОСЕРДНЫЙ ГОСУДАРЬ!..»

12 апреля 1648 года, в Томске площадь перед съезжей избой бурлила от служилого казацкого люда. Казаки и дети боярские ждали, когда к избе приведут из тюрьмы Григория Подреза-Плещеева, который, уже всем известно было, должен объявить «государево слово» на первого воеводу князя Осипа Щербатого… Так начиналось Томское восстание, оказавшееся в истории России в одном ряду с восстаниями этого же времени в Москве («соляной бунт»), Великом Устюге и Пскове.

Источники

О Томском восстании 1648 года было известно давно. О нем писали дореволюционные историки Н. Оглоблин и А. Зерцалов, советские историки З. Бояршинова, В. Флеров, Е. Чистякова и А. Уманский. Но все они, описывая восстание, делали акцент лишь на какой-либо одной его стороне: либо на противоречиях среди правящей верхушки города, либо на классовом характере восстания, либо на взаимоотношениях с соседями – телеутами и джунгарами («черными калмыками»)… И лишь в 1989 году вышла книга новосибирского

историка Николая Николаевича Покровского «Томск 1648-49 гг. Воеводская власть и земские миры». В этом капитальном труде, переизданном в 2005 году без исправлений, подробнейшим образом анализируются причины восстания, его ход, подоплека главных событий. Историк ввел в оборот новые документы из столбцов Сибирского Приказа (ф. 214 РГАДА), систематизировал огромный материал и выявил хронологию событий.

Автору этих строк довелось посмотреть некоторые первоисточники в РГАДА по Томскому восстанию, и можно с уверенностью сказать, что подобная работа была под силу лишь высокопрофессиональному историку: настолько документы разбросаны по разным столбцам, трудно читаемы и отрывочны…

Но обратимся к главным событиям.

Извет «вора Григория Подреза»

Жизнь Григория Подреза-Плещеева стоит особого внимания. В Томск он был сослан в 1644 году по грамоте царя Михаила Федоровича, было приказано «смотреть накрепко… чтоб он никаким воровством не воровал», а если нарушит это указание, то посадить его в тюрьму. Довелось ему служить в Литве (позднее он не раз говорил, что Литва одолеет Россию), был патриаршим стольником, но затем сослан за волшебство в Сибирь.

По прибытии в Томск сразу открыл притон с «блудными женками», вином, брагой и табаком. В 1645 году его отправили дальше на восток в Кузнецк, где он открыл подпольную винокурню, а когда для ликвидации ее воевода Афанасий Зубов послал вооруженный отряд, Григорий долго отстреливался, прежде чем сдаться. Затем дважды объявлял на воеводу «государево дело», но затем признавался в ложных изветах. Жители Кузнецка в челобитной слезно просили избавить их от Подреза. По царской грамоте он был возвращен в 1647 в Томск, где был бит батогами.

Но не унялся, а открыл притоны в Томске и слободе Верхней. В кости и карты «заигрывал» государевых людей, заводил на них кабальные записи и делал их холопами. В слободе Верхней он еще в 1644 году совратил замужнюю государственную крестьянку Устинью Тельнову, а после возвращения из Кузнецка уговорил ее отравить мужа Семена, что она и сделала, подсыпав сулему в уху.

Он активно пытался вмешиваться в следствие по делу Устиньи Тельновой. Во время следствия пришел указ о поверстании его в чин сына боярского с окладом 20 рублей. Видимо, здесь не обошлось без покровительства его дяди Л. Плещеева, который молодым царем Алексеем Михайловичем был назначен судьей Земского приказа 15 августа 1647 года и за короткий срок так насолил москвичам, что был растерзан ими на Красной площади 3 июня 1648 года.

Григорий так донял томичей, что они тоже написали две челобитных с просьбой убрать его из города и подали их первому воеводе Осипу Щербатому. В челобитной от 9 апреля они писали, что Подрез *«завел у себя пиво и брагу и колмыцкой шар, именуетца табак, и продавал, и держал у себя блудных женок, да и со стороны многие воровские женки прибегали, и зернь беспрестанную держал. И у тово своево воровства и у зерни многих твоих государевых*

гулящих людей и ссыльных мошенников, а иных, которыя по твоему государеву указу и в пашню сосланы, во двор заигрывал. И к нему было, Григорью, многие ссыльные же мошенники и которыя томския твои государевы уроженцы для воровских женок и блуда приставали. А нас, холопей твоих, как который будет у нево Григорья в приставех для дозору, к себе на двор не пускивал. И с теми своими заигранными дворовыми людьми по улицам на конех днем и ночью ездил и многих, братью, холопей твоих, бил плетьми и ослопьем и коньми таптывал и сабаками травливал и саблею рубал…»

Щербатый приказал арестовать Григория. Узнав об этом, тот прискакал к съезжей избе и едва не зарезал воеводу ножом. Кое-как скрутили, пока вели до тюрьмы, нашли еще два ножа. В тюрьме он и передал в воеводскую канцелярию, что знает «государево слово» на Щербатого. Весть эта взбудоражила весь город, и на то были свои причины.

Прошел слух, что Щербатый хочет уморить Подреза в тюрьме, чтобы скрыть извет. А претензий у томичей к первому воеводе накопилось за три года предостаточно. Толпа требовала привести Подреза. Этого же потребовал и второй воевода Илья Бунаков. Щербатый долго противился, отговариваясь тем, что может быть сеча. Но когда его заверили, что крови не будет, велел привести Григория.

«И перед съезжею избою он, Григорий Плещеев, сказал за собою государево великое царьственное дело воеводе Илье Микитичю да дьяку Борису Патрикееву и всему томскому воинскому и всех чинов людем и инородным служилым людем на воеводу Осипа Ивановича Щербатого да на советников его».

Челобитчики

Правда, в чем суть извета Подрез не сказал, а заявил, что объявит его следователю, которого назначит царь. Щербатого тут же всем миром отстранили от власти, избили всех его сторонников и посадили по указу Бунакова, которого избрали первым воеводой, в тюрьму. Возможно, это и спасло их от смерти. Арестовано был 19 человек из служилой верхушки. В течение нескольких дней дворы их были разграблены.

Возможно, события, связанные с Григорием Подрезом, и не имели бы таких последствий, если бы не одно обстоятельство. Князь Щербатый решил одним ударом убить двух зайцев. Он задумал использовать нелюбовь жителей Томска к Григорию Подрезу против своих противников из казачьей верхушки, которые противились его злоупотреблению властью. И в челобитную жителей на Подреза он вписал несколько имен, таких как сын боярский Федор Пущин, то есть фактически сделав их сообщниками Подреза. Однако пока собирались подписи под челобитной, часто с угрозами и побоями, Пущин с товарищами узнали об этом и не исключено, что сговорились с Подрезом. Об этом по крайней мере говорил на следствии Щербатый.

Отстраненный воевода не думал сдаваться. В ночь на 13 апреля он со своими людьми совершил налет на съезжую избу, забрал городскую печать и спрятал ее у себя во дворе. После этого налета бунтовщики перенесли съез-

жую избу в дом казака Девята Хромого, а «излюбленному воровскому воеводе» Бунакову пришлось пользоваться таможенной городской печатью. Правда, таможенный голова Митрофанов отдал ее лишь когда его как следует избили. К дому же Щербатого приставили усиленный караул из 20 казаков и запретили кому-либо с арестованным воеводой общаться. Нарушавших это правило жестоко избивали. Но, несмотря на это, Щербатый умудрялся посылать отписки и челобитные и в Москву и в другие сибирские города, постоянно почеркивая, что в городе бунт и измена.

Впрочем, и казаки обвиняли Щербатого в том, что своим воровством и незаконными действиями он наносит вред государству. Томичи составили шесть челобитных от всех слоев населения – служилого, ясачного, жилецких и оброчных людей и пашенных крестьян. В этих челобитных, отправленных 17-19 мая 1648 г. с делегацией Пущина (с ним было 40 человек) перечисляются подробно все злоупотребления Осипа. Томичи прибыли в Москву 20 августа и в горячей обстановке угасающего Московского восстания были приняты и обласканы царем и даже успели поучаствовать в разграблении боярских дворов.

«Я здесь не Москва ли?»

Одним из главных было обвинение Щербатого в незаконной конкуренции торгам и промыслам служилых, в стремлении монополизировать торговлю с калмыками. Князь покупал у калмыков коней, быков, коров, овец, разного рода пушнину, даже мех снежных барсов («иргизей»), китайские ткани… Для провоза товара использовал государевых людей, в основном ясачных, то есть провозил бесплатно. *«А которые мы, холопи твои, – жаловались томичи в челобитной, – почнем ему, князь Осипу, говорить, что де не против государеву указу делаешь* (т.е. не по указу – П.Б.)*, сам торгуешь, а нас, холопей государевых, збиваешь с торгов, и он, князь Осип, за то многих нас, холопей твоих, служивых людей, бил батогами и кнутьем».*

Томский кремль на Воскресенской горе

В своем дворе князь организовал дубленье кож, несколько раз отправлял в Тобольск по 200-300 лосин, не уплачивая обязательной таможенной пошлины.

Заменял хороших коней у служилых на плохих, а хороших отправлял сыну в Европейскую Россию. Сбивал с промыслов: *«привез с собою многие копканы и сабаки зверовые, и в Томском городе у многих служивых людей и у всяких чинов промыслы копканные отъ-имал и всякие промыслы он, князь Осип, перевел на себя».*

Наглость воеводы была беспредельна. Сын боярский С. Гречанин с тремя служилыми обменяли у телеутов на пушнину русского товару на 50 рублей. Когда вернулись, князь отобрал у них эту пушнину, «угрожаючи всякими муками и бедами». Используя государственную власть, он не отпускал на промыслы. За право промысла брал по 2-3 рубля. А когда приходили с промысла, отбирал по три соболя. Кто соболей не добыл, велел покупать. У кого не было денег, «велел садить в тюрьму и бить батоги и кнутом нещадно, а после, государь, побои по три соболя к себе велел же приносить».

За взятку в 106 рублей освободил 50 томских служилых от обременительной ямской службы. Чтобы суммы не казались маленькими, следует сказать, что шкурка соболя стоила в то время в Томске 50 коп.

Отнимал у служилых законную по тем временам добычу – пленных, ясырь, перекрещивал и отправлял «к Русе».

Верстал на службу гулящих людей, а государево жалованье за два-три года забирал себе.

После получения указа о строительстве деревянного кремля, он вместо старинной традиции строить силами служилых людей, нанял за 2500 рублей плотников со стороны, получив от них взятку в 300 рублей. Как видим, традиция «откатов» у нас давняя!

Он вдвое увеличил крестьянам казенную десятину для крестьян с 1800 до 3600 квадратных сажен. Это было явное самовольство воеводы, но когда крестьяне стали жаловаться, приказчик Старков прямо сказал, если не дадите Осипу Ивановичу трехсот рублей, то вам от него еще не то будет! Кроме того, крестьян заставляли пахать казенную десятину за беглых, престарелых, малолетних и умерших крестьян. Когда же мужики пришли к нему с челобитной по своим нуждам, он порвал ее. Мужики стали просить разрешение бить челом в Москву. На что Щербатый надменно ответил: «Я здесь не Москва ли?».

В страдную пору в 1644 году он заставлял крестьян строить себе дом, из-за чего они не успели убрать хлеб. Через год, опять в страду, призвал строить мельницу. Крестьяне откупились взяткой в 60 рублей и разбрелись по своим делам. Через неделю он призвал их снова. Но многие уехали на сенокосы и пашни. Воевода нанял работников, а расход разложил на тех, кого не было, вдвое, затем взыскал деньги и разницу положил себе в карман.

С аборигенами, остяками и татарами, воевода тоже не церемонился. Собирал с них ясак за мертвых, старых, слепых и хромых. Когда они привозили соболей сдавать в казну, лучшую пушнину менял на свою плохую и заставлял плохие меха сдавать. Отягощал их и трудными перевозками: *«…и заставляет де он, князь Осип, их в подводах ходить сильно, звериное мясо и кожи из лесов волочить ден пяти и по шти и больши, и они де от ево, князя Осипова, насильства и изгони обнищали и задолжали великими долги, вконец погибли, наги и босы, голодны и холодны».*

Остяку Тренке он обещал 100 рублей за необыкновенной красоты черную лисицу, которую остяк купил «за 8 лошадей добрых», но дал только 4 рубля и лошадь, а потом арестовал Тренку и отобрал эти деньги и лошадь.

Нахапал таким образом воевода немало. Находясь под арестом, он умудрял-

ся отправлять в Европейскую Россию груженые своим товаром дощаники.

Во время следствия после восстания Илья Бунаков справедливо говорил, что приехал Осип в Сибирь на одном дощанике, а уехал на девяти. И это всего за три года воеводства.

Вместо послесловия

15 февраля 1649 года в Томск пришли царские грамоты с указом, чтобы правили оба воеводы дружно Щербатый и Бунаков с дьяком Михаилом Ключаревым, который занял место умершего дьяка Патрикеева. Но казаки объявили грамоты ложными и посылали в Москву две делегации с челобитными, веря в справедливого и доброго царя. Но членов третьей делегации в Москве ждала уже тюрьма. В одной из челобитных они подчеркивали, что служат от Ермака, и измены с их стороны никогда не было, готовы и дальше служить и просили: *«Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси! Пожалуй нас… и не вели, государь, ево, князь Осиповым и Михайловым ложным составным отпискам поверить и нас… без остатку разорить и кровь неповинную пролить и твою государеву дальнюю украйну до конца запустошить».*

Более полутора лет правил избранный народом воевода Бунаков. Но, в конце концов, обоих воевод заменили, наиболее активных участников наказали батогами и сослали в восточные города. Григорий Подрез был сослан сначала в Кузнецкий острог, где опять «замутил», оттуда был сослан в Енисейский острог. «И в Енисейском ево мужик от жены зарезал».

«ГДЕ БЫ ГОСУДАРЮ БЫЛО ВПРЕДЬ ПРИБЫЛЬНЕЕ…»

Памяти омского историка
Константина Канаки

Тара – один из первых русских городов в Сибири. Он был основан в 1594 году, всего лишь через двенадцать лет после взятия столицы Сибирского ханства Кашлыка Ермаком. В течение всего XVII века он был самой южной крепостью в Западной Сибири. Тара стала не только главным военным форпостом, защищавшим как русских, так и татар от набегов орд калмыков, телеутов и киргизцев, но и одним из главных центров экономики и торговли.

Город-крепость

В царском наказе князю Андрею Елецкому говорилось: «Идти город ставить вверх по Иртышу на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести и Кучума царя потеснить и соль завести… Город сделать, высмотря место ниже ли того, выше ли того, где пригоже, чтоб город сделать и укрепить». Заболоченное устье реки Тары не приглянулось, и город решили поставить на речке Аркарке. Крепость была заложена быстро, ибо в наказе 1594 года предписывалось: «…а лес на город велеть ронять легкой, чтобы вскоре город зделать», а после того «воеводе князю Ондрею с товарыщи отпустить казанских и свияжских и башкирцев назад к себе, чтобы им поспеть до заморозков и с голоду б им не помереть».

К 1624 году острог был опоясан высоким тыном, 500 саженей в окружности, и имел шесть башен и 263 двора. Застройка была очень плотной, что приводило к частым пожарам, хотя летом и запрещалось топить дома и бани. Наиболее разорительными были пожары 1629, 1658, 1669, 1709 и 1711 гг. Самый сильный из них пожар 1669 года, тогда сгорело 630 дворов. Но город вновь отстраивался.

Вплоть до середины XVII в. существовала непосредственная угроза захвата города кочевниками. Наиболее известная попытка уничтожить Тару была в 1634 году, когда «приходили под Тарской город колмацкие люди Куйши-тайши, дети Онбо да Кончу с Кучюмовыми внучаты, з государственными изменники, с юртовскими и с волостными татары…» Однако захватить город не удалось. «Посылали против тех колмацких людей на выласку тоболских и тарских служилых людей, литву, конных и пеших казаков, и стрельцов и с теми с колмацкими людьми был бой с утра до вечера и от городу и от острогу их отбили». Через месяц джунгарские калмыки повторили набег, но опять безрезультатно.

Основным служилым населением и защитниками были казаки. Лишь в XVIII веке появились регулярные войска. В разное время в Таре квартировали отдельные роты Ширванского и Сибирского драгунского полков. Первые три армейских полка сформировал в Сибири подполковник И.Д. Бухолц перед экспедицией за золотым песком в Джунгарию.

В дальнейшем споры между Джунгарией и Россией решались в основном дипломатическим путем. Джунгарское же ханство вело войны практически со всеми соседями, и в 1756 году было уничтожено китайцами.

После основания с 1716 по 1721 год Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей значение Тары как воен-

Рисунок Тары 1734 г.

ного форпоста постепенно теряется, и через два столетия после основания в «Описании Тобольского наместничества» читаем: «В городе Таре ныне ни одного монастыря и монахов, а также городового укрепления, воспитательных домов, больниц и фабрик не имеется», а имеются: «…Городническое правление, нижние расправа и земский суд, особо уездное казначейство 1, городовой магистрат 1, духовное правление 1, торговой гостиный двор деревянной 1, в нем купеческих лавок 68, в мясном ряду особо маркитентерских лавок 33, бойниц 3, кузниц 21, старого построения деревянных магазейнов соляных 2, провиантских 14, винных подвалов 2, питейных домов 7, при двух приходских церквах богаделен 2, тюремный острог 1, в нем колодничьих казарм 2, торговая баня 1, пороховой погреб ветхой 1, обывательских всех вообще домов 749». В городе было 4 каменных церкви и 1 деревянная.

О городе Таре из Сибирского летописного свода

Сибирский летописный свод создавался как продолжение Есиповской летописи и известен в литературе под названиями «Книга записная», «Записки к сибирской истории служащие» и «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири». Есиповская летопись составлена в 1636 году дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым и содержит сведения о походе Ермака в Сибирь. Написана она на основании Синодика Ермаковым казакам, неизвест-

ной краткой ранней летописи и по рассказам очевидцев, участников ермакова похода («ино ж от достоверных муж испытах, иже очима своима видеша и быша в та лето»). Заканчивается летопись смертью Кучума «в Нагаях».

Сибирский летописный свод, сохранившийся в нескольких редакциях, служил официальной летописью Тобольска и пополнялся сведениями вплоть до 1730 года. Особенностью свода является расположение материала по годам воеводских правлений в Тобольске. Есть в нем сведения о воеводах и в других городах Сибири, в том числе и в Таре. Мы приводим здесь описание событий, связанных в той или иной мере с Тарой и тарскими воеводами.

…Тарской первой город ставил воевода князь Андрей Елецкой во 102 году (т.е. в 7102 или 1594 году, далее в скобках будут указаны годы в современном летоисчислении – ред.) служилыми людьми сибирских городов: и казанцы, и пермичи, и вятчаны, которые с ним присланы были для городового поставления; и воеводствовал он на Таре первым воеводою. В тех же годех (1601, 1602) тобольскаго розряду в городех воеводы.

На Таре князь Иван Володимировичь Масалской-Кольцов, товарищи с ним головы писмяные Григорей Григорьевичь Желябовский да Алексей Петровичь Поленов. Они за Кучумом царем и в поход ходили в поле. Алексей Поленов ходил по соль к Ямышу озеру и, не ведая обычая калмытских людей, а за гордость у сибирцев не спрошался, и многих татар побил, а соли не взяв, со стыдом воротился.

…И во 109 году (1601) повелением царя Бориса Федоровича в Сибире из Тарскова города ходили воевода и головы в поле за царем Кучюмом. И сошли ево на станех стояща, и внезапу на него нападоша, и улус его разбиша весь, и в полон взяша на том бою 8 цариц да 3 царевича, и ясырю взяша много живьем. Сам же Кучюм царь утече не с великими людьми. А цариц и царевичей Кучюмовых отослаша к Москве с посланники. Царь же Борис посланников пожаловал своим великим жалованием, а в Сибирь к воеводам и головам послал с золотыми, а ратным людем с золочеными копейками. Цариц же и царевичей повелел на Москве беречь и учини им кормы довольны, и поставил их на добрых дворех, чтоб им никакой нужды не было и во всем изобилны были. Царицы же и царевичи на Москве живучи, перецынжали и перемерли все некрещены, не восхотеша креститися. Поход был с Тары на Кучюма царя при воеводе Иване Масальском.

…И во 135 году (1627) во все сибирские городы перемена воеводы.

На Таре князь Юрий Ивановичь Шаховской да Михайло Федоров сын Кайсаров. При сих воеводах, при князе Юрье с товарищем, на Таре татары подгородные, Кочашко с товарищи, изменили государю и отъехали, и, подозвав калмыцких людей, воевали под Тарою и под Тюменью. А изменили де от их воеводского насилия. И за то они, князь Юрье с товарищи, были в Тобольску в опале от государя, четыре года жили, и в 141 году (1633) пришел с Москвы в Тобольск государев указ: велено им с татары во всем против татарского челобитья росплатиться и отпустить их к Москве.

…Во 148 году (1640) июля в 26 день был поход на киргиз из Тобольскаго города, из Тюмени, с Тары, из Томскова, из Краснова Яру. А из Тобольска пошел на ту службу с тобольскими и с тюменскими ратными людьми, с детьми боярскими, и служилыми, с литвою, и с конными и с татары головством литовска списку ротмистр Иван Андреев сын Рукин-Черкасов на Тару. А в поход из Тобольска пошли на тое службу через Тару в Томской город во 148 году июля в 25 день. А из Томскова в походы ходили на киргиз по два года во 148-м и 149 годех.

А с Тары по государеву указу велено идти на ту службу в Томской, а из Томскова на киргиз тарскому меньшому воеводе Якову Остафьеву сыну Тухачевскому. И рать вся и ратное дело ему указано ведать. И он, Яков, ходил на Томскова по два года в два похода и Ачинский острог в киргизской земле поставил. И в службу у него учинилось нестроение и служилыми людьми смута, и ему служилые люди отказали. И бил челом государю. И государь указал идти на тое службу томскому меньшому воеводе Ивану Семенову сыну Кобыльскому со всеми ратными людми. И он, Иван, ходил в поход и тое службу дослужил, киргиз погромил и под царскую высокую руку покорил, и аманатов и ясак взял, и послов к государю с киргизские князцы к Москве с повинною послал. А служба миновалась в 151 году в начале.

…Во 195-м году (1687) сентября в 19 день прислал из Ямышева от солеников на Тару с вестию Сендяшев сын и Онряша Асламов в 20-м числе. И казенной государев дощаник пришел с покупочною казною, Иван Шишкин и Сендяш и сказывают, что соль села добрая и взят груз полной, и торг был самой большей. И тем дощаником с Тары в том же числе и отвалили. А караван на Тару пришел того ж месяца в 23-м числе, а с Тары отвалил в 25-м числе, в субботу, в вечере, жил на Таре двои сутки. А с Тары в Тобольск пришли октября в …(дата в рукописи пропущена – ред.) день. Поп с ними был соборной Афанасей.

…В 706 году (1706) прислана с Москвы в Тоболеск великого государя грамота – горностаями и белками всяких чинов людей не торговать, а у кого объявятца горностаи и белки, и у того брать в казну великого государя, а ис казны выдавать денги, по чему покупаетца. А хто утаит, и брать на государя бесповоротно, а ему учинить наказание. И бухарцев ис степи в городы русские с Тары не пропущать и не принимать, а торговать бухарцом на Таре.

…722 году (1722) апреля 2 день в Тоболску в соборной церкви публично объявлено в народ и присяга чинена с подписанием рук за определенного вновь наследственного государя. И в протчие сибирские городы посланы указы, чтоб всех людей всяких чинов к присяге приводити с подписанием рук. Токмо на Таре расколническим учением и тарского бывшаго полковника возмущением многие к присяге не пошли. И ради разговоров и управления послан на Тару полковник Питербургского полку ис Тоболска Иван Титович Батасов с ним солдат 300 человек и болши. И из них в том деле многих привезли в Тоболск и

истязаны были крепкими допросы. А иные вместо галерной работы осуждены в железах и деревянных смыках дрова таскать и всякую городовую поделку делати, и землю копати, и пушки таскать.

Того же году ноября в 12 день послан ис Тоболска в Ышимския слободы и на Тару вице-губернатор Александр Козьмич Петров-Соловова з гренодерами и солдаты и в Ышимских слободах в расколнической пустине поимали лжеучителя черного попа Сергия, который прежде жил в архиерейском доме, а с ним расколников. И по его Сергиеву оговору явилось в Тоболску раскольников немало число.

Город торговый

Гостиный двор и таможня были уже в Таре в начале XVII века.. Буквально сразу после основания, с 1595 года, началась торговля с бухарскими и ногайскими купцами. Царское правительство давало наказы воеводам содействовать этой торговле, освободило поначалу бухарцев от уплаты таможенных пошлин, а позднее обложило их двадцатой пошлиной, в то время как с русских людей брали десятую пошлину, т.е. десятую часть от стоимости товара. Благодаря тому, что Тара располагалась на торговом пути, в город не только приходили большие бухарские караваны, но и многие бухарцы селились в Таре. Так, в 1672 году в Таре было 53 бухарских двора.

Торговля же с калмыками производилась за стенами острога, с лодок, дощаников, возов на посаде. В период правления контайши Галдан-Церена между Россией и Джунгарией на основании договоров 1733 и 1742 годов «О коммерции и торге» велась беспошлинная торговля. Тарские купцы имели свои филиалы в Урге и Яркенде. Из Бухары шел основной поток китайских товаров. Пошлину брали не только деньгами, но и товарами. Затем тот пошлинный товар продавали русским и брали с них десятую деньгу. Чем торговали тогда, дает представление Таможенная книга Тары за 1674 – 1675 гг.

Вот что предлагали русские. «Июня в 22 ден приехал ис Тоболску на Тару устюжанин торговый человек Гришка Родионов Кабанов, а у него привозу ево русского товару четыре ста аршин сукна сермяжного – цена шездесят четыре рублев; тысяча аршин холста хрящу – цена сорок рублев; четыре пуда меду – цена двенадцат рублев; тритцат три вареги – цена три рубли; тритцат топоров средних – цена десят рублев с полтиною; два пуда укладу (железо высокоуглеродистое – П.Б.) – цена шесть рублев; четыре замка двоеполинных малых – цена рубль; половинка сукна аноурского в остатках середняя – цена двенатцат рублев…» Кроме того, русские везли на продажу зеркала, писчую бумагу, юфть красную, сапоги, косы-горбуши и конечно, мягкую рухлядь, то бишь меха. О том, какой товар привозили бухарцы, дает представление эта цитата: «У тарских бухарцев <…> всего их китайского товару сто камок китайских малые руки, три тысячи сорок концов китаек, дватцат полукушачей бумажных, двесте чашек китайских мурамленных, девят пуд травы чаю…» Таким образом, из Китая через Бухарию в Россию попадали разного рода ткани, преимущественно шелковые, фарфор, украшения и чай.

В 1657 году тарский сын боярский Иван Перфильев привез китайскому Богдыхану в подарок от московского царя «40 соболей, 13 лисиц чернобурых, да сукон добрых 4 портищ, да шуб горностальных (т.е. горностаевых – П.Б.) и зеркол на 200 рублев». В ответ царю Алексею Михайловичу было прислано «25 камок розными цветы, серебра пуд 20 фунтов 45 золотников, 3 бобра, 3 барса, 3 борхата, 3 нерпы, пуд травы чаю…»

Из-за Тарского бунта 1722 года город лишился самой активной и значимой части населения, что стало первым шагом к потере своего значения. А после основания крепостей на Иртыше, туда переводили из Тары одну казачью команду за другой. Город превратился в заштатный уездный, хотя и был знаменит такими купеческими фамилиями, как Немчинов, Айтыкин, Пятков, Щербаков, Ярков, Шанские и др.

В 1867 году в Таре было 3 кожевенных, 2 салотопенных, 6 свечных заводов, 1 винокуренный завод и «стеколоделательная» фабрика. И после того, как железная дорога прошла южнее, через Омск, упадок экономического значения Тары был предопределен.

Соль Тарская

Два столетия Тара снабжала солью пол-Сибири, а также соседние Екатеринбургскую, Челябинскую, Казанскую губернии и даже некоторые волости Пермской губернии, хотя там и была своя Соль Камская (Соликамск). Это стало возможным благодаря тому, что Тара оказалась ближе других городов к соленым озерам, на которых добывали самосадную соль. Особенно славилось Ямышевское озеро, где за лето соли оседало несколько вершков, и была эта соль «чиста, аки лед-ясенец». Перевозили ее на телегах и на дощаниках в огромных количествах. В упоминавшейся Таможенной книге читаем: «Отпущены с Тары в Тоболск тарские служилые люди Пронка Шабалин, Ивашко Поморец да тоболкой посацкий человек Ондрюшко Ярофеев. А с ними отпущено промыслу их привозу от Ямыш-озера по смете таможенных целовальников тысяча пуд соли, а по тарской таможенной оценке тое у них соли на сорок рублев. И с тое соли великих государей десятая пошлина у них, у Ивашка с товарищи, взята на Таре тою же солю сто пуд». Несложный подсчет показывает, что пуд соли стоил четыре копейки.

К концу второго десятилетия XIX века ведущим поставщиком соли был тарский купец 2-й гильдии Евтифей Филимонов. Он имел флот в 47 судов, причем не дощаников и лодок, а барок грузоподъемностью от 20 до 30 тысяч пудов с мощным парусным вооружением. Это позволило ему удерживать повышение цены на соль другими поставщиками в течение семи лет.

В 1822 году перевозка соли перешла в казенное распоряжение. Филимонова вынудили продать флот казенному ведомству. Постепенно без хозяина флот стал приходить в упадок. А вскоре в Ямышевское озеро пробились пресные ключи, соль перестала садиться, и Тара утратила статус солепромышленного центра.

Герб Тары

Ежегодно со 2 марта по 20 мая в Таре проводилась ярмарка, куда съезжались российские купцы и «весновали», скупая пушнину. В основном соболя и горностая. Не случайно, соболь был вырезан на казенной печати Тарской воеводской канцелярии, а горностай оказался на гербе города Тары.

Герб появился 17 марта 1785 года, когда «ея императорским величеством высочайше конфирмован городу Таре герб: «в зеленом поле серебреной горностай в знак изобильности и особливой добротности горностаев в Тарской округе».

Изобилие было таким, что в иные годы в Таре продавалось до 300 тысяч шкурок горностая. Он скупался по 20-40 копеек. Не удивительно, что вскоре его практически полностью выбили, хотя в 1706 году и вышел указ, запрещавший частный промысел горностая.

Тарская Дозорная книга 1701 года

Московский дворянин Иван Родионович Качанов в конце 17 – начале 18 века провел перепись населения города Тары и окрестных деревень. Он учитывал лишь мужские души и наличное хозяйство. Это своего рода писцовая книга известна среди историков как Дозорная книга 1701 года и хранится в фондах Сибирского Приказа Российского архива древних актов (РГАДА, ф.214, оп.1, д. 1182). Причина переписи сугубо экономическая, и указана в начале документа:

«А в 7206 (1698) году 4 января по указу Великого Государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великой, и Малой, и Белой России самодержца, велено дворянину Ивану Родионовичу Качанову в Сибири Тобольского уезда, на Таре и в уездах Великого Государя волости, и слободы, и села, и деревни, и митрополитские, монастырские и церковные, и у детей боярских, и у служилых людей, и у пашенных и оброчных крестьян, и у бобылей, и у захребетников, и у татар, и у всяких чинов людей описать земли.

И в тех волостях и слободах, и в селах, и в деревнях, и в митрополичьих, и в монастырских, и у детей боярских, и служилых людей, и у крестьян переписать всяких чинов людей – и пришлых, и русских, и поморских городов, имена с отцами и с прозвищами. И с какого города за кем жили. И как давно в Сибирь приехали и сколько у них детей, и братьев, и племянников, и внучат, и пасынков. И в котором году и по какому указу поселились и на каких землях. И сколько пашут крестьяне Великого Государя десятинной пашни, и платят денежного и хлебного, и с мельниц, и с кузниц, и с рыбных ловель, и со всяких угодий оброков, а ясачные татары в казну Великого Государя – ясаку. А переписав, велено, смотря по пожиткам, и по семьям, и по пахоте прибавить на крестьян Великого Государя десятинной пашни и денежного, и хлебного оброков: …и на бобылей, и захребетников, и на пришлых из русских и из приморских городов людей десятинную пашню и хлебный, и денежный оброк и за мельницы, и кузницы, и за рыбные и птичьи ловли, и за всякие угодья вновь положить и прибавить…»

Вот что написано, например, о будущем руководителе Тарского бунта 1722 года казачьем полковнике Иване Гавриловиче Немчинове (в 1701 году, судя по денежному окладу, он был сотником):

«Литовской сотни Ивашко Гаврилов сын Немчинов сказал, родом де он Тарского казака сын, скота у него пять лошадей з жеребяты, десять скотин рогатых, а оклад ему, Ивашке, Великого Государя жалованье, денег тринадцать рублев, хлеба восемь четвертей с четвериком, овса тож. А пашни у него паханой з братом в общих межах четыре десятины в поле и в дву потому ж, да непаханой залежной и лесом поросшей земли и пустоши двадцать пять десятин владеет исстари по писцовым книгам Льва Поскочина, а с пашни платит выдельной хлеб шестой сноп. Сенных у него покосов в казачьем лугу на пятьдесят копен. И по Указу Великого Государя служить ему, Ивашке, за пахоту его за хлебный полный оклад с пашни».

Переписывалось не только русское население, но и татары, которые по социальному признаку подразделялись на служилых, ясачных и захребетных, «казанцы», калмыки и бухарцы. Как отметил историк С.Н. Корусенко из 425 листов книги 74 листа занимает описание татарских поселений, т.е. немного менее 20%. Он же приводит описание деревни ясачных татар: *«Деревня Шиштамацкий юрт над рекою Иртышом. Живут Коурдацкой волости ясачные татары.*

Буйдак Тылмаметев, скота у него – лошадь.

Яманак Кучугаев, скота у него – лошадь да корова.

Илчиметко Сарманов, скота у него – лошадь.

Игычачко Сарманов.

Кармышак Тылметев, скота у него – лошадь.

Пашни у них паханые у деревни у всех вместе – десять десятин в поле, а в двух постольку же. Да под пашню земли и пустоши на пятьдесят десятин.

Сенных покосов за рекой Шиш против деревни на пятьсот копен. В межах земля и сенные покосы с верхней стороны – речка Тепкаш-тамак, а с нижней стороны – по Красный яр. У них же рыбная ловля – речка Шиш, устьем пала в Иртыш реку. Да озеро Тепкашское вместе с Верхней Аевской деревней с ясачными татарами. Владеют исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина».

На последних листах Дозорной книги (лл. 423-425) подводится итог переписи: «И всего по переписи явилось на Таре и Тарском уезду, в селах и деревнях, и в слободах шестнадцать человек ружников, у них детей и братию семнадцать человек, один человек ротмистр, один человек голова татарский, сорок восемь человек детей боярских, у них детей и братьев, и племянников восемьдесят пять человек, два человека приказной избы подьячих, у них детей пять человек, один человек сотник, два человека атаманов конных казаков, да триста десять человек пятидесятников и литовского списку, и черкасской сотни, и конных казаков, у них детей и братьев, и племянников, и внучат, и пасынков пять сот двадцать три человека, один человек сотник стрелецкий, один человек атаман пеших казаков да двести девятнадцать человек пятидесятни-

ков и стрелецких, и пеших казаков, у них детей и братьев, и племянников, и внучат, и пасынков три ста тридцати два человека, десять человек пушкарей, у них детей и братьев двадцать три человека, два человека толмача, у них детей пять человек, один человек таможенной подьячий, у него сын, двести тринадцать человек неверстаных детей боярских и отставных служилых людей, и казачьих и стрелецких детей и братьев, и племянников дву ста восемьдесят человек, а всего четыре ста девяносто три человека. А с вышеписанными казаками и стрелецкими детьми и братьями и с племянниками, которые писаны под казаками и под стрелецкими тысяча три ста сорок восемь человек».

Далее сообщается, какое количество денег нужно на оклады вышеперечисленным категориям населения. Иван Качанов, к сожалению, не разделил, сколько человек проживает в Таре, сколько в деревнях и слободах. Но судя по должностям, 1348 человек это жители именно Тары. Если приплюсовать сюда женское население, то можно с уверенностью, сказать, что население города Тары тогда было около 2 500 человек.

Далее переписчик сообщает, что беломестных казаков с детьми было 311 человек, пашенных крестьян и бобылей с детьми 403 человека, служилых и захребетных татар с детьми 217 человек. Беломестные казаки служили с пашни и не облагались податью.

Если суммировать все эти данные, то получается 2297 душ мужского пола. С учетом, что женщин было несколько меньше, можно с уверенностью говорить, что население Тарского уезда с городом составляло в 1701 году около 4 500 человек. Немного. Но и площадь была невелика, самым южным русским поселением тогда была Шипицына слобода.

К ПРИСЯГЕ НЕ ПОШЛИ…

В знаменитой «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева Тарскому бунту 1722 года уделено всего несколько строк. И не потому, что историк недооценил событие. Причина в том, что основное дело из Преображенского приказа не сохранилось, и материалы следствия по Тарскому бунту были неизвестны. И лишь в семидесятые годы XX века новосибирский историк Николай Николаевич Покровский обнаружил в ЦГАДА копийное дело о тарских событиях. В основном по его публикациям собирал автор этих строк материалы в архивах для романа о Тарском бунте «Отпор». Тарский бунт оригинален, прежде всего, своей идеологией и преобладанием среди его участников эсхатологических настроений. Остановимся коротко на причинах бунта и основных его этапах.

Устав

5 февраля 1722 года Петр Первый, оставшийся к этому времени без наследников (царевич Алексей был приговорен Верховным Судом к смертной казни за измену и по слухам задушен в тюремной камере графом Толстым и капитаном Румянцевым, а сыновья от второй жены Екатерины умерли во младенчестве), издает «Устав «О наследии престола». Суть его сводилась к следующему: «… заблагоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому Оной хочет, тому и определяет наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить…» То есть имя наследника не называлось и нарушалась традиция престолонаследия, существовавшая до этого: передача престола сыну, обычно старшему, либо избрание царя Земским собором. Именно этот указ стал причиной череды дворцовых переворотов в России XVIII века, пока не был отменен Павлом I.

К этому указу прикладывалась «Форма клятвенного обещания», которая использовалась во время принятия присяги: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием в том, что по объявленному Его Пресветлейшего и Державнейшего Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Нашего Всемилостивейшего Государя о наследстве Уставу сего настоящего 1722 года февраля пятого дня, по которому ежели Его Величество по всей своей высокой воли и По Нем Правительствующим Государем Российского престола, кого похотят учинить наследником, то в Их Величества воли да будет… А ежели к сему являюсь противен, или инако противное что помянутому Уставу толковать стану, то за изменника почтен и смертной казни и церковной клятве подлежать буду. И во утверждение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего и подписуюсь».

В апреле данному указу присягнули жители столицы Сибирской губернии Тобольска. А вот в Таре вышла заминка. Несмотря на грозное предупреждение о смертной казни, жители города Тары этот указ именно «инако» толковать стали. Дело в том, что в самой Таре и в скитах вокруг нее было большое количество старообрядцев, которые после реформ патриарха Никона ожидали конца света, первым признаком наступления которого будет воцарение антихриста на три с половиной года, на столько, сколько проповедовал Христос. В указе Петра Первого они и узрели признак пришествия безымянного антихриста. В сборнике святоотеческих текстов Книге Кирилла Иерусалимского в знамении десятом прямо так и говорилось, что «…ни от царей, ни от царского рода воздержит царство, но прелестию восхитит власть…» И написано, что случится это именно в 7230 году от сотворения мира, то есть в 1722 году от Рождества Христова! О приходе антихриста говорилось и в Книге Правой Веры и в библейском пророчестве Даниила…

20 мая в заговенье Петрова поста сержант И. Островский привез из Тобольска указ в Тару и 21 мая объявил о нем коменданту Глебовскому. Но еще за несколько дней до прибытия сержанта Островского жители Тары знали о содержании указа и на шумных «сеймах», собраниях, в основном во дворе казачьего полковника Ивана Гавриловича Немчинова, обсуждали указ и решали присягать или нет. Для верности до объявления указа сняли копию с него, дав по пять рублей подьячему Андреянову и сержанту Островскому. Так и есть − имя наследника не названо! А значит, правы казаки Василий Исецкий и Петр Байгачев, толкующие по книге Кирилла Иерусалимского, что грядет безымянный Антихрист, не от царя, не от царского колена, восхитит царскую и святительскую власть. И про царя Петра они же говорили, что «он неблагочестие держит, бороды бреет, он де сам Антихрист». Присягать же Антихристу − лишиться жизни вечной!

Отпорное письмо

22 мая жителям объявлено о присяге. Казаки просили у коменданта Глебовского отсрочки и получили ее до 27 мая. А все эти дни шумели на «сеймах», посылали гонца за советом к отцу Сергию, видному расколоучителю, проживавшему в скиту у реки Ишим. Он был духовным отцом многих казаков. В конце концов, казаки и посадские решили не присягать безымянному наследнику и написали «противное» («отпорное») письмо, в котором объясняли причину отказа.

27 мая, в день приведения к присяге, подали это письмо коменданту Глебовскому на паперти Соборной церкви при большом стечении народа. Комендант велел прочитать письмо вслух подьячему Григорию Андреянову, что тот и сделал. Позднее, на допросе Глебовский говорил, что «велел прочесть вслух, для того что он не ведал, что в оном письме написано». Затем он вернул письмо полковнику Немчинову и велел подписаться тем, кто отказывается от присяги.

30 мая в Тарскую канцелярию к Глебовскому пришли полковник Немчинов, дворянин Василий Чередов, сотник Борис Седельников, пятидесятник Иван Жаденов и еще несколько человек и вручили ему письмо, которое подписали 228 человек. Вот, что было написано в том письме: «У присяги Клятвенное обещание определенном в наследники и о уставе означено, а какова роду и какова чину, и кто именем и каков устав будет, и о том имянно не означено. И мы за такова неведома наследника клятвою не клянемся, слова и креста не целуем, и рук не прикладываем. А ежели буде от царского рода наследник будет, и устав святыя соборныя апостольския церкви и седми вселенских соборов и помесных и евангельския проповеди апостольским учением, и мы за такова наследника и за устав святыя восточныя соборныя апостольския церкви евангельскую проповедь и апостольское учение со всеусердием и радением с подписанием рук своих Святое Евангелие и крест целовать будем. Тарского города городовые и всех разных чинов жители с домами своими и с детьми».

Доносы

Но уже за день до подачи этого письма Глебовскому в Тобольск был послан донос судьи Лариона Верещагина в надворный суд князьям Козловскому и Водбольскому, в котором он, в частности, писал: «…у тарских жителей в граде и в уезде дума худая; маие месяце 27 день градские и уездные люди к присяге не пошли, а из них неболшие люди к присяге пошли, а возмутил ими тарского ж города полковник Иван Гаврилов с неболшими людьми. Да к нему ж в думу и сейму недобрую приехали с пустыни. И я тарского города полковника и градских жителей весьма уговаривал, и они ж меня не слушали и посланному императорского величества указы сержанту отказали в том, что к присяге не идут, а слова их непотребные и писать невозможно. К милости вашей и впредь я от них добрава не чаю, а опасение о зборе казне императорского величества имею немалое, и о том надворного суда господа судьи князь Семен Михайлович, князь Михаил Иванович с товарыщи что укажете…»

Получив донос 5 июня, власти действовали быстро. Арестовали несколько человек тарчан, бывших в Тобольске по делам, и допросили их. Одного, Алексея Маладовского, с пристрастием. В допросах участвовали губернатор Алексей Черкасский и вице-губернатор Петрово-Солововo. В результате допросов узнали о зачинщиках и квалифицировали действия тарчан как измену.

И уже 6 июня из Тобольска был отправлен карательный отряд под командованием полковника И.Т. Батасова. На подавление бунта было брошено более 600 человек. Сохранилась подробная роспись (табель) личного состава, вооружения и имущества Санкт-Петербургского и Московского полков (тех, что были сформированы в 1715 году основателем Омской крепости И.Д. Бухолцем), командированных в Тару. Из этой табели следует, что под командованием 6 штаб-офицеров (полковника, двух капитанов, поручика и двух прапорщиков) было 413 унтер-офицеров, капралов, гренадеров и солдат. Кроме того, под командованием капитана Рублевского было еще 200 служилых татар. В одном из пунктов инструкции, данной Батасову, говорилось: «А ежели они

в прибытие твоему покажут противность и запрутся в город, и взять себя не дадут, то поступать тебе с ними военным порядком, только, по возможности, людей от излишней утраты и город от большого разорения сохранять». В отряде было четыре пушки и четыре мортиры, которые полковник Батасов 2 июля отправил обратно в Тобольск за ненадобностью.

А в Таре события тоже не стояли на месте. Последовала череда доносов. В дело вступили тарские фискалы Серебров и Шильников. Серебров подал своему начальнику Семену Шильникову, вернувшемуся 31 мая из поездки в Омскую крепость, донос на неверстаного сына боярского Алексея Шарапова, в том, что Шарапов называл Петра I «непрямым царем», антихристом. Шильников пишет в связи с этим донос коменданту Глебовскому.

Два доноса подали в Тарскую канцелярию Глебовскому на неверстаного сына боярского Петра Грабинского за то, что он выскреб себя из отпорного письма и внес подпись в присяжные книги. Волей-неволей комендант Глебовский вынужден был начать аресты, допросы и написать официальное ведение о случившемся в Тобольск. Столь запоздалая реакция на события будет впоследствии дорого ему стоить, он также не избежит ареста. Среди первых арестантов был и Василий Исецкий, один из главных идеологов отпора. А Петр Байгачев сумел бежать в скит к отцу Сергию.

Под пыткой Василий Исецкий подтвердил слухи, ходившие по Таре, что этому неправедному миру осталось стоять три с половиной года, основывался он при этом на ветхозаветных пророчествах Даниила, которые были протолкованы в Книге Кирилла Иерусалимского, и следующим образом объяснил причины своего отказа от присяги:

«И он, Исецкий, читал книги – Кирилла Иерусалимского о последнем времени десятое знамение и толковал он, Исецкий, что не надлежит итить к присяге для того, что в этой книге написано тако:

«Знамение десятое. Не от царей, ни от царского рода воздержит царство, но прелестию восхитит власть…Да в первом же десят знамении написано. Будет же антихристова царства токмо полчетверта лета. Не пророчествую же, но от пророка Даниила глаголю, тако пишет: Дастся в руку его два времене и времени и пол времене. Время есть год один – возрастет пришествие его, а два времени другие – лета злобы его, и тако суть три лета, а пол времени есть шесть месяц…И те слова читаючи, толковал, он, Исецкий, что последнее время пришло – за безымянного велят крест целовать, ныне де не объявлено, а после де явитца антихрист».

Ожидание безымянного антихриста не мешало считать антихристом и самого Петра I. Об этом говорили в своих показаниях многие тарчане, вот, например, как свидетельствовал казак Егор Глатков: «Говорил Василей Исецкой и Петр Байгачев, что де присягать за безымянного наследника не надлежит, грех, и безымянной де именуется антихрист, и толко де жить пол четверта года, да ныне де сидит антихрист – то он говорил про его императорское величество».

Расправа

13 июня в город внезапно вошли 100 солдат под командой капитана Ступина, а 16 июня основные силы под началом полковника Батасова. Вооруженного сопротивления им не было. Казаки заперлись в трех дворах: полковника Немчинова, казака Ивана Падуши и казачьего сына Ивана Казачихина − «всего мужеска и женска полу сто семнадцать человек» − и угрожали сжечься. Был составлен «Реэстр города Тары жителей, которые противность учинили его императорского величества указам, не пошли к присяге и ныне заперлись в трех дворах и хотят сжечься». Так, с Немчиновым заперлись дети боярские Яков Заливин, Федор Кропотов, Михайло Степанов, Иван Терехов, сотник пеших казаков Борис Седельников, сотник казачьих детей Яков Петрашевский, пятидесятники Иван Жаденов, Никифор Перфильев, Гаврило Быков, знаменщик Александр Усков, пушкарь Иван Третьяков, десятники Петр Замызгин, Петр Бражников, Андрей Третьяков, подьяческий сын Андрей Колпин, конные, пешие и отставные казаки, а также казачьи дети, причем последних было большинство.

Расчлененное тело полковника Немчинова. Миниатюра из старообрядческой рукописи XIX в., обнаруженная Н.Н. Покровским

Полковник Батасов запросил Тобольск, как поступать с засевшими. 25 июня присланы инструкция и указ, что делать с бунтовщиками, в случае отказа выходить. Власти поначалу рекомендовали прибегнуть к хитрости и советовали полковнику Батасову: «тебе ж послать к полковнику Немчинову велеть обнадеживать, что их велено привести в Тобольск для разговора, и что губернатор не хочет с ними никакого зла учинить, а только желает с ними разговаривать и учинить по их желанию. А ежели они тем словам не поверят, и им показать фальшивую инструкцию, которая ныне послана к тебе». Далее рекомендовалось проведать, доподлинно есть ли у них порох и если есть, «приготовить бочек 50, налить воды с вечера и чтоб стояли на лошадях в таком месте, чтоб с тех дворов было не видно. И ту воду приготовить зело тихо и тайно, чтобы оне не видали и как то будет готово, то в полночь велеть солдатам штурмовать, и ежели зажгут, то велеть отнимать и заливать, чтобы оных заводчиков живых взять. <…> Смотря, чтоб солдатам утраты большой не было».

В результате переговоров из дома полковника Немчинова вышли 49 человек, а 19 человек 30 июня взорвали себя, но не погибли: «И от того его зажжения, – писал в Тобольск полковник Батасов 5 июля, – тутошним жителям и другим чинам вреда не учинилось никакого, его полковника и оставшихся

товарищей его никого не убило, токмо жестоко обгорели и четырнадцать человек от того лежат при смерти, а пять человек, которые нежестоко обгорели, взяты под арест. И полковник Немчинов жив был часов семь, а в чем надлежало был допрашиван. А что в допросе сказал, с того его допросу посылается копия, и после допросу умре, и я велел его схоронить за городом у часовни». Однако уже мертвое тело его было четвертовано и растыкано по кольям и копьям. Кто это сделал − неизвестно.

В упомянутой копии допроса умирающего полковника Немчинова были ответы на четыре вопроса. В первом вопросе Батасова интересовала в первую очередь причина отказа от присяги и роль коменданта Глебовского: призывал ли он к присяге, знал ли о содержании «ответного» письма, когда велел прочитать его. Полковник Немчинов показал в пользу коменданта, но это не уберегло того от неприятностей, ибо уже в упоминавшемся указе от 25 июня Батасову было велено заковать коменданта Глебовского в железо и отправить с прочими арестантами в Тобольск «за то, что он безпорядочно неразсудительно указ публиковал». Следует отметить, что даже перед лицом смерти Немчинов своими словами старался не навредить «отпорщикам».

Комендант Глебовский был допрошен с пристрастием в Тобольске и надолго оказался в опале. В тарских событиях он занял противоречивую, двойственную позицию. В свое время даже посылал в подарок отцу Сергию 10 пудов соли и два постава камки… Лояльность Глебовского к отпорщикам на первоначальном этапе бунта подтверждается показаниями жены полковника Немчинова Катерины, которой на виске дано было 11 ударов кнутом: «Полковника Немчинова жена Катерина на виске и с розыску говорила, что муж ее у коменданта Глебовского бывал и говорил, что де Глебовский тесноты им чинить не хочет, муж ее говорил, как де будут штурмовать, и оне де будут жетца…»

После взрыва дома Немчинова Иван Казачихин тоже вышел, а вот Иван Падуша сидел в своем доме с одиннадцатью казаками почти три месяца, до 16 октября, грозя взорвать себя. В середине июля полковник Батасов послал к Падуше капитана Ступина с присланной из губернской канцелярии с копией фальшивого указа, в котором говорилось, что ничего плохого бунтовщикам сделано не будет. Падуша не поверил и сказал, что этот указ не имеет отношения к их письму и если не будет указа его императорского величества по их ответному письму, то они готовы умереть. Батасов делал все, чтобы Падуша не последовал примеру полковника Немчинова. В отписке в Тобольск 23 июля полковник Батасов сообщал, что «кругом двора Ивана Падуши строение обломано и с неделю хлеба и питья воды им не дается. И всего ж июля в разных числах вышло от оного Падуши мужеска полу два человека да мальчик, женска полу три жонки да две девки и сказывают, что есть в пище оскудение великое, а запасу муки ржаной пуда с три да рыбы сухой с пуд…» Вышедшие сообщили Батасову также, что видели у него два бочонка ведра по три с порохом, сам же Падуша утверждал, что у него десять таких бочонков и что «он не выйдет пока

и будет ждать, что учинено будет над другими». Вышла из дома и жена Падуши с годовалым сыном, она показала, что у Падуши три бочонка с порохом. Позднее выяснилось, что в трех бочонках у него был не порох, а песок.

С приходом отряда Батасова постоянно шли аресты и допросы. Подписавшиеся под письмом казаки стояли на своем: если имя будет указано, то к присяге пойдем, если нет, − не пойдем. Вот характерное показание, данное «в застенке с розыску», рядового конного казака Степана Неустроева, который сидел в доме Немчинова, но потом вышел: «Хотя-де ему вина будет и прощена, а имя о наследнике неупомянуто будет, и он-де к присяге не пойдет. По толкованию Исецкого и Байгачева. И старец Сергий был на Таре после той противности у Ивана Шевелясова в доме, а посылал по него полковник Немчинов Михайла Енбакова. А писмо писал к нему Василий Исецкой, а про то сказывал ему он, Исецкой. А в том писме писано, чтоб он, Сергий, побывал к ним на Тару. И он, Сергий был в то время. У Шевелясова был он, Неустроев, и Федор Терехов да Семен Сумин, тут же был старец Федор Поморский и советовал он, что-де к присяге итит не надлежит, последние-де времена, и в нынешнее время будет антихрист…»

Но не все были столь идейно убежденными. Так, пешие казаки Семен Тараторин, Федор Белобородов, Илья Багачанов, Андрей Скуратов, Иван Зборщиков показали, что «у присяги не были за то, что начальные люди не пошли, и оне, смотря на них, не пошли же». Иные отговаривались тем, что были в отлучке на отъезжей пашне, за дровами или за солью. К середине июля было приведено к присяге 1608 человек, то есть основная часть взрослого мужского населения города.

27 июля полковник Батасов отправляет в Тобольск первую партию арестантов − 74 человека, сообщив, что 153 отправить не на чем. Среди арестантов дворяне Чередовы: Василий, Иван, Яков, дети боярские, сотники, пятидесятники, казаки, а также и сам комендант Глебовский. На последнего Аника Переплетчиков подал донос, что он чинил «понаровку» изменникам. Среди арестованных была и жена полковника Немчинова Катерина.

23 августа отправлено в Тобольск еще 114 человек. Но следствие не прекращается, а, напротив, по указанию из столицы ужесточается. По указу Сената создана специальная Тарская канцелярия розыскных дел во главе с вице-губернатором А. К. Петрово-Соловово. 9 ноября его отряд внезапным налетом захватил скит отца Сергия, где собралось около 170 человек, приготовившихся сжечься. Захвачено много книг и рукописных и печатных. 3 июня Петр I, «будучи в Ыностранной коллегии», лично рассматривал реестр книг, конфискованных в ходе розыска, и приказал Синоду сжечь их, оставив только две книги.

Собственно, захватом скита отца Сергия и завершается копийное следственное дело. Остальные события в какой-то мере реконструируются по другим документам. К таким документам относится, например, любопытное «подлинное дело солдата Микулина с товарыщи».

Судейские кадры

Случилось это уже в марте 1723 года. Рьяный земский судья Ларион Верещагин подал донос на полковника Батасова, обвиняя его в поноровке и хлебничании бунтовщикам в канцелярию розыскных дел. А еще через несколько дней подал донос и солдат Исаак Микулин, утверждая, что слышал, как Ларион Верещагин называл полковника Батасова изменником. «Понеже оная важность касаетца по второму пункту», полковник Батасов, Ларион Верещагин, солдат Микулин, сержант Данила Львов, подьячий Сабуров и писарь Паклин были закованы в железа и отправлены в Москву в Преображенский приказ. В ходе следствия выяснилась невиновность Батасова, а за Ларионом Верещагиным открылось два убийства. Тем не менее притворившись умирающим, Ларион Верещагин сумел бежать из-под стражи 12 августа 1723 года. В полицмейстерскую контору были сообщены его приметы, но беглеца не нашли. Вот такие судейские кадры встречались в петровское время. Стоит добавить, что именно с помощью Верещагина был схвачен один из руководителей Тарского бунта Петр Байгачев. Судья великодушно позволил ему зарезать себя за взятку! После побега Верещагина в Тару был послан указ описать его имущество, продать с торгов, а деньги прислать в Преображенский приказ, велено было заключить под стражу жену и детей. Через пять лет 28 октября 1728 года губернатор М. Долгорукий писал в Москву, что жена и дети Верещагина содержатся под стражей и спрашивал, что с ними делать, извещал также, что имущество бывшего земского судьи распродано с торгов. К слову сказать, подробные описи домашнего имущества полковника Немчинова, коменданта Глебовского и Лариона Верещагина дают ценную информацию о быте жителей сибирских городов в первой четверти XVIII века. Сравнивая описи, можно сказать, что земский судья Ларион Верещагин был, пожалуй, самым богатым в городе человеком.

Коловичи

Итогом розыска в Таре были казни. Так, отца Сергия четвертовали. Некоторых посадили на кол, иных подвешивали за ребро на крюк… Сколько же было казнено всего, кто был казнен и как, точно неизвестно. Сотни и даже тысячи казненных из-за Тарского бунта, как утверждают некоторые историки, явно не соответствуют действительности, поскольку под письмом подписалось всего 228 человек, и остальных, вроде, казнить не за что. Если, конечно, не считать многочисленных самосожжений, ставших реакцией на гонения после Тарского бунта. Так, только в Пышменской и Елунской гарях погибло соответственно 400 и 600 человек.

Кстати сказать, сын полковника Немчинова Федор пошел по стопам отца, стал видным расколоучителем и в 1756 году сжег себя со 172 раскольниками в деревне Мальцево Чаусского острога Томского уезда. А причины сего самосожжения были те же, что и в 1722 году: нежелание отдаваться антихристовым слугам, в церкви ересь по-прежнему, просфоры печатают латинским крыжем, бороды бреют, курят, а священники того в грех не ставят… Было и здесь своего рода «отпорное» письмо, в котором дана такая характеристика власти, которая

во многом справедлива и по сегодняшнему времени: « А ныне зрите вы сами, что у вас свершается, неправдою приторгнули как духовные власти, так и земские, мздами ослепляемы; ныне у вас весь народ мздами отягчают, наипаче же верных, которые последуют благочестивой вере; ныне как духовные, так и земские власти не по избранию Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются от бесов, а не от Бога; того ради нынешние власти по всем местам гневливы, наглы, моты, яры, нестройныя, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересьми и прельщением они отставляют человеков от пути праведного и сводят на погибельный путь…»

Сохранилось прошение нового сибирского губернатора князя Михаила Долгорукого от 15 ноября 1728 года о невзыскании подушного налога с выбывших тарских душ, из которых 34 человека казнено и 150 сослано на галеры, «а иные вместо галерной работы осуждены в железах и деревянных смыках дрова таскать и всякую городовую поделку делати, и землю копати, и пушки таскать».. Эти цифры, пожалуй, ближе к истине. Однако из документа непонятно все ли это казненные или только часть их.

Но как бы там ни было, за тарчанами прочно закрепилось, вплоть до начала XX века, прозвище «коловичи», от слова «кол», а вдоль дороги, ведущей в Тобольск, стояли кресты в память о мучениках Тарского бунта.

ТАРСКИЙ МИЛЛИОНЩИК ЯКОВ НЕМЧИНОВ

Если вы будете в городе Таре и поинтересуетесь памятниками старины, то местные жители непременно укажут вам на дом купца Немчинова, расположенный в нижней части города и даже поведают легенду о том, что этот дом купец построил на болотистом месте на сваях из лиственницы, выиграв тем самым спор у тех, кто говорил, что на такой земле трехэтажный дом поставить нельзя. Вряд ли это соответствует действительности, но и дом, и личность Якова Андреевича Немчинова заслуживают внимания.

Начнем с фамилии. Можно с некоторой долей осторожности предположить, что предки его были обрусевшими иностранцами, ибо на Руси немцами и немчинами (от слова немой!) называли тех, кто не разговаривал по-русски. Как бы там ни было, но уже к середине XVII века в Сибири фамилия Немчиновых достаточно распространена. Так, в 1648 году среди самых активных участников томского восстания был выборный есаул Никита Немчинов (Барабанщик). К началу восстания вернулся с «Ленской посылки» Роман Немчинов (Немчин). Он 10 лет прослужил на Лене, из них восемь – без жалованья. Томский воевода князь Осип Щербатый готов был заплатить жалованье, но за крупную взятку. Роман Немчинов обратился с прошением к царю, и царской милостью ему было велено выплатить жалованье за два года, хотя обычно в то время задолженность не возвращали. Кто-то из этих Немчиновых или их

потомков перебрался в Тару. Сегодня можно с большой долей вероятности утверждать, что купец Яков Немчинов потомок и дальний родственник казачьего полковника Ивана Немчинова, возглавлявшего Тарский бунт 1722 года, когда тарские жители отказались присягать безымянному наследнику. Хотя Иван Немчинов взорвал себя, у него был сын Федор, который прежде чем сжечься со старообрядцами в 1756 году, наверняка оставил потомство. Были у Ивана Немчинова и два брата Максим и Степан, племянники с такой же фамилией, у которых так же были дети. Так что корень Немчиновых был весьма крепок, и его трудно было вырубить.

А будущий миллионер родился в семье тарского мещанина Андрея Семеновича Немчинова.

Яков Немчинов прожил долгую жизнь с 1813 по 1894 год. Исследователь его биографии тарский краевед А. Жиров, разыскал много интересных подробностей из жизни известного земляка. Начинал Яков трактирным мальчиком. В молодые годы переехал к родственникам в торговую слободу Кяхту, что на границе с Монголией, и служил у кяхтинских купцов Колосова и Наквасина. Прошел все ступени предпринимательства: ходил в обозах, доставлял купеческие товары на Ирбитскую ярмарку и обратно в Забайкалье, служил «когтем» – старшим в обозе. Потом завел собственное дело и стал чайным монополистом, поставляя из Китая чай, который к 19 веку уже стал вытеснять традиционный квас.

Немчиновская улица в г. Таре

Уже в зрелом возрасте он занялся золотодобычей. В 1864 году И.И. Базанов, М.А. Сибиряков, И.Н. Трапезников и Я.А. Немчинов основали «Прибрежно-Витимскую компанию» и уже к 1865 году они владели 30 приисками. В 1883 году они же образовали товарищество под названием «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири». В 1885 году компании объединились и ежегодно добывали 275 пудов золота. Все остальные компании добывали меньше ста пудов. У Якова Андреевича было 11 дочерей и единственный наследник Андрей Яковлевич – «Андрюшенька». Выходя замуж, дочери получали около миллиона в приданое. Деньги также пускались в дело: вместе с зятьями Осокиным, Корзухиным и Котельниковым Немчинов основал «Бодайбинскую компанию». При таких капиталах неудивительно, что у него были прекрасные дома в Кяхте и Иркутске, своя резиденция на ленских приисках, собственные пароходы… Некоторые утверждают в 1870-80-х годах он считался самым богатым человеком в Сибири. Мог позволить, например, платить своему домашнему учителю и врачу жалованье больше, чем получал генерал-губернатор Иркутска, чтобы сбить с того спесь.

Слава о его богатстве распространилась по всей Сибири. Многие известные тарские купцы прошли через его прииски. Купцы Шанские проработали там один сезон, два сезона провели сыновья торговца шерстью Канаревского, будущий богатый купец Деев, кирпичник Полунин… В конце XIX века в Таре получали от 500 до 800 паспортов и уходили на немчиновские прииски на Лене, Витиме, Олекме. Многие крестьяне также «шли за фартом», но не все его находили.

Занимался Немчинов и благотворительной деятельностью, за что удостаивался звания почетного гражданина и коммерции советника. На его средства были построена в 1862 году церковь Преображения в селе Преображенском Троицкосавского уезда Селенгинского округа, в 1884-1888 гг. церкви в г. Тунгуй, кладбищенская Успенская церковь Кяхте-Троицкосавске. За подобную деятельность он был награжден орденом Станислава 2-й степени. Однако Яков Андреевич строил не только церкви. В мае 1870 года он пожертвовал 6 тысяч рублей на разбивку городского сада в Иркутске, вместе со своими компаньонами-золотопромышленниками выделил 85 тысяч рублей на строительство театра. В 1880 году его наградили орденом Святого Владимира.

Знаменитый Сиропитательный дом в Таре также стал результатом благотворительной деятельности. Был он построен в 1872 году, после того как Яков Немчинов пожертвовал на создание общественного банка и Сиропитательного заведения 25 тысяч рублей. Общественный банк располагался на втором этаже здания, а на третьем жили дети узников тарской тюрьмы и дети- сироты со всего уезда. На первом этаже – сапожная, столярная и разные подсобные помещения. После постройки этого здания улицу Нерпинскую-Мостовую переименовали в Немчиновскую. Кроме того, на общественную библиотеку Немчинов дал 100 рублей, реставрировал в Таре три церкви…

Но при этом не стоит идеализировать купца. С рабочими он особенно не церемонился, судя по таким фактам. В июле 1876 года рабочие на его приисках возмущались грубым обращением с ними, высокими ценами на товары в лавке и плохим качеством продуктов. В июне 1883 года на одном из немчиновских приисков Витимской системы рабочие требовали трех обещанных выходных в месяц, а с Иннокетьевского прииска много рабочих вообще сбежало.

В 90-е годы уже разбитый параличом, живя в Кяхте, он просил выносить его на дорогу и, встретив мужика, который вез зерно на базар, торговался с ним до полной потери сил, уверяя, что никто больше мужику на базаре не даст. При этом клялся, божился, кивал на соборный крест. Если удавалось купить зерно дешевле, чем на базаре, как ребенок хвастался своей смекалкой и сноровкой...

Казалось бы налицо необузданная скаредность и жадность. Но с другой стороны такой факт: знающие старожилы уверяли краеведа А. Жирова, что успешные и большие дела тарских и тюменских пароходовладельцев Разумовских, Василия Тимофеевича и его сына Николая, начались с того, что им подарил пароход Яков Немчинов. Воистину, широк русский человек!

В Москве проживает Любовь Владимировна Лигай. Ее прапрадед Дмитрий Алексеевич Чернядев был зятем Якова Немчинова.

ЗА ПЕСОЧНЫМ ЗОЛОТОМ

К истории основания Омской крепости

Начало

Изнурительная война со шведами, продолжавшаяся уже полтора десятилетия, постоянно требовала увеличения расходов государственной казны. И поэтому Петр I всегда поощрял тех, кто, как бы сегодня сказали, пополнял доходную часть бюджета. И вот однажды, по преданию, к нему пришел Гагарин и предложил попробовать нового табачку, а сам набил трубку золотым песком и табаком только присыпал сверху. Петр попытался раскурить трубку – не получается! Выбил содержимое на ладонь, а там – золото. На вопрос, что бы это значило, сибирский губернатор поведал, что такого золота возле города Эркеть (современный Яркенд на территории Северо-восточного Китая) хоть лопатой греби!

Неизвестно был ли случай с трубкой, но то, что золотой песок царю показывался, подтверждается документально. В архивах имеется донесение об этом князя Гагарина Петру I:

«Доношение о золоте, объявленном вашему величеству, которое называют песошным.

Городок калмыцкой Эркеть, под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в разстоянии от Тоболска по сказке еркецких жителей, что доходят из Эркети до Тары в полтретья месяца (т.е. в два с половиной месяца – П.Б.) *нескорою ездою, а от Тары до Тоболска в пять дней. И естли соизволит ваше величество промысел чинить к тому месту из Тоболского, то кроме того не можно, что подселитца городами к тому месту, того ради, что от Ямышева озера до Эркети кочюют калмыки и будут противитца, как им возможно, чтоб не допустить в тех местах строить городов, дабы оного им промыслу не терять».*

Чтобы более ясно представить обстановку, перенесемся мысленно в 1714 год. Сибирская губерния, которой правил ее первый губернатор князь Гагарин раскинулась от Казанской губернии до Тихого океана. Всего русского населения в губернии было 680 тысяч человек, из них 80 тысяч казачьего служилого. Вот этими силами и сохранялось огромное пространство. Можно себе представить, что это были за люди! Не зря предки нынешних монголов называли русских «лоча», что значит «черт», за смелость и ловкость. Столицей губернии был Тобольск. А самым южным русским поселением на Иртыше Такмыцкая слобода.

Вообще, южное Прииртышье было самым беспокойным направлением. Из степей то и дело совершали набеги на русские и татарские деревни то казахи («казачья орда»), то теленгуты, то калмыки – жители сильного Джунгарского ханства, куда и планировалась экспедиция. Джунгарское ханство просуществовало до 1756 года, когда его завоевали китайцы. Китайцы вырезали всех, вплоть до младенцев, и спаслись только те из калмыков, кто сумел убежать в Россию.

Как предприимчивый государственный деятель князь Гагарин решил с помощью экспедиции убить сразу двух зайцев: пополнить государственную казну и обезопасить южные границы в Западной Сибири строительством крепостей вверх по Иртышу. В своем доношении он предлагает создать 2-3 регулярных армейских полка и поставить первую крепость возле Ямышева озера (в 40 км южнее современного Павлодара), а *«оттоле, усмотря, где надлежит, делать и иные городы. А на строение оных крепостей и на содержание их, кроме афицеров и инженера, управлятца можно из Сибирской губернии».* Оговорка насчет офицеров и инженера не случайна. Офицеров в русской армии не хватало, как и инженеров. Поэтому не гнушались и пленными шведами.

Направление экспедиции совпало к тому же и с давним желанием Петра разведать водный путь до Индии, поэтому он собственноручно написал на доношении Гагарина: *«Построить у Ямыш-озера, а буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лодки пройти могут... Для сего определить 2000 или по нужде полторы* (солдат – П.Б.) *Также сыскать из шведов несколько человек, хотя года на три, которые умеют инженерства, артилерии, также, кои, хоть мало умеют около минералов. Также и афицеров несколько, однако ж, чтоб их было не более трети. Майя 22 день, 1714. На Котлином острову».*

Подписан был этот указ на адмиралтейской галере «Святыя Наталия».

Возглавить же экспедицию за песочным золотом было поручено подполковнику Ивану Дмитриевичу Бухолцу (именно так он писал свою фамилию сам, писали ее люди близко, знавшие его), он получил указание Петра подчиняться во всем губернатору Гагарину. В Санкт-Петербурге ему выделили двух сержантов и шесть солдат из Преображенского полка, и с ними он должен был отправиться в Москву, а оттуда в Сибирь для формирования полков. Однако уже в самом начале обозначились трудности. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Ни подъемные, ни кормовые, ни прогонные деньги никто не торопился Бухолцу выдавать. Князь Гагарин, хоть и писал, что в этом деле можно в расходах «управлятца из Сибирской губернии» решил попытаться использовать государственную казну и обратился в Сенат: *«Сиятельнейшим господам Правительствующего Сената. По именному его Царского Величества указу, определен в Сибирскую губернию подполковник Бухалт для строения малых городов. О даче ему подвод, також и при нем будущим двум сержантам да шести человекам солдатам, да четырем человекам денщикам противу указу великого государя что ваше сиятельство укажет. Матвей Гагарин. 1714 июня 2 день».*

Казалось бы, что такое, отправить 13 человек. Но потребовалось специальное решение. Правительствующего Сената, который 4 июня постановил: *«... подвод давать на чем им съехать. А прогонные деньги на те подводы, также и кормовые давать из Сибирской губернии из неокладных доходов. К губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину с товарищи о вышеписанном объявить и чинить по его великого государя указу. У подлинного написано тако. Князь Григорий Волконский».*

Такое решение, надо думать, не обрадовало Гагарина. А у подполковника Бухолца это была не последняя трудность в предпринятом деле. Тем не менее на двадцати подводах он в конце июня добрался до Москвы.

Из столицы – в столицу

Из Москвы подполковнику Бухолцу и его небольшому отряду предстояло добраться до Тобольска – столицы Сибирской губернии, как уже отмечалось, самой обширной из восьми губерний России. Путь был неблизкий – без малого две с половиной тысячи верст, и ни тебе железных дорог, ни тебе автострад! И хотя царь не любил волокиты в делах, о чем боевому офицеру, участнику Полтавской битвы Бухолцу, конечно же, было прекрасно известно, Тем не менее он пробыл в Москве почти полтора месяца. Причина все та же – бумажная волокита.

А главное, что нужно было сделать: найти офицеров, желательно боевых и опытных. Но таковые, надо думать, во время войны по домам не сидели. Но, в конце концов, с помощью военной канцелярии подполковник Бухолц нашел себе сподвижников: 1 майора, 2 капитанов, 2 поручиков и 2 прапорщиков. Конечно, семь человек маловато, но, что делать! Список их не приводится, но по документам, касающимся экспедиции за золотом и появившимся позднее, со стопроцентной уверенностью можно утверждать, среди них были майор Вельяминов-Зернов, капитан Ступин, поручики Каландер и Трубников, прапорщик Микулин… Поручик Каландер, кстати, из пленных шведов, специалист по артиллерии и строительству крепостей.

Выбран был и путь, коим двигаться в Сибирь, самый надежный – водный. По рекам Москве, Оке, Каме и Чусовой, а за Уралом по Туре и Тоболу. Однако, как показал в отчете об экспедиции перед Сенатом Бухолц, на судне дошли только до устья Чусовой, а «от Чусовой до Тобольска на подводах зимним путем». Но, чтобы отправиться, нужны были деньги.

И тут не обошлось без сибирского губернатора Гагарина, который, кстати, из девяти лет своего губернаторства (с 6 марта 1711 г. по 11 января 1719 г.) пять лет провел вне Сибири. Царь постоянно призывал его по каким-либо делам. В начале 1714 года он был вызван для осмотра каналов, соединяющих Балтийское море с Черным и Каспийским и вернулся в Тобольск только к середине 1715 года, перед самым отплытием Бухолца из Тобольска. У Гагарина были свои дома в Санкт-Петербурге и в Москве, естественно, и в Тобольске тоже. Особенно поражали воображение современников четырехэтажные палаты в венецианском стиле на Тверской улице. Вот что пишет о них знаток старой Москвы М.И. Пыляев: «Великолепие внешности его палат соответствовало и роскошному внутреннему убранству. Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшение покоев, где зеркальные потолки, отражали в себе блеск люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов в спаль-

не его, осыпанные бриллиантами, стоили, по оценкам тогдашних ювелиров, более 130000 рублей». Этот дом пострадал во время пожара 1812 года, а в 1852 году был перестроен и утратил свой первоначальный вид.

Надо думать, именно в этом доме и было отпраздновано известие о столь долгожданной победе над шведами на море. Эта победа была добыта в сражении у мыса Гангут 26-27 июля 1714 года. Русскими было захвачено семь кораблей противника, в том числе фрегат контр-адмирала Эреншельда. Вместе с адмиралом было пленено шестьсот матросов и офицеров. Господство шведов на море после этого сражения закончилось.

Но вернемся к деньгам для Бухолца. Вот что он писал позднее сам: *«А на наем судна и на подъем деньги даваны из доходов Сибирской губернии. Да на подъем выдано ему по приказу губернаторскому на Москве, из Сибирского Приказу, да у Соли-Камской по 100 рублев, муки ржаной 50 четвертей, вина простова 100 ведер в жалованье, да на Москве и в Сибири, получал он по имянному царского величества изустному указу полковничье, офицерам и прочим жалованья дача была деньгами и провиантом по их рангам из доходов Сибирской губернии».*

Годовое жалованье полковника составляло – 100 рублей, майора – 46, капитана – 33, поручика – 26, прапорщика – 16 рублей 22 алтына. Для сравнения: лошадь в Сибири стоила 3,5 – 4 рубля, пуд ветчины – 23 коп., ведро вина около 2 рублей, седло примерно 16 алтын…

Как бы там ни было, отправившись в августе из Москвы, они прибыли в Тобольск 13 ноября. То есть были в пути почти три месяца. Это, конечно, не значит, что все передвигались с такой скоростью. Нарочные с письмами покрывали путь между двумя столицами за месяц, а то и еще скорее.

«И был без команды…»

Тобольск того времени, как и положено столице, был самым видным и красивым городом Сибирской губернии. Здесь был единственный на всю Сибирь белокаменный кремль с Гостиным двором и впечатляющим Софийским собором. Недалеко от собора – Архиерейский дом и рентерея, нависшая подобием арки над верхом Прямского взвоза. Впрочем, строительство на территории тобольского кремля тогда еще продолжалось, и вел его известный архитектор и картограф Семен Ульянович Ремезов. Он тогда заканчивал возведение Воскресенской церкви. Население было весьма пестрым: в основном, конечно, русские, но четверть – татары. Много было в городе пленных шведов, к которым князь Гагарин благоволил и баловал их деньгами. По свидетельству иностранца Блюгера он раздал им до 15000 рублей. Впрочем, давал, видимо, не зря. С помощью шведов он выкопал канал, благодаря чему изменил место впадения Тобола в Иртыш и избавил город от вечной непролазной грязи.

Ознакомившись с положением дел, Бухолц приуныл: в Тобольске его не ждали, и для местного начальства он стал страшной свалившейся вдруг на голову обузой и заботой. Отсутствие Гагарина, оставшегося по делам вышневолоцкой системы шлюзов, только усугубляло положение. Уезжая в столицу

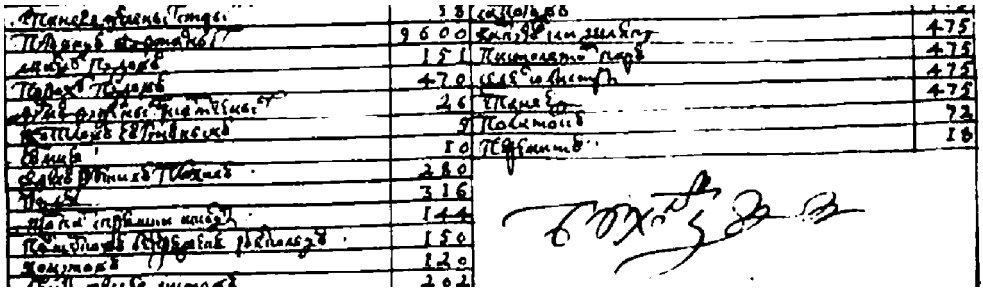
1 января 1714 года, Гагарин оставил вместо себя обер-коменданта, бывшего тарского воеводу, стольника Семена Карпова. Хотя с 1709 года до приезда Гагарина в Тобольск обер-комендантом был бывший туринский воевода стольник Иван Бибиков. И уже во время пребывания Бухолца в Тобольске 1 января 1715 года Бибиков вновь назначается обер-комендантом, каковым и был до своей смерти в 1716 году. Надо полагать, что эти перестановки во время формирования экспедиции были не случайны, ибо Бухолц постоянно жаловался на невнимание к своим делам. И вынужден был обратиться к губернатору: с кем же ему работать в его отсутствие? И получил от Гагарина такой ответ: *«…в небытность в Сибири губернатора, велено весь отпуск готовить, до указу великого государя, тоболскому каменданту Дорофею Афанасьеву сыну Траурнихту; и о том отправлении, о даче людей и аммуницыи и артилерии, и денег, и что надлежит его подполковничью отпуску из сенату или из двора царского величества, все велено отправлять ему, тоболскому коменданту».*

Траурнихт был в Сибири фигурой довольно известной. В Сибирском летописном своде о нем говорится: «В Якутьску в 206 году столник и воевода Дорофей Афанасьев сын Траурнихт». С его именем связано освоение не только Якутского края, но и Камчатки. Тут надо сказать, что Иван Дмитриевич Бухолц был женат на дочери Траурнихта Марье Дорофеевне. Это обнаружил и впервые опубликовал в своем очерке «Иван Бухолц» в научной статье, посвященной экспедиции, омский историк-архивист Е.Н. Евсеев. Он же в ряде публикаций, на основании подлинных архивных первоисточников с автографами основателя Омской крепости и сфрагистики, показал, что руководитель экспедиции за песочным золотом Иван Бухолц был из русского дворянского рода, а не из немцев, и Бухгольцем писаться не должен. Это подтверждается также следующими документами, обнаруженными мною в Сибирском летописном своде: «1715-го году по зиме поехал (точнее – «приехал» – П.Б.) из Санкт-Питербурха полковник господин Иван Дмитриевичь БУХАЛЦЕВ и с ним другие афицеры». Здесь же чуть ниже говорится, что в 1723 году в Сибирь приехал «генерал и маэор иноземец Вилом Иванович Геннинг да с ним другой ему товарищ иноземец Иван Иванович Берместер». Как видим, о том, что приехали иноземцы, в летописи специально подчеркнуто, а Бухолц воспринимался как русский, и даже фамилия написана на русский манер. 21 января 1715 года Дорофей Траурнихт писал коменданту Тюмени Эверлакову: «В нынешнем 715 году велено ис тобольских и с тюменских, и с туринских служилых людей и казачьих детей выбрать пятьсот человек и отдать подполковнику г-ну БУХОЛЦОВУ на оставку в гарнизонех…» Уж Траурнихт-то знал, наверное, как пишется фамилия его зятя!

А вот что пишет в доношении, обращаясь в канцелярию Правительствующего Сената по поводу прогонных денег, другой человек, близко знавший Бухолца, прапорщик Василий Микулин, посланный Бухолцем из Ямышевской крепости с письмами к царю: «Посылан я был из Сибирской губернии ис Тоболска от господина подполковника Бухолцова с письмами до царского величества…» (РГАДА, ф. 248, оп.7, кн.373, л. 72).

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранилось письмо Бухолца с оттиском на сургуче его печатки, на котором изображена птица, скорее всего, болотная выпь – «бухало». Е. Евсеев не исключает происхождение родового прозвища от этой птицы. Он же опубликовал в сборнике документов «Из истории Омска» (1967 г.) формулярные сведения из смотрового списка Сибирского гарнизона Якутского полка о службе бригадира И.Д. Бухолца. Там в графе «Из каких чинов и где вспомещены и что за ними или их отцами матерми мужска полу душ» значится: «Из шляхетства (т.е. из дворянства – П.Б.), испомещен в Вяземском, Смоленском, в Можайском, в Кашинском, в Митревском уездах, а мужеска полу имеется 500 душ)». Итак, Бухолц – дворянин, имеющий поместья в пяти уездах России. Если допустить, что у него была немецкая кровь, то он настолько обрусел, что об этом можно забыть. Ведь не считаем же мы Пушкина эфиопом, а Лермонтова шотландцем…

Однако поборники немецкого происхождения основателя Омской крепости игнорируют напрочь эти факты. Для них «Бухгольц» – и все. Особенно категоричен в этом плане краевед Иван Шихатов. В своей книге «На государевой службе» он делает после сомнительных рассуждений вывод: «В русском языке нет основы для фамилии «Бухгольц», варианты фамилии «Бухольц» или «Бухолц» являются ошибочными и документами не подтверждаются». Хотя именно в архивных документах-первоисточниках, то есть документах, написанных самим основателем Омской крепости и людьми, близко знавшими его – кабинет-секретарем Макаровым, князем Матвеем Гагариным, князем Меншиковым, Петром I – нет ни одного варианта «Бухгольц», а только «Бухолц» с редкими искажениями типа «Бухалт» и «Буколц». И не надо искать «г» в его подписи там ее тоже нет. Публикую подлинный автограф основателя Омской крепости. Этот автограф был опубликован мною впервые в газете «Время» в середине 90-х, и с той поры растиражирован во многих изданиях и на городских рекламных щитах. Вставил его в свою книгу «Почетные омичи» и Шихатов. Правда, не владея информацией, подписал, что это автограф 1720-х годов. На самом же деле, этой подписью Бухолц заверил опись имущества, бывшего в отряде, в декабре 1715 года, когда находился в Ямышевской крепости. В нашем распоряжении имеется фотокопии семи автографов Бухолца под разными документами.



Автограф основателя Омской крепости И.Д. Бухолца.

В Черепановской летописи тоже только вариант «Бухолц», а написана она в 1760 году, и Черепанов мог беседовать с участниками экспедиции за золотом. Правда, летописец многое списал из «Истории о песошном золоте…» немецкого историка Г.Ф. Миллера, который встречался в Селенгинске с Бухолцем. Что дало некоторым историкам утверждать, что «Бухгольц» по-немецки пишется «Buchholz» и, мол, после перевода появился «Бухольц».

Уважаемые историки, еще раз обращаю внимание, что в архивных первоисточниках нет ни «Бухгольца», ни «Бухольца». Для начала признаем хотя бы это! Ведь не говорим же мы, что светлейший князь Александр Данилович немец на том основании, что его фамилию пишем «Меншиков» (а по-немецки «менш» – «человек»), а не «Меньшиков». Кстати, немец Миллер вряд ли бы забыл указать на то, что Бухолц его соотечественник. Но он ничего не пишет о его национальности.

А пока даже в таком, в целом солидном издании, как «Из XVIII века – в XXI век: история Омска» (С-П., 2006) приводятся такие аргументы: «Немецкое начертание фамилии Д.И. Бухгольца – «Buchholz». Его отец, тоже военный, писался Дмитрием Филипповичем Букольтовым. Однако сыновей Ивана и Авраама Дмитрий Филиппович отдал служить в Преображенский полк под их настоящей фамилией. Правда, передать ее правильно на бумаге писарю оказалось не под силу – братья стали Бухольцами». Вот так, оказывается во всем виноват писарь! Уважаемые доктора исторических наук на основании какого документа сие утверждение?

Из издания в издание в омской краеведческой литературе» кочует якобы портрет И.Д. Бухолца, нарисованный художником В. Резниченко, и реконструируемый им по описаниям в литературе. Этот портрет помещен и вышеназванной «Истории Омска». Но, во-первых, как можно нарисовать портрет «по описаниям»? Это ведь не фоторобот. Можно было бы реконструировать по методу Герасимова, но для этого нужно иметь череп. А мы не знаем даже место захоронения основателя Омской крепости. Ну, а во-вторых, такого описания внешности Бухолца нет в природе. Кто не согласен с данным утверждением, пусть опубликует это описание.

Неизвестно, насколько повлияло родство Бухолца с комендантом Тобольска на выбор его руководителем экспедиции и на назначение тестя начальником по подготовке экспедиции, но можно предположить, что ускорению дела способствовало не очень. Ибо в последствии Бухолц отмечал, что «приехал он, Бухолц, ноября 13 числа того же 1714 году, и был без команды генваря по 9 число 715 году», то есть почти три месяца.

«Доношу вашему пресветлому величеству…»

В январе стали приходить рекруты из окрестных деревень, не более чем по одному человеку с четырех дворов. Кому идти в рекруты, решала община, ибо в Сибири крепостного права не было. Из них еще надо было сделать солдат, что при нехватке офицеров было непростой задачей. Но людей все равно

не хватало, так, что приходилось брать и арестантов из тюрем. В своих донесениях в столицу Бухолц постоянно жаловался на неопытность солдат, на то, что они «экзерциции не знают».

Сложности были и с вооружением. Прибыв в Тобольск, Бухолц обнаружил там всего лишь две годных пушки. Пришлось отливать новые тут, в Тобольске. Поручик Каландер привлек для этого дела пленных шведских офицеров. Особенным умельцем в этом деле оказался штык-юнкер Ренот. К лету было вылито пять медных пушек: одна шестифунтовая и четыре трехфунтовых (калибр определялся весом ядра – П. Б.) и также одна пудовая мортира и четырнадцать шестифунтовых. Хотя и приказал князь Гагарин отправляться из Тобольска весной, но из-за неготовности экспедиция задерживалась.

13 мая 1715 года в Тобольске случился сильнейший пожар, который, надо полагать, также не способствовал ускорению дела. Летописи сообщают, что на нижнем посаде сгорели 4 церкви, 4 богадельни, 2 кружала, 39 амбаров, 953 двора, 25 юрт и 194 лавки.

Состояние дел в полной мере предстает из доношения подполковника И.Д. Бухолца царю Петру, написанного 9 июня 1715 года. Из него следует, что за исключением мелочей, Бухолца больше всего волновало три момента. Во-первых, отсутствие дощаников и лодок, без которых невозможно было отправиться вообще. Во-вторых, беспокоило и то, что он не нашел ни одного человека в Тобольске, который бы точно сказал, что возле Яркенда есть золотой песок: *«А подлиннова и вернава ведомца о песошном золоте близ Еркета господин губернатор мне не дал, а тоболские жители, которые бывали в Еркете, не единой не сведом о том золоте подлино, а привозят то золото в Тоболск бухарцы и продают».* И, наконец, одной из главных забот было оружие. *«В ружье, государь, самая мне нужда, понеже малое число годного; всего, государь, по нынешнее число у меня, из которого стреляем, восемьсот фузей, и то разных калибров.<…> К тому ружью к замкам делаю пружины из простого укладу, а не из стали; и о стали просил я господина губернатора, чтоб позволил прислать с Москвы, чего и по се число не прислано, а в Сибири стали достать не мочно; которые худые пружины и починивают укладом простым, ни мало не прочны.»*

Однако уже перед самым отплытием экспедиции губернатор Гагарин сдержал свое слово и прислал из Москвы 2000 фузей “немецкаго добрава дела” и столько же палашей. Но 9 июня их еще не было и подполковник Бухолц пишет царю, что он готов отправиться до Ямышева озера и заложить там крепость с имеющимся оружием, чтобы в той крепости дождаться обещанных фузей. Забегая вперед, можно сказать, хорошо, что этот вариант не осуществился, иначе результаты экспедиции могли быть весьма печальными.

Из собранных рекрутов были созданы три полка: Санкт-Петербургский, Московский и Драгунский общей численностью 2797 человек, которые были соответственно обмундированы.

Впрочем, численность полков в ходе экспедиции постоянно менялась в сторону уменьшения. По ведению, посланному канцелярией из Тобольска в Сенат, численность отряда на момент отплытия составляла 2932 человека, из них 2862 человека солдат и драгун и 70 мастеровых. Но уже 8 августа 1715 года, то есть через месяц с небольшим, Бухолц в табели, посланной из Татмыцкой слободы, указывает численность 2797 человек. Позднее, в 1719 году, на допросе в Сенате, когда началось следствие по делу князя Гагарина, он называет это же число. В ведомости, посланной из Ямышевской крепости от 29 декабря 1715 года, он указывает численность 2536 человек.

Убыль отряда объясняется прежде всего бегством солдат, как уже указывалось, в солдаты рекрутировали даже колодников. Не случайно царь Петр 7 августа 1716 года в письме князю Гагарину особо отметил: *«Он же Бухолт пишет, что много солдат у него ушло, и всегда бегут, понеже в сибирских городах их принимают, что зело противно указу чинитца, и ежели ему вред от того учинитца, то взыщется все на вас».*

Архивные документы-первоисточники сохранили подробнейшие сведения об имуществе, бывшем в отряде. Еще 9 июня 1715 года подполковник Бухолц жаловался царю: *«В Тоболску, государь, как я прибыл, припасов воинских: лядунок, перевезей, портупеев, лапаток, заступов, кирок, мотык, ломов, топоров, буравов, долот, ни к пушкам ядр и никакой амуницыи, ни телег походных, ни ящиков патронных, ни людем мундиру – ничего не было, о чем о всем сведом господин губернатор, а делал все вновь и всем давал я обрасцы…»* Но в конце концов все было сделано, и обеспечение и вооружение отряда можно считать хорошим. При отряде имелась даже походная церковь, на строение которой было потрачено 13 косяков камки, крашенины – 474 аршин, тесем – 450 аршин, веревок 400 сажень. Количество фузей уже указано 2711, из них 2000 новых.

К ним, фузеям, нагалищ – 1813. Палашей – 2000, пушек разного калибра – 13, мортир – 14.

Из провианта: муки ржаной 8677 четьи (чети) по цене 4260 рублей 11 алтын (то есть пуд муки стоил примерно 12 коп.), сухарей – 1331 четьи на 469 рублей, ветчины 2264 пуда на 526 рублей 12 алтын.

Всего же по справке, присланной в Сенат за подписью ландрихтера Чепелева в 1715 и 1716 годах, на экспедицию было потрачено 115373 рубля 24 алтына 3 деньги.

Отплытие

Весь провиант с пушками, ядрами, гранатами и порохом был погружен на дощаники, и отряд был готов к отплытию. Вот как об этом событии говорится в Сибирском летописном своде: *«Их приняв по сем от руку архимандричью на брань благословение и знамя на прапер в день святых апостол Петра и Павла и сошел с войским на суды, и отвал был назавтре в 30-м числе, в четверток,*

со всяким воинским управлением и з запасы». Итак, 29 июня 1715 года состоялся молебен, а 30 июня на 33 дощаниках и 27 больших двенадцативесельных лодках отряд отплыл из Тобольска. Только на паруса, с учетом, видимо, запаса, было принято 35700 аршин холста.

Событие для Тобольска было далеко не рядовое. И наверняка торжественный молебен по такому случаю служил бы не архимандрит Знаменского монастыря, а митрополит «всея Сибири» Иоанн Максимович, который находился в Сибири с 15 августа 1711 года. Однако в ночь на 10 июня митрополит умер. Его нашли в собственной келье на коленях, как бы в молитве, после того как взломали дверь. Подполковник Бухолц был тому свидетелем. Иоанн был весьма благочестивым, написал несколько книг. Позднее был причислен к лику святых, и до современных лет оставался единственным сибирским священником, удостоенным такой чести.

Сибирскую епархию возглавил вновь митрополит Филофей Лещинский, в монашестве Феодор. Он уже был митрополитом Сибири с 1702 по 1711 год и много сделал для распространения православия в Сибири. Особенно прославился он на ниве обращения в православие инородцев: остяков, самоедов и вогулов. Всего он крестил их около 30000 человек. Причем не всегда обращение в православную веру проходило гладко, шаманы противились этому. Особенно среди вогулов. Те избивали новокрещенных остяков и вешали их нательные кресты на шесты, которыми погоняли оленей. За время деятельности митрополита Филофея число церквей в Сибирской епархии увеличилось со 160 до 448. Князь Гагарин уважал митрополита и всячески поддерживал его деятельность. А Петр Первый отметил заслуги Филофея специальной именной грамотой. Известие о кончине митрополита Иоанна застало Филофея на реке Конде, где он крестил остяков.

Плыть по Иртышу против течения дело непростое. Использовать приходилось все средства и паруса, и весла, и бечевник. К середине июля отряд прибыл в Тару, где подполковник Бухолц пересадил своих драгун на лошадей, которых, как он писал, «принял тысячу пятьсот». В другом ведении сохранилась более подробная запись: *«К артелерии, под драгун и под ящики куплено 1425 лошадей по цене 5076 рублев 1 алтын, 194 лошади, которые взяты на Таре томской присылки по цене 776 рублев».* Отсюда легко подсчитать, что одна лошадь стоила 3,5 – 4 рубля.

10 августа отряд был в Татмыцкой слободе. Отсюда Бухолц отправил письмо царю с известием о своих делах. Впереди был почти двухмесячный путь к Ямышеву озеру.

В устье речки Преснухи

1 октября 1715 года отряд прибыл к Ямышеву озеру. Это озеро расположено в 40 километрах южнее нынешнего города Павлодара. Точнее говоря, прибыл он к устью речушки Преснухи, вытекавшей из небольшого пресного озера. Однако крепость, которую позднее заложили, назвали Ямышевской, как и на вопрос: «Куда идешь?», отвечали уже много лет: «До Ямыш-озера»,

хотя само Ямышево озеро находилось в пяти верстах от Иртыша. Дело в том, что Ямышево озеро было знаменито на всю Сибирь: здесь добывали самосадную соль, которая была очень высокого качества и по утверждению очевидцев была «чиста, аки лед-ясенец». За год осадок составлял полтора-два вершка, а где не трогали больше времени, так и пол-аршина! Поэтому соль ломали, как лед. К Ямыш-озеру снаряжались специальные отряды солеников, которые и снабжали почти всю Сибирь ямышевской солью. В 19 веке в озеро пробились пресные ручьи, и концентрация соли значительно уменьшилась. Но и сейчас еще высока. В начале девяностых годов прошлого века автору этих строк удалось побывать на озере. Смоченные в воде руки, когда высохли, покрылись белым налетом соли.

Добыча соли была небезопасной, постоянно угрожали кочевники, и о необходимости закладки здесь крепости говорили давно. Подполковнику Бухолцу и предстояло решить эту задачу. Отряд начал подготовку к зимовке. Возле Преснухи, в низине, построили землянки для солдат, обнесли надолбами и рогатками. Саму крепость решили поставить на высоком обрывистом берегу Иртыша по соседству. Впрочем, слово подполковнику Бухолцу: *«Прибыв туда, зачал строить крепость тогож октября 29 числа и строил ноября по 10 число. Да при той же крепости построил острожек артилерной и кругом квартир зделаны надолбы».*

Крепость поставили в виде половинки шестиугольника стенами обращенного в сторону степи. Часть дощаников из-за отсутствия леса была разобрана на стены. Возле стен возвели небольшой вал и вырыли ров. Однако до зимы полностью достроить крепость не успели. Непосредственно в стенах крепости поставили только церковную палатку. Из-за наступивших морозов не успели вырыть и погреб для пороховой казны. Поэтому весь порох оставили на дощанике недалеко от крепости, вмерзшем на Иртыше. Это решение Бухолца могло в дальнейшем иметь самые трагические последствия для отряда. Но об этом позднее.

В крепости началась обычная армейская жизнь. Между тем до контайши дошли сведения о продвижении отряда, и он приказал своему двоюродному брату Церен-Дондобу (русские называли его Черен-Дондук) узнать о цели движения солдат. В это время из Тобольска с полковником Толбузиным прибыли в Ямышевскую крепость посланцы контайши во главе с Эрке Тарзакоем. И стали спрашивать, почему крепость строится и по какому указу, означает ли это войну против контайши. Бухолц уверил их, что воевать с контайшой не хочет, а идет для разведывания руд. С посланцами в крепости встречались и гонцы от Церен-Дондоба. Их Бухолц уверял в том же. Кроме того, он послал к контайше поручика Маркела Трубникова с письмом, выделив ему 50 драгун. С Трубниковым он отправил и посланцев контайши, дав им лошадей, ибо у них лошадей и верблюдов отбили перед этим казахи. В письме Бухолц писал контайше, что «он с ним войны иметь не будет». Но весь отряд Трубникова с посланцами контайши захватили все те же казахи. Таким образом, контайша не получил никаких объяснений и посчитал экспедицию Бухолца военным вторжением в собственные владения.

Нападение

9 февраля 1716 года в метельную ночь «с четвертка на пятницу сырныя недели» джунгарские калмыки внезапно напали на Ямышевскую крепость. Неожиданность нападения была обусловлена тем, что буквально перед сырной неделей от калмыков в крепости было дружеское посольство, с которым Бухолц обменялся богатыми подарками, и показал всю крепость. На самом же деле это была разведка…

Конечно, это не значит, что Бухолц исключал возможность «противности» со стороны калмыков, для того и крепость ставил, но старался быть с ними в мире. 29 декабря 1715 года он писал кабинет-секретарю А.В. Макарову: *« С калмыки, теленгуты, которых десять тысяч кочуют недалеко от Ямышева утвердился писмами, чтоб им с людми царского величества ссор не иметь. Для лучшей верности взял у них аманатов добрых. А к контайше посылал с известием, что при Ямышеве город зделал и отписал к нему, дабы он с войском царского величества был в мире и до указанного места итти не претил…»*. Но посольство поручика Трубникова, как мы уже говорили, захватили казахи.

Нападавших было в четыре раза больше, и командовал ими Черен-Дондук. Калмыки хотели вырезать солдат сонными и были близки к этому. Вот что пишет о нападении ямщик Черепанов в своей летописи: *«Первое счастье то получили себе калмыки, что они могли отъезжие караулы скрасть, при том отогнали и табун драгунских лошадей. А караульных всех, которые хотели противиться, тех прибили, а иных живых в полон брали»*. Но счастье в какой-то мере улыбнулось и русским. Одному солдату удалось спастись. Он спрятался в табуне, а когда лошадей погнали, уцепился за гривы двух коней. В кустах упал и прибежал в крепость.

Караульный наряд спал. Бухолц сначала даже не поверил солдату и арестовал его – настолько был успокоен дружеским посольством. Но на всякий случай объявил тревогу. Перегородили въезд рогатками и стали ждать. Показались кони. *«Бухолц нечаял, что то неприятель, но думал, что гонят драгунских коней, и того точно за ночной темнотою рассмотреть было невозможно, приказал выпалить из нескольких фузей под верх, дабы кого из своих не повредить. А неприятель, видя то, скоростию поскакал на конях к гобвахте и оне за темнотою тут бывших рогаток не разсмотрели, как сами себя, так и коней своих на тех рогатках накололи. И так неприятель не получил своего желания, тщился о том, чтоб рогатки разорвать и ворваться в крепость, того ради учинил жестокий приступ и первое их нападение было жестоко, иные стреляли из винтовок, другие пущали из луков стрелы»*.

Бой продолжался двенадцать часов без перерыва. На короткое время калмыкам удалось даже захватить непосредственно крепость. За стенами они уже громко ликовали, считая, что победили, но были сразу же выбиты оттуда.

Второй счастливой удачей для отряда Бухолца была история с порохом. В ночь нападения калмыки проезжали по льду Иртыша мимо дощаника с порохом. Часовой трижды окликал, как положено, а после «отважился, было, по

ним палить, но ружье ево либо было неисправно, или Божия десница их для спасения прикрыла». В ходе боя Бухолц вспомнил о порохе и послал роту солдат, чтобы его перевезти в крепость.

Когда стало светать, Черен-Дондук приказал допросить пленных, захваченных у табунов, чтобы узнать, где порох. Пленные отговаривались незнанием. Тогда солдата Петра Першина стали сечь плетьми, затем подвесили к дереву и жгли огнем. Першин умер, но правды о порохе не сказал, а указал на амбары, где хранился провиант.

Яростным штурмом калмыки овладели амбарами. В поисках пороха выбрасывали кули с мукой на улицу и строили из них укрытия. Засев в амбарах, калмыки досаждали оттуда защитникам крепости своей стрельбой. Бухолц приказал бить по ним из пушек. Но «бомбардиры были инженерству неискусны, более бомбы метали наудачу, нежели, как надобно», поэтому лишь под вечер, когда две бомбы попали-таки в амбары, калмыков удалось оттуда выбить. Бомбы для калмыков были в диковинку. Они сначала пытались заколоть их копьем, потом пробовали зажать убийственную силу войлоком, наваливаясь на него кучей, и только наученные горьким опытом, стали затем прятаться от них..

Не взяв крепость приступом, Черен-Дондук прекратил атаки и приступил к правильной осаде, окружив крепость плотным кольцом. Не один из посланных в Тобольск гонцов не прошел. Не зная о случившемся, князь Гагарин послал из Тобольска в Ямышевскую крепость торговый караван в семьсот человек с ротой солдат. У Корякова Яра, в пятидесяти километрах от Ямышева озера (в районе современного Павлодара), калмыки внезапно напали на караван и после боя, длившегося весь день, захватили оставшихся в живых в плен.

В осаде

Пленных, захваченных у Корякова Яра, провели мимо Ямышевской крепости в виду ее защитников, так сказать, для «поднятия духа». Некоторые историки, в частности П. Словцов, и краеведы упрекают в связи с этой акцией Бухолца в трусости: мол, не попытался даже отбить пленных и «разогнать их громом пушечным» (Словцов). Но такие претензии, очевидно, несправедливы. Какие были в отряде пушкари, мы уже знаем по истории с амбарами. А выйти в чистое поле с плохо обученным войском против конницы, в четыре раза превосходящей по численности, равносильно самоубийству.

21 февраля Черен-Дондук прислал подполковнику Бухолцу письмо, в котором писал, что «война де стала, что указу государева о строении города нету, и город де построен ложными словами». Грозил заморить голодом, если Бухолц не отступит. Бухолц отвечал, что *«не обык боятся угроз и, будучи снабжен довольным числом съестных припасов, может переждать без нужды до того времени, пока ис Тоболска, куда он уже писал, болше войска на вспоможение…»*

Хотя и отвечал так Бухолц, но положение было сложным. В том числе и с продовольствием: часть его была потеряна во время захвата калмыками амбаров. А все вестники попадали в плен. Помощи ждать было неоткуда. А

после двухмесячного сидения в крепости появились страшные болезни – моровая (сибирская) язва и скорбут (цинга). Численность отряда начала быстро сокращаться. В иные дни умирало по 20-30 человек. В таком положении, если бы даже пришла помощь, дальнейшее продвижение в Джунгарию было бы невозможным. Когда начался ледоход на Иртыше, удалось, наконец, отправить двоих гонцов в Тобольск, обложив на льдине лодку кусками льда. Но это уже не могло изменить положение дел. И на военном совете было решено уходить. Как объяснял впоследствии Бухолц Сенату, *«опасаясь дабы многая артилерия и амуниция не досталась в руки неприятелю, и весьма б интерес царского величества не утратился, понеже тем летом секурсу вскоре от Тоболска притить к нему было невозможно, и готовых войск в Сибири малое число».*

Ямышевскую крепость разрушили, погрузились на 18 дощаников и 28 апреля 1716 года отплыли вниз по Иртышу. Калмыки не препятствовали отходу. На радостях отпустили даже священника и комиссаров при денежной казне, захваченных у Корякова Яра. В отряде Бухолца осталось всего 700 человек, четверть от первоначальной численности. Г.Е. Катанаев в своем незавершенном труде о первом Сибирском губернаторе князе Гагарине указывает без ссылки на источник, что 133 человека были убиты, 419 попали в плен, и половина отряда умерла от болезней. Аналогичное число пленных указывает и капитан Унковский, бывший в 1722 году с посольством в Джунгарии. Однако, скорее всего, большинство пленных были там из числа захваченных у Корякова Яра.

Ни в одном из известных на сегодня документов по экспедиции подполковника Бухолца не указан точно день, когда дощаники пришли к устью Оми. Но, зная скорость течения Иртыша, можно сказать, что произошло это 4-5 мая (ст. ст.) 1716 года, на что справедливо указал омский историк Е.Н. Евсеев. С этого момента начинается собственно история Омска.

Евсеев же впервые опубликовал отрывок из летописи ямщика И. Черепанова, в котором говорилось о закладке Омской крепости: *«Князь Гагарин, получа известие от подполковника Бухолца, нетокмо представление ево за благо принял, но и послал к нему для дополнения полков 1300 рекрут в трех партиях и так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артилерии поручик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу Оми около 50 сажень от ея устья. Ниской земляной вал в фигуре правильного пятиугольника обнесен палисадом с пятью таких же болверков на углах и со рвом, около которого были поставлены рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние и назвали ее по ея положению Омской крепостью».*

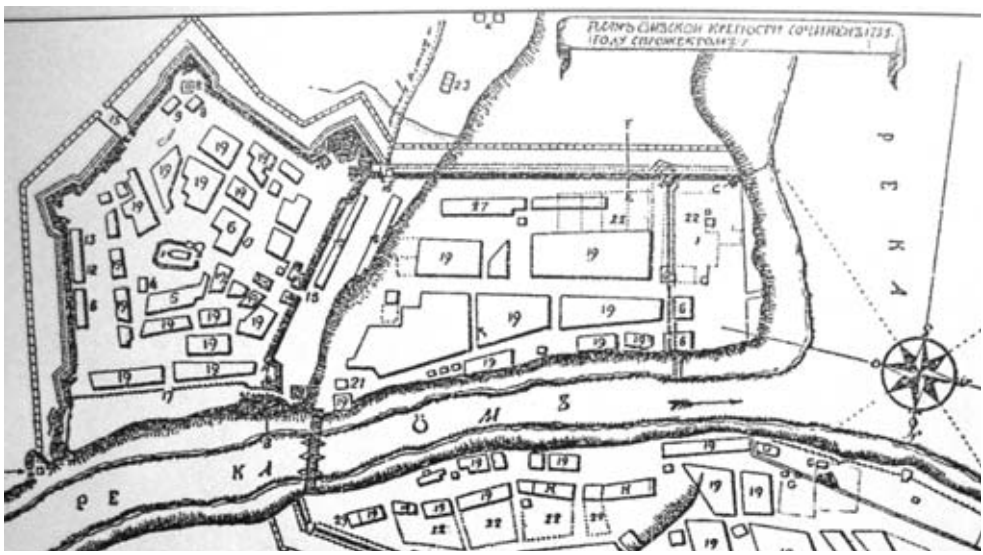
Омская крепость

Итак, место было выбрано на возвышении, в ста с небольшим метрах от Иртыша на левом берегу Оми. По чину строения крепостей ее закладку начали с освящения места, где должен был стоять храм. Такой храм был заложен и в Омской крепости – церковь Сергия Радонежского, день памяти которого

отмечается 6 июля. Известный историк Г.Ф. Миллер, побывавший в середине тридцатых годов 18 века в Омской крепости, писал: *«В крепости строения имеется: церковь Сергея Радонежского чудотворца, гауптвахта, канцелярия, двор командующего офицера да двор управительской и казармы.*

За крепостью, по обеим сторонам реки Оми, стоят многие обывательские дворы, из которых Омская слобода состоит и которые с северной стороны оной реки особливым острогом обведены. Близ крепости сделан через реку мост. Гарнизон сей крепости состоит во 150 человек, да в 200 человек казаков, над которыми капитан каманду имеет».

В одном из самых ранних описаний Омской крепости, обнаруженном и опубликованном Е.Н. Евсеевым, содержатся более подробные сведения о крепости: *«Против церкви ворота крытые, командирский двор, от церкви ж у Знаменских ворот артилерной подвал с выходом, в котором имеется зелейная пороховая казна. У Спасских ворот стоит гауптвахта с перерубом, крыта на четыре стороны тесом. Подле оной, у тех ворот, три магазина да два подвала с выходами. У оной крепости проезжие трое вороты к Иртышу и Оме. Первые Спасские, вторые в степную сторону Знаменские. Над оными воротами башня рубленная. Третьи по Тобольской дороге Никольские. На пяти бастионах восемь батарей».*



План Омской крепости 1755 г. (фрагмент)

Здесь же содержатся сведения о размерах крепости, которые не поражают воображение величиной, и определялись военной целесообразностью и наличием строительного материала: *«А через крепость от Спасских до Знаменских ворот длины 120 сажень (242 м), от берега 102 3/4 сажени (220 м). Подле Знаменских ворот построены в степи казармы – 5. Вокруг оной крепости палисад стеновой и выкопан ров, а мерою 432 сажени (890 м), глубиною три четверти аршина (очевидно, 3 с четвертью аршина –* П.Б.*), да вокруг оной*

же крепости надолбы и рогатки обложены от крепости до Иртыша-реки, по Луговой слободе палисад поставлен. Ров копаной мерою 195 сажень (421 м), глубиною в сажень (2,16 м). Надолбы поставлены и рогатки обложены вокруг оного палисаду. На железинской дороге ворота, называемые Сергиевские, над оными башня. Вкруг оной слободы вниз по Иртышу по берегу Оме-реки палисад мерою 77 1/2 сажень (154 м). Також и ворота к Иртышу имеются».

Таким образом, из указанных сведений можно сказать, что сама крепость находилась в районе от «ленинской горки» до Музыкального театра, а Спасские ворота стояли на ул. 10 лет Октября недалеко от моста от ул. Ленина.

22 декабря 1716 года подполковник Бухолц был отозван в Тобольск, и строительство крепости заканчивалось под началом майора Вельяминова-Зернова.

Неудача экспедиции и строительство Омской крепости стали своеобразным толчком к более систематизированному освоению Верхнего Прииртышья. К этому времени изменилась и внешнеполитическая обстановка. Джунгарское ханство втянулось в трудную войну с Китаем, и не могло уже столь активно, как во время похода Бухолца, противостоять намерениям князя Гагарина в строительстве крепостей на Иртыше. Именно этим обстоятельством объясняется то, что небольшим по численности отрядам капитана Ступина, полковника Матигорова и майора Лихарева в течение 1717 – 1721 годов удалось поставить южнее Омской крепости Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости. Это коренным образом изменило обстановку в регионе: закрыло барабинских татар и кузнецкий край от набегов казахов и способствовало освоению Южной Сибири русскими землепашцами и казаками.

Две судьбы

Итак, выехав из Тобольска 22 декабря 1716 года, Бухолц прибыл в столицу Сибирской губернии 31 декабря, перед самым Новым годом. Здесь он получает указ от князя Гагарина двигаться вновь вверх по Иртышу, выполнить указ царя о песочном золоте. Но Бухолц уверен, что таким числом до указанного места не дойти, и добивается личной аудиенции у Петра. С этой целью он обращается к князю Меншикову и кабинет-секретарю Макарову. Хлопоты увенчались успехом, Бухолц был вызван в столицу и 2 сентября 1717 года прибывает в Санкт-Петербург.

Вскоре туда же был вызван и сибирский губернатор Гагарин. По доносу обер-фискала Нестерова началось следствие по якобы имевшим место злоупотреблениям властью и хищениями государственной казны. Однако какое-то время первым лицам государства было не до них. Разгоралось куда более сложное дело. Дело царевича Алексея. В своей неприязни к деяниям отца он дошел до прямого предательства, спрятался за границей, но был там схвачен и привезен в Санкт-Петербург. Петр не стал решать судьбу царевича сам, а отдал на усмотрение Верховного суда. Членами этого суда стали и Гагарин, и Бухолц. Их подписи в числе других стоят под приговором суда царевичу Алексею. Ему был вынесен

смертный приговор. Алексей якобы умер в тюрьме, но ходили упорные слухи, что он задушен подушкой капитаном Румянцевым и Толстым.

Следствие по делу Гагарина двигалось не в его пользу, и 11 января 1719 года он был уволен с поста Сибирского губернатора и взят под караул. 22 января уже Бухолц отвечал перед Сенатом о причинах неудачи похода за песочным золотом. Здесь обозначилось основное расхождение между показаниями Гагарина и Бухолца о причинах неудачи экспедиции. 29 января Гагарин, отвечая перед Сенатом, говорил, что неудача произошла из-за того, что Бухолц озлобил калмыков и на словах якобы передал поручику Трубникову, чтобы тот сказал контайше, что он, Бухолц, имеет особый от государя указ, который он должен распечатать в Яркенде, и что в том указе он не ведает. Из-за этого нарушился мир, и началась война. Бухолц о словесном наказе Трубникову ничего не упоминает.

Видя, что истину по этому делу не открыть, царь посылает в Сибирь майора Лихарева со следующим указом: *«Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина о всем против данного тебе реестру подлинно… Между тем трудитца всеми мерами освидетелствовать, по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухолца, о золоте эркецком: подлинно ли оное есть и от кого Гагарин сведал. Тех людей сыскать, также и других ведомцов, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди и там, разведав старатца сколко возможно дойтить до Зайсана озера…*

Также розыскать о подполковнике Бухолце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также о прочих его худых поступках освидетелствовать…»

Майор Лихарев исправно исполнил это указание. В Тобольске он допросил около восьмидесяти человек но «верного ведомца» о золоте не нашел. С отрядом 400 человек он дошел до Зайсан-озера, отбил наскок калмыков во главе с сыном контайши Галдан-Цереном и основал Усть-Каменогорскую крепость. Историк П. Словцов по этому поводу пишет: вот, мол, как надо было действовать Бухолцу. Однако не учитывает, что калмыки не могли выделить войска из-за войны с Китаем, и у Лихарева были прочные тылы – Омская, Ямышевская и Семипалатинская крепости.

Об этих крепостях, как о своих детищах, заботился князь Гагарин, уже находясь под арестом. 19 января 1719 года он послал в Сенат доношение, в котором, хлопоча о жаловании гарнизонным людям, писал: *«А пушек и пороху в тех крепостях не малое число и тако имею в том великую опасность, чтоб, тех крепостей не оставя, не разбежались. Також чтобы ныне за удержанием посылки к ним жалованья, также и других припасов не учинили неприятельские люди тем крепостям и людям какого вреду, и чтоб то не было взыскано на мне».* Сенат в своем указе по данному доношению определил содержать новопостроенные крепости «по-прежнему из Сибирской губернии», о чем был послан указ новому сибирскому губернатору Алексею Михайловичу Черкасскому.

После возвращения Лихарева дело по князю Гагарину ускорилось с трагическим для него финалом. 11 марта 1721 года он допрошен с пытками, 14 марта Сенат вынес ему смертный приговор с обвинениями по восьми пунктам

о хищениях и взяточничестве, а 16 марта 1721 года князь Гагарин был повешен перед окнами Юстиц-коллегии, затем труп перевесили к Новой бирже, а когда веревка перегнила, 25 ноября 1721 года по указанию царя перевешен на цепь. Не сохранилось и его портрета, что представляется странным, ибо сподвижники Петра I куда более низкого ранга сохранились на своих парсунах, то бишь портретах.

Подполковник Бухолц признан невиновным и назначен в 1720 году комендантом Нарвы. А в 1723 году направлен опять в Сибирь селегинским комендантом. Здесь он много сделал для укрепления границы с Китаем. В 1740 году бригадир Иван Дмитриевич Бухолц уходит в отставку с повышением чина до генерал-майора. Умер в 1741 или 1742 году. Место захоронения неизвестно.

Словарик старинных слов и выражений

Аки – *как.*
Алтын – *3 копейки.*
Аманаты – *заложники.*
Архимандрит – *высшее звание иеромонаха, обычно настоятеля мужского монастыря.*
Аршин – *мера длины = 71,12 см.*
Бечевник – *тропа на берегу, которой идут тянущие бечевой судно.*
Ведение – *официальное извещение, ведомость.*
Вершок – *мера длины, равная 4,44 см. Аршин = 16 вершкам.*
Вогулы – *манси.*
Генварь – *январь.*
Гобвахта – *гауптвахта.*
Деньга – *полкопейки, 2 полушки.*
Дощаник – *большая плоскодонная лодка с парусом*
Зело – *очень.*
Камка – *шелковая ткань с разводами китайского происхождения.*
Контайша – *правитель Джунгарии.*
Кружало – *кабак.*
Лядунка – *зарядница.*
Мортира – *короткоствольное орудие для стрельбы навесным способом, обычно по крепостям.*
Нагалище – *чехол.*
Остяки – *ханты.*
Полон – *плен.*
Понеже – *потому что.*
Рентерея – *хранилище казны.*
Сажень – *мера длины = 3 аршинам = 7 футам= 213,36 см*
Самоеды – *ненцы.*
Секурс – *помощь.*
Сие – *это.*
Стольник – *на Руси до XVII века придворный чин, степенью ниже боярина.*

Сфрагистика – *вспомогательная историческая дисциплина, объектом изучения которой являются печати (от греческого слова «сфрагис» – печать).*
Сырная неделя – *последняя неделя перед Великим постом.*
Уклад – *низкокачественная высокоуглеродистая сталь*
Фузея – *кремневое ружье со штыком*
Фунт – *мера веса, равная 409,512*
Четверток – *четверг*
Четь – *то же, что четверть=4 пудам*
Экзерциция – *упражнение, учение.*
Ярл – *в Швеции то же, что на Руси наместник-боярин.*
...в 206 году – *то есть в 7206 году от сотворения мира. Чтобы перейти на современное летоисчисление нужно отнять 5508 лет. Таким образом, получается 1698 год.*

ГУБЕРНАТОР ВСЕЯ СИБИРИ – КТО ОН?

В 1707 году «начальный человек» Сибирского приказа, Генеральный президент и Сибирских провинций судья князь Матвей Гагарин был назначен Московским комендантом. Царь Петр поставил ему задачу «Кремль и Китай фортификовать» в связи с угрозой вторжения шведского короля Карла XII из Саксонии. Гагарин успешно справился с поставленной задачей. А через год в дополнение получил под начало самую обширную Сибирскую губернию, которая граничила на западе с Казанской и Архангельской губерниями, а на востоке омывалась Тихим океаном. В Сибири он также запомнился как видный государственный деятель и если бы не следствие и последующая казнь, то он остался бы в истории как один из «птенцов гнезда Петрова», а не как казнокрад и взяточник. Попробуем разобраться, почему это произошло.

Источники

Хотя и сохранилась достаточно отрывочная переписка разных периодов Матвея Гагарина с царем, царевичем Алексеем, Ф. Ромодановским, князем Меншиковым, Т. Стрешневым, И.А. Мусиным-Пушкиным, Б.П. Шереметевым, Ф. Апраксиным, сибирскими воеводами и комендантами, но странным образом не сохранилось собственно следственное дело по злоупотреблениям

первого губернатора Сибири. Историки в большей части вынуждены опираться на факты, приведенные С.М. Соловьевым в его «Истории России с древнейших времен», который показывает лишь доводы обер-фискала Нестерова о взятках и казнокрадстве. Но насколько можно верить словам, не подтвержденным документально, человека, который через год после казни Гагарина сам был казнен за взятки! Современные историки и краеведы, большей частью не работавшие с архивными первоисточниками, из статьи в статью пересказывают о Гагарине сведения, почерпнутые из дореволюционных биографических словарей, делая акцент на его богатстве и склонности к роскоши, договариваются до того, что будто бы он коней подковывал золотыми и серебряными подковами.

Первая, пожалуй, попытка взглянуть на Гагарина как на видного государственного деятеля была предпринята известным омским историком генерал-лейтенантом Г.Е. Катанаевым, который решил написать книгу «Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судия, Московский комендант и всея Сибири губернатор», но не успел ее закончить. Рукопись эта хранится в Историческом архиве Омской области. В 2005 году эта работа была издана отдельной книгой, в которую вошли кроме рукописи Катанаева, подлинные документы и мнения о Гагарине разных историков (составитель Л.И. Огородникова), из которых следует выделить современного историка М. Акишина, основывающего свои выводы на архивных первоисточниках. Эта книга на сегодня дает наиболее полное и объективное представление о первом сибирском губернаторе.

В художественной литературе в какой-то мере попытался реабилитировать Гагарина автор этих строк в романе о походе за песочным золотом и основании Омской крепости «Полуденный зной». Хотя такой задачи поначалу не было, но по мере изучения архивных первоисточников в ЦГАДА, по следам научных публикаций омского историка Е.Н. Евсеева, Гагарин стал одним из главных героев романа. Достаточно выпукло проявилась роль в судьбе Гагарина экспедиции за золотым песком, о чем речь ниже.

Стоит отметить также роман о князе Гагарине писателя из Барнаула Александра Родионова «Князь-раб».

Родословная и начало службы

Матвей Петрович Гагарин происходит из древнего княжеского рода Рюриковичей. Основатель рода – Михаил Гагара. Он был внуком правителя Стародубского княжества. А первый правитель Стародубского княжества князь Иван был внуком Всеволода Большое Гнездо. Знатность происхождения не гарантировала безопасности. При Иване Грозном 18 Гагариных оказались в опале и помещены в Казанском крае, двое были казнены.

В XVII веке Гагарины занимали не очень крупные должности. Двенадцать Гагариных с 1606 по 1690 год были на воеводстве в Сибири.

Дед Матвея Гагарина Афанасий Федорович воеводствовал в Томске в 1623-24 годах. Князь Петр Афанасьевич, отец Матвея, был воеводой в Нарыме (1665-1667) и Березове (1667-1670).

Матвей Петрович родился в 1659 году. Службу начал в 1686 году стольником. В 1691 году был послан в Иркутск «товарищем» (т.е. заместителем) воеводы в Иркутск к брату Ивану Петровичу, а с 1693 по 1695 уже самостоятельно был воеводой в Нерчинске, на китайской границе. А в Якутске воеводствовал его двоюродный брат Иван Михайлович. Таким образом, фактически вся Восточная Сибирь была под властью Гагариных. Столетие хищной охоты на соболя привели к тому, что ясачные сборы стали падать. Гагариных заподозрили в нерадении и злоупотреблении. В частности, в том, что они покупали в Китае по дешевке товары, пользующие спросом в России, а комиссионные не платили. В результате сыска братья попали под суд и были отозваны из Сибири. Имущество, которое они намеревались привезти из Сибири, было конфисковано, на них наложена пеня 13 376 рублей. Но это не сломало карьеры. В 1701 году Матвей Гагарин послан в Польшу с поручением царя, очевидно, по налаживанию союза против Швеции. По возвращении его ждало новое большое дело.

Водных дел начальник

После взятия Азова в 1696 году Петр I пожелал соединить Дон с Волгою, чтобы с севера можно было плавать на юг. Для этой цели использовали Иван-озеро (в Тульской губернии), соединяющееся через реки Шати и Упы с Окой. Руководить работами был назначен Матвей Гагарин. Он же был начальным человеком на перекопных работах Вышневолоцкой системы, соединяющей Балтийское море с Каспийским и Черным. С помощью каналов путь пролегал из Волги Тверцою вверх, из Тверцы во Мсту, а Мстою в Новгород, а оттуда в Балтийское море.

Так как Вышний Волочек был в 560 верстах от Иван-озера, в помощь Матвею был придан его брат князь Василий Петрович. За шесть лет до 1707 года было построено 24 шлюза, через которые было пропущено до 300 судов.

Петр был доволен работой Матвея Гагарина, о чем говорит тот факт, что в 1703 году на торжественном открытии в Воронеже водных сооружений, Гагарин был включен в список близких к царю лиц, в письме к Меншикову.

Петр не забывал Гагарина и уже в бытность того Сибирским губернатором. В 1712 году, когда Гагарин приехал в Москву по делам губернии, ему было поручено осмотреть ход перекопных работ между Тверцою и Мстою и рассмотреть вопрос расширения всей Вышневолоцкой системы, для чего: *«1-ое, осмотреть Мстинские пороги; 2-е, осмотреть обход реками Иверью и Вильею; 3-е, из Мологи ко Мсте или…и, осмотря, где лучше, тут велеть готовить работникам припасы, а самим ехать на Вытегру и Шексну. И, осмотря все, быть с полным доношением к Сенату к Москве, чтобы будущею весною, конечно, где лучше, зачать дело неотложно»*.

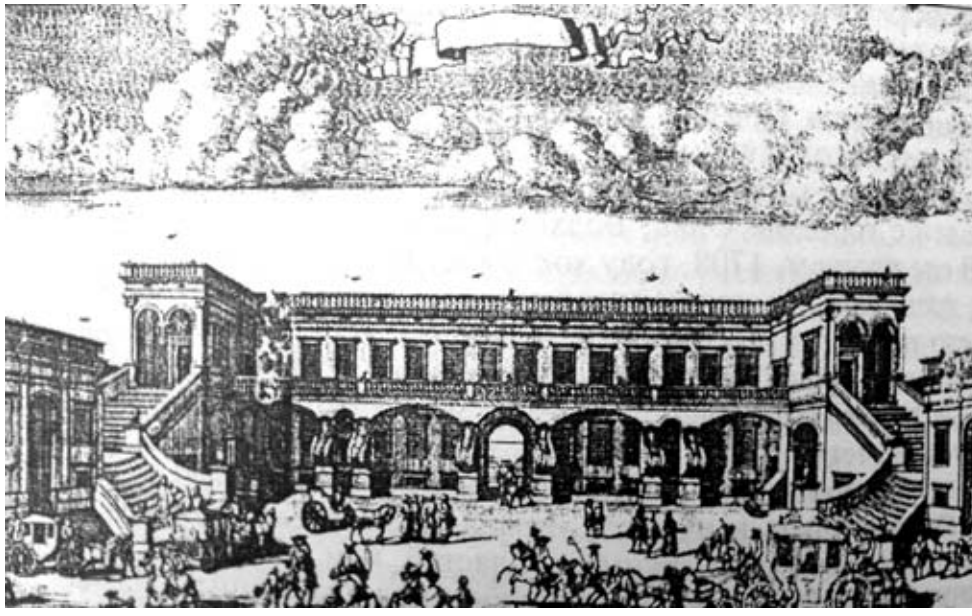
Успешность в руководстве водными делами предопределила дальнейшие назначения.

Комендант московский

В 1706 году кн. Гагарин назначен «начальным человеком» Сибирского приказа. Согласно указу он должен был именоваться «генеральным президентом и Сибирских провинций судьею». При этом назначении учлось, по всему, знание Гагариным Сибири.

В мае 1707 в дополнение к этой должности он назначен московским комендантом и приступил к укреплению города ввиду угрозы прорыва шведской армии к Москве. Он приказал отобрать у всех иностранцев русских слуг без разбора в солдаты, а затем потребовал с Немецкой слободы по одному человеку с трех печей на работы по укреплению города. Английский посланник Витворт с трудом выхлопотал у Гагарина возможность сохранить слуг по списку, согласованному с Матвеем Гагариным. Князь Гагарин был в личной переписке с царем, выполнял его личные поручения, в частности, изготовил и послал ему одеяло на лисьем меху, крытое парчой. В августе 1709 года Петр велел Гагарину отдать англичанину Вилиму Ллойду стеклянные заводы у села Воробьева на 10 лет с условием, чтобы тот увеличил производство и обучил стеклянному делу 12 русских.

Гагарин был весьма образованным человеком в отличие, например, от Меншикова, умевшего только расписываться. Об этом говорит тот факт, что в 1708-1709 гг. Гагарину было поручено наблюдение за гравированием чертежей и фигур к выходящим на Московском печатном дворе книгам по механике и фейерверкам. Начальник Московской типографии А.И. Мусин-Пушкин писал царю: «А г. Гагарин сказал, которые книги у него были архитектурная и фортификаческая, и те книги послал он тебе, государю, а фигуры де геоме-



Дом М.Гагарина В Москве. 1707 г.

трическия умедлил сделать мастер (гравер Пикард) для того, что многие иныя твои государевы были дела, да и болен многое время был». Гагарин принимал самое активное участие в подготовке русской гражданской азбуки.

В эти годы Гагарин стал одним из самых влиятельных вельмож. 23 ноября 1707 года он организовал обед по случаю именин А.Д. Меншикова, где присутствовала вдовствующая царица, царевна Наталия и около 400 знатнейших гостей. Его сын Алексей женился на дочери барона П.П. Шафирова, одна из дочерей была замужем за графом И.Г. Головкиным, а другая постриглась в монахини, чтобы не выходить замуж за сына графа И.И. Мусина-Пушкина.

В 1709 году князь Б.И. Куракин писал: «Приезд в Москву ставлю себе за счастье от всех в приемности особливой всего моего веку. На остатке покажу то, что при отъезде моем самом имел в доме своем столько персон знаменитых, как кн. Гагарина – коменданта московского, так и других прочих».

Одной из главных обязанностей было снабжение армии. Историк М. Акишин пишет: «В распоряжении кн. М.П. Гагарина находился весь обширный гарнизон Московской губернии, а также все рекруты и военные припасы, которые направлялись через Москву в действующую армию. Гагарин не только комплектовал в Москве новые полки и отправлял их на театры военных действий, но, по заданиям царя, руководил всеми потоками людей и оружия, которые стекались со всей России к столице. Таким образом, он фактически стал начальником тыла русской армии в годы побед под Лесной и Полтавой. Его вклад в эти победы вполне сравним с делами самого Петра I, князей А.Д. Меншикова и В.В. Долгорукова».

В июле 1709 Москва бурно отметила Полтавскую викторию. С укреплений было сделано несколько тысяч выстрелов, город погрузился в разноцветье фейерверков. Было дано два торжественных обеда у царевича Алексея и коменданта Гагарина. Гагарин велел выставить перед своими палатами для народа и шведских пленных разные кушанья много бочек с вином, водкою, медом и пивом.

Пленные шведы были в распоряжении коменданта, по приказу царя он организовывал шествие пленных по случаю побед русского оружия. Сталину было с кого брать пример.

4 августа 1709 года в Москве случился сильный пожар. Сгорело около 5 тысяч домов, в том числе и знаменитый дом Гагарина, построенный в венецианском стиле по проекту Джованни Марио Фонтана. У очевидцев он вызывал восхищение внутренним убранством и роскошью, оригинальным украшением были висячие аквариумы…

После пожара Гагарин с одобрения царя запретил строительство деревянных домов в Китай-городе.

Первый сибирский губернатор

Одновременно с исполнением обязанностей московского коменданта после учреждения в 1708 году восьми губерний, под начало Гагарина была отдана самая крупная – Сибирская губерния. В то время она включала в себя 30 городов, русское население составляло чуть более 600 тысяч человек, из

них 80 тысяч служилого населения, в основном казаков. Петр, ни разу не бывавший в Сибири, слабо представлял, что это такое. Для него она была вроде колонии – источник доходов и рекрутов. Надо сказать, что даже в отсутствие Гагарина (в Тобольск в качестве губернатора прибыл лишь в середине 1911 года) доходы от сибирских городов возросли с 275 382 руб. в 1706 году до 665 100 руб. в 1709 г.

Основными источниками дохода были таможенные и кабацкие сборы, ясак и торговля с Китаем.

Рассказывают легенды о пышном въезде в Сибирь губернатора на судах обитых внутри красным бархатом, разбрасывании денег в народ «на драку», о выездах на каретах с серебряными шипами, подбитыми золотыми гвоздями и т.д.

Реальная же деятельность развивалась по нескольким основным направлениям: благоустройство столицы Сибири Тобольска, просвещение края, укрепление и утверждение православия как среди русского населения, так и среди инородцев, внешнедипломатическая деятельность с Китаем, Джунгарским ханством и киргиз-кайсаками.

Рассмотрим кратко результаты деятельности Гагарина по этим направлениям.

При Гагарине был достроен Тобольский каменный кремль – единственный таковой в Сибири. В частности с привлечением пленных шведов была построена Рентерея (хранилище казны) над Прямским взвозом. Гагарин, прокопав канал, изменил устье впадения Тобола в Иртыш, который подмывал своим напором берег, что грозило обрушением зданий на нагорной части столицы Сибири – опыт перекопных работ на Вышневолоцких шлюзах пригодился.

В сотрудничестве с митрополитами Филофеем Лещинским (в монашестве Феодор) и Иоанном Максимовичем Гагарин всеми силами содействовал обращению сибирских инородцев в православную веру. При Гагарине только в инородческих волостях было построено 37 церквей. Филофеем же было крещено около 30 000 тысяч инородцев. Иоанн Максимович направил духовную миссию в Китай.

В Тобольске при Гагарине были открыты школы на архиерейском дворе, цифирная школа и школа пленных шведов. Причем по числу учащихся в 1722 году (224 человека) цифирная школа была второй в империи.

В Восточной Сибири он всячески поддерживал горное дело. В 1711 году по его велению было отправлено в Москву из Нерчинска 9 пудов 38 фунтов серебра, в 1712 году плавленого серебра оттуда же 4 пуда 35 фунтов 59 золотников.

Но особенно нужно отметить его дипломатическую деятельность. Он строил отношения с Китаем, Джунгарским ханством, монголами и киргиз-кайсаками (казахами) так, что те всегда ощущали величие России и, воюя между собой, стремились привлечь Россию в качестве союзника. Благодаря Гагарину территория России увеличилась на 500 тысяч квадратных километров, в основном за счет присоединения земель на южных границах, особенно в степной зоне вверх по Иртышу. Существенную роль в этом сыграла экспеди-

ция за песочным золотом подполковника И.Д. Бухолца, инициированная князем Гагариным. Неудачная по замыслу и вряд ли выполнимая – пройти менее чем трехтысячным отрядом внутрь Джунгарского ханства пусть и «в поисках руд» – она завершилась основанием Омской крепости, а затем в течение всего лишь пяти лет с 1716 по 1721 года Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей.

Следствие и казнь

В 1712 и 1713 гг. обер-фискал Нестеров доносил о губернаторском расхищении государевой казны. В 1715 году князь Гагарин был вызван в Санкт-Петербург и должен был отвечать перед комиссией князя В. В. Долгорукова. Обвинение исходило из того, что оклад 1711 года, показаный губернатором, слишком мал. Следователи сравнивали табель с собственной ведомостью губернатора. Получалось, например, что сбор ясака за 1710 год составил 56 482 рубля, по табели значилось 49 685 рублей, а в 1705 году был 100 000 рублей. Или от железных заводов по табели следовало получить 2 293 рубля, а получено было 20 387 рублей – это тоже ставилось в вину, мол, специально занизил доход по табели, чтобы сборы сверх табели присваивать. Гагарин сумел оправдаться. Он писал в одном из донесений: «А та многая недоплата в положенные места учинилась оттого, что в прошлом 1715 г. по имянному Его Величества Царскому Указу велено мне быть в С-Петербурге, а в губернии всякое управление велено ведать кроме меня обер-комиссару Ив. Бибикову, и тот 1715 году даже и до половины 1716 г. все правил, и той ради моей отлучки учинилось великое неисправление, а в сборах помешательство».

Нестеров не успокоился, писал, что комиссия Долгорукова вела дело «с закрытием, как ему, Гагарину, в том надобно».

В 1717 году князь Гагарин был вызван в новую столицу для участия в суде над царевичем Алексеем.

А в 1718 году следствие было открыто вновь, но вели его уже гвардейские офицеры под началом Дмитриева-Мамонова. Ему насчитали недоплат из Сибирской губернии с 1713 по 1717 год включительно 305 554 рублей. Гагарин просил зачесть на незапланированные расходы по губернии 281 085 рублей, в том числе 115 373 рубля на организацию экспедиции Бухолца и строительство Ямышевской крепости. Тогда бы доплатить осталось всего 33 926 рублей. И как писал Гагарин: «И то будет отдано товарами вскорости».

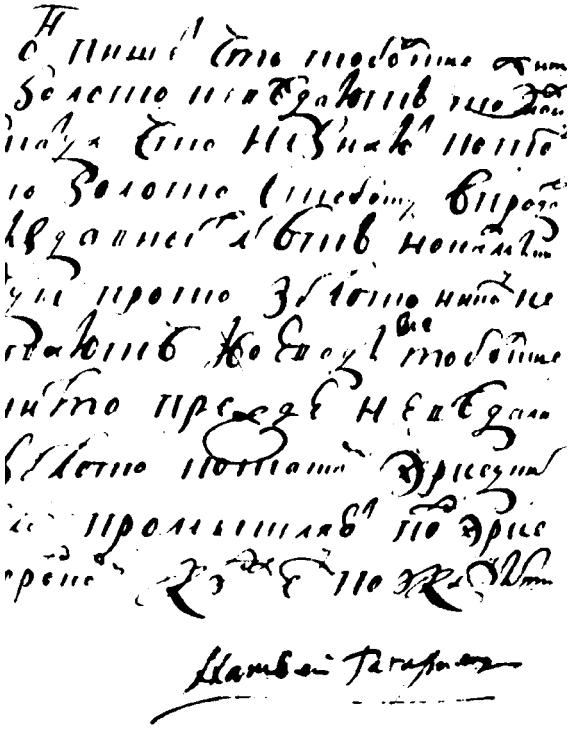
Эта не та сумма, за которую нужно было казнить. Друг Гагарина Меншиков злоупотреблял куда как в больших размерах!

11 января 1719 года он был уволен с поста Сибирского губернатора и взят под караул. Царь посылает в Сибирь майора Лихарева со следующим указом: *«Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина о всем против данного тебе реестру подлинно… Между тем трудитца всеми мерами освидетелствовать, по сказкам помянутого Гагарина и подполковника Бухолца, о золоте эркецком: подлинно ли оное есть и от*

кого Гагарин сведал. Тех людей сыскать, также и других ведомцов, и ехать с ними до тех крепостей, где посажены наши люди и там, разведав старатца сколко возможно дойтить до Зайсана озера…

Также розыскать о подполковнике Бухолце, каким образом у него Ямышевскую крепость контайшинцы взяли, также о прочих его худых поступках освидетелствовать…»

В инструкции также говорилось: «Его Царское Величество изволил приказать о нем Гагарине сказывать в городах Сибирской губернии, что он Гагарин плут и недобрый человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть, а будет прислан на его место иной».



Автограф кн. М.П. Гагарина под доношением Сенату в ответ на претензии Бухолца

В 1720 году китайское правительство, узнав, что Гагарин попал под гнев государя из-за того якобы, что проявлял медлительность в отправлении писем в Китай и повинен в беспорядках и убийствах на территории Китая в Карчинской области, прислали грамоту, в которой убеждали царя, что сибирский губернатор в этом не виноват.

После возвращения Лихарева дело по князю Гагарину ускорилось с трагическим для него финалом. Кроме недоплат, ему вменялось в вину, что он утаил хлеб, купленный на Вятке для отправки за море, велел брать казенные деньги и товары на свои расходы, а приходные и расходные книги кинул, брал взятки на откуп пивной и винной торговли, удержал у себя три алмазных перстня, купленных на деньги царицы Екатерины и т.д.

Историки приводят покаянное письмо Гагарина. Но в этом письме нет признания ни по одному пункту обвинений. А лишь общая фраза, что вел дела непорядочно и брал подарки в почесть, что было в то время обыкновенным делом.

11 марта 1721 года он допрошен с пытками, 14 марта Сенат вынес ему смертный приговор с обвинениями по восьми пунктам о хищениях и взяточничестве, а 16 марта 1721 года князь Гагарин был повешен перед окнами Юстиц-коллегии, затем труп перевесили к Новой бирже, а когда веревка перегнила, 25 ноября 1721 года по указанию царя труп перевешен на цепь.

Есть основания полагать, судя по подробным ведомостям об имуществе отряда, которые посылал Бухолц из Ямышевской крепости по указу царя, Петр заподозрил Гагарина в том, что он решил погреть руки на экспедиции за золотом. В ведомостях требовалось указывать цену каждого предмета, но Бухолц ответил, что цены не знает, так как все отпускалось через канцелярию.

Были описаны имения Гагарина и отданы царем тем, кто вел следствие, и другим «птенцам гнезда Петрова»: Дмитриеву-Мамонову, Девиеру, Пашкову, Брюсу. Себе Петр взял только два ружья в серебряной оправе, сделанных мастером Пиленко на Тобольском заводе, открытом при Гагарине.

Шведский капитан Страленберг, из пленных, проживший долгое время в Сибири в своей книге написал, что Гагарин хотел отделиться Сибирью. Но, как справедливо указывает М. Акишин, если бы это имело место, то осталось бы в следственных документах, к этому времени Петр пережил измену царевича Алексея, Мазепы и вряд ли бы стал скрывать подобный политический аспект. Сохранилась историческая песня о Гагарине, будто лежит он на кровати любуется рыбами в аквариуме в своем дворце и говорит:

«Уж дай Боже пожить, во Сибири послужить
Не такие бы палатушки состроил бы себе
Не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тем разве похуже – золотого орла нет.
Уж за эту похвальбу государь его казнил».

Эта песня говорит о том, что, возможно, такие слухи ходили и сохранились в народной памяти.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ ИЛИ АНТИХРИСТ?

30 мая 1672 года родился Петр I, величаемый большинством историков Великим. Кроме обычного для русских царей титулования, после победы над шведами в 1721 году он принял также титул Императора Всероссийского и Отца Отечества. Такое было впервые. Впрочем, при Петре многое было впервые. Насколько же он был отцом своему Отечеству, ибо всякий правитель должен, прежде всего, заботиться о благе своего государства и народа? По этому поводу существует два взгляда на царя-реформатора. Первый официальный, сохранившийся благополучно от Петра до наших дней: Петр – великий реформатор, второй, менее известный и популярный: Петр – реформатор, сбивший Россию с ее эволюционного национального пути развития.

Оценка современников

Еще в 1717 году, когда до смерти Петра оставалось восемь лет, член Правительствующего Сената Мусин-Пушкин решил сравнить деяния Петра и его отца Алексея Михайловича. По нему получалось, что Петр во всем превзошел своего отца. Царю это, однако, не понравилось: «В твоем порицании дел моего отца и в похвале моим больше брани на меня, чем я могу стерпеть». И он подошел к старику Якову Долгорукому: «Вот ты больше всех меня бранишь и так больно досаждаешь мне своими спорами, что я часто едва не теряю терпение, а как рассужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь… Как ты думаешь о делах отца моего и моих?»

Петр Первый

Долгорукий задумался и сказал: «Три главных дела у царей: первое – внутренняя расправа (т.е. внутреннее управление – П.Б.) и правосудие. Для этого у отца твоего было больше досуга, но когда ты займешься этим, может быть, и больше отцова. Другое дело – военное. Этим делом отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, но после него неразумные люди все его начинания расстроили: так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать. Конец войны это покажет. Третье дело – устройство

флота, внешние опыты, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы принес, нежели твой отец». Петр обрадовался и поцеловал Долгорукого: «Благий рабе верный!»

Что ж, для «раба верного» это настолько же объективная характеристика, насколько и льстивая. Попробуем разобрать все три дела.

Дело первое – внутреннее

Один из самых ярых критиков петровских реформ философ-эмигрант Иван Солоневич в своей «Народной монархии» посвятил Петру целый раздел. В нем он в частности разбирает два постулата, укоренившихся в исторической науке: первый – Россия сильно отстала от Европы и Петр, прорубив окно в Европу, приобщил нас к цивилизации и второй – подняв Россию на дыбы перед бездной, Петр спас ее.

Первая поездка царя была в Нидерланды и в Англию. Во время Петра Европа вела тридцатилетнюю войну за испанское наследство, которая прекратилась из-за истощения воюющих сторон. Германия и Франция стали просто вымирать от голода. В разоренных Нидерландах голодные массы разрывали в клочья представителей власти, а те отвечали казнями. Один только саксонский судья Карпцоф казнил 20 тысяч человек. А Саксония была не больше двух российских губерний. За сто лет до Петра в 1568 году Святейшая инквизиция осудила на смерть ВСЕХ жителей Нидерландов, и герцог Альба вырезал целые города. Иван Грозный, которого Европа считает кровожадным чудовищем, по оценкам историков, казнил за всю свою жизнь около четырех тысяч. В Англии только при Елизавете было казнено около 90 тысяч человек. А Ключевский утверждал, что народы Европы воспитывались без кнута и застенка! Если в Уложении царя Алексея Михайловича смертная казнь полагалась за 60 видов преступлений, то в современном ему французском законодательстве – за 115. Петр, приобщившись к цивилизованной Европе, ввел смертную казнь за двести преступлений. В утопающем в роскоши королевском версальском дворце на столе стояло специальное блюдце, на котором давили вшей. Европа не мылась в бане. И до сей поры мужики в Европе предпочитают мыться в ванной у любовниц, чтобы не мыться в одной воде дома всей семьей. В России же хотя бы раз в неделю мылись в бане.

И Петр начал бороться с русскими банями, обложив их непомерным налогом: по 3 рубля в год – высшее сословие, по рублю – среднее и по 15 копеек – низшее. Для сведения: жалованье пешего казака в Сибири было в то время 4 рубля в год, а мужику никто ничего не платил. Впрочем, при Петре за что только не брали налоги. Он ввел даже должность прибыльщика, который придумывал все новые и новые налоги.

Всем известно, с чего начал свои преобразования Петр, вернувшись из Европы. Он стал резать бороды, а шибко желающие ее носить должны были заплатить налог и иметь при себе особый жетон с выбитой на нем надписью «Деньги взяты». Представьте, что бы началось даже сегодня, если бы Госдума ввела налог на бороду или длинные волосы! А в то время облик человеческий

должен был соответствовать облику Божьему, т.е. быть с бородой. Для религиозного сознания это было все равно что сегодня публично обнажиться! Сам Петр по этому поводу говорил: «Наши старики по невежеству думают, что без бороды не внидут в царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всех честных людей, какого бы закона верующие в него ни были, с бородами ли они или без бород, с париками они или плешивые, в длинном ли сарафане или в коротком кафтане».

Приказал Петр поменять и одежду, особенно в армии, совершенно не принимая в расчет климатических условий и не думая об удобстве для солдат. Все эти лосины, короткие кафтаны, башмаки и треуголки годились для теплой Европы, и понадобилось два столетия, чтобы русская армия в XX веке вернулась практически к стрелецкой одежде: сапогам, длинной шинели и папахе.

Из цивилизованной Европы Петр привез еще табак, всепьянейшие соборы, ассамблеи с насильственным спаиванием присутствующих, кощунство в отношении Православной Церкви, в частности отменил патриаршество, восстановленное лишь после революции.

Народ смотрел на все эти новшества сначала с изумлением, затем с возмущением, а с увеличением тягот и насилия отвечал бунтами, вроде булавинского.

В народе поползли слухи, что из Европы вернулся не истинный царь, что его там подменили. Другие говорили, что он антихрист от шведки с зубами рожденный в Кокуе и обмененный Матвеевым, что скоро не только будут бороды заставлять брить, но и мясо в посты есть, что уже заготовлены клеймы, чтобы всех печатать антихристовой печатью. А попасть под власть антихриста, значит, лишиться вечной жизни! Особенно такие настроения были сильны среди раскольников-старообрядцев, которых Петр обложил двойной подушной податью и заставил носить на спине кафтанов и армяков отличительный знак – четырехугольник из красного и желтого сукна. Впрочем, Петр часто демонстрировал великодушие. Однажды среди русских и иноземных купцов встретил купцов-раскольников с красно-желтым четырехугольником и поинтересовался, честные ли они купцы и можно ли им верить. Услышав утвердительный ответ, сказал: «Хорошо, если они таковы, то пусть веруют во что хотят. И если их нельзя отвлечь от суеверия рассудком, то, конечно, здесь ни огонь, ни меч помочь не в силах, а мучениками за глупость они быть не заслуживают, да и государству от этого не будет никакой пользы».

Чем дальше шли реформы, тем сильнее были эсхатологические настроения, ожидание конца света, уверенность, что Россией правит антихрист. Да и что было народу думать, когда царь заточил свою первую жену Евдокию Лопухину в монастырь, а женился на распутной девке неизвестного происхождения Марте Скавронской, будущей Екатерине I, отправил на смерть своего сына Алексея, издал 5 февраля 1722 года указ «О наследии престола», в котором имя наследника не называл. Именно этот указ стал причиной уникального по идеологии Тарского бунта, в безымянном наследнике тарские жители узрели

пришествие безымянного антихриста и отказались присягать указу. Этот указ стал причиной череды дворцовых переворотов и убийств в течение столетия, пока не был отменен Павлом I.

В 1714 году Петр издал указ о единонаследии. Этим указом запрещалось делить поместье между детьми, наследником мог быть только кто-то один. Этот указ способствовал окончательному закрепощению крестьян, превращению их в рабов. При Алексее Михайловиче крестьянину запрещалось сходить с земли, но отношения между помещиком и крестьянином, по сравнению Соловьевича, были такие как между атаманом и казаком, помещик мог выпороть крестьянина, но оба они служили государю. Крестьянин вел собственное хозяйство, заключал договоры, продавал свою продукцию… И при «тишайшем» – Алексее Михайловиче – деревня достигла такого уровня, какого никогда не достигала после Петра. После этого указа стал формироваться паразитический слой – дворянство.

Мы далеки от мысли объявлять Петра врагом Отечества, в своих деяниях он стремился к государственному благу, но получалось все часто через пень-колоду. Вот, например, ввел он Табель о рангах, разделив все служилое военное и гражданское население на 14 классов. Это давало с одной стороны возможность пробиться по служебной лестнице человеку незнатного происхождения, но с другой стороны породило страшный бюрократизм. Уже в восемнадцатом веке князь М.М. Щербатов писал по этому поводу в сочинении «О повреждении нравов в России»: «Ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги: и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые заслуги учинить, то за недостатком заслуг стали стараться дослуживаться всякими образами, льстя и угождая государю и вельможам. Могла ли остаться добродетель и твердость в тех, которые в юности своей от палки своих начальников дрожали?»

«Знаю, – говорил Петр, – что считают меня тираном. Но совесть моя чиста. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам: эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству».

Взяточничество и воровство развилось, однако, неимоверно, даже главный борец со взятками обер-фискал Нестеров, из-за которого было казнено немало видных вельмож, сам был казнен за взятки. Царь с этим боролся и дубиной и казнями, но эффекта не добился. Однажды приказал генерал-прокурору Сената Павлу Ягужинскому, что если на украденные деньги можно купить веревку, то вора без следствия тотчас повесить. Ягужинский сказал Петру: «Всемилостивейший государь! Неужели ты хочешь остаться без подданных? Все мы воруем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Царь рассмеялся и отказался от затеи.

Слепое копирование Петром административно-управленческих структур западных государств не давало необходимого результата. Даже «птенец гнезда Петрова» Федор Апраксин в 1716 году пожаловался другому «птенцу» кабинет-секретарю Алексею Макарову: «Истинно во всех делах, точно слепые, бродим и не знаем, что делать; во всем пошли великие расстрои и куда прибегнуть и что впредь делать, не знаем».

Так что надежды Якова Долгорукого, что Петр, может, превзойти во внутреннем правлении своего отца не оправдались. После петровских реформ, по оценкам весьма либерального к Петру историка П. Милюкова, население России уменьшилось на 20 процентов, другие историки полагают, что население уменьшилось на 40 процентов!

Впрочем, будет несправедливо утверждать, что все дела Петра были пустыми. Благодаря ему, мы отмечаем с наряженной елкой Новый год 1 января (до 1700 года новый год начинался с 1 сентября), пользуемся упрощенным им лично гражданским шрифтом… Из-под палки, но он заставил учиться, появились различные школы и академии. К концу царствования в России было 230 заводов и фабрик, и пушки за границей покупать было не нужно. Хотя и было это сделано за счет разорения крестьян. Не случайно портрет Петра висел в кабинете Сталина, который также за счет крестьян поднял промышленность, а иначе бы нас просто смяли. Может, и при Петре по-другому нельзя было, кто его знает.

Как бы там ни было, народ, видя царя с топором в руках, чесал в затылке и в основной массе терпел. Гавриил Державин написал:

Оставя скипетр, трон, чертог,
Был странником, в пыли и поте
Великий Петр, как некий Бог,
Блистал Величеством в работе.

Дело второе – военное

О «военном гении» Петра говорит красноречиво тот факт, что он вел самую длительную войну в истории России – 21 год воевал со Швецией. Вот что сказал о начале Северной войны знаменитый историк Ключевский: «Редкая война даже Россию заставала врасплох и была так плохо обдумана и подготовлена». И о конце войны: «Упадок платежных и нравственных сил народа едва ли окупился бы, если бы Петр завоевал не только Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию и даже пять Швеций».

Следует напомнить, что династия Романовых (проклятая династия, по определению современного историка М. Калашникова) воцарилась после Смутного времени, когда из-за предательства бояр во главе Русского государства едва не стал польский королевич. А отец Петра Алексей Михайлович практически решил польский вопрос, отвоевал исконно русские земли, присоединил Украину, что, конечно, куда важней выхода к Балтийскому морю. При нем почти половина армии стала регулярной, были и пушки, и иностранцы-специалисты, но при этом не было оскорбления русского национального духа.

С сожалением следует признать, что Петр в душе был трусоват. Особенно это проявлялось в критических ситуациях.

Так, в 1689 году, когда пришло известие о заговоре Софьи, 17-летний Петр в панике бежал полураздетый в Троицкий монастырь и со слезами умолял игу-

мена защитить его. Хотя Софья могла выставить всего триста стрельцов, против нескольких полков бывших потешных. Этот испуг стал, говорят, главной причиной припадков, похожих на эпилепсию.

Особо оконфузился Петр под Нарвой. Имея 35-40 тысяч войска, он, узнав о выступлении Карла, уехал (бежал?) в Новгород, чтобы оттуда ускорить выдвижение продовольствия.

В это время 18-летний Карл с 8-тысячным войском ударил по русскому войску, растянутому в линию командующим, немцем де Кроа. Русские смешались, первая мысль и следом крики: «Немцы изменили!». Началась паника, закончившаяся полным поражением. Карлу достались все пушки и осадные орудия. Хорошо зарекомендовали себя лишь Семеновский и Преображенский полки. Пришлось снимать колокола и лить из них пушки.

Знаменитая битва под Полтавой ставится полностью в заслугу Петру. Но не выиграть ее после победы под Лесной, было бы еще большей конфузией, чем под Нарвой. Шведы были измотаны, практически без артиллерии. У Петра – сорокадвухтысячная армия, у Карла – двадцатитысячная. Шведы были полностью разбиты, но из-за дипломатической бестолковости Петра война продолжалась еще двенадцать лет.

Печальные последствия имел Прутский поход. 25 февраля 1711 года Петр объявил войну Османской империи. В этот же день он тайно венчался с Екатериной, и она отправилась с ним в Прутский поход. Поначалу поход складывался нормально, но в июле укрепленный лагерь русского войска (38 тысяч человек) на берегу Прута был окружен турецкой армией, в четыре с половиной раза превосходящей русские войска. Положение было катастрофическим, не было ни куска хлеба, ни мяса. Против 125 русских пушек было более 300 турецких. Петр впал в полнейшее уныние и панику. Выручила Екатерина. Она предложила подкупить визиря и пожертвовала для этого свои драгоценности. На переговоры послали сподвижника Петра крещеного еврея Петра Шафирова. Тот выговорил мир. Но условия были ужасными. Туркам отдали Азов, должны были срыть новые крепости: Таганрог, Каменный Затон и Новобогородицк, а пушки из них отдать туркам. О выходе к Черному морю пришлось надолго забыть.

Через два с половиной года, после того как русская армия избежала плена, Петр учредил орден Освобождения – в знак благодарности жене. Орденом могли награждаться только женщины. Орден представлял из себя овал в алмазной оправе с изображением Св. Екатерины в центре.

Но, в конце концов, победа была достигнута. 30 августа 1721 года был подписан Ништадтский мир, по которому России отходила Ингерманландия, Эстляндия, Лифляндия и южная часть Карелии с Выборгом. Несколько дней в Санкт-Петербурге гремели салюты и фейрверки. Царь радовался как дитя. С каторги были отпущены все преступники, прощены недоимки в налогах с 1700 по 1721 год. Народ тоже ликовал, ожидая заслуженный отдых.

Дело третье – флот

Хотя первый корабль был спущен при Алексее Михайловиче, но в морском деле приоритет Петра трудно оспорить. Его страсть к строительству кораблей общеизвестна. При нем одержаны первые русские победы на море при Гангуте и Гренгаме.

Но строительство флота тяжким бременем легло на народ. Провинившихся ссылали на галеры гребцами, закованными в кандалы. Лучшие леса вокруг Воронежа и Петербурга были вырублены.

Когда Петр умер, флот его сгнил. Его пришлось восстанавливать при Елизавете и Екатерине II. То, что корабли сгнили вина лежит на его преемниках. Но кто их вокруг себя собрал?

В заслугу же Петру может быть поставлено то, что он задал вектор развития России как морской державы, несмотря на все издержки.

Главные послепетровские итоги

Реформы проводятся обычно в период кризиса. При вступлении на царство Петра никакого кризиса в России не было. Если и нужны были какие-то преобразования, то их можно делать без ломки русского уклада жизни, без оскорбления национального духа.

От петровских реформ выиграло лишь дворянство, получившее в рабство крестьян. Вслед за Петром они впитали западную культуру, вплоть до того, что стали говорить и думать на французском языке. П. Милюков как бы проговаривается об этом: «Сознательно или бессознательно на стороне петровской реформы стояло, конечно, большинство образованного класса, совпадавшего до середины XIX века с классом дворянским…» Между народом и правящим классом образовалась пропасть, которая и привела в итоге к Октябрьской революции.

Знаменитый историк С.М. Соловьев сравнивал реформы Петра с «бурей, освежающей воздух», мол, затхлая атмосфера Москвы сменилась свежим воздухом Петербурга. В какой-то степени ему вторит поэт и мыслитель Ф. И. Тютчев: «Русская история до Петра Великого сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело». Оставим «затхлость» и «панихиду» на совести уважаемых авторов, и вместе с Солоневичем спросим: «Это Остерман и Бирон, Миних и Пален – освежение? Цареубийства, сменяющиеся узурпацией, и узурпации, сменяющиеся цареубийствами, – это тоже освежение?» Действительно, одно уголовное дело!

Конечно, Петр был личностью незаурядной, и мы согласимся с академиком Сергеем Платоновым, написавшим уже в советское время в книге «Петр Великий: Личность и деятельность» (Л., 1926): «Люди всех поколений в оценках личности Петра Великого сходились в одном: его считали силой. Одинаково – ученики Петра («птенцы гнезда Петрова»), раскольники, восхвалители и критики, славянофилы и западники – все признавали, что Петр был заметнейшим и влиятельнейшим деятелем своего времени, вождем своего народа,

«властителем дум» для одних и губителем душ для других. Никто не считал его ничтожным человеком, бессознательно употреблявшим власть или же слепо шедшим по случайному пути.

Обаяние его личности действовало неотразимо на тех, кто мог видеть его близко, и все поражались его знаниям, быстротою усвоения, ненасытной любознательностью, серьезным достоинством и непринужденностью, с каким он подходил ко всякому делу».

Омск, между прочим, обязан своим появлением Петру I, подписавшему 22 мая 1714 года на адмиралтейской галере «Святая Наталия» указ об экспедиции за песочным золотом к городу Яркенду подполковнику Бухолцу Ивану Дмитриевичу..

К 200-летию Омска в 1916 году Городская дума постановила переименовать Дворцовую улицу (ныне ул. Ленина на левом берегу Оми) в проспект Петра Великого. Но переименовать не успели, помешала революция.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОЛЯ – СОХА ДА ПОЛЕ

Ссуда – причина крепостного права

Специфика взаимоотношений крестьянства и власти, поддержка крестьянства государством на протяжении значительного периода истории России определялась тем, что территория государства постоянно расширялась. Новые земли требовали освоения, и волей-неволей государство вынуждено было оказывать содействие земледельцам. И когда в XIX веке границы империи стабилизировались, то и помощи крестьянам практически не было. И только в начале XX века П.А. Столыпин всерьез занялся проблемами крестьян.

Хочется сразу развеять весьма распространенное заблуждение, что до 1861 года все крестьянство российское пребывало в крепостном рабстве. Сибирское крестьянство за всю свою историю вообще не знало крепостной зависимости, а в Европейской России, как убедительно доказал В.О. Ключевский, крепостное право в том виде, когда крестьянин переходил в личную *вещную* зависимость от землевладельца, продолжалось в течение одного столетия. Причем это касалось далеко не всех крестьян, а от 20 до 50 процентов их общей численности в разных регионах европейской части страны.

К концу XVI века в Московском государстве сложилось три вида землевладельцев: государь, бояре или служилые и церковь. При этом не существовало крестьянина-собственника. Крестьянин был вольным или переходящим арендатором у одного из землевладельцев. Причем сам крестьянин отличал право собственности от права пользования ею, говоря: «та земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши». Крестьяне, которые работали на государственных землях, назывались *черносошными* или казенными.

После покорения Казанского и Астраханского ханств русскому земледельцу открылись пространства *дикого поля*, степной чернозем. На окраинах ставились новые укрепленные города, куда переводились служилые люди. Они получали повышенные денежные оклады и могли позволить себе нанимать крестьян, которые также стремились к земляной нови.

В одиночку крестьянин не мог обустроиться на новом месте, у него не было оружия и той самоорганизации, какая была, например, у казачества. Он был вынужден арендовать землю у служилых людей. Условия арендного договора излагались в *порядных грамотах*, или *записях*. Крестьянин брал определенный участок земли, обязуясь вносить за пользование ею платежи и выполнять оговоренные повинности. Если он приходил на пустошь, то обязывался поставить дом, хозяйственные постройки, огородить огород, расчищать луга, не заводить корчмы, жить тихо и смирно. Если оговоренные условия не выполнялись, то крестьянин обязан был выплачивать неустойку.

Повинности крестьянина выражались в денежном или хлебном оброке – в одних имениях, и в выполнении условленных работ – в других. Но чаще были смешанные условия, когда сверх оброка крестьянин обязывался работать на землевладельца, отрабатывать *барщину*. Отрабатывать барщину крестьянину приходилось еще и за проценты от *ссуды* или *подмоги*. При этом крестьянин оставался свободным человеком. По окончании жатвы, рассчитавшись с землевладельцем, он мог перейти к другому хозяину. Судебник Ивана III установил сроки, когда этот переход мог происходить – неделю до Юрьева дня (26 ноября) и неделю после него. Только вот рассчитаться-то крестьянин мог не всегда. В этом случае у него было два варианта: либо оставаться у хозяина с надеждой выйти из нужды, либо побег. Государство и бояре были заинтересованы в прикреплении крестьян к одному участку. Борис Годунов в 1597 году издал указ, по которому надлежало возвращать беглецов, бежавших менее пяти лет назад, своему хозяину. После Смутного времени по требованию бояр отменили урочные годы, беглец должен был возвращен хозяину без срока давности. А в конце первой четверти XVII века это оформилось в ссудных записях юридически, когда сам крестьянин обязывался за долги оставаться у землевладельца. За ту ссуду за государем мне «жить во крестьянстве вечно и никуды не сбежать». Это условие и составило *крепость крестьянскую*, окончательно оформленную Уложением 1649 года. При Екатерине II, когда дворяне были освобождены от службы, закрепощение приняло безобразные формы паразитизма, отмененные лишь при Александре II.

Сибирские крестьяне и власть

Основными группами земледельцев Сибири в XVII веке были пашенные или оброчные крестьяне. Они несли повинность перед собственником земли – государством. Пашенные – в виде отработки десятинной государевой пашни, оброчные вносили натуральный или денежный оброк. Десятинная пашня – своего рода барщина, только на государство. Кроме десятинной пашни у

сибирского крестьянина была *собинная* (собственная) запашка. соотношение между десятинной и собинной запашками было 1:4, 1:5, 1:6. Крестьяне стремились увеличить собинную запашку, а от десятинной избавиться.

После неожиданного подарка Ермака власть попыталась принудительно заселять Сибирь черносошными крестьянами из северной части Руси. Так, в 1590 году Сольвычегодской администрации было указано направить в Сибирь 30 семей «со всем крестьянским заводом» и собрать с жителей уезда «на семью по три мерина добрых, по три коровы, по две козы, по три свиньи, по пяти овец, по два гуся, по пяти кур, по две утки, хлеба на год, соха для пашни, сани, телега и всякая житейская рухлядь».

Однако посылка по указу не дала требуемых результатов, и к 1620 году от нее отказались. Число пашенных крестьян пополнялось также за счет ссыльных. Им для обработки десятинной пашни воеводская администрация выделяла только лошадей и необходимый инвентарь – топоры, лопаты, ральники, косы, серпы. Но даже через 20-30 лет после водворения на пашню ссыльные не имели обычно ни семей, ни налаженного хозяйства.

Более существенную роль в пополнении пашенных крестьян сыграли вербовка добровольцев («прибор») и вольные переселенцы – *гулящие люди*.

Воеводская канцелярия оказывала им помощь в обзаведении хозяйством, рабочими лошадьми, скотом, инвентарем, определяла льготные годы, в течение которых они освобождались от работы на государевой пашне, а также размер «подмоги». В Западной Сибири льгота от выполнения повинностей колебалась до 1670-х годов от 4 до 8 лет. В Восточной Сибири сроки были меньшими. Денежная подмога колебалась от 10 до 20 рублей. Так, например, при вербовке пашенных крестьян в 1624 году во время устройства Гаринской слободы Пелымского уезда кроме четырехлетней льготы предполагалось установить подмогу в размере 10 рублей и 10 четей хлеба за отработку десятины государевой пашни. Однако желающих не нашлось, и подмогу увеличили до 16 рублей и 10 четей хлеба.

В 1623 году в Туринском уезде при приборе в пашенные крестьяне на Чубарово городище (р. Ница) подмога включала «государева жалованья на платье и на всякой дворовой завод по 5 рублев денег человеку да по две лошади, по корове, по две овцы, по 10 куриц, по свинье да месячины на месяц по полуосьмине (половина чети) ржи, по полуосьмине овса человеку». Для сравнения, 1 четь (4 пуда) ржаной муки стоила в 1648 году 1 рубль.

С середины XVII века подмога в освоенных земледельческих районах постепенно исчезла. В Восточной Сибири в натуральной форме просуществовала до конца XVII века.

Для привлечения на государеву пашню существовал еще один вид помощи – заем, или возвратная ссуда. В Илимск-Ленском районе в 1640-х годах выдавалась ссуда до 30 рублей одновременно с подмогой.

Тобольский воевода Ю.Я. Сулешев (1623-25 гг.) ввел вместо отработки 1 десятины государевой пашни оклад в размере 20 четей ржи и 20 четей овса или 40 алтын (1 р. 20 к.) деньгами.

После отмены в 1762 году десятинной пашни с крестьян взимался подушный налог в размере 70 коп. и денежный оброк, который постоянно увеличивался. Так, если в 1762 году он равнялся 1 руб., то в 1783 уже был 3 руб.

Кроме налогов, крестьяне выполняли разные повинности. Особенно обременительными были дорожная повинность, ямская гоньба, перевозка казенных грузов, кроме того, были еще и земские и мирские повинности внутри сельской общины. А каких только не было налогов при Петре I, начиная с налога на бороду, кончая каким-нибудь банным налогом.

Не случайно крестьяне говорили: «И раньше нас стригли, но давали обрастать!..» При отсутствии какой-либо помощи от государства, они ревниво следили за действиями властей. Так, попытка министра П.Д. Киселева провести межевание в Сибири 1841-42 гг. привело к серьезным крестьянским волнениям. Крестьяне увидели в этом попытку ввести новую барщину и сдать их в «удел», т.е. ввести крепостное право. Принялись громить волостные правления и церковные архивы. Движение охватило исетские, ялуторовские, туринские, тюменские, тобольские, ишимские деревни. На подавление восстания были брошены десятки воинских команд, и даже артиллерия. В решающем сражении на р. Басказыке участвовало 20 тыс. человек. Восставшие были разгромлены.

Лишь в конце XIX – начале XX века государство вновь повернулось лицом к крестьянству.

II.

ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ И ОТДЕЛЬНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

ФАБРИК И ЗАВОДОВ НИКАКИХ НЕ ИМЕЕТСЯ

Омск двухвековой давности глазами уездных землемеров

Для лучшего управления Тобольским наместничеством, созданным по указу от 19 января 1782 года, генерал-губернатором наместничества, куда входил и Омск, были разосланы анкеты в уезды. Анкета требовала ответов на 16 вопросов о городах и 20 вопросов об уездах. Работу проводили уездные землемеры. По их ответам и было в 1789-1790 гг. составлено «Описание Тобольского наместничества». Полностью этот труд был опубликован отдельной книгой в 1982 году омским историком А.Д. Колесниковым, а ответы, касающиеся Омска, впервые были частично опубликованы в сборнике, посвященном 250-летию Омска также омским историком Е.Н. Евсеевым.

Эти книги давно стали раритетами, а нашим читателям, думается, интересно знать, каким был Омск более двух веков назад. Мы публикуем с некоторыми сокращениями этот документ с сохранением орфографии того времени.

О городе Омске

1-е

Город Омск лежит географической широты под 54-м градусом 55 минутами, долготы 91-м градусом 10 минутами.

2-е

Разстоянием от губернского города Табольска в 684, от смежных уездных Ишима в 345, Тары в 255, Каинска в 287-ми верстах.

3-е

Город лежит при устье реки Оми, на обеих сторонах оной, которая впадает с северо-востока в реку Иртыш и сия последняя от востока к западу протекает мимо самого города. От юга или полдня киргиская степь. Место ж не весма возвышенное и не ниское. От воды рек до поверхности горы – от 3-х до 4-х сажен вышиною.

4-е

Город лежит на посредственно возвышенном и при двух реках, как выше значит в 3-м пункте и от города во все стороны пошли ровные и открытые места с малым березовым лесом, растущим колками.

5-е

Место положение и окружность в длину 2,5 версты, в ширину 180 сажен, фигурою ж город состоит от востока к западу продолговатою. В коем имеется главное укрепление крепость, которая лежит при устье реки Оми, по течению на правой стороне оной, обведена земляным валом, имеет сухой ров, покрытой путь и палисады. Словом сказать, с полным и достаточным фортификационным укреплением.

6-е

Сей город разделен на 4 части: 1-я – главная крепость, потом предместья ея названные, как значит по планам, прежде учиненным, форштаты, 1-й на-

горной, 2-й подгорной, 3-й Ильинский, 4-й ныне застривающийся омскаго 1-го баталиона салдатами, называемый верхнеомским по тем местам как то: нагорной состоит за крепостью на ровном нагорном месте, а подгорной по заселении онаго от крепости к реке Оми под горой, Ильинской же по имеющейся во оном церкви святого пророка Илии. Для правительства состоят домы: уездное казначейство внутрь крепости в казенном построенном для воинских команд покое, а городовой магистрат, нижняя расправа и нижней земский суд в Ильинском фарштате…

7-е

Сначала заведения именовался сей город Омской крепостью и знатная по всей сибирской линии, где и командующей линиею корпусный генерал пребывание имеет. А городом вновь открыт по высочайшему ея императорского величества о управлении губернии учреждению 1782 года октября с 1-го числа, на которой и герба не имелось, а с 1785 года марта 17-го числа ея императорским величеством высочайше конфирмован герб: «в серебряном поле часть укреплений ис кирпича линии, потому что по сибирской линии есть оная главная крепость против киргизов».

8-е

……..

9-е

……..

10-е

Достойно примечательных зданий, монастырей, воспитательных домов, больниц, фабрик и лавок не имеется…

Казенных покоев, в которых квартирует генералитет, штаб и обер-офицеры и нижние воинские чины 72, духовное правление 1, провиантмейстерская комиссия 1, походная канцелярия 1, уездное казначейство 1, артиллерийская канцелярия 1, обывательских разного звания людей домов 657.

11-е

Приходов два, при оных священно и церковнослужителей 8 человек.

12-е

Населен купечеством, мещанством, цеховыми, военнослужащими и крестьянами, число коих мужеска 1423, женска 1005, а обоего полу 2438 и между ими различия во исповедании веры никакого не имеется, а только личными в законе католическом и лютеранском находятся разные воинские чины, которые по случаю службы прибывают и убывают по команде, для которых имеется немецкая кирка и при оной состоит положенной по штату в сибирском корпусе пастор.

13-е

Купцы и мещане торгуют по неимуществу у них капитала мелочными разными товарами, по примеру за 8000 рублей. Художества имеют только одни малые кожевни, в коих небольшое количество выделывают дубленых и подошвенных кож, протчих же промыслов не имеют.

14-е

В городе Омске по силе городового положения 26-й статьи годовые ярмонги (ярмарки – П.Б.) учреждены: 1-я – декабря 6-го в день Николая Чудотворца, 2-я – августа 15-го в день Успения Богоматери, с продолжением оных по одной неделе.

15-е

Фабрик и заводов никаких не имеется.

16-е

Хлеб привозят на базар из разных деревень крестьяне, а иногда из Каинской округи водою на барках, так же и харчевые припасы из уезда. Садов никаких не водят, а в огородах овощ садят: арбузы, огурцы, морковь, свеклу ретку (редьку – П.Б.) и капусту.

«ОБЛАСТНОМУ УПРАВЛЕНИЮ БЫТЬ В ОМСКЕ…»

Первая Омская область

26 января 1822 года Российский император Александр 1 подписал Указ «О разделении сибирских губерний на Западное и Восточное управления». Делалось это в рамках реформ М.М. Сперанского для лучшего управления Сибирью. В пятом пункте Указа говорилось, что «Омская область составится из частей уездов Тобольской и Томской губерний. Областному Управлению быть в Омске».

Омская область граничила на севере с Тобольской и Томской губерниями, на западе – с Малой Ордой киргиз-кайсаков, на юге и востоке – с владениями китайскими и сибирских киргизов.

После выхода в июле 1822 года еще одного царского Указа на данную тему, началось уточнение границ Омской области. Были составлены «Ведомости о числе душ, отчисленных от Тобольской и Томской губерний по примерной карте к Омской области» – с указанием округов, волостей, деревень и количества крестьян.

Омская область делилась на четыре внутренних округа: Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский.

Начальником области был назначен лейб-гвардии Драгунского полка полковник, начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса Семен Богданович Броневский. Начальник области по должности был дивизионным начальником и гражданским губернатором.

Составленное им «Предположение. Об открытии Омской области» опре-

деляло день торжественного открытия учреждений области – 8 ноября 1823 года (20 ноября по новому стилю). В этот день после молебна состоялось торжественное открытие Омской области, областного правления и суда.

Получила Омская область и свой герб. На щите в красном поле был изображен «всадник на коне, в левую сторону обращенного держащего в руках лук натянутый со стрелою. Всадник изображен в шапке и одежде азиатской, имеющим за спиной колчан со стрелами в знак того, что в степях сей области народ киргиз-кайсаков, ведя жизнь кочевую, проводят время более в верховой езде и суть ловчия». В феврале 1825 года герб был высочайше утвержден.

На утверждение было внесено предложение и о мундирах для чиновников Омской области – «суконный, темно-зеленый с нижним платьем белым суконным же, а соответственно полю герба с воротником и обшлагами на рукавах красными суконными же, выпушка на воротнике, обшлагах и фалдах белая, пуговицы с изображением герба белые». В зависимости от ранга в мундир вводились некоторые изменения.

Первая Омская область просуществовала до 18 апреля 1838 года, когда было создано Пограничное управление сибирскими киргизами. Омск перечислялся в Тобольскую губернию. В 1868 году была создана Акмолинская область, куда вошли Омск и Омский уезд.

После революции в 1918 году Акмолинскую область переименовывают в Омскую область. В 1920 году Акмолинская (Омская) область расформирована окончательно и образована Омская губерния. 25 мая 1925 года образован Сибирский край из 5 губерний, в том числе и Омской. В 1930 году Сибирский край преобразован в Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский.

А 7 декабря 1934 года постановлением ВЦИК была образована Омская область из районов, отошедших от Западно-Сибирского края, Обско-Иртышской и Челябинской областей и Тарского округа. Область занимала территорию в 1,5 млн кв. километров, простираясь от Карского моря до степей Казахстанской ССР.

К современным очертаниям Омская область приблизилась в августе 1944 года, когда была образована Тюменская область, куда и вошла большая часть территории Омской области образца 1934 года.

«Долгу и чести не изменял»

Как мы уже говорили выше, первым начальником Омской области был назначен Семен Богданович Броневский.

Родился он в 1786 году в семье тульского дворянина. Окончил Тверское дворянское училище и Шкловский кадетский корпус, откуда 23 октября 1803 года выпущен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ.

Этот полк считался гордостью российской кавалерии. Шефом полка был известный военачальник генерал-лейтенант Г.И. Глазенап. Молодой офицер оказался сразу в боевой обстановке. Он принимал участие в Кабардинском походе, участвовал во взятии Дербента и Баку. Заметив расторопность офицера, Глазенап еще в Георгиевске взял подпоручика Броневского в штаб вторым

адъютантом и не ошибся. У них сложились добрые отношения, и позднее Броневский в своих воспоминаниях отдельную главу посвятил своему командиру, назвав ее «Глазенап и мое семейство».

После того, как Глазенапа с Кавказа перевели инспектором Сибирской пограничной линии, он взял с собой и своего адъютанта. Броневский прибыл в Омск 10 июня 1808 года. С 6 декабря 1809 года по 15 декабря 1813 года он был управляющим пограничной канцелярией Сибирской линии. Работы было невпроворот. Броневский вспоминал: «А штабов никаких не было. Я да три писаря обделывали все предметы, которые ныне производит целый корпусной штаб». К моменту прибытия Броневского в Сибирь накалилась международная обстановка. Из-за угрозы вторжения Наполеона все регулярные войска были переведены к западным границам, а охрана сибирских границ легла на плечи казаков. Им было решено придать вид регулярного войска. На Броневского пала главная задача – разработать штат линейного казачьего войска, с чем он достаточно успешно и быстро справился. Из казачества было сформировано 10 полков «по образцу улан» с конной артиллерией. В Петербурге граф Аракчеев одобрил его работу, и 18 августа 1808 года император утвердил проект и пожаловал Сибирскому казачьему войску знамена. В Омске состоялось торжественное их вручение полкам. За труды при создании Сибирского казачьего войска Броневский был награжден орденом Владимира IV степени. Поначалу штабс-капитан Броневский был помощником атамана Телятникова, а после его смерти возглавил Сибирское линейное казачье войско. С его именем связаны многие положительные изменения в войске, в части обучения, снаряжения и бытового устройства. Как пишет омский историк Е.Н. Евсеев в статье, посвященной памяти Броневского, ревизовавший позднее войска сенатор Корнилов докладывал, что это казачье войско «может с полным успехом твердо и навсегда охранять границы Сибири от набегов соседственных народов и облегчить империю от убыточного содержания там регулярных войск». Стараниями Броневского в Омске было открыто казачье войсковое училище.

Хотя царское правительство старалось не вмешиваться во внутренние межусобицы киргизов (казахов), но, защищая пожелавших пойти под царскую руку, приходилось это делать. Так, летом 1817 года Броневский был командирован в Киргизскую степь для возведения султана Киргиз-кайсацкой Средней орды Букея в ханское достоинство. С чем он блестяще справился, и 22 августа 1818 года был произведен в чин полковника. А в ноябре 1822 года был командирован в киргизскую степь для усмирения Табуклинской волости. В это время он уже был начальником штаба Отдельного сибирского корпуса.

С этой должности 14 июня 1823 года он и был назначен начальником Омской области с правами военного и гражданского губернатора.

В новой должности он преуспел и в гражданских делах. С 1822 года Броневский член Московского общества сельского хозяйства, которое в 1824 году наградило его медалью за введение усовершенствований в сельском хозяйстве сибирских линейных казаков, а 1834 г. – медалью за учреждение в Омске школы земледелия и опытного хутора и развития оседлости среди киргизов.

Как начальник он распоряжался и увольнением провинившихся чиновников. Но часто на их проступки, среди которых самым распространенным было пьянство, приходилось закрывать глаза, так как отсутствие одного лишь чиновника могло парализовать работу всего учреждения. Е.Н. Евсеев приводит любопытные архивные документы на эту тему. Из послания городничему 21 января 1824 г.: «Обретающего в пьянстве присяжного Омского окружного казначейства Черкашенина отыскать, вытрезвить при полиции и прислать на службу в казначейство». Из письма председателя областного суда городничему коллежскому асессору Бардашевичу 11 января 1824 г. : «Титулярный советник Ширяев, находясь в подгулке, не может исправлять своей должности… приказать приставить к нему в доме господина, исправляющего должность областного прокурора, титулярного советника Захарова полицейский присмотр из трезвых, не допуская до пьянства, дабы он не мог употреблять горячительных напитков тайно. А когда вытрезвится, представить в суд к исполнению должности».

В феврале 1824 года Броневский командирован в степь для открытия Каркаралинского внешнего округа и введения нового порядка правления.

Его деятельность на благо Отечества не оставалась незамеченной. В 1826 году он награжден орденом Владимира III степени, в 1827 году – присвоен чин генерал-майора, в 1829 награжден орденом св. Георгия IV степени, в 1832 – орденом св. Станислава I степени. Все эти годы он посвящал деятельности по устройству Сибирского казачьего войска.

В мае 1834 года он с военным отрядом вытеснил в Улутовские горы ташкентца Кушбека и мятежного киргизского султана Саржана Касымова, за что награжден орденом св. Анны 1 степени.

6 декабря 1835 г. награжден чином генерал-лейтенанта и утвержден генерал-губернатором Восточной Сибири и командующим войсками Восточной Сибири. Уволен по болезни 29 июля 1837 г. С 1 декабря 1837 г. С.Б. Броневский был назначен сенатором. 29 декабря 1841 года награжден орденом Белого Орла.

Умер С.Б. Броневский 14 февраля 1858 г. в Санкт-Петербурге. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала о нем в некрологе: «Жил и служил истине. Не думал о стяжании. Долгу и чести не изменял. Имя Броневского связано с целым рядом добрых и полезных дел, стало в Сибири народным».

Он оставил воспоминания о своей жизни и написал книгу «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».

ОСНОВАТЕЛИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НОВОВАРШАВКИ

Поток переселенцев особенно усилился в конце XIX века после принятия 13 июня 1889 года закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Причиной переселения стали неурожаи и голод в Европейской России в1891-1892 годах. Но, чтобы стать законным переселенцем, необходимо было получить разрешение двух министерств: Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ. Чиновники не справлялись с количеством поданных заявок, а те, кто уезжал без разрешения, должны были возвращаться назад. Однако, несмотря на такие порядки, поток самовольных переселенцев увеличивался. Таких в 1892 году было около 35 процентов. А когда в этом же году правительство временно приостановило выдачу разрешений, переселение полностью стало самовольным. И это при том, что самовольщики не имели льгот на перевозку по железной дороге, получение путевых ссуд, льгот по отбыванию воинской повинности. По закону же от 13 июня 1889 года переселенцы освобождались первые три года от обложения за землю, в последующие три года платили половинную оброчную подать по семь с половиной копеек за десятину и только через шесть лет платили полную подать по 15 копеек за десятину. Получали они и ссуду на проезд и хозяйственное обустройство: минимум – 51 рубль 28 коп., максимум – 118 рублей 29 коп. Статус официального переселенца был самым надежным и экономически выгодным. Но, как уже говорилось, чиновники не успевали нарезать участки и оформлять документы, не хватало и денег. У неофициальных переселенцев выбор был небольшой: они могли приписаться к селениям старожилов или арендовать землю у Сибирского казачьего войска или казахов. Арендовать землю у казахов было рискованно в силу юридической неопределенности, у казаков аренда была дорогой, старожилы тоже не баловали вниманием пришельцев. Вот как оценивал эту ситуацию чиновник в начале XX века: «Приписка к старожильческим обществам, по приговорам, не по средствам беднейшей части переселенцев, так как за приписку мужской души требуют от 30 до 50 руб., что для средней семьи составляет 90-150 руб. Следовательно, даже выдаваемая половинная ссуда (Примеч. к ст. 12 Правил) не может хватить на одну приписку.

Проживание же в качестве неприписных разорительно, так как старожилы облагают временно проживающих такими непосильными поборами, что существование этих крестьян, не говоря уж об экономическом развитии, невозможно».(ИсАОО, ф. 67. оп. 2, д. 2263, л. 234).

Долгое время степи Омского уезда Акмолинской области, куда входили земли нынешнего Нововаршавского района, считались непригодными для земледелия. В Обзоре Акмолинской области за 1883 год юг Омского уезда характеризовался так: «Однообразный ландшафт, континентальный климат со

всеми его неблагоприятными свойствами воздуха – сухостью, резкими колебаниями (летом жара и засуха, осенью гололедица, зимой бураны), непостоянством и изменчивостью продолжительности времен года, песчано-глинистая, скудно орошаемая атмосферными осадками и только местами представляющая природные оазисы, большей частью солонцеватая почва, почти совершенно отсутствует лесная растительность, чувствительный недостаток проточной и пресной воды и, наоборот, обилие соленых и горьких озер».

Еще более резкий вывод о юге Омского уезда сделан в Обзоре Акмолинской области за 1895 год: «Омский уезд имеет глинисто-солонцеватые почвы, отсутствие пресных источников и недостаток лесов делают территорию уезда малопригодной даже для обитания кочующих киргизов».

А генерал-губернатор Акмолинской области Колпаковский даже писал, что «свободных для переселения земель в Акмолинской области вообще не имеется» и что «земледелие в степи невозможно». Поэтому давалось указание «не допускать переселенцев ни под каким предлогом оставаться в населенных пунктах области на продолжительное время и побуждать их к продолжению пути», а «всех самовольно поселившихся переселенцев выдворять на место старого жительства путем этапа».

Однако правительственные инстанции Петербурга поручили военным топографам Сибирского военного округа, и в частности Омского уезда, определить размеры земельных участков, закрепленных за казаками и казахами-скотоводами и те нашли немалое количество пригодной для хлебопашества земли.

После получения этой информации в 1893 году Омский уезд был включен в число административных единиц, куда можно было направлять землеизмерительные экспедиции и готовить участки для крестьян. Уже в этом же году партия землемеров провела необходимые работы в Омском уезде, в результате чего были нарезаны участки для переселенцев и образованы деревни: Борисовка (ныне Шербакуль) и Александровка. В 1894 году основана деревня Привальное. В 1895 году заселено еще 7 участков, в 1896 году – 14 участков. Все села основаны в Азовском, Шербакульском, Москаленском, Полтавском и Исилькульском районах. Пространства нынешнего Таврического, Нововаршавского районов оставались по-прежнему свободными для переселенцев.

В 1898-99 годах межевой отряд прошел вдоль бывшего акмолинского почтового тракта и нарезал ряд переселенческих участков. На всех этих участках были в 1900 году основаны деревни Таврическое, Любомировка, Ясная Поляна, Белоусовка, Константиноградка, Богодуховка.

Прежде чем выделить место для населенного пункта, проводилась большая работа по выбору переселенческого участка. Прежде всего, казахские урочища обследовались геологической разведкой, определялась глубина водоносного слоя, выбиралось место поближе к речке или озеру или возле колков. Учитывался и растительный покров почвы. Не пренебрегались и интересы казахского населения, определялось количество потребной им земли. Затем на сходе аксакалов совместно со старшинами аулов определялись излишки зем-

ли, на которой намечалось расположить переселенческий участок. После этого составлялся протокол предъявления, подписывавшийся членами временной комиссии по вопросам образования переселенческих участков и заинтересованными казахами. Приведем один из таких протоколов.

«Протокол

Предъявления заинтересованным киргизам переселенческого участка «Майнак», проектируемого к изъятию земель, состоящих в пользовании киргиз IV административного аула Алаботинской (быв. Черлаковской) волости Омского уезда Акмолинской области.

Составлен 19 дня июня месяца 1904 года производителем работ 1-й Акмолинской партии по образованию переселенческих участков Остаховичем в силу 8-й статьи Высочайше утвержденных 13 июня 1893 года «Временных правил для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» и пункта 8-го циркуляра господина Министра Земледелия и Государственных имуществ, по соглашению с Господином Министром Внутренних дел от 19 мая 1898 года за №5.

Предложив образовать переселенческий участок из государственных земель, находящихся во временном пользовании киргиз IV административного аула Алаботинской волости Омского уезда Акмолинской области в пределах площади №2 общего пользования III-го естественно-исторического района киргизского пользования по карте экспедиции по исследованию степных областей, я в присутствии следующих должностных лиц киргизского управления: выборной Сарсембай Айдабулов (волостной управитель и аульный не смогли прибыть по причине съезда на оз. Ормо-куль) предложил излагаемый ниже проект образования переселенческого участка на обсуждение следующим аксакалам и другим киргизам, представителям местного населения, заинтересованного в выделе этого участка из его землепользования: Игнберген Токмырзин, Коржпубай Токмырзин, Тока Токмырзин, Инсенбай Алкулов, Токум Айдабулов…» (ИсАОО, ф. 354, оп. 1, д. 3, л. 138)

Далее в протоколе подробно расписывалось, какие земли отводились под переселенческий участок. Всего под переселенческий участок «Майнак» выделено было 6210 десятин удобной земли на 406 душ из расчета по 15 десятин на одну мужскую душу. В ауле Кара-Терек выделено 3195 десятин земли на 205 душ. Именно на столько душ и будет нарезано земли переселенцам, основавшим здесь в 1906 году селение Славянское.

В случае, если на территории переселенческого участка оказывалось строение казахов, которое необходимо было убрать, хозяевам выплачивалась денежная компенсация, размеры которой можно оценить из следующего документа: *«…За вошедшие в площадь переселенческого участка «Элеуке» зимовые стойбища киргизов, заключающиеся в жилых и надворных постройках, за перенос которых выдать владельцам денежное вознаграждение согласно оценочному акту, составленному производителем работ совместно с заинте-*

ресованными киргизами, в сумме 445 руб., которые распределить следующим образом: Кудайбергеню Бусаеву – 100 руб., Махмету Нугманову – 20 руб., Бийсимбаю Бекжанову – 55 руб., Ахмеду Джембекову – 10 руб., Дюйсембеку Бекжанову – 70 руб., Акбергету Джембекову – 25 руб., Мужикиню Алеукину- 65 руб. и, кроме того, за 10 колодцев, принадлежащих вышеозначенным лицам, – 100 рублей» (ИсАОО, ф.354, оп.1, д.3, л.20). Для сравнения можно сказать, что хорошая казахская лошадь стоила в то время 23 рубля.

Хотя вопрос выделения переселенческих участков и согласовывался с аксакалами и волостными и аульными управителями, дела Акмолинско-Семипалатинского (Омского) управления земледелия пестрят жалобами и просьбами казахов. Один просит возвратить ему участок земли возле березового колка, другой ходатайствует, чтоб ему вернули колодец, оказавшийся на территории переселенческого участка, третий лишился части пастбища… И хотя многие из просителей получили свои денежные компенсации, но открывшиеся неудобства заставляли писать жалобы. Так, например, для скота круглый год требовалась пресная вода. Даже зимой. Потому что, если поить лошадей водой, полученной из снега, то через десять дней лошади погибнут от недостатка солей в воде.

Поскольку переселенцы основали Рытовку-2 и Нововаршавку в пределах 10-верстной полосы Сибирского казачьего войска, то следует сказать несколько слов о взаимоотношениях казаков, переселенцев и казахов в пределах этой полосы.

После разгрома китайскими полчищами в 1756 году Джунгарского ханства кочевья Северного Казахстана оказались свободными, и сюда из Туркестана устремились казахи и заняли покинутые калмыками места. На пограничной линии они стали вступать в столкновения с драгунами и казаками крепостей, воздвигнутых по Иртышу. Столкновения сопровождались грабежами, убийствами и насилиями… Дабы избежать этого, по полномочиям, данным императрицей Екатериной II, Главный начальник Сибирских пограничных линий генерал-поручик Шпрингер обязательным постановлением в 1765 году запретил казахам располагать кочевки ближе десяти верст от крепостей пограничных линий.

Со временем полоса стала землей Сибирского казачьего войска, точнее, находилась во временном пользовании этого войска. Это была лучшая земля, преимущественно по обеим сторонам Иртыша. Пойменные луга с прекрасными пастбищами и сенокосными угодьями, чернозем, близость воды делали эти земли весьма привлекательными, и казаки часто выходили за пределы 10 верст, прирезая лучшие участки, и часто ходатайствовали о передаче земель в пользование на правах собственности. В начале XX века эти просьбы были услышаны, и царь повелел разрешить этот вопрос к 1904 году.

В апреле-мае 1904 года соединенные Департаменты Законов, Гражданских и Духовных дел, Государственной Экономии и Промышленности, Науки и Торговли в присутствии члена государственного Совета генерала от артил-

лерии Таубе, Министра земледелия и Государственных имуществ, товарищей (т.е. заместителей) Министров внутренних дел и финансов провели несколько совещаний по обсуждению данного дела. В ходе совещаний встал вопрос, что делать с казахами, которые жили в пределах 10-верстной полосы, арендуя у казаков землю, в основном под зимние стойбища. Причем такое мирное сотрудничество длилось уже в некоторых местах по 80-100 лет.

Мнения по этому поводу разделились. Одни предлагали оставить казахов там, где они стоят, в пределах полосы. Оппоненты резонно возразили, что в этом случае возникнет угроза чересполосицы между казахскими зимовьями и потомственными офицерскими участками, поскольку 4700 кибиток из 6170 располагалось именно на этих землях. Другие предлагали выселить их вообще, но при этом не могли сказать, как выполнить царское распоряжение, чтобы казахов не обижать и устроить их. Третьи предлагали записать казахов в казачье сословие и только в этом случае оставить в пределах 10-верстной полосы. Однако разная вера и обычаи делали этот вариант практически неосуществимым.

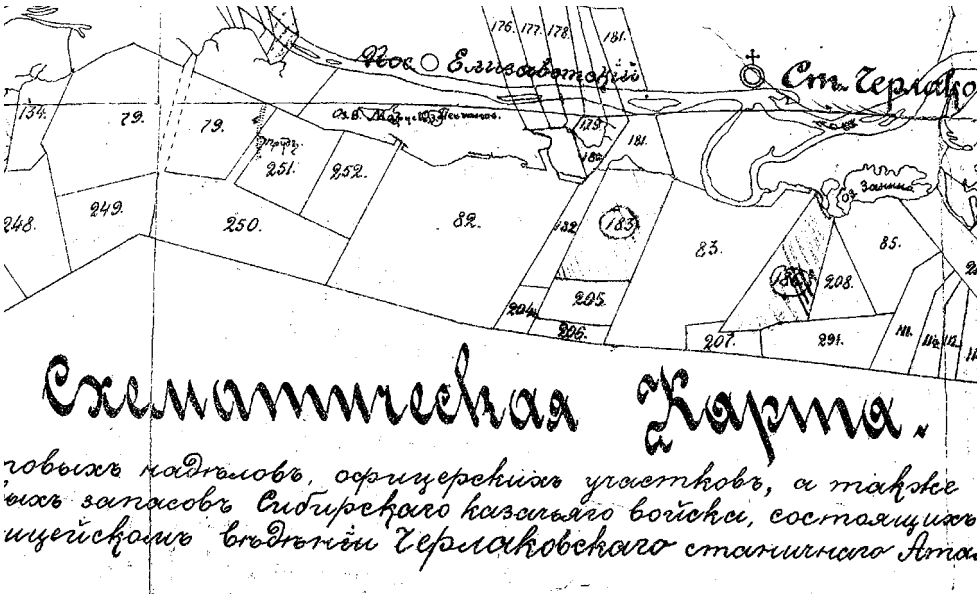
В конце концов, было принято решение, что земли 10-верстной полосы в границах, как они были предоставлены Сибирскому казачьему войску во временное пользование, должны быть закреплены за войском на правах собственности, а земли, которые находятся под зимовыми стойбищами казахов, также принадлежат войску. Казахам разрешалось временно оставаться на них до полного своего устройства, при оплате за пользование на прежних условиях. Это решение было закреплено законом от 31 мая 1904 года.

Право собственности не давало, однако, возможности продавать землю. Казачьи земли состояли из площадей, находящихся в общинном пользовании станиц и казачьих поселков, а также из войсковых запасных угодий и офицерских участков, то есть тех земель, которые были подарены войском отдельным казакам в награду за службу.

Войсковые запасные земли сдавались в долгосрочную аренду, но только крупными участками в несколько тысяч десятин земли, что лишало возможности сравнительно бедных переселенцев брать подобные участки непосредственно у войска. Желающим арендовать незначительные площади приходилось арендовать их из вторых рук, что значительно удорожало плату.

Арендная плата не была одинаковой, как на казенных землях (напомним: по 15 копеек за десятину через шесть лет пользования), и зависела от «качества» участка, срока аренды, месторасположения и т.п. Так, например, в 1912 году были сданы два участка напротив Изылбаша переселенцам из Уфимской губернии площадью 5480 десятин за 3288 рублей. Василий Запащиков в 1911 г. на торгах арендовал, будучи доверенным от общества, 546 десятин за 260 руб. 20 коп., Василий Розвезев и Ануфрий Пикалов арендовали 1915 десятин за 2001 руб. Как видим, иной раз арендная плата за земли казачьего войска превышала один рубль за десятину.

Все казачьи земли были разбиты на участки, разграничены и пронумерованы. Номера участков значились в окладных книгах Войскового хозяйственного правления. В Историческом архиве Омской области находится «Схематическая карта юртовых наделов, офицерских участков, а также войсковых запасов Сибирского казачьего войска, состоящих в полицейском ведении Черлаковского станичного Атамана» (ф. 198, оп. 1, д. 499), над схемой составлен список офицерских участков с указанием размеров участка и фамилий хозяев.



Мы приводим фрагмент этой карты с офицерскими участками, которые располагались в районе нынешней Нововаршавки и напротив нее.

Прежде всего, обращают на себя внимание участки, принадлежащие семейству Рытовых. Так, участки №179 (200 десятин) и №183 (400 десятин) принадлежали хорунжему Павлу Яковлевичу Рытову, участок №181 (600 десятин) на правом и левом берегах Иртыша принадлежал полковнику Корнилию Яковлевичу Рытову, а участок №180 (200 десятин) вдове хорунжего Матрене Козьмовне Рытовой. По соседству располагались участки №179 (200 десятин) и №182 (100 десятин) вдовы сотника Анастасии Ефимовны Сорокиной. Участок №204 (300 десятин) принадлежал вдове есаула Пелагее Никитичне Голенковой, участок №205 (400 десятин) – есаулу Николаю Георгиевичу Березовскому, участок №206 (50 десятин)– вдове коллежского регистратора Евгении Митрофановне Березовской. Участки №82 и №83 – войсковые арендные участки.

Павел и Корнилий Рытовы это потомки Алексея Рытова, выпускника кадетского корпуса, героически погибшего в 1837 году во время восстания султана Кенисары Касымова. Имя его было увековечено и в названии села Рытовка, основанного на правом берегу Иртыша. Не случайно и первые переселенцы, арендовавшие земли на участках №183 и № 180 на левом берегу, назвали свое поселение Рытовка-2.

Проясняется и топоним речки, которую именуют Сорокино. Скорее всего, до революции ее называли речка Сорокиной, подразумевая хозяйку участка №182, но со временем «й» отпало. С литературной точки зрения правильнее наименование «Сорокина», поскольку это река, а не озеро.

После принятия закона от 31 мая 1904 года о передаче земель 10-верстной полосы в собственность Сибирского казачьего войска было проведено исследование о казахах, обитающих в пределах этой полосы. По станице Черлаковской оказалось всего четыре участка, на которых зимовали казахи. Это участки 191, 199, 201 и 204. В 1904 году Черлаковская волость разделилась на Алаботинскую и Кызылкакскую волости. Станица Черлаковская вошла в Кызылкакскую волость. На участке №204 вдовы есаула Пелагеи Голенковой располагалось 34 кибитки. Договор заключался ежегодно на зиму, но не с хозяйкой, а с перекупщиком, неким Гутовым. Казахи-арендаторы платили по 7-8 рублей за зиму. При этом в момент исследования у них на данном участке было 200 лошадей, 258 голов крупного рогатого скота, 500 баранов. Как уже говорилось, всем казахам в 10-верстной полосе дано было право сохранять зимовые стойбища с оплатой войску до устройства своего быта на новых местах.

Участки в районе станицы Черлаковской нанесены и на карте Акмолинской области 1916 года. Здесь мы видим уже знакомые нам селения Славянка, Бобринское, Русановку, Дробышево, Ново-Люблинское, Любовский, Моисеевку.

В переселенческом движении в Сибирь можно выделить три заметных периода или волны. Первая волна конца XIX – начала XX века до 1904 года, до начала русско-японской войны. Вторая волна столыпинская – с 1906 по 1911 годы. И третья волна, о которой мало кто знает, – послереволюционная 1920-1922 гг, вызванная голодом в Европейской части России после гражданской войны.

Первая волна была вызвана не только неурожайными годами, но и строительством Сибирской железной дороги, необходимостью создания русских селений вдоль нее. Об этом периоде мы уже говорили.

Многие поселки и деревни Нововаршавского района основаны именно в период столыпинских реформ. И это не случайно. Правительство инициировало ряд законов о землеустройстве крестьян: об особом содействии Крестьянского Банка к покупке земли крестьянами (высочайший Указ от 3 ноября 1905 года), о понижении процента по банковским ссудам (Указ 14 октября 1906 года), об обращении удельных земель и казенных земельно-оброчных статей и части лесов на расширение крестьянского землепользования (Указ 27 августа 1906 года), о свободном выходе из общины, наделе надельных участков, о помощи правительства в уничтожении чересполосицы, расселению на хутора и размежеванию на отрубы, о ссудах Крестьянского Банка под залог наделов (Указы 4 марта, 9 и 15 ноября 1906 года) и наконец Указ от 10 марта 1906 года, по которому всем крестьянам и мещанам-землепашцам предоставлялось право переселяться в Азиатскую Россию на казенные специально отведенные для

Переселенцы

этого земли без особого разрешения начальства или общественного схода. Однако правительство при этом постоянно напоминало, что оно помогает только тем переселенцам, которые нашли землю сами или через ходока, и предупреждало, что свободных участков осталось мало.

Предупреждения были не лишними, ибо для того, чтобы нормально устроиться и обзавестись хозяйством, надо было затратить на постройку дома, покупку скота и инвентаря не меньше 400 рублей, а от казны пособие было не более 165 рублей. Однако, несмотря на все трудности в иные годы переселялось и устраивалось в Сибири до 300000 душ, из них лишь около 10 процентов возвращались. Правда, крестьяне прислушивались к правительству и посылали ходоков, больше половины из которых возвращались, не найдя подходящей земли.

Тем не менее большинство приехавших переселенцев оставались на новом месте навсегда. Так, в 1905 году были основаны Бобринка, Патровка, в 1906 году – Славянка и Любовка, в 1907 году – Ново-Любинка, Дробышево, в 1908 году – Ново-Уральское, Пашенная Роща, Брусиловка, в 1910 году – Новоивановка, в 1911 году – Бакинский участок, в 1913 году – Русановка.

Прибывшие «столыпинские» переселенцы, пик количества которых приходится на 1907-1909 годы, как и переселенцы первой волны, наделялись землей из расчета 15 десятин на одну мужскую душу. Естественно, преимущество имели те, у кого в семье было больше сыновей, у них было больше шансов поднять свое благосостояние. При рождении сыновей крестьяне просили увеличить их наделы. Вот любопытный документ на эту тему – прошение жителей села Славянское, чтобы им прирезали дополнительно земли на родившихся сыновей.

«Высокопревосходительству Степному Генерал-губернатору
Крестьяне селения Славянского
Омского уезда Акмолинской области

Покорнейшее прошение

Селение Славянское основано на 205 долей по причислении нашем в 1906-1907-1908-1909-1910-1911 годы заселено, после причисления у нас остались дети, родившиеся в разное время у крестьян, поименованных в прилагаемом списке и не наделенные землей, а безземельным жить в Сибири совершенно нельзя, потому что жизнь наша содержится обработкой земли и сеянкой хлеба, кроме чего, мы никаких ремесел не знаем.

На основании вышеизложенного, честь имеем почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство оказать свою начальственную милость и разрешить нам к прирезке на оставшиеся неприписные доли с Западо-Северной стороны, так как у нас граница от казенной земли с вышеозначенной стороны находится в расстоянии 100 саж. Кроме того, за границей имеется в 50 саж. водное озеро, которое для селения крайне необходимо, для хозяйского быта, для водопоя населения и скота, а также построек, как то: саманных и глинобитных зданий, для выделки назема для отопления крестьянских зданий. Он же требует большое количество воды так, что каждая тысяча выделанного назема требует более 500 ведер воды. Поливка огородных растений и все, что касается крестьянских хозяйств, производится лишь с этого озера. Если на новорожденных неприписных детей отрезку и приписку произвести нельзя, то почтительнейше просим Ваше Высокопревосходительство причислить к нам переселенческих долей хотя на 50, дабы не отнять наших водных источников. Если же приписки произвести совсем нельзя, то почтительнейше просим Ваше Высокопревосходительство вырезать из нашего общего пользования, хотя долей на 10 с Северной стороны, а нам прирезать с Западно-Северной стороны казенной земли. Прирезка же также крайне необходима, так как наше селение состоит из 205 долей и у нас крестьянином Василием Степановым Волентировым, причисленным в 1910 году Вашим Высокопревосходительством, открыт кирпичный завод, и он обязался поставить для постройки школы, святой церкви кирпич. Св. церковь нам также крайне необходима для исполнения наших христианских треб. Ближайшая же св. церковь у нас в станице Черлаковской в 18 верстах и за рекой Иртышом, через которую в весеннее время добыться очень трудно по случаю разлива воды. А в осеннее время с 1 октября по 1 ноября каждый год идет по реке сплошная шуга, при чем переправляться крайне опасно. Переправа, через которую стоит весной и осенью в оба края 1 р. 20 к., за которые взрослый рабочий человек работает 2 дня. В случае же Вашим Высокопревосходительством наша просьба удовлетворена не будет, то мы навек останемся несчастными и бедными водой и другими удобствами. В чем и подписуемся в числе 46 человек, неграмотных и грамотных, вообще по собственному их доверию и личной просьбе писались Андрей Шаболдас, Петр Негуторов».

Какова была резолюция по данному прошению, неизвестно. Но, возможно, оно было удовлетворено, хотя бы частично. Ибо перед революцией сельские школы были только в Ново-Уральске и Славянке. Значит, Волентиров обещание свое выполнил и школу построил.

Статистические данные середины 20-х годов XX века позволяют оценить численность и приемущественный национальный состав основателей вышеназванных поселений.

Населенный пункт	Год основания	Кол-во хозяйств	Мужчин	Женщин	Всего душ	Национальность
Бобринка	1906	133	351	322	673	Украинцы
Патровский	1906	97	279	277	556	русские
Славянское	1906	105	325	302	627	украинцы
Любовский	1906	15	52	46	98	русские
Пашенная роща	1908	227	589	556	1145	украинцы
Бакинский участок	1911	6	13	14	27	русские
Русановский	1913	28	83	75	158	украинцы

На новом месте переселенцам надо было думать прежде всего о жилище. Иной раз начинали с шалашей, но чаще делали землянки, затем хатки из дерновых пластов или саманные домики.

Много сил требовалось для распашки нетронутой земли. В первый год обычно распахивали 1-2 десятины, впрягая в соху или плуг по 3-4 лошади или по 4-5 пар волов. Такое количество имели только богатые переселенцы, большинство же пахали вскладчину, товариществом на 2-3 хозяина.

Все важные вопросы в деревнях решались на сельских сходах. Избирали из грамотных сельского старосту, доверенных лиц на торги, решали вопросы по приписке новых поселенцев. Сельский староста обязан был представлять интересы крестьян и в то же время не упускать из поля зрения интересы государства: следить за поступлением казенных сборов и податей, возвращением ссудного долга, налогов с торгового оборота… Для этой цели велся специальный журнал проверки торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий. По этим журналам можно, например, узнать, что в 1913 году в Дробышево занимался бакалейно-мануфактурной и скобяной торговлей в собственном доме крестьянин Иван Григорьевич Поклонский, его годовой торговый оборот составлял около 1000 рублей. Кроме него, занимались бакалейной торговлей и торговлей обрезками русских ситцев Моисей Иванович Крижненко и Бобрусь Сергей Ефимович с годовым оборотом по 300 рублей каждый. В селе Моисеевском мелочной торговлей занимался Войтенко Степан Селиверстович, который был и сельским старостой. 14 марта 1913 года он докладывал письменно в Омск:

«Его Высокопревосходительству г. податному инспектору Омского уездного участка.

В основание предписания от 15 декабря 1912 г. №550 Сельское управление Вашему Высокоблагородию честь имеет донести, что казенных сборов и ссудного долга за населением не числится.

Сельский старшина С.Войтенко.
Писарь А.Черный».

Староста подчинялся сходу как высшему органу. Вот пример коллективного решения схода, состоявшегося в Дробышево 10 февраля 1913 года:

«Приговор
Дробышевского сельского схода

Мы, нижеподписавшиеся Акмолинской области Омского уезда сел. Дробышева крестьяне, были сего числа на сельском сходе 145 человек из 200 домохозяев, имеющих право голоса на сходе, в присутствии нашего сельского старшины Дмитрия Линникова слушали читанный нам акт учетчиков о приходе и расходе разных денежных поступлений за 1912 год. По выслушании которого постановили: учет этот по отношению к сборщику Беззубку и старосте Тарасенку утвердить, а по отношению к уполномоченным по постройке школы половину понесенного расхода, т.е. 44 руб. 22 коп. принять, а половину не принять, и дело это передать своим уполномоченным для взыскания перерасходованных денег. Им же поручить и дело по отложению к старшине Линникову и старосте за 1911 год Радченку.

В чем и подписуемся. Грамотными подписано в подлинном 18 человек, неграмотных 127 человек, а за них, неграмотных, расписался Клим Компанец. На сходе присутствовал Дробышевский сельский староста Линников.

С подлинном верно
Дробышевский сельский староста Линников (подпись)»
(ИсАОО, ф. 199, оп. 1, д. 45)

Теперь пора рассказать и об основании Рытовки-2 и Нововаршавки. Обнаруженные нами дела в Историческом архиве Омской области позволяют представить историю основания достаточно подробно. Прежде всего, это дело «Об арендовании участков № 205 и № 206 Омского уезда на четыре года крестьянином Емельяновым» (ф. 67, оп. 2, д. 2439). Дело состоит из 183 листов и включает в себя договора по аренде, прошения арендаторов, справки и указы станичному атаману Войскового Хозяйственного правления, акты, расчеты оплаты арендных участков, квитанции Омского казначейства по оплате аренды, билеты на право распашки. И хотя дело открыто 31 июля 1908 года, оно содержит материалы с 1900 по 1916 гг.

Документы этого дела подтверждают хронологию основных событий по заселению района, излагавшихся нововаршавскими краеведами на основании рассказов старожилов. Так, подтвердилось, что переселенцы прибыли на ле-

вый берег Иртыша напротив села Рытовка в самом начале XX века и среди основателей села Рытовка-2 были семьи Емельянова, Кузьмина, Токарева, Запащикова. В деле имеется копия договора 1900 года об аренде участков №№ 183 и 184:

«Копия

Тысяча девятисотого года марта двадцать первого дня мы, нижеподписвшиеся с одной стороны, доверенный вдовы титулярного советника Марии Павловны Потоцкой казак Омской станицы Константин Федорович Федоров, и с другой – крестьяне Самарской губернии Николаевского уезда Тяглоозерской волости Павел Захарович Емельянов, Бузулукского уезда Алексеевской волости Яков Миронович Кузьмин и Патровской волости Василий Иванович Токарев заключили настоящий договор в нижеследующем:

Я, Федоров, отдал в арендное содержание им, Емельянову, Кузьмину и Токареву, принадлежащий доверительнице моей Потоцкой добавочный земельный участок в пятьсот десятин удобной земли, значащейся под №№ 183 и 184 со всей на ней неудобной землей, находящейся в районе Черлаковской станицы на левом берегу реки Иртыша по речке Карасу, кроме шестидесяти десятин удобной земли, подлежащих к выделу из этого участка жене казака Пелагеи Федоровне Рытовой. Причем, если по миролюбивому разделу Рытова пожелает в этом участке взять земли более шестидесяти десятин, то мы, арендаторы, в этом препятствовать не должны, с тем, чтобы за каждую излишне занятую десятину Потоцкая должна возвращать деньги по расчету нашей годовой арендной платы. Если же Рытова не пожелает указанные шестьдесят десятин, то они поступают в пользование арендаторов с доплатой Потоцкой по тому же расчету.

Срок аренды считается от сего восемнадцатого марта на двенадцать лет с платой по четыреста рублей в год, а всего за сумму четыре тысячи восемьсот рублей.

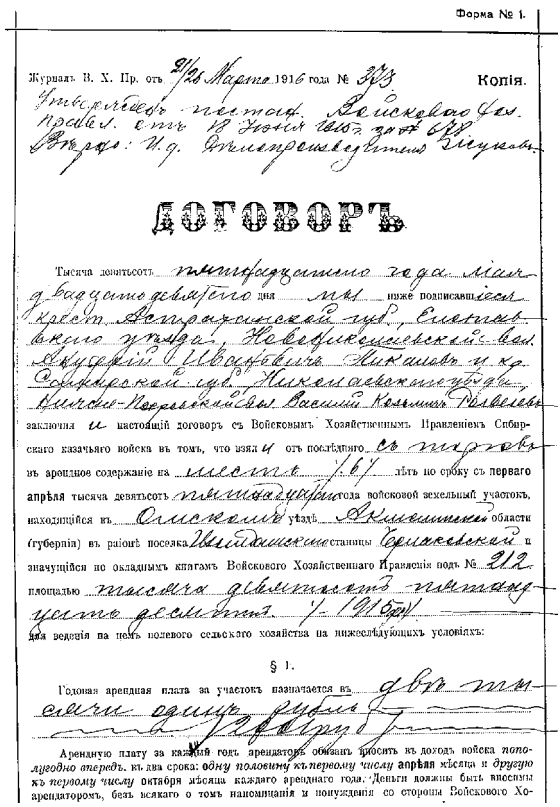
При подписании договора я, Федоров, получил сто рублей, а остальные деньги за первый год аренды арендаторы должны уплатить к первому сентября сего тысяча девятисотого года, а затем в следующие года плата денег должна производиться погодно к восемнадцатому марта каждого года по сто рублей, а к первому сентября по триста рублей.

На взятом в аренду земельном участке арендаторам предоставляется право: возводить постройки по своему усмотрению – дерновые из дерна, взятого на участке, а деревянные из материала, приобретенного вне участка, из коих деревянные имеют право снести по окончании арендного срока в трехмесячный срок. Весь лесной материал и для постройки дерновых избушек арендаторы должны приобретать на свой счет, распахать под пашню не более половины всего участка; на сенокосных межах косить сено; на выгонных местах пасти скот и в прилегающей к участку реке ловить рыбу.

Арендаторам отводится для пользования в продолжение арендного срока одна десятина леса, которой он имеет право пользоваться по своему усмотрению.

Арендаторы имеют право передавать этот участок другим лицам с точным выполнением всех пунктов договора и принимать по аренде товарищей с общего их, арендаторов, согласия и под личную их же ответственностью в выполнении теми товарищами договора.

Растущий на участке лес арендаторы должны охранять от напольных пожаров и порубок посторонними лицами, а также и самим не рубить, а в случае порубки кем бы то ни было должны отвечать по закону.



Форма № 1.

Журналъ В. Х. Пр. отъ 9/25 Марта 1916 года № 393 Копія.

Утвержденъ постан. Войскового Хоз. Правл. отъ 18 Іюня 1915 г. за № 6[illegible]
Секретарь: И.д. Делопроизводителя [illegible]

ДОГОВОРЪ

Тысяча девятьсотъ пятнадцатаго года мѣсяца двадцать девятаго дня мы ниже подписавшіеся крестьяне Астраханской губ., Енотаевскаго уѣзда, Невѣрскомысской вол. Авдотьи Ивановны Никишевы и хр. Самарской губ. Николаевскаго уѣзда, Ключево-Тяглоозерской вол. Василій Козьмичъ Розвезевъ

заключили и настоящій договоръ съ Войсковымъ Хозяйственнымъ Правленіемъ Сибирскаго казачьяго войска въ томъ, что взяли отъ послѣдняго въ тридцать

въ арендное содержаніе на мѣсяцевъ 1.67 лѣтъ по срокъ съ перваго апрѣля тысяча девятьсотъ пятнадцатаго года войсковой земельный участокъ, находящійся въ Оплоскомъ уѣздѣ Акмолинской области (губерніи) въ районѣ поселка Вилюйскаго станицы Семипалатинскій и значущійся по окладнымъ книгамъ Войскового Хозяйственнаго Правленія подъ № 212 площадью тысячи двѣнадцать пятьдесятъ десятинъ. / 1052 /

для веденія на немъ полеваго сельскаго хозяйства на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

§ 1.

Годовая арендная плата за участокъ назначается въ двѣ тысячи одинъ рубль [illegible]

Арендную плату за каждый годъ арендаторы обязанъ вносить въ доходъ войска *поголовно впередъ* въ два срока: *одну половину къ первому числу* апрѣля мѣсяца и *другую къ первому числу* октября мѣсяца каждаго арендного года. Деньги должны быть внесены арендаторомъ, безъ всякаго о томъ напоминанія и понужденія со стороны Войскового Хо-

Договор аренды казачьей земли М.К. Розвезевым

Арендаторы не должны уничтожать грани участка и не имеют право распахивать более половины участка, а в случае, если окажется, что распаханного места земли более половины участка, то за каждую распаханную десятину арендаторы должны платить неустойку по пять рублей.

Мы, арендаторы, плату обязаны производить непременно в те сроки, как указано в третьем пункте сего договора, а в случае если мы, арендаторы, в срок денег не уплатим, то Потоцкая имеет право отказать нам от аренды участка.

В случае если по распоряжению правительства участок этот будет изъят из владения Потоцкой для общественной или казенной надобности, то договор сам собою прекращается, а взятые вперед арендные деньги Потоцкая должна возвратить по расчету за недожитое арендаторами на участке время.

Договор этот с обеих сторон обязаны выполнять в точности.

По доверенности вдовы титулярного советника Марии Павловны Потоцкой казак Константин Федоров Федоров же. Крестьяне Самарской губернии Николаевского уезда Тяглоозерской волости Павел Захаров Емельянов, Бузулукского уезда Патровской волости Василий Иванов Токарев, крестьянин Бузулукского уезда Алексеевской волости Яков Миронов Кузьмин, а по безграмотству его и личному доверию расписался киргиз Атбасарского уезда и волости Ибрай Кораблев.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что подпись при сим сделана соб-

ственноручно в присутствии моем, Алексея Николаевича Малкова, омского нотариуса. В конторе моей на Атаманской улице в доме Куртуковой лично мне известным поверенным вдовы титулярного советника Марии Павловны Потоцкой – казаком Омской станицы Константином Федоровичем Федоровым, живущим в 1-й части гор. Омска в своем доме, предоставившим в подлиннике явленную у меня нотариуса 18-го сего марта по реестру за № 599 крестьянами Павлом Захаровичем Емельяновым, Василием Ивановичем Токаревым, неизвестными мне, предоставленными в удостоверение свое самоличности Токарев – паспорт, выданный ему из Патровского волостного правления 29 декабря 1899 года за № 213, Емельянов – проходное свидетельство, выданное ему земским начальником 7 участка Николаевского уезда Самарской губ. за № 3267, живущими на войсковом земельном участке под № 64 и киргизом Абраем Карабаевым подписавшимся по неграмотности и личному доверию крестьянина Якова Миронова Кузьмина, живущего на названном выше участке под № 64, представившего в доказательство своей самоличности паспорт, выданный ему из Алексеевского волостного правления 8 февраля 1899 года за № 57.

Марта 21 дня 1900 года по реестру № 633. Нотариус Малков.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю подлинность этой копии с подлинником, представленным мне, Алексею Николаевичу Малкову, омскому нотариусу, в конторе моей по Атаманской улице в доме Куртуковой крестьянином Павлом Захаровым Емельяновым, живущим на войсковом участке под № 64. При сличении этой копии с подлинником и в последнем подчисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 21 марта 1900 года».

Следует обратить внимание на то, что арендаторы имеют дело с наследницей хорунжего Павла Яковлевича Рытова, судя по отчеству с его дочерью Марией Павловной, которая в свою очередь доверила свои интересы казаку Федорову. Следовательно, упоминавшаяся выше Схематическая карта офицерских участков относится, наиболее вероятно, к последней четверти XIX века, поскольку к моменту заключения договора Павла и Корнилия Рытовых не было в живых. На Схематической карте участка под № 184 нет, скорее всего, он значился лишь в окладных книгах Войскового хозяйственного правления и слился с участком № 183, принадлежавшим Павлу Яковлевичу Рытову, поэтому и в деле используется единственное число: «участок под №№ 183 и 184», а не «участки».

Подтверждается, что переселенцы были выходцами из разных уездов Самарской губернии, а Токарев из Патровской волости – поэтому недалеко от Иртыша появилась Патровка, основанная его земляками. Кроме того, в договоре несколько раз подчеркивается, что арендаторы проживали ранее на войсковом участке № 64. Этот участок располагался ближе к Омску. Но, судя по дате выдачи в Самарской губернии паспортов, Токарев прибыл на этот участок совсем недавно, а Емельянов и Кузьмин могли прожить там не более одного лета. Очевидно, на этом участке они проживали временно до приискания подходящего места жительства.

Данный документ позволяет окончательно датировать основание Рытовки-2, а стало быть, Нововаршавки. Хотя договор подписан весной 1900 года, и, казалось бы, в этом году могли обустроиться, но старожилы из семей Емельяновых, Запащиковых и Косицыных, с которыми общались районные краеведы дружно называли годом основания Рытовки-2 1901 год. Особенно важны в этом плане свидетельства Спиридона Васильевича Емельянова, которому в 1901 году было 14 лет и, конечно, такое значительное для семьи событие, как переезд на новое место жительства, ему забыть было нельзя.

Итак, годом основания Рытовки-2 является 1901 год.

Речка Карасу – вероятнее всего, речка Сорокина. В переводе с казахского – «черная вода». Как мы уже говорили, на соседних участках имелись зимовые стойбища казахов, и казаки могли использовать их название, пока русские переселенцы не переименовали реку.

Обосновавшись на новом месте, крестьяне-переселенцы жили-поживали без особых проблем до 1907 года, когда в районе Черлакской станицы стали менять границы некоторых офицерских участков и пятая часть арендованных нашими переселенцами участков должна была отойти в войсковой запас, причем в этот отрезок попадала почти половина пашни. Поэтому Емельянов и Кузьмин обращаются в Войсковое хозяйственное правление со следующим заявлением:

«В Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска

Крестьян Самарской губернии Николаевского уезда Тяглоозерской волости Павла Захарова Емельянова и Бузулукского уезда Алексеевской волости Василия Иванова Токарева и Якова Кузьмина

Заявление

С 1900 г. по заключенному условию мы состоим арендаторами участка под № 183 и 184 вдовы титулярного советника Марии Павловны Потоцкой. В 1907 году от означенного нами арендного участка отошла 1/5 часть в 516 десятин 1800 саж. в пользование войска, большая же половина распаханной земли нами отошла в означенном отрезке, почему покорнейше просим Войсковое хозяйственное правление означенный отрезок без торгов, если признается возможным, сдать нам в арендное пользование до окончания арендного срока, т.е. до 1912 года, где мы предлагаем Войсковому правлению за каждую отдельно десятину по 20 коп., кроме производимой нами распашки, за которую мы обязуемся уплачивать по войсковой таксе, какая будет существовать.

При сем прилагается условие наше на означенный вами участок с г. Потоцкой марта 6 дня 1908 года.

Крестьянин Яков Кузьмин неграмотный, по личной его просьбе и за себя расписался Василий Иванович Токарев

Контрактные условия, указанные в прошлом конкурсном образце 8 марта 1908

Подпись Павел Захарович Емельянов».

Заявление было рассмотрено и по нему было принято постановление.

«СПРАВКА. По журналу Войскового Хозяйственного правления, утвержденному 7 апреля с. г. войсковым наказным атаманом, от участка хорунжего Рытова на 1/5 часть луга при ст. Черлаковской поступило в войсковой запас 516 дес. 1882 саж.

Из представленного крестьянином Емельяновым с товарищами контракта, заключенного с владельцами участка, видно, что они арендуют участок на 12-летний срок с 18 марта 1900 года по 18 марта 1912 года.

Сданы в аренду участок Рытова 516 десятин 1882 саж и дополнительный участок Матрены Рытовой (левобережная часть участка №180 – П.Б.) *в 286 десят. 1983 саж., а всего 803 десят. 1465 саж. наследницей их Потоцкой без особой доплаты за распашку.*

Крестьянин Емельянов с товарищами заявили, что большая часть их распашки отошла в отрезок, почему они просят отрезок оставить в их арендном пользовании до конца арендного срока, т.е. до 18 марта 1912 года, и предлагают аренды по 20 коп. с десят. И на общевойсковых условиях с платой за распашку особо по войсковой таксе.

Распоряжением от 24 мая с.г. за № 7742 было объявлено Емельянову, что отрезок может быть сдан ему аренду до 1912 года, если он согласится уплачивать по 30 коп. с десятины и плату за распашку особо. При надписи от 20 июля с.г. за № 1716 Черлаковский станичный атаман представил в правление отзыв Емельянова, которым он изъявляет желание уплачивать за отрезок в виде арендной платы по 30 коп. с десят. в год и плату за распашку особо.

Арендная плата в районе ст. Черлаковской в настоящее время не выше 10-15 коп. за каждую десятину земли.

ПОСТАНОВЛЕНО. Ходатайство крестьянина Емельянова с товарищами о предоставлении в их арендное пользование отрезков хорунжего Рытова и вдовы Матрены Рытовой, всего 803 десят. 1465 саж., за плату по 30 коп. с десятины, или 241 руб. 20 коп. в год на общевойсковых условиях с платой за распашку особо по войсковой таксе удовлетворить.

Срок аренды считать с 1 февраля настоящего года по 1-е апреля 1912 года и с крестьянином Емельяновым и его товарищами заключить установленный контракт.

Июля 31 дня 1908 г.

Полков. (подпись)

Делопроизводитель (подпись).»

Кроме того, в Черлаковскую станицу ушла депеша с пометкой «весьма срочное»:

« В. СРОЧНОЕ

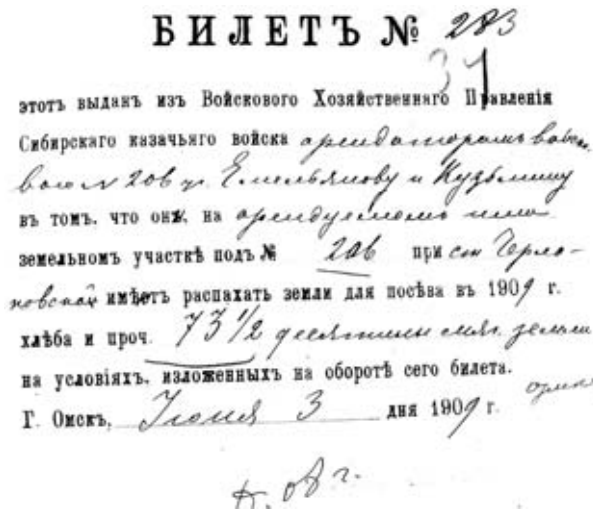
Черлакскому станичному атаману

Безотлагательно объявить под расписку крестьянам Захару (ошибка в документе, правильно Павлу Захаровичу – ред.) Емельянову с товарищами, проживающим на участке хорунжего Рытова (ныне наследницы Потоцкой),

что отрезок от этого участка будет предоставлен им в арендное пользование до конца арендного срока, установленного Потоцкой, если они согласятся уплачивать по 30 коп. с десятины с платой за распашку особо по войсковой таксе. Отзыв Емельянова с товарищами представить в Правление. При отказе уплачивать по 30 коп. с десятины участок будет предъявлен к торгам.

За советника (подпись)

Делопроизводитель (подпись)»



БИЛЕТЪ № 283

этотъ выданъ изъ Войскового Хозяйственнаго Правленія
Сибирскаго казачьяго войска арендаторамъ вол. № 206 Емельянову и Кузьмину
въ томъ, что онъ, на арендуемомъ имъ
земельномъ участкѣ подъ № 206 при сел. Горе-
новской имѣетъ распахать земли для посѣва въ 1909 г.
хлѣба и проч. 73 1/2 десятинъ сего земли
на условіяхъ, изложенныхъ на оборотѣ сего билета.
Г. Омскъ, Іюня 3 дня 1909 г.

Билет аренды участка №206, выданный Емельянову и Кузьмину

Крестьянам ничего не оставалось, как принять условия Войскового хозяйственного правления и 30 октября 1908 г. Емельянов и Кузьмин заключили контракт на четыре года по аренде участков №205 и 206.

Весной 1909 года Емельянов и Кузьмин написали заявление, чтобы им выдали разрешение распахать на участке №205 200 десятин, а на участке № 206 73,5 десятин. Им выдали билеты на распашку за № 282 и № 283, но на участке № 205 разрешили распахать 172 десятины, так как по 8-му параграфу контракта они могут распахать на участке не более 1/3 десятин участка.

Пашни, видимо, не хватало, и крестьяне решились на нарушение условий контракта, но тут же были схвачены за руку.

«29 сентября 1909 года

Председателю Войскового хозяйственного правления

Рапорт

Представляя три акта о проверке распашки земли на войсковых участках за №№ 83, 205, 206. 207, докладываю Вашему превосходительству:

1) на участке №83, арендуемом крестьянином Максимом Кузьминым (младший брат Якова Мироновича – ред.) засеяно в лето с.г. без билета мягкой земли 55 дес. 1680 саж. И подготовлено к 1910 г. пластов 12 дес. 1140 саж. Распашка произведена неправильно – черезполосно. Арендная плата за первую половину 1909 г. внесена несвоевременно, только 15 августа;

2) в участках за №№ 205 и 206, арендуемых по одному контракту крестьянами Яковом Кузьминым и Павлом Емельяновым и распахиваемых нераздельно оба участка сплошь, заключается всего 803 дес. 1465 саж.; из этого количества арендаторы имели право распахать согласно п.8 кондиций только одну треть,

т.е. не более 267 дес. 2088 саж, они же распахали 377 дес. 1440 саж., более разрешенного на 109 дес. 1752 саж. Засеяно без билетов на залог 20 дес. 366 саж. и на мягкой земле 43 дес. 2097 саж. и приготовлено пластов 68 дес. 177 саж.

В одном месте перепахана губернская грань, которую я велел немедленно исправить, а продолжавшуюся незаконную подготовку (распашку) к 1910 г. пластов приостановил, обязав их засеять весной не более 268 дес. только мягкой земли, а излишне засеянную в этом году землю на залог и подготовленные пласты оставить до распоряжения Войскового хозяйственного правления, в чем и представляю в этом ихнюю подписку. Арендная плата за эти участки уплачена несвоевременно – только к 25 августа с.г.;

3) на участке № 207 арендатором Петром Яковлевым засеяно мягкой земли 38 дес. 1680 саж. ; взамен билета предъявлена квитанция Омского казначейства от 14 июля с.г. за № 1283 на 50 р., уплоченных в число 100 р., за распашку 40 дес. мягкой земли. Арендная плата внесена 21 апреля.

На трех из означенных участках за №№ 83, 206 и 207 лес вырублен.

Съемки пашен представлю Вашему Превосходительству дополнительно по окончательном их нанесении на план землемером.

Коллежский секретарь Русанов (подпись)».

Под актом о нарушении распашки земли расписался сын Павла Захаровича Иван Емельянов вместе с Яковом Кузьминым при двух понятых.

Войсковое правление приняло решение взыскать с них за самовольную распашку излишков (268-245,5=22,5 дес.) обычную плату по 2 руб. 50 коп. за десятину – 56 руб. 25 коп. и штраф по 3 руб. – 67 руб. 50коп., за перепашку сверх 1/3 площади в участках 21 дес. мягкой земли и 20 дес. пластов (залог) взыскать тройную стоимость за десятину, за мягкую землю 7 р. 50 к. – 157р. 50 к. и за залог по 12 руб. – 240 р. и всего 521 р. 25 к. (ср. с арендной платой в год – 400 руб). При отказе Кузьмина и Емельянова уплатить деньги должна была быть произведена опись имущества на указанную сумму.

Пришлось платить. Заплатили 4 января 1910 г. 316 руб. 9 коп. и 29 января 1910г. 453 руб. 15 коп, 18 марта 1910 г. Кузьмин вносит еще 136 руб. Кроме того, платили и арендную плату.

Попросили распахать еще земли. Получили из Войского хозяйственного правления указание:

«7 апреля 1910 г.

Черлаковскому станичному атаману

Предписывается вам, Атаман, немедленно объявить арендаторам уч. № 205 и 206, Кузьмину и Емельянову, что просимый им билет на распашку 187,5 дес. мягкой земли им выслан быть не может, впредь до сдачи в Омское Казначейство в войсковой капитал ½ стоимости билета 234 руб. 38 коп., причем по внесении означенных денег им будут высланы билеты, кроме уже полученных ими на сей год по каждому участку в отдельности на уч. №205 – на 165 1/2 дес. и на уч. № 206 – 27 дес., т.е. отнюдь не превышая 1/3 части всей площади в каждом участке».

7 мая 1910 арендаторы внесли 234 руб. 38 коп. и 22 мая получили билет №193 на распашку 187 ½ дес. земли.

11 июня 1911 года Яков Миронович Кузьмин и Павел Захарович Емельянов обратились в Войсковое хозяйственное правление с просьбой выделить им на распашку 218 десятин мягкой земли на участках №№ 205 и 206, сообщив, что они внесли 262 руб. 50 коп. плату за это.

В ответ Черлакскому станичному атаману пришло жесткое указание:

«Арендаторы войсковых участков №№ 205 и 206 Яков Кузьмин и Павел Емельянов заявлениями от 28 мая и 13 июня с.г. просят разрешить распахать и засеять в лето сего года на этих участках 218 десят. мягкой земли, но не указали, на каком участке, сколько будет произведено распашки и посева хлеба, почему предлагается немедленно отобрать отзыв от арендаторов Кузьмина и Емельянова и донести на сем же, сколько у них отдельно на участках за №№ 205 и 206 распашки и посева в лето с.г. хлеба, в прочем, почему ими за 1-ое полугодие с.г. внесено платы всего только 64 руб. 40 коп, а следует 120 руб. 60 коп. Если остальная плата не будет внесена теперь же, то участки будут изъяты из пользования».

Что и было сделано, поскольку арендаторы не смогли заплатить указанную сумму. Участки 27 сентября 1911 г. были проданы на «изустных» торгах. Участок № 205 площадью 546 десятин арендовал с платой 260 руб. 20 коп. в год Василий Запащиков, а участок № 206 – немецкие поселенцы Фридрих Эзенбраун и Георг Цеб. Весной состоялась передача земли новым хозяевам по актам (ИсАОО, ф.67,оп.2, д. 2685):

«Акт

1912 года мая 31 дня я, войсковой лесной объездчик №11 объезда Иртышского лесничества Сиб. Каз. Войска Карбин, в присутствии нижепоименованных понятых постановил этот акт в следующем.

Исполняя обязанности службы, я сего числа осматривал участок № 205, который ранее содержали в аренде крестьяне Яков Миронов Кузьмин и Иван Павлов Емельянов, и с 1912 года упомянутый участок арендует Василий Федоров Запасчиков, нашел в нем следующее: лесу молодого 29 десятин, порубки свежей в нем – шесть, колодцев и озер нет. Постановил упомянутый участок сдать Запасчикову (так в документе, речь идет о Запащикове – П.Б.) *при этом показал ему грани, а об изложенном записал в настоящий акт.*

Настоящий акт арендаторам объявил, в том и подписуемся.

Яков Кузьмин при осмотре не участвовал за него и себя расписался Иван Емельянов, Василий Запасчиков.

Настоящий акт нам, понятым, объявлен, в том и подписуемся

Степан Емельянов, Василий Полстянов.

Объездчик 11 объезда Карбин».

К этому времени Павел Захарович Емельянов умер, поэтому за него подписывался под актом его сын Иван. Аналогичный акт был составлен и по участку № 206.

«Акт

1912 мая 31 дня я, войсковой лесной объездчик №11 объезда Иртышского лесничества Сиб. Каз. Войска Карбин в присутствии нижепоименованных понятых постановил этот акт в следующем.

Исполняя обязанности службы, я сего числа осматривал участок №206, который ранее содержали в аренде крестьяне Яков Миронов Кузьмин и Иван Павлов Емельянов, и с 1912 года упомянутый участок арендуют Фридрих Христьянович Эзенбраун и Георг Андреевич Цеб. Нашел на нем следующее: лесу всего 1 десятина, ½ молодого, свежей порубки в нем не оказалось, колодцев и озер нет, постановил вышеуказанный участок сдать Эзенбрауну и Цеб при этом показал им грани, а об изложенном записал в настоящий акт.

Настоящий акт нам, арендаторам, объявлен, в том и подписуемся.

Иван Павлов Емельянов, Яков Миронов Кузьмин проживает в Урлютюпе, при даче участка не присутствовал.

Фридрих Эзенбраун, Георг Цеб (подписи)

Настоящий акт нам, понятым, объявлен, в том и подписуемся

Степан Емельянов, Василий Полстянов.

Объездчик 11 объезда Карбин».

Арендаторы-должники вынуждены были сниматься с обжитого места и переезжать на казенные земли, на переселенческий участок № 81, к так называемому Болоту, что находилось в двух-трех верстах от Славянки.

Часть арендаторов хотела, очевидно, закрепиться на участке № 205, доверив свои дела Запащикову, но скоро и им пришлось перебираться к Болоту из-за финансовых затруднений, о чем свидетельствует следующий документ.

«6 февраля 1913 г.

Черлаковскому станичному атаману

Арендатору войскового участка за № 205 крестьянину Василию Запащикову в минувшем году по билетам за № 58 и 91 разрешено посеять на арендуемом им участке семьдесят шесть с половиной дес. мягкой земли. За произведенную распашку Запащиков внес 95 руб. 63 коп., остальная сумма по таксе в сумме 95 руб. 63 коп. до настоящего времени не внесена.

Вследствие этого войсковое Хозяйственное правление предлагает Вам, Атаман, безотлагательно взыскать указанную выше недоимку со штрафом по 1% на рубль в месяц, считая с 1 ноября 1913 г. по день взыскания.

Взысканные деньги сдать в Омское казначейство для записи в войсковой капитал…

Если же арендатор почему-либо не уплатит означенную недоимку в семидневный срок, по предъявлении сего, то на таковую сумму произвести опись его имущества и затем представить в Правление.

На исполнение сего предписания дается Вам месячный срок, считая со дня предписания.»

Павел Емельянов, видимо, умер в 1911 или 12 году, но казаки не прощали долгов, и оставшиеся за ним недоимки 60 руб. 39 коп. и проценты на 46 руб. 64

коп. было решено обратить на его сына Василия Емельянова, который якобы проживал в Омске. Об этом свидетельствует письмо в Омское городское полицейское управление от 18 сентября 1912 года. Однако из адресного стола ответили, что таковой в Омске не проживает, тогда все недоимки обратили на Якова Мироновича Кузьмина, который взял в аренду участок №188 в районе поселка Железинского станицы Урлютюпской. Однако он не горел желанием платить.

Из справки Войскового хозяйственного правления от13 января 1914 года:

«Арендатор Кузьмин 25 ноября 1913 г. был лично в Войсковом Хозяйственном Правлении и заявил, что один из наследников Павла Емельянова – сын Иван Емельянов проживает на войсковом земельном участке за № 252, находящемся в районе поселка Солянского Черлаковской станицы».

В качестве примера дотошности и въедливости казачьего чиновничества приведем следующий документ.

«Из справки по Войсковому хозяйственному правлению Сибирского казачьего войска. Арендное отделение.

13 января 1914 г.

Из расчетов, составленных 8 августа 1913 года к 1 апреля 1912 г. с арендаторами войсковых земельных участков за №№ 205 и 206, находящихся в районе станицы Черлаковской – крестьянами Яковом Кузьминым и Павлом Емельяновым видно, что за ними состоит в недоимке 158 руб. 55 коп. из них: за участок № 205 арендной платы за 2 полугодие 1911 года – 90 руб. 38 к., платы за распашку на том же участке за 1911 же год – 15 руб. 38 коп., штрафа и пени за просрочку взносов аренды и платы за распашку за 1908, 1910 и 1911 гг. – 14 руб. 27 коп.; за участок № 206 арендной платы за 1910 г. – 1 р. 81 к. и за 2 полугодие 1911 г. 43 руб.50 коп., штрафа и пени за просрочку взносов аренды и платы за распашку за 1909 и 1911 гг. – 3 руб. 19 коп., кроме того, на основную сумму недоимки в 30 руб. 49 коп. надлежит начислить штраф и пени: на 15 руб. 11 коп. по ½ процента, а на 15 руб. 38 коп по 1% в месяц, считая с 1 апреля 1912 года по день уплаты.

Залогами по аренде участков внесено: по № 205 – 77 руб. 55 коп., по № 206 – 43 руб. 5 коп., а всего 120 руб. 60 коп. под квитанцию Омского Казначейства от 10 ноября 1908 г. ст. 24637.

Залоги подсчитаны в арендную плату по обоим участкам за 2 полугодие 1911 г.. но в доход войска не перечислены. После подсчета залогов в недоимке остается 37 руб. 95 коп».

Таким образом, после многочисленных перерасчетов на январь 1914 года недоимок осталось 37 руб. 95 коп. Удалось ли взыскать хозяйственному правлению данную сумму полностью, неизвестно, но еще 15 октября 1916 года Иван Емельянов заплатил в Омское казначейство 24 руб. 6 коп. Долги, даже сравнительно небольшие казачьи власти, как видим, арендаторам не прощали.

Тысяча девятьсот шестнадцатым годом дело об арендовании Павлом Емельяновым и Яковом Кузьминым заканчивается, приближались другие времена.

Весной 1920 года жители хутора Болото обратились в Черлакский земот-

дел о выделении им земли под пашню и на строительство поселения по соседству с Рытовкой-2. Земля была выделена, и по окончании посевной приступили к строительству домов. Дома строили пластовые из дерна и саманные на территории, где ныне находится улица Пролетарская. Застройка началась на месте нынешних домов с нечетными номерами, а затем и на противоположной стороне.

Уже во время строительства домов стали думать, как назвать поселок. И вот георгиевский кавалер Абрамов Василий Алексеевич, служивший в русской армии в Варшаве, которая произвела на него большое впечатление, предложил на одном из перекуров назвать поселок Новая Варшава. Об этом Ивану Ивановичу Болотину рассказал его тесть Грибанов Алексей Ефимович, который непосредственно присутствовал при этом разговоре. По воспоминаниям других старожилов, название предложил Максим Десятов, тоже бывавший в Варшаве. Однако поскольку среди переселенцев от Болота Десятов не значится, скорее всего, автор идеи названия был Абрамов. Но это и не столь важно. Главное, что название связано с впечатлением, которое произвела Варшава на одного из поселенцев, а не с поляками, как может подуматься с первого момента.

ИСИЛЬКУЛЬ

Первые русские

Город Исилькуль, в отличие, например, от города Тары, долгое время не был центром, вокруг которого появлялись деревни. Он был основан лишь через 140 лет после того, как на территории исилькульского района появились первые русские поселения. Это было обусловлено спецификой освоения степного края. Непосредственно же своим рождением город обязан Сибирской железной дороге.

После основания Омской крепости в 1716 году стало развиваться постепенно хлебопашество в лесостепной зоне между Иртышом и Ишимом. Для защиты от постоянных набегов киргизских (казахских) и калмыцких (джунгарских) орд на Иртыше, Ишиме и по Оше-реке ставились форпосты. Это была Старая Ишимская линия. В 1743 году было решено построить южнее Новую Линию. И в середине XVIII века усилиями в основном тарских казаков и крестьян были построены на территории Омской области крепости Покровская и Николаевская, редуты Мельничный, Степной, Дубровный, Курганный, Волчий, Горький, Соленоозерский, Лосев и Первый Тарский, позднее ставший называться Первотаровкой. Между крепостями и редутами протянулась дорога, названная Линейным трактом. Располагались редуты вдоль реки Камышловки, впоследствии превратившейся в цепь небольших озер.

Редуты Соленоозерский (Озерный), Первотаровский и Лосев, основанные в 1752-1755 годах, стали первыми поселениями на территории Исилькульского района. Ближайший к Исилькулю Лосев редут был основан в 1755 году. «По долготе на двадцать пять сажен, обнесен полисадом из березового лесу, высота полисада пять аршин, платформа для пушек и двое ворот построены, одни ширины четыре аршина с половиною, над которыми будка, где часовой, другие к озеру в полсажени. Кругом оного полисада рогатки в трех саженях от заплота, а в сажени от рогаток надолбы, а оные рогатки и надолбы построены из березового лесу». Среди основателей были казаки из Тары во главе с Василием Седельниковым. Род Седельниковых был многочисленным и требует отдельного разговора. Так, пешего полка сотник Борис Седельников был активным участником Тарского бунта 1722 года. До переезда в Лосев редут Седельниковы жили в Знаменском погосте. Родственники Василия Седельникова основали село Седельниково на реке Уй.

К 1791 году в Лосевом редуте уже проживало 7 семей Седельниковых. Кроме Седельниковых, среди первых поселенцев были Пелымский, Кубрин, Заливин, Лоскутов – фамилии тоже весьма распространенные в Омской области.

Соленоозерский и Первотаровский редуты были возведены позднее также тарскими казаками, среди которых были Авдеев, Полукаров, Коптев, Перевалов и другие.

Станция Исилькуль

С 1891 года началась подготовка к строительству Великой Сибирской железной дороги. Разведкой трассы от Челябинска через Курган, Петропавловск, Омск до Оби занимался инженер Гарин-Михайловский (известный более как писатель Гарин). В 1891 году путейцы появились в районе пресного озера Исилькуль. Для заправки паровозов требовалась вода. И в то время озеро было отнюдь не гнилое, как переводится его название.

Датой основания Исилькуля считается 1895 год, хотя уже в 1894 году на месте Исилькуля были бараки. Активные же работы по строительству железной дороги, как полагает историк А. Д. Колесников, начались с 1893 года. Железнодорожная администрация заключила с абацкими и пановскими крестьянами договор о вывозке соснового леса для телеграфных столбов и построек – «лесин длиной до 20 аршин и в отрубе от 10 до 12 вершков». При этом абацкие крестьяне, поставлявшие столбы, получали лишь половину из того, что выплачивалось из казны подрядчику. А как сообщали «Тобольские губернские ведомости» на развозку 100 шпал на линию подрядчик получал 1 рубль 50 копеек, а крестьянам он выдавал лишь 20-25 копеек. С мая 1893 года начались земляные работы, прокладка трехверстного водопровода от озера до станции. К 1894 году на станции осели постоянные жители, которые стали создавать плотничьи артели. Появились переселенцы, и темп строительства резко ускорился.

Локомотивное депо в Исилькуле. 1895 г.

25 августа 1894 года в Омск прибыл первый поезд из Челябинска с министром путей сообщения Кривошеиным. Поскольку поезд двигался со скоростью 15-17 верст в час, то можно сказать, что поезд через Исилькуль прошел во второй половине 24 августа. В «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге» сообщалось, что поезд сильно трясло, «станции – в виде наскоро поставленных бараков, остановки особенно долги – до одного часу 45 минут по расписанию. А в действительности же там, где локомотивы берут воду, и более двух часов. Звонки подаются только на конечных станциях, на всех же остальных поезд трогается сразу по реву паровоза». Там же любопытная деталь: «Киргизы с удивлением встречают появление поезда, некоторые скачут рядом с вагонами, стараясь их обогнать».

Первые храмы и школы

Без церкви дореволюционные русские селения было трудно представить. Сразу после основания станции железнодорожная администрация взяла на себя возведение храма. С Урала завезен был бутовый камень, и в конце 1895 года началось строительство церкви во имя Святителей московских Петра, Алексея, Ионы и Филиппа на средства фонда Александра III. К концу 1897 года здание храма было построено. На строительство церкви и одновременно возводимой церковно-приходской школы значительные средства жертвовал купец И.Д. Баев и его жена.

Первая в Исилькуле школа имени Иоанна Кронштадтского открылась 18 февраля 1898 года. В ней занималось в 1910 году 56 мальчиков и 36 девочек. Обучали их две учительницы с годовым окладом 600 и 400 рублей. Хотя средний оклад сельских учителей в это время составлял 360 рублей в год.

В 1920 году в железнодорожной школе обучалось 150 детей в две смены. В третью смену приходили две группы взрослых по линии ликбеза.

В 1930 году в школе-десятилетке занималось уже 600 учащихся, их обучали 13 учителей.

Она значилась под № 41, а 21 мая 1961 года была переименована в школу № 173 станции Исилькуль.

К моменту открытия школы в Исилькуле уже были школы в казачьих селах Первотаровке и Лосево. В Лосевской школе обучалось в 1910 году 17 мальчиков и 10 девочек при населении в поселке 800 человек. Основная масса сельского населения была неграмотной. В Благовещенке, Орловке, Украинке из 50-80 глав семейств под сельскими приговорами могли расписываться 4-6 человек, за остальных расписывались кто-либо из грамотных.

В 1900 году открылась школа в Городище, в 1902 – в Орловке, в 1907 – в Благовещенке, Ночке, Рославке. Средства на постройку школ выделялись из переселенческого управления. Все эти школы были церковно-приходскими и считались министерскими.

От станции к городу

Строительство Сибирской железной дороги и приток достолыпинских переселенцев способствовали превращению станции в крупный транспортный и торговый узел. Газета «Омский вестник» 4 марта 1912 года писала, что Исилькуль «с конца 1905 года начинает быстро развиваться. Вместе с ростом населения, растет и экономико-торговая жизнь. Открываются комиссионные конторы по скупке масла, хлеба, мяса, дичи, сала и прочих продуктов, склады сельскохозяйственных машин, мелочные мануфактурные лавки, оптовые склады. Ежегодный денежный оборот достиг нескольких сот тысяч рублей. Базары значительно увеличились, привоз продуктов достиг 1000 возов, тогда как раньше колебался от 20 до 30 возов». Сообщалось также, что в станционном поселке и Ново-Павловке стоят «три каменных строения, 4 кирпичеделательных завода с чистым оборотом 800 тыс. рублей, три паровые мельницы, вырабатывающие 1500 тысяч пудов муки с оборотом 750 тысяч рублей, 6 лесных складов с оборотом 200 тысяч рублей, конторы по скупке продуктов с оборотом 3 миллиона».

В конце статьи автор выступил за объединение поселков станции, Павловки и Городища и введение упрощенного городского управления. Однако эта инициатива в 1912 году осталась без последствий.

Между тем Исилькуль развивался. В 1915 году со станции Исилькуль отправлено пшеницы 1 миллион 74 857 пудов, ржи – 29 107 пудов, мяса 17 561 пуд. Одновременно Исилькуль в значительном количестве стал экспортировать сливочное масло.

В 1916 году была предпринята попытка преобразовать Исилькуль в город. После экономического обоснования, говорилось, что «поселок Татарский, став городом Татарск, принял уже вполне приличный вид». Однако и эта просьба осталась без последствий.

Сразу после Гражданской войны Исилькульский ревком предложил Омскому губревкому преобразовать Исилькуль в город, приводя в пример, кроме Татарска, еще и Калачинск и Черлак, которые будучи по населению меньше, но называются городами. Губревком согласился с доводами и с 1920 по 1924

год Исилькуль именовался в документах городом. С 1920 по 1922 год он входил в состав Киргизской республики, созданной в составе РСФСР.

При утверждении районов в 1924 году Сибревком постановил: «центром Исилькульского района определить село Исилькуль». Так Исилькуль вновь стал селом.

19 февраля 1937 года предлагалось назвать село городом Орджоникидзе. 7 октября 1938 года предлагалось переименовать Исилькуль в город Бадаевск.

Однако титул города Исилькуль получил лишь по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР 1 мая 1945 года накануне Великой Победы.

«МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ЧЕРНОЛУЧЬЯ ПРЕКРАСНОЕ…»

Черная лука

Место это на Иртыше стало известно, надо полагать, практически сразу после основания города Тары. Казаки не могли не оценить выгодность местности с военной точки зрения. Она была защищена с трех сторон водами Иртыша и высоким его берегом. Десяток-другой казаков могли легко держать под контролем перемещения в степи орд киргизцев, татар и калмыков. Это место в течение всего XVII века было перевалочным пунктом и местом отдыха экспедиций казаков за солью к Ямышеву озеру.

И. Голошубин в «Справочной книге Омской епархии» (1914 г.) писал: «Чернолучье само по себе незавидное селенье: десятков шесть-семь плохо построенных и почти без всякого порядка расположенных небольших деревянных домиков; при них деревянная обыкновенная церковь, запасные хлебные магазины, дом бывшего волостного правления – и только. Но местоположение Чернолучья прекрасное: с трех сторон его (севера, востока и отчасти юга) лежит густой сосновый бор, единственный в окрестностях г. Омска. Довольно возвышенный (правый) берег Иртыша, на котором оно расположено, на далекое пространство видимая местность левого противоположного берега с несколькими на ней селениями и с обширными лугами и полями, наконец, самый довольно быстрый и широкий, огибающий село Иртыш, – все это делает местоположение Чернолучья сравнительно с плоскими, однообразными, словом – степными окрестностями г. Омска, действительно приятным и замечательным».

Крутая излучина Иртыша и дала собственно название месту Черная лука, а затем Чернолуцкой слободе и Чернолучью.

Чернолуцкая слобода

О времени основания Чернолуцкой слободы существует две точки зрения. Дореволюционные омские историки Н. Путинцев, Ф. Усов, И. Голошубин дружно утверждают, что Чернолуцкая слобода была задолго до основания Омской крепости, и годом рождения называют 1670 год, не указывая, однако, документов-первоисточников. Современные историки и краеведы полагают, что Чернолуцкая слобода появилась после основания Омской крепости. Их аргументы, основанные на документах, представляются более убедительными. Так, в переписи населения, проведенной в 1701 году, житель Татмыцкой слободы Д.С. Шипицын сказал: «А межа слободы (Татмыцкой – П.Б.) от Карташова яра вверх до устья Большой речки и Большого озера и до Черной луки. А от слободы пролегла степь и меж урочищ слобод со степной стороны не имеется».

В «Хорографической чертежной книге» известного историка и картографа Семена Ульяновича Ремезова, составленной в 1700-1705 годах, указаны все селения южнее Тары, есть там и Татмыцкая слобода, а вот Чернолуцкой слободы нет, обозначено лишь на месте излучины – «Лука Черная».

Поэтому более предпочтительным представляется год основания слободы 1718-й. Тем более, что именно в 1718 году была построена и деревянная церковь. Современный исследователь М. Куроедов, основываясь на метрических книгах Чернолуцкой Крестовоздвиженской церкви и ревизских сказках, называет первых жителей Чернолучья. Ими были Иван Киргинцев, Нестор Минин, Егор Лузин, Павел Пашенин, Филька Сажин, Никита Горлинов.

Во время Тарского бунта 1722 года Чернолуцкая слобода была известным селением. Так, тарский фискал Шильников вернулся из поездки в Чернолуцкую слободу и сразу из-за своей должности оказался в центре событий. Тарские священники, личным примером пытаясь убедить жителей присягнуть указу Петра от 5 февраля 1722 г., по которому в глазах тарчан безымянный наследник оказывался антихристом, первыми поставили подписи в присяжных книгах. Был среди подписавшихся и иеромонах Чернолуцкой слободы Феофан. В этом же, 1722 году, капитан Унковский, направлявшийся с посольством в Джунгарию, отметил в Путевом журнале, поднимаясь по Иртышу, что прошел Чернолуцкую слободу.

База омских мушкетеров

Несмотря на то, что вверх по Иртышу вслед за Омской крепостью были построены Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская крепости, а от степи отгораживались линиями – цепью крепостей и форпостов, русские поселения до уровня Оми в течение всего почти XVIII столетия не чувствовали себя в безопасности из-за набегов киргиз-кайсаков (казахов). Чернолученцам тоже приходилось быть настороже. На пашню, на сенокос, за дровами или на рыбную ловлю приходилось отправляться с оружием.

Именно поэтому в Чернолучье много лет при Елизавете и Екатерине II

располагался Ширванский мушкетерный полк. Здесь были его штаб-квартира с казармами, пороховой погреб и походная полковая церковь.

Ширванский мушкетерский полк был выведен с другими регулярными полками в Европейскую Россию генералом Соколовым в 1808 году в связи с осложнением отношений с наполеоновской Францией.

В битве при Бородино Ширванский полк отличился особым героизмом и стойкостью, отбивая непрерывные атаки на знаменитые батареи Раевского.

Чернолученская заступница

Каждую девятую пятницу после Пасхи в дореволюционном Чернолучье проходил крестный ход по случаю избавления Чернолучья и окрестных деревень от морового поветрия (сибирской язвы). Моровое поветрие случилось в середине XVIII века. Никакие меры не действовали, люди заболевали и умирали. Тогда жители Чернолуцкой слободы, молясь Господу Богу об избавлении, обратились с мольбами и к его угоднице святой мученице Параскеве, нареченной Пятнице. При этом они дали обет приобрести икону Святой мученицы и ежегодно каждую 9-ю после Пасхи пятницу праздновать, не работать и не веселиться, соблюдать строгий пост и воздержание. Молитвы были услышаны, и моровое поветрие прекратилось. Жители свое слово сдержали, икону приобрели. И с той поры в Чернолуцкой церкви было два престола – холодный, в честь Воздвижения Креста Господня и теплый, в честь Св. Параскевы-Пятницы. На «девятую Пятницу» в Чернолучье стекались тысячи богомольцев. Крестный ход начинался после торжественной литургии в храме и совершался вокруг бора. На южной стороне за селом, там, где по преданию стояла походная церковь Ширванского полка, вновь служился молебен.

Параскева-Пятница пользовалась таким особым почитанием, что в церкви было две ее иконы. Икона, с которой совершался крестный ход, была в серебряной вызолоченной ризе и в резном золоченом киоте. Риза была сооружена на средства инженерного генерала Стефана Булыгина, а киот на средства начальника штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта С.Б. Броневского. Вторая икона была в складном деревянном киоте, сделанном на средства зажиточных прихожан.

Пароходная миссия

В 1913 году праздник «девятой пятницы» был ознаменован приездом Епископа Акмолинского Мефодия. Поездке был придан миссионерский характер, поскольку вера православная в народе слабела ввиду распространившейся сектантской пропаганды. Владыка пригласил с собой несколько проповедников. 13 июня в окружении свиты на пароходе «Коммерсант» владыка прибыл в Чернолучье. В 6 часов вечера под открытым небом началось всенощное бдение, продолжавшееся до 10 часов. Во время бдения и литургии не раз выступали проповедники, призывая народ трезво и чисто провести праздник, не поддаваться сектантским суесловам. Горячая речь одного из проповедников

так подействовала на слушателей, что около ста человек тут же записалось в общество трезвости. В ходе бдения было роздано народу около 7000 брошюр религиозно-нравственного и противоалкогольного содержания. После литургии был совершен крестный ход.

К слову сказать, пароход шел из Омска до Чернолучья три часа. На пассажирских рейсах билет стоил 90 копеек. А нанять пару лошадей туда и обратно можно было за 3-5 рублей. Преимущество технического прогресса очевидно!

«ПРИ ОЗЕРЕ КАЛАЧИКИ К ПОСЕЛЕНИЮ МЕСТО СПОСОБНО…»

Озеро в форме калача образовало старое русло Оми. Его так и называли Калач или Калачики. Первым упомянул о нем в пятидесятых годах XVIII века исследователь побережья Оми прапорщик Я. Уксусников: « При озере Калачики к поселению место способно: сенных покосов, пахотных земель и скотных выгонов и лесу березового за рекой Омью довольно. Как в оном озере, так и в реке Оми рыболовство имеется».

Рыболовство, впрочем, было так себе: щука, окунь, язь, голавль и изредка – стерлядь. Тем не менее вскоре появилось здесь поселение. Первое документальное упоминание Калачинска в Ревизской сказке (по-современному – переписи) относится к 26 января 1795 года. Тогда в деревне Калачинской, состоящей из 14 семей, было 130 человек. В основном это были выходцы из волостного села Куликовского Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Долгое время село Куликовское, располагавшееся в двух километрах от Калачинского было самым крупным среди окрестных деревень. Перед началом Первой мировой войны в селе было 8 мелочных лавок, склад земледельческих орудий, 4 пивных лавки, одна винная, 3 кирпичных завода, кожевенный завод и паровая мукомольная мельница. Богатые жители засевали хлебом 20-30 десятин, середняки – 10-15 десятин, бедные – 2-5 десятин.

Однако с появлением железной дороги и образованием станции Калачинской население в бывшей деревне стало быстро расти. В 1896 году в Калачинске проживало уже 400 душ обоего пола, в 1904 году – 691, а перед войной – 711. Примерно такой же численности были села Воскресенское, Локтинское (в простонародье – Локти), Глуховское, Лагушкино, Петровское, Тургеневское. Почти в каждой из этих деревень в разные сроки проводились свои ярмарки. Калачинская ярмарка проводилась с 29 июня по 1 июля. Торговали мануфактурой, бакалеей, скобяными и деревянными изделиями, шерстью, салом, кожей и маслом. В дореволюционном Калачинске имелись: маслобойный завод, хлебозапасный магазин, торговая лавка, 2 кузницы и склад сельхозорудий.

Любопытно сравнить, как «железный конь» побеждал коней ямских. От станции Калачинской до Омска по железной дороге было три часа езды. Билет

3-го класса стоил 1 руб. 07 коп., 4-го класса – 54 коп. За пару лошадей надо было платить 3-5 рублей. А жителям села Локтинского и того больше – 8-10 рублей. В то время как от станции Колония они могли уехать, заплатив за билет 1 руб. 64 коп.

Калачинцы приняли активное участие в революции. В конце февраля – начале марта 1918 года в Калачинске прошел I уездный съезд Советов, на котором был избран исполнительный комитет, председателем которого стал латыш Якоб Мартынович Калнин. Однако во время восстания белочехов он был расстрелян. Случилось это 8 июня 1918 года.

От колчаковцев Калачинск был освобожден 21 ноября 1919 года 27-й стрелковой дивизией 5-й армии Тухачевского. Был организован ревком во главе с Я.П. Кродером (за участие в Рижском восстании 1907 года он был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии бессрочной каторжной ссылкой).

5 декабря 1919 г. по решению Сибревкома из Тюкалинского уезда выделен самостоятельный Калачинский уезд, в который вошли 16 волостей. Калачинск стал уездным городом. К 1922 году население уезда увеличилось на 30 тысяч человек за счет голодающих переселенцев и превысило 173 тысячи. В Калачинске в это время – 521 дом и 3967 человек.

Калачинский район образован по Постановлению Сибревкома от 24 сентября 1924 г. Район состоял из 6 волостей с 74 населенными пунктами и населением 51185 человек.

Калачинск становится районным центром. С декабря 1952 года – городом районного подчинения, с 1963 года – городом областного подчинения.

Во время Великой Отечественной войны Калачинск отметился многими славными делами. Здесь было собрано для нужд фронта 33 млн рублей. Отправлено на фронт мяса, брынзы – 96 тыс. тонн, яиц – 2,4 млн штук, кож – 63957, 11 тыс. теплых вещей и подарков. Более 10 тысяч калачинцев ушли на фронт. Шестерым из них присвоено звание Героя Советского Союза. Это Алтунин Александр Терентьевич, Еремин Александр Семенович, Ермак Павел Ильич, Калинин Гавриил Григорьевич, Ледовский Иван Григорьевич, Осьминин Петр Ермолаевич. Именем последнего названа улица в Чкаловском поселке г. Омска.

В конце сентября 1941 г. на ст. Калачинск прибыли первые 7 вагонов с оборудованием Мелитопольского автотракторного завода, а через месяц завод уже работал, выпускал запчасти к автомобилям и тракторам. Первым директором завода был Ф.А. Музуренко – почетный гражданин г. Калачинска. За счет улучшения технологических операций выпуск поршня для ГАЗ-АА в Калачинске стоил на полторы копейки дешевле, чем на Горьковском автозаводе.

После войны завод стал выпускать молотилки БР-23, лесорамы ЛР-26, автомастерские «ГОСНИТИ-1». В 1951 году выпущено 10 первых автодезинфекционных установок для санитарной обработки животноводческих помещений ДУК-1 разработки доктора ветеринарных наук Н.М. Комарова. И сегодня это единственный в стране завод, выпускающий такую продукцию.

В 1963 году из промкомбината была выделена ткацкая фабрика, достигшая в выпуске тканей больших успехов. Достаточно сказать, что калачинская

фабрика была официальным поставщиком ткани для обивки мебели в Олимпийской деревне в Москве.

С 1966 по 1967 гг. в городе начали действовать хлебозавод, КБО, мясокомбинат, завод ЖБИ, пивзавод. Калачинский элеватор обслуживает не только свой район, но и соседние районы.

Калачинск удостаивался дважды внимания руководства страны. В июле 1923 г. проездом в Калачинске побывал «всероссийский староста» М.И. Калинин. А 17 февраля 2001 года на 30 мин здесь останавливался Президент России В.В. Путин. Он побеседовал с главой районной администрации, подписал книгу писателя Геннадия Оселедцева «Калачинск» для краеведческого музея и оставил автограф читателям районной газеты «Сибиряк»: «Читателям «Сибиряка» – удачи».

КАК У ТАРЫ У РЕКИ…

От слободы до райцентра

После основания в 1594 году города Тары и последующего разгрома Кучума началось постепенное развитие пашенного земледелия вокруг Тары, и к середине XVII века возникла потребность в новых землях. В 1667 году тарские крестьяне обратились с челобитной к царю с просьбой перевести их в долину реки Тары восточнее, где «земля добра, пахана не бывала». В этом же году тобольский воевода П.И. Годунов направил несколько казаков для поиска места для слободы на Красном Яру выше устья реки Бергамак. Разведчики нашли здесь пригодной для пашни земли более пятисот десятин.

В том же году началось строительство острога, и в 1670 году строительство Бергамакской слободы было завершено. Ученый-краевед П.Т. Сигутов указывает первых поселенцев слободы, среди которых были служилые люди Алеутов, Грязнов, Каюков, Костюков, Леонтьев, Лузарев, Михайлов, Резин, Усольцев, Шебалин, Шульгин, Черепанов и пашенные крестьяне Антипин, Гаранин, Дурнов, Евтин, Кнутиков, Суздальцев, Тучка, Муромцев и другие. Бергамакская слобода стала первым русским поселением на территории современного Муромцевского района и центром, вокруг которого стали появляться русские поселения восточнее и южнее слободы.

Поскольку в большинстве случаев названия деревень и заимок давалось по фамилии основателя, то, скорее всего, основателем будущего райцентра был Муромцев, выходец из Бергамакской слободы. Точная дата основания села неизвестна. Известно лишь, что случилось это в 70-90-х годах XVII века, когда появились деревни Резино (Окунево), Сеткуловка, Еремино, Оброскино (Кокшенево), Танатово, Бертово и Муромцево.

После основания Омской крепости в 1716 году была проложена дорога на север с переправой у Такмыкской слободы, что способствовало появлению новых поселений. Тогда появились Артын, Епанчино, Карташево, Качесово и Пустынное.

В 1782 году в Муромцево проживало 280 человек, в Бергамаке – 270, Сеткуловке – 214, Артыне – 185, Копьево – 445.

К середине 1790-х годов численность русского населения значительно возросла в Артыне до 430 человек, Карташево – до 305, Муромцево – до 304. Этому способствовало близкое расположение селений к тракту. С 1795 по 1857 гг. население Муромцевского района увеличилось с 3400 до 13 300 человек, из них 86,6 процента были государственные пашенные крестьяне. Хотя татарское население и составляло всего 3,1 процента, в Инциссе, Бергамаке, Черталах и Кузенево были мечети. Церквей же было три и четыре часовни. В 1854 году в Муромцево было открыто единственное на весь район училище.

По учету 1862 года в районе действовало 26 водяных и 12 ветряных мельниц. Хлеб был долгое время основным продуктом и основным товаром. Хотя урожайность была невысокой, от 24 до 60 пудов с десятины (3,8 – 9,6 центнера с гектара), Бергамакская слобода поставляла хлеб и в Омскую крепость и в Тобольск. Так, в 1822 году из Бергамакской волости в Тобольск купцом Андреем Пановым на четырех барках было привезено десять тысяч пудов ржаного хлеба. Страховой запас хлеба хранился в пяти хлебозапасных магазинах в Ушаково, Кондратьево, Карташево, Копьево и Муромцево.

В 1857 году на средства потомственного дворянина Михаила Корчемкина недалеко от Муромцева начинается строительство частного винокуренного завода. Рядом со строительством образуется выселок, который со временем превратился в крупное село Петропавловку. В марте 1863 года завод выдал первую продукцию. А в 1868 году на заводе было выработано 121,8 тысяч ведер спирта на сумму 152,3 тыс. рублей, что составило почти четверть от стоимости спирта, произведенного в Тобольской губернии. В начале 1870-х годов Корчемкин отдает завод в виде приданого своей дочери Надежде Михайловне, вышедшей замуж за видного чиновника Н.И. Давыдовского. В 1892-95 гг. супруги реконструируют завод, строят из кирпича корпус, солодовни, винные склады, устанавливают паровой котел и динамо-машину.

В начале 1860-х в Муромцево открывается стеклодувная фабрика купца Ивана Дудикова. На ней выпускали разных сортов посуду из зеленого стекла и сбывали ее по всей Тобольской губернии. К 1874 году на фабрике было изготовлено 125 тысяч изделий на сумму 7 500 рублей.

Кроме хлебопашества, в Бергамакской волости было высоко развито скотоводство. Это способствовало развитию кожевенного производства. Первый кожевенный завод был открыт в конце 1860-х годов маломуромским крестьянином Михаилом Ивановым, затем появляются заводы в Нижнем Сюткесе (1877 г.) и в Муромцево (1886 г.). В 1890 году в районе было семь кожевенных заводов, винокуренный и стекольный, 34 водяные мельницы, 15 питейных заведений и 21 мелочная лавка.

В конце 1890-х годов начинают в районе производить знаменитое сибирское сливочное масло. Первый маслодельный завод открылся в Курнево в 1898 году, в 1899 – два завода в Дурново, по одному в Муромцево, Копьево, Петропавловке и Самохвалово. В 1906 году уже было 38 маслодельных заводов, из

них четыре завода в Муромцево, по три – в Низовом и Карбызе, по два – в Карташево, Больше-Красноярке, Кам-Курске, Копьево, Курнево и др. Преобладало частное предпринимательство, лишь восемь заводов были артельными.

После революции к последствиям невзгод Гражданской войны добавились неурожайные 1921-22 гг., уменьшились посевные площади, нарушились торговые связи с другими районами. Из-за нехватки хлеба остановился винокуренный завод. После Ишимского восстания 1921 г. была объявлена НЭП. Постепенно стало развиваться кооперативное движение. К 1927 году в районе работали четыре ТОЗа, два мелиоративных товарищества, 33 маслоартели, в единоличных хозяйствах появляются жнейки, сенокосилки, молотилки и веялки. Однако необходимость в срочной индустриализации требовала кардинальных мер, и началась коллективизация со всеми ее безобразиями.

Муромцевское восстание

Очень точное определение дал Муромцевскому восстанию омский писатель Михаил Шангин – «Мятеж обреченных». Именно так назвал он свой роман, написанный по архивным материалам (только в омском архиве ФСБ находится 37 томов уголовного дела по этому восстанию!). Это действительно был мятеж по краткосрочности – основные события произошли с 1 по 5 марта 1930 г. – и мятеж обреченных в силу его бесперспективности. Тезис о ликвидации кулачества как класса диктовал соответствующие методы: полное обобществление имущества, аресты и высылка семей в северные районы зачастую на погибель. Однако страдали не только самые зажиточные, поскольку грань между кулаком и середняком была весьма условна. И терпение лопнуло.

Предоставим слово документу. Под грифом «Совершенно секретно» комиссия Барабинского окружкома ВКП(б) 28 апреля 1930 года составила доклад о восстании крестьян в Муромцевском районе. Приведем выдержки из него.

«*Возникновение и характер восстания*

Перед восстанием, 28 февраля 1930 г., в д. Тармаклинской по инициативе лесника Шаварнаева Ивана созывается собрание кулацкой группы до 15 чел., в среде которой видное место занимал кулак Кондаков Иван и Шапочников Леонтий, на которое приглашается несколько человек бедноты и решается вопрос об организации 1 марта освобождения выселяемых кулаков, сосредоточившихся в д. Кондратьевой. Присутствовавшей бедноте обещается помощь в весеннюю посевную кампанию, и вместе с тем запугиваются тем, что после выселения кулаков Советская власть будет выселять и середняков, а потом бедняков…

Прибывшая в Тармаклу толпа под руководством Белокурова Захара, Кондакова Ивана, Мельникова Петра и др. произвела обыск, аресты и избиения местного советского актива и колхозников, разграбила колхозное имущество и изъяла оружие, а затем по требованию главарей организовала отряд, во главе которого встал Белокуров Захар, и двинулась в с. Кондратьевское (что в 4 км от с. Тармаклинское), где также произвела обыски, избиение и арест колхозников, разгромила сельсовет и изъяла оружие…

В ночь с 1 на 2 марта бандиты сформировали отряд до 20 чел. во главе Петренко Сергея (бывшего милиционера) и его помощника Кондакова Ивана (кулак), повели наступление на районный центр Муромцево. По пути следования в д. Мельничная банда изъяла оружие и, дойдя до д. Петропавловской (что в 4 км от с. Муромцево), вернулась обратно, так как получила сведения, что в с. Муромцево расположен отряд по борьбе с бандитизмом…

Таким образом, ко 2 марта восстанием было охвачено 17 населенных пунктов, оказавшихся во власти банд.

Сосредоточившись в с. Рязанском до 500 чел., главари банды создали повстанческий штаб, куда вошли: Синаевский Поликарп, Соломатов Илларион и Гуппельц Эрнест (бывший член РСДРП меньшевиков, сосланный на поселение в Сибирь в 1905 г. – бывший красный партизан).

На совещании штаба, где присутствовал и ряд других главарей от восставших и присоединившихся к банде населенных пунктов, состоявшемся 3 марта, решили, что, учитывая невозможность имеющимися силами свергнуть Советскую власть, организовать поход банды на районный центр с. Муромцево и по пути соединиться с восставшими тармаклинцами, а частью направиться на с. Поречье, Евгащино и Большереченский район Омского округа с целью поднять там восстание, прервать связь Омска с Тарой и преградить путь следования кулаков на север и освободить их. Для этой цели провели подготовку: организовали изготовление патронов из захваченного ими в потребкооперации 50 кг пороху и нескольких пудов дроби и начали сформировывать 7 взводов по военному типу.

Осуществить же план бандитам не удалось в связи с их окружением отрядами по борьбе с бандитизмом и последовавшим 5 марта полным разгромом в д. Рязанской, где банды при оказании вооруженного сопротивления потеряли 16 чел. убитыми, а за все время операции бандитизма убито 25 чел. и 4 чел. ранено.

Потери действовавших по борьбе с бандитизмом отрядов и убытки, причиненные бандитизмом

За время оперирования бандитами убито 6 чел. (в том числе, член окрисполкома т. Пугач) и избито свыше 70 чел. представителей Советской власти и партии, а также совактива и колхозников.

Материальные же убытки, причиненные бандитизмом, выражаются в сумме более 4200 руб. (по минимальному расчету), и помимо этого сорвано проведение ряда очередных хозяйственно-политических мероприятий в деревне.

Вооружение банд

Вооружение банд состояло, главным образом, из охотничьего оружия, дробовиков и сибирских малокалиберных охотничьих винтовок, количеством до 350 шт., огнеприпасов к ним: пороха около 4,5 пудов и несколько пудов свинца, захваченного бандитами в магазинах потребительской и охотничьей кооперации.

Размеры банддвижения

Бандитским движением было охвачено 28 населенных пунктов с общим количеством населения 20 500 чел., из коих принимало участие в выступлениях до 1500 чел.

Политическая окраска банддвижения

Выступление, а также и дальнейшее движение восставших проходило под основным лозунгом: «За освобождение кулаков от высылки», «Долой колхозы», «Долой деревенский актив», «Долой коммунистов из Советов». Вместо разгоняемых сельских советов устанавливали институт старост.

Как реагировали парторганизации на выступление кулачества

…Вместо того, чтобы организовать партийную организацию и поставить ее в известность о случившемся кулацком выступлении, привлечь батрацко-бедняцкий актив для борьбы с выступлением, бюро райкома и президиум райисполкома пришли в панику – решили оставить районный центр и со своими семьями уехать за 25 верст от районного центра. Находясь в панике, дали неверную информацию окружкому о характере и действиях повстанцев. В информации говорится: «противник в количестве 1000 чел., вооруженный винтовками, дробовыми ружьями, с флагами, знаменами наступает на районный центр». Тогда как повстанцы на Муромцево не наступали, а часть их (разведка) дошла до с. Петропавловского, узнав о том, что там (в Муромцево) имеется вооруженный отряд, вернулась обратно. Такая преувеличенная информация повлекла за собой посылку лишних вооруженных отрядов. Оставление районного центра подняло дух повстанцев…»

К этому остается лишь добавить, что в ходе следствия было арестовано 1010 человек, из них привлечено к ответственности 441 человек. По решению Тройки при ПП ОГПУ по Сибкраю под председательством Заковского 62 человека приговорены к расстрелу, 90 человек получили 10 лет концлагерей, 146 чел. получили по 5 лет, остальные – меньшие или условные сроки. Но многие отбывшие наказание, в 1937 году арестовывались вновь, так что, не многим участникам восстания удалось умереть своей смертью.

«Колокольный звон прекратить…»

Еще в 1922 г. была образована специальная Комиссия по проведению отделения Церкви от государства, действовавшая вплоть до ноября 1929 г. Союз безбожников был создан в первой половине 1920-х годов, когда власти только начинали систематическую антицерковную работу.

Почти забытый ныне факт: начиная с октября 1929 г. в числе мер антирелигиозной борьбы в СССР семидневная рабочая неделя была заменена «шестидневной» – пять дней трудящиеся работали, на шестой отдыхали, причем выходной день приходился на любой день традиционной недели. Единственной целью этой реформы было отменить христианское воскресенье. Лишь перед войной вернулись к семидневной неделе.

15 мая 1932 г . постановлением правительства за подписью Сталина объявляется «безбожная пятилетка», поставившая цель: к 1 мая 1937 г. «имя бога должно быть забыто на территории страны».

Союз воинствующих безбожников к этому времени насчитывал свыше 5 миллионов членов, объединенных в более чем 60 тысяч ячеек.

Официально СВБ содержал свою администрацию, издавал литературу, финансировал мероприятия на членские взносы (60 копеек с горожанина и 24 копейки от жителя деревни). Реально же основные средства и административный ресурс выделяла государственная власть.

Подобная антирелигиозная кампания не могла обойти и наш регион. В Историческом архиве Омской области есть дело с протоколами общих собраний колхозников с 5 февраля по 21 марта 1935 года о прекращении колокольного звона в селе Муромцево (ф. 1553. оп.3, д. 44). Перелистаем его страницы.

4 марта 1935 г. состоялось собрание при районном исполкоме 14 комсомольцев и 18 активистов, где постановили создать при РКИ кружок СВБ (Союза воинствующих безбожников) и «просить президиум РИКа о том, чтобы прекратить звонить в колокола в с. Муромцево» и «взятие указанной церкви под общественно-полезные учреждения».

7 марта прошло собрание в деревне Кокшеневой (94 человека), где постановили: «Возбудить ходатайство перед с/советом о прекращении колокольного звона в с. Муромцево как совершенно ненужного, мешающего нормальной работе селян и учреждений, а также вредно отзывающегося на коммунистическом воспитании молодежи».

Аналогичные собрания прошли 14 марта в колхозе имени ОГПУ и имени 1 июля.

17 марта на собрании в колхозе им. Блюхера докладчик Чухунов в частности сказал: «Для чего есть у нас сейчас церкви? Это в старое время царизм строил эти церкви для своих интересов, и попы лишь при этом поживали очень хорошо. Возьмем 1905 год. Рабочие пошли к Гапону с просьбой, но их перестреляли совместно с богами. И поэтому и предлагаем закрыть церковный звон».

20 марта прошли собрания в колхозах им. Буденного и им. Сталина. Собрания проходили не только в колхозах. Поддержали решение о прекращении колокольного звона почтовики-электрики, курсанты-трактористы Муромцевского с/совета, рабочие лесозавода, Бергамакского маслозавода, Нижне-Сюткесская школа и Муромцевская образцовая школа.

Итогом кампании и просьбы трудящихся стало собрание в селе Муромцево. Приводим полностью протокол собрания.

Протокол

общего собрания граждан села Муромцевского, Муромцевского с-с того же района Тарского округа Омской области

присутствовало: колхозников 273, в т.ч. женщин 168, рабочих служащих 189 человек и групп верующих 47 человек

22 марта 1935 г.

Президиум: Мещеряков Вас., Жмакова Ксения, Мелиссов Ал.

Пред. собрания Мещеряков Вас.

Секретарь Мелиссов Ал.

Повестка: О прекращении колокольного звона со снятием колоколов.

Слушали: О прекращении колокольного звона со снятием колоколов до-

клад т. Чекунова. В своем докладе т. Чекунов подробно осветил вопрос о вреде религии как дурмана народа и контрреволюционное действие церкви.

Вопросов : нет.

Прения по докладу: выступили следующие тов.:

1) Желтоножко: Заслушав доклад, считаю необходимым колокольный звон прекратить как мешающий нормальной работе, а колокола снять и передать на подшипники к машинам. Религия – дурман народа! (аплодисменты).

2) Дроздецкая. Мы старики как жили, и так и будем жить и молиться, и звон колокола не мешает. Дайте нам умереть, а потом и закрывайте церковь.

3) Жмаева Ксения. Правильно поставлен вопрос о прекращении звона и снятии колоколов.

4) Лебедева А. Звон колоколов можно прекратить, а колокола снять, а церковь не закрывать, пусть молятся, кто хочет.

5) Черноножко. Контрреволюционные выпады в гражданской войне. Пример, поп Богинский организовал отряд в 65 человек, в котором расстреливал трудящихся. Колокольный звон давно нужно было прекратить, а колокола снять (бурные аплодисменты).

6) Гололобов. Считаю, что с/с поставлен вопрос своевременно и давно нужно было это сделать! Не только прекратить звон, но и совсем закрыть церковь (бурные аплодисменты).

7) Мариупольский. Высказался за закрытие церкви, как пережиток старого, контрреволюционные действия церкви в разжигании национальной розни.

8) Василенко. Ваши дети на данном этапе развития гораздо культурнее, требуя закрытия церкви. Церковь служит рассадником заразы, крест целует сифиличка, потом, целуя, здоровые люди заражаются. Вам давно нужно было закрыть церковь.

Выступили еще ряд товарищей 9) Корзун, 10) Белова, 11) Копейкин и другие.

Предложения: 1) Прекратить колокольный звон со снятием колоколов. 2) Звон прекратить и церковь закрыть.

Постановили: Учитывая ходатайство школ и трудового населения о прекращении колокольного звона со снятием колоколов. При голосовании присутствовали 509 человек. За прекращение звона и снятие колоколов 471, против 3, остальные воздержались.

Постановили под бурные аплодисменты колокольный звон прекратить и колокола снять.

Председатель

Секретарь

(подписи скреплены печатью сельсовета*).*

Обращает на себя внимание, что против проголосовало всего три человека. Однако не следует забывать, что это Муромцево, где пять лет назад, 1-5 марта 1930 года, произошло восстание, которое было подавлено. Так что, страх вполне понятен.

А вот на собрании в селе Бергамак, где было также принято решение прекратить колокольный звон в местной церкви, такого единодушия не было: за – 199, против – 77.

Религиозная община из Муромцева пожаловалась вышестоящим властям в Тару, что в Муромцевском с/совете ведется кампания по закрытию церкви. На запрос Тарского окружного исполкома Муромцевский райисполком ответил, что «специальную кампанию по закрытию церкви Муромцевским с/совет не проводит, но антирелигиозную работу ведет…»

Однако приближался 1937 год, когда Бога должны были забыть, времени на организацию массовых кампаний не было, и власти перестали церемониться. В феврале 1936 года сняли колокола в селе Рязанском согласно телеграмме облисполкома № 750 от 25.01.1936 г. В этом же году сняли 6 колоколов в селе Низовом весом от 14 фунтов до 30 пудов.

Участь их была печальна. В деле есть запись, что Бергамакские колокола в июле 1935 года были отправлены с пристани Танатово в Омск, в цветметаллолом.

Знатные земляки

Почти семь с половиной тысяч человек ушли на фронты Великой Отечественной войны и половина из них пали, защищая Родину. Шесть Героев Советского Союза дал Муромцевский район: Иванишко Федор Яковлевич, родился в д. Кольцовка; Исаев Сергей Николаевич, родился в с. Курганка; Лисин Иван Павлович, родился в д. Малоникольск; Неупокоев Владимир Александрович, родился в д. Неупокоево; Папышев Иван Петрович, родился в д. Чинянино; Чижов Василий Пахомович, родился в с. Артын.

Полными кавалерами ордена Славы вернулись с войны Бензиков Семен Федорович и Степанов Илларион Петрович.

Послевоенная жизнь была также непростой, и селяне с теплотой вспоминают тех руководителей, которые прежде всего думали о народе и работали на его благо. Таких, как председатель колхоза из Артына Герой Социалистического труда Григорий Александрович Неворотов. Такими же были в 1950-60-е годы, например, первый секретарь райкома Петр Мясников и председатель райисполкома Алексей Варнавский. Их именами названы улицы в Муромцево. Правда, на табличке, обозначающей улицу Варнавского, нет инициалов, и незнающие люди могут подумать, что это улица в честь председателя Законодательного собрания Омской области Владимира Варнавского. Однако Варнавский-сын пока не заслужил такой чести, хотя и окончил в Муромцево школу №1 и избрался в Законодательное собрание по округу, в который входил Муромцевский район.

Были же времена, когда награждали за труд, а не за должность. И тогда Героями Социалистического Труда могли стать и доярка Александра Шашкова из Камышино-Курского и агроном из Большеникольска Петр Гранкин.

В районе почти полтора десятка заслуженных агрономов, учителей, механизаторов, строителей, учителей и врачей.

Муромчане по праву гордятся своими знаменитыми земляками Народным артистом СССР Михаилом Ульяновым и олимпийским чемпионом биатлони-

стом Владимиром Барнашовым. Михаил Ульянов родился в с. Бергамак. Писатель Михаил Речкин, тоже, кстати, уроженец Муромцевского района ныне живущий в Москве, отыскал дом Ульяновых, который сохранился, правда, в измененном виде.

Дом писателя Бориса Пантелеймонова

И еще об одном доме хотелось бы сказать особо. Это дом, в котором вырос писатель-эмигрант Борис Пантелеймонов, друг Ивана Бунина. Он родился в Муромцево в 1880 году, а умер в Париже в 1950 году. Пантелеймонов был известным инженером-химиком, а в последние пять лет стал писать замечательную прозу, которую высоко ценил Иван Бунин. А чтобы понравиться Бунину, надо было уметь писать! К сожалению, дом писателя оригинальной архитектуры почти в центре Муромцево пустует и разрушается. Однако, не поздно исправить положение.

«ЖИТЕЛИ – ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ИЗ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ»

Достаточно подробное описание села Таврическое дает в «Справочной книге Омской епархии» (Омск, 1914) Иван Голошубин: «Село Таврическое Омского у., Таврической волости; от епархиального города, от ближайшей почтово-телеграфной конторы, железнодорожной станции – в 50 верстах; от благочинного – в 40 в.; почтовая корреспонденция получается чрез Любомировское волостное правление; ближайшая церковь в пос. Ачаирском – в 12 верстах; р. Иртыш – в 12 в. Местность степная, ровная с небольшими березовыми рощами. Богослужение совершается в молитвенном доме, достаточно вместительном, теплом, но невысоком здании. Престол во имя рождества Пресвятой Богородицы. Утварь необходимая имеется. Притча по штату положено: священник и псаломщик с жалованьем от казны 525 рублей в год обоим. Братских доходов бывает до 400 рублей в год. Земля для пользования притчу – 106 дес.; вся отдана в аренду под распашку по 2 руб. за десятину сроком на 2 года. Причтовый дом один – для псаломщика, в котором помещается священ-

ник. Дом холодный и плохо устроен. Во дворе имеется колодец, но вода в нем горько-соленая. В поселке Таврическом имеется школа М.Н.П. (министерства народного просвещения – П.Б.) Здание саманное, больших размеров и с квартирою для учителя, достроено в 1910 г. Еженедельно, по вторникам в п. Таврическом бывает базар, в котором в зимнее время можно купить по городским ценам мясо, рыбу, ягоды и проч.; в летнее же время в виду полевых работ, торжок этот бывает незначительный. Жители – переселенцы преимущественно из Таврической губернии. Одна половина жителей села переселилась сюда из России лет 10 тому назад, а другая – лишь года два. Все живут довольно исправно, опрятно и имеют большие посевы хлеба: самый бедный сеет до 20 дес. разного хлеба, а есть и такие, которые засевают десятин по 100-120. Жителей в приходе числится 470 – душ муж. пола и 357 душ жен. пола. Ближайшие церкви – Любомировская в 15 верстах и Павлоградская в 40 верстах. По штату положено быть одному священнику и псаломщику».

Кое-что в этом свидетельстве современника требует уточнения. В первую очередь время переселения. Как установили краеведы и историки, в 1898-99 гг. в Омск приехали ходоки-разведчики из Таврии Артем Кривохвост, Иван Лиходед и Платон Лизюра. Они получили разрешение поселиться на земельном участке №1 в 40-45 верстах к югу от Омска у аула Миерман-Кудук. Ходокам понравилось место с плодородными черноземами, с обилием дичи и рыбы в озерах.

Годом основания села Таврического считается 1900 год. Первыми переселенцами были Константин Платонович и Аксинья Артемовна Лизюра, Кирилл Малько, Никита Сидоренко, Трофим Василенко, Степан Чепель, Игнат Герус, Иван Пивень, Дубовики (Дубы), Демчуки…

Дуб Григорий Федорович (г.р. 1868) с женой Анастасией Ивановной

Одновременно с Таврическим в последующее десятилетие переселенцы основали новые деревни Азово, Новоселецк, Фадино, Бодрово, Новотелегино, Головырино, Лапино, Черниговка, Новобелозеровка…

Название Новобелозеровки, кстати, происходит от названия села Била (Белая) Зирка Мелитопольской губернии, откуда прибыла семья Платона и Евдокии Лизюры.

Из-под Мелитополя приехали и Григорий Федорович и Анастасия Ивановна Дубовик. У Григория было несколько братьев. Адрес-календарь Акмолинской области за 1911 год указывает, что в Таврическом имеется бакалейная лавка, хозяином которой является Анисим Федорович Дуб. Как установил по архивным документам и

метрическим книгам внук Григория Федор Иванович Дуб, впервые сокращение фамилии произошло в 1911 году.

Федор Иванович написал подробнейшую родословную своей фамилии, которая хранится в Таврическом краеведческом музее.

Переселенцам выделялось по 15 десятин на одну мужскую душу, поэтому естественно больше засевали семьи, где было больше мужчин.

После Гражданской войны в 1922 году была создана первая сельхозартель «Вильна Громада», в 1924-26 гг. организованы ТОЗы «Запорожец» и «Республика». В 1929 году их объединили в колхоз «Вильна Громада», который разделили в 1931 году на два – «Красный боец» и им. Кирова.

24 сентября 1924 года Сибревком утвердил новое территориальное деление. Из 173 волостей был создан 31 район, в том числе Таврический.

Просуществовал он до 30 августа 1929 года, когда Омокрисполком утвердил план ликвидации десяти районов, в том числе и Таврического.

После создания в 1934 году Омской области постановлением ВЦИК от 25 января 1935 года «Об утверждении Таврического района в составе Омской области» Таврический район был вновь образован в современных границах.

По данным 1938 года в районе было 68 615 га посевной площади, 15 061 голов крупного рогатого скота, 26 495 овец, 5 616 свиней, более 4500 лошадей.

В районе было 106 населенных пунктов, 65 колхозов с 292 тракторами, проживало 25 192 человека.

АЗОВО – ОТ ВОЛОСТНОГО ЦЕНТРА ДО РАЙОННОГО

Первые немцы

Первыми были немцы-поселяне, бывшие колонисты из Самарской и Саратовской губерний. Процесс переселения из волжских немецких колоний начался еще в 1891 г., когда в предшествующие 7 лет там были неурожаи. Неурожаи и земельная теснота побуждали немцев «уходить целыми толпами» с Волги. Так, у озера Кос-куль в Омском уезде в 1893 г. нашли пристанище первые немецкие переселенцы из Поволжья. Основание первого многолюдного пос. Александровского положило начало заселению территории района. К 1894 году было известно 70 семейств, приписанных к поселку. Среди них были семьи Андрея Акста, Якова Бауэра, Гейнриха Берга и других. Не все из них остались, некоторые двинулись в поисках других земель, иные вернулись обратно на Волгу.

Осенью 1894 года на участке №1, выделенном для переселенцев, было основано село Привальное (ныне это своего рода «пригород» Азово). На этот участок прибыли 45 немецких семей из Саратовской и Самарской губерний.

Среди первых жителей были Кондрат Крумм, Сальман Гаусс, Генрих Шваблонд, Егор Юнг и другие. Рядом с озером было небольшое озеро Сибаноп. Село назвали Привальное, в честь родного села на Волге. Было и немецкое название – Варенбург, совпадавшего с немецким названием Привального на Волге. В среднем каждая семья здесь получила ссуду около 84 рублей, а также деньги на покупку семян 9-12 пудов.

В 1896 году основаны еще три немецких поселка на территории нынешнего Азовского района: Сосновка, Поповка, Новинка. Эти четыре поселения плюс Александровка и Красноярка (ныне в Шербакульском районе) были включены в образованную Александровскую волость, называемую современниками Немецкой волостью. По переписи 1897 года в Александровке проживало 839 человек, Сосновке – 365, Поповке – 303, Привальном – 288 и Новинке – 228 человек. Среди новоселов три четверти были выходцами из Самарской губернии, около 22% – из Саратовской губернии и несколько семей из Волыни.

Трижды райцентр

Село Азово основано в 1909 году «столыпинцами» на переселенческом участке №120, выделенном при урочище Токултай в 1908 году. Его заселяли выходцы из низовий Дона. Именно поэтому, очевидно, они выбрали название «Азово» в память о прежнем местожительстве. Так, из Воинско-Донской области, из-под г. Азова, были семьи Кваши, Кириченко, Колдиных. Основную часть населения Азово составили выходцы из украинских губерний: Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Киевской, а также были переселенцы из Курской и Тамбовской губерний. К 1913 году в Азово насчитывалось 73 двора и 430 человек. На средства, выделенные из казны, сооружены 3 колодца. В 1910 году открыто 2-классное сельское училище. В 1912 году здесь училось до 60 учащихся. Первые годы учительствовала в ней Евгения Евграфовна Никитина. В 1911 году заработала Азовская вальцовая мельница. Были две лавки с мануфактурными товарами и хозмелочью, принадлежавшими Игнату Кривошапке и Емельяну Пасеченко.

В 1909 году произошло разукрупнение Александровской волости, и из нее выделились Азовская и Новинская волости. В Азовскую волость вошли Азово, Бердянка, Пахомовка (с украинским населением) и Руслановка (с русским населением), а также Вронково и Даргер. В Новинскую волость вошли немецкие поселения Сосновка, Поповка, Новинка, Звонарев Кут, Привальное. В Александровской волости остались поселки Александровка, Князе-Трубецкое, Сереброполье, Цветнополье, Красноярка и Побочное.

Перед революцией в селах нынешнего Азовского района работали 24 мелочные и бакалейные лавки, 2 пивных лавки, 2 паровые мельницы в Сосновке и Привальном, 12 ветряных мельниц и 5 кузниц. На случай неурожая резервные запасы зерна содержались в четырех общественных хлебомагазинах. Действовали 5 министерских школ, 2 церковно-приходские, 3 евангелическо-лютеранских церкви, 4 молитвенных дома, православная церковь в Азово.

В 1923 году Новинская волость переименовывается в Сосновскую и к ней присоединяются Александровская, Азовская и Бердянская волости. Так был образован Сосновский район, включивший в себя почти всю территорию нынешнего Азовского района. Национальный состав района был таков: немцы – 43,7% (около 10 тысяч человек), русские – 23,3%, украинцы – 14,9%, казахи – 12,1% и прочие – 6,1%. В 1924 году центр района из Сосновки был перенесен в Азово. В Азово же преобладало русско-украинское население, перед войной немцев в поселке было около 6%.

Просуществовал Сосновский район до 30 апреля 1929 года, когда облисполком ликвидировал его. Однако 25 января 1935 года по Постановлению ВЦИК был образован Азовский район в несколько измененных границах по сравнению с Сосновским районом. В него не вошли села современной Сосновской сельской администрации, вошедшие в состав Ульяновского района, позже переименованного в Омский.

В 1940 году начинают закладываться основы местной промышленности – в Азово создается райпромкомбинат, при нем открываются швейный, пимокатный, сапожный, овчинно-обделочный цеха, столярная мастерская и мастерская металлообработки. В декабре 1941 года большинство цехов обращаются в цеха оборонного значения, прежде всего пимокатный и сапожный.

В 1963 году Азовский район был упразднен. В третий раз Азово стал районным центром почти через тридцать лет. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 февраля 1992 года было принято решение «Об образовании Азовского немецкого национального района с центром в с. Азово».

Выселенцы и трудармейцы

28 августа 1941 был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому немцы Поволжья обвинялись в пособничестве врагу, и на этом основании подлежали высылке в Сибирь и Казахстан. Если из Поволжья немцы выселялись по этому законодательному акту, то из других мест часто по распоряжению Совнаркома или по приказам НКВД и его местных подразделений.

При депортации немцев все имущество подлежало экспроприации. На отобранное имущество выдавались «Акты о приемке имущества». Местные власти говорили, что по прибытии в Сибирь и Казахстан они смогут получить изъятое имущество. Однако никто ничего не получил. Для проведения высылки немецкого населения специально вводились войска НКВД. Служащие НКВД из немцев были разоружены еще до выхода Указа.

В Сибирь депортированные немцы отправлялись по железной дороге, естественно не в пассажирских вагонах. Всего в села Азовского района в границах 1935 года было расселено 265 семей численностью 1146 человек из Франкского кантона АССР немцев Поволжья в основном из села Гуссенбах.

В 1942 году вслед за депортацией на советских немцев навалилось новое испытание. В январе-марте этого года ГКО издал несколько постановлений, по которым «в целях рационального использования» немецкое население мо-

билизуется в рабочие колонны, мужчины от 15 до 55 лет (поначалу было от 17 до 50 лет), а затем и женщины от 16 до 45 лет. Позднее эти рабочие колонны получили название «трудовые армии» – трудармии. Положение трудармейцев мало отличалось от положения заключенных. Жили в бараках-казармах, огражденных забором с колючей проволокой. Работали на шахтах, нефтепромыслах, стройках… Отличие от зеков – участие в стахановском движении, награды грамотами.

Несмотря на это, более 100 советских немцев из числа жителей района приняли участие в боевых действиях на фронтах и были награждены медалями и орденами.

НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ

Самая южная

Большереченский район один из самых интересных с исторической точки зрения районов Омской области. Обусловлено это, в первую очередь, его близостью к одному из старейших городов Сибири городу Таре и наиболее ранним освоением пашенных земель при заселении русскими Западной Сибири.

Достаточно сказать, что вплоть до основания Омской крепости в 1716 году самым южным русским поселением в Западной Сибири была Татмыцкая (Такмыкская) слобода. Основана она была в 1682 году в 78 верстах от Тары. В Дозорной книге 1701 года, а проще говоря, переписи мужского населения Тары и окрестных деревень, произведенной по указу царя Петра московским дворянином Иваном Родионовичем Качановым, говорится: «Татмыцкая слобода, Шипицина тож, над рекою Иртышом, на горе… В слободе острог, забранный в столбы. В остроге… два государевых амбара с зеленою пороховой казною да с хлебными запасами, да двор приказчичий. В остроге башня угловая да башня глухая. А около дворов вал земляной да ров с надолбы. Да от слободы в четырех верстах в степи отъезжий караул на речке Бызовке…» (РГАДА, ф.214, Сибирский приказ, ед.хр. 1182).

«Шипицина тож» потому, что первым слободчиком был назначен ирбитский крестьянин Дмитрий Шипицын, который привел на новые земли крестьян-переселенцев с Исети. Гарнизон же, около сотни человек, был сформирован из тарских беломестных казаков, служивших с пашни без жалования: Ложниковых, Калашниковых, Решетниковых, Кубриных и др. Как сообщает краевед А. Долгушин, подробно изучавший историю района, командовал ими сотник Заливин, в подчинении у которого находились пятидесятники Зубов и Баженов. Позднее казачьим пятидесятником стал Семен Шипицын, сын первопоселенца-слободчика. Многие из перечисленных казаков впоследствии

сами стали основателями деревень, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту Омской области.

Из той же Дозорной книги видно, что жили первопоселенцы и казаки небогато: редко у кого было больше 2 лошадей и 2 коров и засевали по 1-2 десятины под хлеб, а некоторые вообще посева не имели. А служба была опасной. В 1693 году кочевники напали на слободу, взять не смогли, но от пожара сгорели некоторые строения. В 1695 и 1696 годах татмыцкие казаки защищали барабинских татар и Бергамацкую слободу.

В начале XVIII века слобода пополнилась переселенцами из Устюга, Поморья, Москвы, Арзамаса. Пленные и купленные у Ямышева озера калмыки поначалу были дворовыми людьми у зажиточных казаков, затем переводились в крестьянское сословие.

По переписи 1744 года в Татмыцкой слободе значилось 413 мужских душ и примерно столько же женских, они в переписи не учитывались. Иван Голошубин в «Справочной книге Омской епархии» (Омск, 1914) сообщает, что населения в слободе 1141 чел. обоего пола. Здесь же он пишет: «В слободе 2 магазина, 4 мелочных лавки, 1 пивная и 1 винная. За медицинской помощью население обращается или в г. Тару или в с. Муромское…Сообщение с г. Омск летом на пароходе, билет 2 кл. – 4 р., 3 кл. – 2 р. (пуд муки стоил в то время 1 руб. – П.Б.). Зимою – на лошадях, поверстный прогон 6-10 к. за пару лошадей. Причта положено: священник, диакон и псаломщик».

Форпост Большерецкий

Неспокойная и тревожная обстановка на южных рубежах в Западной Сибири сохранялась в течение практически всего XVIII века. Постоянные набеги кочевников, грабивших русские деревни, угонявших людей и скот, вынуждали отодвигать караулы и разъезды южнее. Поэтому в 1705-1706 годах казачья застава с речки Бызовка была снята и переведена на Большую речку. Здесь она существовала в качестве пасса – укрепления в виде квадрата с заплотом, караульней и вышкой – до 1741 года, когда пасс был перестроен в форпост с постоянным гарнизоном казаков. Именно в 1741 году в документах впервые упомянуты Большерецкий и Юйский форпосты. Хотя А. Долгушин полагает, что реальной датой основания Большеречья можно считать 1706 год – время появления на Большой речке постоянной казачьей заставы. Благодаря заставе в округе появились деревни Мельникова, Ботвина и Максима Шипицына (позднее Максимовка).

В Большерецком форпосте поначалу было 70 казаков, и имелась одна пушка. По мнению историка А.Д. Колесникова, форпост Большерецкий стоял на самом берегу Большой речки, примерно на пересечении нынешних улиц Советской и Пролетарской. Форпост был обнесен заплотом, имел две башни и два полубастиона.

После основания Омской крепости, а позднее и строительства Новой линии форпост утратил свое оборонительное значение, и служилые казаки вывелись из него на строительство новых крепостей и редутов.

Вместо них приезжали крестьяне и разночинцы. В 1782 году в Большеречье было 209 мужчин и 212 женщин. В переписных листах этого же года впервые упомянуты деревни Шипицина, Ингалинская, Карасутская, Бугалинская, Каракуль и другие.

И. Голошубин указывает, что перед первой мировой войной в Большерецком было 718 жителей обоего пола. Кроме того, в своей книге он сообщает такие подробности: «Хлебопашество ведется в следующем размере: пшеницы сеют от 1 до 10 дес., овса от 1 до 15 дес., ярицы – по 1 дес., гречи – от ¼ до ½ дес. В Иртыше ловят стерлядь, нельму, налима, язя, щуку, окуня и чебака; в озерах – карасей. Овцеводство ведется в средних размерах. Многие крестьяне имеют до 30 штук овец. Излишек шерсти продается на месте скупщикам. Ярмарок в приходе нет. Имеется один гончарный завод, 1 маслобойный, несколько кирпичных. В селе имеются: 2 мелочных лавки, 2 отделения складов земледельческих орудий, 1 пивная, 1 винная лавка и 2 маслодельческих завода – общественный и частный. В деревнях имеются три мелочных лавки, в каждой деревне – по сепаратору».

Масляный бум

В селе Евгащинском в это же время население душ обоего пола более 1200. Любопытна история основания села. Поначалу была основана деревня Изюк на берегу озера с таким же названием. Но частые разливы Иртыша наносили большой ущерб хозяйству и в 1796 году братья Евгащины перебрались за Иртыш «на гору». Евгащино знаменито тем, что здесь в 1897 году был открыт первый на территории района маслозавод по производству коровьего сливочного масла. А в начале XX века здесь возникло обозостроительное предприятие, где изготавливались сани, телеги на железном ходу, предназначенные для перевозки грузов на большие расстояния. В Большеречье маслодельная артель появилась в 1898 году. В 1899 году артельные маслозаводы открылись в Логиново и Могильно-Посельске, в 1900 году в Такмыке, Ингалах и Коршуново. К 1905 году число их достигло 13, а к 1914-му – 28. За 1913 год ими было произведено 46 486 пудов масла. При этом на самом крупном, в Евгащино, было произведено 10 184 пуда (А. Долгушин «Сказание о Большеречье», Омск, 1998).

Из русских предпринимателей в то время был известен в Евгащино Калижников, хозяин салотопенного завода с оборотом свыше 60 000 рублей. Сало и масло он скупал на окрестных ярмарках, а сбывал в Казань, Москву, Одессу и Ростов.

Известен был и такмыцкий купец первой гильдии Павел Дудиков. Он был владельцем паровых мельниц, маслодельных, салотопенных, кожевенных заводов, торговых лавок и двух пароходов. Его капиталы составляли достойную конкуренцию евгащинскому купцу Калижникову.

СРАЖЕНИЕ В ЗИМНЕЙ СТЕПИ

Необходимый экскурс в историю

31 августа (19 августа ст. ст.) 1808 года был высочайше утверждено положение о Сибирском линейном казачьем войске, которое стало первым уставом линейных казаков. В единое целое были объединены казаки Ишимской или Пресногорьковской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой пограничных линий, что позволило упорядочить и регламентировать жизнь и службу казаков. В истории сибирского казачества много славных страниц. Не зря Лев Толстой говорил, что казаки добыли для России Сибирь. Мы обратимся к одному эпизоду из истории взаимоотношений с киргизами, как тогда называли казахов.

Основание с 1716 по 1721 годы крепостей вверх по Иртышу – Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогороской – происходило в острой внешнеполитической обстановке. Мощное Джунгарское ханство вело в это время войны одновременно с Китаем и киргизами. Джунгары (они же ойраты, черные калмыки) считали собственной без особых на то оснований территорию до самой Оми. И надо сказать, казахи с этим мнением считались, до появления русских никаких аулов вдоль Иртыша не было. Не имея особых успехов на джунгарском фронте, киргизские султаны, погрязшие в межусобицах, стремились заполучить в лице России мощного союзника. Но России также не хотелось портить отношения ни с Джунгарским ханством, ни с Китаем. Приходилось лавировать. И только в 1731 году после длительного рассмотрения была удовлетворена просьба хана Младшего жуза Абулхаира о принятии его народа в подданство России. В этом же году были приняты в российское подданство роды Среднего, а через три года и Старшего жуза, где наиболее влиятельным был хан Аблай.

А собственных подданных надо защищать. Что и происходило. Как справедливо пишет в книге «Сибирское казачье войско» Ю.Г. Недбай, Россия не стремилась в Среднюю Азию, это Средняя Азия втягивала Россию в свои дела. Так по просьбе Абулхаира в 1735 году была заложена Орская крепость. И когда джунгары в 1738 – 1741 гг. учинили киргизам Среднего жуза крупнейший в истории погром, они спасались под стенами именно этой крепости. Только вмешательство русских военачальников спасло их от полного истребления. Впрочем, как и остатки джунгар-калмыков спасались в России после того, как китайцы разгромили их в 1756 году и стали вырезать всех вплоть до младенцев.

Как же отблагодарили новые верноподданные России? Они продолжали, как ни в чем не бывало, совершать набеги на русские селения и нападать на русские команды, что зафиксировано в документах Сибирской губернской канцелярии. А после падения Джунгарского ханства количество набегов и угона скота значительно возросло. При этом хан Аблай стал заигрывать с китайцами, шантажировал российское правительство, грозя передаться в китайское подданство, и требовал себе царских милостей как «Абулхаировская фамилия», при этом никакими обязательствами перед Россией себя не связывал.

Такую же линию гнули и его дети. В 1822 году был введен «Устав о Сибирских киргизах», пошатнувший положение киргизской знати. По этому положению кочевья и аулы разделялись на волости, для удобства управления волости объединялись в округа, а Старший султан округа избирался начальниками волостей и султану присваивался чин майора российской службы. Именно это стало главной причиной того, что внуки Аблай-хана Саржан и Кенисары Касымовы встали на тропу войны. В игру включились Хива и Коканд, и началась упорная борьба России за влияние в киргизском обществе. К слову, Саржан Касымов был зарезан ташкентским ханом Кушбеком в 1736 году, а борьба с мятежным Кенисары Касымовым затянулась на два десятилетия. Надо сказать, нападал он не только на русских, но и на верноподданных России сородичей. Сегодня в Казахстане Кенисары называют героем национально-освободительного движения, но в своих письмах генерал-губернаторам Западной Сибири и Оренбургской области, как и царю, Кенисары никогда не требовал независимости и освобождения от России (да и не мог он решать за всех казахов!), а просил лишь изменения существующего положения. Кому хочется быть простым майором российской армии! Впрочем, тема мятежных аблайхановых внуков требует дополнительного исследования. А архивных материалов по этому вопросу предостаточно. Хранятся они в Историческом архиве Омской области в личном фонде Г.Е. Катанаева.

«Казаки храбро оборонялись…»

В ноябре 1837 года из Петропавловска в Ташкению отправился караван из 1500 верблюдов (каков масштаб торговых операций!) в сопровождении конвоя из 55 казаков во главе с хорунжим Алексеем Рытовым. Чем кончилось дело, узнаем из документа (ИсАОО, ф.366 оп.1.д.171, лл. 1-3):

«Военному министру Господину Генерал-адъютанту
и Кавалеру Графу Чернышеву
Командующего Отдельным Сибирским Корпусом
генерал-майора Гладышева

Рапорт

Исправляющий должность Актауского коменданта Войсковой старшина Симанов рапортом от 19 декабря прошлого 1837 года за №166 и 4 января сего года за №7 доносит мне, что из командированного 27 ноября из крепости Актау отряда из 48 казаков при 6 урядниках под командой Хорунжего Рытова для препровождения каравана проходившего из Петропавловска в Ташкению 19 декабря явились два казака с объявлением, что в 200 верстах от крепости партия султана Кенисары Касимова в числе 800 человек, напав на отряд в обратном его следовании с Актау, окружила со всех сторон и держит его три дня в осаде. Казаки сии посланы были осажденным отрядом и прошли чрез пикеты неприятельские с большой опасностью, объявили, что при нападении киргиз на отряд начальник его хорунжий Рытов был убит и с ним 4 урядника, 22 казака и 1 фельдшер.

Получив это донесение, Войсковой старшина Симанов выступил того же числа к осажденным казакам с отрядом из 3 офицеров, 20 урядников и 120 казаков при двух орудиях конной артиллерии, но по прибытии своем на место происшествия не нашел уже против них султана Кенисары Касимова, который, узнав о приближении Войскового старшины Симанова, отступил в Сайдалинскую волость в аулы султана Абулхира Ишимханова.

По показанию спасенных казаков, дело происходило следующим образом: начальник отряда хорунжий Рытов, провожая караван, отошел от крепости Актау вопреки данного ему наставления на 250 верст и здесь, оставив 4 декабря 19 казаков с 2 урядниками и 1 фельдшером, всего 22 человека с провиантом и фуражом, с остальными людьми отправился провожать караван еще на 50 верст. В это время партия Кенисары Касимова напала на оставленных хорунжим Рытовым казаков и положила их всех на месте. Четыре большие могилы убитых киргиз, найденных войсковым старшиной Симановым, доказывают, что казаки храбро оборонялись, и что только превосходство силы взяло над ними верх. Из найденных трупов казаков все почти обезображены и некоторые из них были даже сожжены на огне.

(Пометка на полях рукой Катанаева:

«По словам Ивинкина у всех казаков были отрезаны детородные члены и уши, последние навздеваны на шнурок как трофеи»).

После сего партия Кенисары Касимова обратилась на хорунжего Рытова, бывшего уже на обратном пути и напала на него 5 декабря в 20 верстах от того места, где оставлены им были погибшие казаки. Партия киргиз состояла тогда из 100 человек. Хорунжий Рытов выдержал первое их нападение с 29 казаками весьма удачно, после того, потеряв много лошадей, которые были подстрелены киргизами, спешил казаков и начал обороняться из ружей. Это продолжалось три дня сряду.

(Пометка на полях Катанаева:

«Чтобы исстращать казаков и принудить их к добровольной сдаче, киргизы показывали им головы убитых казаков и связку отрезанных ушей»).

Кенисары Касимов, заметив тогда значительный урон своей партии от выстрелов казаков и вознамерясь преодолеть упорство их на ближайшем расстоянии, сделал из карагана (особенного степного растения в киргизской степи) засаду о трех фасах и, катя перед собою туры, подвинулся к казакам на 15 сажен; в это время хорунжий Рытов атаковал их сам с командою холодным оружием. Киргиз тогда было в партии Кенисары Касимова уже 400 человек. Он вытеснил их всех из укрепления, причем взял одно знамя, 33 пики, 9 ружей и 10 ятаганов и положил на месте множество киргиз, но зато пал сам и отряд лишился вместе с ним 3 урядников и 1 казака убитыми и 22 человека ранеными. Оставшиеся казаки в живых заняли тотчас сделанную киргизами засаду.

(Помета Катанаева:

«Киргизы заслышав приближение отряда Симанова оставили осажденных казаков, которые увидев неожиданный отход, долго не знали, чему его приписать. Тем не менее собравшись с силами, перевязав раны и подкрепив-

шись мясом убитых лошадей, направили путь к Актау, захватив с собою трупы убитых товарищей и захватив оружие. Пройдя (2 слова неразборчиво – П.Б.) остановились в одной из ямин ночевать. Ночью выпал большой снег, занесший их сверху так, что им долго пришлось отрывать друг друга, особенно обессилевших от ран товарищей. В таком положении их застал Симанов, которого они приняли сначала за новую шайку киргиз и изготовились к новой осаде и отпору»).

Войсковой старшина Симанов, присоединив их к своему отряду, предпринял обратный путь к крепости Актау чрез Сайдалинскую волость и аулы султана Абулхаира Ишимханова, в которых Кенисары Касимов находился несколько дней, но не нашел его там и, видя невозможность преследования по случаю зимнего времени, захватил только в тех аулах 4 сыновей султана Ишимханова за сношение их аулов и их самих с партиею Кенисары Касимова и за участвование в нападении на казаков, в чем свидетельствовали раны ими полученные. Отец задержанных султанов с прочими сыновьями бежал к Кенисары Касимову.

Почтительнейше донося о том Вашему Сиятельству и представляя при сем списки убитых и раненых 5,6 и 7 декабря в делах с Кенисарой Касимовым бывших, имею честь всепокорнейше испрашивать награды по Вашему Высокому благоусмотрению для всех оставшихся в живых: уряднику и казакам бывшим с хорунжим Рытовым достойным того по засвидетельствованию их начальства о их отличной храбрости.

Если я не имел чести доносить о происшествии сем Вашему Сиятельству по первому рапорту, то единственно по неполучению верных и основательных сведений.

18 января 1838 г. Тобольск.

Подписал генерал-майор Гладышев».

В этом эпизоде поражает героизм и воинская выучка казаков, особенно факт успешной контратаки на туры с холодным оружием многократно превосходящего по численности противника. В этой контратаке хорунжий Рытов был убит топором в голову. За подвиги казакам жаловали землю, однако без права продажи. До революции в Черлакском районе на правом берегу Иртыша стояла деревня Рытовка, а в начале XX века напротив этой деревни на левом берегу переселенцы основали Рытовку-2, на месте которой ныне Нововаршавка.

Ранены и убиты

Далее в деле (лл. 3-3об) представлен «Список обер-офицеру и нижним чинам, убитых в сражении с мятежниками 5,6 и 7 декабря 1837 года». Всего было убито 27 человек. В том числе « 3 полка хорунжий Алексей Рытов, 4 полка урядник 3 класса Александр Грязнов, 4 полка казаки Василий Скатов, Яков Смехов, Иван Прокудин; 5 полка урядники Василий Завьялов, Иван Пичугин, казаки Семен Казанцов, Василий Елгин, Григорий Дорданов, Евграф Лихачев, Андрей Лихачев, Фрол Грызлов; 6 полка урядники Иван Двинянин, Григорий

Щетков, казаки Андрей Батурин, Иван Романов, Иван Малыгин, Василий Поспелов, Федор Бутаков, Алексей Птицын, Луп Пантелеев, Фадей Смокотин, Семен Шишкин, Спиридон Нечесин, Александр Беляев, фельдшер №4 линейного Сибирского батальона Матвей Сильнягин».

Участники сражения устанавливаются полностью, так как далее имеется «Список нижним чинам 4, 5 и 6 казачьих полков, раненных с обозначением, кто ранен, сколько и какими ранами в сражении с мятежниками 5, 6 и 7 декабря 1837 года» (лл. 4-5). Из 29 человек не ранеными были только 6 человек. И, Тем не менее отряд сумел отбиться! По характеру полученных ран можно во многом судить о вооружении противника.

« 4 полка

1. Урядник 3 класса Асаф Чуркин

Пулею насквозь при нижнем конце лопатки левой стороны.

Казаки

2. Федор Овчинников

Пикою в середину правого плеча, пулею с наружной стороны бедра правой ноги.

3. Архип Чапченков

Пулею в правое колено с внутренней стороны

4. Николай Голенков

Пулею в мускул рта правой стороны снутри с вышибом 2 зубов.

5. Андрей Казанцов

Пикою в правый бок.

6. Иван Шейтанов

Ятаганом в переднюю часть головы левой стороны и пикою в грудь.

7. Прокопий Бородин

Пикою в ягодные мышцы правой стороны.

8. Николай Алексеев

Пикою в левую часть груди.

9. Алексей Рыпин нераненый.

10. Нестор Черкашин нераненый.

5 полка

11. Самсон Чалов

Ятаганом в большой палец левой руки.

12. Яков Тумашев

Пулею в правый бок с задней стороны.

13. Петр Самсонов

Имеет 2 раны пикою в левое плечо и на обоих боках в верхней части, всего 4 раны.

14. Федор Самсонов

В переднюю часть выше колена пулею вскользь.

15. Николай Путинцев нераненый.

16. Николай Дружинин нераненый.

6 полка

17. Михаил Трофимов

Ятаганом в правую часть головы, в щеку, грудь, и брюхо левой стороны пикою.

18. Алексей Мельников

Пикою в левое плечо сзади насквозь с продолжением в грудь.

19. Арист Шеламов

Пулею в предплечие правой руки.

20. Михаил Бородихин

Пикою в ягодичные мышцы правой стороны.

21. Степан Малыгин

Пулею в поясницу и бедро левой стороны.

22. Петр Щукин

Пулею в голень правой ноги снутри насквозь.

23. Павел Малютин

Саблею в левую сторону головы, пикою в левое плечо насквозь, палец правой руки насквозь.

24 Григорий Апехтин

Ятаганом в правую половину головы, пикою около верхнего края тазовой кости левой стороны, саблею по пальцам

25. Киприан Виргилесов

Пулею по наружной стороне ахилловой жилы в верхней части бедра сзади при соединении бедровой кости с тазовой.

26. Андрей Савицкий

Контужен в голову, ладонь правой руки прострелена насквозь.

27. Тимофей Бородихин нераненый.

28. Иван Власов нераненый.

29. Степан Сердюков нераненый».

Просьба генерал-майора Гладышева о награждении была услышана. Урядник Асаф Чуркин, казаки Сидор Овчинников, Николай Голенков, Иван Шейтанов, Михаил Трофимов, Павел Малютин и Григорий Апехтин были награждены Знаком отличия военного ордена Св. Георгия. Номера знаков от 72854 по 72860 (л.16 указ. д.) Судя по ранам, наградили наиболее тяжело раненых. Хотя и все оставшиеся в живых были достойны этой награды. Например, среди награжденных нет казаков-гонцов Прокопия Бородина и Ивана Власова, которые пробрались сквозь кольцо противника и привели помощь, при этом Бородин был ранен пикою «в ягодные мышцы правой стороны».

Потери противника войсковой старшина Симанов оценил в 360 человек.

ОМСКИЙ ПЕРИОД В ГУБЕРНАТОРСКИХ СУДЬБАХ

До 1750-х годов Омск не имел самостоятельного административного значения, Омская крепость была одной из рядовых крепостей Иртышской линии. В течение последующих полутора веков статус города менялся от уездного до областного, в некоторые периоды, становясь де-факто, столицей Западно-Сибирского и Степного края, а при Колчаке и «третьей столицей». Волей судьбы Омск был резиденцией многих сибирских губернаторов и генерал-губернаторов. О некоторых из них, оставивших заметный след в истории Омска, мы и расскажем.

Просвещенный деспот

Первым учредил свою резиденцию в Омской крепости в 1758 году командующий войсками сибирских линий К.Л. Фрауендорф, хотя главная его квартира располагалась в Тобольске. Сведения о нем историки и краеведы почерпнули из «Домовой летописи» капитана Ивана Андреева, жившего в это время в крепости Св. Петра (Петропавловске), а позднее ставшего адъютантом основателя новой Омской крепости Ивана Шпрингера. Андреев пишет, что Фрауендорф был «великий любитель наук» и поручил инженер-поручику Тренину завести в Омской крепости школу, где обучали грамоте, арифметике и геометрии солдатских детей.

В 1761-62 гг. в крепости строили тюремный острог, провиантские магазины, отремонтировалась пристань. За Иртышом возвели Елизаветинский маяк, с вышки которого караульные должны были сигнализировать в Омскую крепость.

Хотя и был бригадир «любителем наук», это не мешало ему быть деспотом. Он строго следил за строительными работами и при нем постоянно находился ординарец с плетьми и палками. За малейшую провинность человек наказывался. Причем в экзекуции любил участвовать и сам командующий, одному из провинившихся, по свидетельству Андреева, он проломил голову и перешиб правую руку.

После того как на престол взошла Екатерина II, убившая своего мужа Петра Федоровича, Фрауендорф отказался, было, присягать императрице. Но нашелся решительный человек, капитан князь В. А. Чегодаев, который на офицерском собрании предложил арестовать Фрауендорфа и отправить его в Санкт-Петербург. Бригадир испугался и пошел к присяге.

Этот эпизод, впрочем, не отразился на карьере. В 1764 году его произвели в генерал-майоры, а в 1765 году назначили губернатором вновь учрежденной Иркутской области.

Основатель новой крепости

В 1763 году командующим войсками сибирских линий был назначен И.И. Шпрингер. Императрица повелела ему перенести штаб-квартиру в одну из крепостей по его усмотрению. Он выбрал Омскую крепость, так как «сия крепость – средина как Иртышской, так и Новой линии». Однако расположение и состояние крепости показалось ему небезопасным, и он предложил поставить новую крепость на правом берегу Оми. Нашлись и грамотные инженеры: инженер-майор Мальм, прапорщик Я. Уксусников, инженер-прапорщик Я. Зеленый, И.Г. Андреев.

К 1771 году крепость в основном была построена. Она занимала площадь около 30 гектаров, имела 4 бастиона – Подгорный, Степной, Тарский и Форшатдский и 3 полубастиона – Омский, Ильинский и Иртышский.

В крепости появились первые каменные строения. В 1773 году была освящен Воскресенский собор. В 1781 году началось строительство гауптвахты (ныне военкомат Омской области). Через четыре года гауптвахта была построена. На первом этаже располагалось комендантское правление и собственно гауптвахта, на втором этаже размещалась гарнизонная школа. Начальником Омской гарнизонной школы был казак Федор Анциферов.

Кроме этого, Шпрингер задумал организовать школу переводчиков. В 1766 году в комендантской канцелярии изучали татарский язык К. Шкулов и братья Бердянины.

Однако полностью осуществить замысел удалось лишь при командующем сибирскими линиями Г.Э. Штрадмане в 1789 году, когда на базе военно-сиротского отделения была открыта Азиатская школа, где готовили переводчиков татарского, маньчжурского и калмыцкого языков. Шпрингер открыл для «полирования» офицеров и устройства любительских спектаклей «Оперный дом». В 1771 году Шпрингер умер и был похоронен на иноверческом кладбище в районе современной ул. Лермонтова. Его именем была названа улица – Шпрингеровская (ныне Партизанская).

Губернаторы 19-го века

Иван Глазенап

В 1808 году командиром войск Сибирской инспекции, растянувшейся от Тобольска до Дальнего Востока, был назначен генерал-лейтенант Иван Григорьевич Глазенап, участник русско-турецких войн, отличился при штурме Измаила и Журшева, а также в сражениях под Бухарестом и Карсом. Он много сделал для становления Сибирского Казачьего войска. Еще в 1807 году он запретил командирам крепостей вмешиваться в дела казаков, избавив их от многоначалия. Благодаря ему, в 1813 году в Омске было открыто войсковое казачье училище, позднее преобразованное в Сибирский кадетский корпус.

В 1816 году из войск, расположенных Сиби-

ри, был сформирован отдельный Сибирский корпус, первым командиром которого стал Глазенап. За заслуги он был награжден орденами Св. Александра Невского, Св. Анны 1-й степени с бриллиантами, Св. Владимира 2-й степени, Св. Георгия 4-й степени. Умер Глазенап в 1819 году в Омске, был похоронен на немецком кладбище.

С 1822 по 1829 год генерал-губернатором Западной Сибири был Петр Михайлович Капцевич, одновременно он являлся и командующим Отдельного Сибирского корпуса. Автор знаменитого «Словаря достопамятных людей русской земли» Д.Н. Бантыш-Каменский так характеризовал Капцевича: «Петр Михайлович высокого роста, худощавый, смуглый собою, имевший огненные глаза, умную физиономию, улыбку насмешливую, был неустрашим на бранном поле, взыскателен по службе, строг, не терпел ни малейшего отступления от порядка; но всегда справедлив, почтителен к властям, хороший христианин, добрый семьянин». Известный историк И.Я. Словцов считал, что управление Западной Сибирью Петра Михайловича Капцевича «составляет самую блестящую страницу в исторической хронике Омска».

В 1824 году он ходатайствовал о переносе Главного управления Западной Сибири из Тобольска в Омск, но Сенат не согласился. Одним из первых он поднял вопрос о Сибирском университете. При Капцевиче содержание войскового училища переведено на казенное содержание. При нем было положено начало развития омской промышленности: открыта суконная фабрика, 4 кожевенных и 3 мыловаренных завода. Построена магометанская мечеть, здание военного госпиталя, здание воинской канцелярии – будущего Кадетского корпуса.

До революции заслуги были отмечены омичами: нынешняя улица Красный путь носила название Капцевичевой улицы.

Густав Гасфорд

29 января 1851 года генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным Сибирским корпусом был назначен Густав Христианович Гасфорд. Он был участником Отечественной войны 1812 года. Проявил храбрость и героизм в сражениях при Бородино, Малоярославце, Тарутино, Вязьмой и Красным. Воевал на Кавказе в Польше и Австро-Венгрии. Кроме орденов, награжден табакеркой, украшенной алмазами, а 1849 году золотой шпагой с алмазами и надписью: «За храбрость».

Современники отмечали, что Гасфорд был умным и хорошим администратором. За 9 лет его руководства в Западной Сибири было построено 200 церквей, в 8 городах открыты женские школы, водворено около 80 тысяч переселенцев из Европейской России.

В Омске построено здание Войскового правления, тюремный замок, начато строительство генерал-губернаторского дворца. Для воспитания и обуче-

ния сирот по инициативе жены Гасфорда Надежды Николаевны был основан приют «Надежда». При нем были впервые проведены посадка деревьев, образовавших Любину рощу по имени рано умершей его жены. В Омске была в честь его названная Гасфордовская улица (ныне К. Либкнехта).

С 1875 по 1881 года генерал-губернатором Западной Сибири был Николай Геннадьевич Казнаков. Известный ученый-областник Н.М. Ядринцев высоко оценивал деятельность Казнакова: «Он совершенно очаровал меня…Я был в восторге, что нашел администратора, который так живо интересовался сибирским вопросом». Особенно высоки заслуги Казнакова в развитии науки и образования. В Омске были открыты мужская гимназия (1876 г.) и женская прогимназия (1877 г.). При его участии был открыт университет в Томске. Казнаков был учредителем и покровителем Западно-Сибирского отдела Императорского Российского географического общества (ЗСОИРГО), бывшего долгие годы центром научной и культурной жизни в Омске. В 1877 году в Омске была однодневная перепись. Казнакову в 1880 году было присвоено звание почетного гражданина города Омска. До революции в городе была улица Казнаковская (ныне начало ул. Ленина).

Среди других руководителей края, чьи судьбы были связаны с Омском были И.А. Вельяминов (годы жизни 1771 – 1837), Н.И. Сулима (1770 – 1840), П.Д. Горчаков (1785 – 1868), А.О. Дюгамель (1801 – 1880), А.П. Хрущов (1806 – 1875).

Во главе Степного края

В 1882 году Западно-Сибирское генерал-губернаторство бы упразднено учреждено Степное генерал-губернаторство. В Степной край входили Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области. Омск стал административным центром края, хотя формально входил в состав Акмолинской области.

Герасим Колпаковский

Первым генерал-губернатором Степного края стал Герасим Колпаковский. В Сибирь он прибыл в 1852 году в чине штаб-капитана и был личным адъютантом командира отдельного Сибирского корпуса Гасфорда. В 1862 году был произведен в генерал-майоры, в 1867 назначен военным губернатором Семиреченской области, много сделал для распространения хлебопашества в степи, для переустройства города Верного (Алма-Аты), поддерживал дружеские отношения с Чоканом Валихановым. При нем знамя Ермака было перевезено из Березовского собора в Казачий Никольский собор Омска. Зачислен почетным членом Сибирского Казачьего войска. В Омске пробыл до 1889 года. В Омске до революции была улица Колпаковская (ныне – П. Некрасова).

Колпаковского сменил на посту степного генерал-губернатора Максим Антонович Таубе. Он занимал этот пост более десяти лет. Он участвовал в закладке Успенского кафедрального собора, при нем были открыты Ольгинский сиротский приют, Омский областной суд, психбольница, Общество правильной охоты и Омский отдел Императорского Московского общества сельского хозяйства. В Омске есть улица Таубе, но названа она не в честь генерал-губернатора, а в честь «красного генерала» Александра Таубе, бывшего начальника штаба Омского военного округа, перешедшего в годы революции на сторону большевиков и приговоренного в 1919 году белыми к смертной казни.

С 1901 по 1906 гг. генерал-губернатором Степного края был Николай Николаевич Сухотин, до этого назначения – начальник Николаевской Академии Генштаба. С 1906 года – член Госсовета. С 1906 по 1908 край возглавлял И. Надаров. С 1908 по 1915 год во главе Степного края стоял Евгений Шмит. При нем была проведена 1-я Западно-Сибирская сельскохозяйственная, торгово-промышленная и лесная выставка в 1911 году, в 1912 году открыт Учительский институт, сельскохозяйственное училище, открыты железнодорожная линия Омск-Тюмень (1913 г.) и водопровод в 1915 году.

Последним генерал-губернатором был Н.А. Сухомлинов (1915 – 1917 гг.), брат известного военного министра Сухомлинова, объявленного в разгар войны с Германией изменником. Именно он стал свидетелем замены российского триколора на своем дворце красным флагом.

III.

ОМСК ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ

«ЗАВОДСКАЯ И ФАБРИЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОВОЛЬНО РАСПРОСТРАНЕНА…»

В течение более чем полутора веков после основания город Омск оставался главным южным форпостом, соответственно и сооружения и строения большей частью соответствовали городу-крепости. Однако со временем крепость обрастала гражданскими застройками по мере увеличения гражданского населения – мещан. Сама жизнь заставляла выстраивать инфраструктуру города, определяла правила общежития.

Предки были не глупее нас и вряд ли кто-то поставил бы дом рядом со скотобойней, чтобы нюхать вонь или с кузницей, где постоянный стук. Все это выносилось подальше от жилья. Постоянные же угрозы эпидемии холеры или сибирской язвы поневоле заставляли соблюдать гигиену, а власти принимать энергичные меры к недопущению этих напастей. Проблем же с экологией долгое время и вовсе не было. Так, в «Описании Тобольского наместничества» 1789 года читаем об Омске: «Фабрик и заводов никаких не имеется».

С 1822 по 1837 гг. он был областным городом, а после упразднения Омской области стал окружным городом Тобольской губернии. В 1862 году «Тобольские губернские ведомости опубликовали “Краткое статистическое описание окружного города Омска», которое позволяет сравнить, насколько продвинулся в своем развитии наш город. Так, его площадь за это время увеличилась в несколько раз. «Самое большое протяжение города с востока на запад около 5 верст, а ширина от полутора до двух верст, вся же окружность около десяти верст. Внутригородской черты под строениями, садами, огородами, улицами и рекою считается 831 десятина 171 сажен».

Число жителей увеличилось почти в 10 раз. Заметно возросла разница между количеством мужских и женских душ. Всего население Омска составляло 19572 души, из них 12379 мужчин и 7193 женщины.

«В отношении полицейского управления Омск делится на крепость и две части. Внутри крепости находится собор, дома корпусного командира и высших военных чинов, казармы и все нужные помещения для гарнизона, частных же домов в крепости нет ни одного. Лучшая часть города, в которой наиболее сосредоточено казенных и общественных зданий и находятся присутственные места и гостиный двор, лежит на восток от реки Оми, к ней примыкает так называемая казачья слободка. Другая часть города, лежащая на западе от реки Оми, гораздо беднее постройками. В Омске считается 17 улиц, 26 переулков, 6 площадей, два общественных сада и небольшой бульвар. В городе два моста через Омь и пристань на Иртыше. Улицы широки и красивы, но ничем не мощены…

Омск с его округом находится на границе Тобольской губернии с Томской и киргизской степью и хотя расположен на большом сибирском тракте, но

Рекламный плакат завода Рандрупа

незамечателен ни в торговом, ни в промышленном отношении. Не слишком многочисленное купечество его ведет большею частию внутреннюю торговлю предметами, необходимыми для жителей города. Не многие из омских купцов ведут торговлю скотом, торговлю салом и хлебом, да и ту нельзя назвать значительною.

Гостиный двор в Омске, деревянный и невелик, заключает в себе всего до 100 лавок. В настоящее время считается в Омске 56 купеческих капиталов, именно: 3 второй и 53 третьей гильдии. Кроме того, считается девять торгующих крестьян: восемь – по свидетельствам 3-го и один по свидетельству 4-го разряда.

Заводская и фабричная промышленность довольно распространена в Омске. В настоящее время считается в нем 34 завода, именно: 6 салотопенных, 2 мыловаренных, 4 свечных, 4 кожевенных, 1 маслобойный, 1 пивоваренный, 1 табачный, 12 кирпичных и 3 гончарных. Кроме того, в Омске находилась казачья суконная фабрика, с преобразованием в последнее время Сибирского казачьего войска, уничтоженная.

Ремесленников в Омске считается 473 человека, но ремесел, кроме обыкновенных, составляющих, так сказать, насущную потребность каждого города, никаких нет. Многочисленнее других каменщики, плотники, портные и сапожники.

В Омске, как в окружном городе, находятся все присутственные места, согласно сибирскому учреждению и общее окружное управление. Кроме того, в Омске находится главное управление Западной Сибири, штаб отдельного Сибирского корпуса, войсковое казачье правление, провиантская комиссия и областное правление сибирских киргизов. В Омске же имеет постоянное пребывание и военный губернатор области сибирских киргизов.

В Омске для городских работ образована поселенческая рота, состоящая из 50 человек, в которую назначаются ссыльные тобольским приказом о ссыльных на известное число лет. Городские доходы Омска в 1860 году простирались до 3913 рублей 44½ коп, а расходы до 6820 рублей 6½ к. Дефицит был покрыт остатками от прошедших лет.

Из числа учебных заведений в Омске находятся: Сибирский кадетский корпус, училище военного ведомства, училища уездное и приходское, уездное училище духовного ведомства и Омская мещанская девичья школа, с детским приютом «Надежда», в которых в последнее время воспитывалось 75 девиц.

Из окрестностей Омска более замечательны: Загородная роща, где постро-

ен вокзал и бывает раз в неделю общественное гуляние, довольно живописно так называемое Казачье кладбище с красиво проектированною и выполненною небольшой церковью».

В 1915 году одних только кирпичных заводов было в Омске 46, кузниц – 71 и веяния прогресса – 6 паровых мельниц. Самыми же главными и крупными предприятиями перед революцией были следующие: завод Рандрупа, фабрика «Энергия», табачная фабрика, макаронная фабрика и винокуренно-дрожжевые заводы.

Плугостроительный завод «Красный пахарь» вместе с Сибирским заводом сельскохозяйственного машиностроения входил в 1926 году в Сибирский краевой трест металлообрабатывающей промышленности «Сибметаллтрест».

Сибзавод же организовался в 1925 году при слиянии фабрики «Энергия» и завода «Сельский работник». До революции фабрика «Энергия» принадлежала А.А. Жукову и занималась изготовлением веялок. Имела отделения на станции Калачинской, в Богдановке и Саргатке. В фабричной рекламе говорилось: «Веялки строятся из отборного Верхотурского леса, отличающегося своей плотностью, мелкослойностью и крайне малым количеством сучков». Располагалась фабрика на улице Кокоулинской (ныне – 5 Линия).

Табачная фабрика находилась на Томской улице (ныне – Лермонтова). Газета «Степной край» 4 июля 1897 года писала: «Ежедневно в девятом часу вечера приходится встречать группу детей мальчиков и девочек, 10-12 лет, возвращающихся с работ на местной табачной фабрике. Из расспросов мы узнали, что эти малолетки работают наравне со взрослыми рабочими, т.е. от 6 часов до 8 часов вечера. На фабрике они занимаются, главным образом, вырыванием стеблей из табачных листов». В 1915 году на фабрике работало 183 человека.

Винокуренно-дрожжевых заводов было два: казенный спирто-очистной завод на ул. Завьяловской (ныне – Волочаевская) и дрожжевой завод А.Ф. Поклевского-Козелл в Загородной роще.. На дрожжевом заводе работало в 1915 году 14 человек, продукции за этот год выпущено было на 60 000 рублей.

Здесь же, чуть ниже по течению Иртыша, в 1920 году на базе мастерских министерства путей сообщения организуется затон «Загородная роща» с ледорезами в протоке Зеленого острова. После Гражданской войны нужно было восстанавливать пароходы, и здесь располагались небольшие судоремонтные мастерские, кузница на три горна, столярно-малярное отделение и навес для котельных работ. В 1928 году сильное наводнение разрушило мастерские, и судоремонтные мастерские построили на правом берегу Иртыша. В 1936 году эти мастерские получили название Омский судоремонтный завод. На заводе строились новые 300-400-сильные пароходы и газоходы. С 1947 года на заводе началась генеральная реконструкция, за двадцать лет был построен по сути новый завод. В 1973 году он стал называться судоремонтно-судостроительным.

В 1892 году Городская Дума по распоряжению Степного генерал-губернатора озаботилась обустройством городских скотобоен и издала 18

октября постановление «Об установлении порядка правильной очистки боен и отбросов после убоя», в котором подробно расписала, как должен производиться убой скота. Перед убоем скот должен осмотреть обязательно ветеринарный врач, отделяя больных животных. Убой должен был производиться в половине боен, а вторая половина боен в это время должна была очищаться, рабочие, занимающиеся убоем, обязаны были быть в чистых передниках. Но, как говорится, гладко было на бумаге…

30 декабря 1892 года особая комиссия под председательством Акмолинского губернатора генерал-майора Санникова «произвела осмотр вновь устроенных общественных скотобоен» и «причем нашли: означенные скотобойни в основе своей не удовлетворяют самым необходимым санитарным и промышленным требованиям и независимо от сего содержатся городом крайне неопрятно и грязно». Среди недостатков комиссия отметила такие: нет мест для стока крови, входы и выходы завалены разными отбросами, «устройство для очистки кишок совершенно не достигает своей цели», «сало сбрасывается в грязные углы боен», в колодцах недостаточно воды, «мясные туши переносятся на спинах рабочих, всегда загрязненных», «нечистоты и кровь разбрасывают прямо во рву, оставшемуся от кирпичного производства, имеющемуся наклонность к реке Омь».

Справочник «Весь Омск» за 1911 года указывает местоположение городской скотобойни: «за Слободским форштадтом». Карта того времени позволяет уточнить место: на левом берегу Оми между началом улиц Акмолинской (Б. Хмельницкого) и Сибирской (11 Линия). Неподалеку, на Енисейской (17 Линия), что вполне логично, располагались салотопенные заводы. Енисейская же улица была на востоке крайней.

Но по мере роста города предприятия бывшие ранее на окраинах, оказывались в черте города. Впрочем, как и кладбища. Из которых наиболее известные Шепелевское (севернее Бутырского базара) и Казачье кладбище, в разное время снесенные.

В 1941 году эвакуированные заводы (такие как завод им. Баранова и нынешний «Полет») также размещались на восточной окраине в чистом поле. Рабочие селились в близлежащих кварталах местных жителей и наскоро построенных бараках. Сегодня это трудно представить.

БОГАТЕИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ОМСКА

Почти полтора столетия после основания в 1716 году особого шевеления капитала в Омске отмечено не было. Объяснялось это просто: Омск в это время был преимущественно военно-административным центром, которому и требовалось соответствующие товары – военная амуниция, свечи, бумага да чернила…

Богатеют же во все времена быстрее те, кто торгует, а не производит. А торговый Московский тракт проходил севернее Омска, основная часть торговли с Казахстаном и Средней Азией шла через Петропавловск. Тем не менее в Омске в 1860-80-е годы было несколько купцов первогильдейцев, таких как Г.П. Баранов, В.П. Кузнецов, И.Я. Перфильев и другие, но их капиталы были намного меньше, чем капиталы томских, иркутских и даже петропавловских купцов. Правда, очень сильно «поднялся» тарский купец Яков Немчинов.

Положение в Омске изменилось после постройки Сибирской железной дороги. Омск стал узловым центром, через который осуществлялась связь между Азиатской и Европейской Россией. Хозяйственное освоение Среднего Прииртышья, переселенческое движение способствовало развитию торговли и фабрично-заводской промышленности. Наиболее прибыльные направление захватили иностранцы.

По мере усиления переселенческого движения в Сибирь резко возросла потребность в сельскохозяйственных орудиях. Американские фирмы сразу же воспользовались этим рынком и повезли в Сибирь дисковые сеялки, плуги, паровые молотилки, прессы для соломы и сена и др. Поставкой занимались Товарищество Гельферих-Саде, К. Майер и Ко, Андриас-Платт и Ко, Международная компания жатвенных машин, акционерное общество «Р. и Т. Эльворти и проч. В начале 1903 года они объединились в огромный трест «Интернешнэл Харверст Ко оф Америка», который вошел в финансовую группу Моргана.

Одним из комиссионером данного треста стал датчанин С.Х. Радруп. Выбор этот был не случаен. Рандруп хорошо знал Сибирь и рынки сбыта сельскохозяйственных орудий. Он разбогател в 90-х годах 19 века на комиссионной торговле знаменитым сибирским сливочным маслом.

В 1899 году Рандруп основал большой завод сельскохозяйственных орудий и машин, находившийся на территории современного агрегатного завода им. Куйбышева. Предприятие вырабатывало поначалу в основном плуги различных типов. В том числе довольно известный плуг «Оригинал Рандруп». Кроме этого, на заводе выпускались трансмиссии, производился ремонт и прочие работы. На заводе имелись две динамо-машины, снабжавшие правостороннюю часть Омска электричеством.

Однако только промышленником Рандруп не стал. Он продолжал заниматься комиссионной торговлей сельскохозяйственных машин упоминавшегося треста, не забывая и про сливочное масло. Продавал швейные машинки «Зингер». В Омске, кроме завода, у него были склады и магазин. По данным

1915-16 гг., оборот его фирмы только на продаже сельхозмашин составил 1 274 847 рублей, а по заводу – 2 438 058 рублей, при огромной прибыли в 30-40%. Коммерческие заслуги Рандрупа были замечены. По просьбе английского правительства он исполнял обязанности английского консула в Омске. В 1909 году в «Омском телеграфе» читаем:

«С.Х. Рандруп, Омск
Имеются на складе постоянные двухтактные
НЕФТЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ И ЛОКОМОБИЛИ
Общества «ПЕРХУН»
Охранное свидетельство Департ. Пр. и Торговли
Нет запаха сожженной нефти
Экономия топлива.
Легкое пускание в ход.
Отсутствие вентилей.
Простая конструкция.
Ровный и спокойный ход.
Рекомендуем для мельниц, заводов, фабрик, электрических станций и др. сельскохозяйственных и промышленных целей.
Прейскуранты по первому требованию высылаются».

М.Я. Мариупольский с сыновьями обладал в дореволюционном Омске едва ли не самыми крупными капиталами. Достаточно сказать, что баланс их акционерного общества на 1 января 1915 года составлял 1 176 706 рублей. Одной из главных составляющих доходов было пивоварение. Около десяти трактирных заведений в городе принадлежало Мариупольскому. Из четырех пивоваренных заводов, имевшихся в Омске, завод Минея Мариупольского был оснащен самым современным оборудованием. Находился он в большом пятиэтажном доме на Казачьем форштадте. Именно об этом заводе была написана, можно сказать, рекламная статья для справочника «Весь Омск» на 1911 год под названием «Стороннее сообщение»:

Миней Мариупольский

«Оживление экономической жизни края и громадный рост его населения вызвал прогресс в местной промышленности. Особенно показателен этот рост в пивоваренной промышленности, как стоящей в непосредственной зависимости от численности населения и обладания ими платежными средствами. В области начинают открываться новые заводы, старые заводы переустраиваются и ста-

раются применить у себя самые последние технические усовершенствования. Административная регулировка организации торговли пивом посредством выдачи особых разрешений на каждое заведение торгующее пивом, без сомнения, действуют стесняющим образом, но несмотря на это, по официальным данным, было выварено пива в Тобольской губернии и Акмолинской области в 1907 году 591409 ведер (ведро=12 л), в 1908 году 623 329 ведер и в 1909 году 650 966 ведер.

Главное ядро пивоварения находится в г. Омске, где функционируют 4 завода. Для характеристики производства мы позволим себе остановиться на наиболее усовершенствованном заводе «М.Я. Мариупольского и К-о», вырабатывающем 200 000 ведер пива в год.

Основанный в 1898 году, завод этот в 1905 году был совершенно перестроен. В настоящее время заводские постройки занимают площадь земли в 2800 кв. саж., соединяющихся посредством особой ветки с главной линией великого сибирского пути. Самое заводское здание – каменное, громадных размеров в 5 этажей, причем в этом же здании помещается солодовня с постепенной механической пародачей ячменя и затем солода из одного этажа в другой для достижения более правильной регулировки температуры при произращении солодовых зерен.

На заводе установлены паровые котлы – один Ланкоширской системы в 554 кв. фут. поверхности нагрева и один цилиндрический пролетный 830 кв. фут.; две паровые машины – одна в 50 лошад. действ. сил и одна в 35 лошад. действит. сил. Для приведения в действие подъемных машин, разливных аппаратов, моечных и других машин, на заводе установлены электрические двигатели. Электрическая энергия для освещения заводских зданий и для двигателей вырабатывается двумя динамо-машинами – в 175 и в 100 ампер. Полное оборудование варочного отделения исполнено по особому заказу заводом «Германия» в Саксонии и вся железная посуда поражает своей чистотою и изящной отделкой мелкой арматуры. Розливное отделение представляет собой обширный зал и розлив производится особыми механическими приборами. Перед розливом пиво проходит через особые фильтры с асбестовой массой. Мытье посуды производится особыми паровыми моечными машинами, гарантирующими идеальную чистоту вымытой посуды.

Для рассылки своей продукции по обширным складам, расположенным на далеком расстоянии по линии Сибирской железной дороги, завод имеет собственные вагоны-ледники.

Но главную гордость завода составляют громадные каменные подвалы с цементно-бетонными полами и сводами, в которых приток воздуха регулируется особыми вентиляторами, и поэтому круглый год стоит одна и та же низкая температура, придающая ту «выдержку» пиву, которая так ценится любителями. Запасы пива хранятся исключительно в дубовых бочках.

В таком производстве, как пивоваренное, недостаточно одного технического оборудования завода и требуется применение и соответствующих материалов: воды, солода и хмеля. В отношении воды, описываемый завод на-

ходится в особенно благоприятных условиях: он расположен на самом берегу Иртыша, по течению выше г. Омска, имеет собственный водопровод и поэтому пользуется совершенно чистой водой. Но желая поставить продукты своего производства действительно вне конкуренции, администрация устраивает еще и особые фильтры, через которые будет проходить вся вода, поступающая из реки в завод

Солод администрацией применяется частью привозной, из Европейской России, так называемый «пильзенский», частью приготовляется в своей солодовне, но так же из привозного ячменя, так как местный ячмень не удовлетворяет по своему качеству тем требованиям, которые предъявляют к нему опытные солодовщики. Хмель на пивоварение идет исключительно заграничный.

Для постоянного наблюдения за качеством как изготовляемого пива, так и материалов, идущих на изготовление его, при заводе устроена лаборатория, снабженная всеми техническими усовершенствованиями и приборами за границей. Заведует лабораторией специалист инженер-технолог.

Во главе всей технической части стоит пивовар М.А. Шмит, получивший специальное высшее техническое образование за границей и занимавший до последнего времени место директора школы пивоваров в Берлине.

Разумеется, что при наличности подобных условий продукты, вырабатываемые на пивоваренном заводе «Миней Мариупольский и К-о» не оставляет желать ничего лучшего. Пиво этого завода не только успешно конкурирует с пивом лучших заводов Европейской России, но может смело справиться с заграничными продуктами.

Ранее завод «Минея Мариупольского и К-о» работал исключительно на местный рынок, в последнее время его пиво стало пользоваться спросом и в соседних губерниях, а на железной дороге оно грозит совершенно вытеснить столь знаменитое «Жигулевское пиво», которое держится теперь в железнодорожных буфетах исключительно по традиции и для публики, приезжающей из Европейской России и не знакомой с местным производством.

Помимо предполагаемых к открытию в настоящем году, администрация имеет уже обширные склады пива в городах Новониколаевске, Каинске, Таре, Тюкале, Петропавловске и при станциях Сибирской железной дороги – Татарской, Калачинске и Исилькуле.

Как на побочное производство можно указать на отлично поставленное заведение искусственных минеральных и фруктовых вод, существующих при пивоваренном заводе «Миней Мариупольский и К-о». Лучшие сорта фруктовых вод этого заведения, и особенно, яблочный сидр, пунш и шампанское, совершенно вытеснили с местного рынка все привозные и дорогие продукты Калинкинские, Ланина и другие».

В начале XX века в таких самых популярных и читаемых газетах, как «Омский вестник» и «Омский телеграф», почти в каждом номере можно было встретить такую рекламу:

В магазине М.А. Шаниной
ВЕЛОСИПЕДЫ ШЛЯП ДАМСКИХ
громадный выбор

Или еще:

ОБУВЬ:
Дамская
Детская
Мужская
В магазине
М.А . Шаниной

Кто же она такая эта владелица одного из самых крупных магазинов Омска?

Мария Шанина

Мария Александровна Шанина родилась 26 марта 1864 года в Омске в семье мещанина А.Е. Накладова. С детства помогала отцу в лавке на Мокринском форштадте. В 1881 году вышла замуж за потомственного почетного гражданина города Вязники Владимирской губернии М.Н. Шанина. Муж представлял в Омске интересы богатого поволжского купца Дерова. Шанин открыл в Омске собственный магазин, в котором торговали в основном тканями, привозимыми из центральных губерний России как хлопчатобумажными, так и шерстяными. Однако Михаил Шаним умер 30 ноября 1897 года, и Мария Александровна взяла все дело в свои руки и повела его весьма успешно. Она купила землю на Мокринском форштадте и построила в 1899-1900 гг. двухэтажный магазин на пересечении Любинского проспекта (ныне ул. Ленина) и Гасфортовской улицы (ныне ул. К. Либкнехта). Автором проекта был известный омский архитектор И.Г. Хворинов, по проектам которого впоследствии были построены Драматический театр (1901-1904 гг.), гостиница «Россия» (1905-1906 гг., ныне гостиница «Октябрь»), пожарная каланча (1914 г., ул. Интернациональная) и другие.

Квартира Шаниной располагалась на втором этаже, здесь же был один из торговых залов; остальные отделы магазина занимали весь первый этаж.

Богатые не афишируют обычно свои капиталы, и об их богатстве можно судить часто лишь косвенно. В 1916 году Шанина сделала взнос в 25 000 рублей на создание Народного университета. Такую сумму мог пожертвовать лишь очень богатый человек. Для сравнения: дневной заработок, маляра плотника, штукатура, кузнеца не превышал в то время 1 руб. 50 коп. А пуд муки стоил 1 руб. После революции недвижимость и вклады национализировали. Но драгоценные камни она сумела передать своим дочерям, которые тратили их до 1950-х годов.

Весьма богатым человеком был и преуспевающий банкир, председатель Биржевого комитета, землевладелец и коннозаводчик Филипп Филиппович Штумпф. Его особняк, в котором ныне музей К.П. Белова, отличался оригинальной архитектурой. Из 8 конных заводов, имевшихся в Омском уезде перед революцией, конный завод Штумпфа выделялся особо. Так, в «Обзоре Акмолинской области за 1915 год» сообщалось, что у Штумпфа имеется 4 чистокровных рысака-производителя и 86 «плодовых кобыл», из которых 22 кузнецкие Томской губернии, а 54 местные улучшенные орловской породой. «Завод имеет целью разводить лошадей верхового и упряжного типа». Не случайно на Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке его серый жеребец «Порох» получил золотую медаль, а группа бычков и телят Большую серебряную медаль. Занимался Штумпф и торговлей земельными участками в Новоомске (на левом берегу Иртыша), о чем извещал «Омский вестник» даже в 1917 году.

После ареста в 1918 году Штумпф пытался спасти свои активы, но неудачно, он был арестован. При аресте у него изъяли процентных бумаг на сумму 78 000 рублей, 15 апреля 1918 года он был выпущен под залог 50 000 рублей, которые внес его доверенное лицо Борис Масловский.

После поражения Колчака выехал с последним поездом на восток, но заболел в дороге тифом и вернулся в Омск. На месте так называемой заимки Штумпфа был организован «Совхоз №1». Штумпфа назначили в этот совхоз советником. Ему удалось в какой-то мере собрать разворованный инвентарь и скот и наладить товарное производство, но в 1921 году он умирает.

Крупнейшими монополистами мануфактурной торговли в Омске считались почетные граждане Омска братья Василий и Стефан Волковы. Известными богачами были Г.Я. Серебряков – вначале управляющий, а затем владелец табачной фабрики Я.М. Серебрякова, Н.М. Глизман – крупный торговец сахаром и бакалейной продукцией, С.В. Хаберев – владелец паровой лесопилки, купцы Г.Д. Кузьмин и Г.И. Терехов.

«НАЗНАЧЕНО УСТРОИТЬ ТЕЛЕГРАФНЫЕ ЛИНИИ…»

Годом рождения Омской электросвязи принято считать 1862 год, когда телеграфная станция в Омске начала работать регулярно и круглосуточно. Этому предшествовало «Приказание войскам отдельного сибирского корпуса» за № 24 от 15 июля 1862 года, в котором говорилось, что открыто на омской телеграфной станции «телеграфное действие по направлению к Санкт-Петербургу 14 числа сего года». К приказу прикладывалась копия утвержденных тарифов, с указанием сумм, которые необходимо было взимать за депеши.

Следует отметить, что Омск оказался достаточно быстро оснащен самой передовой технологией связи. 21 октября 1832 года член-корреспондент Петербургской академии наук Павел Шиллинг впервые в истории продемонстрировал работу электромагнитного телеграфного аппарата. А в 1850 году академик Б.С. Якоби изобрел буквопечатающий телеграфный аппарат. Телеграфная связь становится «государственной регалией». И в 1859 году было решено соединить телеграфным сообщением Санкт-Петербург и берег Тихого океана. 16 марта 1860 года Александр II высочайше повелел вести эту телеграфную магистраль «постепенно, по мере денежных средств телеграфного управления».

В Историческом архиве Омской области сохранился циркуляр по Главному управлению почт и распоряжение почтового Департамента, которым в частности предписывается: «С высочайшего Государя императора соизволения, в настоящем 1861 году, назначено устроить телеграфные линии и проводы: 1) от Казани через Пермь, Кунгур и Екатеринбург до Тюмени с ветвью в Ирбит; 2) от Тюмени до Омска; 3) от Самары через Бузулук до Оренбурга и т. д.»

В удивительно короткие для того времени сроки линия была проложена. В 1865 году на Омском телеграфе работало 4 телеграфных аппарата Юза, их обслуживало 10 телеграфистов. Аппарат Юза – первый широко распространенный на практике (как бы сейчас сказали, серийный) буквопечатающий аппарат. Он был изобретен в 1855 году англичанином Д.Э. Юзом.

Омское телеграфное отделение до 1868 года подчинялось Министерству почт и телеграфов, которое выделилось из Министерства внутренних дел, и было самостоятельным, но с 1868 года Омское телеграфное отделение снова перешло в подчинение МВД.

В 1874 г., в связи с расширением телеграфной сети, Омское телеграфное отделение было переименовано в Управление Омского телеграфного округа, куда вошли телеграфные станции Западной Сибири и Степного края, включавшие Акмолинскую, Семипалатинскую, Тобольскую и Томскую области. Связь с Семипалатинском была открыта в 1872 году.

Между тем, в 1871 году Сибирская телеграфная магистраль дотянулась до Владивостока, ее длина составила 8330 км. Далее протянули кабель до Шанхая и Гонконга. Между Владивостоком и Нагасаки был проложен подводный телеграфный кабель. Эта телеграфная магистраль, в том числе и Омский телеграф, имела большое международное значение. Страны Европы по линиям Сибирского телеграфа общались со странами Азии.

Телеграмма из Лондона в Пекин шла через Ближний Восток и Индию 43 дня. А если ее отправляли через Омск, то нужно было 27 дней, то есть на 16 дней меньше.

С течением времени росло количество телеграфных связей. Так, в 1884 году на Омской телеграфной станции принято 15 703 телеграммы. Появились аппараты Морзе в количестве 8 шт., но работали по-прежнему и 2 аппарата Юза. Впоследствии появились более современные аппараты Бодо и Уинстона. В 1892 году в Омском округе работал 41 телеграфный аппарат.

В 1904 году почтовая контора и телеграф разъединились.

В 1915 году пословная плата за каждое слово в пределах Сибири составляла 5 коп., при связи с Манчжурией по 12 коп за слово. В этом году в Омске было отправлено 24 753 телеграммы, и доход телеграфа составил 28 457 рублей.

После революции резкого технического переворота в телеграфном деле не произошло. В 1920 году в Омский телеграф заходило 40 проводов, на которых работало 15 аппаратов Уинстона, 5 аппаратов Юза и 15 аппаратов Морзе. При этом связь с Тюменью, Ишимом, Семипалатинском и Павлодаром производилась с помощью гиревых аппаратов Бодо и Юза. Тяжелые гири висели внизу аппаратов, и через каждые 15 минут телеграфисты вынуждены были поднимать их, так как электромоторов не было.

Тем не менее в этом году за сутки обрабатывалось около 6500 телеграмм. Развивалась и телефонная сеть. Путеводитель по Омской промышленной выставке 1926 года сообщал, что общая протяженность проводов составила 711 км, на 1 мая 1926 в Омске функционировало 662 телефона.

В 1935-36 годах телеграфные аппараты Бодо стали оборудовать электромоторами и устанавливать на маленьких столах. В 1936 году телеграф приобрел свой двигатель и генератор.

Но до автоматизированных систем было еще очень и очень далеко.

ПРИЮТЫ КАК УБЕЖИЩА ДЛЯ СИРОТ

Замечено, что количество сирот и беспризорных резко увеличивается после внутренних смут в государстве, войны, голода или эпидемии. Говорят, что сегодня беспризорных больше, чем после Гражданской войны – таков результат «катастройки», результат внутреннего неустройства и разрухи в результате так называемых реформ. Но сиротство плодит не только материальная разруха, но и разруха в головах. Характерный пример: за военный 1915 года во всей огромной Акмолинской области, куда входил и город Омск, отмечено всего два убийства новорожденных, а как-то омское телевидение проинформировало, что только за одну неделю (!) в городе обнаружено 3 трупика новорожденных.

Конечно, и до революции были подкидыши-отказники, которым оставалось рассчитывать лишь на милость людей или на приюты, но не в таких количествах как сегодня.

По-видимому, самый первый приют для воспитания и обучения детей сирот в Омске был основан при Г.Х. Гасфорде, назначенным в 1851 году генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным Сибирским корпусом. По инициативе его жены Надежды Николаевны был создан приют «Надежда». В 1861 году Гасфорд был назначен членом Государственного Совета и переехал в С-Петербург, но приют «Надежда» продолжал работать. По крайней мере, «Тобольские губернские ведомости» публиковали Отчеты омского приюта «Надежда» вплоть до 1874 года.

Известным не только в Омской области, но и во многих других регионах Сибири был Сиропитательный дом в Таре известного тарского купца и золотопромышленника Якова Немчинова. Приют для детей-сирот был открыт им в 1875 году. Все необходимое для детей – платье, постели, кровати, пуховые одеяла было заведено Немчиновым, который считался в 1870-80-е годы самым богатым человеком в Сибири. В приюте содержалось 25 мальчиков и 25 девочек. Девочки занимали третий этаж, мальчики жили на втором, здесь же располагался Немчиновский банк, проценты от капитала которого шли на содержание Сиропитательного дома. При достижении 16-ти лет девочки выпускались из заведения, а мальчики – при достижении 18-ти лет.

Немчиновский дом в Таре сохранился до наших дней.

В 1891 году в Акмолинской губернии разразились эпидемии тифа и холеры из-за чего увеличилось число детей-сирот. Жена Акмолинского губернатора в 1892 году на добровольные пожертвования открыла в Омске приют, известный как Ольгинский приют. Помещение для него наняли в доме на углу Тобольской и Александровской улиц (ныне Интернациональная, 25) с оплатой 360 рублей в год. 15 сентября Городская дума рассматривала вопрос об оказании денежного и материального пособия учрежденному в Омске детскому приюту и постановила отпускать по 30 рублей в месяц для погашения квартирных денег.

В начале XX века в Ольгинском приюте большей частью были дети-сироты переселенцев, умерших в дороге. В 1907 году на содержание Ольгинских приютов в Омске, Красноярске и учебных мастерских в Тобольске из департамента государственного казначейства было выделено 6000 рублей, 5000 пошло в особый благотворительный фонд для вспомоществования нуждающимся переселенцам, а 1000 рублей непосредственно Омскому приюту. Хотя денег требовалось намного больше. Выручали пожертвования правительственных учреждений. В Омском Ольгинском приюте было 55 детей, в Красноярском – 31. Попечительство над подобными заведениями осуществлялось под покровительством царицы Александры Федоровны.

Начавшаяся первая мировая война добавила забот. После начала войны были открыты ясли для детей работающих женщин, но из-за инфекции уже 31 октября они были закрыты. Однако в 1916 году Гордума вернулась к этому вопросу. Исполнительная комиссия доложила ей: «Переживаемое в настоящее время ужасное вздорожание цен на квартиры, дрова и предметы первой необходимости особенно тяжело сказываются на семьях призванных в армию. Принимая во внимание мизерность размера казенного пайка, не обеспечивающего существования человека при самых минимальных требованиях, исполнительная комиссия, желая придти на помощь женам запасных, желающим работать, но из-за грудных детей и детей подростков, не имеющих возможности отойти от своих семей для заработка на стороне, решила ходатайствовать пред Городской Думой об отпуске средств на открытие детских яслей приюта на 40 человек в размере от 450 до 500 руб. в месяц».

После долгих обсуждений Гордума решила открыть приют на 50 человек в честь 25-летия посещения Омска Императором, а с яслями подождать,

изучить вопрос дополнительно, хотя и решила, что открывать их нужно несколько, в разных районах города.

В сентябре 1915 года на одном из общих собраний Коммерческого клуба было принято решение об устройстве детского дома-приюта для детей круглых сирот и многодетным семьям беженцев. К 1 сентября в детском доме было 30 воспитанников – 16 мальчиков и 14 девочек, из них 13 круглых сирот. Однако денег не хватало. Городской комитет помощи беженцам ежемесячно субсидировал по 200 руб. в месяц. Проводились благотворительные концерты, лотереи. Помогали предприниматели. Известная купчиха М. Шанина пожертвовала детскому дому две дюжины полотенец и простыней.

После Гражданской войны проблема беспризорников была решена при помощи детских домов. Заниматься этим пришлось ВЧК, а потом ГПУ. Уже в 1922 году был признан образцовым детский дом им. Дзержинского на 111 человек на ул. Банной (В. Косарева) с электричеством и центральным отоплением, о чем сообщала газета «Рабочий путь». Однако та же газета в 1924 году писала о том, что воспитанники детских домов вынуждены попрошайничать на улицах, чтобы прокормиться. Тем не менее детские дома и детские коммуны дали, в конце концов, свои результаты.

«ЧЕРЕЗ РЕКУ МОСТ ЖЕЛЕЗНЫЙ…»

Город, расположенный на берегах двух рек, трудно представить без мостов. Они, как гигантские скобы, стягивают город в единое целое, делают единым организмом. Строительство мостов через Омь и Иртыш производилось по мере расширения города и их надобности. Их история – это часть истории города.

Пожалуй, первую попытку обобщить историю городских мостов предпринял омский историк Е.Н. Евсеев в научно-популярном очерке «Мосты нашей жизни», опубликованном в семи июльских номерах газеты «Омская правда» в 1988 году. Очерк был написан на основе архивных документов и личных воспоминаний автора, и читателю сообщалось много ранее неизвестных фактов. В последующие годы каждый из пишущих о мостах не мог пройти мимо этих фактов, но многие забывали упомянуть источник информации. Вот, например, в «Бюллетене информационных материалов для строителей» (Омск, 2001, вып. 2) есть статья о мостах, которая так и называется «Мосты нашей жизни» с дословными текстуальными совпадениями со статьей Евсеева, но он даже не упомянут!

Е.Н. Евсеев разделил историю мостов по векам: 18-й век – наплавные мосты, 19-й век – постоянные мосты, 20-й век – Железный мост и его спутники.

После основания Омской крепости какое-то время основными средствами переправы были лодки да паромы. И лишь с заселением правого берега

Оми и основанием там Новой Омской крепости стали наводиться наплавные и плашкоутные мосты. В качестве опор для наплавных мостов использовались плашкоуты (плоскодонные суда), боты и большие лодки. На них укладывался настил. Чтобы не снесло течением, мост крепился якорями и оттяжками на берегу. Известным строителем подобных мостов был адъютант основателя Новой Омской крепости генерал-поручика И.И. Шпрингера Иван Андреев.

Он же построил первый мост на сваях в 1790 году (на месте нынешнего Юбилейного моста), который, однако, в 1795 году был разрушен водной стихией. В 1826 году на этом же месте был построен более капитальный деревянный мост, называвшийся Ильинским. Он также неоднократно разрушался и восстанавливался. К середине 19 века одного моста стало недостаточно, и решено было построить мост, который бы соединил Мокринский форштадт с Новой слободкой (улицы Омскую и 1-й взвоз – ныне Краснофлотскую). Ускорил дело пожар, искры от которого упали на Ильинский мост, и тот загорелся. Новый мост подрядился построить тобольский купец Пелищев за 7 300 рублей. Что и было сделано к декабрю 1857 года. Его называли Николаевским, а в народе просто Деревянным. К 1870 году он пришел в негодность и был заменен новым, сносился наводнениями в 1892 году, в 1928 и окончательно был разрушен в 1947 году. В конце 19 – начале 20 века Деревянный мост был разводным. Впрочем, Деревянным он стал называться, скорее всего, после 1903 года, когда был построен Железный мост на месте Ильинского моста.

Городская дума неоднократно рассматривала необходимость замены обветшавшего Ильинского моста и в 1901 году приняла окончательное решение, что мост должен быть железным. В краеведческой литературе его часто называют «французским» или «парижским»: якобы его проектировала и строила французская фирма. Но как установил краевед Владимир Селюк, проектировала мост бельгийская фирма, лишь документация велась на французском языке, а строительство осуществляло Харцизское общество котельно-литейных заводов (Донецкая область) под руководством инженера-механика Р.С. Малкина.

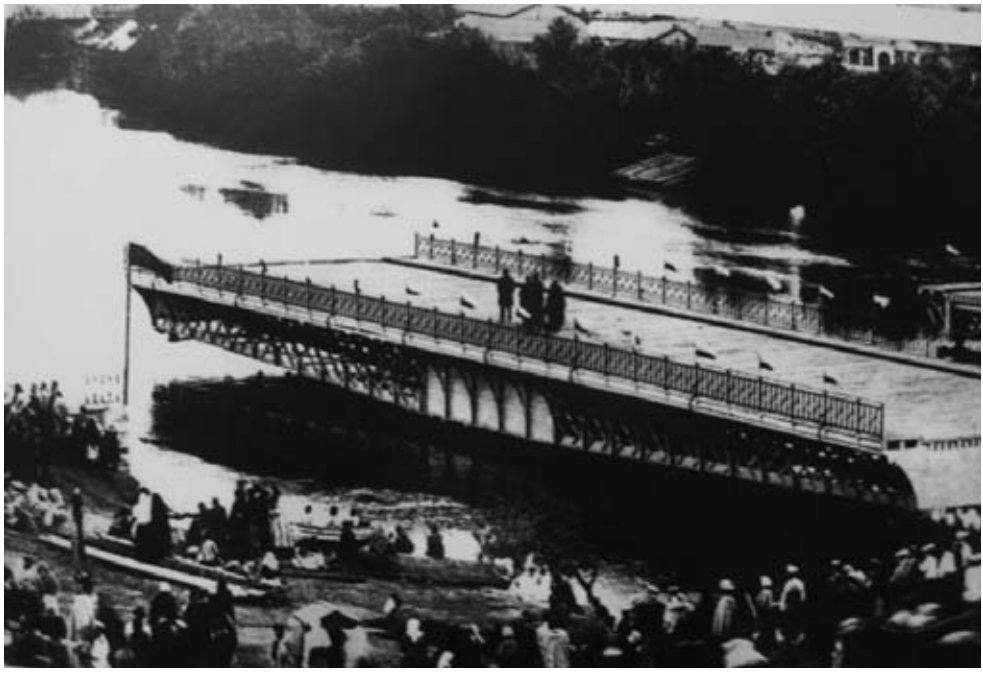
Мост получился красивым и оригинальной конструкции. Примерно третья часть его помещалась на каменной опоре у левого берега Оми и была поворотной. Ее устанавливали по течению реки, и это позволяло пропускать суда вверх по Оми.

Ниже мы приводим отчет члена Городской управы П.Б. Яшерова для Гордумы, из которого видно, как разводились мосты и какие грузы перевозились на судах.

«Разводка мостов

с 18 апреля до окончания навигации 9 октября 1912 года:

1) Деревянный и железный мосты разводились оба в одну ночь, каждый по 23 раза – 23 ночи.



Железный мост в разведенном положении

2) Отдельно деревянный мост разводился – 8 ночей.
3) Отдельно железный мост разводился – 8 ночей.
Итого – 39 ноч. (62 разводки).

Уплачено подрядчику Лоскутову:
За разводку деревянного моста за 31 раз по 15 р. – 465 руб.
За разводку железного моста за 31 раз по 8 р. – 248 руб.
Итого – 713 руб. (семьсот тринадцать рублей).

Пропускали:
а) Западно-Сибирского Т-ва (1 пароход, 23 негружен. баржи, 5 гружен. дровами, лесом и солью).
б) Колмакова 11 барж (10 барж не груженых и 1 баржа с дровами).
в) Белкина 4 баржи (не груженых).
г) Гутермахера 1 пароход и 11 барж (9 барж не груж. и 2 с дровами).
д) Богословского Горн. О-ва 7 барж (не груженых).
е) переселенческая пристань.
ж) Бушманова 1 пароход.
з) Сеничкина 1 пароход и 12 барж (7 не груж. и 5 с круглым лесом).
и) Зиневича 1 пароход и две баржи с дровами.
к) Плотникова 1 пароход и две баржи не груж.
л) Жернакова 3 баржи (2 порожн. и одна груженая дровами).
м) Муромцева моторная лодка и пароход.
н) Разумовского пароход и баржа.

Составлены протоколы на:

1) Колмакова за неправильную проводку баржи в ночь на 22 апреля 1912 года через деревянный мост, задевшей ледорез вследствие недостаточного количества рабочих.

2) На него же за медленный проход баржи через железный мост в ночь с 6-го на 7-е октября по той же причине.

3) Бушманова за неправильную проводку в ночь на 6-е июня 1912 года парохода и баржи, задевших ледорез и самый мост вследствие недостатка матросов.

4) На него же за задержку деревянного моста открытым на 1,5 часа вследствие полной неподготовленности парохода и баржи для проводки в ночь на 10-е июня 1912 года.

5) Зиневича на напрасную задержку открытым железного моста в течение 1 часа при проводке парохода и баржи в ночь на 6 июля 1912 г.

6) Сеничкина за неправильную проводку 2-ух барж и парохода через деревянный мост в ночь на 30-е августа 1912 года.

Примечание. Разводка обоих мостов в одну ночь производилась следующим образом: сначала разводился тот мост, который должен пропустить преобладающее число барж у него стоящих, а при равном их количестве идущих в ту и другую сторону по реке сперва баржи груженые, а затем порожние. Разводка мостов начиналась с 1 часу ночи и оканчивалась в 3-8 часов утра, смотря по числу пропускаемых барж».

В 1912 году по распоряжению Городского головы рассматривался вопрос о замене дощатого настила на железном мосту. Из доклада Городской управе инженера П. Инчина узнаем некоторые конструктивные особенности моста. Проезжая часть моста была длиной в 56 саженей, ширина – 5 саженей. На поперечные металлические двутавровые балки были уложены деревянные продольные брусья 5х4 вершка, на брусья – плахи шириною 6 вершков, толщиною 2 вершка. Плахи были сосновые до 1910 года, и настил приходилось ремонтировать два раза в год, с 1910 года использовали лиственничные плахи, которые ремонтировали один раз в год с заменой 66% настила, ремонт обходился казне в 2000 рублей. П. Инчин рассматривал бетонное, асфальтовое покрытие и из дубовых шашек. Все они вызывали перегрузку ферм. А «вследствие упругости дерева досчатый настил в равной степени с торцевым смягчает сотрясение и удары от проезжающих экипажей и поэтому понижает вредное действие подвижной нагрузки на заклепочные соединения железных частей моста».

В 1921 году по мосту провезли генератор для городской электростанции, под его тяжестью сваи моста просели. Со временем подвижную часть заклинило, и мост стал неразводным.

В 1936 году рядом с железным мостом (выше по течению) был построен Трамвайный мост, простоявший до 1947 года. Сам железный мост был разобран в 1965 году, и на его месте в 1967 году введен в эксплуатацию Юбилейный мост.

Комсомольский мост введен в эксплуатацию в 1953 году. Октябрьский мост (так называемый Горбатый) – 6 октября 1962 г. В створе улиц Березов-

ского и Школьного переулка 5 ноября 1988 года открыт Фрунзенский мост на месте разобранного в 1984 году деревянного моста.

Мосты через Иртыш: Железнодорожный – 1896 год, Ленинградский – 6 ноября 1959 года, имени 60-летия ВЛКСМ – 3 ноября 1978 года, Южный автомобильный мост – 28 ноября 1991 года, метромост – 2005 год.

В ГОСТЯХ У ИВАНА ЁЛКИНА,
или Сибиряку ведра водки мало?

Иваном Ёлкиным в народе шутливо называли кабак. В старину, дабы обозначить сие заведение, над входом прикрепляли небольшую ель или еловую ветку. Расточительность расходов на винопитие закрепилась в виде такой пословицы: «Ёлка чище метлы дом подметет».

Хотя, конечно же, уровень потребления алкоголя в России в разное время был разным. Так, во второй половине 19 века, в период массового трезвенного движения, как среди лучшей части интеллигенции, так и среди крестьян, потребление алкоголя постоянно снижалось. Если в 1863-66 гг. на душу населения ежегодно приходилось по 4,55 литра чистого спирта, то через 10 лет – 4,18, еще через 10 лет – 3,32, а в 1893 году – 2,46 литра. Сибиряки в это же время потребляли побольше. Так, в Западной Сибири в 1860 г. выкуривалось почти 900 тысяч ведер вина (под «хлебным вином» подразумевалась водка) и это приходилось на 893 тысячи душ мужского пола, то есть более 1 ведра (12 л) водки на каждую мужскую душу. При этом в крае с 1800 по 1860 гг. действовало 11 винокуренных заводов. На производство водки расходовалось 130-150 тысяч четвертей хлеба, около 16% его товарного количества.

Сын известного путешественника и ученого Семенова-Тян-Шанского Вениамин Петрович в 1895 году свидетельствовал: «Сибиряки ужасно много пьют. Всякий двунадесятый праздник справляется неделю, если не более. Накануне праздника уже начинают расхаживать по улицам деревни пьяные мужики, мрачно изрыгая четырехэтажные ругательства, по части которых сибиряк и в трезвом виде такой мастер, что перед ним сконфузится любой «россейский» мужик. Подобное состояние обывателей продолжается с неделю. Но странно, что во всем великом сибирском пьянстве нет ни малейшего веселья, а царит только всеобщая угрюмость и унылость».

Винокурение в Западной Сибири было преимущественно на казенных заводах и дополнялось частным предпринимательством. Торговлю вином вели откупщики из купцов или дворянской знати. Среди крупных откупщиков в Западной Сибири были князь Голицын, коллежский асессор Л. Зеленцов, купцы первой гильдии: А. Попов, И. Мясников, В. Злобин, И. Филимонов и др. В Омске выделялся М.Я. Мариупольский.

Цены, которые назначала власть откупщикам и кабатчикам, постоянно повышалась. Это приводило к незаконному и винокурению и виноторговле. Прибыли от питейного дела в Западной Сибири превосходили значительно прибыли в других губерниях. Местное начальство в близлежащих к винокуренным заводам деревнях доносило наверх, что крестьяне становятся пьяницами, плохо исполняют свое дело и забрасывают землепашество.

Наверху отреагировали тем, что стали бороться против… трезвеннического движения в народе. Министром финансов было сделано распоряжение: «…Приговоры городских и сельских обществ о воздержании уничтожить и впредь городских собраний и сельских сходней для сей цели не допускать». Чего не сделаешь для увеличения доходов казны! А в 1896 году была введена винная монополия, конечно же, во благо народа. 28 ноября министр финансов писал: «…Казенное вино по своим качествам удовлетворяет самым строгим санитарным требованиям…на подбор продавцов в винных лавках обращено серьезное внимание…» и прочее, и прочее. Соответственно стали рекламировать свой товар и виноторговцы.

Вот как, например, преподносилась водка Шустова в газете «Омский телеграф» 21 октября 1909 года: *«Вы знаете, конечно, что рябиновая настойка – излюбленный напиток русской публики. Имейте ввиду, что колоссальный успех и повсеместное распространение ее обязаны, помимо вкусовых качеств, превосходным действием на желудок рябины, ускоряющей пищеварительные процессы.*

Запомните, что Нежинская рябиновая Шустова, улучшенного качества, есть в настоящий момент последнее слово водочного производства. Она незаменима по вкусу и качеству.

Не забудьте же о рюмке Нежинской Шустова при каждом завтраке, обеде и ужине. Вы получаете одновременно удовольствие и пользу».

В результате таких реформ потребление алкоголя возросло к 1913 году до 4, 7 литра на душу населения (в 1914 году был введен сухой закон).

Но те реформы детский лепет по сравнению с современными. Тогда хоть доходы в казну шли, а ныне в карманы водочных королей. Потребление же спирта превышает 15 литров на человека, включая младенцев. А, по мнению медиков, при потреблении 10 л на человека начинается необратимая деградация общества. Так что – прощай, Россия, встретимся в раю?

Вот только пускают ли алкашей в рай?

Товарищество «Н.Л. Шустов с сыновьями» имело несколько паровых ликерных и водочных заводов как в Москве, так и в разных городах Российской

Реклама коньяка в газете “Омский телеграф. Июль, 1908 г.

империи. Например, такие заводы были в Кишиневе и Эривани (Армения). Правление и главная контора товарищества находились в Москве, однако, имелись отделения в Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Варшаве и Смоленске. В Москве же располагались и оптовые склады коньяков и вин. Оттуда они поступали и в Омск. Ассортимент алкогольной продукции был настолько разнообразен, что на нем стоит остановиться подробнее.

Так, газета «Степной край» 22 декабря 1905 г. № 269 рекомендовала господам потребителям напитки, которые были «ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ».

ЛИКЕРЫ

Ликер степных трав
Бенидиктин
Шартрез
Абрикотин
(в 1900 году сей напиток получил золотую медаль
на выставке в Париже – П.Б.)
Какао Шустова
Крем де ваниль
Ананасная земляника
Крымский дюшес
Белая слива
Облепиха

НАСТОЙКИ

Домашняя вишневая
Уральская брусника
Северная клюквенная
Молдавская сливянка
Поляника
Нектарин
Яблочная №0
Ежевика
Малороссийская запеканная №1
Киевские наливки
Разных ягод

ГОРЬКИЕ ВОДКИ

Нежинская рябиновая № 00
Горечь Шустова
Смородиновая почка
Мандариновая горькая
Кавказский горный травник
Английская горькая №0
Желудочная горечь
Свежая листовка
Хинная
Перцовая
Зубровка

Порой предлагалась такая продукция, значение которой сегодня невозможно найти ни в одном словаре. Так, в 1911 году газета «Омский телеграф» рекламировала СТАРЫЙ ЛИТОВСКИЙ КРУПНИК ШУСТОВА. Крупником в России называли крупную садовую землянику. И, возможно, здесь речь идет о вине из такой ягоды. В этой же газете предлагалась ХОХЛАЦКАЯ ТОЛКАЧИХА ШУСТОВА. Смысл этого продукта еще темнее. Скорее всего, речь идет об украинской горилке, сделанной из чего-то толченого, или которая толкает выпившего ее человека.

Хотя продукция Шустова и подавалась «вне конкуренции», однако конкуренты на омском рынке, конечно, были. В том же номере, где рекламировался КРУПНИК ШУСТОВА, была помещена такая информация:

«Поставщик Его Императорского Величества
КОНЬЯК
Петра Смирнова
безусловно лучший по качеству
продается везде».

Так что, вина и водки в Омске хватало всем.

О НЕКОТОРЫХ «ХРОНИЧЕСКИХ» НЕДОСТАТКАХ

Отдельные извлечения из рубрик «Хроника» и «Судебная хроника» омских газет

Трактир и школа

Против 7-го женского училища в доме Дурново помещается пивная лавка. В лавке вечная брань, пение, драки. Назидательно для учениц! В училищную комиссию несколько раз поступало заявление попечительницы школы о принятии мер в «разделении школы и трактира», но глас попечительницы до сих пор остается гласом вопиющего в пустыне. *(«Омский телеграф» №194, 14 сентября 1911 г.)*

Число городовых

В Омске в настоящее время числится городовых: старших – 17, младших – 81 и конных – 2, всего 100 человек. По закону же число городовых должно определяться по расчету, полагая одного городового на 500 душ обывателей обоего пола. В Омске по последним статистическим данным жителей насчитывается 127 825 душ обоего пола. Следовательно, городовых должно быть 255 чел. Акмолинский губернатор просит городскую управу возбудить перед думой вопрос о введении указанного штата городовых.*(«Омский телеграф» №194, 14 сентября 1911 г.)*

Цены на муку

На омском рынке мука простого размола продается в настоящее время по 1р 30 к. за пуд. *(«Омский телеграф» №195 13 сентября 1911 г.)*

Борьба с прасолами

На последнем заседании думы решено прасолов отделить от крестьян, привозящих на продажу зелень. Прасолам предложено отвести постоянные места на втором взвозе. Кроме того, предполагается крестьян совсем освободить от платы за места, а взимание платы с прасолов – увеличить.

Примеч.:

Прасол – оптовый скупщик сельхозпродукции для перепродажи.

(«Омский телеграф» №195 13 сентября 1911 г.)

Проходит два года, и читаем в рапорте базарного смотрителя Городскому голове (ИсАОО, ф.172 оп.1 ед.хр. 204 лл. 6-7):

«Г. Омскому Городскому Голове

Базарного смотрителя Жидовича

Рапорт

Жители Капцевич улицы (ныне Красный путь – П.Б.) *Ковлер и другие заявили мне на базаре, что переторговцы с 3 часов утра выезжают к Загородной роще, где встречают приезжающих крестьян и перекупают все огородные овощи, а затем переваливают на свои телеги и увозят на базар, а также скупщиками такая операция производится в других местах, через что жители г. Омска лишаются возможности огородные овощи и рыбу покупать из первых рук, вследствие чего на базаре существуют ненормальные цены на съестные продукты первой потребности и как стал замечать, что с июля месяца начали появляться на базаре новые переторговцы в немалом количестве из разных сторон для своих спекуляций, благодаря тому, что в Омске существует правило платить за место лишь только 5 коп. за квадратную сажень.*

Имея ввиду, что в других городах существует сбор с переторговцев за места от 5 руб.до 10 руб. за номерной стол в месяц или отдаются с торгов, о чем неоднократно высказывали мне переторговцы Тушналобов, Щербина и другие. Что для них гораздо было лучше такой порядок завести и охотно побрать места, лишь бы иметь торговлю постоянно на одном месте и не заводить ежедневно споров с переторговцами из-за мест.

Я в интересах городского дохода и обывателей считаю не лишним донести о вышеизложенном Вашему Высокородию на зависящее распоряжение, не признаете ли возможным принять меры к уничтожению произвола переторговцев, о прекращении скупки продуктов за городом, о прекращении им производить торговлю на возах, а затем перевести их торговлю на столы и лари по примеру прочих городов, а также не лишним издать правило, как существует в других городах, чтобы переторговцы не имели права в летнее время открывать торговлю ранее 6 часов утра, чем возможно будет избавить обывателей от их произвола и захвата продуктов от приезжих крестьян и при новом положении возможно будет урегулировать цены на базаре на все продукты.

Базарный смотритель Жидович.

12 июля 1913 г. г. Омск».

На первом листе документа резолюция: «Обсудить в ближайшем заседании Управы вопросы:

1) о надзоре за скупкой продуктов за селидебн.<ой> чертой города;

2) об установл. торгов с столов и ларей».

Непорядки на масляном базаре

Ал. К. Касатский жалуется биржевому комитету на фирму Луит Петерсон. Доверенный фирмы не допустил Касатского на масляный базар, купив имеющиеся у него 118 бочек масла ценою по 15 руб. 35 к. за пуд; но на следующий день доверенный отобрал всего 51 бочку с маслом, а за остальные бочки предлагает только по 14 р. 50 к. за пуд. Такие явно недобросовестные поступки совершаются сплошь да рядом в Омске, и для искоренения их следует принять соответствующие меры . 10-го сентября, например, Рандруп купил у Разумовского 59 бочонков масла по 15 р. 50 к. за пуд. Но когда масло было свезено к Рандрупу, последний отказался его принимать. *(«Омский телеграф» №196, 14 сентября 1911 г.)*

Ограбление Сыропятской волости

(Из судебной хроники)

В два часа ночи на 24 августа 1908 г. совершено ограбление Сыропятского волостного правления неизвестными числом от 6 до 8 человек, вооруженных револьверами и кинжалами.

Предварительно грабителями были связаны два сторожа, охранявших волостное правление – Бекишев и Логинов, которые не подозревая злоумышленников, хотели выйти из волости во двор, но тут же были схвачены и связаны, и заперты в камеру волостного правления.

Общая сумма хищений простирается: деньгами до 1800 р., книжками сберегательной кассы на сиротский и мирской капиталы 11828 р. 90 к. Забрано много паспортных бланков, 5 паспортных книжек, 7 открытых листов на взимание земских лошадей, паспортная книга, револьвер, печати, контрольных марок на 1308 р., гербовых марок и векселей на 94 р. 90 к., 14 ценных закрытых пакетов на 569 р. 69 к. и открытых на 25 р.

При ограблении совершены взломы двух касс: волостного старшины и заведующего почтовыми операциями, волостного писаря…

Обвиняемые: Павел Ракитинский 33 лет, несколько лет проживавший в Атамановсклм хуторе под фамилией Квитковского и Константин Кичак 37 лет закованы в кандалы. Караульные Бекишев и Логинов признали их за тех грабителей, которые связывали их и застращивали лишением жизни с револьверами и кинжалами в руках.

28 августа Ракитинский задержан был на Атамановском хуторе. При нем найдено золотом 1030 р., кредитными билетами и серебряной монетою 1071 р. 51 к., браунинг с 30 пулями, сберегательных марок на 159 р. 75 к., контрольных – на 214 р., четыре чистых паспортных книжки и один на имя Гаевского, золотые часы с цепью, кольцо, портсигары и проч.

Марки и паспортные книжки, он говорит, что купил у неизвестного человека за 40 руб., а деньги и вещи – его собственные.

Решением окружного суда обвиняемые осуждены на каторжные работы. Ракитинский на 12 лет, Кичак на 8 лет с обращением на них за общей ответственностью взыскания в пользу почтового ведомства 1242 р. 48 к. и бывшему старшине этой волости Мартынову 300 р.

Взыскания эти отражаются предварительно на отобранные у Ракитинского деньги 2301 руб. и разные вещи. Д.Т. *(«Омский телеграф» №196, 14 сентября 1911 г.)*

Объявление о торгах

Судейной пристав Омского Окружного суда Булгаков на основании 1030 ст. Уст. Гр.Суд. объявляет, что 27 февраля 1907 г. в 10 часов утра будет произведена публичная продажа движимого имущества, принадлежащего омской купчихе Августе Ивановне Ременниковой, заключавшегося в паровой мукомольной мельнице с находящимися в ней вальцевыми станками и проч. и машинным отделением на ней, с паровой машиной и котлом, назначенного в продажу на удовлетворение взыскания омского купца Авраама Вольфовича Левина и оцененного в тринадцать тысяч (13 000 р.). Продажа будет производиться в месте нахождения означенного имущества на левом берегу реки Иртыша близ железнодорожного моста чрез Иртыш, на участке вдовы есаула Марфы Барановой. *(«Акмолинские областные ведомости, 31 января 1907 г.)*

ЭЛЕКТРОТЕАТРЫ «ВЕЛИКОГО НЕМОГО»…

15 октября 1908 года, в столице России был продемонстрирован первый русский игровой кинофильм. А в январе 1908 года, в Омске открылся первый стационарный кинотеатр «Омский кинематограф-театр» в доме купца Гаврилы Баранова на улице Дворцовой (ныне ул. Ленина, 24). Хотя первый сеанс в городе был показан уже 12 января 1897 года в манеже Омской крепости.

Первый русский

Создателем первой русской киноленты-«фильмы» стал фотограф, кинооператор и журналист Александр Дранков (30.01.1886 – 09.01.1949). Однажды после прослушивания в ресторане песни «Из-за острова на стрежень» ему пришла в голову идея воплотить данный сюжет на киноленте. Он арендовал реквизит, пригласил актеров, массовку и принялся снимать фильм на пруду, где княжну выбросили за борт. Атамана сыграл актер Е. Петров-Краевский.

Актеры очень старались, особенно по части мимики. Сегодня для всех, кто видел этот фильм, такая игра смотрится забавно. Но это было, тем не менее, началом отечественного игрового кино.

Фильм назывался «Понизовая вольница» («Степан Разин»). Он вызвал огромный ажиотаж и принес автору немалую прибыль, что воодушевило его и позволило снять еще около двух десятков игровых фильмов: «Князь Серебряный», «Свадьба Кречинского», «Тарас Бульба» и др. Кроме этого, он снял еще около сотни документальных лент, в том числе и единственную прижизненную ленту из жизни Льва Толстого в 1908 году.

После революции он эмигрировал в Америку, где попытался воплотить свои творческие способности и замыслы в Голливуде, но из этого ничего не вышло. Умер автор первого русского кинофильма в Сан-Франциско.

И падали в обморок дамы….

Первый стационарный кинематограф в Омске открыл К.Н. Лоранж. Располагался кинотеатр на первом этаже дома Г.Л. Баранова. В 1910 году на втором этаже открылся еще один кинотеатр (электротеатр или кинематограф, как именовали их в то время газеты) на 100-200 мест под названием «Миньон». В подвале дома действовал погребок «Казбек», в котором предлагались за умеренные цены шашлыки и виноградные вина. Позднее со сменой владельцев менялись и названия. «Миньон» переименовали в «Весь мир», а затем в «Аполло». В 1913 году, кроме электротеатра «Весь мир», было еще три: кинотеатр «Прогресс» находился на Санниковском проспекте (ул. Партизанская) напротив гостиницы «Россия», «Салон» – на углу Капцевичевой (ул. Красный Путь) и Александровской (ул. Интернациональная) улиц, «Одеон» – на ул. Бухольца в доме Плотниковых.

Анонсы театров «Прогресс» и «Одеон» в газете «Омский телеграф»

Впечатление от «живых картинок» на белой простыне было у зрителей намного сильнее, чем позднее от телевизоров и компьютеров. Порой люди в панике бросались к выходу, дамы впадали в истерику. Так, столетие назад газета «Омский телеграф» сообщала, что во время показа фильма «Смерть герцога Ангиенского» одна дама упала в обморок: «Даму вынесли из зала. Когда она пришла в себя, то рассказала, что жизненность картины так сильно на нее подействовала, что нервы ее не выдержали».

Значение же кино было осознано задолго до известного афоризма вождя мирового пролетариата. 1 августа 1910 года, анонсируя программу театра «Прогресс», газета «Омский телеграф» приводит такие слова Дюссо: «Синематограф – это школа, театр и газета будущего». И тут же чуть ниже: «Только театр «Прогресс» демонстрирует исключительно последние новинки, получаемые непо-

средственно с кинематографических фабрик». Какие же это были новинки? 1-2 августа 1910 года в «Прогрессе» демонстрировались такие фильмы:

«Заговор графа де-Фаргас» (историческая драма Гарлаана с участием лучших сил Парижа, все картины в дивной раскраске);

«Страдальческая жизнь Марии Жанны» (трагедия);

«Уголовный роман» (трагикомедия);

«Нравы шиллуков», *одного из главных племен Центральной Африки, сцены с натуры;*

«Брак на американский манер» (комическая).

В эти же дни в недавно открывшемся новом электрическом театре «Салон» такая программа:

«Мученица Помпеи» (драма);

«Берега Голландии» (видовая);

«Бурная брачная ночь» (комическая);

«Ростовщик» (мелодрама);

«Смешные компаньоны»;

«Опыты с жидким воздухом».

Под программой ремарка: «Дирекция оставляет за собой право в случае надобности заменить картину другой».

Если позволяла погода, фильмы показывали каждый день на открытой сцене в половине девятого вечера в саду возле кинотеатра «Прогресс».

А вот какие фильмы демонстрировались в кинематограф-театре «Весь мир» в декабре 1910 г.:

«Гордость отца» (драма);

«Патэ журнал» (последние новости мира);

«Гордость» (фантастическая легенда);

«Сва-рита», танцовщица-босоножка, исполняющая египетские танцы;

«Берегитесь, он бешеный» (комическая);

«Лия на морских купаниях» (сильно комическая).

Киноиндустрия набирала силу, «великий немой» все больше завоевывал сердца людей, появлялись звезды кино. Уже блистал на экране Макс Линдер. В декабре в «Салоне» он предстал перед зрителями в комической роли бандита.

ГИГАНТская жуть

Количество зрителей увеличивалось, кинотеатров не хватало, и в 1915 году был построен новый кинотеатр «Гигант», располагался он напротив нынешнего кинотеатра «Художественный» (Органного зала). Владельцем его был Абрам Каплун. Газета «Омский телеграф» с 7 ноября 1915 года в течение недели в каждом номере помещала следующий анонс: «На днях состоится открытие нового грандиознейшего кинотеатра «Гигант». Специально выстроенное здание рядом с театром «Прогресс». Все устроено по последнему слову техники, паровое отопление, электрическая вентиляция и все удобства для публики. При театре роскошное кафе». И уже 21 ноября 1915 года в «Гиганте»

демонстрировались следующие фильмы:

«Проведемте ж, друзья, эту ночь веселей!» (драма из студенческой жизни);

«Юное поколение Голландии» (натура);

«Телескоп профессора Амстрагама» (комедия);

«Один намылился, другой побрился» (фарс в 4-х актах с прологом), *в главных ролях Е.А. Бураковская, М.Ф. Дунаев, Б.Н. Светлов, Н.А. Вернер.*

А, например, 6 мая 1917 г. демонстрировалась «Вакханалия страсти (голгофа любви)», о чем извещал «Омский вестник».

Кинотеатр “Гигант”. Располагался напротив кинотеатра “Художественный”

С кинотеатром «Гигант» в его не очень долгой жизни связана зловещая история. После войны, в 1946 году, в городе действовала банда, возглавляемая сорокалетней Пелагеей Беляевой. Банда была подростковой: лишь троим из пятнадцати человек было 18 лет, остальным 12 – 16 лет. Убивали из-за одежды детей. Основным местом действия убийц стал кинотеатр, где показывали в то время преимущественно детские фильмы. В декабре 1946 года на чердаке нашли 13 трупов мальчиков в возрасте от 9 до 16 лет, присыпанных опилками. Детей заманивали на чердак и душили. Всего же бандиты убили более 20 детей, некоторых сбрасывали под лед в Иртыш. Эту историю описал в своей документальной повести «Обжалованию не подлежит» омский писатель Александр Распопин. В марте 1947 года состоялся суд, 10 человек приговорили к расстрелу, 6 – к десяти годам, 9 человек обратились с прошением о помиловании, им расстрел заменили на 25 лет тюрьмы. Через несколько месяцев после суда кинотеатр подожгли, а в 1952 году было принято решение о его сносе. Любопытно, что сын Пелагеи, активный член банды, вернулся в Омск и дожил до 1994 года.

«СТАРОЕ УХОДИТ, НОВОМУ ЧЕРЕД…»

Новый год один из немногих не политизированных праздников. Во все времена люди ему просто радуются, наряжают елки, дарят и получают подарки, ходят на балы и маскарады… Так было и в Омске век тому назад. За подтверждением заглянем в омские дореволюционные газеты.

К сожалению, сохранилось не так много газет с новогодними выпусками, но и по оставшимся можно судить о том, чем жили омичи перед Новым годом. Вот обращается к читателям «Голос Сибири» 1 января 1910 г.: *«С Новым годом, дорогие читатели! «Голос Сибири» снова перед вами. В нем изменилась только фирма издания, но газета остается с тем же прежним направлением.*

С пути, указанного в № 1 «Голоса Сибири» за 1909 год, мы не сойдем и свято сохраним священные для каждого русского исторические заветы.

...При современном развращенном характере современной печати, в громадном большинстве очутившейся в руках пустозвонных политиков и служащей орудием распространения агитационного материала, особенно дороги такие местные органы печати, которые сохранили духовную связь с добрым старым временем и ведут тяжелую борьбу за исконно русские начала…»

И в этом же номере: *«Окончил работу еще один год работы человечества. Год этот протек не бесследно для нашей родины. Он отмечен глубокой и усиленной работой страны над обновлением ее внутренней жизни и упорядочением ее хозяйства. Землеустройство и переселение шло в этот год с небывалою энергиею, общественная мысль прояснилась, и идейные основы смуты окончательно побеждены государственными чувствами населения».*

Вывод, пожалуй, слишком оптимистический: через семь лет началась главная у нас смута…

Не обходилось и без официоза. В новогоднем номере газеты «Омский телеграф» за 1911 год опубликовано сообщение: *«ПЕТЕРБУРГ. В Царскосельском местном лазарете в присутствии Государя, Великих Княжен – Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны была зажжена рождественская елка. Государь обходил в палатах тяжело больных, затем в зале выздоравливающих. Великие Княжны вручали рождественские подарки.*

В Аничковом дворце в присутствии Государыни Марии Федоровны митрополит Антоний с братиею славил Христа».

В этой же газете от 30 декабря 1916 года читаем объявление: *«Степной генерал-губернатор приглашает должностных лиц и представителей городского Общественного управления в воскресенье 1 января 1917 года в Омский Успенский Кафедральный собор, где имеет быть совершена литургия и благодарственное молебствие по случаю наступления Нового года.*

Начало богослужения в 9 час. утра. Форма одежды парадная.

Управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора Б. Каншин».

Мог ли предположить генерал-губернатор Николай Сухомлинов, что через два месяца монархии в России не будет.

В газете «Омский телеграф» 1 января 1910 года сделан специальный вкладыш «С Новым годом», в котором опубликованы рассказы с мрачными, далеко не праздничными сюжетами и стихотворение «Родине» П. Феоктистова с такими строками:

Пусть в этот новый год проснется
От долгой тьмы глухого сна
И с новой силой соберется
Вся наша бедная страна.

Пусть яркий светоч, светоч знания
Проникнет в темный наш народ,
И тише будет стон страданья
И меньше горя в этот год.

Здесь же опубликованы на политическую злобу дня стишки будущего известного детского поэта Самуила Маршака. Он с Яковом Гординым составил «Предсказатель на 1910 год», где есть такие предсказания:

Передерутся депутаты,
Они дрались уже не раз,
Они, как бравые солдаты,
Подраться любят напоказ.

Кого прострелит Гегечкоре?
Кого зарубит Милюков?
Кто устоит в неравном споре
С тобой, воинственный Гучков?

Идет неделя за неделей
Всему приходит свой черед.
Мы предсказали сто дуэлей
На девятьсот десятый год.

Однако преобладали все-таки праздничные настроения и хлопоты. Заметными культурными центрами, где проходили праздничные торжества, были Общественное собрание, Омский Коммерческий клуб и городской театр.

Вот как, например, было загружено Общественное собрание перед Новым годом и в начале его: с 26 декабря 1910 по 6 января 1911 г. каждый день проводились маскарады, детские танцевальные вечера и спектакли.

О маскараде 1 января 1911 года уточняется: *«Гг. члены Общественного собрания и их гости приглашаются в Собрание для взаимных поздравлений с Новым годом. Во время собрания будет играть оркестр музыки. Члены собрания и их гости платят за вход 50 коп. с персоны, дамы бесплатно. Чистый доход поступит в пользу Ольгинского приюта. Совет старейшин».*

Аналогичное объявление в «Омском телеграфе» 30 декабря 1916 г.:

«Омский Коммерческий клуб.

Маскарад с призами за лучшие костюмы по присуждению жюри. За вход на маскарад маски и гости платят по 1 руб., члены клуба – 50 коп. Чистый сбор маскарада поступит в пользу Детского дома имени Коммерческого клуба».

Естественно, была и реклама. Так, в предновогодних номерах «Омского телеграфа» с 1907 по 1910 г.г. можно было прочитать:

«Часы, бриллианты, золото, серебро
в магазине «И. И. РУМШ»
угол Дворцовой, против моста
Получено много вещей для подарков К НОВОМУ ГОДУ
Цены понижены.»

Или:

«В магазине наследников Е.Ф. ЗАЙЦЕВА
в виду большого запаса русских и заграничных виноградных вин,
находится возможность сделать скидку на вина от 20 до 25% на рубль.
На заграничное шампанское разных марок скидка 20%.
На русское шампанское скидка 25%».

Встречается, однако, и такое «Предостережение»:

«Делая праздничные закупки, не забывайте мудрой пословицы,
продиктованной опытом: ДЕШЕВО ДА ГНИЛО.
Не гонитесь за дешевками, не верьте фирмам,
которые морочат вас баснословными скидками.
Эти скидки у них вошли в систему, и они в самом начале
при расценке ставят дороже, чтобы было потом с чего скидывать…»

Особой была и культурная программа. В городском театре 31 декабря 1907 года состоялся бенефис Д.А. Пальмина в пьесе «Гувернер».

На первой полосе объявление:

«6 января 1908 г.
в зале Общественного собрания состоится
БАЛ
Soiree-gala
ТАБОР МОСКОВСКИХ ЦЫГАН
КАРНАВАЛ
Начало концерта в 8½ веч., бала в 11 ч.
Дамы при входе получат бутоньерку цветов
Сбор поступит в пользу Алексеевского приюта –
школы для сирот воинов, павших на войне».

Кому-то праздник, а у злодеев промысел («Ом. тел.» № 4 1908 г) :

«В ночь на 1 января у омского мещанина Василия Ивановича Потанина, проживающего на Часовитинской улице в собственном доме, неизвестно кем со взломом замка у конюшни, украдено две лошади с хомутами, стоящими 175 рублей. Лошади розысканы в Загородной роще в необитаемой избе».

Здесь и о совсем непраздничных хлопотах: *«Самый насущный вопрос в данное время это вопрос дровяной. На днях нам пришлось видеть десятки людей, алчущих топлива. Кажется, лесопромышленники решили уморить обывателя холодной смертью: об управских дровах ни слуху, ни духу. Частные лесоторговцы повысили цены на топливо до небывалой цифры, как например, у Чернакова на складе сажень березовых дров продается 8 р. 50 к., даже сосновый горбыль стоит 6 руб. за сажень. На базаре цены на дрова прямо недоступные: за воз (около 1/3 саж.) нужно платить 3-4 р.».*

Несмотря на хлопоты, у большинства настроение было праздничным, как и у автора четверостишья, опубликованного перед Новым 1910 годом в «Омском телеграфе»:

Выпьем же бокалы с радостью во взоре.
В них вино искрится. Скоро Новый год!
Хочется так верить, что минует горе,
Старое уходит, новому черед.

КРИМИНАЛ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Современные СМИ пестрят сообщениями о криминале: «В Москве угнан восьмой «Бентли», «Впервые угнан «Майбах», один из самых дорогих автомобилей», «Угнали Lexus GS300 за 2 млн рублей», с экрана телевизора учат, как укрепить замки, чтобы квартиру не обокрали… Омск тоже не миновали угоны и кражи. А как обстояли дела в дореволюционной России?

Надо сразу сказать: поскольку главным транспортным средством в то время были лошади, то их чаще всего и воровали. Автомобили только начали появляться, а вот велосипед уже стал объектом кражи. В остальном же, как и сегодня, воровали все, что плохо лежит.

Ниже мы приводим факты из рубрики «Происшествия» популярной газеты «Омский телеграф» за 1908-11 гг. Из этих фактов в какой-то мере можно получить представление о быте омичей. А чтобы легче было оценить уровень нанесенного воровством ущерба стоит сказать, что дневной заработок плотников, штукатуров, маляров и кузнецов в эти годы составлял около полутора рублей.

«ОТ», 8 мая 1908 г.:

- 7 мая задержана казачка ст. Пещанской Семипалатинской области Екатерина Михайлова Солнцева с вещами, похищенными у Ивана Лаптева – на 50 руб.

«ОТ», 1 ноября 1908 г.:

- У тобольского мещанина Прокопия Писецкого от д. Малькова по Скорбященской ул. (ныне – ул. Гусарова – П.Б.) украдена лошадь в упряжи, стоящая 150 р.
- Из прихожей д. Лукьяненко по Скорбященской ул. украдена шуба, принадлежащая сестре милосердия Л.М. Яромыхиной, стоящая 20 р.

«ОТ», 11 декабря 1909 г.:

- У омского купца Клистратова неизвестно кем уведена лошадь, стоящая 115 р.
- У кр. А. Юра на постоялом дворе из общей комнаты похищена шуба, стоящая 40 р.
- У кр. Ф. Браун с толкучего рынка похищена запряженная в сани лошадь, стоящая 60 р.
- 8 декабря вечером в Европейской гостинице (гостиница «Европа» – ныне «Сибирь» – П.Б.) играл в карты А. Глазков со служащим В. Фоновым и выиграл у Фонова 80 руб. После окончания игры Глазков выложил деньги на стол для подсчета, а в этот момент его партнер схватил их и скрылся.
- С бойни Яздовского у Юлдашева неизвестно кем совершена кража коровьих языков, сала и осердия, всего на 290 р.

«ОТ», 2 марта 1910 г.

- У казачки Л. Вязигиной украдено старого белья и старого платья на сумму 20 р.
- Кр. В.М. Орлов задержан в городском театре при совершении кражи часов у мещ. Каплуна (стоимостью в 5 р.) и у доктора Милевского (стоимостью в 15 р.)
- У часового мастера К. Крутова совершена кража разных часовых инструментов, золотых, серебряных и стальных часов, стоимость которых он определить не смог.

«ОТ», 7 марта 1910 г.:

- С постоялого двора Вернера неизвестным похищены 2 лошади (стоящие 180 р.), принадлежащие кр. В. Никитину. Похититель был задержан дворником и доставлен в участок, где назвался кр. М. Накгорным. При обыске у него найдены: 5-летняя паспортная книжка на имя С.С. Полуменко и годовой паспорт на имя кр. Н.А. Орловского.

«ОТ», 10 марта 1910 г.:

- В цирке Стреметова у кассы у мещ. К. Малинина из кармана похищен револьвер.
- У кр-на Е. Держевицкого со двора уведена лошадь, стоящая 80 р.

«ОТ», №108, №203, 1911 г.:

- 17 мая из ресторана «Москва» у Ад. Блудзина Ал. Мусориным похищен велосипед, стоящий 150 руб. Мусорин задержан.

«ОТ», №№ 175-178, август 1911 г.:

- 15 августа по Шкроевской ул.(ныне – В. Куйбышева – П.Б.) в д. Сокольникова из кладовой неизвестно кем похищена шуба стоимостью 15 руб.

- 15 августа в кафедральном соборе во время богослужения у Н.И. Набоковой похищено портмоне с 108 руб.

- 16 августа в 5 ч. утра бросился в р. Иртыш И.З. Прокопьев 21 года. Труп его был извлечен из воды 16 августа.

- 18 августа неизвестно кем со двора торгового дома Ковалева и Смирнова похищен брезент, стоимостью 30 руб.

«ОТ», № 199-203, сентябрь 1911 г.:

- 9 сентября у приехавшего на базар с дровами кр. Т.В. Варенникова похищено с воза 3 тулупа. С одним из этих тулупов пойман В.Е. Гапонов.

- 9 сентября на базаре в магазине Т. Третьяк А. Орешиным и А. Курбатовой похищены одна пара пимов и одна пара сапог, с которыми они задержаны.

- 14 сентября по Будочной ул. (ныне – ул. И. Бухольца – П.Б.) в доме Кудрявцева у почт.-телеграфного чиновника Ив. Вас. Сметанина неизвестно кем похищено 2 золотых крестика и шейная цепочка стоимостью 8 р. 50 к.

- 14 сентября по Баронской ул. (ныне – Октябрьская – П.Б.) из квартиры Дмитр. Осип. Богданова неизвестно кем похищено разного носильного платья на сумму 43 р. 50 к.

- с 21 на 22 сентября по Любинскому проспекту в доме Марии Александровны Шаниной от трубы железной печки произошел пожар, которым уничтожены в 2-х комнатах потолки и крыша. Пожар затушен пожарной командой. Убытки не выяснены. Здание застраховано на 1 150 000 р.

- 21 сентября по Любинскому проспекту в магазине Ганшина посетителем кр. Алекс. Никол. Моисеевым и его женой Пелагеей похищено 10 штук брюк, стоимостью по 10 руб. Моисеевы задержаны.

«ОТ», №108, №203, 1911 г.:

- 14 сентября в Крестовоздвиженской церкви во время богослужения у капитана 45 стр. полка Василия Васильевича Сайникова неизвестно кем похищен из кармана пальто кошелек с 160 рублями.

- 12 сентября проживающий по Семипалатинскому тракту в д. Дылейко кр. В.С. Ткаченко заявил, что у него неизвестно кем похищена лошадь, масти рыжей, стоимостью 60 руб.

- 17 сентября в Атаманском хуторе на переселенческом пункте от сильно раскалившейся печи в бане произошел пожар, который был прекращен атаманской пожарной командой. Убытки выявлены на сумму 300 руб.

Скоропостижная смерть. На центральном базаре возле «обжорного ряда» обнаружен труп мужчины лет 30-35, на вид чернорабочий. Труп отправлен в анатомический покой.

Хроника

Высылка. Задержанные 17 января в доме Савельева, по подозрению в грабежах Котляров, Змановский и Язов по постановлению Степного генерал-губернатора высылаются в отдаленные места Сибири.

Кража. 19 января на Атаманском хуторе неизвестными угнана лошадь. Предпринятые розыски ни к чему не привели.

Драка. Ночью 19 января в доме Кутузовой на Подъяческой улице (снесена, располагалась между Иртышом и Ржевской, ныне Волочаевской ул. – П.Б.) между Михаилом Васильевым и Николаем Кошелевым произошла ссора, перешедшая в драку, во время коей Кошелев кинжалом нанес рану Васильеву в руку. К счастью было то, что оба были очень пьяны, почему удар был не очень силен. По просьбе Васильева приставом 5 части составлен протокол.

К железнодорожным порядкам. 18 января на станции Омск рабочими депо были выбиты все окна помещения депо. Причина, побудившая рабочих к такому поступку, было то, что железнодорожная администрация стал производить выдачу жалованья в холодных вагонах.

Истязание животного. 15 января повара трактира Мариупольского Бунакова околоточный надзиратель Базенко забрал в каталажку. Бунаков был пьян и истязал свою лошадь, разъезжая по Юрточному переулку. Впрочем, у нас в Омске есть общество покровительства животным.

Задержанный арестант. В мясной лавке Архипова 22 января в пять часов утра полицией задержан уголовный арестант Байгулов, бежавший из местной тюрьмы в ночь на 6 января.

ПО СТРАНИЦАМ «ОМСКОГО ТЕЛЕГРАФА»

Газета «Омский телеграф» была, пожалуй, самой популярной газетой дореволюционного времени. Причем за годы издания (1907-1917) ее формат и содержание практически не менялся. Газета освещала все новости от мировых до областных. Первую и четвертую полосы занимала омская реклама. Пройдемся по рубрикам лишь одного номера (№67) 1908 года.

ОМСКІЙ 2-й годъ изданія. № 67

ТЕЛЕГРАФЪ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ДНЕЙ ВОСЛѢ ПРАЗДНИЧНЫХЪ.

«Государственность не исключает человечности...»

Сообщение о заседании Государственного Совета:

«Заседание открылось в 2 часа 20 м. Председательствует Акимов, сообщающий о кончине 13 марта в Сан Ремо члена Совета Влангали. Память почившего почтена вставанием.

Совет приступает к рассмотрению доклада комиссии законодательных предположений по делу о введении преподавания польского языка и практических уроков арифметики на этом языке в Бельской и Холмской учительских семинариях и учреждения штатных должностей преподавателей польского языка в Андреевской, Солецкой, Стенницкой, Мымыслинской, Левчинской и преподавания литовского языка в Вейверской учительских семинариях.

Таганцев в речи, продолжавшейся около часа, докладывает, что комиссия законодательных предположений признала, что основанием для разрешения возбуждаемых в законопроекте вопросов, должны служить педагогические соображения о потребностях учебного дела в царстве Польском (входило в Российскую империю – П.Б.), а не политическое значение введения в этом крае преподавания некоторых предметов на польском или ином местном языке.

Рассмотрев принятый в Думе с этой точки зрения законопроект, комиссия признала проводимую в нем меру вполне желательной и высказалась за одобрение законопроекта».

К слову сказать, в 1921 году был расстрелян талантливейший русский поэт Николай Гумилев за участие в заговоре этого самого Таганцева.

На заседании же Госсовета по обсуждаемому вопросу мнения разделились, и слово взял авторитетный государственный деятель граф Витте, кото-

рый отметил, «что вокруг маленького дела, каким представляется ему законопроект, неожиданно скопилась атмосфера страстей и превратила маленький вопрос в очень большой.

Чтобы вывести его из сферы несколько страстной, он предлагает Совету обратить внимание на фактическую сторону дела и излагает подробную справку исторического развития вопроса о введении в школах губерний царства Польского преподавания польского языка.

Начало было положено высочайшим указом 12 декабря 1905 года комитету министров, которому, между прочим, было поручено произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права иностранцев и уроженцев отдельных местностей Империи с тем, чтобы из этих постановлений были впредь сохранены лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явной пользой русского народа. Комитет министров исходил, выполняя волю Монарха, из убеждения, что в России школа всегда и везде должна быть русской и везде и всюду преобладающим языком должен быть язык русский как язык государственный, сковывающий в известной степени государство в его целом.

При этом комитет министров не забывал высокого принципа, что государственность не исключает человечности, а потому, не признав возможным сделать какие-либо существенные уступки царству Польскому, вошел в осуждение мелочей и подтвердил, между прочим, что польский язык, раз преподается в той или иной школе, должен преподаваться на польском языке.

Развив далее подробный ход дела преподавания польского языка, граф указал, что никакого общества в рассматриваемом законопроекте нет, он лишь способствует проведению в жизнь существующего закона».

Некоторые члены Совета отрицали необходимость такого закона ввиду того, что преподавание в реальности итак ведется на польском языке. Вот такая была Россия – «тюрьма народов». Помнить бы об этом разным латышам, запрещающим в школах русский язык!

Хроника

На днях из Омска уехал один из главных представителей торгового дома «Людвиг Нобель». Приезжал он в Омск, как мы слышали, с целью ознакомления с деятельностью местного отделения торгового дома.

* * *

Ввиду предстоящей Пасхи ощущается недостаток в домашних портнихах. Плата хорошим мастерицам достигает до рубля в день. Даже те, что раньше получали тридцать коп., теперь зарабатывают копеек шестьдесят.

* * *

За последнее время появилось в городе очень много разного рода мастеров, как то: жестянщиков, калошников и т. п., ходящих по домам в поисках работы.

* * *

Бедный люд сильно сетует на дороговизну рыбных продуктов на базаре. Теперь в виду поста большинство мяса не потребляет, а рыба непомерно дорога. Следовало бы Городской думе вмешаться в это дело и взять в свои руки продажу рыбы по более низкой цене, хоть для беднейшего населения.

* * *

Среди торговых кругов идет много разговоров по поводу печального положения дел известного богача Степного края Дерова. Как говорят, г. Деров очень задолжал многим фирмам и выпутаться из этого положения ему очень затруднительно.

* * *

Омская Городская Дума

Заседание 18 марта 1908 года

Заседание открылось в 7½ час. вечера под председательством Городского головы чтением журнала предыдущего заседания.

После некоторых замечаний по отношению редакции журнала Городской голова предложил рассмотрению Городской Думы доклад ярмарочной комиссии по проекту правил управления делами Омской весенней ярмарки.

Комиссия проектирует весеннюю ярмарку жировых товаров в г. Омске открывать ежегодно с 10 мая на кварталах № 717 и 826, вдоль ветки городской железной дороги за переездом между веткой и лагерями. Площадь отводится мерою – 95 саж. ширины и 132 ½ саж. по улице и разбивается на кварталы от 10 до 14 кв. саж. с улицами шириною не менее 10 сажен. Далее идут правила по организации ярмарочной администрацией, ее права и обязанности.

На вопрос Городского головы: «Кажется, добавлять здесь ничего не следует» Дума как будто в недоумении молчит, так как доклад довольно обширный, выдвинута масса вопросов, разобраться в них экспромтом очень нелегко, а Городская управа не догадалась разослать гласным заблаговременно этот проект для ознакомления.

После довольно продолжительной паузы встает Касаткин и заявляет, что в проекте упущено самое главное – это оборудование ярмарочной площади. Здесь ни слова не говорится об устройстве складов, между тем для ярмарки с жировыми товарами, т.е. ярмарки, куда будут свозиться, главным образом, сырые кожи, склады для них более чем необходимы.

Городской голова: – Об этом должны будут позаботиться ярмарочный комитет, но т.к. у нас ярмарка еще в первой стадии развития, то многого требовать нельзя.

Серебряков: – В видах лучшего ознакомления необходимо вновь прочесть проект правил об организации ярмарочного комитета...»

После 3 часов прений и обсуждения проекта по параграфам с внесением поправок обсуждение проекта перенесено на следующее заседание.

ПО РОССИИ

Экспедиция на Камчатку

Императорское русское географическое общество организует в самом непродолжительном времени экспедицию на Камчатку. Начальник геологической партии этой экспедиции горный инженер Е.В. Круч-Лучицкий сообщил о задачах и целях экспедиции следующее:

- Экспедиция отправляется из С.-Петербурга 19-го апреля и рассчитана на двухгодичное путешествие. Цель ее чисто научная: на экспедицию возложено всестороннее изучение Камчатки в естественно-историческом отношении.

По прибытии ее к месту назначения в конце мая ее геологическая часть разделится на две самостоятельные группы, причем одна часть, во главе которой стану я, отправится вдоль восточного берега Камчатки до залива Корфа. Обратно другим путем мы вернемся в Петропавловск. На это уйдет месяцев восемь.

Другая часть во главе с ассистентом по геологии в горном институте С.А. Ковради отправится из Петропавловска на юг для изучения южной группы вулканов; это потребует около года. Во второй год он отправится в центральную часть Камчатки, где займется изучением Ключевой сопки.

Вся экспедиция организуется на средства московского миллионера г. Рябушинского.

Нападения, грабежи и убийства

ТИФЛИС. Вечером 19 марта по Авчальской ул. пятью вооруженными убит околоточный, в которого произведено более 20 выстрелов. По подозрению задержано шестеро.

Разные известия

ПЕТЕРБУРГ. По распоряжению министра путей сообщения с 21 марта на пассажирских станциях Варшавско-Балтийской и северно-западных дорог вводится перронный сбор по десяти копеек с человека. 1 мая перронные билеты вводятся на станциях Варшава – Брестская – Ковельская, также Отводок – Фаленица Привислянских дорог.

Главным управлением землеустройства разослан циркуляр, касающийся ходаческого движения. Главное управление обращается к землеустроительным комиссиям и крестьянским учреждениям, а также и местным людям с настойчивою просьбой разъяснять крестьянам невозможность открытия ныне льготной отправки ходоков в Сибирь.

ПО СИБИРИ

Любознательный путешественник или шпион?

23 февраля через селение Горюн сверху, т.е. из Хабаровска, по Амуру пешком прошел японец, который весьма усердно посещал гиляцкие стойбища и внимательно осматривал, может быть, и исследовал, впадающие в Амур речки. Особенным его вниманием, как сообщают, пользовалась большая речка Горюн, впадающая в Амур с левой стороны, по которой он будто бы поднимался на большое протяжение.

Такое из ряда выходящее путешествие одного из наших соседей невольно обращает на себя внимание.

24 февраля из с. Троицкого, т.е. по пятам «необыкновенного путешественника», прибыл в Нижнее-Тамбовск наш «найон», пристав Кожин, но что-то не слышно, чтобы «найон» заинтересовался японцем и принял какие-либо меры.

(Пр.)

* * *

«З.Н.» сообщают, что 10 марта происходило в Чите совещание под председательством г. Военного губернатора области по переселенческому делу в Забайкалье. На совещание его прибыли из г. Иркутска производитель работ г. Соколовский и дорожный инженер г. Александров из состава забайкальской переселенческой землеотводной партии.

* * *

Святой синод, рассмотрев 12 февраля дело «о растлении ректором благовещенской духовной семинарии, о. Комаровым, 13-летней девочки, сделал постановление о «неподсудности таких дел синоду». Дело передано прокурору благовещенского окружного суда.

(В.В.)

* * *

В Хабаровске получена телеграмма, что офицерам Приамурского военного округа и чинам военного ведомства с 1 июля 1907 года по январь 1909 г. разрешены особые порционы и каждому ежегодные пособия в размере от 135 до 500 руб. Пособия за 1907 год выдать теперь же, а за 1908 год будущего 7 декабря.

(Пр. Вед.)

* * *

По полученным во Владивостоке известиям, в конце апреля или начале мая месяца с. г. в Приморскую область ожидается приезд около 35 000 душ переселенцев, которые эшелонами уже выезжают из разных губерний Европейской России. Переселенская администрация готовится к водворению их на места.

* * *

Некоторые иностранные фирмы запросили Владивостокский комитет лесопромышленников: не возьмется ли кто-либо из них приготовить для вывоза за границу в виде готовых брусьев 125. 000 куб. фут. кедра, 4 000 к. фут. дуба и 8 000 к. фут. ясеня.

(Д.О.)

ИНОСТРАННЫЕ ИЗВЕСТИЯ

ГОНКОНГ. Движение, направленное к бойкоту японских товаров, растет. В Кантоне два парохода с японским каменным углем стоят неразгруженными.

Китайские купцы приглашают находящихся с ними в деловых сношениях купцов не отправлять товаров на японских пароходах.

НЬЮ-ЙОРК. Вследствие прекращения работ в каменноугольных копях в разных частях страны уволено 25 000 рабочих.

ПАРИЖ. Генерал Домат сообщает о столкновении с тремястами марроканцев и передвижении войск в области Мдаха; неприятель оттеснен. Стрелки продвинулись вперед до левого берега Уедрекка. Французы потеряли убитыми обоих офицеров, командовавших отрядами; ранено 12 человек.

«ПРОДАЮТСЯ УЧАСТКИ ЗЕМЛИ…»

Торги «без переторжки» были привычным и постоянным спутником жизни дореволюционного Омска. Они объявлялись по самым разным поводам будь то аренда выпасных лугов, строительство павильонов Первой Западно-Сибирской выставки или городского водопровода, ну и, конечно, при продаже городской земли.

Закон и право

23 июня 1912 года царь подписал разработанный Госдумой закон «О праве на застройку». По этому закону право на застройку могло быть предоставлено землевладельцем по соглашению сторон на срок не менее 36 лет и не более 99 лет.

Поскольку землевладельцы были разные, то и таковым правом обладали разные учреждения. А именно:

- на надельных землях, принадлежащих обществам сельских жителей, решение принималось по приговору сходов, с обязательным согласованием с земским начальником;
- на городских землях – на основании решения Городского Общественного управления;
- на землях, принадлежащих «духовным установлениям разных верований», с разрешения Святейшего Синода, Министра внутренних дел или Наместника на Кавказе по принадлежности;
- на казенных (государственных) землях по действующему законодательству;
- в имениях заповедных и полузаповедных – с разрешения Правительствующего Сената.

Омские городские власти, естественно, обладали таким правом и пользовались им еще до принятия данного закона, часто пренебрегая мнением горожан. Доходы от продажи земли существенно пополняли городскую казну.

Что в центре, то дороже

Показателен в этом плане пример с Любиной рощей.

В конце XIX века богатеющим фирмам понадобились места для строительства магазинов, складов и контор. Они присмотрели незастроенную западную часть Чернавинского проспекта (Любинский пр., ул. Ленина), где располагалась Любина роща. Городская дума решила продать это место желающим строиться. Однако горожане запротестовали и отсрочили гибель рощи на несколько лет. А в 1903 году представитель группы московских фабрикантов уговорил городские власти, и уже в конце года здесь выросли стены торгового корпуса – Московских рядов. Надо полагать без взяток не обошлось! Спрос на эти земли был столь велик, что цены с 30 рублей за квадратную сажень в 1903 году выросли до 120 рублей в 1904 году.

И со временем цены продолжали только расти. Так, 25 октября 1913 года Городская дума рассматривала вопрос о продаже Товариществу мануфактур «Коновалов с С-м» двух участков земли площадью 490,65 квадратных сажен на Мокринском форштадте на углу ул. Гасфортовской (К. Либкнехта) и Санниковской. (ул. Партизанская) «позади участка Московских Торговых рядов, где раньше находился театр г. Сичкарева». Гордума признала земли ценными и предложила продать их по 200 руб. за кв. сажень. Но после прений было принято решение продать этот участок по 175 руб. за кв. сажень.

Годом ранее по соседству, между улицами Гасфортовской и Музейной, Страховое товарищество «Саламандра» выиграло торги на участки площадью 303 и 205 кв. саж. по цене соответственно 101 руб. 30 коп. и 101 руб. 35 коп.. «с условием обязательной застройки этих участков в течение 4-х лет каменным не менее двух этажей зданием под железной крышей. До выполнения же условий застройки участки должны находиться на арендных началах с ежегодной уплатой аренды в размере 10% с выданной на торгах суммы с ежегодным увеличением арендной платы на 5% против арендной платы предыдущего года».

Городская земля делилась на классы и с удалением от центра значительно дешевела. Это видно из следующего примера. 26 июня 1912 года Городская дума обсуждала ходатайство Заведующего Переселенческим делом о снижении цены за землю расположенную в переулке, соединяющем улицы Мариинскую (ныне Коммунистическая) и Александровскую (Интернациональная). 9 мая Гордума назначила цену 100 руб. за кв. сажень.

Так как смета на строительство здания Переселенческого Управления была сведена с трудом, дума пошла навстречу. И решила, что часть земли, выходящей на Александровскую улицу надо отнести к 1-му классу и оценить в 100 руб. за кв. саж., а выходящую на Мариинскую улицу – ко 2-му классу и оценить в 25 руб. за кв. саж. В итоге дума решила снизить цену участка до 75 руб. за кв. саж., несмотря на то, что средняя цена получалась 62 руб. 50 коп.

Для сравнения можно сказать, что лошадь стоила в это время 60-70 рублей, а корова 40-45 рублей.

При этом Омск не страдал от недостатка земли. На заседании врачей Городского Санитарного бюро в октябре 1912 года рассматривался вопрос о

строительстве нового корпуса городской больницы. Как всегда, все упиралось в нехватку денег. В ходе обсуждения присутствовавший на заседании известный архитектор И.Г. Хворинов сказал: «Омск не Москва. Покупать место не придется. Место не связывает разработку плана больницы. Не тут, так там место для больницы найдется. Свободных земель у города достаточно».

На торгах

21 февраля 1892 года Городская дума рассматривала вопрос «Об утверждении торгов на отдачу в арендное содержание повозного сбора за места, занимаемые возами на базарных площадях». Торги по этому вопросу, правда, уже прошли 10 февраля. Торговались мещане Михаил Артемьев, Виктор Угрюмов, Иван Степанов и Петр Терехов.

Самую высокую цену дал Артемьев – 2805 руб. 60 коп. Но Городская дума не утвердила эту цену, посчитав ее низкой, и постановила «сборы производить с возу хозяйственным способом, назначив для этого сборщиков».

Через месяц, 26 марта, вторым пунктом в повестке дня думы был вопрос «Об утверждении торгов на переправу чрез Иртыш в предстоящее лето». Среди участников торгов мы видим уже знакомые фамилии: в устных торгах участвовали мещане Иван Степанов, Михаил Артемьев, Прохор Васильев и купец Тостанбек Чунаев. Больше других дал опять Михаил Артемьев – 2752 руб. Но кроме этого, были еще два пакета – Виктор Угрюмов давал 2351 руб., а Николай Гущин 3003 руб. 33 коп. Последнему и отдали в аренду переправу на лето.

Хотя арендная плата, как видим, была достаточна высока (пуд муки, например, стоил в то время 1 руб.), но при отсутствии моста через Иртыш дело, очевидно, было весьма прибыльным. Не случайно и арендная плата за десять лет выросла вдвое. 24 июня 1883 года дума рассматривала вопрос о паровой переправе и отдала в аренду переправу за 1500 руб., приняв решение пустить паровые лодки мощностью в 5, 6 и 7 л.с.

18 октября 1892 года дума рассмотрела вопрос «Об утверждении торгов на отдачу в арендное содержание прорубей в зиму 1892-93 годов» и постановила аренду прорубей и плотомоен утвердить за мещанином Иваном Александровичем Ивановым за 166 руб. 56 коп. Любопытно, что вопрос об аренде прорубей 15 апреля 1898 года рассматривался Городской думой по другой причине. 23 марта мещанин Емельян Козицын подал прошение об уменьшении платы за аренду прорубей на Иртыше и на Оми. Он взял в аренду проруби за 361 руб. и жаловался, что после обустройства прорубей для полоскания белья и оборудования плотомоен из теса и плах, он понес убытки. Гордума отказала ему, объяснив это тем, что в кондициях об отдаче в арендное содержание были условия, делать из теса и плах плотомойни и сверху покрыть тесом.

В марте 1898 года мещанин Николай Гущин обратился с просьбой отдать ему без торгов в аренду на 10 лет так называемый «фабричный лужок» с ежегодной платой в доход города по 55 руб. Однако на городской этот луг были и другие претенденты, поэтому дума поручила Городской управе провести тор-

ги с отдачей в арендное содержание не более чем на 1 год. Что в последующем и выполнялось. Читаем в газете «Омский телеграф» от 17 апреля 1911 г.: «Омская Городская Управа объявляет, что в 11 часов дня в присутствии Управы будут производиться торги без переторжки на отдачу в арендное содержание городского сенокосного луга под названием «фабричный лужок» для сенокошения и пастьбы скота в лето 1911 г.» Сенокосный участок «Фабричный лужок» располагался на Казачьем форштадте близ Атаманского хутора по правую сторону от городской ж-д. ветки.

В 1886 году разгорелось острое соперничество за участок земли на берегу Иртыша напротив бывшей Артиллерийской конюшни площадью 450 квадратных саженей за Казачьим форштадтом.

Купец Семен Колпаков просил Городскую думу построить на этом месте торговую баню. Он предлагал по 30 копеек за квадратную сажень с ежегодным взносом 100 рублей в казну и, кроме того, единовременное пожертвование 500 рублей на постройку Ильинского училища и 500 рублей в пользу Общества попечения о начальном образовании.

Однако на этом же месте пожелали построить свои бани купчиха Хаймович и Рувим Алчедаевский. Хаймович предлагала те же условия, только за квадратную сажень была готова уплатить «сколько будет назначено». Алчедаевский предлагал купить землю по 50 копеек за квадратную сажень, 100 рублей платить ежегодно в казну и единовременный взнос 1000 рублей в городскую казну, 50 рублей в пользу Благотворительного общества и 50 рублей городской больнице.

Городская дума постановила продать участок Хаймович. Весомым аргументом стало то, что 4 апреля 1886 власти после осмотра бани Хаймович Санитарной комиссией приказали снести ее. А Колпакову и Алчедаевскому разрешили строить свои бани выше по течению, «если они пожелают» (ИсАОО, ф.30, оп.1, д.20).

23 мая 1886 года Хаймович просила продлить срок работы бани до начала купального сезона, но ей отказали, так как крыша бани уже была разобрана. Вновь построенную баню через несколько лет купил сын Семена Колпакова Аарон.

Сам Семен Колпаков, очевидно, воспользовался правом постройки.

7 мая 1892 года рассматривалось заявление купеческого сына Аарона Колпакова о продаже ему 45 кв. саж. земли, прилегающей к его торговой бане. Когда стали разбираться, выяснилось, что согласно утвержденному в 1869 году плану, это место застройке не подлежало. Спросили у Колпакова, как ему удалось построить на этом месте капитальное здание бани. Он объяснил, что каменная водогрейня при его торговой бане построена в 1881 году на основании частного разрешения Городской управы, с условием, что против бани будет устроена набережная, которая и была им устроена в 1889 году. Устройство обошлось ему в 450 рублей. Выслушав это объяснение, дума постановила выделить Колпакову просимые 45 кв. сажени земли за единовременный взнос 150 рублей.

Что почем?

С развитием инфраструктуры города увеличивалось и количество объектов, сдаваемых в аренду. Если в 1892 году весь городской бюджет составлял 66 107 руб. 30 коп., то в 1910 году только доход от аренды составил 75 924 руб. 74 коп., что вполне покрывало расходы на здравоохранение или народное образование. Что же сдавали в аренду в 1910 году и какой реальный доход (в рублях-копейках) это принесло?

Склады товаров и леса – 13 358 – 00.

Торговые бани – 324 – 30.

Торговые помещения – 3 666 – 44.

Пристани – 5 425 – 00.

Летние бараки – 1 012 – 08.

Омский переселенческий пункт – 1 800 – 15.

Пороховой склад (за Бутырским форштадтом) – 150 – 00.

Городская оранжерея (Думская ул. рядом с Управой) – 220 – 66.

Городские здания (ломбард, цирк и др.) – 6 740 – 23.

Городской сад у железного моста – 4 650 – 00.

Торговые и подвальные помещения при городском театре – 7 898 – 00 .

Городские холодильники на городских скотобойнях – 1742 – 00.

Городская переправа через Иртыш – 8 300 – 00.

Городская рекламная витрина (90 кв. аршин) – 471 – 90.

(Акушерка Топская В.Г. арендовала здесь 2 кв. арш. за 15 руб. Она же постоянно давала объявления в городские газеты).

Аренда городского парохода «Александр» – 990 -00.

Сенокосный участок «Фабричный лужок» – 120 – 00.

Городской огород №1 – 27 – 61.

Аренда прорубей на реках Иртыш и Омь (зима 1910-11 гг.) – 202 – 05.

Места, временно сдаваемые под карусели, балаганы, цирки и зверинцы – 40 – 00.

За место на Иртыше (против Кадетского корпуса) под устройство купальни – 11 – 52.

Аренда городских весов и мер – 2 516 – 42.

Места, сдаваемые под торговлю в ярмарку – 623 – 12.

С разных лиц – 3 728 – 84.

Город американской мечты

Но, оказалось, деньги можно делать и на загородной земле. В 1894 году к Омску подошла железная дорога. В двух километрах от Иртыша обосновался так называемый Омский пост. Сначала там был один дом, потом появилась паровая мельница, кирпичный завод, возник хутор, превратившийся со временем в поселок Куломзино. И вот, когда началось строительство железной дороги на Тюмень, был пущен слух, что здесь будет расположен вокзал и прочие учреждения путевого хозяйства. Появились статьи о городе Новоомске. Ему

прочили судьбу Чикаго, называли городом американской мечты и… советовали покупать поскорее землю.

В марте 1908 г. «Омский телеграф» анонсировал:

«Продаются места под селитьбу проектируемого заселения «НОВЫЙ ОМСК» близ центральной постройки второго пути и депо железной дороги рядом с Омск-пост на левом берегу Иртыша против Атаманского хутора. Цены от 1 р. кв. сажень; допускается отсрочка. Письменно: Омск, почт. ящ. №5 Рзянину. План и условие можно видеть в конторе нотариуса Герцмана при бирже. От Омска до поселения Новый Омск с открытием реки будут делать рейсы две моторные лодки вместимостью 60 чел.»

План Омска и Новоомска нач. XX в.

Цены, как видим, весьма низкие. Но уже через год было создано Товарищество «Новоомск», распорядителем которого стал Иосиф Маркович Познер. Он же владелец типографии и редактор-издатель газеты «Омский телеграф». Усилилась рекламная кампания: «Продаются участки земли от 300 квадратных сажен под усадьбы, фабрики, заводы и проч.». Цены увеличились уже от 1 руб. 75 коп. до 10 руб. за кв. сажень.

Дело шло успешно, судя по следующему объявлению в «Омском телеграфе» (10 августа 1910 г.):

«Товарищество «Новоомск» доводит до сведения лиц, купивших у него участки земли по запродажным записям, что срочные платежи по запродажным с сего числа должны быть внесены в Русский для Внешней Торговли банк на онкольный счет Т-ва «Новоомск» за №16. Распорядитель Т-ва «Новоомск» И.М. Познер».

Однако вскоре выяснилось, что все главные учреждения будут на правом берегу Иртыша, и интерес к Новоомску пропал. Хотя к 1911 году здесь было несколько хлебных складов, перловая крупорушка, паровая мельница, гвоздильный завод, 270 дворов с населением 1930 человек – ядро будущего Кировского района.

«КОНДИЦИИ» ПРОТИВ СПЕКУЛЯЦИИ

Лев Николаевич Толстой считал, что торговать землей – грех. А уж тем более спекулировать. Однако торговали и спекулировали. В том числе и в Омске. Именно против спекуляции и был направлен законопроект, разработанный гласными (т.е. депутатами) вновь избранной в 1910 году Омской Городской Думы под названием «Кондиции на отдачу в аренду с правом выкупа в собственность селидебной земли в г. Омске в кварталах вновь образованных по городскому плану 1909 года».

Необходимость новых условий продажи земли была вызвана отнюдь не моральными соображениями, а финансовыми. Цена на землю в Омске быстро росла. В таких условиях шустрые предприниматели стали покупать землю не под застройку, а чтобы перепродать ее в будущем по более высокой цене. В итоге земля пустовала, не принося дохода в городскую казну.

Для противодействия этому в 1911 году комиссия в составе гласных Городской Думы Д.В. Иванова, А.С. Кабалкина, С.В. Рысева, А.С. Толстых, Н.В. Ломоносова предложила не продавать землю в собственность без ограничений, как было ранее, а сдавать в аренду с правом выкупа. Условия аренды и выкупа и были оговорены в разработанных ими «Кондициях». Рассмотрим его основные положения, которые отчасти применимы и к современным условиям.

Сначала об условиях аренды. В параграфе №1 читаем: «Отдача участков в аренду производится с публичных торгов. Торг начинается с определенной Городской думою годовой цены за пользование одной квадратной саженью земли. Участок остается за тем, кто выдаст на торгах высшую арендную плату». В следующих параграфах говорится, что арендатор обязан внести в городскую кассу залог в размере не менее полугодовой арендной платы за весь участок. При этом арендатор обязан в течение месяца подписать арендный договор с Городской управою. Если он этого не сделает, то участок считается свободным, а залог остается в пользу города. Кроме этого, арендатор должен в течение восьми месяцев обнести участок сплошным забором. Это условие было вызвано тем, что неогороженные участки или огороженные жердями, превращались в свалки.

Срок аренды, по желанию арендатора, устанавливался от 3 до 12 лет. Арендная плата каждый следующий год увеличивалась на 10 процентов. Это делало в какой-то мере невыгодным содержание участка пустым с целью будущей продажи.

Арендатор лишался права аренды с передачей городу возведенных построек, если он не вносил арендной платы с пенею в течение 6 месяцев после просрочки платежа или когда он не уплатил казенного налога и городского сбора к концу аренды.

Одним из главных положений, противодействующих спекуляции, был запрет на передачу арендного права другому лицу без письменного согласия Городской управы. Причем передать арендное право можно было лишь тогда, когда на участке были возведены постройки на сумму не ниже указанной в параграфе № 10.

А этот параграф гласил: «Арендатору предоставляется **право выкупа арендуемого участка в собственность**, если ко времени выкупа будут им возведены на участке постройки, оцененные для взимания городского оценочного сбора не ниже суммы, получаемой от помножения семи рублей на число квадратных сажен земли в арендуемом участке и при условии предварительного внесения всех числящихся за арендатором платежей и недоимок по выкупаемому участку».

Гласный А.С. Кабалкин в Пояснительной записке конкретизировал это положение. Комиссия исходила из того, что нормальный размер «селидебного» участка 10 на 15 сажен, то есть 150 квадратных сажен. Умножив на семь, получаем 1050 рублей. Таким образом, если на участке постройки оценивались ниже данной суммы, то арендатор не имел права выкупа земли в собственность.

Цена земли определялась в параграфе №11: «Выкупная сумма определяется помножением на десять годовой арендной платы за весь участок, платимой в год выкупа. Внесенная вперед арендная плата в расчет при выкупе не принимается и арендатору не возвращается. Все расходы по совершении и утверждении купчей крепости относятся на счет покупателя».

«ХОДАТАЙСТВО ОСТАВИТЬ БЕЗ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ…»

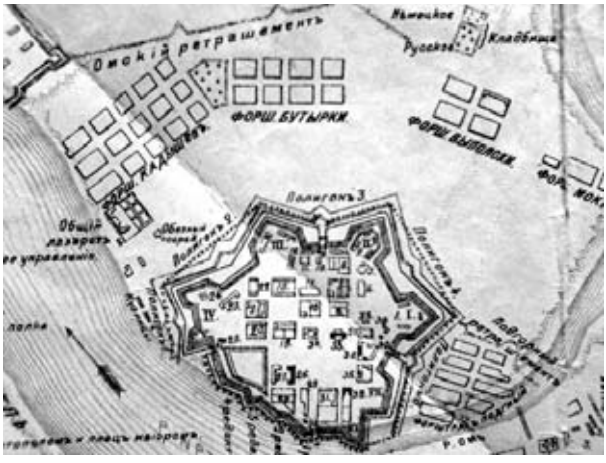
Основным материалом вплоть до XX века в Омске для жилых помещений, как и в остальных городах России было дерево. Основным типом жилища – рубленая изба. Для избы использовались преимущественно сосна и ель, при их отсутствии береза. В Сибири широко использовали лиственницу, особенно на нижние венцы сруба и на сваи, так как лиственница слабо поддавалась гниению.

В своем развитии срубная изба прошла за тысячелетия путь от полуземлянок до хором и теремов в несколько этажей с затейливым «узорочьем» и башенками разной формы. Причем строилось это все без единого гвоздя. Ярким примером мастерства русских плотников являются сохранившиеся церкви в Кижах и в Якутии. Как говорил Лев Толстой, русский крестьянин владел топором, как волк клыками. Любой мог срубить избу или, взяв топор за обух, вырезать из чурочки ложку. Плотники могли поднять сруб до 70 венцов. Однако в Омске высоких теремов никогда не было. Даже обычный сруб поставить было затруднительно, так как вокруг Омска не было подходящего строевого леса. Его сплавляли по Оми или привозили на лошадях.

Основными способами рубки и соединениями бревен в срубе по углам были: *в чашу, в обло* – когда концы бревен выступали за вертикальную линию угла и *в лапу* – когда угол был гладким. Первый способ был распространен в северных территориях и перенесен позднее в Сибирь, второй – в более теплых южных районах. Выступающие концы бревен не позволяли углу промерзать.

Внутреннее устройство избы за столетия тоже существенно менялось. Курные избы без потолка, топившиеся «по-черному», с единственным волоковым окном заменялись со временем многокамерными (многокомнатными) жилищами с горницами, отапливаемыми изразцовыми печами, подклетями и сенями. Впрочем, у простого обывателя одноэтажный пятистенок всегда считался богатым домом. Потолки из колотых пополам бревен появились в XVIII веке, однако трубы у печей стали появляться через столетие. Для отвода дыма, который при наличии потолка стелился ниже, стали использовать деревянные дымники.

В конце XVIII – начале XIX века лучшие частные дома богатых и чиновных людей в Омске располагались на Ильинском форштадте. Кроме жилых домов здесь была каменная Ильинская церковь, большой деревянный полевой госпиталь, провиантский магазин, ратуша… Бедные обыватели селились в Бутырском форштадте, Выползках и в Мокринском форштадте. Современник писал о постройках в этих районах: «…сии три последние состоят из таких хижин, которые не заслуживают наименования домов». Надо полагать, это были землянки и полуземлянки. Однако, что там далекое прошлое. Уже при Советской власти, в 1927 году в условиях острого жилищного дефицита, власти вынуждены были дать разрешение на строительство 150 домов с земляными стенами, однако построено их было значительно больше.



Форштадты Омска

Омск как город крепостной застраивался поначалу форштадтами. Вообще, форштадт – это поселение, находившееся вне города и крепости и примыкавшее к ним. Сразу после строительства на правом берегу Оми новой омской крепости вокруг нее появились форштадты. К Иртышу примыкал Кадышевский форштадт, справа от него – Бутырский форштадт, затем – Выползки и у берега Оми Мокрый (Мокринский) форштадт. Напротив Луговской слободы на правом берегу Оми – Подгорный форштадт. Со временем Луговская слобода преобразовалась в Ильинский форштадт. Так и рос город методом механического расширения.

Частыми были пожары. В 1819 году, например, выгорело 80 домов, гостиный двор, мясные ряды и 30 лавок. Едва оправились от этого пожара, как в 1823 году случился еще более страшный: огонь уничтожил 194 дома, в основном в Ильинском форштадте. Поэтому деревянные дома не разрешалось крыть соломой, а лишь тесом, дранью или хворостом. Здесь после пожара 1823 года известный инженер и архитектор В.И. Гесте разработал новый тип городского квартала с размерами 220х120 м.

Однако и до этого власти стремились избавляться от хаотической застройки города. Так в проекте конца XVIII века по застройке города предписывалась: «У которых обывателей нынешние строения не придут в линию, оставить до такого времени, когда сами собой обветшают, повалятся и другим каким случаем уничтожатся или хозяева сами добровольно и прежде того по плану переставить пожелают, дабы обыватели не претерпели убытка от сломки домов еще к житию годных, а у которых дворовые места разделять будут улицы и площади, а затем на старых местах строиться не могут, в таком случае сим обывателям отводить другие порожние места…»

В дальнейшем власти старались строго следовать планам застройки города.

Никаких жилищных программ в то время не существовало. Если крестьянину, переселявшемуся в Сибирь, в разные годы оказывалась поддержка, то горожане могли рассчитывать лишь на себя. А вживание в город часто происходило болезненно.

В 1911 году Городская дума поручила омскому землемеру Иванову-Цареву обследовать положение омских окраин. Он выполнил поручение и представил Городской Управе доклад, в котором говорилось, что население окраин составляет 3082 человека. Их жизнь он описал так: «На проживаемом, обращенном в свалку нечистот и постоянно загрязняемом сотнями живущих малокультурных людей участке рождаются и растут дети. Смертность детей громадна – 40%. Живут здесь все в землянках. Большинство населения, 54% – алкоголики. Пьянство здесь невероятно; сильно развита тайная продажа водки».

Нарисовав такую неприглядную картину, Иванов-Царев предложил Управе …выселить обитателей трущоб силой, так как они захватили городскую землю самовольно!

Так, жена канцелярского служителя Матрена Климова обратилась в Городскую думу с просьбой отдать ей в аренду участок земли на Волчьем хвосте. Она «объяснила, что по примеру прочих лиц, живущих за Луговским форштадтом, она построила для жилья землянку, не зная, что постройки на местах за Луговским форшт. не разрешаются. В виду крайней бедности она, Климова, просит Городскую Думу, не признает ли сия последняя возможным оставить принадлежащую просительнице избушку на вышеуказанном месте с платою в доход города за это место, хотя по три или четыре руб. в год и тем самым избавить ее от окончательного разорения с семейством». Дума постановила: «Заявление жены канцелярского служителя Климовой по настоящему делу оставить без удовлетворения, но, принимая во внимание зимнее время, когда перенос избы для Климовой явился бы слишком обременительным, и, имея в виду, что место, на котором поставлена избушка, не затопляется весенним разливом Оми, Дума разрешила Управе не настаивать до будущего лета 1899 года

на сносе самовольно построенной Климовой избушки».

В еще более незавидном положении оказался мещанин Иван Лапоткин, заявление которого Городская дума рассматривала 15 сентября 1898 года. Лапоткин 11 лет тому назад купил дом на Бутырском форштадте и спокойно жил в нем, пока не решил произвести его капитальный ремонт. Мещанин Антон Карасевич подал жалобу, что ремонт дома производится без разрешения Городской управы, пришел мировой судья и наложил взыскание в виде штрафа в 10 рублей и обязал снести строение в течение четырех месяцев. Когда же Лапоткин не выполнил это указание, полиция сломала дом. Лапоткин просил думу исправить разрушенные полицией строения и оказать материальную помощь. Городская дума отказала ему, «т.к. на месте, где был дом Лапоткина построек по плану города не предусмотрено».

Первый каменный жилой дом был построен купцом 3-й гильдии Дмитрием Андреевичем Часовитиным (родился в 1813 году). Его именем называлась улица – Часовитинская (ныне ул. Пушкина). Однако в первых каменных домах обнаружился один недостаток. При отсутствии центрального отопления в каменных домах ощущалась сырость. Поэтому появлялись комбинированные дома: первый этаж был каменный, а второй – бревенчатый. Или сруб просто обносился кирпичными стенами.

Однако таких домов было очень мало. Из более чем шести тысяч построек лишь 100 домов было в два этажа и более. Историк Сибири Г.Н. Потанин писал в 1889 году: «Большая часть города состоит из маленьких деревянных домиков. Омск – город военных и чиновников. Здесь ради дешевизны жизни ютятся очень много отставных чиновников, коротающих свой век на скудные средства казенной пенсии. Кроме чиновников здесь много живет отставных солдат».

ОТГОВОРИЛА РОЩА…

Дореволюционный Омск трудно было назвать городом-садом. Все очевидцы в течение двух веков после основания называли его городом пыльным и грязным. Никаких насаждений в черте города не было, за исключением березок, сохранившихся после застройки.

Долгое время популярным местом отдыха горожан была Загородная роща на берегу Иртыша размером полтора на километр. Она была окопана рвом, а по роще проложены прогулочные дорожки. Все дорожки вели к увеселительному павильону, расположенному на крутом берегу Иртыша. Над залом возвышалась ротонда, откуда открывалась панорама Иртыша. Власти оберегали рощу и платили жалованье леснику, который следил за тем, чтобы деревья не вырубали.

В устье Оми был еще небольшой бульвар из акаций и крыжовника, расположенный между берегом и валом крепости.

Кроме этого, в середине XIX века еще одним местом отдыха была так называемая «Инженерная беседка», располагавшая в двух верстах от города вверх по Оми. Здесь на озелененном участке степи, окруженном рвом, стояло хорошее здание с залом.

Первые массовые насаждения деревьев в городе Омске были проведены в 1851 году при генерал-губернаторе Западной Сибири Густаве Христиановиче Гасфорде. Это назначение он получил 29 января 1851 года и пробыл в Омске до 1861 года, когда был назначен членом Государственного Совета и уехал в Санкт-Петербург. Он оставил о себе добрую память, и не случайно одна из улиц была названа его именем (ныне ул. К.Либкнехта).

Посадка деревьев была произведена от берега Оми до взгорья. В результате образовалась так называемая Любина роща, ограниченная современными улицами Ленина и Партизанской. Очевидец писал в газете «Русский мир» в 1861 году: «Выехав из крепости и спускаясь с гласиса ее по ровному шоссе к мосту, нельзя не заметить по левой стороне молодую чистенькую рощу «Любину», насажденную в 1853 году на бывшем прежде болоте и названную в честь имени покойной супруги Г.Х. Гасфорда, о которой здесь вспоминают с чувством уважения за ее ум, любезность и доброе сердце».

Деревья подросли, и Любина роща с соседней Меланьиной рощей, что располагалась на берегу Оми, стали любимым местом отдыха горожан.

Любина роща. 1854 г.

Однако простояла роща всего полвека. В Омск пришел крупный капитал и стал диктовать условия. От моста через Омь дорога к базарной площади проходила мимо Любиной рощи. Уже в в 80-х годах XIX века на восточной стороне этой дороги были построены каменные дома с магазинами на первых этажах и образовался Чернавинский проспект, названный в честь городского головы Чернавина. Однако купцы и капиталисты зарились и на другую сторону, где стояла Любина роща. Городская дума разделила Любину рощу на участки и решила распродать ее желающим строиться. Но решение думы вызвало протесты горожан, и это отсрочило гибель рощи на несколько лет.

Однако в 1903 году представители московских фабрикантов уговорили городские власти уступить им место на западной стороне Чернавинского проспекта (в народе называвшимся Любинским проспектом). И уже в конце года здесь стояли торговые корпуса Московских рядов. 25 июля 1903 года состоялось последнее гуляние в остатке Любиной рощи. Как сказал поэт: «Отговорила роща золотая…» При капитализме деньги решают все. Земля Любиной рощи пользовалась большим спросом.

После революции озеленению города стало уделяться куда большее внимание. Уже весной 1920 года прошел первый субботник, на котором производилась посадка деревьев в центре города. В мае 1923 года в Омске прошел «День леса». 25 сентября 1925 года открылась первая выставка садоводства и огородничества. В жизнь начала воплощаться идея города-сада. К 1940 году количество зеленых насаждений увеличилось втрое. Был открыт Центральный парк культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ.

И даже во время войны весной 1944 года на площади Дзержинского был разбит прекрасный сквер.

Пик же озеленения города пришелся на 1950-60-е годы, когда Омск по праву считался городом-садом, стоявшим в зелени, цветах и фонтанах. В 1956 году Омск участвовал во всероссийском соревновании по озеленению города и занял первое место.

ВДОЛЬ ПО ЛЮБИНСКОМУ

Наиболее известным на Любинском проспекте слыл дом купчихи М.Н. Шаниной. Архитектором здания был И.Г. Хворинов. Фасады здания были увенчаны разнообразными куполами и башенками и украшены лепниной, завершающими карниз вазонами и балюстрадой. Первый этаж и один верхний зал занимали отделы магазина. На верхнем этаже располагалась и квартира Шаниной.

Напротив дома Шаниной через Гасфортовскую улицу (К. Либкнехта) располагался дом купца 1-й гильдии, почетного гражданина г. Омска Степана Семеновича Волкова, который сдал его в аренду под магазин акционерному обществу М. Феттер и Е. Гинкель. Здесь продавались гвозди, посуда, оружие, церковная утварь и другое. Здесь же располагалась государственная аптека №1.

К торцу дома Волкова примыкало самое старое здание Любинского проспекта дом купца Г.Д. Кузьмина (ул. Ленина, 9). Он был построен в середине 1880-х годов, судя по стилю, по проекту Э.И. Эзета, который был городовым архитектором с 1863 года. В этом доме торговали галантерейными товарами.

Соседний дом (ул. Ленина, 11) принадлежал купцу Илье Григорьевичу Чирикову. Первый этаж занимал магазин М.С. Саметника, торговавшего часами и золо-

том, на втором были железнодорожные кассы и контора по оформлению железнодорожных грузов. В подвалах располагались магазины колониальных товаров.

Следующее здание (ул. Ленина, 13) – дом братьев Ф.В. и С.В. Волковых, где был магазин-аптека Медицинского общества. При Колчаке здесь располагалась редакция газеты «Заря». Очередной дом (ул. Ленина, 17) принадлежал Н.К. Шкроеву, у которого его арендовал И.Н. Елизаров, торговавший посудой.

Здание, в котором ныне магазин «Знание», купец Колпаков С.М. в конце 19 века построил по соседству с домом Шкроева (ул. Ленина, 19). Здесь располагался Волжско-Камский банк. По соседству стоял одноэтажный дом компании «Зингер», надстроенный в 1930-е годы, украшенный растительным рельефом в духе ренессанса.

Крайний дом (ул. Ленина, 21) принадлежал вдове купца Кузьмина Наталье Васильевне. С 1915 года здесь располагалась контора известного нотариуса А.И. Хлебникова. В 1920-е годы размещалась редакция газеты «Рабочий путь».

Организацией строительства Московских торговых рядов на месте Любиной рощи занимался московский мещанин С.Г. Сивов по проекту архитектора Московского отделения страхового общества «Россия» Оттона Вильгельмовича фон Дессина, выпускника Рижского политехнического училища. Новое здание заметно выделялось на фоне соседних строений. В декоре фасадов, как полагают специалисты, использованы мотивы различных стилей: небольшие классические фронтоны в центральной и боковых частях здания, ренессансные наличники окон второго этажа, барочные волюты башенки, венчающей купол с часами.

Перед Московскими торговыми рядами на углу было построено здание гостиницы «Россия» (ныне гостиница «Октябрь»). Гостиница занимала верхние этажи, а на первом и в подвалах располагались магазины купца 2-й гильдии Г.В. Терехова и московских фирм. В частности, здесь располагался магазин Г.М. Красных торговца золотом, бриллиантами и карманными часами знаменитых фирм.

За Московскими рядами построили здание, в котором располагался магазин фабрично-торгового Товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями». Здание строили в две очереди: с 1905 по 1906 год и в 1911 году сыном Ганшина. Кроме их магазинов, здесь часть помещений арендовала фирма резиновых изделий «Проводник» и «Граммофон». При Колчаке в нем размещался Городской Продовольственный отдел и Министерство финансов. Более подробно история зданий Любинского проспекта представлена в книге И. Девятьяровой, В. Селюка «Прогулки по старому Омску».

ОТ ВОДОВОЗОВ К ВОДОПРОВОДУ

О необходимости водопровода в Омске говорилось давно. Проблема обострялась с каждым годом в связи с увеличивающимся загрязнением Оми и Иртыша. Главной причиной загрязнения были «домовые отбросы и сточные воды фабрик и заводов». А самыми заметными фигурами на улицах города были водовозы и ассенизаторы, и те и другие с бочками, но только разного назначения. О городской канализации в начале XX века только мечтали. Даже в Санкт-Петербурге проект строительства фекалепровода был внесен в Городскую думу лишь 1912 году, а в Омске канализация появилась только в 1935 году. Иначе обстояло дело с водопроводом.

Уже в конце первого десятилетия XX века в Омске от разговоров перешли к делу, появились первые проекты. Так, газета «Омский телеграф», 26 ноября 1910 г., № 256, писала:

«Схема запроектированного водопровода представляется в следующем виде.

На площади выше р. Оми, находящейся недалеко от того места, где в настоящее время находится городская водокачка, предполагается камерное водоподъемное здание с паровым и фильтровым отделениями. Вода из Иртыша по чугунным трубам притягивается насосами первого подъема и подается в отстойник над фильтрами; здесь вода коугулируется , фильтруется и поступает в резервуар чистой воды.

Из этого последнего резервуара она нагнетается машинами в напорную сеть, из которой попутно разводится, а избыток ее в обыкновенные часы разбора изливается в запасной резервуар, расположенный вблизи Шепелевского кладбища. Водопровод должен подавать в сутки воды для хозяйственных целей не менее 300 000 ведер. При этом в течение 8 часов наибольшего разбора должно подаваться не менее 200 000 ведер или 25 000 ведер в час. Во время пожара водопровод должен давать дополнительно 10 000 ведер в час».

Данные параметры в общем и целом фигурировали и в Кондициях по устройству водопровода в г. Омске, по современному в Технических требованиях. Были разработаны и Технические условия. Занимались этими делами специально созданная в Омске Водопроводная и Техническая комиссии.

К делу подошли ответственно и дотошно. Так, в Технических условиях были подробным образом описаны требования, предъявляемые к кирпичу, извести, песку, цементу, известковому и цементному раствору, кладке, щебню, бетону, листовому железу, лесоматериалу, к укладке и заделке труб. Трубы, например, в местах соединения должны были проконопачиваться смоляным канатом и запаиваться свинцом. А до засыпки они должны были быть проверены гидравлическим прессом на герметичность при давлении не менее 15 атмосфер.

В 1911 году фигурировали три проекта омского водопровода: Товарищества инженеров фирмы «Нептун», Общества механических заводов Бр. Бромлей и Правления Акционерного общества Брянского завода. Для Городской думы важны были не только технические характеристики, но и стоимость проекта. Сравнение производил инженер И.Г. Хворинов. Водопроводная ко-

миссия определила предельный размер сметы в 600 000 руб. В то время как на строительство по проекту фирмы «Нептун» необходимо было 1 235 000 руб., по проекту Брянского завода – 836 000 руб., а по проекту О-ва Бр. Бромлей 787 000 руб. Естественно, что Городская дума склонялась к проекту О-ва Бр. Бромлей, поручила Водопроводной и Технической комиссии доработать проект и назначила на 15 января 1912 года торги на отдачу подряда по сооружению водопровода, начав торги с суммы 690 000 руб. на понижение.

Однако никакого понижения не случилось. О-во Бр. Бромлей, видимо, не участвовало в торгах. И 22 марта 1912 года был подписан Договор на постройку водопровода в Омске между Омским Городским Общественным Управлением в лице уполномоченного Городского головы, Статского советника Василия Александровича Морозова и уполномоченного Брянского рельсо-прокатного, железоделательного и механического завода инженера-технолога Владимира Ивановича Воденко. По этому договору Омское Городское Общественное Управление выплачивает Брянскому заводу 690 тысяч рублей, а акционерное общество «принимает на свой счет и риск подряд на сооружение и полное оборудование в г. Омске водопровода». Подрядчик обязан был выполнить работы в течение двух строительных сезонов и открыть водопровод не позднее декабря 1913 года. За каждый просроченный месяц пуска начислялась неустойка в 1000 руб.

23 мая 1912 года Гордума согласилась с увеличением сметы на 11960 руб., в связи с изменениями в водонапорной башне, в насосной и фильтровальной установках. Так, предлагалось заменить трансмиссию с тарелочными муфтами на более совершенную, чтобы не останавливать двигатели, а, следовательно, и насосы, при переключении с одного двигателя на другой.

Строительство водопровода затянулось на три года. 19 октября 1914 года Водопроводная комиссия сообщила Городскому голове, что водопровод закончен, а Брянское общество не торопится его предъявлять, мотивируя тем, что требуется испытание всей системы труб. Между тем город взял в банке займ в 400 000 рублей, выплатил Брянскому заводу и вынужден платить проценты, поэтому надо было ускорить приемку. 3 октября 1914 года Городская дума постановила произвести предварительный прием полным составом Городской управы, пригласив сведущих людей, и выделить на эти цели 1500 рублей. Так, в состав приемочной комиссии был приглашен профессор Томского технологического института В.Л. Малеев, который, кстати, оценивал работу парового и нефтяного тракторов на 1-й Западно-Сибирской промышленной и сельскохозяйственной выставке.

Приемочная комиссия приступила к работе. Профессор Малеев с помощниками проверял технику в течение 3-х недель. Только расход нефти у нефтяных машин он проверил 51 раз, и установил, что они нормально работают в течение 10 часов беспрерывно и 35-45 мин. с 10-процентной перегрузкой. Центробежные и скальчатые насосы обеспечивали 18 000 ведер в час в течение 10 часов. Малеев заключил: «Общее впечатление от оборудования и вообще от всего водопровода вполне удовлетворительное». При пожарных испытаниях 12 января 1915 года на Сиротской ул.(ныне Кемеровская – П.Б.) давление по манометру было не ниже 5,5 атмосфер, подача воды через один брандспойт от 52 до 55 ведер в

минуту, что было признано профессором также вполне удовлетворительным.

Заведующий городским санитарным бюро М.И. Козьмин после проверки выдал заключение: «Бактериологический и химический анализ водопроводной воды дал весьма благоприятные результаты».

Однако у приемочной комиссии были и замечания. Они фиксировались в журнале комиссии. Большинство из них позднее перекочевали в акт приемки водопровода. Наиболее существенные отмечены в журнале 19 января 1915 года: не испытаны трубы 1758 погонных саженей, отсутствует второй переход через реку Омь. По переходу вопрос рассматривался на заседании Городской думы, и голосованием 5 против 6 было решено без второго перехода водопровод не принимать. Представитель Брянского завода обещал закончить переход в течение января-февраля.

В конце концов, 26 января 1915 года был подписан Акт предварительной приемки Омского городского водопровода. Чтобы оценить масштаб сооружения приведем данные из Акта. В нем говорится, что комиссия освидетельствовала:

1) здание насосной станции со всем механическим оборудованием;

2) железобетонный резервуар чистой воды;

3) тоннель для всасывающих труб;

4) водоприемный колодец;

5) водоприемник с самотечными трубами;

6) водонапорную башню;

7) водоразборные будки в количестве 10 штук;

8) сеть водопроводных труб, уложенных в количестве 9 981 погонных саж. (1 сажень= 213,36 см) со смотровыми колодцами на следующих улицах города: Кузнечной (ныне Маяковского, далее современное название в скобках – П.Б.), Полковой, Плотниковской (Ч. Валиханова), Шкроевской (В. Куйбышева), Омской, Варламовской (Декабристов), Мясницкой (А. Звездова), Томской (Лермонтова), Новой (В. Чкалова), Скорбященской (Гусарова), Ядринцевой (на месте Муз. Театра), Думской (нач. 10 лет Октября), Сажинской, Любинский пр. и Базарная пл., Александровской (Интернациональная), Музейной, Колпаковскому пер.(Театральный), Надеждинской (В. Чапаева), первый подход с насосной станции, Глазенапа (Спартаковская), Тарской, Капцевичева (Красный путь), Сиротской (Кемеровская), Неизвестной, Бутырской (А. Гусарова), Тобольской (Орджоникидзе).

У комиссии было много замечаний по разным объектам. Например, по насосной станции: отсутствие канализации, отсутствие двух вентиляционных труб от электромоторов, недостаточная подача воды промывочным насосом – 16 500 вместо 26 200 ведер в час.

Однако представитель Брянского завода И.И. Архангельский написал особое мнение, в котором отвел большинство претензий, таких как отсутствие канализации, тем, что это не было предусмотрено сметой. Комиссия констатировала опоздание в сроках сдачи в 13 месяцев.

По этому особому мнению было решение Городской думы: решать все разногласия в судебном порядке.

Торжественное открытие водопровода состоялось 2 февраля 1915 года.

Событие для Омска было, безусловно, неординарным. Через день после открытия газета «Омский телеграф» извещала, что по решению Городской управы до 6 февраля 1915 года отпуск воды из водоразборных будок будет производиться бесплатно. А затем воду можно было получить за марки, которые продавались в Городской управе с 9 до 1 ч. дня. В течение 5 дней было отпущено из водоразборных будок 20 059 ведер и продано марок за это же время марок на 516 руб. 78 коп.

Инженер Любовский предложил использовать ответвление от водопровода на строительство здания Управления Омской железной дороги 2-3- дюймовыми железными трубами. На заседании Городской думы было решено сделать ответвление из таких же труб, что и основной водопровод, чтобы использовать впоследствии. Воду ему отпускали по 20 коп. за 100 ведер.

Для сравнения: за доставку на дом воды из водопровода надо было платить по 50 коп. за 40-ведерную бочку, и по 20 коп. за такую же бочку воды из Иртыша.

Водопровод был построен столь качественно, что служил городу многие десятилетия. До наших дней уцелела водонапорная башня на углу улиц Гусарова и 5-й Армии и бывшее здание насосной станции на ул. Маяковского у Иртыша, где ныне административное здание «Водоканала».

В 1921 году только 133 домовладельца были подключены к водопроводу, остальные пользовались колодцами, которых было 600. К 1928 году протяженность водопроводных сетей увеличилась до 60 км. К 1934 году мощность водопровода составляла 6 тыс. кубометров в сутки, а к 1940 году мощность городского водопровода была доведена до 12 тыс. $м^3$ в сутки, увеличена протяженность водопроводных сетей и количество водоразборов. Тем не менее это не удовлетворяло растущую потребность города в питьевой воде.

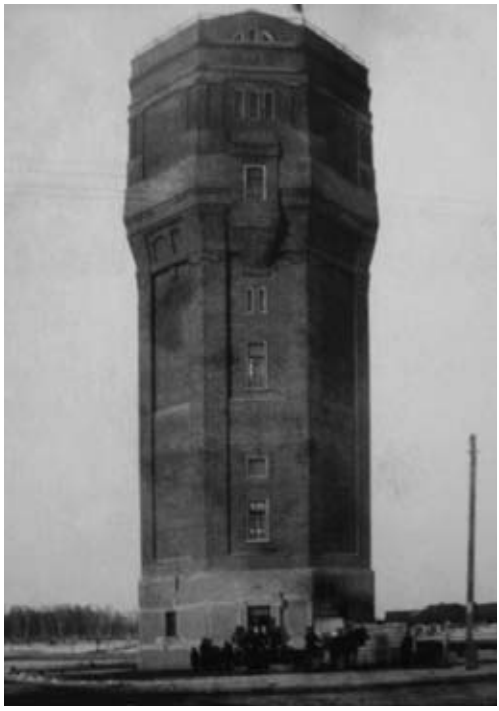
Еще хуже обстояли дела с канализацией. Удалением нечистот занимался ассенизационный обоз, в распоряжении которого в 1921 году было 125 бочек, в 1932 году – 152 лошади и 146 бочек. Это позволяло вывозить за пределы города лишь 10% нечистот, остальные стоки без очистки сбрасывались в Иртыш. С развитием города появилась возможность финансирования коммунального хозяйства. Так, в 1928 году расходы на коммунальное хозяйство составили 37,5 % от общей суммы городских расходов.

С декабря 1934 года повелось строительство общегородской канализации. Работы начались у городского театра.

Коллектор был сдан в эксплуатацию в 1936 году, а в 1939 году завершено строительство первой очереди.

В январе 1941 года пущена в эксплуатацию правобережная часть канализации с производительностью 200 $м^3$ в час, исходя из производительности 2-х насосов и хлораторов, а начиная с июня того же года было принято решение запретить существование надворных уборных в общественных зданиях и учреждениях, и подключить их к городской канализации. Однако очистные сооружения канализации с полной биологической очисткой появились в Омске лишь в 60-х годах.

Толчком для дальнейшего развития системы водоснабжения в Омске яви-



Водонапорная башня

лась Великая Отечественная война. После эвакуации в Омск ряда крупных промышленных предприятий городу и коллективу треста «Водоканализация» необходимо было решить вопрос обеспечения водой этих предприятий. Произведенная для этого реконструкция очистных сооружений и строительство дополнительного водозабора технической воды не решили проблему, и в 1941 году было принято решение о строительстве так называемого «Большого водопровода» за пределами городской черты выше по течению реки Иртыш в Ленинском районе, где сейчас располагается водозабор «Заря» и Ленинская очистная водопроводная станция.

Первая очередь большого водопровода начала эксплуатироваться с 1-го квартала 1949 года. Она включала русловой водозабор, очистные сооружения мощностью 24 тыс. м^3 в сутки, насосную станцию 2-го подъема, резервуар чистой воды емкостью 2 тыс. м^3 и водоводы для подачи воды в город. Следует отметить, что некоторые из перечисленных сооружений эксплуатируются до сих пор.

Дальнейшее развитие системы водоснабжения и увеличение мощности очистных сооружений было связано со строительством Нефтеперерабатывающего завода и одновременным жилищным строительством в конце 50-х годов, а позже – с застройкой Левобережной части города в 80-е годы. Наверное, можно сказать, что именно в 80-е годы удалось преодолеть разрыв между темпами развития города и темпами развития водопровода.

В 1987 году к центральному водопроводу было подключено 89% жилых домов и 88% к канализации.

Подачу воды населению обеспечивают 12 крупных районных и 75 квартальных водопроводных насосных станций и 1573,6 км водопроводных сетей. Ежесуточно с очистной водопроводной станции в город подается около 600 тыс. м^3 питьевой воды, что полностью удовлетворяет потребности города с населением 1 миллион 200 тысяч человек. Качество питьевой воды в Омске полностью соответствует нормам и оценивается органами государственного санитарно-эпидемиологического надзора как одно из лучших в России.

Система водоотведения бытовых и промышленных стоков включает в себя 1092,6 км канализационных сетей с 74 канализационными насосными станциями. Около 600 тыс. м^3 сточной жидкости принимается ежесуточно

очистными сооружениями канализации, где стоки проходят полную очистку.

В разное время организация называлась по-разному в зависимости оттого, кому подчинялась. В 1919 году городским хозяйством занимался коммунальный отдел Омгубревкома, а затем губисполкома. В 1926 году решением окрисполкома организован городской коммунальный отдел, которому подчинялся Омский трест коммунальных предприятий «Водосвет», позднее переименованный в «Водоканалтрест». В 1947 году на базе горкомхоза были организованы два управления – Управление коммунальных предприятий и Управление по благоустройству города, объединенных в 1955 году в одно Управление, в котором существовало отдельное Управление водопроводно-канализационного хозяйства. В постперестроечное время управление стало именоваться МУПом, а в марте 2005 года предприятие было преобразовано из МУП «Водоканал» в ОАО «Водоканал».

ОТ ЛУЧИНЫ К «ЛАМПОЧКЕ ИЛЬИЧА»

Человеку для жизни, кроме еды, нужны тепло и свет. Многие столетия в России главным источником жилого тепла были обычные дрова, света – лучина, свечи и масляные лампады. Лишь в 19 веке стали использовать каменный уголь и керосин. Омск не был исключением.

В начале 20 века в омских газетах соседствовали объявления о продаже дров и каменного угля. В Омск каменный уголь привозили из Судженских копей (шахт), открытых 1897 году на территории современной Кемеровской области. К 1911 году там добыли уже 120 млн пудов каменного угля. Следует сказать, что на первой Западно-Сибирской торгово-промышленной выставке Судженские копи Л.А. Михельсона были удостоены Большой золотой медали «за наглядное представление деятельности копи». На выставке был представлен действующий макет в виде подшахтной вышки со стилизованным изображением каменного угля, внутрь которого спускалась при свете ламп клеть.

Главным поставщиком угля в Омске был предприниматель А. Печокас. В 1909 году он в течение всего года вынужден был давать, защищаясь от недобросовестных конкурентов, в газете «Омский телеграф» такое предупреждение:

«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

В виду участившихся за последнее время случаев продажи развозчиками каменного угля более низкого качества и с примесью земли в Судженский или Михельсоновский предостерегаю гг. потребителей, что Судженский каменный уголь копей Л.А. МИХЕЛЬСОНА в продаже имеется только у меня, так как мне предоставлено право исключительной продажи его для Омска, поэтому с заказами покорнейше прошу обращаться в СКЛАД СУДЖЕНСКИХ КОПЕЙ – Атаманская ул., около вокзала городской ветки, тел. №523 или №303, и

на полученное количество угля каждый раз требовать от возчиков, доставивших таковой, накладную с фирмою склада, ибо только в таком случае я могу гарантировать хорошее качество угля. А. ПОЧЕКАС».

В другом объявлении адрес склад указан еще более конкретно: на углу улиц Станичной (Комиссаровской) и Старковской (Дальневосточной).

Для хозяйственных нужд человек использовал энергию воды и ветра, строя «колесчатые» мельницы на реках и ветряные (ветрянки) на возвышенных местах.

С развитием техники на тех же мельницах стали использоваться паросиловые установки, а в начале 20 века и нефтяные двигатели – двигатели внутреннего сгорания. Последние считались безоговорочно символом прогресса, но сегодня цивилизация движется к нефтяному тупику: нефти осталось лет на тридцать. Не зря Менделеев говорил: «Нефть – не топливо, топить можно и ассигнациями!». Поэтому сегодня остро встает вопрос об альтернативных источниках энергии. Самое время вспомнить о ветрянках.

В 1911 году в московском журнале «Двигатель» инженер-технолог И. Грибов в статье «Ветрянки или нефтяные двигатели?» привел сравнительный анализ сельских ветряных двигателей, ветряных двигателей фабричного изготовления и нефтяных двигателей, установленных на мукомольных мельницах. Стоимость годового содержания нефтяных двигателей на 1 лошад. силу-час составила 4,7 коп, сельских – 1,2 коп., заводских ветряных двигателей – 2,00 коп. Автор не торопился списывать ветряные двигатели, хотя и отмечал, что их работа зависит от количества ветряных дней.

В конце концов, победил дизель. На какое-то время он стал главным узлом при получении электричества.

В Омске первое электричество было получено в железнодорожных мастерских в 1898 году. Небольшая электростанция мощностью 62,5 кВт давала постоянный ток от генераторов фирм «Юньон» и «Сименс-Гальске», для привода использовались четыре паровые машины фирмы «Бромлей». Получаемая электроэнергия использовалась сугубо для нужд мастерских.

В 1901-1902 годах появились подобные небольшие электростанции на пивоваренном и винно-дрожжевом заводах, в магазине М.А. Шаниной. В 1905 году своя электростанция была у только что построенного театра.

К 1910 году небольших станций постоянного тока с двигателями внутреннего сгорания в Омске было уже более десятка. Но было очевидно, что такими станциями проблемы городского электроснабжения не решить. Еще в 1898 году рассматривался вопрос о строительстве центральной электрической станции (ЦЭС), но лишь в 1913 году городская управа приняла решение о строительстве ЦЭС на правом берегу Оми у впадения в Иртыш. Мощность ЦЭС должна была составить 3750 кВт. Начальником строительства и главным техническим руководителем назначили инженера-энергетика Н.Н. Кудрявцева.

Городская казна и омские купцы сообща субсидировали оплату заказов на заграничное оборудование. Технический проект был утвержден Городской думой только в марте 1914 года, а в феврале 1915 года утвердили и «План

постройки электрического освещения и трамвая в Омске». По этому плану строительство сетей должно было закончиться в течение двух лет.

Однако война отодвинула сроки. Тем не менее к осени 1917 года все сооружения были практически построены, в главном здании станции установлены три котла площадью нагрева 150 кв. м типа «Бабкок-Вилькокс», поставленных из Англии. Из Швейцарии ждали два турбоагрегата, но не дождались, по слухам транспорт был потоплен у берегов Англии. Во время Гражданской войны территорию станции занял французский отряд. Французы решили использовать 70-метровую дымовую трубу в качестве мачты для антенны. Но Кудрявцев спрятал медные провода и изоляторы, прежде чем ему и его людям был запрещен вход на станцию.

Н. Кудрявцев не бежал с белыми, а продолжал работы на ЦЭС. Строительно-монтажные работы завершились к весне 1921 года. Но не было турбоагрегатов. Тогда Сиббюро ВСНХ распорядилось снять турбоагрегат мощностью 420 кВт с электростанции в Барнауле, где строительно-монтажные работы затягивались. Турбоагрегат привезли в Омск, и 1 апреля 1921 года Омск получил первый ток от городской центральной электростанции. В 1932 году она была преобразована в городскую коммунальную ТЭЦ, в последствии в ТЭЦ-1.

«ОБЩЕСТВА» В ЖИЗНИ ОМИЧЕЙ

Если бы не Сибирская железная дорога, остался бы Омск заштатным степным пыльным городом, ибо все торговые пути проходили севернее или южнее его. В 1883 году в Омске было всего 166 купцов и практически полное отсутствие промышленности. Но уже в 1911 году корреспондент журнала «Сибирские вопросы» называл Омск «штаб-квартирой капитала», с гордостью отмечая, что «теперь в Омске развеваются консульские флаги Дании, Швеции, Англии, Германии и Северо-Американских Штатов».

Действительно, в начале XX века в Омске действовало более двух десятков иностранных фирм и торговых домов, таких, например, как «Датский сибирский экспорт», «Рандруп и Ко», «Мак-Кормик», Диринг и др. Главной их сферой их предпринимательства была торговля сибирским сливочным коровьим маслом и сельскохозяйственными машинами.

О сибирском масле следует сказать особо. В Европе оно пользовалось бешеной популярностью из-за своих вкусовых качеств, воспроизвести ныне которые невозможно, ибо нет уж тех заливных лугов, на которых паслись буренки. Популярность его была такова, что в Германии в чистом виде до покупателя оно практически не доходило, там под видом сибирского масла продавали датское, голландское или немецкое, смешанное с сибирским.

Скупкой и экспортом сливочного масла занимались в основном датские

фирмы «Рандруп и Ко» и «Лунд и Петерсон». Чистая прибыль от торговли маслом у иностранных предпринимателей превышала 100%. Не случайно, разбогатев на торговле маслом, Рандруп смог открыть завод по производству сельскохозяйственных орудий. Не сталкиваясь с конкуренцией со стороны российских фирм, они сбивали закупочные цены до минимума. Поставляя сепараторы, молоковесы, приборы для определения жирности по завышенной цене обязывали крестьян не продавать масло на сторону. Основным производителем масла были маслодельные артельные заводы.

Чтобы изменить ситуацию на рынке в 1907 году был создан Союз сибирских маслодельческих артелей. Он объединял сначала всего 12 артелей, но уже в 1913 году включал 563, а в 1917 году – 1410. Поначалу правление Союза находилось в Кургане, а с 1916 года – в Омске.. Союз маслоделов занимался продажей масла, закупая его у отечественных товаропроизводителей по более выгодным для них ценам. Перед началом войны Союз поставлял около 20 % вывозимого из Сибири масла. А вывоз его неуклонно возрастал. Если в 1904 году вывезли 451 000 пудов, то в 1909 – 628 000 пудов, а в 1913 – 1 233 470 пудов.

Государственная казна также существенно пополнялась от экспорта масла. После поездки в Сибирь премьер П.А. Столыпин и министр Кривошеин писали царю, что доходы от продажи масла превысили доходы от золотодобычи.

Не случайно Департамент земледелия в 1911 году для развития маслоделия в Акмолинской области, куда входил Омск, постановил выдавать крестьянам ссуды по 3000 руб. под 4% годовых с рассрочкой на пять лет для создания маслодельных артелей.

Для регулирования цен и организации торгов в 1904 году было создано Омское биржевое общество или попросту Омская биржа. Общество состояло из биржевого комитета, ревизионной комиссии, арбитражной комиссии, котировальной комиссии, масляной комиссии и тарифного бюро. В 1912 году председателем Биржевого комитета был известный предприниматель и коннозаводчик Ф.Ф. Штумпф. Располагался комитет в знаменитом сегодня доме Батюшкина. Биржевой комитет предлагал для ликвидации беспорядков в масляной торговле перенести торговлю маслом на городскую биржу, поставив все сделки под строгий контроль, он считал необходимым открыть при складах-холодильниках лаборатории по проверке качества масла и по результатам проверки выдавать особые сертификаты с указанием завода. Биржевой комитет был инициатором открытия в Омске Коммерческого училища.

Заметным общественным объединением было Омское коммерческое собрание-клуб, под председательством Вас. Вас. Пшеничникова. В клубе читали лекции известные профессора, проводились обязательные новогодние маскарады.Так, в декабре 1910 года в Коммерческом клубе читали лекции профессора Томского университета Соболев («Свобода торговли, протекционизм и интересы населения») и Сапожников («Растение и солнце» и «Русский Алтай»). В 1911 году в Коммерческом клубе знаменитый поэт Бальмонт про-

читал лекцию «Поэзия как волшебство». В библиотеке клуба было более 2600 томов, в детстве ее любил посещать омский поэт Леонид Мартынов. В 1911 году в клубе было 765 членов. Здесь же располагался Омский отдел Императорского музыкального общества.

Среди прочих общественных организаций можно отметить также Общество поощрения коннозаводства, бывшее при ипподроме, Омское общественное собрание и Общественный союз служащих торгово-промышленных предприятий. Почетным президентом общества коннозаводства был Степной генерал-губернатор Шмит Е.О., президентом – губернатор Акмолинской области Неверов А.Н, вице-президентом – Ф.Ф. Штумпф. Председателем совета старшин Омского Общественного собрания был Ветохин Федор Михайлович, на 17 октября 1911 общество объединяло 239 членов.

Вообще до революции в Омске было значительное число разных обществ. Вот объявления из газеты «Омский телеграф» от 3 октября 1910 года: «Учредительный комитет Омского общества взаимного кредита приглашает всех лиц, сделавших предварительные членские взносы – пожаловать на общее собрание, имеющее быть в 1 ч. дня 3-го сего октября в помещении Биржи (Дворцовая, д..Батюшкина)». И: «Омское взаимное страховое общество, состоящее в Российском страховом союзе, производит страхование на льготных условиях, с ежегодным 5% скидками страховой премии. Лица, страховавшие свое имущество в течение 17 лет со дня учреждения общества, уже воспользовались скидкою в 64%, т.е. уплачивают в настоящее время 36 коп. вместо 1 рубля первоначальной премии.

При беспрерывном страховании дальнейшие скидки производятся впредь до выдачи бесплатного страхового полиса на дальнейшее время».

В Общественном собрании ставились благотворительные спектакли в пользу сирот или пострадавших от землетрясений, проводились «балы-монстры», танцы, разыгрывались лотереи.

Серьезной научной и просветительской работой занимался Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества. Его многотомные Записки являются ценнейшим источником по истории, этнографии и общественной жизни Сибири.

Общество просвещения располагалось в помещении редакции газеты «Омский телеграф». В доме Давыдова на углу улиц Тобольской (Орджоникидзе) и Надеждинской (им. Чапаева) находилось Медицинское общество, Общество помощников врачей и Общество Ветеринарных врачей.

Существовали также Союз служащих торгово-промышленных предприятий, Степное Общество любителей садоводства и древонасаждений, Омский отдел Императорского общества спасения на водах.

Среди благотворительных обществ выделялись Попечительство о народной трезвости, Попечительство об Ольгинском приюте трудолюбия для детей сирот, Общество Хоругвеносцев при Кафедральном соборе, Епархиальное попечительство о бедных духовного звания при консистории и другие.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

В неурожайный 2008 год 15-16 центнеров с гектара в Омской области считалось для хозяйств большой удачей. Низкие закупочные цены на зерно и растущие цены на топливо поставили земледельцев в трудное положение. Сравним, каково было положение с хлебом и ценами на товары первой необходимости в нашем регионе до революции.

Основным производителем хлеба в Сибири был крестьянин, не знавший крепостного права. К началу XX века сложились такие взаимоотношения между государством и крестьянами, при которых селянин работал на выделенной ему или арендованной (чаще у казаков) земле.

Государству он выплачивал в это время так называемые окладные сборы. Так, крестьянин Тюкалинского уезда Тобольской губернии в конце XIX века выплачивал 4 руб. 99 коп. окладных сборов, куда входили подушная подать 1 руб. 62 коп., оброчная подать – 3 руб. 25 коп и 12 коп на межевание и волостное правление. Кроме этого, были неокладные расходы по волости и мирские сборы. К неокладным относилось, например, содержание сельского писаря с окладом 120 руб. в год. Мирские сборы можно было компенсировать натурой или конной гоньбой.

Зажиточные крестьяне засевали хлебом 40-50 десятин, середняки – 10-20 десятин, бедняки – 3-8 десятин. Средняя урожайность в Западной Сибири была обычно сам-5, то есть зерна собирали в 5 раз больше, чем засевали. Однако в некоторых районах урожай был иногда сам-10 и даже сам-15.

Так, например, в Тобольской губернии в 1910 году было засеяно 1 206 036 пудов пшеницы, а собрано 6 645 712 пудов, т.е. урожайность составила сам-5,5.

А вот какова урожайность пшеницы была в Омском уезде в 1915 году:

Площадь, десятин	Посеяно, пуд.	Собрано, пуд.	Земледелец
196 584	1 020 759	4 632 838	Крестьяне
125 759	740 080	3 034 190	Казаки и частновладельцы
33 265	147 214	1 040 943	Киргизы

Из этой статистики видно, что 1915 год был не очень урожайным. Легко посчитать, что урожай колебался от сам-4,1 до сам-7 или от 3,8 до 5 центнеров с гектара.

И в соседних регионах засевали обычно 5-6 пудов на десятину, а урожай чаще всего был 5-10 центнеров с гектара, что более чем в 2 раза ниже нынешних урожаев в Омской области. Не зря Столыпин, проезжая по Западной Сибири радовался урожаю переселенцев по 60 пудов с десятины (около 10 ц/га).

На омском опытном поле средняя урожайность с 1907 по 1910 гг. составила 58,8 пуда с десятины, с удобрением – 77,1 пуда.

Как видим, по современным меркам урожай очень невысокий

Цена 1 пуда пшеницы в Омском уезде в 1913 году составляла 1 руб., ржи – 95 коп., проса – 1 руб. 40 коп., ячменя – 85 коп., картофеля – 35 коп., гречихи – 1 руб. 40 коп.

Следует сказать, что за двадцать лет перед революцией цены на зерно пшеницы были достаточно стабильны и изменялись в районе одного рубля за пуд. Хотя с годами тенденция к увеличению цены все-таки замечается. Так, в конце Х1Х века в Тарском округе Тобольской губернии пуд пшеницы стоил 65 коп, ржи – 42 коп.

Однако отмечались резкие колебания цен в период начала уборочной страды и появления зерна нового урожая. Если в июне-июле 1904 года пуд овса стоил 1 руб. 10 коп., то в августе – 30-50 коп. Стоимость пшеницы упала от 1 руб. до 50-60 коп., ржи с 90-95 коп. до 30-40 коп. Соответственно пуд пшеничной муки в июле стоил 1 руб. 20 коп., в августе – 55 коп.

А вот какими были цены на некоторые жизненно важные товары с 27 октября 1906 по 18 февраля 1909 г. (ИсАОО, ф. 172, оп.1, д. 80):

Крупы за 1 пуд: перловая – 3 – 4 руб., манная – 1 руб. 50 коп. – 2 руб., рис – 3 – 6 руб.

Сахар-рафинад за 1 пуд от 6 руб. 20 коп. до 6 руб. 80 коп.

Масло коровье за 1 пуд – 13 – 14 руб.

Чебак за 1 пуд – 1 руб. 20 коп. – 2 руб. 50 коп.

Яблоки свежие 1 шт. – 10 – 25 коп.

Мясо скотское за 1 пуд – 2 руб. 40 коп. – 3 руб. 60 коп.

Сапоги 1 пара – 3 – 6 руб.

Стекла для ламп – 5 – 30 коп.

Керосин за 1 пуд – 1 руб. 80 коп. – 2 руб.

Ведро вина хлебного (водки) – 9 – 12 руб.

Брюки мужские триковые – 3 – 15 руб.

Кальсоны 1 – 4 руб.

Сорочка мужская сатиновая – 2 руб. 50 коп. – 5 руб.

Юбка шелковая – 12 – 35 руб.

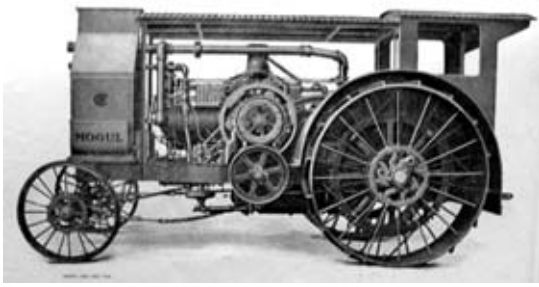
Костюм суконный триковый – 15 – 50 руб.

А вот недоступные простому люду вещи: браслет золотой – 15 – 70 руб., серьги золотые с бриллиантовым камнем – 100 – 1500 руб., часы дамские с золотой цепью 75 – 250 руб., пальто меховое с каракулевым воротником – 30 – 100 руб.

Дневной же заработок кузнеца, плотника, маляра не превышал 1 руб. 50 коп.

В 1912 году самой дешевой пшеница была в октябре – 64 коп. за пуд, самой дорогой в апреле – 1 руб. 71 коп. Сезонным колебаниям подвергалась и стоимость скота. В этом же 1912 году рабочая лошадь в январе стоила 34 руб. 42 коп, в августе 58 руб. 30 коп. (среднегодовая – 51 руб. 70 коп.), корова в январе – 27 руб., в мае – 39 руб. 30 коп. (средн. – 35 руб. 55 коп.).

Количество лошадей на одного домохозяина в различных селениях Омского уезда в этом году составляло от 0,9 до 4; коров – от 0,86 до 4,1. Эти цифры говорят о том, что некоторые домохозяева не имели ни одной лошади или ни одной коровы. Обычно таковыми были переселенцы. К слову сказать, именно переселенческое население Сибири в годы Гражданской войны склонялось в сторону большевиков, а старожилы и казаки были в основной массе за белых.



Трактор "Могул" 45 л.с.

Безлошадным одна дорога – в батраки. Ни о какой технике речи быть тогда не могло. Первый 45-сильный трактор «Могул» с 8-лемеховым плугом появился у известного коннозаводчика Филиппа Штумпфа в 1912 году. Было подсчитано, что вспашка 1 десятины трактором обходится в 7 руб., а лошадьми – 8-10 руб.

Хлеб для крестьянина воистину был всему голова. Он был основой семейного бюджета. Так земский корреспондент проанализировал приход и расход семьи из Тарского округа, состоящей из хозяина и хозяйки, матери хозяина, сына 10 лет и дочери 11 лет. Годовой расход этой семьи в денежном эквиваленте составил 397 руб. 07 коп., из них:

- на пищу себе – 161 руб. 72 коп.;
- на корм скоту – 91 руб.;
- отопление и освещение (дрова и керосин) – 6 руб. 60 коп.;
- мелкие расходы – 19 руб. 25 коп.;
- подати и повинности – 27 руб. 03 коп.;
- на одежду для всей семьи – 71 руб. 57 коп.;
- земледельческие орудия – 12 руб. 83 коп.;
- корм для птицы – 6 руб. 37 коп.;

Доход семьи составил 409 руб. 91 коп.:

- от посевов хлебов – 240 руб. 45 коп.;
- от скота – 92 руб. 62 коп.;
- от овощей – 47 руб. 29 коп.;
- от домашней птицы – 19 руб. 50 коп.;
- разных статей – 10 руб. 05 коп.

Таким образом, «профицит» семейного бюджета составил 12 руб. 84 коп.

Излишки хлеба крестьянин продавал. Но сделать это было не так просто. Городские рынки часто были за сотни верст и порой доставка пуда стоила 25-45 коп. и продавать приходилось в некоторых регионах по такой же или ниже цене. Крестьяне Мариинской волости жаловались, что провоз 1 пуда до Атбасара (56 верст) стоит 5 коп с пуда, а до Акмолинска 20-25 коп., «а там простоишь двоетрое суток и, в конце концов, продашь хлеб за бесценок». А костюм из суконно-

го трико стоил от 15 до 50 руб. Не зря его передавали по наследству.

Неурожайные годы были для крестьянина трагедией. Голод для многих областей дореволюционной России был привычным явлением. Для Омского уезда неурожайным выдался 1911 год. Неурожай привел к разорению многих крестьянских семей. Чтобы купить зерно, крестьянам приходилось продавать скот. Мясо значительно подешевело. Вот заметка в газете «Омский телеграф» от 18 августа 1911 г. о селе Благодаровка:

«Стоит дождливая погода, которая вредит уборке хлеба. Скошенный хлеб в копнах начинает гнить, оставшийся же нескошенным почти весь выбит градом. Цены на скот стоят небывало низкие. Каждый хочет сбыть скот, да покупать некому. Скотское мясо, продававшееся ранее по 10 коп. за фунт, в настоящее время стоит 5-6 коп.»

Погода в период уборочной страды не баловала, но главной причиной неурожая была засуха. Именитые граждане города стали жертвовать средства в помощь голодающим, и 21 августа было собрано 1040 руб. 75 коп. Акмолинский губернатор 2 сентября опубликовал в газетах объявление, в котором извещал, что правительство окажет помощь только больным и вдовам с малыми детьми, остальные крестьяне должны зарабатывать сами себе на пропитание. Ниже предлагались виды работ, вроде рытья канав по 25-35 коп. за погонную сажень и засыпки плотин для прудов… Кроме того, Городская дума решила отделить оптовых скупщиков – прасолов – на базаре от крестьян, выделив им отдельное место на 2-м взвозе. Городская управа, чтобы не допустить повышения цен закупила муку и продавала ее населению, благодаря этому и на омском базаре мука простого размола продавалась по 1 руб. 30 коп. за пуд.

Во время войны, когда в столице начались перебои с хлебом, Омская Городская дума, предупреждая повышение цен, установила 31 июля 1915 года таксу на продукты первой необходимости: мука-сеянка 1 сорта – 1 руб. за пуд, хлеб пшеничный – 1 руб. 40 коп. за пуд., овес – 70 коп. за пуд., соль – 40 коп. за пуд, сахар – 7 руб. 90 коп. за пуд.

Однако в революционном добольшевицком Омске в 1917 году стоимость пуда муки поднялась уже до 5 рублей.

УЧЕНЬЕ – СВЕТ…

К истории просвещения омского края

С делом не только просвещения, но и грамотности в Сибири были, мягко выражаясь, трудности. Самыми грамотными людьми были писари, подьячие и церковные служащие. Весьма характерный пример: руководитель Тарского бунта 1722 года казачий полковник Иван Немчинов был «грамоте необучен». Что уж говорить о простонародье! Такое положение продолжалось всю первую половину XVIII века.

Школы и училища

Первая гарнизонная школа в Омске открылась в 1765 году. В ней готовили писарей, кондукторов и топографов. Помимо основ грамоты и арифметики, здесь проводились занятия по военной службе и музыке. В 1789 году состоялось открытие Омской азиатской школы, готовившей «толмачей» (переводчиков) для военных отделов посольств и миссий.

Первое среднее учебное заведение – Войсковое казачье училище – было открыто в 1813 году. В нем обучались дети казаков Сибирского казачьего войска. Дети до 14 лет помещались в кантонистские школы, носившие название батальонов, эскадронов и батарей кантонистов.

В 1866 году школы училища были преобразованы в военно-начальные школы, а в 1868 году в военные прогимназии. До середины 19 века это были единственные источники образования, доступные лишь привилегированным сословиям.

Лишь в 1853 году открылось Ильинское приходское училище для мальчиков. В первый год в нем обучалось 77 учеников: 33 – дети дворян и чиновников, 22 – купцов и мещан, 22 – солдат и крестьян. К 1884 году открыты еще четыре приходских училища.

22 июля 1858 года в Омске учреждена женская школа, преобразованная в 1863 году в женскую гимназию с педагогическими курсами.

Первая женская гимназия. 1882 г. (Ул. Ленина, 10)

В 1876 году была учреждена 1-я классическая гимназия, из стен которой в разное время вышли писатель Антон Сорокин, поэт Леонид Мартынов, композитор В.Я. Шебалин, академики М.И. Майский, М.А. Усов и др. С 1877 начались занятия в женской прогимназии, преобразованной в 1906-07 гг. во 2-ю женскую гимназию. 21 декабря

1912 года Городская Дума заслушала доклад Училищной комиссии о размерах участия города в расходах на постройку здания для 2-й женской гимназии. Министерство народного образования одобрило смету в размере 94 712 руб. 98 коп., доля города составляла одну треть, то есть 31 570 руб. 99 коп. Ранее Городская дума уже выделила на строительство здания 29 025 руб. 95 коп. Поэтому в дополнение к выданной сумме без обсуждения было принято решение выделить еще 2 545 руб. 3 коп.

Однако образование было доступно по-прежнему не всем. Мало того, в 1887 году министр просвещения И. Делянов выпускает знаменитый позорный циркуляр, окрещенный «указом о кухаркиных детях», так как он призван был препятствовать поступлению в гимназии «служанкиным, прачкиным и кухаркиным детям». Однако и без этого указа классическое образование было труднодоступным для простого народа, так как было платным. Справочник «Весь Омск» за 1913 год приводит расценки платы за обучение в омских гимназиях. Так плата за обучение в мужской гимназии составляла в среднем 60 рублей в год. В 1-й женской гимназии за обучение в 1, 2, 3, 4 классах – 60 рублей за год, в 5, 6, 7 классах – 70 рублей, в 8-м – 75 руб. Всего на 5 рублей пониже были цены во 2-й женской гимназии. А в частной женской гимназии М.П. Эйнаровича оплата была и того выше – 90 руб.

В Омском Императора Александра III низшем механико-техническом училище, открытом 12 октября 1882 г., плата за «приходящих» учеников была 50 рублей, а за «своекоштных» – 250 рублей.

Таким образом, чтобы, например, крестьянин смог обучать своего ребенка в гимназии, ему пришлось бы продавать каждый год как минимум по корове или лошади. Ясно, что далеко не все могли это себе позволить. В некоторых учебных заведених существовали ограничения и по национальному признаку. Так, в Коммерческом училище число евреев не должно было превышать 10% от общего количества учащихся.

Учителя и ученики

Зарплата учителей зависела от учебного заведения. Так, в мужской и женской гимназиях, финансировавшихся в основном за счет государства, зарплата учителей была в 3-5 раз больше, чем в частной гимназии Эйнаровича. У частников зарплата была 200-500 рублей в год, а, к примеру, в первой омской мужской гимназии не имеющий чина преподаватель русского языка и словесности Михаил Федорович Соловьев получал 1440 рублей и была вакантно место учителя гимнастики с зарплатой 500 рублей в год.

В более худшем положении находились земские учителя. Это достаточно в полной мере предстает из заметки в газете «Омский телеграф» № 181 за 1911 год. Заметка так и называлась: «Положение народного учителя». В ней в частности говорилось: «Большая часть уездных земств (63,7%) в качестве основного жалования оплачивает учительский труд 360 рублями. Второй по распространению цифрой является жалование в пределах 240-360 рублей

(19,7% уездов). У 11,7% уездов жалование ниже 240 рублей, в отдельных случаях спускается до 144 рублей, то есть 12 рублей в месяц».

Итак, основное жалование земского учителя составляло 12-30 рублей в месяц.

Кроме этого, учителя получали к жалованию прибавки. Их величина и количество, видимо, определялось уездным начальством и колебалось от 30 до 400 рублей. «Периодические прибавки постепенно повышали размер жалования и доводили его до предельной величины, до 480 рублей (49 уездов), 420 руб. (36 уездов) и 540 руб. (36 уездов). Максимальный размер – 900 рублей.

В среднем земский учитель получал 344 рубля. Через пять лет его содержание доходит до 399 рублей, через 10 лет – 441 руб. и, в конце концов, – 511 рублей в год. Это высший предел в среднем по России».

К этому стоит добавить, что большинство учителей пользовались, согласно земской статистике, готовыми квартирами (таких учителей было – 73,1%). Те, кто квартир не получал, получали квартирные деньги в среднем по 67 руб. 40 коп. И только 3,3 % не получали ни квартиры, ни квартирных..

Прислугой имели право пользоваться учителя в 217 уездах, ее они были лишены в 75 уездах.

Образование было труднодоступно не только из-за высокой платы, но и из-за отсутствия мест в школах и гимназиях. Лишь в 1912 году Городская дума с гордостью констатировала, что за два года после избрания думы нового созыва в городе было открыто 8 начальных училищ и общее число начальных школ достигло 24, это позволит в текущем году принять в школу всех желающих детей в первый класс. Однако 3600 детей при том остаются вне школы из-за отсутствия помещений. Посадить всех детей за парты Городская дума планировала к 1921 году. А в 1912 году на образование выделено 128 428 рублей, что составляет 18,1 % от всех городских расходов. Из них 2 318 рублей было выделено на выплату стипендий в гимназиях, школах, училищах и даже в Томском университете и Технологическом институте. Это были стипендии имени генерал-губернатора Казнакова, имени Пушкина, имени Гоголя, стипендия в ознаменование 25-летней деятельности Омского Городского Общественного банка, стипендия в память освобождения крестьян, имени Ломоносова, имени Путинцева.

Лошадь со сбруей в то время можно было купить за 45-70 рублей.

А вот какие цены были на полеты авиатора Седова 8 сентября 1911 года.

Цены: Ложи на 5 персон – 8 р. Трибуна – 1 р. 60 к. Около трибуны – 80 к. и народные места – 20 коп.

Билеты в 8 руб., 1 р. 60 к. и 80 к. действительны как на бега, так и на полет.

Билет в 20 коп. действует только на полет и впускаться будет с противоположной стороны».

«Омский телеграф» сообщал:

«На ипподроме авиатором Седовым были совершены два полета на «Фармане». Первый полет длился 4 минуты, второй – 8-10 минут. Полеты соверше-

ны очень удачно, чему способствовала тихая погода. Авиатор залетал далеко за пределы тесного круга ипподрома и в вышину. Полеты сопровождались бурными аплодисментами довольно многочисленной публики, посетившей ипподром.

Сбор составил 1000 руб. после полета вход в круг был разрешен всем желающим осмотреть аппарат. Г. Седов предполагает совершить еще один полет с пассажиром. Желание летать изъявил пом. присяжного поверенного А.М. Мариупольский. Следующий полет состоится 8 сентября».

Помощник присяжного поверенного А.М. Мариупольский, видимо, был сыном известного омского предпринимателя Минея Мариупольского. Состоялся ли полет с пассажиром, нам выяснить не удалось, так как газеты за 8 и 9 сентября в Омском областном архиве отсутствуют.

А учитель, отправившись на это зрелище, скорее всего, выбрал бы трибуну, а то и скромно постоял бы возле нее за 80 копеек.

На пути к вузам

За пять предреволюционных лет количество учебных заведений резко возросло. К 1916 году в Омске было 11 средних общеобразовательных учебных заведений с 2946 учащимися, в том числе 3 мужских гимназии, 5 женских гимназий, 6 средних специальных заведений с 1646 учащимися (коммерческое училище, кадетский корпус, землемерное училище, сельскохозяйственная школа, учительский институт, женское епархиальное училище), 14 профессионально-технических училищ, 5 высших и 42 светских начальных училища.

Омск вышел на первое место в Сибири по числу начальных и средних учебных заведений.

По иному обстояло дело с высшими учебными заведениями. И не только в Омске, но и во всей Сибири. Уже с начала XIX века то и дело поднимался вопрос о необходимости открытия в Сибири университета. Наиболее внятными были инициативы известного реформатора и генерал-губернатора Сибири (1819-1821 гг.) М.М. Сперанского и историка П.А. Словцова. Позднее подключились областники. В 1863 году в Омске с лекцией о необходимости открытия университета в Сибири выступил Ядринцев. Он предлагал открыть его в Красноярске. Может быть, потому в Красноярске, что известный коммерсант и золотопромышленник Сидоров готов был взять практически полностью его содержание, если университет будет открыт в Красноярске. Однако, «центр» игнорировал все инициативы.

И лишь в 1875 году по докладу генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова последовало высочайшее повеление разработать вопрос по университету. Казнаков поручил разработку Ядринцеву. Тот составил смету на 500 тысяч рублей, запланировал 4 факультета: медицинский, физико-математический, историко-филологический и юридический. Началось соревнование городов за открытие университета. Главных претендентов было три: Томск, Омск и Тобольск. Иркутск отказался в пользу Томска.

Большинство городов поддержали Томск. За Омск была только Тюмень.

В итоге в 1888 году университет был открыт в Томске в составе лишь медицинского факультета. А в 1900 году там же был открыт Технологический институт. А Омск так и остался до революции без высшего учебного заведения. Хотя и был открыт 1 июля 1912 года трехгодичный Учительский институт, но, по-современному, это был, скорее, техникум. На 1 января 1916 года там училось 58 человек. Просуществовал институт до 1956 года и готовил педагогов дошкольного и начального образования.

С 1905 по 1911 г. неоднократно подавались в столицу мотивированные ходатайства об открытии в Омске Ветеринарного института.

А в 1912 году Омскому городскому общественному управлению была представлена Записка о необходимости открытия в Омске сельскохозяйственного института комиссией в составе Г.Е. Катанаева, В.П. Балиева, А.Н. Седельникова и А.А. Митаревского. В Записке подчеркивалось значение Омска как центра Западной Сибири, признанного и московскими фирмами. В.и С. Морозовы, Циндель, Рябушинские, Каретниковы, Ясюнинские, Даниловские построили здесь свои оптовые склады. Омск занимает по грузообороту первое место, как и по населению (около 140 тысяч человек). Почва плодородна. Но климат часто засушлив и нуждается в систематическом изучении, требуется выведение новых зерновых культур, устойчивых к засухе и холодам. Комиссия предложила в целях экономии объединить Сельскохозяйственный институт с Ветеринарным. Дело стронулось с мертвой точки, но помешала война.

27 августа 1915 года Городская дума рассмотрела вопрос о размещении в Омске Юрьевского Ветеринарного института в случае его эвакуации и направила телеграмму: «Юрьев. Директору института. Омское Городское Общественное Управление в течение десятилетия хлопочет об учреждении Ветеринарного института в Омске, издало по этому вопросу мотивированную записку, перевод института встретит с радостью. Сегодня особым совещанием намечены под кабинеты и аудитории ряд зданий, расположенных в центре города и решено предоставить их в распоряжение администрации института. Вместе с тем совещанием намечены ряд мер к обеспечению студентов дешевыми квартирами».

Однако эвакуация института не состоялась.

Сельскохозяйственный институт был открыт в Омске 24 февраля 1918 года на базе Омского среднего сельскохозяйственного училища. Далее произошло несколько отпочкований. Ветеринарный факультет сельхозинститута в 1920 году был преобразован в Сибирский ветеринарно-зоотехнический институт. В этом же году на его базе был открыт медицинский факультет, выделенный в 1921 году в Западно-Сибирский Медицинский институт.

На 1 декабря 1925 года в Омске уже 4 вуза: Сиб. сельхозинститут (839 уч.), Рабочий факультет (421 уч.), Зап-Сиб. Мединститут (677 уч.), Сиб. Ветинститут (342 уч.). Кроме того, 32 школы и 7 техникумов: политехникум, механико-строительный, акушерский. художественно-промышленный, водный, музыкальный, железнодорожный техникум путей сообщения.

В 1930 году открыты еще два вуза: Сибирский автомобильно-дорожный институт и Омский институт инженеров транспорта.

В 1932 году в Омске был открыт Педагогический институт.

16 ноября 1942 года на базе эвакуированного вечернего Ворошиловградского машиностроительного института был создан Омский машиностроительный институт, реорганизованный в 1963 году в политехнический институт. В 1950 году открыт институт физкультуры. А в 1974 году, наконец-то, и Омский государственный университет.

ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КОММЕРСАНТОВ… В ЕВРОПЕЙСКОМ СМЫСЛЕ

После открытия Сибирской железной дороги резко увеличился товарооборот через омский регион. Стремительный приток иностранного и крупного московского капитала требовал новых подходов к торговому и промышленному делу. Купец, слюнявивший перед сном купоны, уже мало соответствовал требованиям времени. Нужны были новые кадры. И для подготовки таких кадров требовалось новое учебное заведение.

И таким учебным заведением должно было стать Коммерческое училище. Идея открытия такого училища в Омске была высказана Биржевым обществом еще в 1905 году, была даже открыта добровольная подписка по сбору денег.

Газета «Омский телеграф», 9 июля 1908 г. писала:

«Из торгово-промышленной хроники

Вопрос об открытии в г. Омске коммерческого училища по-прежнему продолжает служить темой дня. Так, недавно инициатор открытия этого училища Омский биржевой комитет разослал обращение, в котором просит сочувствующих лиц и учреждения помочь ему в выполнении столь полезного начинания, как распространение коммерческих знаний. В этом обращении комитет, между прочим, пишет, что с открытием названного училища явится возможность подготовки коммерсантов в широком европейском смысле этого слова».

Однако дело продвигалось медленно, и биржевой комитет обратился к городским властям за помощью. 2 сентября 1908 года Городская дума своим постановлением поддержала «биржевиков» и заявила, что город готов выделить на содержание училища 5000 рублей в год и земельный участок для строительства здания.

Был разработан проект устава училища, и после согласования его в Мини-

стерстве торговли и промышленности в конце 1909 года избрали попечительский совет из числа членов биржевого комитета и гласных (депутатов) Городской думы. Председателем попечительского совета стал Филипп Филиппович Штумпф, занимавший пост и председателя биржевого комитета, членами совета стали: Морозов А.П., Пшеничников В.В., Сивов С.Г., Серебряков Г.Я., Севастьянов Я.С., Толстых А.С., Липатников П.А., Гриневский К.А.

Однако тут возникли разногласия в попечительском совете. «Биржевики» обвинили членов совета от Думы в намеренном затягивании открытия училища, настаивали, чтобы училище было открыто в январе 1910 года, и предложили на должность директора известного богача-предпринимателя Минея Мариупольского. 8 января 1910 года Дума рассмотрела вопрос об училище и рекомендовала отложить открытие училища до начала следующего учебного года, а кандидатуру Мариупольского отвергла, так как у него не было высшего образования. Кроме того, постановила ввести в пользу будущего училища сбор со свидетельств на право заниматься торговлей, выдаваемых купцам первых двух гильдий, а также на содержание предприятий и пароходств в размере 10 процентов от основной стоимости свидетельств. В газете «Омский телеграф», как раз в день заседания, появилась большая статья, в которой говорилось о преждевременности открытия училища, приводился факт, что даже парт в одном классе вместо 40 всего 17.

Здание коммерческого училища

Однако, Ф.Ф. Штумпф заявил на заседании Думы 19 января, что училище откроется независимо от того, что решит Дума, так как уже от родителей поступило более 70 заявлений, и что Волжско-Камский коммерческий банк ежегодно готов выделять на содержание училища 5 000 рублей. Хотя такое решение и нарушало законодательство, училище было все-таки открыто 31 января 1910 года, и в апреле в двух подготовительных классах, как и планировалось, училось по 40 человек.

Курс обучения был рассчитан на 8 лет. Обучение было платным. Размер оплаты устанавливался попечительским советом. Конкретные цифры неизвестны, но, думается, плата была выше, чем, например, в Омских мужских гимназиях, где она составляла 60-80 рублей в год при государственном субсидировании от 32 до 53 тысяч рублей. Выше она должна была быть и потому, что преимущество при поступлении имели дети мужского пола лиц торговой профессии, т.е. люди состоятельные. Характерно, что мальчиков-евреев должно было быть не более 10 процентов от общего количества учащихся.

Факт отсутствия ассигнований из Государственного казначейства гово-

рит о том, что правительство долгосрочные проекты в предпринимательской сфере мало интересовали. Но ситуация менялась, когда выгода становилась очевидной.

В Коммерческом училище в дополнение к общеобразовательным предметам преподавали коммерческую арифметику, бухгалтерию (теоретическую и практическую), политическую экономию, историю торговли, законоведение (преимущественно торговое и промышленное), коммерческую географию. За дополнительную плату можно было обучаться стенографии, пению и танцам.

Если учесть, что средняя стоимость рабочего дня в 1910 году в Омске разнорабочего составляла 88 коп., а штукатура, маляра, кузнеца, столяра и слесаря 1 руб. 47 коп. (соответственно около 20 и 30 рублей в месяц), то ясно, что далеко не все могли обучать своих детей в этом заведении.

Но поскольку ждать первого выпуска было долго, при училище открыли двухгодичные Торговые классы, которые «имеют целью сообщить лицам обоего пола не моложе 12 лет, преимущественно состоящих на службе в торгово-промышленных учреждениях, коммерческие познания в торговом деле». Занятия в Торговых классах проводились в утренние, вечерние часы, в воскресные и праздничные дни.

Кроме этого, при училище была открыта Городская торговая школа со сроком обучения 3 года. Целью ее было «подготовлять учащихся к коммерческой деятельности на восточных окраинах империи и в прилегающих к России азиатских государствах». В Торговых классах и Торговой школе дополнительно изучали китайский и монгольский языки.

Учащиеся-«коммерсанты» имели свою форменную одежду. Окончивших с золотой и серебряной медалью планировалось увековечивать на мраморной доске. Первым директором училища был Царский Александр Александрович.

Располагалось училище поначалу на Скорбященской улице (ныне Гусарова) в доме Липатникова, в 1913 году на ул. Атаманской, 54 (ул. Ленина), а при Колчаке на Музейной улице.

«ПУШКИНКА» ПОД БОКОМ У ЛОМБАРДА

В 2007 году исполнилось 100 лет со дня открытия Омской библиотеки имени А.С. Пушкина. Как указывает «Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской губернии за 1909 г.», 26 января 1907 года начал работу читальный зал библиотеки, а 26 июня библиотека стала выдавать читателям (подписчикам) книги на дом.

К юбилею Пушкина

Поначалу основой фонда библиотеки им. Пушкина были книги библиотеки Общества попечения о начальном образовании, основанного в 1884 году. Библиотека общества работала с 1893 года и располагалась в небольшом домике недалеко от нынешнего речного училища. Накануне 100-летнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина Совет Общества попечения о начальном образовании обратился в Городскую думу с предложением увековечить память великого поэта основанием библиотеки его имени. Городская дума в 1899 году вынесла соответствующее постановление, по которому собрание книг Общества поступает в Пушкинскую библиотеку, а город берет на себя обязательство по постройке здания. К слову сказать, в достаточно качественно иллюстрированной книге «Старый Омск» (Омск, 2000) ошибочно указано, что Городская дума вынесла это постановление в 1889 году. Сразу вызвало сомнение, что дума озаботилась юбилеем Пушкина за десть лет до этого юбилея. Проверка Постановлений Городской думы в фонде №30 Исторического архива Омской области показала, что такого постановления не было. Тем не менее данная опечатка благополучно перекочевала в другое солидное издание «Из XVIII века – в век XXI: ИСТОРИЯ ОМСКА» (С-Петербург, 2006). Впрочем, в последнем издании это не единственная неточность…

С помещением библиотеки оказалось не все так просто. В ходе дебатов поначалу предполагалось построить дом за 35-45 тыс. рублей, но, в конце концов, дело кончилось тем, что дума выделила на постройку библиотеки два раза по 5 тысяч рублей лишь к 1904 году. А библиотека между тем работала: в 1901 году у нее было 638 читателей, хотя книжный фонд был невелик – всего около 6 тысяч томов.

Только к осени 1904 года дело сдвинулось с мертвой точки. Газета «Степной край» писала: «3 сентября состоялся молебен по случаю закладки здания для библиотеки в память юбилейного торжества знаменитого русского поэта А.С. Пушкина». На самом же деле это было не здание, а пристройка по проекту омского архитектора Г.С. Бартковского к зданию, в котором располагалась Городская дума, Городская управа и городской ломбард. Пристройка органично вписалась в ансамбль здания. Библиотека расположилась в двух комнатах на первом этаже.

На содержание библиотеки было ассигновано из городской казны в 1908 году – 4180 руб., в 1909 – 4 480 руб., в 1910 – 3980 руб. Расходы 1910 года составили на:

жалование библиотекарям 2 чел. – 960 руб.;
жалование помощника библиотекаря – 480 руб.;
жалование швейцару – 300 руб.;
жалование помощнику швейцара – 240 руб.;
заведение шкафов и канцелярских товаров – 300 руб.;
мытье полов – 120 руб.;
устройство железной решетки, отделяющей
читальный зал от хранилища – 40 руб.;
выписку книг – 1000 руб.;
выписку газет и журналов – 500 руб.;
страхование книг – 40 руб.

Хочешь читать – плати

С 1 сентября 1907 года до 1 января 1908 года число подписчиков библиотеки было всего 371 человек, в то время как население Омска в 1907 году по данным «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге» составляло 72 000 человек. Правда, кроме Пушкинской библиотеки, была еще 2-я городская библиотека, располагавшаяся на Тарской улице и переименованная в 1911 году в библиотеку имени В.Г. Белинского. По книжным фондам эта библиотека была примерно одинакова с Пушкинской библиотекой, но по количеству читателей незначительно превосходила ее, так как книги здесь выдавались бесплатно, а вот в библиотеке им. А.С. Пушкина в читальном зале можно было заниматься бесплатно, а на дом книги выдавались за плату. Подписчики разделялись на два разряда: по 1 разряду подписчик вносил плату 3 рубля за год или 30 копеек в месяц, а также оставлял залог 3 рубля, он имел право получать при каждом посещении две книги, журнал и три газеты текущего года. Подписчик 2 разряда оставлял в залог 1 рубль и платил за соответствующий срок подписки, он имел право получать только одну книгу и один номер газеты.

В читальном зале Пушкинской библиотеки

Читальный зал был открыт в будние дни с 10 до 13 часов и с 16 до 20 часов, в воскресные дни с 11 до 15 часов.

В 1911 году приход за чтение книг составил 1279 рублей 20 копеек. Среди главных пользователей были учащиеся и чиновный люд. Так, в 1912 году среди читателей были 293 учащихся, 137 чиновников, 106 служащих, 62 торговца, 5 рабочих, 4 солдата и 5 человек из домашней прислуги. В 1910 году читальный зал посетило 15 485 человек.

Вдыхая запахи ломбарда

Уже сразу после вселения на новое место стало ясно, что двух комнат явно недостаточно, особенно не хватало места для хранения книг. Кроме тесноты, читатели и библиотекари страдали от близости городского ломбарда, который источал запахи нафталина и старых вещей. Общественность и местные газеты постоянно указывали на тесноту и советовали увеличить площадь за счет ломбарда, но Городская дума уходила от решения этого вопроса. Газета «Омский телеграф» от 3 марта 1909 года в хроникальной заметке сообщала, что читальный зал требует расширения, часто бывает полностью занятым, что «настоящее помещение является уже недостаточным».

13 сентября 1913 года Библиотечная комиссия при Городской думе в составе Н.П. Кудреватых, В.В. Чернавина, А.С. Толстых, Н.Д. Баскакова и А.В. Арефьева на своем заседании рассматривала вопрос о расширении библиотеки и предложила Городской управе вернуться к проекту пристройки для библиотеки архитектора П.Ф. Горбачева, который 9 января 1909 года предложил управе эскиз. Смета проекта составляла 16 000 рублей. В пристройке предполагалось на нижнем этаже две комнаты для швейцаров, квартиру десятника-сторожа, его помощника и архив библиотеки, на втором этаже – шкафную для библиотеки и квартиры библиотекарей, а верхний этаж планировался под Городскую управу.

Однако Городская управа определила: относительно приобретения шкафов и постройки барьеров для Пушкинской библиотеки согласиться и внести на рассмотрение Городской думы, а вопрос о расширении оставить открытым до постройки здания для городского ломбарда.

В Москву, в Москву!

Указывали газеты и на малое число библиотекарей, из-за чего читателям приходится подолгу ждать, пока их обслужат. А было в Пушкинской библиотеке всего три главных сотрудника: библиотекари Александра Степановна Декатова, Нина Александровна Надежницкая и их помощница Нина Алексеевна Каверина.

30 марта 1913 года Городская дума рассматривала вопрос о командировании библиотекаря А.С. Декатовой на библиотечные курсы в Москву при университете Шанявского. В этом университете, к слову, учился какое-то время Сергей Есенин.

Командировка должна была быть на три недели с 17 апреля. Городская дума обсуждала вопрос о выделении денег на командировку в размере 125-150 рублей. В итоге единогласно было принято решение выделить Декатовой на командировку 150 рублей. Много это или мало? Зарплата Декатовой была 40 рублей в месяц.

Принимающая сторона сообщила, что в Москве можно снять квартиру по 20 коп., 50 коп. и 1 руб. в сутки. Проезд до Москвы стоил в скором поезде по 1 классу – 48 руб., по 2 классу – 28 руб., 80 коп., в пассажирском поезде: 1 класс – 40 руб., 2 класс – 24 руб., 3 класс 16 руб.

Выбор, как видим, есть. Понятно, что 1-й класс для богатых. Но вряд ли интеллигентная женщина поехала бы третьим классом – эквивалентом общего современного вагона, где ездили бедняки. Вагоны красились в разный цвет. Вспомним у Александра Блока:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели.

Возьмем 2-й класс пассажирского поезда: туда и обратно – 48 рублей. Квартира по максимуму – 21 рубль. Если на питание по 2 рубля, что очень много, то останется еще рублей сорок, месячная зарплата. Командировка в таком раскладе оказывается весьма выгодной.

Она была популярнее Льва Толстого

Среди читателей библиотеки наибольшей популярностью пользовалась беллетристика. Причем, как и сегодня, бульварная литература пользовалась большим спросом, нежели классика. Так, в 1910 году чаще других были востребованы книги Вербицкой – 602 раза, Льва Толстого – 529, далее шли Тургенев, Достоевский, Гарин… Кто сегодня помнит Вербицкую? А в начале 20 века она была столь популярна, что один из критиков, анализируя спрос читателей в библиотеках России за 1910 год, воскликнул: «Лев Николаевич Толстой или Анастасия Алексеевна Вербицкая? Кому володеть мыслью и княжить в сердце современного русского читателя?» Правда, в 1911 году в Пушкинской библиотеке Лев Николаевич опередил Вербицкую 719 запросов против 669, но это было связано, скорее, со смертью великого классика.

Анастасия Вербицкая была «идейной» писательницей, боролась за равноправие женщин. Огромную популярность ей принес роман «Ключи счастья» (1910 г.), вышедший 40-тысячным тиражом при обычном для того времени тираже 2-3 тысячи. Знаменитые режиссеры Гарин и Протазанов снимают по нему фильм. А был это образчик бульварной литературы. Главный герой революционер Ян учит героиню, что ключи счастья – это наши страсти, что если вы утром целовались со мной, а вечером вас потянуло к другому, то не надо этому сопротивляться… Главная героиня и следовала этим рекомендациям, за что получила от критиков прозвище «Санин в юбке». А арцыбашевского Санина Максим Горький назвал «вертикальным козлом».

После революции Наркомпрос решил сжечь весь склад книг Вербицкой «за порнографию, юдофобство и черносотенство», но заступился Воровский. Была создана комиссия из 12 литераторов-коммунистов, которые три месяца читали 33 тома ее сочинений и нашли их безвредными.

Послереволюционное послесловие

В октябре 1920 года Сибревком принимает постановление о национализации городских, общественных и частных библиотек. Фонды Пушкинской библиотеки пополнились книгами их из библиотек кадетского корпуса, епархи-

ального училища, коммерческого клуба, общественного собрания, мужской и женской гимназий и частных книжных собраний. За три года фонд увеличился с 6 тысяч до 300 тысяч томов.

В 1924 году библиотека полностью заняла здание бывшей Городской думы, где располагалась до апреля 1995 года.

НА СТРАЖЕ ОТ ОГНЯ

Пожары были страшным бичом для деревянного Омска. На протяжении его истории было столько пожаров, что трудно сосчитать. Были и такие, что уничтожали не только дома и улицы, но и целые кварталы или форштадты, как их тогда называли. Люди были практически бессильны перед огнем. Лишь в 1825 году была организована Омская пожарная охрана. В 1885 году в помощь ей создается Вольное пожарное общество.

Однако пожарные на лошадках с бочками обычно также мало чем могли помочь на больших пожарах.

Так, в ночь с 24 на 25 ноября 1910 года в городе сгорела Пряничная фабрика со всеми постройками. В этом же году горел городской театр. Пожарные прибыли через 45 минут, хотя находились в полуверсте от места пожара. В 1911 году горел торговый дом купчихи Шаниной, дважды горела гостиница «Россия» (ныне «Октябрь»), что практически разорило ее владельца купца Терехова.

Всего в 1911 году в Омске и уезде случился 51 пожар, ущерб от которых составил 180 325 рублей (тогдашний рубль равнялся примерно 350 сегодняшних рублей). В 1913 году было 232 пожара, сгорело 651 строение, ущерб составил 465 971 рубль.

Губернатор Акмолинской области писал Городской управе: «Пожар на Пряничной фабрике еще раз подтвердил недостаточность состава пожарных команд, так как и людей и бочек оказалось мало, особенно при возке воды из Иртыша. Прошу Городскую управу обсудить вопрос об увеличении числа бочек и числа пожарных служителей, а равно поторопиться со скорейшим обсуждением вопроса об устройстве водопровода…»

В условиях столь частых пожаров большое значение имело своевременное обнаружение и оповещение о пожарах. В конце XIX века на ул. Александровской находилась вторая частная пожарная управа с деревянной каланчой высотой 14 метров. В 1908 году комиссия проверила состояние башни и констатировала: «Каланча очень старая… Площадки очень малы. Каланча слишком низкая».

Возможно потому, что от пожара пострадали его родные детища (театр, дом Шаниной, гостиница «Россия») архитектор Илиодор Геннадьевич Хвори-

нов составил проект новой пожарной каланчи со сметой 7 408 руб., которую Городская дума утвердила и объявила торги. Но желающих строить каланчу не нашлось. Еще дважды объявлялись торги, 24 августа 1912 года и 28 марта 1913 года, но желающих опять не нашлось. Тогда увеличили смету до 10 107 руб. и на торгах 19 апреля 1914 года определился подрядчик. Им стал нижегородский крестьянин Михаил Андреевич Кузнецов. Строительство каланчи началось 26 апреля 1914 года, и было закончено 24 сентября 1915 года. Хворинов не дожил до окончания строительства, на 79 году жизни скончался и был похоронен на Казачьем кладбище.

В процессе строительства решено было увеличить высоту смотровой площадки до 20 метров, так как вокруг в 1914 году появились высокие дома: здание компании «Саламандра» (Музейная, 4), Акционерного общества «Эльворти» (Тарская, 6) и доходный дом А. Печокас (Орджоникидзе, 14).

Архитектурный стиль специалисты определяют как эклектический с использованием классицизма и мотивов Древней Руси.

На первом этаже была арка с воротами, откуда выезжала бочка с водой. Здесь же была паровая машина и пеногонная труба, изготовленная на АО «Машиностроительные заводы Густава Листа». На втором этаже жил начальник пожарной части. Внутри винтовая лестница, выводившая на смотровую площадку диаметром 5 метров. Над башенкой в центре площадки конусообразная крыша со шпилем и завитушками, на которых вывешивались шары, сигнализирующие о сложности пожара и необходимости привлечения других пожарных команд.

Каланча использовалась как наблюдательная вышка и в годы Советской власти. Так, за пять лет, в 1920-24 гг., в городе было 623 пожара. Извещения о них получены: 355 по телефону, 209 с каланчи, 53 по личному заявлению и 6 – по гудку. С 50-х годов XX века, когда телефоны сделали ее ненужной, в каланче располагались служебные квартиры. Арку заделали кирпичом, с обратной стороны прорубили дверь. Дважды каланчу пытались снести. Первый раз в 1950-е годы, когда собирались делать пристройку к дому слева от нее, но не построили. Второй раз в середине 60-х из-за строительства почтамта. Отстоял каланчу первый секретарь Центрального райкома КПСС Н.В. Кукель-Краевский. Почтамт был построен в 30 метрах.

В связи с 90-летием проведены ремонтно-реставрационные работы по проекту ТПИ «Омскгражданпроект». Работы проводило ООО «СтройподрядИмпульс». На смотровой площадке был установлен манекен-пожарный «Василич».

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

Основным производителем табачной продукции до революции была табачная и папиросная фабрика Я.М. Серебрякова, работавшая с 1897 года. Располагалась она на ул. Томской (ныне Лермонтова) в собственном доме. Имела магазин на ул. Дворцовой (ул. Ленина) в доме Батюшкиной.

Фабрика изготовляла восемнадцать видов папирос и столько же табаков, используя в качестве сырья крымский и турецкий листовой табак. К 1913 году на фабрике работало 120 человек. Ежегодный выпуск продукции составлял 4 419 пудов табака и папирос.

За высокое качество изделий фабрика в 1907 году удостоена Большой Золотой медали на выставке в Ростове-на-Дону, а также высших наград на Марсельской, Буэнос-Айросской и Всемирной Брюссельской выставках.

После революции фабрика прекратила существование. Во времена НЭПа на ул. Учебной действовала частная махорочная фабрика, на которой работало около 20 человек. 23 марта 1923 года газета «Рабочий путь» писала о том, что частный предприниматель нарушал закон о труде, не отпускал женщину кормить грудного ребенка, за что был оштрафован на золотые рубли. Заметка заканчивалась призывом вступать в профсоюзы.

Табачная фабрика «Омская» создана на базе эвакуированных Ростовской и Феодосийской табачных фабрик в 1942 году. Первоначально располагалась в здании швейной фабрики «Большевичка», где было установлено 25 гильзовых и 32 папиросонабивочных машины.

Приказами по Народному Комиссариату Пищевой промышленности СССР от 30 июня и 21 октября 1942 года руководству области было предписано в кратчайшие сроки приступить к строительству корпуса фабрики и установке оборудования.

Строительство собственного корпуса фабрики и установка оборудования были закончены в мае 1943 года. А 4 июня 1943 года коллектив фабрики приступил к работе в собственном корпусе. Дополнительно было прислано оборудование из Бийска, Шадринска, Глазова и других городов, что позволило увеличить объемы производства.

Если в 1943 году было выпущено 3,8 млн шт. папирос «Наша марка» и 107, 3 т табака «Южный», то в 1945 году уже выпускалось папирос (тыс. шт.): «Победа» (1883), «Кремль» (10257), «Первомайские» (183,1), «Ермак» (7238), «Наша марка» (22613), «Луч» (2440,4), «Иртыш» (6917), а также 155,8 тонн табака – «Рекламного», «Южного» и «Омского».

ТОВАРИЩЕСТВО «РАБОТНИК» В ОМСКЕ

Товарищество на паях «Работник» (сельскохозяйственное комиссионерство «Работник») основано в 1866 году.

Правление товарищества находилось в С-Петербурге, наб. р. Мойки, д. №1-7, уг. Марсова поля. Имело свои Отделения в Европейской России: Москве, Киеве, Жмеринке, Погребище, Козлове, Ельце, Рязани, Самаре.

В Западной и Восточной Сибири было более 80 отделений и складов, которые находились в городах Кургане, Омске, Семипалатинске, Бийске, Новониколаевске, Красноярске, Петухове, Исилькуле, Павлодаре, Ялуторовске, Тюкалинске и других.

Главная контора Сибирских Отделений и склад располагались в Омске на углу Александровской улицы и Интендантской площади.

Товарищество занималось производством и торговлей сельскохозяйственными орудиями и машинами, нефтяными двигателями Дизеля, газогенераторами Гюльднера, в том числе дизелями, локомобилями и машинами для обработки торфа Коломенских машиностроительных заводов и двигателями «Горнсби» заводов Вестингауза.

Общество Коломенских машиностроительных заводов имело в Сибири «исключительные представительства» Товариществ и заводов «Добровых и Набгольц», «Рансом, Симс и Джефферсон», «Массей Гаррис», «Густав Лист» (насосы), «Майер и Ко» и Т-ва «Свет».

Товарищество «Работник» занималось «полным устройством» паровых и водяных, крупчатых, пеклеванных и ржаных мельниц, кирпичеделательных заводов, скотобоен, водопроводов, парового и водяного отопления, электрического освещения и водоснабжением железной дороги.

Реклама обещала, что «покупатели машин и орудий из складов «Товарищества» пользуются бесплатно услугами монтеров, имеющихся при каждом отделении. Склады обеспечены запасными частями. Отделения принимают заказы на машины и орудия, которых не имеется в каталоге. Оптовым покупателям скидка и льготные условия платежа».

На Первой Западно-Сибирской выставке 1911 г. Коломенскому заводу была присуждена Большая золотая медаль за плуги, корчевальную машину «Новый монарх», сенной пресс и пропашники. Завод «Рансом, Симс и Джефферсон» также был удостоен Большой золотой медали «за сложную паровую молотилку».

Главным доверенным и представителем Т-ва «Работник» в Омске был Иннокентий Александрович Молодых. Кроме того, он был гласным Городской думы 1910-1914 гг. и членом нескольких думских комиссий: по сооружению городского водопровода, по постройке 2-го постоянного моста через реку Омь и подготовительной комиссии о пользах, нуждах и благоустройстве города. Накануне революции жил в Петрограде. 28 апреля 1918 г. подготовил для Ленина доклад о Союзе сибиряков-областников. В июне 1918 г. вернулся в Омск

и 18 июля 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства назначен товарищем министра снабжения. В 1920 году был приговорен ревтрибуналом на процессе над колчаковскими министрами к 10 годам лишения свободы. Умер в 1921 году.

«ПРЕПЯТСТВИЙ К ПОСТРОЙКЕ ТЕАТРА НЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ…»

До последней четверти 19 века Омск обходился без театра. Любительские спектакли ставились в различных учебных заведениях и обществах, которые подыскивали подходящие помещения. Однако потребность в театре была, и потому в 1872 году по инициативе губернатора Акмолинской области Цытовича с согласия генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущева была открыта подписка по сбору денег на строительство здания театра.

Через год потребная сумма была собрана, и губернатор обратился к Городской думе с просьбой о выделении в городской роще места под театр. 26 октября 1873 года дума ответила, что «препятствий к постройке театра в городской роще не встречается», однако, «чтобы театр этот, построенный на городской земле, составлял собственность города». На том и порешили.

Деревянное здание театра было построено в 1875 году. Работами руководил архитектор Э.И. Эзет. В течение нескольких лет театральное здание снимал антрепренер Яков Надлер с труппой из 18 человек. В постановках преобладали водевили и фарсы, но ставились и серьезные пьесы Островского, Гоголя и Сухова-Кобылина.

Однако в мае 1877 года здание театра сгорело. Театральная жизнь замерла. К осени, правда, нашелся антрепренер Н.Ю. Львов-Тургенев, который предложил использовать одноэтажную деревянную казарму в бывшей крепости, приспособленную под манеж. Однако в помещении было холодно, темно и тесно. Аренда помещения не окупалась доходами от спектаклей, и Львов-Тургенев обанкротился, продал думе за триста рублей декорации и 90 керосиновых ламп и уехал из Омска.

В 1882 году было построено новое здание театра, которое находилось в сквере напротив нынешнего кинотеатра Маяковского. Но и в этом здании не было никаких удобств, актеры и зрители страдали от холода. Здание быстро обветшало и было разобрано в 1891 году.

Однако, несмотря на все трудности, театральная жизнь не прекращалась. В 1886 году было создано Омское драматическое общество, которое пригласило антрепренера П.П. Медведева, а тот привез в Омск труппу из 22 человек. В 1895 в Омске играл известный трагик В.В. Чарский, а с 8 по 14 июня 1897 года

гастролировала знаменитая артистка Императорских театров Гликерия Николаевна Федотова.

Новое здание под театральные представления построил в 1898 году на месте нынешнего корпуса №2 Омского педуниверситета на Партизанской ул. предприниматель П.К. Сичкарев. Он, правда, решил удовлетворить сразу всем вкусам и построил театр в виде цирка с ареной и амфитеатром на 800 человек. При необходимости земляной пол застилался, в глубине устанавливалась сцена с простейшими ширмами. Здание было сырое неудобное, с тусклым освещением керосиновыми лампами. Тем не менее именно в этом здании покорял своим мастерством омичей известный трагик М.В. Дальский. Здание просуществовало до 1909 года и приносило владельцу ежегодно не менее 7 тысяч дохода.

Омские же театралы не переставали мечтать о настоящем театре драмы, о театре комфортабельном, со всеми удобствами цивилизации. Омское драматическое общество не раз устраивало спектакли для создания фонда на постройку театрального здания. В 1896 году председатель общества обратился в очередной раз с предложением построить театр на средства займа при поддержке Городской думы. Наконец, 17 февраля 1898 года Городская дума приняла решение о строительстве театра, но, ввиду недостаточности средств, из городского бюджета было решено ассигновать не более 100 000 рублей. Была образована специальная комиссия по строительству под началом Городского головы Н.Н. Остапенко. Местом постройки была выбрана Базарная площадь. Решено было строить здание на 800 мест с партером не менее 300 мест, с фойе, буфетом, гардеробной, комнатой для касс, с несколькими выходами.

Городской театр

Торжественная закладка состоялась 8 июля 1901 года. Руководил работами инженер И.Г. Хворинов. За эту работу ему причиталось вознаграждение в размере от 4% от стоимости постройки.

Городская управа в 1902 году заключила соглашение с московской фирмой «Братья Млынарские», строительный отдел которой представил смету на сооружение при театре автономной электростанции и сети приборов электрического освещения внутри здания. Здание театра произвело сильное впечатление на омичей. Выполнено оно было в стиле позднего барокко, фасад с выдающимся вперед подъездом, на крышах и балконах – фигурные вазы, на стенах – лепнина. В глубоких нишах между пилястрами по фасаду – скульптуры Чехова и Толстого. И с той поры, простояв сто с лишним лет, здание мало изменилось.

Торжественное открытие театра состоялось 24 сентября 1905 года. А вечером того же дня была поставлена комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Предложения стать антрепренерами поступали со всей страны, но Городская дума остановилась на Е.М. Долине. В 1905-1907 гг. в театре работала его труппа

Среди актеров были будущий народный артист РСФСР И.А. Слонов и будущий народный артист СССР М.М. Тарханов.

С появлением театра город посещали труппы из других городов, которые ставили не только спектакли и пьесы. Так, 22 марта 1908 года газета «Омский телеграф» анонсировала, что труппой А.Ф. Матусина в воскресенье, 23 марта, дано будет два спектакля: днем «по общедоступной цене» «НАТАЛКА ПОЛТАВКА» Котляровского в 3-х действиях, а вечером «ВИЙ» – опера-феерия в 4 действиях и 5 картинах с пением, пляской, чертями, ведьмами, полетами гроба и превращениями», а также сообщалось, что «готовится к постановке злободневная пьеса, выдержавшая в Харькове в течение зимнего сезона 50 спектаклей «ПАННА ШТУКАРКА».

В следующем 1909 году март был в городском театре полностью оперно-оперетточным. 8 марта – опера в 3-действиях «МАРТИН РУДОКОП», 9 марта – оперетта Валентинова «Ночь любви», 11 марта – его же оперетта «В волнах страстей». А 10 марта состоялся бенефис артистки Софьи Матвеевны Жулинской в оперетте «Птички певчие» (муз. Оффенбаха), а «в пятницу 13 марта 1909 года в бенефисе артиста Дмитрия Ермолаевича Баратова представлена будет последняя новинка сезона «ПОД ЗВУКИ ВАЛЬСА», оперетта в 3-х действ., музыка короля вальсов Штрауса».

Городской театръ
РЕПЕРТУАРЪ
Картинъ Рудокопъ
ЧЬ ЛЮБВИ
Во вторникъ 10 марта 1909 г.
Софьи Матвѣевны
Жулинской
ПТИЧКИ ПѢВЧІЯ
ВЪ ВОЛНАХЪ СТРАСТЕЙ

Анонсы Городского театра в газете «Омский телеграф», март 1909 г.

В «Волнах страстей» Валентинова, надо сказать, мелькало в анонсах вплоть до революции.

Городской театр не оставался в стороне от благотворительности, часто жертвуя сборы от спектакля в пользу гимназий, школ и детей-сирот, особенно в годы 1-й мировой войны.

В 1921-22 гг. театр был переименован в Первый государственный советский театр. В 1927-1930 гг. его возглавлял Б.Г. Артаков. В последующие годы театр возглавляли В.Д. Торский, Л.С. Самборская, Р.М. Меерсон.

Во время Великой Отечественной войны с ноября 1941 года по август 1943 года в здании Омского драмтеатра работал эвакуированный из Москвы театр им. Вахтангова. На сцену в эти годы выходили народные артисты СССР Б.Е. Захава, А.Д. Дикий, Н.П. Охлопков, Р.Н. Симонов. В театральной студии в 1944 году занимался будущий народный артист СССР М.А. Ульянов.

В пятидесятые годы прошлого столетия в театре работали такие знаменитые актеры театра и кино, как В.Я. Дворжецкий и С.В. Мишулин. В 1960-е годы заметную роль в жизни театра сыграли режиссеры С.Ф. Владычанский, Ю.А. Альховский, Е.Р. Хигерович, Ф.С. Шейн. В 1968-85 режиссерами Омского театра были народный артист РСФСР Я.М. Киржнер и заслуженный деятель искусств А.Ю. Хайкин.

27 мая 1974 года Омский драматический театр был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1983 году ему было присвоено наименование «Академический». Перестроечное и постперестроечное время отмечено обновлением репертуара, часто спорным переложением классиков литературы, но всегда привлекающих к себе внимание постановками.

«ВНЕ ВСЯКОЙ КОНКУРЕНЦИИ…»

О первом иностранном инвесторе

Датчанин Серен (Сергей) Христианович Рандруп был в Омске комиссионером треста «Интернешенэл Харверст К-о оф Америка», входившего в финансовую группу Моргана и специализировавшегося на сельскохозяйственных орудиях. Рандруп хорошо знал Сибирь и рынки сбыта сельхозтехники. Разбогатев на комиссионной торговле знаменитым сибирским сливочным маслом в 90-е годы XIX века, в 1903 году он основал завод сельскохозяйственных орудий и машин, находившегося на территории современного агрегатного завода.

Поначалу завод выпускал плуги различных типов, в том числе достаточно известный плуг «Оригинал Рандруп». Кроме того, на заводе выпускались трансмиссии, спиртовые печи, производился ремонт и прочие работы. Но только заводчиком Рандруп не стал. Он продолжал заниматься комиссионной торговлей. Так, в газете «Омский телеграф» в октябре 1909 года постоянно печаталась такая реклама:

«С.Х. Рандруп. Омск
Паровые молотильные гарнитуры
Всемирно известного английского завода
МАРШАЛЪ Сыновей и К-о
ЛОКОМОБИЛИ + МОЛОТИЛКИ
Вне всякой конкуренции»

О самом заводе и его продукции подробно написано в газете «Степной край» №180, 24 августа 1905 года: «По инициативе известного в Сибири торгового дома С.Х. Рандрупа с год тому назад построен в Омске чугунно-литейно-механический завод. Завод работает при посредстве паровой машины в 28 сил, выписанной из Англии от известного всемирно фабриканта Маршал сын и К-о.

Завод этот оборудован весьма солидно: на нем установлено более 30 токарных и сверлильных станков, 2 действующих беспрерывно лесопильных машины, для резки как мелкого, так и крупного железа установлены особые приводные прессы-ножницы; кузница снабжена вентиляторами от паровика, в ней установлено 28 горнов и 2 литейные печи. В настоящее время на заводе работает 200 человек мастеров разных цехов, плата рабочим сдельная, и каждая вещь вырабатывается по особому соглашению рабочего с заводоу-

правлением; месячный заработок каждого рабочего выражается от 40 до 80 руб., соображаясь со степенью качества и продуктивности работ каждого в отдельности мастера. Рабочий день установлен 12 часов, из которых 2,5 часа затрачивается на обед и завтрак; работы начинаются в 6 утра и кончаются в 6 часов вечера.

Завод специально вырабатывает молотилки по типу известного южнорусского фабриканта Эльворта, а для чистого зерна тип молотилок принят заводом американский, как один из наилучших. Конные приводы делаются по системе завода, приспособленными к местным почвенным условиям.

Завод настолько прочно и складно вырабатывает молотилки, что, не боясь, дает покупателям полную гарантию. Завод вырабатывает 2-конные и 4-конные молотилки, продуктивность которых выражается так: 2-конные молотят хлеба в день по 500 пуд., 4-конные до 800 пуд., кроме того, завод вырабатывает молотилки для чистого зерна с продуктивностью до 1000 пуд. 6- и 8-конные. Цена молотилок установлена следующая: 2-конные – 260 руб., 4-конные – 750 руб. и 8-конные – 850 руб. С чугунными приводами цены дешевле.

С.Х. Рандруп

Затем завод вырабатывает железные плуги по типу лучших как иностранных, так и русских заводов; плуги исключительно вырабатываются заводом однолемешные и приспособленные к местным почвенным условиям; цена плугов от 18 до 27 руб. за шт. В текущем году предложено выработать 50 000 плугов.

Железо выписывается заводом с Урала, лесные материалы приобретаются в Омске, и каменный уголь употребляется сунженский. Заводу Рандрупа, как поставленному на рациональных началах, предстоит огромное будущее, в этом не может быть никакого сомнения».

Хотя рабочий день был более долгим, чем сегодня, зарабатывали рабочие неплохо, если учесть, что, например, в 1912 году корова стоила 34-58 рублей.

Однако отношения между заводской администрацией и рабочими, особенно в первые годы существования завода были, мягко выражаясь, не без шероховатостей. Вот что писала газета «Голос степи» №15, 23 января 1907 г.: «Рабочие завода Рандрупа жалуются на невозможные условия, среди которых им приходится работать. Из жалобы приводим только наиболее характерное.

Перед Рождеством минувшего года при раздаче служащим жалованья, управляющий завода Лоранж вычел с каждого рабочего 10% со сдельной зарплаты в виде залога, тогда как заводом и без того оставляется заработной платы за два дня. Вычет мотивировал тем, что у каждого рабочего имеется на

руках заводского инструмента на 2-3 рубля. Нужно заметить, что инструмент всегда остается на заводе.

Лоранж нередко делает рабочим самосуд: дерет за уши, дает пощечины и т.п. И удары Лоранжа не легки. На днях Лоранж так ударил мастерового, что тот полетел, как мячик, упал на железные плуги. У одного рабочего от удара Лоранжа целую неделю не поднимались руки, и он не мог работать. За испортившиеся старые инструменты вычитается с рабочих по расценке как за новые. На поверку выходит, что рабочие работают своим инструментом, а не заводским. В довершение всего заработную плату Лоранж понизил до крайнего минимума. До 2-го гудка на завод рабочие не пускаются. Пришедшим раньше приходится стоять в жалких костюмах на морозе по 15-20 минут и ждать 2-го гудка, а опаздывающих, хотя бы на 5 минут, штрафуют на 50 коп., и это при сдельной оплате.

Санитарные условия завода прямо-таки невыносимы: помещение холодное, печи дымят, лампы без стекол – коптят. Кучи мусора и пыли мешают даже проходу. Санитарный врач Лейбович, кроме конторы, никуда не заглядывает, да и там бывает не более одного раза в 2-3 месяца. Таковы условия, в которых находятся рабочие завода».

Однако со временем, надо полагать, менялись условия, расширялся ассортимент выпускаемой продукции, требовались высококвалифицированные кадры, судя по объявлению в «Омском вестнике» 1914 г.: «Хорошие **кузнецы**, умеющие работать по чертежам, **формовщики-литейщики** требуются на завод С.Х. Рандруп».

В Омске, кроме завода, у Рандрупа были склады и магазин. За 1915-16 гг. оборот его фирмы только на продаже сельхозмашин составил 1 274 847 рублей, а по заводу – 2 438 058 рублей, при значительной прибыли в 20-30 процентов. Коммерческие способности и заслуги Рандрупа были замечены. По просьбе английского правительства он исполнял обязанности английского консула в Омске.

Однако главной деятельностью оставался, выражаясь по-современному, бизнес. Об этом можно судить по рекламе в газете «Омский телеграф» в 1909 году:

«С.Х. Радруп. Омск
Имеются на складе
постоянные двухтактные
нефтяные двигатели и локомобили
Общества «Перхун».
Охранное свидетельство Департ. Пр. и Торговли
Нет запаха сожженной нефти.
Экономика топлива.
Легкое пускание в ход.
Отсутствие вентилей, простая конструкция
Ровный и спокойный ход.
Рекомендуем для мельниц, заводов, фабрик, электрических станций и др. сельскохозяйственных и промышленных целей. Прейскуранты по первому требованию высылаются».

Или вот еще, практически весь реестр продукции.

*«**Швейные** и чулочно-вязальные разных систем машины,*
Стиральные машины,
Парожатки и выжималки,
Обогревательные печи
Ирландской системы,
Кухонные плиты
50% экономии топлива,
Мебель и бюро столы
по американскому типу,
Пишущие машины –
американский видимый
шрифт с табулятором,
Шкафы и сундуки
несгораемые от воров.
***Весы** сотенные, сороковые,*
десятичные хозяйственные.
Насосы и стояки
для колодцев
на разную глубину.
Спиртовые кухни и печи.
Большой выбор деревянных
картонок, круглых, овальных и четырехугольных,
дорожные чемоданы, совки и подносы.
Магазин С.Х. Рандруп. Омск»

_____

ПЕРВАЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ ВЫСТАВКА

15 июня 1911 года в Омске открылась Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка. Выставка для современников была впечатляющей. О выставке писали газеты Берлина, Лондона, Вены и Нью-Йорка. По Петербургу бегали трамваи с рекламой Омской выставки.

Необходимое предисловие

Подготовку и организацию выставки взял на себя омский отдел Московского (Императорского) общества сельского хозяйства (М.О.С.Х.). В январе 1909 года была избрана временная выставочная комиссия, а 14 февраля 1909 года создан распорядительный комитет выставки. Почетным председателем комитета стал Степной Генерал-губернатор, командующий войсками Омского военного округа Евгений Оттович Шмит. Председателем распорядительного комитета стал Грибанов Никита Иванович – лесной ревизор Тобольского Управления Государственного имущества, он же председатель Омского отдела М.О.С.Х., вице-председателями – Штумпф Филипп Филиппович (крупный сельский хозяин, председатель Омского Биржевого комитета) и Трувелер Борис Владимирович (управляющий лесными складами Переселенческого управления).

На выставке было создано 16 отделов:

Общенаучный;

Переселенческий;

Полеводство и травосеяние;

Огородничество, бахчеводство и садоводство;

Животноводство и ветеринария;

Молочное хозяйство;

Сельскохозяйственная и строительная техника;

Сельскохозяйственные орудия и машины;

Кустарно-ремесленный;

Лесной;

Торгово-промышленный;

Промыслы Западной Сибири;

Горный отдел;

Учебное дело;

Сельская медицина;

Смешанный отдел.

Во главе каждого отдела стояли комиссары. Главным комиссаром выставки стал известный общественный деятель, историк, генерал-лейтенант Сибирского Казачьего Войска Катанаев Георгий Ефремович. Поначалу выставку планирова-

лось провести с 20 августа по 20 сентября 1910 г. Но затем сроки сдвинули на год, чтобы привлечь внимание правительства и увеличить финансирование выставки. Выставка была проведена с 15 июня по 15 августа 1911 года.

Было построено 60 павильонов в стиле модерн, в которых экспонировалось более 3000 экспонатов. Омские газеты постоянно освещали подготовку и ход выставки. Пройдемся по их страницам.

Накануне

«Омский телеграф», №83, 17 апреля 1911 г.:

«Заседание бюро комитета выставки

Вчера, 16 апреля, состоялось заседание бюро выставки. Обсуждался между прочим вопрос о наградах, – решено заказать приблизительно 1,5 тысячи свидетельств на награды. Затем обсуждался вопрос о настилке полов в павильонах и ряд других вопросов, которые будут указаны в подробном отчете в одном из ближайших номеров газеты».

«Омский телеграф», №84, 19 апреля 1911г.:

«К выставке!

Много денег можно заработать эксплоат. автомата буфета, постр. за границей, на 10 и 15 коп. монеты. Выдает: чай, кофе, лимонад, разные бутерброды, фрукты, шоколад и пр. Выглядит чрезвычайно элегантно и привлекательно. Сдается в аренду или продается. Справляйтесь, почт. ящ. 38».

Эту рекламу дал Г.М. Красных, владелец магазина, расположенного на Любинском проспекте под гостиницей «Россия» (ныне гостиница «Октябрь» на углу улиц Партизанской и Ленина). Вот что он предлагал омичам:

«В большом выборе изящные вещи русской и заграничной работы… Часы, золото, серебро, бриллианты. Цены без запросов, а потому самые крайние».

Самое пристальное внимание уделяло ходу подготовки выставки и высокое начальство. Вот что сообщала газета «Омский телеграф» №92 от 29 апреля в разделе «Хроника»: *«27 апреля в 3 часа дня посетил территорию выставки г. Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит. На территории главного начальника края встретили члены ком., комиссариата и хозяйственной части выставки. Начальник края с большим вниманием осмотрел все выставочные постройки, после чего в 4 ½ дня отбыл к себе во дворец.*

Во время посещения г. начальник края высказал сожаление, что на павильонах животноводства поставлены железные, а не толиевые крыши, так как последние предохраняли бы от жары скот внутри павильонов (навесов). Между прочим, ген.-губернатор обратил внимание на положение рабочих, проживающих на территории во временных бараках выставочного подрядчика».

Чем ближе подходил срок открытия выставки, тем больше становилось желающих увидеть ее и участвовать в ней. Газета «Омский вестник» № 103 от 14 мая 1911 года в рубрике «Местная жизнь» сообщала:

Общий вид павильонов

«Учителям народных училищ будет приготовлен льготный вход на выставку наравне с учащимися средних учебных заведений, т. е. по 10 коп. с человека.

Новые экспоненты:

А.И. Башкаркин; с. Большое Мурашкино, Нижегородской губ., меховая торговля – меха. 2 кв. арш. по стене 1 кл. 1 разр.

Т-во Генрих Вейнгардт и К-о в Германии. Склад для России в Симбирске. Склад семян и цветочных луковиц – 70 банок с семенами.

В.Л. Кугель – кустарная мастерская художественных деревянных изделий в Петербурге; художественные изделия глухонемых Петербурга и Варшавы – 6 кв. арш. пола и 4 арш. стены 1 кл. 1 разр.

Н.М. Прутченко – землевладелец Воронежской губ. – овцы мериносовыя «Рамбулье» 15 шт.; 25 кв. арш. 2 разр., 2 кл.

С.П. Вилесова – с. Усолье Пермское; соль столовая и поваренная; 3 кв. арш. в крытом павильоне.»

Обратимся к месту, где располагалась выставка. Она находилась недалеко от ипподрома, на Семинарской площади (ныне территория станции юннатов). В справочнике «Весь Омск» за 1911 год приведена схема выставки, из которой видно, что выставка располагалась между окончанием улиц Лагерной (ныне Маршала Жукова) и Скаковой (ныне ул. Куйбышева), вытянувшись с запада на восток. Южнее находились ипподром и сад Кадетского корпуса. Главный вход был как раз напротив Лагерной улицы.

Была и критика

«Сиб. вопросы» № 24-25, 1911 г.:

«…Для вывоза сырья выставка, разумеется, сыграет некоторую роль, хотя иностранцы и так недурно осведомлены насчет наших богатств. В

этом отношении хорошую рекламу сделало Ленское товарищество. Теперь то и дело читаем: англичане заинтересовались ея драгоценными камнями, степями, лесом и, наконец, намерены там «поставить большое нефтяное дело». Сибири сильно не достает этого «жидкаго золота», его давно ищут и все не находят, а вот пришел «англичанин-мудрец» и сразу – огромная нефтяная площадь в 60 тыс. квадр. верст!

Так, по крайней мере, говорит лондонский корреспондент «Забайкальской нови». Заявка сделана, собственно, «Российским торговым обществом», но оно за ¼ акций будущаго Общества из капитала в 600 тыс. рублей и 50 тыс. наличными охотно готово уступить свои права первородства. Однако сливки-то опять достанутся иностранцам, а сибиряки получат все тот же «обрат»…

Однако, несмотря ни на что, к выставке продолжали готовиться.

И вот, наконец, 15 июня 1911 года состоялось торжественное открытие выставки. Церемония мало чем отличалась от подобных современных открытий выставок. Вот разве начальник Степного края и губернатор Акмолинской области шли не впереди процессии, а вслед за распорядителями, за теми, кто выставку готовил.

«Омский вестник». 16 июня 1911 г.:

Открытие первой Западно-Сибирской выставки

… Во время молебна все присутствующие торжественной процессией направились в павильоны выставки. Во главе процессии идут распорядители выставочного комитета г.г. В.И. Куприянов, Б.П. Сысоев, Б.А. Смирнов, Проскуряков и главный комиссар выставки Г.Е. Катанаев, за ними епископ Владимир, духовенство, начальник края, губернатор и представители ведомств, за которыми уже следуют остальные участники торжества.

По окончании молебна торжество было перенесено в выставочный театр, громадный зал которого был положительно переполнен публикой. Здесь начальник края Е.О. Шмит произнес обширную речь, которой приветствовал открытие Первой Западно-Сибирской выставки, выяснял значение ея для Сибири и для Степного края в частности. После него занял трибуну акмолинский губернатор А.Н. Неверов…

После речи А.Н. Неверова говорит председатель выставочного комитета Трувелер, который, приветствуя открытие выставки, благодарит экспонентов за отзывчивое участие в выставке. В особенности, сказал он, нам дорого участие в выставке таких передовых земств страны, как Вятское, Пермское, Екатеринбургское и Уфимское…

Торжество заканчивается завтраком по подписке в выставочном театре, где присутствует около 150 человек.

Высочайшее внимание

Через неделю после открытия выставки на имя генерал-губернатора Степного края пришли телеграммы от царя и премьер-министра правительства, опубликованные в газетах.

«Омский вестник» № 132, 22 июня 1911 г.:

«Омск. Степному генерал-губернатору. Поручаю Вам передать устроителям выставки Мою искреннюю благодарность за выраженные чувства, верю в пробуждение и быстрое развитие производительных сил края на благо Сибири и всей нашей великой родины. Николай».

«Омский вестник» № 133, 23 июня 1911 г.:

«Счастлив был узнать из телеграммы Вашего Высокопревосходительства об открытии первой Западно-Сибирской выставки, надеюсь, что она окажется для края мощным двигателем на пути прогресса и культуры. Приветствую всех собравшихся на выставку представителей края, устроителей ее и участников, поздравляю и Ваше Высокопревосходительство с осуществлением мероприятия, столь горячо Вами поддержанного. Статс-Секретарь Столыпин».

Выставочные неудобства

Уже на следующий день после открытия выставки начались некоторые неурядицы и открылись неудобства, о которых не преминула сообщить газета «Омский вестник» №№ 129, 130, 134 в обзоре «На выставке и около выставки».

«Электричество «шалит». 16 июня, благодаря «шалости» электричества, спектакль в выставочном театре закончился при свечах».

«Порча водопровода. Водопровод на территории выставки не функционирует. В павильонах нет не только отварной воды, но и сырой. Вследствие порчи водопровода выставка не освещается, театр бездействует».

«Неудобство. Несмотря на громадную территорию площади, занимаемой выставкой и то, что посещается она массой публики, здесь нет дамской уборной». (Через несколько дней уборные появились, но без надписи, где мужская, а где женская, из-за чего часто возникали недоразумения.)

«Большое неудобство. Экскурсанты, учащиеся и публика, посещающая выставку, жалуются, что в павильонах и на территории недостаточно скамеек, где можно было бы отдохнуть».

История упрямого ресторатора

«Омский вестник» №129, 18 июня 1911 г.:

«Открыта первая Западно-Сибирская выставка, и, казалось бы, что каждый участник ее, будь то экспонент и просто торговец, на территории выставки должен подтянуться и представить свой товар «лицом»… Так бы должно быть, но есть иное. Некоторые предприниматели, как, напр., содержатель выставочного ресторана (на веранде театра) положительно не считается с публикой и «выставляет» ей нередко вместо чая мутную бурду, цены же за продукты, представляемые рестораном, дует небывалые в г. Омске: пиво – 40 коп. бутылка, бутерброд с маленьким кусочком ветчины – 15 коп. и т. д. Словом, малосостоятельная публика таким манером выставляется из ресторана. Не мешало бы выставочному комитету обратить на это внимание и сократить аппетиты предпринимателя, т. к. такое положение вещей может невыгодно отразиться на посещаемости выставки и театра».

Реакция на публикацию была моментальной. Уже на следующий день газета сообщала: *«Предостережение. Выставочный комитет постановлением от 16 июня за допущенную крайнюю небрежность в постановке ресторана, обнаруженную 15 июня, за взимание непомерно высоких цен и вследствие многочисленных жалоб посетителей, владельцу ресторана Морозову объявляется первое предупреждение. В заключение комитет предлагает Морозову выполнить немедленно требования контракта. Наблюдение за рестораном возложено на В.В. Пшеничникова и В.В. Штумпфа».*

Но, по-видимому, Морозов не торопился устранять недостатки и через день, 21 июня, «Омский вестник» публикует второе предупреждение: теперь уже от самого акмолинского губернатора А.М. Неверова (Омский уезд входил в эти годы в состав Акмолинской области – П.Б.) за «небрежное отношение к своим обязанностям по ресторану и высокие цены».

Казалось бы, после столь высокого внимания ресторатор должен был из кожи вылезть, чтоб исправиться, но проходит неделя и 29 июня газета публикует третье предупреждение Морозову за те же недостатки. А еще через три дня наступил финал этой истории.

«Омский вестник» №140, 2 июля 1911 г.:

*«**Закрытие ресторана**. 30 июня прибывший авиатор Васильев и управляющий выставочным театром г. Грюнберг после обеда в ресторане почувствовали себя крайне дурно. А затем обнаружились признаки несомненного легкого отравления, которое, к счастью, вовремя было захвачено. В виду этого крайне прискорбного инцидента и в виду того, что в комитетском постановлении с третьим предупреждением ресторатору Морозову было категорически предложено к 1 июля ресторан поставить так, чтобы он не вызывал больше недовольства публики, выставочный ресторан закрыт и договор с Морозовым расторгнут. Как мы слышали, на место Морозова приглашен буфетосодержатель местного Коммерческого собрания».*

Берегите карманы!

Именно с таким предупреждением выступил «Омский вестник» 19 июля 1911 г.:

«В связи с наплывом публики на первую Западно-Сибирскую выставку, в городе усилились кражи. Есть основание предполагать, что сюда пожаловали «гастролеры» воровской профессии. Кражи наблюдаются на территории выставки, в гостиницах и других местах города».

И действительно, в каждом номере в «Дневнике происшествий» газета сообщала о кражах. Приводим некоторые из них за последнюю неделю июня.

«19 июня у г. Бургал, купавшегося в общей купальне на Иртыше, украдены кем-то часы. Администрация купальни за целость вещей купающихся не отвечает».

«Кр.(крестьянин – П.Б.) Угмелов похитил у дежурившего на посту городового Соснина шинель, но был задержан».

«Из швейцарской комнаты Омского военного округа похищено платье

дьякона Громова, стоящее 24 р. Похититель Синяков задержан».

«У кр. Мищенко на толкучем рынке похищено из кармана 90 руб.»

«На выставке кр. Ананьев пытался похитить из павильона кусок шелку, стоящий 25 руб., но был задержан».

«У киргиза Куканаева похищено 25 руб.»

«29 июня на Старомогильной ул. из кварт. Проскурякова неизвестно кем похищено разного платья на сумму 90 руб.»

«На Аптечной ул. в доме Завадской у В. Золотухина неизвестно кем похищено 136 руб.»

«На Степной ул. у Пинявского похищен граммофон, стоящий 60 р.»

Можно себе представить трагедию крестьянина Мищенко – ведь у него из кармана украли, как минимум, две коровы! Вот какие данные приводит «Омский вестник» 28 июня 1911 г.:

«С омского рынка

Засуха травы резко отразилась на ценах скота: она понизилась больше чем на 50%; хорошая дойная корова, с 5-6 крынками молока в сутки, продается за 25-28 руб., вместо недавней цены 40-45 руб. Немного похуже (3-4 крынки молока) можно купить за 15-16 руб. Телята от недельных до месячных – 1,5 – 2 руб.

Еще печальнее с ценами на лошадей. Крестьянская лошадь трояк (трехгодовалая) стоит 15-18 руб., 5-6 лет лошадь (довольно сытая) продается за 23-25 руб., хорошая ломовая – 50-70 руб.

Цыгане-барышники привозят в город купленных по деревням за бесценок лошадей – от 10 р.

Крестьяне, привезшие из окрестностей Тары (из урмана) тес, решили не продавать здесь приведенных для этого лошадей, т.к. травы в ихних местах удовлетворительны и есть возможность скот прокормить.

Сено, как всегда, вздорожало. Обыкновенная телега сена стоит 8-10 руб., небольшой рыдван (дышловый) 12-15 руб., большой – 20-23 руб.»

Экспонаты Комиссарова

« Омский вестник» №130:

«Известный садовод Комиссаров экспонирует на выставке некоторые экземпляры акклиматизированных в Степном крае плодовых деревьев, кустов и цветов. В числе экспонатов имеется яблоня, американский клен, туя, целебник, черемуха круглолистая, акация, сирень, вишня и многие другие. В особенности привлекает внимание зрителей роскошный букет живых цветов их его сада. Кроме этих экспонатов, Комиссаров выставляет небольшую коллекцию соленья и варенья из плодов и ягод своего сада, которые, кроме того, что представляют большой научный интерес, говорят нам о мощи человеческого желания…»

Вестник 1-й Западно-Сибирской выставки №47 («Омский телеграф» №172 12 августа 1911 г.):

«Испытание тракторов

В конце июля (30 и 31 числа 1911 года) испытывались тракторы – нефтя-

ной (внутреннего горения) Международной Компаниии и паровой Рансома Т-вом «Работник» – первый на полях омской молочной фермы, второй – на городской земле на территории выставки. В том и другом случае почва была черноземная целина, достаточно промокшая до 4-5 верш. (8-10 дм). Таким образом, испытание обоих тракторов происходило при идеальных условиях их работ, хотя однообразие условий для трактора Рансома нарушалось проходящей дорогой и прежде происходившими испытаниями.

Трактор “Могул” Международной Компании

Трактор Международной Компании работал на глубину от 5 до 9 дм при ширине захвата в 6 фут, а трактор Рансома работал на глубину до 18 дм при ширине до 9 аршин(трактор влек за собою 4 дисковых плуга).

Сравнивая их работу, я вынес впечатление, что нефтяной трактор с многокорпусным плугом хорош для подъема целины на практикующуюся здесь предельную глубину (3-4 вершка), подрезывая и опрокидывая пласты правильными лентами. Трактор же Рансома поднимал целину хуже (пласт часто разрывался и по временам, особенно на заворотах, становился на ребро); зато в отношении дробления и разрыхления пласта в местах, где дернина была не сплошная, или там, где ея совсем не было, работа его не оставляла желать ничего лучшего…

На основании данных испытания и общего впечатления от работы демонстрированных орудий надо придти к заключению, что трактор Рансома особенно пригодным будет в свекловичных хозяйствах Европейской России, где приходится производить глубокую обработку под сахарную свеклу на тысячах десятин (обыкновенно после озимой пшеницы). Нефтяной трактор Международной Компании будет пригоден только в хозяйствах зернового типа, где не требуется глубокой вспашки. Конечно, в тех же хозяйствах с одинаковым успехом будет работать и трактор Рансома.

Профессор Ново-Александровскаго института сельского хозяйства и лесоводства

П. Бараков.

2 августа 1911 г., Омск».

«Авиационные торжества на первой Зап-Сиб. выставке
***(Полет Васильева 1 июля*)**

Пяти часов еще нет, а у главного входа уже большая толпа народа. Толпа растет поминутно. Два кассира не успевают выдавать билеты. И кого только здесь нет! Здесь все общественные группы имеют своих представителей, на-

чиная с крупной буржуазии и кончая рабочей курткой. Все горят одним стремлением поскорее получить желанный билет и проникнуть туда, где человек, победитель воздуха, готовится демонстрировать свою победу.

Бьет пять часов – скоро начнутся полеты. Нетерпение растет на лицах ожидающих, заметно волнение и боязнь опоздать к началу. Сама выставка почти пустует: публика вся захвачена авиацией. Непрерывной вереницей тянется она от главного входа к ипподрому, где делится на две группы: пролетарскую и буржуазную. Представители первой остаются за изгородью, а представители второй плывут на трибуны ипподрома. Крыши ближайших домов, заборов, возвышенностей и изгородь ипподрома – все заполнено публикой, которая застыла в ожидании. Внимание всех сосредоточено на маленькой группе людей у ангара: там собирают аэроплан, пробуют мотор, готовятся к полету…

Время тянется бесконечно медленно. Уже почти шесть часов. Полет не начинается, и нет уверенности в том, что он сегодня состоится. Омская погода, как капризная девица меняет свои настроения. Ветер то поднимает клубы черной пыли, то затихает, то вновь крутит с прежней силой, – и так без конца.

Летчик Васильев перед полетом

Говорят, что погода не может иметь значение для полетов. Кто-то не соглашается. Спорят.

Распорядители объявляют, что полеты переносятся на седьмой час. В семь объявляют, что полеты будут совершены в восемь часов. Слышится сдержанный ропот недовольства. Уверенность, что полеты не состоятся, крепнет. Ровно в восемь часов приехал начальник края, генерал-губернатор. От ангара на средину ипподрома катят аэроплан и несут его громадные крылья, которые тут же прикрепляются. Молодой авиатор осматривает каждый винтик, сам пробует каждую гаечку летательного аппарата, предусматривает каждую мелочь.

Наконец приготовления закончены. 8 ½ часов. Аэроплан откатывают к ангару… Авиатор на месте… Мотор пущен… Аэроплан, как огромная птица, преследуемая охотником, бежит по земле и, наконец, поднимается вверх и уходит все выше и выше. Побежденное человеком пространство оглашается резким жужжаньем, похожим на жужжанье растревоженных пчел. Это аэроплан, обнимаясь со свободными далями, радуется своей близости с ним и, как будто грозит кому-то... Подчиняясь железной воле человека, он носится в разных направлениях: кружится над выставкой, ипподромом, уходит в даль и вновь возвращается, свободный и сильный…

Внизу гремят аплодисменты. Слышатся возгласы: «Браво, Васильев!»

Проходят семь минут, которые кажутся вечностью. Аэроплан, покорный руке отважного летчика, как стрела, несется к ипподрому. Его жужжанье все ближе и ближе. Он опускается вниз на землю и, коснувшись ее, подпрыгивает, как гутаперчивый мячик, бежит по ней и останавливается. Отважный авиатор снимает маску и сходит на землю. Публика благодарит его за доставленное зрелище дружными аплодисментами. Он отвечает полупоклоном, как бы показывая этим, что знает настоящую цену толпе, знает цену ее восторгам…

Дальнейшие полеты откладываются на другой день, потому что у аэроплана испорчен мотор.

М. Одинокий».

«Омский вестник» №141, 3 июля 1911 г.

В своем достаточно пафосном репортаже автор-очевидец упустил одну важную деталь: он не сообщил, на каком типе аэроплана совершался полет. Это мы узнаем из воспоминаний известного омского поэта Леонида Мартынова: «Не я ли еще семилетним мальчишкой наслаждался чудесами Западно-Сибирской торгово-промышленной выставки, на чьей территории было все, начиная от «Дьябло» и «Пумп сепараторов» и кончая всевозможными локомобилями и локомотивами новейших конструкций! Не я ли на ипподроме, преображенном в аэродром, пробивался через толпу зевак и цепь полицейских, сдерживающих напор этой толпы, к аэроплану Блерио, надеясь, что летчик Васильев возьмет меня с собой покататься!»

Полеты продолжались три дня. Билеты стоили от 25 копеек до 3 рублей. Всего от продажи билетов на полеты выручено 4358 руб. При этом летчику Васильеву уплачено 3000 рублей! Риск оплачивался тогда высоко. Для сравнения можно сказать, что, например, профессору Малееву, вызванному из Томска в качестве эксперта машин внутреннего горения, платили по 25 рублей в день. Тоже неплохо, но за два месяца он заработал бы не более 1500 руб. А его годовая зарплата со всеми надбавками в Томском технологическом институте составляла 3770 рублей. А летчик получил 3000 рублей примерно за двадцать минут полетов. Кто не рискует, как говорится, тот не пьет шампанского!..

«Тайны мадридского двора»

(За кулисами выставочной декорации)

Именно под таким заголовком газета «Омский телеграф», №176 18 августа 1911 г. сообщала о скандалах и злоупотреблениях, связанных с подрядом и театром, на выставке.

«Общая стоимость зданий, возведенных подрядчиком Кулолаевым, по заказу Комитета, определилась суммою 117 тыс. рублей

По договору 50 процентов стоимости строений должны были быть уплачены до открытия выставки и окончательный расчет производится в течение месяца по закрытии выставки».

До открытия выставки Кулолаеву с родственниками уплачено 48 тыс. руб.

и в течение месяца по открытии 1000 руб., причем из последней суммы удержано 850 руб. по счетам лесного склада Переселенческого Управления.

После этого комитет заявил, что он не в состоянии выполнить условия договора по платежам. Кулолаевы подали иск. Через какое-то время распорядители выставки предложили мировое соглашение и заключили его.

«27 июля это соглашение реализовано у нотариуса Колосовского в таком виде: до 15 августа комитет уплачивает им 27000 руб., 15 сентября – 5 тыс. руб., 15 октября – 5 тыс. руб., 15 ноября – 5 тыс. руб., 15 декабря – 5 тыс. руб.

И вот любопытное явление на первый же платеж Кулолаевым в 10000 рублей тот же член бюро комитета выставки, который был сторонником скорейших расчетов с Кулолаевыми, но теперь уже в костюме присяжного поверенного, действующего по уполномочию одного из кредиторов Кулолаевых, налагает арест в сумме 9010 руб. 20 коп.»

Газета приводит еще один пример из «тайн».

«Театральные билеты печатались в художественной типолитографии по 1 руб. 25 коп. за комплект (Счет от 30 июня №139).

Работа эта передана в другую типографию, которая взяла по 5 руб. за комплект, т. е. в 4 раза дороже (Счет 28 июля № 83). Ближайший родственник владельца последней типографии также состоит членом Бюро Комитета.

Все это мелко, ничтожно, но общественную атмосферу портит вконец».

Некоторые итоги

Медалями и дипломами было премировано 1323 экспоната!

Так, по маслоделию было вручено по Большой золотой медали шести маслодельным артелям, из них пять были из сибирских губерний. Четыре большие золотые медали получило омское отделение торгового дома «Альфа-Нобель» за группу сепараторов «Альфа-Лаваль». Большую золотую медаль получил Рандруп за плуги. Золотой медалью были награждены пивоваренный завод товарищества «Бавария» и изделия табачной фабрики Серебрякова.

Высшей награды были удостоены и судженские каменноугольные копи за наиболее полное и наглядное представление их деятельности.

Высоко была оценена деятельность омского предпринимателя и землевладельца Ф.Ф. Штумпфа. Он получил Большую золотую медаль за распространение сортов хлебных растений, отвечающих климатическим условиям Степного края. Его серый жеребец «Порох» также получил золотую медаль, а группа бычков и телят Большую серебряную медаль.

Были высоко оценены и экспонаты известного садовода Комиссарова.

Большую серебряную медаль получила Черлаковская маслодельческая артель.

Большая золотая медаль вручена заводу Эльворти «за сеялки, молотилки и приводы, в особенности за приводы с двойным вторым зацеплением». Всего же Большой золотой медалью за сельскохозяйственные машины и орудия было награждено 18 заводов, среди них лишь три отечественных, уже упоми-

навшийся завод Рандрупа, Коломенский завод за плуги, пропашники, корчевальную машину «Новый Монарх» и сенной пресс, Брянский завод за плуги, культиваторы и лобогрейки.

Большой серебряной медалью награждена фабрика «Энергия» владельца А.А. Жукова за веялки. За высокое качество изделий золотой медалью премирован Торговый Дом «Мариупольский и Ко». Исилькульский лесной питомник награжден малой золотой медалью.

НАШИ ОМСКИЕ УЛИЦЫ

Улицы Омска стали складываться уже вскоре после возведения Омской крепости. Четкая организация застройки видна на самых ранних из дошедших до нас планах Омской крепости. Так, Луговскую слободу, располагавшуюся между первой Омской крепостью и Иртышом, разрезала широкая прямая улица, начинавшаяся от Спасских ворот крепости. Была она, конечно, безымянной. До сих пор историкам не удалось выяснить, когда же появились первые официальные названия улиц.

От форштадтов к улицам

Возникает вопрос, как же люди находили нужного человека, когда не было ни названий улиц, ни нумерации домов. Очень просто: так же, как до сих пор находят в деревнях. Долгое время город был разбит на форштадты и слободы. И на конверте, например, указывали: Бутырский форштадт, дом такого-то и его спокойно находили. Этот принцип настолько укоренился, что даже после появления названия улиц, по традиции указывался обычно, чей это дом. Так, в августе 1910 г. читаем в объявлениях (газета «Омский телеграф»): «Помощник присяжного поверенного Ш.А. Губергриц. Старомогильная, д. №5 Кузнецова.

И: «Контора нотариуса Усановича открыта. Уг. Бутырской и Сергиевской, д. Петрушевского».

Сразу после строительства на правом берегу Оми новой омской крепости вокруг нее появились форштадты. К Иртышу примыкал Кадышевский форштадт, справа от него – Бутырский форштадт, затем – Выползки и у берега Оми Мокрый (Мокринский) форштадт. Напротив Луговской слободы на правом берегу Оми – Подгорный форштадт. Со временем Луговская слобода преобразовалась в Ильинский форштадт. Здесь после пожара 1823 года известный инженер и архитектор В.И. Гесте разработал новый тип городского квартала с размерами 220х120 м .

Южнее Ильинского форштадта был расположен Казачий форштадт. В 1908 году вдоль железнодорожной городской ветки, соединяющей городской вокзал (район сквера 30 лет ВЛКСМ) с площадкой Карлушка (пл. Серова) возник Южный форштадт.

Кроме форштадтов, было много разных слобод, поселков и городков. Например, Ржевская слобода в районе нынешнего Сибзавода, Игнатовка, или Нахаловка, в районе Ремесленных и Восточных улиц, Волчий хвост – на месте трикотажной фабрики, Переселенческий городок – в районе площади Серова… Все эти форштадты, слободы и городки со временем сливались в один массив, но названия сохранялись.

С ростом города естественно росло и количество улиц. В 1824 году в областном городе Омске было 30 улиц без мостовых и 37 переулков. В 1840 году «улиц, переулков, кои ничем не мощены – 99». Через 13 лет улиц и переулков – 113. В 1911 году улиц – 131, переулков – 13. Для сравнения, в 2001 году в Омске было 839 улиц и переулков.

После слияния форштадтов некоторые из улиц соединялись, но сохраняли в каждом форштадте свое название. Например, небольшую Коммунистическую улицу большевики в 1920 году составили из двух: из Мариинской улицы Бутырского форштадта и Главноуправленской улицы Кадышевского форштадта. В том же году из Лагерной улицы Казачьего форштадта и Семинарской Новослободского форштадта они сделали одну улицу Лагерную, которая в 1975 году была переименована в улицу Маршала Жукова.

Хотя первые известные сегодня упоминания названия улиц Тарской, Ильинской, Скорбященской в документах Городской думы относятся к 70-м годам XIX столетия, думается, что в народе названия многих улиц существовало намного раньше. Названия подсказывала сама жизнь. Переулки Тесный, Грязный (ныне Газетный пер.), улица Болотная (Беломорстроя) – тут и объяснять ничего надо, названия говорят сами за себя.

Понятно, кто был главными обывателями на Кузнечной (Маяковского), Войсковой (Театральная), Мясницкой (Звездова) или Часовитинской (Пушкина). О Дмитрии Андреевиче Часовитине следует сказать особо. Родился он в 1813 году, был купцом 3-й гильдии и построил в Омске первый жилой каменный дом.

Понятно, что находилось на улицах Госпитальной, Костельной, Семинарской. Эти названия тоже мог присвоить народ. А вот улицы в честь именитых людей, таких как основатель второй Омской крепости И.И. Шпрингер, генерал-губернаторы П.М. Капцевич и Н.Г. Казнаков, явно были уже присвоены официально властями города.

На сегодня первый известный официальный документ с названиями улиц города это план города Омска 1898 г.

Городская дума постановила

Мнение о том, что первыми начали переименовывать улицы города Омска большевики, не соответствует действительности. И до революции улицы переименовывались, правда, не в таком массовом порядке, как при большевиках.

Так, Постановлением Городской думы от 18 января 1900 г. вместо прежних появились новые названия улиц Думская, Ядринцева и Гасфортовская. Думская это бывшая Полицейская (ныне 10 лет Октября), а Гасфортовская – бывшая Юрточная (совр. К. Либкнехта). Улица Ядринцева ныне снесена, располагалась в районе Музыкального театра.

В 1914 году в честь столетия М.Ю. Лермонтова Городская дума постановила переименовать улицу Томскую в Лермонтовскую. Неожиданно против такого переименования выступили жители этой улицы и предложили назвать именем Лермонтова сад напротив Кадетского корпуса. В своем обращении они в частности писали: «Мы, домовладельцы и жители Томской улицы, ближайшим образом заинтересованы в нежелательном для нас переименовании Томской улицы, как сибиряки дорожим историческими и в то же время дорогими для нас воспоминаниями, считаем своим нравственным и патриотическим долгом высказаться против этого переименования…» Однако городские власти проигнорировали мнение граждан.

А 2 сентября 1917 жители улицы Цыганской обратились с просьбой переименовать их улицу в Преображенскую, мотивируя тем, что на этой улице никогда не было цыган-домовладельцев. Однако вскоре грянула Октябрьская революция, и в 1920 году Цыганская улица вместе с 1-й Загородной вошли в состав 1-й Северной улицы.

20 июля 1916 года на чрезвычайном заседании Городская дума постановила в честь 200-летия Омска переименовать улицы Дворцовую и Атаманскую (ныне ул. Ленина от моста до ул. Маяковского) в проспект Петра Великого. Однако это постановление не было реализовано. Наверное, накануне 300-летия города стоит к нему вернуться.

В феврале 1919 года, уже при Колчаке, Городская управа рассматривала вопрос об упорядочивании названия улиц. Предполагалось упразднить форштадты, изменить устаревшие и неблагозвучные названия, именовать одним названием по всей длине.

Постановления думы касались не только улиц, но и, выражаясь посовременному, микрорайонов города. В 1886 году Казачий форштадт был присоединен к городу. В постановлении Гордумы был такой пункт: «Домовладельцы из разночинцев сборы за свои недвижимые имущества обязаны уплачивать установленные Городским Положением не в станичный, а в городской доход…» Такое решение вряд ли обрадовало казаков, которые сдавали свои строения в аренду и имели от этого неплохие деньги. Арендаторов же они жестко ограничивали в возможностях.

Не случайно жители Атаманского хутора (располагавшегося между Иртышом и железной дорогой напротив вокзала) обратились в 1912 году к генерал-губернатору Степного края с ходатайством, в котором указывали на свое тяжелое положение и стеснительность жизни на заарендованных у казаков участках и просили «о возведении Атаманского хутора в город с упрощенным управлением». Начальник края решил, что проще будет присоединить Атаманский хутор к городу Омску. Городская управа на заседании 16 июля 1912 года в принципе согласилась с этим и постановила создать комиссию по вопросу объединения.

Однако до революции статус его не изменился. В 1921 году Атаманский хутор был переименован в город Ленинск, куда вошли территории поселков: Семипалатинского, Порт-Артура, Треугольника, Рабочей слободки, Черного и Красного городков. В 1930 году г. Ленинск присоединен к городу Омску.

Большевистский переворот

Придя к власти и закрепившись, большевики стали избавляться без колебаний от всего, что не вписывалось в их идеологию, от всего, что могло связывать народ с дореволюционной жизнью. Так было и с названьем улиц. Все, что касалось в названиях улиц религии, царских фамилий и генералов, несмотря на их заслуги, все переименовывалось в массовом порядке.

Так, Постановлением Омгубревкома от 19.02. 1920 г. было переименовано сразу около половины улиц, несколько площадей и садов.

Чернавинский проспект и часть Казнаковской улицы стали улицей Ленина, вместо планировавшегося проспекта Петра Великого (ул Дворцовая и Атаманская) омичи получили улицу Республики, которая в 1963 году стала продолжением ул. Ленина. Улицы Артиллерийская и Аптечная стали улицей К. Маркса, Александровская (в честь царя-освободителя) – Интернациональной, Тюремная – 5-й Армии, Казнаковская и Капцевича – ул. Красный путь, Губернаторская и Сергиевская – Пролетарской (с1938 г. – Красногвардейская), ул. Бутырская – А. Герцена, Думская и Николавевская – Троцкого…

Появились пронумерованные на американский манер Северные, Ремесленные, Линии и Рабочие. Северные улицы были с 1-й по 16-ю. Соответственно исчезли исторические названия – Цыганская, Будущая, Мельничная, Северная, Иртышская, Тюкалинская, Ишимская, Школьная, Екатеринбургская, Ялуторовская, Ярославская, Камышловская, Тюменская, Шадринская, Выгонная. Улицы с 17-й по 36-ю Северные появились с 1929 по 1958 годы.

В этом же постановлении также вместо Телятниковской и Параскеивской – 2 Линия, далее до 17 Линии в порядке возрастания соответственно заменены: Набоковская и Всесвятская, Заводская и Волошинская, Кокоулинская и Восточная, Петропавловская и 1-я Мещанская. Курганская и 2-я Мещанская, Кокчетавская и 3-я Мещанская, Атбасарская и Алтайская, Сибирская, Земледельческая, Читинская. Ново-Николаевская, Амурская, Енисейская.

Санниковский сад был переименован в Пролетарский и располагался между улицами Красный путь, Тобольской, Интернациональной и Пролетарской (Красногвардейской). Казачий сад был разбит на три – «Красной звезды», Интернациональный и Пролетарский.

В 1921 году появились ул. Горького вместо Колпаковской, Д. Бедного вместо 2-й Федуловской, ул. Кропоткина вместо Крымской, ул. Калинина вместо Озерной.

Более двадцати улиц было переименовано по постановлению № 222 от 5.11.1923 г. Появились ул. Декабристов (Варламовская), Короленко (Русиновская), Комиссаровская (Станичная), Красных Орлов (Бригадная), С. Разина (Путинцевская), Красных Зорь (пр. Никольский) и другие.

Немногие улицы сохранили свои первоначальные названия. Среди таких улиц – Омская, Иркутская, Красноярская…

Улицы как зеркало советской истории

У омского поэта Юрия Перминова есть стихотворение, в котором между строк скрыта горькая ирония. Один прохожий спрашивает другого, как пройти к православному храму и получает такой ответ: от Интернациональной улицы по Орджоникидзе, потом свернете на Рабиновича… Странно, но улицу Воздвиженскую или Крестовоздвиженскую большевики переименовали не сразу. Лишь в 1926 году она стала называться Церабкооповской, а с 1939 года улицей Рабиновича, по случаю 20-летия со дня гибели в тюрьме организатора антиколчаковских восстаний Михаила Моисеевича Рабиновича. Ну, ладно, Рабинович хоть погиб в Омске, а вот что такого сделал для Омска Серго Орджоникидзе непонятно, и почему улица Тобольская до сих пор должна называться его именем. Городские власти, как написала одна газета, решили поступить по принципу «и вашим, и нашим» и потому мы видим таблички, какие вряд ли встретишь в каком-либо другом городе: «Улица Орджоникидзе, бывшая Тобольская» или «Ул. Интернациональная, бывшая Александровская». Конечно, пожалуй, не стоит возвращать все старые названия, но некоторые из сегодняшних режут слух…

В названиях и переименованиях улиц Омска отражается история всей страны, начиная с Гражданской войны. Ул. 5-й Армии (бывш. Тюремная), Красный Путь (Капцевиича), Красных Орлов (Бригадная), наб. им. Тухачевского, – все эти топонимы связаны с взятием Омска Красной Армией. Правда, имя заговорщика Тухачевского части Иртышской набережной (в пределах бывшей Набережной) было присвоено лишь в 1967 году. Сама же Иртышская набережная получила свое название в 1963 году, объединив две улицы Береговую и Набережную.

Практически все советские праздники закрепились в названиях улиц. Естественно отразились и юбилеи Октябрьской революции, ВЛКСМ, Профсоюзов, разных Партсъездов, международных революционных организаций. Так, всего десять лет, с 1921 по 1931 год просуществовала международная организация революционных профсоюзов, но в 1938 году в Омске появляется и существует до сих пор улица Профинтерна.

Прослеживаются по названиям улиц и внутрипартийные разборки. Так, в начале 20-х годов Троцкий по популярности конкурировал с Лениным. Три нынешних улицы Омска носили имя Троцкого. Так вышло потому, что Ленинск и Новоомск до 1930 года были самостоятельными городами. В Омске улицей Троцкого стали улицы Думская и Николаевская. Но когда Сталин задвинул Троцкого с его компанией, в 1927 году улица стала называться 10 лет Октября. В этом же году в Новоомске улицу Троцкого переименовали в улицу 22 декабря в память о восстании в Куломзино против Колчака. В 1928 году пала последняя улица Троцкого (бывш. Ново-Водопроводная), ее переименовали в ул. МОПРа, а с 1938 года это улица Бабушкина.

Умер после сомнительной операции Михаил Фрунзе и в 1926 году появляется улица его имени вместо Екатерининской. С 1922 по 1927 существовала улица Каменева (ныне 20 лет Октября). До 1928 года была улица Радека, с

1928 – Халтурина, с 1938 года – Серафимовича, с 1961 года – Гайдара. А в 1963 году появляется имеющий отношение к Гайдару Тимуровский проезд.

Чуть больше года в 1938-39 гг. нынешняя ул. Серова носила имя наркома-палача Ежова, до революции это была Шпрингеровская улица, с 1921 года она называлась ул. Рассохина, с 1935 г.по 1938 – ул. Куйбышева. А нынешняя ул. Куйбышева это бывшие Скаковая, Шкроевская и 1-я Линия.

Имя Берии в конце 30-х недолгое время носила бывшая улица Иртышская, ныне Керченская.

Но, как пел бард, мы все-таки умнеем год от года. И в 2001 году среди названий новых улиц преобладали такие: Вьюжная, Звонкая, Славная, Широкая, Чистая…

В заключение, всем, кто интересуется историей и родословной наших омских улиц, о которых мы не упомянули в данной статье, советуем обратиться к справочнику «Улицы города Омска», Омск, 2008, авторы Г.Ю. Гурьев, Е.Н. Гусев, Л.И. Огородникова. Это наиболее качественный и полный, основанный на архивных первоисточниках, труд.

ЕЗДА ПО УЛИЦАМ ПРОШЛОГО

В многовековой истории человечества люди для облегчения перемещения по земле использовали животных и лишь полтора века назад стали применять машины. До появления машин главной движущей силой была лошадь. Не случайно до сих пор мощность двигателя измеряется в лошадиных силах. Омск в этом смысле не был исключением, хотя порой на его улицах можно было увидеть и верблюдов.

Без воды – не туды и не сюды…

Весьма заметной фигурой на городских улицах до революции был водовоз. В 1902 году Городская дума обязательным постановлением оформила правила для водовозов.

Водовозным промыслом имели право заниматься лица любых сословий. Для этого они должны были обратиться в Городскую управу. Управа справлялась в полиции о поведении обратившегося к ней лица и, если компромата не было, выдавала разрешение на занятие этим промыслом. Кроме разрешения, в управе водовоз получал номерной знак, который нужно было закрепить на бочку. За этот знак взыскивалось 3 рубля.

Жесткими были санитарные требования. Бочка должна была иметь плотную крышку и выкрашена снаружи масляной краской – белым суриком. Воду можно было набирать только в специально отведенных местах. Если обнаруживали неисправную бочку, то номер с нее снимали, что автоматически лишало права развозить воду.

В случае пожара, водовоз обязан был немедленно прибыть с водой к месту пожара. При этом за первую прибывшую бочку выплачивали 1 руб., за вторую – 50 коп, всем остальным – по 25 коп. днем и по 50 коп. с 9 часов вечера до 5 утра.

Даже после открытия в 1915 году водопровода, водовозы не исчезли, так как водопровод охватывал поначалу лишь центральную часть города. Характерно, что 40-ведерная бочка воды, набранной из водопровода, стоила 50 коп., а такая же бочка воды из Иртыша – 20 коп.

Должны быть безусловно трезвы

Выражение «устал, как ломовая лошадь», не случайно. Ломовая лошадь – это грузовик прошлого. Приходилось ей тяжко. Была она и размером обычно покрупнее да и стоила на 10-15 рублей дороже обычной лошади. В 1903 году для лиц, занимающихся ломовым извозным промыслом в Омске, также были оформлены правила.

Ломовые извозчики

Этим промыслом могли заниматься лица всех сословий, достигшие 18 лет. Они также получали разрешение в Городской управе и номер, который должен был прибит к экипажу на видном месте. Ломовые извозчики платили в городскую казну ежегодный сбор по 3 рубля с лошади.

По Правилам лошади должны были быть обязательно взнузданы, при каждом экипаже по возможности должен быть работник (грузчик), а при двух экипажах работник должен быть обязательно. Двигаться надо всегда, держась правой стороны, в обозе – попарно с зазором в 4 сажени. Бревна, доски, полосы железа укладывать так, чтобы концы не волочились по земле. При перевозке извести, кож, мяса повозки должны быть закрыты брезентом с веревочными концами, циновками или рогожами.

Ломовые извозчики не должны просить у нанимателей на водку, не делать грубостей и должны быть безусловно трезвы.

14 октября 1916 года Городская дума установила следующую таксу для ломовых извозчиков. За доставку 1 квадр. сажени 9-вершковых дров – 2 руб. За перевозку воза домашних вещей – 1 руб. За перевозку тяжестей более 25 пудов по 4 коп. с пуда, менее 25 пудов – 1 руб.

Легковые извозчики – таксисты прошлого

10 августа 1911 года Городская дума определила расценки для лиц, занимающихся извозным промыслом.

Легковые извозчики делились «по экипажам и запросам» на четыре категории: внеразрядные, 1-го, 2-го и 3-го разрядов.

К внеразрядными относились кареты и ландо (кареты с откидным верхом) в дышловой или парной упряжке.

К 1-ому разряду относились пролетки и коляски с «патентованными осями и резиновыми шинами».

Ко 2-му разряду – все рессорные тележки с фордеками и без них.

К 3-му разряду – все обыкновенные тележки.

Такса для легковых извозчиков в зависимости от разрядов устанавливалась следующая:

Плата за 1, 2, 3 разряды (коп.)	1 разр.	2 разр.	3 разр.
а) за первый час	60	50	40
б) за следующий час	50	40	30
за конец в черте города:			
а) в районе правой или левой стороны р.Оми	30	25	20
б) при переезде из одной стороны в другую	35	30	25
за конец в загородные пункты:			
в Загородную рощу в районе правой стороны р. Оми	50	40	30
в Загородную рощу в районе левой стороны р. Оми	55	45	35
в лагеря с левой стороны Оми	50	40	30
в лагеря с правой стороны Оми	55	45	35
на вокзал с левой стороны Оми	75	60	50
на вокзал с правой стороны Оми	80	65	55

За кратковременные остановки (не более 15 минут) и подачу экипажа на дом приплачивалось по 10 коп.

За езду ночью с 1 ч. до 5 ч. устанавливалась полуторная плата.

При поездках за пределы городской черты плата устанавливалась по взаимному соглашению.

В первые дни Пасхи, Рождества Христова и Нового года устанавливалась двойная плата.

За езду в четырехместном ландо в дышловой упряжке устанавливалась двойная плата по таксе 1 разряда (т.е. 1 руб. 20 коп. за первый час).

За езду в остальных внеразрядных экипажах устанавливалась полуторная плата 1 разряда.

Провоз багажа свыше 3 пудов – по соглашению, но не дороже 10 коп. с пуда.

Велика ли плата, судите сами. Для сравнения: в это время дневной заработок чернорабочего составлял 85-90 коп.

В преддверии машинного века

В конце XIX века на улицах Омска было столько велосипедистов, что участились случаи столкновения их с пешеходами и экипажами. Велосипед сразу завоевал популярность, хотя и стоил весьма дорого: в начале XX века – около 150 рублей, то есть как три коровы.

15 сентября 1898 года, выслушав доклад омского Полицмейстера об езде на велосипедах, Городская дума рассмотрела «Проект обязательных постановлений о порядке езды на велосипедах в г. Омске» из двенадцати пунктов.

Езда допускалась только на безопасных (низких) одноместных двухколесных велосипедах. Велосипедист обязан был получить в установленном порядке право (т.е. права) на управление велосипедом. Права должны быть всегда при себе. К слову сказать, Лев Толстой в старости научился ездить на велосипеде и также получил подобные права, которые хранятся в музее Ясной Поляны.

Велосипед должен был иметь номерной знак, звонок, а в темное время суток зажженный фонарь. Ездить допускалось лишь справа, экипажи обгонять можно было тоже только справа. В случае беспокойства лошадей, нужно было сойти с велосипеда.

Запрещалась езда наперегонки, езда по тротуарам, садам и скверам. При огибании угла дома необходимо было сбавить скорость и дать звонок. Перед мостом через Омь нужно было также сойти с велосипеда и перейти пешком.

Городские власти старались идти в ногу с техническим прогрессом, но не всегда казна позволяла внедрять достижения этого технического прогресса. Так случилось с внедрением трамвайного сообщения в городе. Еще 2 ноября 1897 года Городская Дума постановила предоставить Товариществу «Подобедов и Ко» концессию на устройство в Омске электрического трамвая, а через год даже рассматривала вопрос о порядке эксплуатации трамвая. Трамвай должен был ходить от железнодорожного вокзала до станции (остановки) «Детский приют» (ныне управление Омско-Тарской епархии на Интернациональной ул.) с промежутками не более 15 минут с 7 часов утра до 10 вечера весной и летом и с 8 утра до 8 вечера осенью и зимой. Скорость движения на разных участках планировалась от 15 до 25 верст в час. Однако проект смог осуществиться лишь в советское время. 16 ноября 1936 года была открыта первая трамвайная однопутная линия от ж-д. вокзала до ул. Интернациональной длиной 8,2 км.

В какой-то мере компенсацией за отсутствие в городе трамвая служила протянувшаяся от вокзала вдоль Иртыша до места напротив нынешней транспортной академии железнодорожная городская ветка. По ней ходили как пассажирские, так и грузовые поезда.

У города были и свои пароходы «Александр» и «Омск». В 1914-17 годах активно курсировал пароход «Коммерсант», он ходил до Чернолучья и Тары, в воскресные дни через каждые полтора часа доставлял пассажиров в Загородную рощу.

А наряду с велосипедами в омских газетах уже в первом десятилетии XX века рекламировались автомобили, которые вскоре захватят улицы и дороги.

ПОЛИЦМЕЙСТЕР БЫЛ ГЛАВНЫМ БЛЮСТИТЕЛЕМ ЧИСТОТЫ…

Символом чистоты и порядка в дореволюционном городе был дворник в фартуке, с метлой и свистком на шее. Но дворник потому и называется дворником, что следил за чистотой во дворах домов, владельцы которых были людьми обычно богатыми и состоятельными. В целом же, к сожалению, идиллической картины не получается.

Многое о том, какими были улицы и площади Омска в конце XIX века, можно узнать из «Очерка санитарного состояния Западной Сибири», написанного врачом А. Ремизовым в 1880 году. Город предстает из этих записок утопающим в грязи, с тяжелым «благоухающим» воздухом, особенно в районе крепости, площади в толстом слое навоза, разбитые уличные дороги, и лишь на двух из них в 1879 году прорыли канавы, а проезжую часть утрамбовали битым кирпичом. Жилища омичей были с холодными полами, практически без вентиляции, с запущенными отхожими местами. Особую тревогу вызывала питьевая вода. В Иртыш сливали даже воду после стирки тифозного белья из госпитальной прачечной. А профилактика заключалась лишь в том, что врач Кушелевский химическим анализом показал, что в Иртыше содержится много вредных органических примесей.

Прошло три десятка лет, но мало что изменилось. Читаем в статье «Неустройство сибирских городов» (журнал «Сибирские вопросы № 47-49, 1911 г.): «За Омском установилась прочная репутация «пыльного, грязного, азиатского города», и эту репутацию он неукоснительно поддерживает. Осенью его неблагоустройство превращается в настоящее общественное бедствие, требующее вмешательства самого губернатора. Городское же самоуправление в такие моменты стушевывается, представляя, по словам «Омского вестника», «каждому обывателю по своей инициативе искать путей сообщения по улицам, превращенным в сплошные лужи».

В исключительных случаях омская управа дает о себе знать «мудрым» распоряжением перегнать с одной улицы на другую «море жидкой грязи». В итоге такой деятельности – застрявшие водовозы, увязшие прохожие и, как финал, не лишенный символики, такое сообщение в местной газете: «Против Городской управы в грязи завязла проходившая маленькая девочка, которая подняла такой плач, что многие останавливались, но помочь не решались, боясь завязнуть в грязи. Девочку из грязи вытащил мимо проезжавший извозчик, который, взглянув в сторону городской управы, произнес: «Плачь ребенка, авось пробудит».

Как видно из этого отрывка, ответственным за чистоту и уборку мусора была Городская управа. Непосредственно же за чистоту на улицах отвечал

омский полицмейстер (понятно, теперь, почему у дворников были полицейские свистки), а точнее, околоточные. Полицмейстер предпочитал общаться с губернаторами. Так, в 1888 году именно полицмейстер обратился к губернатору с просьбой запретить выбрасывать снег из дворов на улицы, так как под видом чистого снега выбрасывался навоз и мусор. Губернатор предложил рассмотреть вопрос Городской думе, и та не согласилась с полицмейстером, поскольку не все жители имели лошадей и могли вывозить снег за город.

В 1868 году Омская Городская дума рапортовала в Тобольское губернское правление: «Его Превосходительство господин Председательствующий в Совете Главного Управления Западной Сибири предписанием от 19 сего апреля за № 1010 предложил Думе отпустить в распоряжение г-на Омского Полицмейстера из суммы ассигнований в настоящем году для городских работ 218 руб. 52 коп., на очистку городской площади и улиц 150 р., каковая сумма вследствие журнального постановления Думы, состоявшемуся 22-го апреля и выдана г. Полицмейстеру. О чем Городская Дума имеет честь донести Губернскому Правлению». К слову сказать, расходная часть бюджета г. Омска составляла в 1868 году 13 316 рублей.

Газеты много писали о состоянии улиц, а власти реагировали быстро и болезненно, о чем свидетельствует, например, такое письмо в редакцию от городского головы В.А. Морозова, помещенное в газете «Омский телеграф» от 14 сентября 1911 года: «Милостивый государь, Господин Редактор! В №194 «Омского телеграфа» в отделе хроники помещена заметка о том, что Тарская улица, вспаханная и утрамбованная городом, от прошедших дождей снова обратилась в болото.

Считаю необходимым пояснить, что Тарская улица исправляется домовладельцами чрез особо уполномоченных лиц. Город лишь оказывает необходимое содействие в этом деле: командирует техников для производства нивелирования, заимообразно отпускает средства на приобретение материалов и уплату рабочим.

Исправление улицы еще не закончено. Работы были прекращены вследствие наступления продолжительного ненастья. До дождей удалось утрамбовать не более двух участков улицы».

Главное, как говорится, отреагировать и успокоить общественность.

Владельцы домов, хоть и были часто людьми известными и богатыми, не всегда относились к благоустройству улиц надлежащим образом. Газета «Иртыш» сообщала 1 октября 1906 года:

«Ныне заканчивается мощение Любинского проспекта. В расходах этого мощения согласились принять участие домовладельцы проспекта. Обещались внести в управу к 15 июля:

Московские ряды – 2114 руб.

Ганшин – 1225 руб.

Кузьмин – 791 руб.

Колпаков – 784 руб.

Волков – 406 руб.

Чириков – 551 руб.
Козьмин – 184 руб.
Волков – 784 руб.
Шанина – 651 руб.

Эти лица до сих пор не сделали своего взноса, и управа расходует на мощение городские средства.

Уплатили, хотя и с некоторым пропуском, 15 июля следующие домовладельцы:

Савва Морозов – 420 руб.
Терехов – 858 руб.
Кузьмин – 600 руб.
Шкроев – 609 руб.»

Однако проблемы были не только с улицами. Чрез два дня та же газета писала: «Городская водокачка приняла «угрожающий» вид. Столбы, поддерживающие бак, совершенно перегнили. Если их не заменить новыми, бак рухнет».

«…НЕКОТОРЫЕ УЛИЦЫ СТАНОВЯТСЯ ОТ СУГРОБОВ ПОЧТИ НЕПРОЕЗЖИМИ»

Доклад предложения г. Акмолинского губернатора от 22 декабря за №13616 об отмене обязательного постановления Городской Думы, касающаяся вывоза и свалки снега со дворов на улицу.

Доложено Думе, что г. Акмолинский губернатор при предложении за №13616, препровождая к Городскому голове копию с рапорта Омского Полицмейстера за № 19863, которым он просил отменить постановление Омской Городской Думы, касающихся вывоза и свалки снега со дворов, просит вопрос этот передать на обсуждение Городской Думы и копию постановления ея представить Его Превосходительству.

Рапорт же Омского Полицмейстера за №19863 следующего содержания: «Омская Городская Дума обязательным постановлением, составленным 11 декабря 1886 г. в виду того, что жители города, пользуясь дозволением, согласно 2 п. 2 ст. свода обязательных постановлений Думы, в зимнее время вывозят под чистым снегом навоз и другие нечистоты на лед и вываливают в кучи на площадях, чем самым портят в весеннее время воду в реках и площади засаривают нечистотами, – постановила: не дозволять жителям нечистый снег отвозить на берега рек, а равно сваливать на площадях, а дозволять только чистый снег вывозить на улицы, разравнивая его хорошенько. Последнее до-

зволение, как видно из постановления Думы от 25 ноября 1888 г. (п.6) вызвано бедностью большой части домовладельцев, не имеющих средств вывозить снег за город. Между тем, в действительности дозволением этим пользуются не одни бедные, но и достаточные жители и вывозят снег на улицы по видимому чистый (т.е. на вид чистый – П.Б.), но при каждом весеннем таянии снега оказываются на улице массы навоза и других нечистот; зимой, кроме этого, дороги портятся, делаются ухабистыми, и некоторые улицы становятся от сугробов почти непроезжими, как бы жители не старались разравнивать снег хорошенько.

Каждую весну представляется необходимость требовать от жителей очистки унавоженных ими же улиц, чрез что теряется двойное время и труд, и производится напрасный расход, тогда как если бы всякий чистый снег или нечистый снег вывозился за город в указанное место – было бы далеко рациональным.

Вообще подобных правил о дозволении жителям вывозить снег со дворов на улицы нигде не существует. Напротив, в других городах стараются очищать улицы от снега во избежание грязи. У нас же в городе, где не существует почти совсем тротуаров, выбрасыванием снега со дворов увеличивают грязь, и таким образом не помощенные улицы города в весеннее время становятся и трудно проходящими и даже некоторые улицы совсем непроезжими.

А потому имею честь ходатайствовать пред Вашим Превосходительством о рассмотрении этого вопроса в Областном по городским делам Присутствии и об отмене обязательных постановлений Городской Думы, касающихся разрешения вывоза и свалки снега со дворов на улицы».

По выслушивании вышеуказанного Городская Дума находит, что обязывание жителей вывозить чистый снег со дворов за город представляется неисполненным в виду того, что большая часть жителей люди бедные и не имеют своих собственных лошадей, поэтому им приведется сие убирать посредством найма, что будет сопряжено с большими непосильными расходами, особенно во время снежных бурь. Если весной при таянии снега обнаруживается навоз, то это не оттого, что жители вывозили его со дворов, а остается от проезжающих по улицам, скопляясь понемногу в течение всей зимы, даже при аккуратном метении улиц. Назем этот легче вывезти сразу весной за город, чем целую зиму возить снег, а потому Дума по обсуждении настоящего вопроса **постановила:** оставить 2 п. 2 ст. свода обязательных постановлений Думы в своей силе, а просит Омского Полицмейстера обязать околодочных (так в документе – П.Б.) надзирателей не дозволять жителям вывозить из дворов нечистый снег, а чистый выравнивать бы так, чтобы не было бугров среди улиц. Виновных же в нарушении сих правил привлекать к ответственности.

ИсАОО, ф. 30, оп. 1, ед.хр. 21, лл. 15об.-17.

ИСТРЕБЛЯТЬ ПОСРЕДСТВОМ ПИЛЮЛЬ…

Каштанки, Шарики и собачки при дамах не случайно стали героями произведений классиков. На душу населения и до революции, их, видимо, было не меньше, чем ныне, и городские власти пытались как-то вмешиваться в процесс увеличения популяции «братьев наших меньших», применяя как экономические рычаги, так и негуманные методы.

К концу 19-го века в городе сложились «Правила о сборе с собак в г. Омске» из восьми пунктов. Первые три гласили:

«1. Сбор взимается в размере одного рубля с каждой собаки в год.

2. Сбору подлежат все принадлежащие постоянным обывателям г. Омска собаки без различия пород, за исключением дворовых – цепных.

Примечание: Временно прибывающие в г. Омск уплачивают налог, если останавливаются в городе не менее как на один месяц.

3. Сбор вносится владельцами за год вперед в установленный Городскою думою срок в кассу Городской управы, которая выдает каждому плательщику особый значок с обозначением на нем соответствующего нумера квитанции в уплате сбора. Значок этот прикрепляется на видном месте к ошейнику собаки».

В последующих пунктах указывалось, что при утере значка владелец заявляет об этом в Городскую управу и оплачивает только стоимость значка. При приобретении собаки владелец обязан в течение 14 дней заявить об этом Городской управе.

И в последнем, восьмом пункте Правил указывалось, какие собаки считались бездомными: «Городской Думе предоставляется сделать распоряжение о ловле собак, попадающихся на улицах и площадях города без упомянутых в ст.3 значков. Пойманные собаки могут быть истребляемы, но не ранее как по прошествии трех суток со дня поимки и, если при том в течение этого срока владелец собаки не внесет причитающегося за нее сбора или не докажет, что сбор уже уплачен».

16 ноября 1892 года в повестке дня Городской думы был вопрос об уничтожении бродячих собак в Омске. Обсуждали, каким способом их уничтожать. По циркулярному письму Министерства внутренних дел Акмолинскому губернатору Городской управе разрешалось истреблять собак «отравлением посредством пилюль» до 1 марта, а затем предписывалось разработать проект «более правильной организации ловли собак».

«По выслушивании вышеизложенного Городская Дума находит, что, как в г. Омске не нашлось опытных людей, которые могли бы указывать способ ловли бродячих по городу собак петлями и сетями, да и ловить сетями неудобно, как собаки скрываются во дворы, в ворота и даже чрез заборы, и потому постановила:

поручить Городской управе собрать сведения о том, каким способом истребляются собаки в г. Екатеринбурге, Казани и друг., где найдет подходящими, и по собрании тех сведений доложить Думе. В настоящее же время продолжать способ истребления бродячих собак, указанный ранее Думою». То есть использовать способ отравления.

17 февраля 1898 г. Городская Дума вновь коснулась «собачьего» вопроса. Она поручила Городской управе «установить процент вознаграждения лицу, занимающемуся контролем исправной платы налога на собак, но с тем условием, чтобы вознаграждение не превышало 25 % от налога». Сборщик налога на собак получал 25 рублей в месяц из бюджета, добывая в казну 500-600 рублей в год за собак, что, по мнению Думы, не соответствовало действительному количеству животных. Вот и решили материально заинтересовать сборщика налогов. Надо думать, эта мера явно не способствовала уменьшению бродячих собак. Да и увеличению бюджета это мало помогло: доля поступлений от этого налога была мизерной. Так, в 1909 году сборы с велосипедов и собак составили всего 134 рубля, а в 1913 году – 1239 рублей. Резкое увеличение сбора за четыре года произошло явно не за счет собак, а за счет увеличения велосипедов.

ЛОМБАРД, ВЫРУЧАЙ – ПРОИГРАЛСЯ НЕВЗНАЧАЙ

Воображаемая сценка с комментариями

К зданию Городской управы, что на улице Думской, 1, подкатил в жаркий июльский полдень от Рождества Христова в лето 1912 на велосипеде молодой человек с тонкими загнутыми вверх усиками, остановился и с важным независимым видом, держа велосипед за руль, направился к открытой двери. Нет, господин Б., обладавший одним из современных средств передвижения, не был гласным Городской думы, не служил он и в Городской управе, его интересовал омский городской ломбард, располагавшийся в этом же здании. Хозяин велосипеда был известным в Омске ресторанным кутилой, картежником и посетителем домов на улице Госпитальной, где по ночам оказывались платные интимные услуги… Накануне ночью он вдрызг проигрался и приехал поправить свои финансовые дела. Здесь он был не в первый раз и оценщик Павлов, сладко улыбаясь, заторопился ему навстречу:

– Андрей Николаич, милости просим! Нуждаетесь вновь в нашей помощи?

– Да, Михаил Андреевич, знаете ли, хочу на время оставить у вас своего железного коня.

– На какое время изволите закладной билет оформить?

– Через месяц, думаю, выкуплю.

– Билет именной-с?

– Разумеется, на мое имя!

– Сто двадцать рублей сумма устроит?

– Почему же сто двадцать, Михаил Андреич, давайте, как в прошлый раз сто пятьдесят!

– Весной велосипед был новее, а после того, как его у вас крали, вон царапины по железу, краска ободрана, седло, изволите видеть, потерлось… Сто двадцать можем дать. Ежели с аукциона пойдет, то дороже не возьмут.

– Какой аукцион! Я же сказал, через месяц выкуплю. У меня тут коммерческое дельце через две недели выгорает… А то, что украли, так это мальчишки покатались и бросили, хуже ведь он ездить не стал. Позови Николая Ивановича, он дозволит.

Словно услышав его, из-за перегородки, заставленной шкафами с фарфоровой посудой и увешанной разных размеров часами, вышел распорядитель ломбарда Зубарев. Выслушав просьбу господина Б., он ненадолго задумался и сказал:

– Пусть будет сто пятьдесят. Андрея Николаевича мы знаем. Токмо в другой раз приходите пораньше, через полчаса мы закрываться должны, – кивнул он на часы, показывавшие половину первого.

– Премного благодарен, Николай Иванович! Выручили-с! А я уж не подведу, не извольте беспокоиться!

В нашей нарисованной воображением сценке господин Б. – лицо вымышленное, а вот оценщик и распорядитель с такими фамилиями действительно работали в омском ломбарде. Кроме них в штате ломбарда были также бухгалтер, кассир и писцы – всего двенадцать человек. Ломбард действительно работал с 9 утра до часу дня, а велосипед действительно стоил 150 рублей. Стороны действовали, так сказать, в соответствии с первыми тремя параграфами Устава ломбарда: пришли к взаимному соглашению, и заемщик получил именной билет и ссудную сумму. Билет мог быть и безымянным, на предъявителя, то есть мог передаваться из рук в руки без всяких формальностей.

А теперь вернемся к нашему господину Б. и рассмотрим возможные варианты развития событий в соответствии с уставом ломбарда. Кстати, он мог сдать велосипед в заклад на срок до двенадцати месяцев и, если бы в установленный срок не пришел, то его ждали бы еще два месяца, а уж потом выставили бы велосипед на аукцион.

Если же он придет, как обещал, выкупать «железного коня» через месяц, то с суммы, выданной в ссуду, взяли бы 0,5 процента в пользу ломбарда, а также еще полпроцента за страхование заклада. Таким образом, нашему герою пришлось бы при выкупе переплатить полтора рубля.

Предположим, что торговое дельце у господина Б. не выгорело. Тогда он может попросить выставить велосипед на аукцион и ранее срока займа или дотянуть до «уставного» аукциона. Что же будет в этом случае? Смотрим в устав, параграфы 8-10:

«Из вырученной от аукционной продажи закладов суммы, включая в оную и просроченный задаток, возмещается: плата, причитающаяся аукционисту или полиции и другие действительно понесенные ломбардом расходы. Затем от сей же суммы ломбард удерживает: 1) капитал, выданный в ссуду, 2) причитающиеся на него проценты на день продажи, 3) плату за страхование со времени просрочки по день продажи и 4) неустойку в размере не свыше 3%

со всего назначенного капитала, остальные деньги выдаются предъявителю билета (в скобках заметим, что наш герой при таком раскладе остался бы должен, так как выше 150 руб. вряд ли кто купил его велосипед: за такую сумму можно было купить две ломовые лошади).

Право на получение денег, подлежащих выдаче, сохраняется в течение 10 лет.

Если первый торг на продажу просроченных вкладов не состоялся, то назначается второй торг не далее шести недель. Если и во втором торге заклад не будет продан, то ломбард оставляет его за собой, прекращая все счета с заемщиком. Ломбард обязан поступившее на сем основании в собственность его имущество продать за свой счет с аукциона или по вольной цене не далее как в продолжение года.

Примечание. Назначение вторых торгов может быть отсрочено по соглашению с должником до шести месяцев, считая со дня первого торга».

Но будем считать, что у нашего героя все будет нормально. Остается добавить, что за сохранность велосипеда и прочего отданного в залог имущества отвечала Городская дума, «как капиталом ломбарда, так и всеми средствами города». Теперь отчасти понятно, почему они располагались в одном здании.

СЦЕНКА ИЗ ЖИЗНИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ,

или О кредитных учреждениях дореволюционного Омска

Получить кредит современному крестьянину, будь ты фермер или член какого-либо хозяйства задача весьма сложная, а чаще даже недостижимая – столько на пути встает чиновничьих рогаток. Немало в этом деле и злоупотреблений. Это в начале 90-х кредиты раздавали направо и налево, но результат получился нулевой. Без участия государства здесь не обойтись, что и пытался сделать Столыпин.

– Любезный! – остановил франтоватый молодой человек мужика, направлявшегося к зданию переселенческого управления. Несмотря на теплый день, мужик был в катаной шапке-грешневике и кафтане, что выдавало в нем человека не местного. А молодой человек с загнутыми вверх усиками был никто иной, как господин Б. Тот самый, что заложил свой велосипед в ломбарде после крупного проигрыша в карты.

– Любезный, куда направляетесь?

– Так вот общество послало гумаги оформить.

– Какие бумаги?

– Дык, чтоб в крестьянском банке денег взять. Рязанские мы, переселенцы… Нам подсказали, что сюды надобно поначалу.

– А много ли вас таких?

– Семей двадцать будет.

– А знаешь ли ты, любезный, сколько с тебя целковых возьмут за сии бумаги?

– Не ведаю, сударь, мы люди темные.

– А я вот доподлинно знаю, поскольку служу тут, – перешел на шепот господин Б. и доверительно взял крестьянина под локоть. – Не менее тридцати рубликов отвалить придется!

– Ну, тридцать-то сообща, поди, соберем.

– Сообща! С каждой семьи!

– У-уф! Дык че ж нам делать? – растерялся мужик, вцепившись левой рукой в свою бороду.

– Я помочь смогу! Только между нами!.. Заплатите мне по пятнадцать рублей, и все бумаги представлю в нужном виде.

– Пятнадцать рублей тоже деньги немалые, – мужик снял шапку и вытер рукавом вспотевший лоб, – хотел к зиме тулуп справить...

– Тулу-уп! – насмешливо протянул господин Б. – Да по бумагам, которые я те справлю, ты четыре с половиной сотни получишь. На все хватит!

Господин Б. лукавил: четыреста пятьдесят рублей выдавали только переселенцам в Забайкалье, а в Омском уезде им выдавали в три раза меньше.

– Ну, так что по рукам? Сам посуди: тридцатку отдавать или пятнадцать.

– Э-э, ладно, давай! – махнул рукой мужик и полез в карман, где в платке были завязаны деньги.

В это время, однако, от переселенческого управления к ним направился еще один крестьянин и громко воскликнул:

– Митрич! Ты где запропал?

– Дык. На рынок заглядывал, узнавал насчет коровешки. За сорок пять ноне тут можно добрую справить.

– Вот и ладно, стало быть, обживемся! А я уже и бумагу для банка сделал!

– Как сделал?! – растерянно удивился мужик – А вот господин говорит, что надо тридцать рублев платить, ты где деньги-то взял?

– Каки деньги! Переселенцам все бумаги бесплатно делают. На то есть специальный указ губернатора Неверова и о том в газете «Омский телеграф», говорят, специально писано…

Мужик повернулся, было, к господину Б. с вопросом, но тот уже уходил от них с презрительной миной, помахивая тросточкой. Похоже, дело с выкупом из ломбарда велосипеда у него затягивалось.

А мужики направились к Крестьянскомй банку. Точнее, к омскому отделению Крестьянского банка, которое располагалось на улице Семинарской в доме Грингута. Управляющим здесь был Кастль Николай Ричардович. В рекламном анонсе о задачах банка, в частности, говорилось: «Крестьянский поземельный Банк имеет целью оказывать крестьянам содействие к приобретению в собственность предлагаемых для продажи земель. Банком производятся следующие операции: 1) выдача крестьянских ссуд под покупаемый ими по добровольным соглашениям с владельцами земель и 2) выдача ссуд под купленные крестьянами без содействия Банка земли для погашения обеспеченных долгов по покупке оных».

Кроме Крестьянского поземельного банка, в Омске в 1912 году были еще несколько кредитных учреждений.

Мещанское ссудно-сберегательное товарищество. Думская, 10. Председатель – Мартынов Николай Павлович.

Омский городской общественный банк. Думская, 1. Председатель – Пахотин Дмитрий Егорович.

Общество взаимного кредита. Дворцовая ул. Председатель – Иванов Николай Александрович.

Омское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Любинский пр. дом Шухман. Управляющий – Двинянинов Анатолий Капитонович.

Омское отделение Русско-Азитского Банка. Любинский пр. Дом Волкова. Управляющий – Буяновский Николай Демьянович.

Омское отделение Сибирского Торгового Банка. Московские ряды. Управляющий – Подшивалов Петр Дмитриевич.

Агентство Ярославско-Костромского земельного банка. Томская ул. Дом Мальшинского. Представитель – Мальшинский Николай Павлович.

Омское отделение Государственного Банка. Соборная площадь. Собственное здание. Управляющий – Чернявский Николай Григорьевич.

23 июня 1898 года Городская дума рассматривала «Доклад о результатах свидетельства наличности кладовой Городского Общественного Банка, произведенного 1 июня 1898 г.» и приняла постановление по нарушению в части предоставления кредитов.

Согласно ст. 44 Правил о городском кредите физическое лицо могло пользоваться кредитом Городского Общественного Банка в размере, не превышающем 1/10 доли основного и запасного капитала банка. Однако в ходе проверки были обнаружены случаи, когда банк выдавал кредит известному лицу «А» под учет векселей лица «Б» в размере 1/10 капитала и принимал еще векселя «А», представленные в банке третьим лицом «В». Таким образом, в случае несостоятельности лиц «Б» и «В», «А» становился ответственным за сумму 2/10 основного и запасного капитала банка, что нарушало ст. 44.

Городская дума постановила: Банку строго руководствоваться ст. 44 Правил о городском кредите.

ГОДОВАЯ СМЕТА ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

У Городского головы дореволюционного Омска голова болела о том же, о чем болит она сегодня у мэра. При любой власти городская казна нуждается в деньгах. О том, как формировался бюджет города, рассмотрим на примере сметы доходов и расходов Омска на 1910 год.

Доходы в казну

Согласно «Объяснительной записке к смете доходов и расходов г. Омска на 1910 год», подготовленной Городской управою, бюджет города составлял 478 517 рублей как в части доходов, так и в части расходов, что превышало бюджет 1909 года на 49 382 рубля.

Много это или мало? Во все времена городской казне денег не хватало. И 1910-й год не стал исключением. Об этом можно судить хотя бы по такому факту. В августе 1910 года Омск посетил премьер-министр правительства Петр Столыпин. Городской голова Морозов подал ему докладную записку, в которой, в частности, указывал, что на удовлетворение самых неотложных потребностей города необходимо 3 млн рублей.

Так что, можно сказать, что бюджет невелик, но зато бездефицитный.

А вот какими были источники дохода:

1. Сборы с недвижимых имуществ – 125 000 руб.
2. Сборы с торговли и промыслов – 47 035 руб.
3. Сборы с лошадей и экипажей частных лиц и с собак – 275 руб.
4. Пошлины разных наименований – 5300 руб.
5. С городских имуществ и оброчных статей – 196 220 руб.
6. С городских сооружений (предприятий) – 35 210 руб.
7. Пособие городу и возврат расходов – 25 560 руб.
8. Различные поступления – 43 917 руб.

Самая большая, 5-я статья доходов, состояла из налогов за землю, с городских зданий, с рыбных ловель и за стоянку судов в городских водах, с оброчных статей и процентов с запасного капитала.

Вот некоторые сборы **за землю:** под огороды – 50 рублей, под жилые помещения – 7 990, под чугунно-литейные и лесопильные заводы – 1 270, под кузницы – 78, под мельницы – 158, под кирпичные заводы – 3 525, за выемку глины для выделки кирпича – 1 400, под салотопенные и мыловаренные заведения – 390, под устройство мастерских и заведений шубных, скорняжных и овчинных – 243, под маслобойни – 43, под загон свиней – 420, под склады леса и товаров – 14 400, под склады строительных материалов при постройках – 975, под бани – 324, под торговые помещения – 4 930, под летние бараки – 520, под переселенческий пункт – 1 800, от сенокосного луга – 190, от военно-

го ведомства под стрельбище – 350, от пастьбы скота – 5 650, за пользование городским выгоном – 2 000 рублей.

Сборы **с городских зданий** составили: с городского ломбарда – 1 500 рублей, с городского дома, отданного под квартиру Омского полицейского управления – 1 860, с городского театра – 9 600, с торговых и подвальных помещений, находящихся в здании театра – 7 378, с городского цирка на Семинарской площади – 2 120, за освещение театра и торговых помещений при нем – 5 500, с лавок и балаганов на городских базарах – 54 000, с «холодников» при городской скотобойне – 1 685, с караульных изб на базарах – 935, с городских дач (бараков) 310 рублей.

Отдельные **оброчные статьи**: с мест на городских базарах, предоставляемых для торговли разным людям – 35 000 рублей, повозный сбор с торговцев-перекупщиков на местных рынках – 2 375, с мест арендованных временно под карусели, балаганы, зверинцы и проч. – 550, с городского сада – 4 650, за аренду прорубей на реках Иртыш и Оми – 457, за вывески – 540, от витрин для расклейки афиш и объявлений – 1 250, за вывозку и зарытие палого скота и загон бродячего скота по городу – 270 рублей.

Расходы казны

Расходы городской казны шли на следующие нужды:

1. Участие в расходах по содержанию правительственных учреждений – 3 374 руб.
2. Содержание Городского Общественного Управления и Сиротского суда – 47 778 руб.
3. Военная квартирная повинность – 7 066 руб.
4. Содержание городской полиции – 35 718 руб.
5. Содержание пожарной команды – 20 802 руб.
6. Благоустройство города – 73 599 руб.
7. Содержание городских сооружений (предприятий) – 48 864 руб.
8. Народное образование – 72 050 руб.
9. Общественное призрение – 10 076 руб.
10. Медицинские, ветеринарные и санитарные части – 71 093 руб.
11. Уплата налогов – 706 руб.
12. Содержание и устройство принадлежащих городу недвижимых имуществ – 24 776 руб.
13. Отчисление на образование капиталов – 34 000 руб.
14. Разные расходы – 13 889 руб.

Как видим, самые большие расходы были на благоустройство города, народное образование и медицину: более 15 процентов по каждой статье соответственно.

Благоустройство города заключалось, прежде всего, в ремонте тротуаров, мостовых и настилов речных мостов, а также в освещении городских улиц. Так, на устройство мостовых выделялось 15 000 рублей. На освещение улиц

расходовалось более трети суммы, выделяемой на благоустройство города, – 26 540 рублей. Город освещали 233 керосино-калильных фонаря «Россия» системы Галкина, в том числе 132 фонаря яркостью в 1350 свечей и 101 фонарь в 1000 свечей и один фонарь «Люкс». Бюджетом предусматривалась покупка дополнительно еще 50 фонарей системы Галкина на сумму 11 254 рубля.

Из расходов на медицину основные средства, выделяемые из бюджета, – 62 280 рублей – шли на содержание городской больницы, где было 125 кроватей, амбулатории при ней, инфекционного отделения и родильного приюта.

Кому из бюджетников жилось хорошо?

В смете расходов были расписаны персонально оклады городских служащих, тех, кого сегодня называют бюджетниками. Сразу следует сказать, что чиновники и тогда не бедствовали. Естественно, самый высокий оклад был у вновь избранного Городского головы Василия Морозова – 3000 руб. в год, т.е. 250 руб. в месяц.

Чтобы как-то оценивать цифры, стоит сказать, что 1 пуд муки стоил около рубля, корова – 35-45 рублей, а велосипед – 150 руб.

Три члена Городской управы получали по 1400 руб., секретарь управы Дмитрий Ветохин – 1500 руб., бухгалтер – 1200 руб. А вот обслуживавший здание кочегар получал 18 руб. в месяц или всего 216 руб. в год. Городской архитектор Павел Горбачев имел оклад 2500 руб., городской землемер Иванов-Царев – 1200 руб. Заведующий налоговым столом Алексей Кармазинский получал 900 руб. в год и дополнительно 306 руб. за выслугу. Председатель Сиротского суда Федор Ветохин, брат секретаря Городской управы, имел оклад 600 руб.

Обращает на себя внимание высокая зарплата старшего врача городской больницы Артура Фогеля – 2 400 руб. и ему же доплата за хирургию – 600 руб., т е. он получал столько же, сколько и Городской голова. Прилично зарабатывал и ветеринарный врач городской скотобойни, его оклад составлял 1 500 руб. в год, еще ему выплачивались квартирные – 420 руб. Ветеринарный врач контрольной станции для проверки привозного мяса получал – 1 200 руб. Городской санитарный врач Михаил Большаков имел 600 руб. в год плюс на разъезды – 360 руб. Как видим, врачи не бедствовали.

А вот четверо рабочих скотобойни получали всего лишь 20 руб. в месяц, ночной сторож – 18 руб. в месяц. Рабочие ассенизационного обоза также зарабатывали 20 руб. в месяц

Зарплата учителей в училищах и школах была в два раза выше, чем у этих рабочих 450-510 руб. в год, библиотекарей в городских библиотеках – 480 руб. Однако такая зарплата не может считаться высокой.

Сравнимой с зарплатой сторожа была зарплата городовых: 15 старших городовых получали 16 руб. в месяц, 73 младших городовых – по 14 руб. в месяц. Правда, им была доплата квартирных по 60 руб. в год и по 25 руб. в год выделялось на амуницию. Но все равно, очевидно, что рядовые полицейские не жировали. Не случайно, на следующий год акмолинский губернатор выступил с ходатайством повысить оклады омским нижним полицейским чинам. Однако дума не всегда прислушивалась к подобным ходатайствам. Так, еще в

1868 году думе было предложено выплачивать полицейским и пожарным детские пособия, однако она отклонила это ходатайство и предложила заменить женатых городовых холостыми.

Примерно такой же оклад имели рядовые пожарной команды – 200 руб. в год.

Деятельность же монтера, отвечавшего за городские фонари, оценивалась 70 рублями в месяц, пять фонарщиков получали по 18 руб. в месяц.

Машинист переправы через Иртыш получал 360 руб. за 6 месяцев, плюс добавки за 15 лет выслуги 108 руб. Машинист городского театра, в котором была своя электростанция, зарабатывал 75 руб. в месяц. Как видим, квалифицированные технари имели неплохой достаток.

Неквалифицированный же труд в общественных заведениях ценился невысоко. Зарплата сторожей и кочегаров не превышала 20 руб. в месяц. Так, в ночлежном приюте надзиратель получал 20 руб. в месяц, сторож – 12, а поломойка 5 руб. в месяц. В городской общественной богадельне надзирательница – 25 рублей в месяц, дворник – 10 руб., кухарка – 7 руб., прачка – 16 руб. в месяц.

Правда, швейцар и сторож в Городской управе получали по 30 руб. в месяц. Принцип, чем ближе к начальству, тем выше зарплата, действовал и тогда.

За содержанием Загородной рощи и охраной лесов на выгонах следили 6 объездчиков, их труд оплачивался по 25 руб. в месяц.

ОБВИНЯЮТСЯ В ЛИХОИМСТВЕ

В дореволюционной России взяточничество, воровство и злоупотребление служебным положением процветали, пожалуй, не менее, чем сегодня.

Особенно процветало воровство в тыловых службах военного ведомства.

Это наглядно продемонстрировали Крымская и Русско-Японская войны. Тогда на фронт поступало гнилое обмундирование, несъедобный провиант, снаряды, которые не разрывались, попадая в японские корабли.

В Омске в 1911 году в военно-окружном суде разбиралось дело по злоупотреблениям на интендантском вещевом складе. Обвинялся сортовой смотритель К.С. Черепашков в том, что он в 1906 году принял 50 000 папах на 70 000 рублей в негодном виде: с подкрашенным мехом, сбившимся в войлок и с прелыми проплешинами. В этом же обвинялся главный смотритель полковник Крутень. Ему также вменялось в вину, что он отправил в Иркутск товару на 100 000 рублей, не обеспечив конвой. В результате пропало 527 папах на сумму 761 руб. 51 коп. Полковнику приписывалось также обвинение в лихоимстве и вымогательстве у поставщика Елыкова взятки в размере 300 рублей. Полковник Крутень был приговорен судом к 2 месяцам заключения в крепость и взыскания с него 761 руб. 51 коп.

В 1910 году на этом же складе после ревизии графом Медемом был привлечен к суду отставной титулярный советник Трескин по обвинению во взятке от поставщика за сбавку цены товара и в подлоге. Подлог заключался в том, что Трескин «получаемые авансом деньги на заготовку новых лагерных палаток, ремонт и мытье старых расходовал довольно упрощенным интендантским способом без расписок рабочих и поименного списка им. Деньги списывались в расход крупными суммами на отдельных лиц, фактически заведовавших работами». Наскреб таким образом Трескин за два года 5500 руб. Неплохо для маленького чиновника. Правда пришлось провести в крепости 4 месяца.

Коррупция процветала и при дворе. Так, приближенный к высоким чинам Виктор Дандре за взятку в 5000 рублей добился подряда на строительство моста Петра Великого в Санкт-Петербурге для Варшавской компании. Оказывал он и много других подобных услуг. Сыщик Филиппов раскрутил все его махинации. И суд, состоявшийся 6-9 октября 1912 года, приговорил Дандре к 36 000 руб. штрафу или трем годам тюрьмы. Спасла Дандре от тюрьмы его подруга знаменитая балерина Павлова. Вдвоем они и эмигрировали в Лондон.

А сколько таких фактов осталось в тени, не на одну черную книгу лихоимства.

«НУЖНА БЕЗУСЛОВНО ТРЕЗВАЯ НЯНЯ…»

В дореволюционном Омске, как и во всей России, за детьми дошкольного возраста следили в основном мамки, няньки да гувернантки. Детских садов в современном их понимании практически не было. Дошкольниками в нашем городе занималось Общество попечения о начальном образовании в г. Омске.

Общество Попечения было создано 13 марта 1884 года. Под опекой этого общества были не только школы и училища, но и детский сад. Но его скорее можно было назвать детским парком культуры и отдыха. Здесь имелись детские качели, гигантские шаги, разные площадки для игр, мячи, крокет, кегли и прочие развлечения. Разумеется, не бесплатно. Сами члены Совета Общества попечения признавали, что детский сад служит для увеличения средств Общества. В 1901 году доходы от детского сада составили 1640 руб. 40 коп. летом и 414 руб. зимой. Впрочем, основной статьей дохода общества были членские взносы и пожертвования. В 1901 году в Обществе состояло 525 человек, из них 40 – почетных членов и 20 – ревнителей. Председателем Совета Общества в это время был В.В. Барышников.

В 1899 году сад открылся 9 мая, а 29 детей приняли активное участие в празднике «древонасаждения».

В 1905 году на собственные средства и средства собранные от пожертвований отставной коллежский советник А.Н. Уфимцев в Санниковском саду

(район кинотеатра Маяковского) оборудовал спортивную площадку для детей, на которой были горки, беседки, брусья, гимнастические лестницы. Площадка пользовалась большим успехом. В 1914 году аналогичная площадка появилась на Шкроевской площади.

Однако присматривали за малышами дома няни, в тех семьях, где могли их нанять, а у простонародья – старшие братья и сестры или хозяйка семьи. Спрос на нянь был большой. Практически во всех номерах самых популярных газет, в «Омском телеграфе» и «Омском вестнике», в предреволюционное десятилетие публиковались подобного рода объявления:

«Нужна опытная няня, безусловно трезвая. Спросить: вокзал, буфет 3-го класса».

«Нужна опытная няня на хорошее жалованье. Почтовая ул., д. Кабалкина».

«Мадам Реми, оставаясь на лето в Омске, продолжает давать уроки французского языка (теория и практика). Занятия с детьми группами. (Плата шесть рублей в месяц, три урока в неделю). Видеть можно от 10-12 утра и от 4-6 вечера. Часовитинская улица, против номеров Винина».

«Нужна няня к новорожденному. Тут же продается свинья и старая телега. Банная, 18-3.

К 1912 году в Омске появляются детские садики, похожие на современные. В справочниках «Весь Омск» за 1912 и за 1913 гг. значится Фребелевский детский сад со следующим разъяснением:

«Детский сад есть воспитательное заведение, которое принимает детей от 3-7 до 8 лет не только для наблюдения за ними, но для соответствующих их возрасту занятий. В детский сад принимаются без исключения дети всех званий и вероисповеданий и обоего пола. Занятия с детьми начинаются с 10 ч. утра до 2 часов дня. Плата за обучение 30 руб. – за полугодие. Заведующая – учительница Ванда Александровна Бракш». Этот детский садик располагался на Атаманской улице (ныне ул. Ленина), №1, в доме Русинова.

Понятно, что далеко не все могли отвести в этот садик своих детей.

В сельской местности положение было еще хуже. 5 февраля 1902 года Крестьянский начальник первого участка Тарского уезда Тобольской губернии доносил губернатору о невозможности открытия летних яслей-приютов из-за того, что два года был неурожай, и мирские сбережения истощились, и предлагает: «Я полагал бы для осуществления их дождаться более благоприятного времени, кроме того, как все новое в Сибири, в особенности там, где помимо доброй воли требуются еще и денежные траты, то, чтобы практически убедить крестьян в безусловной великой пользе для них яслей-приютов и тем вселить населению большое желание к устройству их в каждом селении и охотно принять на себя потребные расходы…»

После революции уже 20 апреля 1918 года газета «Известия» сообщила об открытии в Омске первого детского садика.

МИРОВОЙ СУДЬЯ КАК ЗАЩИТНИК ПРОЛЕТАРИАТА

Подобно тому как современные рабочие, чтобы получить кровно заработанные деньги, вынуждены обращаться часто в суд, так и дореволюционным гражданам в трудных случаях приходилось решать свои проблемы, обращаясь к судебным органам. В частности, к мировым судьям. Насколько эффективна была система мировых судей видно из двух примеров, приведенных в газете «Омский телеграф». 19 сентября 1911 г. в разделе «Хроника» была опубликована такая информация:

«Илларион Овчинников взыскивает с Управления Сибирской железной дороги по 200 руб. в год на содержание за полученную грыжу при исполнении тяжелых работ на погрузке и выгрузке.

Констатировано, что Овчинникову приходилось поднимать тяжести по 8 пуд. одному, перекатывать колеса и оси по 200 пуд. в числе 2-3 лиц. На просьбу об увеличении состава рабочих не было обращено внимания. Потеря трудоспособности Овчинниковым на ж. д. работах в течение трех лет определена специалистами на 50%.

Мировым судьей удовлетворено было ходатайство Овчинникова в его пользу с железной дороги по 200 руб. в год пожизненно. На решение это поверенным управления железной дороги принесена апелляционная жалоба. По рассмотрении 16 сентября, окружной суд утвердил решение мирового судьи с обращением взыскания судебных издержек и за ведение дела в пользу Овчинникова в сумме 234 руб. на управление Сибирской железной дороги».

Таким образом, Овчинников выбил для себя своего рода пенсию чуть менее 20 рублей в месяц. Деньги, конечно, небольшие, но подспорье весьма существенное. Зипун тогда стоил 5 руб., а хорошие брюки 10 руб. Несмотря на неурожайный 1911 год, продукты на базаре тоже были доступны, это видно из заметки в той же газете от 12 сентября: «Цены на продукты заметно растут. Картофель доходит до 2 ½ коп. за фунт, капуста – 15 коп. вилок. Наблюдается большой привоз мяса возами за мясными рядами. Мясо это продается на 1-1 ½ коп. дешевле, нежели в мясных лавках, но зато обыватель рискует быть обвешенным на ½ ф. или на целый фунт. Протоколы за неклейменые весы составляются ежедневно. Арбузы тронуты последними заморозками и потеряли сладкий вкус. Продавцы арбузов жалуются на большие убытки. Огурцы в цене поднялись по 1р. 60 к. сотня».

К слову сказать, цены росли из-за неблагоприятных погодных условий не только в деревне, но как ни странно и в городе: «Благодаря грязи и распутице, царящей в настоящее время в Омске, а также затруднительной перевозке товаров с железнодорожной станции в город, ломовые извозчики повысили таксу за провоз товаров. Пользуясь случаем, и экспортеры, и торговцы предполагают повысить цены на разные продукты, а также на продукты первой необходимости».

Не зря дошла до нашего времени присказка, что «овес нынче дорог»!

Но вернемся к мировым судьям и их клиентам. Не всегда дело складывалось удачно, как у Овчинникова. Чиновники во все времена умели волокитить и мотать нервы. Вот о каком случае поведала газета «Омский телеграф» №203 1911 г.:

«Рабочему Колбину еще в 1904 году оторвало при погрузке у правой руки мизинец. Мировой судья 5 уч., два года разбиравший это дело, присудил с железной дороги в пользу Колбина в первый раз 1200 руб, во второй – 300 руб. Адвокаты вести дело Колбина отказались по неимению у него средств на вознаграждение за труд. Он принужден был выступать на суде сам, без адвокатов. Не имея решительно никакого понятия о ведении судебных процессов, что и послужило причиной лишения его вознаграждения. В конце всего окружной суд присудил Колбину только 144 р. и 35 р. судебных издержек после 7-летней проволочки».

Незнание законов и своих прав – всегдашний бич нашего народа. Всегда ожидающий, что с ним поступят «по совести», он часто становился жертвой обманщиков и дельцов, которых всегда было достаточно, особенно в какомнибудь новом деле. Так, весной 1911 года Степной генерал-губернатор Шмит из-за массовых злоупотреблений посредников вынужден был выступить через газеты со специальным обращением к переселенцам, в котором разъяснял, что им не следует давать доверенности частным ходатаям для получения земельных наделов и платить за это деньги, что все бумаги для получения земли крестьяне должны оформлять бесплатно в правительственных учреждениях, что для этого есть специальные переселенческие чиновники. Однако крестьяне вряд ли читали газеты, и мошенники наверняка продолжали наживаться на реформенном деле.

«ДЛЯ ВСЯКИХ НАДОБНОСТЕЙ И ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛЕКАРСТВ»

Аптеки, как и многие другие новшества, появились в России во времена неугомонного реформатора Петра I. В 1701 году он запретил продажу лекарств в москательных и зелейных лавках и открыл в Москве 8 частных аптек «для всяких надобностей и потребностей лекарств», пригласив для этого иностранцев. Им было предоставлено монопольное право изготовления и отпуска лекарств, разного рода льготы и привилегии. Участие иностранцев в аптекарском деле России было весьма заметным и в течение двух последующих веков.

А законодательство практически не менялось, и как писал в «Вестнике омского общественного управления» в 1912 году автор, укрывшийся под псевдонимом «Р.В.»: «Закон ставит своей задачей оградить аптекарей от кон-

курентов». И действительно, чтобы открыть в России новую аптеку требовалось получить разрешение губернатора. Губернатор в свою очередь, прежде чем выдать такое разрешение, обязан был собрать сведения через врачебное управление, нужна ли такая аптека, исходя из числа жителей и количества имеющихся аптек.

Но, мало того, врачебное управление по закону было обязано запросить «письменные отзывы от прочих содержателей аптек насчет того, может ли учреждение новой аптеки быть допущено, с изъяснением в противном случае встречаемых препятствий». И если аптекари возражали (а кому хочется иметь под боком конкурента!), то губернатор не имел права выдавать разрешение. Таким правом обладал только Министр внутренних дел!

Отсутствие конкуренции давало возможность произвольно устанавливать цены и отпускать медикаменты по так называемой аптекарской таксе. Писатель и практикующий врач Антон Павлович Чехов называл ее наследием, оставленным миру Каином. Так, 10 г полухромистого железа обходилось аптеке по 5 коп., а продавалось по аптекарской таксе по 1 руб. 25 коп., унция коллодия для заливки ран и порезов стоила аптеке 3 коп., а продавалась за 48 коп., 1000 таблеток углекислой соды стоили 85 коп., а продавались за 20 руб. 54 коп. и т.д. Кроме того, особая плата при изготовлении лекарств взималась за все: взбалтывание, смешивание, бумагу для порошков, сургуч для печати и т.п.

Как видим, аптека – место весьма доходное, и тот, кто обладал привилегией (лицензией) на содержание аптеки, обладал состоянием. Так, право на содержание в Москве Новотриумфальной аптеки было продано за 100 тысяч рублей, а вскоре перепродано за 120 тыс. рублей. В уездных городках с населением несколько тысяч человек право на аптеку стоило более 10 тысяч рублей.

На просьбы и требования упростить систему открытия новых аптек в Министерстве внутренних дел говорили, что этого нельзя делать, так как аптекари затратили на покупку аптек большие капиталы и могут разориться.

Естественно, что дороговизна делала многие лекарства недоступными для простого народа. Вот в феврале 1916 г. в газете «Омский телеграф» такая реклама лекарства:

*«**Гонорея (триппер**) острый и хронический излечивается*
В ТРИ НЕДЕЛИ двумя двойными флаконами препарата «РАПИД»
Разрешенного Медицин. Советом за №1295
В СЛУЧАЕ НЕИЗЛЕЧЕНИЯ ДЕНЬГИ ВОЗВРАЩАЮ,
в подтверждение чего каждому, купившему два двойных флакона «РАПИД»
выдается ОБЯЗАТЕЛЬСТВО о возврате денег, если после 3-хнедельного
лечения по исследовании мочи болезнь окажется неизлеченной.
Брошюра высылается бесплатно в запечатанном конверте.
Цена на 2 двойных флакона (полный курс лечения) с пересылкой 8 руб.
Наложенным платежом 9 руб.
Меньше 2 двойных флаконов НЕ ВЫСЫЛАЮ.
Москва, Неглинный пр. д. №5 кв. 4. М. Деламур.»

Обратите внимания на цену. В это же время, например, плотник зарабатывал в день не более 1,5 рублей. Так что ему было легче прекратить половую жизнь, чем лечиться «Рапидом»! Зато зарплата в аптеках была на порядок выше, как в современных банках. В 1916 году управляющий Омской городской аптеки получал 150 руб. в месяц, бухгалтер – 100 руб. (плюс 100 руб. пособие в конце года), провизор-лаборант – 125 руб., кассир – 30 руб., прачка – 20 руб.

30-процентная аптекарская такса стала причиной конфликтной ситуации между Омской городской аптекой и городской больницей. Вопрос рассматривался 6 февраля 1914 г на совместном заседании Врачебно-санитарного совета, Больничного совета и Аптекарской комиссии. Аптекарская комиссия просила уплатить за городскую больницу долг 3847 руб.

При обсуждении выяснилось, что 30-процентная аптекарская такса взималась не только за медикаменты, но и за медицинские изделия. В результате 1 пуд высшего сорта гигроскопической ваты в частных аптеках стоил 32 руб., а в городской аптеке – 41 руб. 60 коп., 100 аршин марли у частников – 75 руб., в городской аптеке 81 руб. 90 коп. В конце концов, решили, что порочную систему за один раз не изменить и обратились с просьбой в Городскую думу списать с больницы долг в сумме 3092 руб. 51 коп.

Земства и города имели право выдавать бесплатно лекарства только из своих больничных и амбулаторных аптек, но и это право ограничивалось при наличии в городе частных аптек. В этом случае бесплатно выдавались лекарства лишь неимущему населению. Степень бедности определял врач. Земства и города могли быть соискателями на открытие новой аптеки или перекупать привилегию у частных аптекарей. На это нужны были большие деньги.

Положение стало меняться к лучшему с принятием вопреки сопротивлению Министерства внутренних дел закона от 12 февраля 1912 года, утвержденного царем. Этот закон позволял земским и городским управлениям открывать новые аптеки без разрешения губернатора. Для открытия аптеки требовалось только два условия: 1) соответствующее постановление земского собрания или Городской думы, 2) извещение местного врачебного отделения о предстоящем открытии аптеки не позднее как за месяц до этого срока.

В Омске значительный след в аптечном деле оставил Крикорьянц И.С. Он был прикомандирован с 30 апреля 1899 г. к аптеке военного госпиталя, с февраля 1905 г. назначен заведующим Омским аптечным магазином. В 1912 году магазин был переименован в Омский аптечный склад, а Крикорьянц произведенный ранее в надворные советники остался его заведующим.

Деятельность аптек стала более заметной в годы Первой мировой войны. Если в 1913 году справочник «Весь Омск» указывает 7 частных провизоров, то в 1919 году (при колчаковском правительстве) в городе было 17 аптек: Аптека Омского Мед. Общ-ва – Любинский пр., 10; провизора Стаутайтиса – Атаманская (Ленина), 7; аптечный военный магазин – Капцевичева (Красный путь),14; Бутырская – Бутырская (Герцена), 37; Гальберг и Тернблюм – 2-й

взвоз (Ю.Гагарина), 19; Городская аптека – Базарная пл. (пл. Дзержинского); Клячкин А.Б. – Думская (10 лет Октября), 11; Коппе Е.В. – Томская (Лермонтовская), 14; Центральная Омской ж.д. – Томская, 3; первая общественная Атаманского хутора – Шпрингеровская (Партизанская), дом Павшенко; Старая Омская аптека – Тарская,1; Штаренталь и Трояновой – Учебная, 62; Шульц К.И. – угол Почтовой и Аптечной (пр. К. Маркса); Центральное аптекарское депо – Атаманская, 24; Розенплемтер Э.Ф. – Аптечная, 3; Юзефович В.И. – Лермонтова, 31; Омская аптека Брик и Ко – Капцевичева,11.

О лекарственном ассортименте в дореволюционных аптеках в какой-то мере можно судить по рекламе, публиковавшейся в омских газетах.

«При ГОНОРЕЕ

В острой или хронической форме, а также ее последствиях с громадным Успехом применяется испытанный в течение долгих лет препарат «АРМАТИН» А.Я. Акулианца

для внутреннего употребления. «Арматин» А.Я. Акулианца совершенно безвреден для организма и одинаково успешно применим мужчинам и женщинам. При употреблении «Арматина» не требуется никаких спринцеваний, промываний, прижиганий, бужирований и т.п.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ. «Арматин» А.Я. Акулианца вызвал на рынке разного рода грубых и вредных для организма подделок, а потому просят г.г. покупателей быть особенно осторожными при покупке и требовать «Арматин» только А.Я. Акулианца с этикетом белая ромашка. Цена 1 кор. 2 р. 25 к. Продажа в аптеках. Аптекам, аптек. складам, лечебницам и лечебн. учрежд. – скидка на главном складе А.Я. Акулианца Москва, Уланский п., 21.»

«НЕВРАСТЕНИЯ

и нервные заболевания, половое бессилие, невралгия, спинная сухотка, параличи, сердечные заболевания, старческая дряхлость, истощение и худосочие с успехом лечат СПЕРМИНОМ-Пеля, о чем свидетельствуют имеющиеся в литературе многочисленные наблюдения известнейших врачей всего мира.

Спермин-Пеля единственный настоящий, всесторонне испытанный Спермин, поэтому следует обращать внимание на название «СПЕРМИН-ПЕЛЯ» и отказываться от подделок, жидкостей и вытяжек из семенных желез, как никуда негодных подражаний, ни по составу, ни по действию ничего общего со Спермином-Пеля не имеющих и часто содержащих вредные для здоровья вещества.

Желающим высылается безвозмездно книга «Целебное действие Спермина», интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копеечных марки только что вышедшая книга «Целительные силы организма».

Спермин-Пеля имеется всюду.

Профессор Д-р Пель. Поставщик Двора Его Императорского Величества».

«ЗДОРОВЫЙ ЖЕЛУДОК

ЖЕЛАГАР д-ра ВЕЗА, научно обоснованный препарат против хронического запора, расстройства пищеварения, катара кишок и проч. болезней пищеварительных органов.

Настоящий ЖЕЛАГАР д-ра ВЕЗА изготовляется исключительно во Франции и в Омском отделении лабаратории практической медицины, г. Омск, ул. Симоновская,д, 13. Цена коробки ЖЕЛАГАРА – 3 руб. Курс лечения 3-5 коробок.

Рекомендуется весной
как кровоочистительное
средство ПРОТИВ всякой
СЫПИ, ЛИШАЕВ И ЗОЛОТУХИ
якорный
САРСАПАРИЛЬЯН
Продается в аптеках и аптекар. магазинах
Торговый домъ
Ф.Ад. Рихтер и Ко,
С-Петербург, Николаевская ул., 14»

«При мужском бессилии
французский препарат от импотенции и нервного истощения
гранулы д-ра Глэза
с рекомендацией известного врача
Действ. ст. советника В.В. Хруля,
практикующего 50 лет».

«Много людей поправило свое здоровье и сохранило таковое, благодаря употреблению ***ПИЛЮЛЬ д-ра КОВЕНА****.*

Очищает кровь и регулирует функцию кишок».

«Остерегайтесь подделок!
С разрешения Московского Медицинского Начальства
Гигиеническое
Борно-тимоловое мыло
Провизора Г.Ф. Юргенс
против загара, веснушек, прыщей, желтых пятен и излишней потливости. Рекомендуется как благовонное туалетное мыло высшего достоинства. Золотая медаль – Лондон 1893 г.

Продается во всех лучших аптеках, аптекарских и парфюмерных магазинах России. Цена 1 руб. 50 коп.

Главный склад для всей России у Г. Ф. Юргенс в Москве».

После утверждения Советской власти в Омске для объединения и усиления производства и торговли техно-химико-фармацевтических предприятий Сиботделения Красного Креста 22 ноября 1922 г. в Омской области учреждено Особое Управление. С этого времени и ведет свой отсчет современная омская фармацевтика.

УРОКИ И ПРАВДА СТОЛЫПИНА

Петр Аркадьевич Столыпин относится к тому редкому случаю, когда реформатор думал не только о государственных интересах, но и интересах простого народа. За двести лет до Столыпина другой реформатор, Петр Алексеевич, по прозванию Великий тоже радел о государственных интересах, прорубая окно в Европу, но делал он это на костях народа, постоянно оскорбляя национальные чувства и традиции, что и привело в конечном итоге к отделению правящей элиты от простого народа. Чего же хотел Столыпин и что он успел сделать?

Горячее наследство

В апреле 1906 года 44-летний саратовский губернатор (самый молодой губернатор в России) Петр Аркадьевич Столыпин получил от царя телеграмму с предложением стать министром внутренних дел. Не сразу, но согласился. А уже 8 июля 1906 года последовал высочайший указ о назначении его премьер-министром с совмещением с полученным ранее постом.

Что же творилось в это время в стране?

Казалось бы, революция 1905 года миновала. 17 октября 1905 года был опубликован Манифест о разделении власти с народным представительством – Думой, которая приняла законы о печати, об обществах, союзах и политических партиях. Отменена была и предварительная цензура. Не разрешалось лишь оскорблять царя и его семью. Однако либерализм власти был принят за ее слабость, и левые распоясались. Террор заливал страну. Не чувствовали себя в безопасности как губернаторы, так и городовые. Бомбы взрывались во время молебнов, террористы обстреливали из револьверов крестные ходы… Тысячи русских людей были убиты в период с 1901 по 1906 год. Только в 1906 году убито 768 человек и ранено 820.

Столыпин вводит военно-полевые суды. «Где аргумент – бомба, – говорит он, – там естественный ответ – беспощадность кары. К нашему горю и сраму, казнь немногих предотвратит моря крови». Принятые меры привели к тому, что террор пошел на убыль.

Советские историки приучили нас к отрицательным понятиям: Столыпин – вешатель, столыпинский галстук (о петлях), столыпинские вагоны. Все это в отношении него несправедливо. По разным оценкам, по решению судов было казнено от 680 до 1100 человек. Сравните это с тысячами убитых террористами. Термин «столыпинский галстук» использовал в своем выступлении на заседании Госдумы депутат Родичев. Он тут же получил от Столыпина вызов на дуэль, но струсил и публично извинился. Возмущенные несправедливым оговором депутаты подвергли его высшей мере наказания – запретили присутство-

П.А. Столыпин

вать на 15 заседаниях. Столыпинский вагон действительно был: для удобства перевоза скота переселенцами задняя часть вагона оставлялась свободной. И не вина Столыпина, что в советское время в этих вагонах стали перевозить заключенных.

Следует обратить внимание на отрицательную роль бывшего премьер-министра С.Ю. Витте. Своей игрой в либерализм он практически потакал анархии в стране. Многие считают его тоже реформатором, думавшим о благе страны. Но именно при нем проиграна русско-японская война, отданы пол-Сахалина и Курильские острова, он набрал миллионные долги без пользы для страны, странными выглядели для государственников его неформальные встречи с заокеанскими банкирами… Д.И. Менделеев после беседы с ним о причинах поражения в русско-японской войне и о событиях 9 января пришел домой бледный, снял со стены портрет Витте, поставил на пол лицом к стене и сказал родственникам: «Никогда не говорите мне больше об этом человеке».

Земля – крестьянам

Будучи губернатором в Саратове, Столыпин стал свидетелем многочисленных волнений и бунтов, погромов помещичьих усадеб и понял главную причину этих бунтов. Она заключалась в страшной бедности крестьянина, когда часто целые деревни занимались профессиональным нищенством, и в желании иметь в собственности землю. Именно поэтому главным делом жизни Столыпина стала земельная реформа.

Но вставал вопрос, где же взять землю? К 1905 году у крестьян Европейской России находилась лишь треть пахотных земель, причем принадлежали эти земли общинам. Социал-демократы предлагали разделить помещичьи земли. Но Столыпин с цифрами доказывал, что если даже разделить всю помещичью землю, ее все равно не хватит, а разделить – значит разрушить культурные хозяйства. Разрешение вопроса он видел в переселении крестьян на свободные земли и в праве выхода крестьян из общины. Он говорил депутатам: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он остается рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы».

При склонности русских людей к коллективизму община в своем историческом развитии сыграла во многом положительную роль. Но были у нее и большие минусы. Главные заключались в том, что каждый год земля внутри общины делилась вновь, и крестьянин не был заинтересован в ее культиви-

ровании и удобрении. Распределение земли производилось по числу рабочих мужских душ. Но если у крестьянина, например, в 1861 году был один взрослый сын, то они получали землю на две души, а через двадцать лет у него уже четыре сына и несколько внуков, а земли ему выделяют в общине все равно на две души.

Крестьянин в общине фактически был бесправным, на сходах решали все богатеи и горлопаны. С.Ю. Витте, тайно противодействовавший реформам Столыпина, презрительно говорил, что община – «самый удобный способ управлять домашними животными». В этой фразе все его отношение к народу!

Столыпин активно взялся за дело. Правительство инициировало ряд законов о крестьянском землеустройстве: о понижении процента по банковским ссудам (Указ 14 октября 1906 года), об обращении удельных земель и казенных земельно-оброчных статей и части лесов на расширение крестьянского землепользования (Указ 27 августа 1906 года), о свободном выходе из общины, о наделе надельных участков, о помощи правительства в уничтожении чересполосицы, расселению на хутора и размежеванию на отрубы, о ссудах Крестьянского Банка под залог наделов (Указы 4 марта, 9 и 15 ноября 1906 года) и, наконец, Указ от 10 марта 1906 года, по которому всем крестьянам и мещанам-землепашцам предоставлялось право переселяться в Азиатскую Россию на казенные специально отведенные для этого земли без особого разрешения начальства или общественного схода.

Огромные массы людей двинулись в Сибирь. Переселенцы наделялись землей из расчета 15 десятин на одну мужскую душу и первые три года освобождались от податей. Запрещалась концентрация земли в одних руках более шести наделов. Перед революцией 1917 года в Омской области богатые крестьяне засевали 40-50 десятин земли, середняки – 15-20, бедняки – 5-10. При этом земля не могла быть продана иностранцам, представителям неземледельческого сословия, не могла быть заложена нигде, кроме Крестьянского банка, не могла быть продана за личные долги. Переселенцы в Сибирь получали ссуду в размере 165 рублей, а те, кто ехал в Приамурье 400-450 рублей, причем 200 рублей безвозвратно.

К 1917 году более 40 процентов крестьян вышли из общины и закрепились на полученных 27 миллионах десятин земли.

Два взгляда на реформатора

Реформы Столыпина вызывали отрицательную оценку у сторонников общины. Социал-демократы понимали, что «крестьяне, становясь собственниками, естественно, перестают быть благодатным для пропаганды материалом». К. Маркс писал, что России коммуна не нужна, так как у нее есть община. Правые также выступали в защиту общины, князь А.Д. Оболенский твердил: «Общинное начало есть основа, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей».

Однако Столыпин никогда и не стремился к полному уничтожению об-

щины. Он говорил, выступая перед депутатами: «Пусть собственность будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная… Отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда». Такой бы трезвый хозяйский взгляд нынешним реформаторам, разрушившим колхозы и мечтавшим, что фермеры в мгновение ока накормят страну!

Однако и сегодня реформы Столыпина вызывают полярные оценки. Историк Арон Яковлевич Аврех утверждает, что реформы не удались и не могли удасться. В книге «П.А. Столыпин и судьбы реформ в России» он пишет о переселенческом движении: «В 1908-1909 годах за Урал двинулась огромная масса крестьян – 1,3 млн Большинство из них там ожидали, начиная с переезда в знаменитых столыпинских вагонах и кончая прибытием на место, полное разорение, смерти, неслыханные мучения и издевательства чиновников».

О том же Александр Исаевич Солженицын («Август 14-го»): «Уже в 1906 году переселилось 130 тысяч, а затем в год по полмиллиона и больше. (К войне 1914 – больше 4 миллионов, столько же, сколько за триста лет от Ермака). Землю переселенцы получали даром в собственность, а не в пользование – по 50 десятин на семью, и с каждой снимали по 60 пудов, мечта Петра Аркадьевича…Столыпин с любимым своим министром Кривошеиным в августе и сентябре 1910 года объехали многие переселенческие места в Сибири – большую часть на телеге – и не меньше самих переселенцев дивились и радовались их привольной, здоровой, удачной жизни на новых местах, их добротным заимкам и селам, даже целым городам, где три года назад не было ни человека…»

Несправедливость утверждения Авреха подтверждается земской статистикой. Так, в 1910 году в Тобольскую губернию прибыло 5322 семьи или 18 622 души мужского пола, вернулось же обратно 387 семей или 1115 душ м.п., то есть всего 6%. И такая же картина была по всей Сибири. Большинство приехавших переселенцев оставались на новом месте навсегда. Стоит только взглянуть на даты основания деревень и сел Омской области, чтобы стало понятно, какое великое дело совершил Столыпин. «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» – говорил Столыпин.

Но не дали.

Выстрел в Россию

1 сентября 1911 года в Киевском театре, где шел спектакль «Царь Салтан», во время антракта агент охранки Дмитрий Григорьевич (Мордко Гершович) Богров смертельно ранил Столыпина. Несколько дней после покушения Петр Аркадьевич еще был жив и умер 5 (18)сентября 1911 года.

По справедливому утверждению А.И. Солженицына это был выстрел в Россию. Если бы Столыпин остался жив, то весь ход истории страны был бы

иной, да и не только истории страны, но и мировой истории, ибо он не допустил бы втягивания России в войну, как не допустил в 1909 году после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцоговины.

Убийству в Киеве предшествовали десятки покушений и попыток покушений на премьер-министра. Самым кровавым был взрыв на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Погибли 22 человека и 30 человек были ранены. Пострадали дочь и сын Столыпина. Но, бросив в лицо врагам знаменитое: «Не запугаете!», он продолжал свое дело.

Характерна реакция на смерть Столыпина. Патриоты и государственники, понимавшие, кого потеряла Россия, искренне скорбели. Василий Розанов писал: « …Когда его поразил удар, все почувствовали, что этот удар поразил всю Русь; это вошло не основной частью, но это вошло очень большою частью во впечатление от его гибели. Вся Русь почувствовала, что ее ударили. Хотя главным образом вспыхнуло чувство не к программе, а к человеку. На Столыпине не лежало ни одного грязного пятна: вещь страшно редкая и трудная для политического человека».

А враги, те, кому нужны были великие потрясения, а не великая Россия злорадствовали и радовались. Так, например, еврейская газета «Правда», издававшаяся в Нью-Йорке, 15 сентября писала: «Мы надеемся, что пуля, угодившая в Столыпина, верно попала в цель, что она выполнила свое назначение, что мудрая пуля освободила Россию от ее несчастья, мир – от гнусного создания, человечество от великого позора. Мы не боимся, и нас не пугает возможность, что человек, стрелявший в не человека (изверга), – еврей…»

Сам Богров также не испытывал раскаяния. В день казни на упреки раввина Алешковского, что он мог вызвать еврейские погромы, Богров ответил: «Великий народ не должен как раб пресмыкаться перед угнетателями его».

Однако следует сказать, что Столыпин никогда не был черносотенцем и антисемитом. Он выступал за полное равноправие евреев и отмену черты оседлости. Он уважал предприимчивость и финансовую сметку евреев и полагал, что равноправие позволит в полной мере использовать эти черты на благо России. Едва став премьер-министром, он подает на высочайшее утверждение законопроект об отмене ограничений и черты оседлости, но царь не утвердил его.

В 1911 году Столыпин разработал Проект о преобразовании Государственного управления России, по этому проекту предполагалось создать несколько новых министерств, в том числе Министерство национальностей. В проекте есть такая фраза: «Существующие ныне ограничения в отношении евреев должны быть отменены, так как являются исключительно позорными».

Сам Проект 1911 года охватывает все стороны государственной жизни и требует отдельного разговора. После смерти Столыпина он таинственным образом исчез и был опубликован лишь через 44 года за рубежом.

Жаль, что некоторые его положения не взяты на вооружение нынешними реформаторами. Среди прочих мер для увеличения государственного бюджета, например, предполагалась такая: «Должен быть установлен прогрессив-

ный подоходный налог с таким расчетом, чтобы малоимущие классы были бы по возможности совершенно освобождены от налогов. Главная тяжесть прогрессивного налога должна, естественно, падать на наиболее зажиточный класс и на крупную промышленность». А не 13 процентов на всех без разбора, как у нас сегодня.

Столыпин в Омске

О главной цели поездки в Сибирь сообщал из Санкт-Петербурга собственный корреспондент газеты «Омский телеграф» в №183 от 25.08 1910 г.:

«Поездка председателя совета министров в Сибирь явилась совсем неожиданной. Трудно было предположить, что глава кабинета отправится на продолжительное время от текущих дел.

Между тем, как нам сообщают, поездка предпринята с целью детально обследовать переселенческое дело, что займет не меньше трех-четырех недель.

Удивляются тому, что П.А. Столыпин не послал кого-нибудь из членов совета министров внутренних дел или из своих товарищей, а отправился в поездку лично.

Объясняется это тем, что П.А. Столыпин особенно интересуется землеустройством и переселенческим делом. Он считает эти вопросы наиболее важными, затрагивающими широкие круги крестьянства.

Обследование постановки переселенческого дела имеет в виду, главным образом, выяснить на местах удовлетворительность или неудовлетворительность плана переселения, применявшегося до сих пор. Как передают, побудили П.А. Столыпина предпринять поездку частые жалобы переселенцев.

Кроме того, при поездке председателя совета министров попутно будет знакомиться с общим настроением провинции…».

«Омский телеграф» №184 от 26.08.1910 г.:

Пребывание председателя совета министров в г. Омске

Приезд председателя совета министров П.А. Столыпина

24 августа в 10 ч. 22 мин. прибыл в Омск председатель совета министров П.А. Столыпин в сопровождении главноуправляющего земледелием и землеустройством статс-секретаря Кривошеина. На вокзале министра встретили: и.о. акмолинского губернатора н.с. Кандидов, представители военного и судебного ведомств и различных общественных организаций.

Поднесение хлеба-соли

На перроне вокзала министр был встречен хлебом-солью представителями города, еврейского и мещанского обществ.

Подача докладных записок

На перроне же вокзала депутацией городского общественного самоуправления во главе с городским головой В.А. Морозовым, депутацией от биржи во главе с председателем Ф.Ф. Штумпфом и депутацией от мещанского общества были поданы докладные записки.

Посещение переселенческих учреждений

С вокзала министр проехал в переселенческие сельскохозяйственные склады, затем осматривал лесопилку переселенческого управления.

После этого министр посетил переселенческую пристань, осматривал барак при ней и лавку съестных для переселенцев припасов.

Подача прошений

Тут же у пристани крестьянин Воробьев из поселка Троицкого подал министру прошение о разрешении спорного вопроса на почве землеустройства с переселенческим управлением.

Во время отъезда министра с пристани, в его коляску женой казака Мороженникова было брошено прошение, которое было поднято министром, о помиловании ее несовершеннолетнего сына, осужденного омским военно-окружным судом на 15 лет в каторжные работы за экспроприяцию в лавке Гатина на Тарской улице.

Посещение казачьей церкви и собора

Проезжая по Атаманской улице, министр посетил казачью церковь, где его с хлебом-солью ждала депутация казаков.

Из казачьей церкви министр проехал в кафедральный собор.

Прием депутаций

Из Успенского кафедрального собора министр П.А. Столыпин прибыл в военное собрание, где производил прием депутаций из представителей различный учреждений.

У военного собрания стояло много переселенцев в ожидании министра, чтобы подать ему свои прошения, но они все были удалены полицейскими властями, которые сказали им, что министр частные прошения будет принимать в общественном собрании, куда им и велено приходить.

В переселенческом управлении

В 4 ч. дня министр посетил переселенческое управление.

Посещение фермы

В начале 5-го часа вечера председатель совета министров посетил молочную ферму Тобольского управления государственных имуществ.

На следующий день Столыпин с Кривошеиным посетили убежище для бедных детей. «Министры подробно осматривали помещение убежища, наблюдали работу детей в мастерских и с некоторыми из детей разговаривали. Обращено было особое внимание на хорошую организацию работ. Председатель совета министров выразил удовольствие по поводу целесообразности обучения детей разным ремеслам».

Столыпин принял докладную записку от главного комиссара Западно-Сибирской выставки Г.Е. Катанаев, памятную записку от члена биржи Лаптева. Принял епископа омского и семипалатинского Гавриила, сенатора Медема,

посланного в Сибирь в качестве ревизора для вскрытия злоупотреблений на железной дороге и главного начальника Степного края генерал-лейтенанта Тихменева.

Вечером Столыпин отбыл из Омска. Вот как об этом сообщала газета «Омский телеграф» №185 от 27.08.1910 г. : «25 августа в 10 ч. вечера с переселенческой пристани отбыли в Павлодар председатель совета министров В.А. Столыпин, главноуправляющий земледелием и землеустройство Кривошеин и начальник главного переселенческого управления Глинка.

На пристани министры были встречены начальником томского округа путей сообщения бароном Аминовым, его помощником инженером Ульяновым, пристанским начальником Пановым, ревизором переселенческого движения г. Оленичем-Гнененко, чиновником особых поручений Ваннах и заведующим переселенческой пристанью Черницким. В Павлодар отправились три парохода: два больших и один маленький, который пошел впереди в качестве разведчика мелей».

Газета публиковала и докладные записки, поданные Столыпину. Так, из записки Городской думы узнаем, что население города Омска в 1909 году составило 113 801 чел., при этом за предшествующие пять лет население увеличилось почти в два раза (в 1903 году было 65 601 чел.). Как водится, просили у начальства деньги: «Для самых необходимых сооружений по благоустройству города исчислено 3 000 000 руб., которые необходимо изыскать в самом ближайшем будущем». Среди «самых необходимых» водопровод (будет сделан в 1915 году), прокладка железнодорожного пути к торговому центру города и замощение улиц. Кроме того, гордума просила разрешения избирать в Государственную думу депутата для отстаивания интересов города. Омск был лишен права избирать в Госдуму, после того как в I и II Госдуму были избраны социал-демократы.

ОМСКАЯ РЕКЛАМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Назначение рекламы в рыночных условиях с течением времени не меняется – привлечь, завлечь и заставить купить. Так было и в начале XX века. Только виды рекламы ограничивались техническими возможностями. При отсутствии радио и телевидения главными видами рекламы были наружная и печатная.

Сто лет назад, конечно, отсутствовали огромные рекламные щиты, что натыканы сейчас вдоль дорог, но их заменяли вывески над входом в любую лавку или магазин, часто с указанием реализуемого товара, а над зданиями солидных учреждений и предприятий, вроде банков и акционерных обществ возвышались в виде плакатов их названия. Для афиш и объявлений использо-

вались специальные цилиндрические тумбы. Применялись и растяжки типа современных, о чем можно узнать, к примеру, из поэмы Александра Блока «Двенадцать»:

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»

Когда появились трамваи, их тоже стали использовать для размещения рекламы. Так в столице рекламировалась первая Западно-Сибирская выставка, прошедшая в Омске в 1911 году.

Но основная реклама изготовлялась типографским способом и размещалась главным образом в газетах. В официальных «Акмолинских областных ведомостях» рекламы было намного меньше, чем, скажем «Омском телеграфе» или «Омском вестнике». Так, в «Омском телеграфе» часто реклама занимала более 50 процентов газетной площади. Ей отдавались полностью первая и последняя полосы, а также часть второй. Броскость рекламных модулей достигалась за счет изменения типа и размера шрифта. Иллюстрации были в основном рисованными. Очевидно, что, как и сегодня для многих газет, реклама была главным источником существования газеты и стоила достаточно дорого. За строчку в 35 букв петита « перед текстом», то есть на первой полосе, в «Омском телеграфе брали 20 коп., «позади текста» – 10 коп. «Сторонние сообщения» (очевидно, иногородние) печатались по 1 рублю за строчку. Годовая подписка на газету стоила 7 руб. 50 коп. Для сравнения – пуд пшеничной муки стоил 1 руб.

ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ
Безнравственная
ОДЕОНЪ
ВЕСЬМИРЪ
ЧОРТОВА ПРОПАСТЬ
Три сестры
Русское богатство

Реклама помещалась не только в газетах, но и в других печатных изданиях. Таких, как справочник «Весь Омск», «Вестник Общественного Городского управления» и даже в «Справочнике телефонных абонентов 1919 года» при Колчаке, хотя во время войны, казалось бы, не до рекламы.

Газетная реклама затрагивала все сферы жизнедеятельности человека.

Человек рождается и умирает. Естественно, что предлагались и соответствующие услуги. Вот из газеты «Омский телеграф»:

«Убежище для рожениц акушерки С-Пб. академ. ТОПСКОЙ под наблюдением врача-специалиста. Прием рожениц и помощь во всякое время дня и ночи у себя и на дому. Дневные и ночные дежурства акушеров. Имеются постоянные кровати и комн. Амбулат. женская лечебница, для приходящих

массаж, электризация, прививка оспы. Ул. Банная (ныне – Косарева), угол Завьяловской (ныне – Волочаевская), д. Баскакова».

«Похоронное бюро А.Я. ЯСАНОВА, ул. Кладбищенская (ныне – Чернышевского). Имеются в большом выборе металлические гроба фабричного производства, мраморные памятники, металлические венки, железные оградки и железные кресты. ПЕРВОКЛАССНАЯ ТРАУРНАЯ КОЛЕСНИЦА».

По рекламе в полной мере можно оценивать шаги технического прогресса.

«Новоизобретенные русские жатки В.И. ЛИВЧАКА просты по конструкции, прочны, легки по весу и на ходу. Стоимость одноконной 85 руб., 2-хконной – 125 руб.»

«Всемирно-известные пишущие машинки «Смелс-Премьер». Вполне видный шрифт. Вся на шариках. Также дорожная пишущая складная машинка «Эрика» с видным шрифтом. Цена с ящиком 125 руб. Продаются в конторе Конст. Майера и К-о. Здесь же мастерская по ремонту пишущих машин всех систем».

Как видим, пишущая машинка стоила, как и двуконная жатка. За эти деньги можно было купить три коровы. Марка «Эрика» славится и поныне.

Привычной была реклама о продаже велосипедов. Все чаще стали появляться объявления о продаже мотоциклов и автомобилей. Например, на омском рынке предлагались французские мотоциклы «Пежо».

«Автомобили АДЛЕР грузовые и пассажирские (образец на складе)
Н.Т. ТОМСЕН
Банная, уг. Бутырской, дом Сараева. Тел. 501.»

Особенно много было предложений по локомобилям самых разных фирм. Вот два из «Омского вестника» за 1911 год.

«Крупнейший локомобильный завод Генрих Ланц в Майгейме (Германия) Промышленные ЛОКОМОБИЛИ до 1000 дейст. лош. сил с перегретым паром и клапанным распределителем системы ЛЕНТЦ.
Всего продано 28000 шт. Годовое пр-во 2000 шт.
Склад и представительство Андрианс-Плант и К-о
Омск, Овсяной базар, соб. дом».

«ЛОКОМОБИЛИ

Омская техническая контора

Т-ва В.Г. СТОЛЛЬ и К-о

Полное оборудование раструсных и вальцовых мельниц, крахмальных, лесопильных и других заводов. Оборудование маслобойных заводов машинами своего изделия.

Двигатели своего завода системы «Горнсби»

Исключительное представительство в Сибири Аугсбургского завода на нефтяном двигателе «ПатентДизель» и акционерного общества Мальцевских заводов на ЛОКОМОБИЛИ».

Встречаются и предложения заработать, очень похожие на современные («Акмолинские обл. вед.» № 44, 1906):

«Объявление

2000-4000 руб. побочного годичного дохода может иметь каждый!

Кто за 300-600 руб. (допускается и рассрочка платежа) приобретает у нас машину с ее рецептами, указаниями и т. п. Как устроить завод по выделке фруктовых, ягодных, шипучих сельтерских и т. п. искусственных минеральных вод, лимонад-газес, разных квасов, меда и французских фантастических прохладительно-игристых напитков и вин (сидр, шербет, шампань и проч.) Подробности бесплатно.

Фабрика машин ИППО и К-о Варшава».

Или («Омский телеграф»): *«100-400 руб. в месяц может заработать каждый, научившись по моему руководству и рецепту приготовлять новоизобретенный шампанский газированный квас, который по вкусу и аромату лучше всех прохладительных напитков. За обучение – 5 руб. При получении 2 руб. задатка высылаю руководство и рецепт. Х. Коган, Одесса».*

В изобилии представлена реклама алкогольных напитков и лекарственных средств, особенно для лечения венерических заболеваний и восстановления потенции при мужской слабости.

Поразительно насколько мало за сто лет продвинулось человечество в деле искоренения такого заболевания, как геморрой. И сегодня в аптеках продают те же свечи «Анузол», которые рекламировались в № 44 «Акмолинских обл. ведомостей» 1906 г.: *«Остерегайтесь подделок! Настоящее только в коробке с таможенной пломбой русского правительства. Для быстрого, удобного и безболезненного излечения ГЕМОРРОЯ рекомендуются свечи АНУЗОЛ. Это испытанное, благотворно действующее средство, признанное докторами за лучшее. Коробка 1 руб. 75 коп. Главный склад для всей России у провизора Э. Юргенс, Волхонка, Москва».*

Предлагались средства и для лечения последствий неудачной любви. «Акмол. обл. вед.» № 48 1907 г.: «Против гонореи (триппера) новейшее средство «Личилин». Настоящий только в металлических коробках по 1 р. и 1 р. 80 коп.»

Уровень цены поможет в какой-то мере оценить объявление в этом же номере газеты: *«Ежедневный заработок 1 руб. 50 коп. и более.*

Для мужчин и женщин, желающих заниматься удобной домашней работой на скоровязальных машинах. Работу каждый без предварительных знаний сейчас же усваивает…»

С новинками парфюмерии знакомили читателей в 1911 году газеты «Омский вестник» и «Омский телеграф». Первая рекламировала духи и одеколон **«РОЗИРИС»** рижского производства, а вторая – дегтярное жидкое мыло «для обмывания волос» **«Пиксафон»** со знакомым уже предупреждением: *«Остерегайтесь плохих подделок. Настоящий Пиксафон жидкость (не порошок), продается во флаконах, имеющих на дне слово «Pixavon». Каждый флакон настоящего Пиксафона должен иметь фирму единственного фабриканта: «Дрезденская Химическая Лабаратория Лингнера» на круглом ярлыке».* Или вот в «Омском телеграфе» №208 за 1911 год: *«Безусловно безвредно единственное средство, которое делает кожу мягкой и нежной и придает ей цвет юности – есть жирная пудра парфюмерии № 4711 Ферд. Мюльгенс».*

В этой же газете школьникам и детям для улучшения аппетита и пищеварения рекомендуют давать загадочные пилюли «АРА».

Существенную долю в газетной рекламе занимали напитки. «Омский вестник» №101, 1911 г.: *«Пивоваренный завод С.Ф. Чистякова доводит до сведения г.г. потребителей, что им выпущено в продажу хорошо выдержанное и высокого качества, приготовленное из заграничного солода*

ПИВО: Столовое, Боярское, Мартовское, Пильзенское, Экспорт-Черное». О заграничном солоде, надо полагать, упомянуто не зря. В «Акмолинских обл. вед.» рекламировался *«бесподобный ликер «Абрикотин»*, получивший на выставке в Париже в 1900 году золотую медаль. Патриотические же чувства можно было удовлетворить широко рекламировавшейся *«несравненной рябиновой Шустова»*.

«ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ ГОРОДСКУЮ ДУМУ…»

Постановление в заседании Омской Городской Думы, состоявшемся 30 декабря 1892 года

По жалобе Ялуторовского мещанина Черемисинова на Городского Голову и об оставлении за ним в 1893 году устроенных щитов для наклейки объявлений.

Присутствующий на основании ст. 5 Городового Положения старший по числу избирательных шаров гласный С.С. Волков доложил Городской Думе:

1.Жалобу мещанина Черемисинова от 7 декабря следующего содержания:

«3 числа настоящего месяца я получил повестку – Городская Управа просит Сергея Иванова Черемисинова пожаловать 4 числа в 10 часов утра лично по делу до Вас касающемуся – за подписом (так в тексте – П.Б.) Городского

Головы Старкова. Согласно приглашения, я аккуратно явился в назначенное время и после двух трех вопросов, сделанных мне Городским Головой, и, не дожидая возражения, он сказал: «Идите вон», а потом повторил: «Убирайся отсюда вон». Не знаю, чем я заслужил со стороны г. Городского Головы такое неблаговоление, я тотчас же вышел из Городской Управы крайне униженный и оскорбленный, соображая в уме своем, что если бы я сделал здесь кому-либо оскорбление или с неуважением отнесся к учреждению или же был бы пьян, тогда только Городской Голова мог постановить протокол и после этого только мог употребить подобное выражение. Но я всегда бываю в благопристойном виде, не позволяю себе кому-либо сказать оскорбительного слова, а следовательно, не заслуживаю порицания. Проживая в настоящее время в г Омске пять лет, занимаюсь честным трудом, не теряю право гражданина и имею право голоса в защиту собственных интересов, оплачивая аккуратно государственные и городские повинности, а также прямые и косвенные налоги, и при случае не отказываюсь от добровольных пожертвований, а потому я покорнейше прошу Городскую Думу принять мое заявление и обратить особое внимание на то: имеет ли право Городской Голова, хотя и генерал, пригласивши в Управу, выгонять вон без всякого к тому повода. Если же нет, то я покорнейше прошу Городскую Думу по рассмотрении заявления переслать его по принадлежности, так как причиненное мне оскорбление было сделано в присутствии члена управы г. Лимонова и секретаря г. Мезенцева. Городской Голова избирается из среды господ гласных и утверждается правительством, он должен застаивать (так в тексте, т.е. отстаивать – П.Б.) интересы города, а также и интересы граждан наблюдать, как в городе, а также и в Управе, чтоб был совершенный порядок, обходиться со всеми посетителями вежливо и деликатно, спокойно выслушивая все просьбы и заявления, а со мной же он обошелся, как с поденщиком или самым последним человеком, не имея к тому совершенно никакого повода. Господа Гласные, я имею маленькую частичку Вас, и ужели не найдется двух-трех человек войти в мое положение и сказать в защиту мою несколько слов, тем более и каждый из вас не застрахован от подобного оскорбления, которое я считаю выше всякого. А также прошу Городскую Думу обратить внимание на заявление мое поступившее в Управу в прошлом мае месяце и на Постановление Городской Управы, состоявшееся 16 мая. Имеет ли право Городской Голова лишать меня моей собственности, а именно: отдачу моих щитов с торгов в арендное содержание, устроенных мною для расклейки публикаций, которые обошлись мне до 100 рублей, и мог ли я означенную сумму вернуть в несколько месяцев. Цель устройства их имеет быть только в будущем, а, следовательно, и городской интерес будет предстоять впереди.

Плата, назначенная мною в моем заявлении с будущего января по 10 руб. в год, имеет быть только за мостовой и базарный щиток, а что же касается до остального: 1-го – у Областного Правления, 2-го – у почтовой конторы и 3-го – на пароходной пристани, то о помещении таковых исходатайствовано: 1. У управителя канцелярии Генерал-губернатора г. Лосевского и Советника Областного Правления г. Вилькен 2. У начальника Омской почтово-телеграфной станции г. Скаковского и 3.У Управляющего пароходством г.г. Курбатова и Иг-

натова г. Муравьева, которые, быть может, завтра же прикажут убрать мне. Я ж от платежа моего согласно заявлению с будущего января месяца по 10 руб. в год не отказываюсь и не заявлял об этом».

2. Постановление Городской Управы от 19 мая сего года следующего содержания: «Присутствию Городской Управы доложено заявление Ялуторовского мещанина Сергея Иванова Черемисинова от 28 минувшего апреля следующего содержания:

«В Москве, Киеве, Иркутске и других многолюдных городах публикации производятся посредством местной газеты и выставкою публикаций в одних установленных местах сгруппированных по отделам.

Здесь же, в гор. Омске, за неимением местной газеты публикации производятся посредством расклейки объявлений в разных местах, чрез что производится марание заплотов и столбов, а вследствие дождя и ветра отрываются таковые. Но чаще всего заклеиваются следующими другими объявлениями, а, следовательно, и не достают желанной цели, чрез что и делается бесполезная трата произведенная на публикацию. Желая устранить эти неудобства, он (т.е. Черемисинов – П.Б.) означенную расклейку публикаций имеет желание принять на себя с тем, чтобы в известных местах устроить приличные щиты в размере от 3 до 4 арш., а именно: у Областного правления, у моста, у почтовой конторы и на время лета у пароходной пристани. На которых щитах будут сгруппированы все объявления и каждодневно уничтожаться старые и возобновляться новые объявления, а для избежания могущих недоразумений все публикации будут находиться за проволочной сеткой и под замком. А потому он покорнейше просит Городскую управу разрешить ему устройство означенных щитов на означенных местах для расклейки публикаций с настоящего времени до будущего января месяца 1893 года бесплатно, а с будущего января месяца 1893 года с платою в городские доходы по 10 руб. на 5 лет».

По выслушивании вышеизложенного Городская Управа со своей стороны находит возможным отвести бесплатно в виде опыта указанное Черемисиновым места для устройства щитов в размере от 3 до 4 арш. для расклейки публикаций до 1 января 1893 года с тем, чтобы Черемисинов за расклейку публикаций пользовался платою с тех, кто пожелает доверить ему таковые в размере им указанным, а именно: от 1 до 3 дней 50 коп., до 7 дней – 80 коп., за один месяц – 1 руб. 25 коп., за 2 месяца – 2 руб., 3 месяца – 2 руб. 50 коп., на 6 месяцев – 4 руб., за 1 год – 7 руб., разноска по домам за 100 шт. – 60 коп. А потому постановила о вышеизложенном объявить Черемисинову.

3. Заявление мещанина Черемисинова от 15 декабря следующего содержания:

«Согласно постановления Омской Городской Управы о разрешения на право на устройство щитов для помещения публикаций, состоявшемся в прошлом мае месяце, что до будущего января месяца таковые могут быть устроены бесплатно и согласно моего заявления в том же мае месяце об устройстве таковых

с правом на 5 лет с платою с января месяца по 10 руб. в год. В настоящее время я обращаюсь в Городскую Думу с предложением не угодно ли будет к упомянутым 10 руб. получить с меня за управские щитки по 5 руб. в год, всего 15 руб. в год с тем, чтобы и на упомянутые щитки наклейку публикаций никто права не имел. Что же касается до управских объявлений и правительственных распоряжений, то таковые я буду помещать бесплатно на все щиты».

Городской Голова, передавая эту просьбу, объяснил, что сего 4 декабря прибывшему в управу мещанину Черемисинову дан был вопрос: желает ли он взять в арендное содержание на 1893 год места для устройства щитов для наклейки на них разных публикаций и объявлений на каких условиях и за какую плату. На это Черемисин ответил: «Я нахожу странным данный вопрос, потому что места для устройства щитов с 1 января 1893 года Городскою Управою отданы ему на пять лет с платою по 10 руб. год. На что он, Городской Голова, объяснил, что Городская Управа постановлением своим от 19 мая сего года нашла лишь возможным отвести ему Черемисинову бесплатно в виде опыта места для устройства щитов до 1 января 1893 года, а на дальнейший же срок согласия не изъявляет, а потому на места для устройства щитов назначает торги.

После чего Черемисинов довольно грубо и громко начал делать разные возражения ввиду того, что Управа не имеет право назначить торгов, и что он будет жаловаться. На это Городской Голова сказал Черемисинову, что его пригласили не на то, чтобы делать Управе замечания о ее правах, и что жаловаться он имеет право. Но как Черемисинов продолжал делать грубые свои замечания о правах Управы, несмотря на прошение Головы не мешать ему заниматься и удалиться, то он нашелся вынужденным просить Черемисинова выйти вон. По окончании настоящего объяснения генерал-майор Старков удалился из зала заседания Думы.

Городская Дума по выслушивании вышеизложенного и обсуждении настоящего вопроса находит, что со стороны Городского Головы не сделано никакого оскорбления мещанину Черемисинову, и если Черемисинов считает для себя оскорбительным то, что ему сказано «идите вон», то на это он вызвал своею грубостью.

Городская Дума постановила: жалобу мещанина Черемисинова оставить без последствий. На отдачу в арендное содержание мест для устройства щитов и щитов, устроенных городским общественным управлением для наклейки на них разных публикаций и объявлений поручить Городской Управе провести торги».

(ИсАОО ф. 30, оп. 1, д. 21, лл. 145-150).

Вот с таким трудом происходило становление в Омске дела наружной рекламы в конце 19 века. Но старания и страдания Черемисинова не пропали даром: через семнадцать лет, в 1910 году, городская рекламная витрина была уже площадью 90 квадратных аршин. Доход от аренды этой витрины за год составил 471 руб. 90 коп. Правда, это было всего 0,6% от доходов в городскую казну от аренды всех городских объектов, составлявших 75 924 руб. Основная реклама публиковалась в газетах «Омский телеграф» и «Омский вестник».

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На Руси еще в княжествах использовали подворный учет, собирали дань «с дыма» или с плуга (орала). Монголо-татарские баскаки для упорядочения сбора дани также проводили переписи. В 16-17 веках данные о населении городов заносились в писцовые книги, где указывались обычно лица мужского пола с их скотом, пашнями и покосами.

Начиная с Петра I, стали проводиться переписи, называемые ревизиями. Результаты ревизий заносились в ревизские сказки. Первая ревизия проводилась с 1718 по 1724 год с целью перехода с подворной подати на подушную. В ходе 18-19 вв. до Первой Всероссийской переписи 1897 г. было проведено десять ревизий. Историки по-разному оценивают их достоверность, но никто не отрицает их полезность. На территории современной Омской области было несколько оригинальных переписей. О Тарской Дозорной книге 1701 г. мы писали выше. Вспомним о двух переписях города Омска.

Омская однодневная перепись 1877 года

Однодневная перепись в Омске прошла 10 апреля 1877 года. Ей предшествовала большая подготовительная работа. 27 сентября 1876 года на заседании у военного губернатора Акмолинской области Цытовича было принято решение о создании особого Организационного комитета. Были подготовлены «Инструкция по производству переписи г. Омска», переписочные листы о домах и о квартирах. За два дня до переписи переписные листы разносились хозяевам домов и квартир. В день переписи счетчики собирали переписные листы.

Результаты переписи были опубликованы в Трудах Акмолинского статистического комитета ч.1, 1880 г. под заглавием «Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 года, обработанные И.Я. Словцовым». Труд предваряется следующим посвящением Словцова: «Его Высокопревосходительству Николаю Геннадьевичу Казнакову Генерал-Губернатору Западной Сибири как дань глубокого уважения к постоянному покровительству научным учреждениям в Западной Сибири настоящий труд свой посвящает автор».

Население Омска по результатам переписи составило 24 818 человек, из них мужского пола – 13 943, женского – 10 875. Родившихся в Омске было 9 259 человек, «остальное население наплывное: частью постоянное, частью временное».

Из 22 национальностей самыми многочисленными были: русские – 22 438 человек, евреи – 667, поляки – 656, киргизы (казахи) – 277, немцы – 251, татары – 163, чухонцы – 69, латыши – 105, зыряне – 77, литовцы – 12, финны – 10, шведы – 11 человек, остальные – менее 10 человек.

Из сословий самыми многочисленными были военные и мещане. В процентах это выглядело так: военные – 33,42, мещане – 21,48, крестьяне – 12,94, дворяне – 9,94, казаки – 9,13, почетные граждане – 6, духовенство – 0,75, купцы – 1,48, инородцы – 1,13, иностранцы – 0,07, ссыльные – 2,08, прочие – 1,59 процента.

Первая Всероссийская перепись 1897 года

9 февраля (28 января по старому стилю) 1897 года была проведена первая и единственная Всеобщая перепись населения Российской империи. Инициатором ее стал выдающийся русский ученый Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский.

Единицей наблюдения было хозяйство. В переписи учитывались 3 категории населения: наличное, оседлое и приписное. Использовались переписные листы списочной формы трех видов: форма А – для крестьянских хозяйств, форма Б – для владельческих хозяйств, форма В – для городского населения. О каждом опрашиваемом собирались сведения по 14 вопросам.

Перепись 1897 года представляет собой единственный источник достоверных данных о численности и составе населения России в конце XIX века. Результаты переписи были обработаны к середине 1905 года и опубликованы в двух томах, содержащих 25 сводных таблиц. Помимо общеимперской обработки, итоги переписи 1897 года были опубликованы в 119 выпусках по отдельным губерниям. В частности по Тобольской губернии в т. 78 и по Акмолинской области в т. 81.

Численность населения Российской империи по итогам переписи составила 129,9 млн человек. 77 процентов жителей Империи составляли крестьяне, 10,7 проц. – мещане, 1,47 проц. – дворяне и чиновники, 0,49 проц. – потомственные и личные почетные граждане, 0,47 проц. – лица духовного звания христианского исповедания с семьями. Грамотными в Российской империи считали себя 19,78 процентов жителей.

Обобщенных данных о количестве населения на территории современной Омской области нет, т.к. ее границы оформились в советское время. Но о нем можно судить по Тарскому и Тюкалинскому округу Тобольской губернии и по Омскому уезду Акмолинской области. Так, в Тюкалинском округе численность населения составила 208 718 человек (106 732 муж. п. и 101 986 жен. п.), в Тарском округе – 159 655 (79 755 муж. п. и 79 900 жен. п.), в Омском уезде – 100 539 человек (52 722 муж. п. и 47 317 жен. п.). Таким образом, на территории Омской области в современных границах проживало более 450 тысяч человек.

По городам: в Таре – 7 223 человека, в Тюкалинске – 4 016 человек и в

Омске – 37 376 человек (3-е место по Сибири). Мужчин в городе Омске было 20 084 , женщин – 17 292.

В Омске проживало 88,4% русских, 3% евреев, 2,1% татар и поляков, а также украинцы, немцы, казахи. Грамотных мужчин – 51,2%, женщин – 31,9%.

Из 10 округов Тобольской губернии наибольшее количество грамотных мужчин было в Таре – 63,1%, женщин – 18,34%, хотя в целом по округу число грамотных составило всего – 9,36%, В Тюкалинске мужчин – 39,71%, женщин – 19,42%, по округу – 9,23%. То есть крестьяне в основном были неграмотными.

По итогам ревизий, переписей и других документальных свидетельств дореволюционная динамика роста населения г. Омска такова: 1725 г. – 992 чел., 1742 г. – 1092 чел., 1806 г. – 3,8 тыс., 1842 г. – 12, 8 тыс., 1863 г. – 19, 5 тыс., 1867 г. – 26,7 тыс., 1870 г. – 30,5 тыс., 1877 г. – 24,8 тыс., 1897 г. – 37, 3 тыс., 1903 г. – 65,6 тыс., 1910 г. – 113,8 тыс., 1914 г. – 137 тыс. человек.

ГОРОДСКАЯ ДУМА ПОСТАНОВИЛА…

Первые годы

Омская Городская дума была открыта 2 января 1840 года на основании Городового Положения 1785 года. Избиралась она на 4 года от всех городских сословий. В ее функции, согласно ч.2 Свода Законов Российской империи, входили: охрана установленного порядка при общественных выборах, представление избранных на утверждение, представление в городском суде, участие в составлении и раскладке земских повинностей и рассмотрение отчетов о расходовании этих сумм, «участие в оценке имущества, поступающего на общественное и государственное употребление».

Здание Городской думы на ул. Думской

С 12 июня 1870 года на Омскую Городскую думу возложили административные и хозяйственные задачи: благоустройство города (транспорт, освещение, отопление, очистка улиц, водопровод), а также заведывание школьным, медицинским, благотворительным делом, торговлей и кредитами.

Гласные (то бишь депутаты) избирали Городского голову, который обычно председательствовал на заседаниях, и исполнительный орган – Городскую управу.

Первым Городским головой в 1840 году был Н. Бурмакин. В разные годы возглавляли Гордуму: И. Николаев (1840 – 1844), И. Богомолов (1847 – 1852), И. Кириллов (1852 – 1855), В. Кузнецов (1864 – 1870), Е. А. Терехов (1870 – 1873), Ф.Л. Чернавин (1873 – 1879), В.В. Маслов (1879 – 1882), Э.И. Эзет (1883 – 1891), А.В. Старков (1892), С.С. Волков (1893), Н.П. Остапенко (1893 – 1910) и В.А. Морозов (1910 – 1917).

В первые годы своей работы дума выступала в качестве органа, принимавшего к сведению и руководству указы Его Императорского Величества и Правительствующего Сената, которые спускались из Тобольского управления. Рассмотрев указ, Городская дума записывала в журнал постановление о принятии его к исполнению. В основной массе эти указы касались Омска косвенно. Так, например, Владимирская Уголовная Палата сделала запрос в Сенат, следует ли судить 15 человек цыган мужского и женского пола по закону о бродягах уголовным судом? 14 марта 1839 года последовал Высочайший указ, коим повелено «цыган, не имеющих прочной оседлости, приписать к сельским обществам, а изобличенных в бродяжничестве после приписки к селениям, предавать суду по полному смыслу сего указа…», а 15 цыган не судить, так как они были не приписаны. В 1842 году этот указ дошел и до Омска.

А 10 ноября 1842 года дума приняла к сведению указ о выдаче Главным начальником Алтайских горных заводов 1-й гильдии купцу Василию Никитичу Рукавишникову дозволения на поиск золота в Западной Сибири.

Однако уже в этом же 1842 году просматривается весьма приземленная, рутинная функция гордумы. Это функция официального оценщика товаров вплоть до половой щетки. Отвечала же дума через базарного смотрителя. Обращались в думу по вопросу цен из городской больницы, из штаба Сибирского линейного казачьего войска, из училища этого войска, правителя суконной фабрики, городской полиции и прочих мест.

Так, военному госпиталю ответили на его запрос, что половых щеток в продаже нет, а стакан простого стекла стоит 11 ¾ коп. серебром.

Две цены одного бревна

6 января 1842 года исправляющий должность коменданта Омска направил в Городскую думу следующий запрос: «Вследствие рапорта командира от 30 декабря 1841 № 1739 прошу Градскую думу уведомить меня, по какой цене продается в городе у вольных продавцов сосновое бревно длиною 8 аршин и толщиною 10 вершков». Ответ базарного смотрителя гласил, что такое бревно стоит 3 руб. 50 коп. серебром.

Однако 20 февраля дума была вынуждена рассмотреть вопрос о цене соснового бревна повторно, так как исполняющий обязанности коменданта извещал, что такой цены в городе никогда не существовало, если это ошибка, то просил сообщить, сколько же стоит бревно на самом деле.

По указанию думы базарный смотритель ответил: «Бревно сосновое в 8 аршин, толщиною 10 вершков стоит 3 р. 50 к. ассигнациями, а не серебром».

Тут требуется историческая справка о причинах подобной путаницы. Бумажные деньги появились в 1769 году при Екатерине II. Они обменивались исключительно на медные деньги, которыми обеспечивался их выпуск. Обесценивание бумажных ассигнаций приводило к обесцениванию и медных денег, что приводило к нарушению соотношений стоимости медных, серебряных и золотых монет. Поэтому в начале 1840-х годов была проведена денежная реформа Е.Ф. Канкрина. Медная монета была приравнена к серебряной и чеканилась по 16-рублевой стопе, т.е. из пуда меди чеканилось монет на 16 рублей. На медных монетах появились необычные надписи, например, на 10-копеечной монете было написано «3 копейки серебром». Таким образом, базарный смотритель ошибочно завысил стоимость бревна более чем в 3 раза.

С годами функции гордумы расширялись. Какие только вопросы не приходилось рассматривать. Заглянем в некоторые постановления разных лет.

Детских пособий не платить, женатых заменить холостыми

«Г.г. депутаты от всех сословий, рассматривая роспись о расходах г. Омска на будущий 1868 год, находят с своей стороны необходимым сделать по ней некоторые дополнения и изменения статей, а именно:

1. По квартирной комиссии прибавить жалованья писцу по 2 руб. в месяц, а в год 24 руб., так как при более правильном делопроизводстве комиссии труд его в сравнении с другими будет усиленный.

2. На пособие детям нижних чинов полицейской и пожарной команде никакой суммы не назначать, а принять ходатайство о замене женатых холостыми нижними чинами.

3. Разрешению на сей 1867 год Омскому полицмейстеру Г. Начальником губернии одну пару лошадей для разъездов по городу не иметь и потому из росписи исключить, по уважению недостаточности городских средств и назначении ему с 1 января увеличенного содержания.

4. По этим же причинам исключить из росписи статью на квартирное довольствие его полицмейстера, предоставив пользоваться квартирою в натуре.

5. Назначение отопления одной печи при первой частной управе за переходом части в общественное здание полиции вовсе исключить, так как нижние чины будут находиться в общей казарме вновь устроенной.

6. Общественное здание полиции и переданной в пользу города Инженерным ведомством дом, в котором помещается Начальник корпуса жандармов застраховать и потребную на это сумму показать по росписи.

7. При освещении города необходимо иметь двух фонарщиков и потому включить в роспись на этот предмет статью, определив для них по 60 руб. – 120 руб. в год».

По случаю коронации

«Москва

Степному Генерал-губернатору

Омское всесословное городское общество в присутствии Его Превосходительства Начальника области, принеся Всевышнему теплую молитву о

долгоденствии и счастливом царствовании Ия Императорских Величеств на многие лета, просит Ваше Высокопревосходительство повергнуть к стопам возлюбленного монарха нашу беспредельную верноподданническую преданность и поздравление с днем Св. Коронования Их Величеств и желая увековечить в памяти этот счастливый для всех России день, постановило: открыть городскую лечебницу для детей бедных родителей.

Губернатор Ливенцов
Городской Голова Трусов
Гласные (подписи)
18 апреля 1883 г.»

Из Постановлений 1883 г.:

Относительно ассигнования на выписку портрета Екатерины II.

Художник Шаховской берется выполнить копию за 200 руб. (ответили из Академии художеств), а ранее решением гордумы выделялось 150 руб. Постановила: «недостающие деньги на выписку портрета императрицы Екатерины II употребить из остатков, имеемых быть от сметного назначения настоящего года».

О прибитии на обывательских домах дощечек с надписями звания и фамилии домовладельцев.

Постановила на основании 103 ст. Город. положения: обязательно для домовладельцев города иметь на воротах дома прибитую окрашенную дощечку с надписью имя отчества и фамилии хозяина дома, а равно и номер дома по оценочному городскому табелю. В видах однообразия дощечек поручила городской управе изготовить таковых для всех домовладельцев и раздать им, взыскав с них стоимость дощечки.

Об отпуске дров для отопления тюремного замка

20 февраля вахтер Кормацкий неизвестно по чьему распоряжению сменяется и сдает назначенному на его место вахтеру Шуваеву дров только 65 саженей. Таким образом оказывается, что в $1^{2}/_{3}$ месяца израсходовано дров 139 ½ сажени… Постановила: просить Его Превосходительство Господина Губернатора области о назначении производства тщательного дознания о том, куда девались 64 ½ сажени дров, должных остаться на 1 июля 1883 года, так как директор Бобров не признает поставленного количества дров, а это бросает тень подозрений на члена Управы, заведующего хозяйственной частью.

Заявление купеческого сына Аарона Колпакова о желании его снабжать городской бак водою посредством паровой водоподъемной машины, если этот бак будет поставлен на средства города. 15 мая 1898 г.

«По течению р. Иртыша в Казачьем форштадте гор. Омска мною усмотрены крутые берега и неудобные спуски к реке, кои во время пожаров устраняют наливание воды в бочки и подъема таковых в гору, я желал бы с своей стороны устранить насколько возможно эти затруднения. Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Превосходительства имею честь доложить, что владея торговой баней в Казачьем форштадте (бывшая Хаймович) и выписав ныне

паровую водоподъемную машину, которая приспособляется к этой бане, возможно было бы поставить для воды бак, который снабжался бы мною водой без всякой платы для пользы жителей г. Омска, так как в случае пожара доступнее и скорее приобрести необходимое количество воды на ровном месте, а потому не признаете ли возможным предложить Городской управе за счет ее поставить и приспособить бак вместимостью в 2000 ведер».

Городская дума по выслушании настоящего доклада и личного заявления гласного М.М. Манусовича о необходимости постановки около принадлежащей ему торговой бани второго бака для снабжения такового водою посредством принадлежащей ему водоподъемной машины находит желательным заявления г.г. Колпакова и Манусовича принять к исполнению, а потому постановила:

Поручить Городской Управе устроить два бака вместимостью около 600 ведер каждый и установить таковые около бань, принадлежащих г.г. Колпакову и Манусовичу.

Доклад протокола комиссии по устройству тротуаров и исправлению улиц г. Омска. 17 марта 1898 г.

Из протокола заседания 16 июня 1897 года видно, что полное уничтожение грязи на улицах в настоящее время для Омска невозможно, так как это может быть достигнуто только устройством хороших мостовых, которое в свою очередь может быть осуществлено только постепенно, находит, что при этих условиях является крайней необходимостью дать возможность, по крайней мере, пешеходам избежать неудобств, происходящих от грязи. Лучшим средством для этого, по мнению комиссии, была бы планировка улиц и устройство сточных канав и тротуаров. Для того чтобы устройство канав, правильное функционирование которых зависит от поперечной профили уличного полотна, принесло действительную пользу, необходимо их устроить по заранее составленному для всего города плану и систематично, а для этого необходимо иметь точный план города с нивелировкой, показывающей сколько-нибудь изгибы местности. В видах же ускорения дела комиссия считает возможным, не дожидаясь составления полного плана и нивелировки города, приступить к устройству сточных открытых канав и тротуаров, предоставив жителям устраивать таковые в пределах своих владений, с тем, чтобы устройства эти производились по одному общему типу, по указаниям назначенного для этой цели городскою Управою лица, которое бы следило за тем, чтобы устраиваемые канавы соответствовали своему назначению, будучи соединены с таковыми же соседних домовладельцев, тротуары соответствовали бы выработанному общему для них типу.

Что касается выработки типа тротуаров, то комиссия, прежде всего, останавливается на выборе строительных для них материалов и приходит к заключению, что в г. Омске доступными по цене для жителей являются дерево и кирпич (железняк). По мнению комиссии, ширина деревянного тротуара должна быть от 1½ – 2 аршин, причем тот и другой размер назначается Городской Управой соответственно размеров движения пешеходов по улице, толщина плах для верхней настилки не менее 1¼ вершка.

При этом комиссия пришла к заключению, что следует обязать жителей чистить канавы не весной, как это делается теперь, а с осени, чтобы к началу весны они были совершенно чистыми и могли вполне успешно выполнять свое назначение.

Затем по поручению Думы комиссией было рассмотрено заявление домовладельцев, проживающих на Кадышевском форштадте по Главноуправленской улице (ныне Коммунистическая ул.), следующего содержания: ежегодно в весеннее время от таяния снежных наносов, а летом и осенью от постоянных дождей, от сильного напора воды с Тарской улицы и площади улицу нашу посредине до того размывает, что образуется глубокий и широкий ров с быстро бегущей в нем водою, вследствие чего нет никакой возможности ни переходить, ни переезжать означенный ров без опасности завязнуть или засадить и поломать экипаж или изувечить лошадь. Означенный ров представляет массу неудобств и опасностей летом во время пожара, когда при скорой езде может быть увечие пожарных служителей и лошадей и поломка обоза. Дальнейшее оставление нашей улицы в том виде, в каком она находится, т.е. с глубоким рвом посредине, безусловно немыслимо, принятие мер к беспрепятственному движению по улице пешеходов и экипажей крайне неотложно...

КОМИССИЯ, сделав подробный осмотр указанной в заявлении местности в полном составе всех членов, находит, что для исправления размыва Главноуправленской улицы необходимо отвести воду, направляющуюся в эту улицу с улиц Тобольской, Мариинской, Сергиевской и Александровской, собрав ее предварительно в общую канаву около вновь устраиваемого на Губернаторской площади сквера и направить далее до Иртыша по Главноуправленской площади, предварительно определив нивеллировкой направление наименьшего ската по этой площади для предупреждения быстрого размыва канавы...

В виду изложенного Городская Дума постановила:

А) обязать владельцев дворовых мест г. Омска устраивать по линиям своих дворов тротуары и сточные канавы по чертежу, составленному Городской Управой;

Б) проектировать обязательное постановление следующего содержания: «Все владельцы дворовых мест, выходящих на улицы Атаманскую, Дворцовую, на все поперечные улицы г. Омска, идущие от Атаманской и Дворцовой улиц к р. Иртышу, на Полицейскую от Ильинского моста до пересечения ее Сажинской улицей, на Часовитинскую и Сажинскую от р. Оми до пересечения их Полицейской улицей, обязаны устроить тротуар и сточные канавы по линиям своих дворовых мест, примыкающих к городским улицам, площадям и набережным не позже 1 октября 1898 г. по чертежам, данным из Городской Управы...»

Занималась Городская дума и более серьезными проектами: строительством городского театра, водопровода, городской железнодорожной ветки вдоль Иртыша, паромными переправами через Иртыш, городским трамваем (этот проект, правда, был реализован только после революции), городской электростанцией и т.п.

КАК ХЛЕБОТОРГОВЦЫ И ГОРОДСКАЯ ДУМА МЕСТО ДЛЯ БАЗАРА ВЫБИРАЛИ

В 1907 году Биржевой комитет подал в Городскую думу записку «Об упорядочении продажи зернового хлеба с возов в гор. Омске», где указывал, что продажа зерна разбросана по городу, крестьянам приходится отыскивать покупателей по всему городу, продавать по пониженным ценам, перекупщики встречают крестьян за городом, полиция не может поэтому следить за правильностью взвешивания и расчета – часты недоразумения. Биржевой комитет предложил сосредоточить торговлю в одном месте, крестьяне будут знать рыночные цены «и будут выведены из потемок».

«Единственной площадью удовлетворяющей всем необходимым целям является та, которая находится близ собора между зданиями Государственного банка и Духовной консистории».

Рассмотрев ходатайство Биржевого комитета, дума 2 октября 1907 г. одиннадцатью голосами против десяти «признала необходимым сосредоточить хлебную торговлю в одном месте и отвести для зернового хлебного базара Главноуправленскую площадь». Однако, поскольку много было противников этого места, 26 октября для детальной разработки вопроса была создана комиссия в составе гласных Хаберева, Кабалкина, Иванова и Пищикова, которой предоставлено право рассмотреть вопрос о месте хлебного базара. При этом комиссии было поручено представить свою работу на рассмотрение думы в месячный срок. В своем протоколе от 6 ноября 1907 г. комиссия доказала, что, по ее мнению, наиболее удовлетворяющей всем необходимым условиям развития хлебной торговли в городе признается площадь Шепелевского базара, каковую она и предложила думе отвести под хлебный базар.

Однако борьба интересов продолжилась, и 30 ноября в Гордуму обратились с заявлением 11 хлеботорговцев, в котором они писали, что «Шепелевский базар является самым неудобным местом, так как удален от центра» и предложили местом для базара избрать соборную площадь.

29 февраля 1908 г. Городская дума вновь рассматривала вопрос о городском хлебном базаре, но решения не приняла. Чтобы подтолкнуть ее, 6 марта уже 16 хлеботорговцев обращаются с заявлением, что хлебный базар должен быть «только на Кафедральной площади». 11 марта 1908 года решение, наконец, было принято: 14 голосов – за Главноуправленскую площадь, 12 – за Шепелевскую. А на заседании 19 августа 1908 года был заслушан и утвержден доклад Городской комиссии по разработке вопросов об организации зернового хлебного базара:

«Омская Городская Дума в заседании своем 11 марта 1908 г. при рассмотрении доклада Городской комиссии о зерновом хлебном базаре постановила: под зерновой хлебный базар отвести Главноуправленскую площадь, разработку же вопросов по организации зернового хлебного базара поручить особой комиссии. Во исполнение этого постановления Городская комиссия предста-

вила в Управу протокол своего заседания 28 апреля сего года следующего содержания:

«Комиссия по организации зернового базара на Главноуправленской площади в составе: А.И. Касаткина, Ф.М. Ветохина, В.В. Пшеничникова, И.И. Кравцова и В.И. Сергеева, заслушав доклад председателя комиссии об организации зернового базара на Главноуправленской площади и всю имеемую по этому делу переписку, единогласно постановила: 1) просить Омскую Городскую Думу издать следующие обязательные постановления:

а) продажа и покупка хлебных продуктов: пшеницы, ржи, ячменя, проса, гречихи, льна, конопляного масла и прочих хлебных продуктов, которые не являются предметами потребления населения города в необработанном виде, разрешается исключительно только на отведенном для сего базаре на Главноуправленской площади и воспрещается на других площадях и базарах, также за городом, на улицах, во дворах и вообще где бы ни было помимо Главноуправленской площади;

Примечание: Те же хлебные продукты, кои являются предметом потребления городского населения, например, овес, гречневая крупа, всевозможная мука, продаются на прежних основаниях и могут поступать на зерновой базар на Главноуправленской площади не ранее как с 11 часов утра.

б) торговля на зерновом базаре на Главноуправленской площади производится в летнее время, с 1 марта по 1 октября с 6 часов утра и по 1 часу дня, а в остальное время года с 8 часов утра и до 3 часов дня;

в) купленное зерно должно исключительно приниматься весом в мешках, а не в кадках;

г) запрещается покупка хлеба комиссионерам-добровольцам, не имеющим этого уполномочия от покупателей.

2) вопрос о постройке амбаров, избы для отогревания продавцов и покупателей в настоящее время, по мнению комиссии, впредь до указания опыта оставить открытым;

3) очистку площади отнести на общий кредит по очистке площадей города Омска».

Однако сторонники Шепелевской площади не успокоились и обратились к Акмолинскому губернатору. Пришлось этим вопросом заняться Городской управе.

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Омской Городской Управы по вопросу: «Предложение Акмолинского Губернатора о рассмотрении ходатайства Омских хлеботорговцев перенести зерновой хлебный базар на расширенную часть Тюремной улицы между Артиллерийскими складами и владениями Ковлера», состоявшееся на основании 89 ст. Городового Положения 27 марта 1910 г.

Доложено, что Акмолинский Губернатор надписью от 7 ноября с.г. за № 663, предложил Городскому Голове на рассмотрение Городской Думы и в последующем объявить просителям и донести ему следующее прошение хлеботорговцев

г. Омска: «Возбуждая ходатайство пред городским самоуправлением о предназначении для хлебной торговли выбранного нами места, покорнейше просим Вас, Ваше Превосходительство, ввиду приближения начала хлебных подвозов, посодействовать внеочередному рассмотрению этого вопроса и разрешить его в благоприятном смысле ввиду очевидной целесообразности и общей пользы».

Настоящее прошение помечено датой 2-го ноября 1909 г. К прошению приложена никем незаверенная копия поданного в Омскую Городскую Управу 4 ноября с.г. заявления следующего содержания: «Участие г. Омска в местной и отпускной хлебной торговле продолжает возрастать: сам город при стотысячном населении потребляет свыше 2 500 000 пуд. хлеба в год. При таких крупных размерах торговля хлебом не может оставаться без установления соответственной системы надзора и порядков, в противном случае она становится ареной спекуляции в ущерб как производителя и потребителя, так и развития рынка, а следовательно, в ущерб вообще торговли и городских интересов. Движение в среде местных хлеботорговцев в пользу необходимости сконцентрирования хлебной торговли внутри г. Омска, в видах контроля и устранения злоупотреблений, понудило Биржевой комитет и Городскую Думу в прошлом году выработать и издать обязательные постановления с представлением под центральный хлебный базар Главноуправленской площади, против Иртышских пристаней и городской переправы.

В настоящее время, к сожалению, вполне выясняется, что создание одного центрального для Омского хлебного базара стало неосуществимым, – вследствие того, что на пути подвоза хлеба в город, в Атаманском хуторе и на Омск-посте при железной дороге уже устроились своего рода базары с амбарами для свалки зерна, около которых и сгруппировались скупщики хлеба как для мельниц, так и на вывоз. Так что с той стороны на отведенную базарную площадь в город ничего уже не пропускается. В значительной степени отторжение от города главной части хлебной торговли помогло и крайне неудовлетворительное состояние переправы через Иртыш. В то же время оказалось, что тракты ведущие с северной стороны, не доставляют хлеба на Главноуправленскую площадь. На этом пути на окраине города рассеяны заведения, представляющие собой постоянных и значительных покупателей зерна, как то: винокуренный завод Поклевского-Козелл, мельницы Хаберева, Плотникова и Гардера, солодовенные заводы Губарь и Ковлера, а также большое число скупщиков и агентов разного калибра из местных жителей. Желая распродаться с меньшими проволочками и разъездами по улицам города, продавцы хлеба направляются в этот район, где и ссыпается почти все зерно, и лишь в редких случаях провозят товар до городских базаров. А так как хлебный базар фактически не существует, то этим продавцам приходится обыкновенно или ездить в поисках покупателей дальше или возвращаться сюда же, что еще более поддерживает тяготение к этому самородному подвижному рынку, на котором действительно покупатели и продавцы находят друг друга с наименьшими препятствиями.

Таким образом, создание благоустроенного хлебного базара на Главноуправленской площади практически оказывается неосуществимым и торговля

хлебом по-прежнему производится по дворам и улицам города без наблюдения и контроля, в условиях, дающих широкий простор злоупотреблениям с обеих сторон и подрывающих развитие крупнейшей по оборотам и важнейшей для населения отрасли торговли. К выходу из этого положения является единственно целесообразным средством избрание базарной площади более доступной и удобной для продавцов и покупателей хлеба, пользование которою не требовало бы от них значительных жертв. Она, по возможности, должна быть в центре естественно создавшегося направления подвоза хлебных грузов. Без этого все правила и обязательные постановления будут обходиться и оставаться мертвою буквою. Выше указано, что торговля зерновым хлебом обнаруживает естественное тяготение к району расположения мельниц и заводов на северной окраине города, где происходит значительная крупная продажа зерна. Этот нелегальный рынок и должен послужить материалом для создания имеющего будущность и практическое значение зернового хлебного базара в Омске.

Для осуществления этой меры представляет собою готовое и вполне подходящее место расширенная часть Тюремной улицы между Артиллерийскими складами и владениями Ковлера. Эта совершенно свободная и достаточная для зернового хлебного базара площадь, находясь на окраине города, невдалеке от существующего сенного базара, на самом пути следования с главных трактов, в центре перекрещения многих улиц должна быстро приобрести популярность в заинтересованной среде по своему доступному и удобному положению. Здесь продавцы будут избавлены от бесполезной двойной перевозки тяжелых возов на базар и обратно к местам ссыпки, что сопряжено с стеснением движения по улицам, порчею пути, загрязнения главной городской площади и другими неудобствами. Для прибывающих в город в этой местности легче устроиться на постоялых дворах и квартирах, а близость покупателей и мест ссыпки сделает совершенно нестеснительным соблюдение требуемого обязательным постановлением порядка продажи и взвешивания хлеба. К достоинствам этой площади можно отнести и то, что она находится как раз на виду 5 полицейского участка, что в смысле надзора за порядком немаловажно, что она потребует самых незначительных расходов на уборку и что отвод ее не вызовет со стороны города никаких затрат, так как нужное помещение для сторожа и приезжающих крестьян может быть возведено соединенными средствами хлеботорговцев. Ввиду того, что с восстановлением санного пути начнется усиленный подвоз хлеба, нижеподписавшиеся покорнейше просят Городскую Управу в ближайшую же очередь представить на разрешение Думы наше ходатайство перевести зерновой хлебный базар с Главноуправленской площади по Тюремной улице (ныне ул. 5-й Армии – П.Б.) между улицей Капцевича (ныне ул. Красный Путь) и Вдовьим переулком (ныне ул. Волховстроя)».

Далее в документе излагается история вопроса, описанная выше, и подводиться итог:

«Обсудив доложенное, Городская Управа нашла, что для зернового хлебного базара площадь отведена Думой после всестороннего обсуждения вопроса в нескольких заседаниях, что эта площадь большинством гласных Думы и

целым рядом хлебных торговцев признана наиболее удовлетворяющей своему назначению и потому перенесение вновь открытого базара на другую какую-либо площадь в настоящее время после такого короткого периода времени функционирования его признается преждевременным. Что касается указанной в рассматриваемом заявлении площади на Тюремной улице между ул. Капцевича и Вдовьим переулком, то таковая слишком тесна и уже по одному этому не может быть отведена под зерновой базар. Принимая во внимание эти соображения и руководствуясь ст. 89 Городового Положения, Городская Управа определяет: ходатайство хлеботорговцев оставить без удовлетворения».

(ИсАОО, ф.30, оп.1, д.25, лл.110-112).

КАК ГОРОДСКАЯ ДУМА С ГУБЕРНАТОРАМИ НЕ СОГЛАСИЛАСЬ

На заседании Омской Городской думы 7 января 1892 года одним из рассматриваемых вопросов был вопрос о торговле хлебом возами на рынках города и о вмешательстве в этот внутригородской вопрос Степного Генерал-Губернатора и губернатора Акмолинской области (ИсАОО, ф. 30, оп. 1, д. 21, лл. 12-13). Взаимоотношения Городской Думы и губернатора регламентировались Городовым Положением от 16 июня 1870 г. Губернатор следил за законностью постановлений думы, утверждал их, дума же могла обжаловать действия губернатора в Правительствующем Сенате, в случае несогласия с его распоряжениями.

1891 год был неурожайным, и Городская дума, дабы не допустить вывоз хлеба иногородними, приняла обязательное постановление, которым запрещалась продажа хлеба возами до 2 часов пополудни, до снятия сигнального флага. Потребность во флаге понятна – часы были редкостью у рядового населения. Постановление думы утвердил Акмолинский губернатор Николай Санников, но выполнить его оказалось не так-то просто. Омской думе не повезло: над ней было два больших начальника, так как Омск входил в Акмолинскую область, а Акмолинская область была частью Степного края, над которым начальствовал барон Максим Таубе.

12 и 13 ноября 1891 года Городская Управа получила от Омского полицмейстера уведомление для сведения, «что Начальник края Степной Генерал-Губернатор разрешил вывозить из Омска закупленный хлеб Петропавловскими перекупщиками 10 человекам 18 400 пуд. и Акмолинским Губернатором Шадринскому купцу Юкляевскому 1500 пуд.»

Городской Голова Старков «представлением от 15-го того же ноября за №303 просил губернатора воспретить скуп и вывоз хлеба из города иногород-

ним торговцам, чрез которых цена на хлеб быстро возвышалась в городе.

Другим представлением 28 же ноября за № 311 сообщил, что 26 и 27 ноября куплено на рынке города по разрешению полиции казаками Петропавловского уезда повозно до 2-х часов дня, в первый день из 10 возов вывезенных на базаре 100 пуд. и во второй из 5 возов два воза около 50 пуд. При этом еще указал, Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска выдает от себя удостоверение покупать в городе на одну семью 70 пуд. хлеба и что подобный скуп хлеба возами вопреки утвержденного им, Губернатором, обязательного постановления Думы, производится даже до 2-х часов дня, когда горожане имеют лишь право покупать только по нескольку пудов, но не возами, – поведет, к тому, что жители города останутся совсем без хлеба, вывозимого иногородними.

Так же сообщалось, что сама городская полиция скупала хлеб с базара до двух часов дня значительным количеством. По всему этому он, Городской Голова, просил Губернатора воспретить полиции дозволять скуп хлеба с базара возами до указанного постановлением часа, так же и самой не делать такового скупа, при этом просил Его Превосходительство обратить внимание на выдаваемые Войсковым Хозяйственным Правлением удостоверения на закуп хлеба в городе до 70 пуд. на семью.

И что если продолжится таковой порядок скупа хлеба с городского рынка и вывоз его из города, то в городе, в который ввоз хлеба из Тобольской губернии воспрещен, неминуемо будет недостаток хлеба, что не отвратить никакими запасами, если даже Городское Общественное Управление затратит на эти закупы все имеемые в его распоряжении средства, так как городской базар не может удовлетворить потребность в хлебе двух голодающих уездов, если в них не запасено своевременно достаточное количество его по числу жителей».

В ответ на эти обращения Городской голова Старков получил такой ответ от Акмолинского губернатора: «…Уведомляю Ваше Превосходительство, что вывоз хлеба из гор. Омска в местности, пострадавшие от неурожая, разрешается лично г. Главным Начальником края. При этом присовокупляю, что я вместе с сим предложил Омской Полиции покупку хлеба на рынках г. Омска дозволить потребителям в установленном размере до снятия флага, т.е. до 2-х часов пополудни, по снятии же флага покупка хлеба местными хлеботорговцами должна быть совершенно свободна, иногородние же могут покупать с разрешения г. Генерал-губернатора по свидетельствам».

Городская Дума, выслушав доклад Старкова, «постановила: поручить Городскому Голове о вышеизложенном согласно представленному праву Думе ст. 8 Городового Положения подать жалобу в Правительствующий Сенат и просить предложить Акмолинскому Губернатору исполнить законныя просьбы Городской Думы, просьбы Городского Головы. А также разъяснить, насколько г. Степной Генерал-Губернатор и Акмолинский Губернатор имеют право вмешиваться в дела городского хозяйства и как городское управление должно относиться к требованиям этих властей, если оно находит требования для себя неудобным и не по средствам города».

КАК ВЫБИРАЛИ ОМСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

Согласно Городовому Положению 1892 года «Правом участия в выборе гласных пользуются: 1) лица, состоящие в русском подданстве, а также благотворительные, ученые и учебные учреждения и учреждения правительственные, если эти учреждения и лица не менее одного года владеют в пределах городского поселения, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, обложенным оценочным в пользу городского поселения сбором и стоящим по оценке определенной для взимания сего сбора: в обеих столицах – не менее трех тысяч рублей; в губернских городах с населением свыше ста тысяч человек и в городе Одессе – не менее тысячи пятисот рублей; в прочих городах губернских, областных и входящих в состав градоначальств, а равно в более значительных уездных городах – не менее одной тысячи рублей; в остальных городских поселениях – не менее трехсот рублей, и 2) состоящие в русском подданстве лица и учрежденные по законам Империи Общества, Товарищества и Компании, если означенные лица и учреждения не менее одного года содержать в пределах городского поселения торгово-промышленное предприятие, требующее выборки свидетельства: в столицах – первой гильдии, а в прочих городах первой или второй гильдии.

Примечание 1. Указание более значительных уездных городов, приравниваемых в отношении имущественного ценза к городам губернским, областным и входящим в состав градоначальств, предоставляется Министру Внутренних Дел.

Примечание 2. Если несколько лиц имеют недвижимое имущество в общем нераздельном владении, то правом голоса при избрании городских гласных пользуется один из участников владения, по соглашению с остальными.

Из лиц, имеющих право участия в избрании гласных на основании статьи 24 и не состоящих под опекою или попечительством, не достигшие двадцати пяти лет от роду и лица женского пола пользуются сим правом не лично, а через уполномоченных, снабженных от них доверенностями.

За лиц, состоящих под опекою или попечительством, в выборах участвуют их опекуны и попечители. Лица женского пола на участие в выборах могут уполномочивать только своих отцов, мужей, сыновей, зятей, внуков, родных братьев или племянников».

Таким образом, в выборах не участвовали женщины и военные, кроме офицеров, являвшихся домовладельцами. Крупные домовладелицы и купчихи вносились в списки, но сами голосовать не имели права. Но могли передать право голоса по доверенности, заверенной нотариусом, своим ближайшим родственникам: мужьям, сыновьям, братьям… Так, купчиха Шанина передала свое право голоса племяннику.

Многие рабочие не имели собственных квартир или домов, а снимали углы или комнаты, а то и вовсе жили в землянках на окраине города, в так называемых «нахаловках» – участках земли, застроенных без разрешения Городской Управы – поэтому в выборах участвовать не могли.

Отсекалась молодежь, так как в выборах имели право участвовать лица, достигшие 25-летнего возраста. Не допускалось к выборам все еврейское население.

В избирательные списки из предприятий и учреждений были внесены омские мужская и женская гимназии, «Товарищество Викула Морозов и сыновья», хотя Морозов и не жил в Омске, Товарищество братьев Нобелей, которые в Омске даже не были, Тобольско-Акмолинское акцизное управление и другие. Все, таким образом, решала собственность.

В итоге при выборах на 1910-1914 гг. при населении Омска 113 тысяч человек в 1909 году в избирательные списки было внесено лишь 1 316 человек, из них мужчин – 818, женщин – 446, остальные представители предприятий и учреждений.

День выборов назначался думой и утверждался Акмолинским губернатором. Избирательный участок был один на весь Омск и располагался в здании Городской думы.

Сама процедура голосования была непродуманной и громоздкой. Подробно эту процедуру изучил по архивным документам в середине 50-х годов прошлого века омский историк Николай Горбань.

До 1909 года проходило при выборах одно собрание избирателей: сначала на нем записками намечали кандидатов в гласные, а затем баллотировали шарами намеченных кандидатов.

С 1909 года порядок выборов был несколько изменен. Назначалось первое избирательное собрание, на котором записками намечали кандидатов в гласные думы, причем лицо, получившее 5 записок, считалось кандидатом. Понятно, что у каждого стремившегося попасть в думу всегда находилось 5 приятелей, которые выдвигали его кандидатуру.

Позднее назначалось второе собрание, на котором кандидатов в гласные баллотировали шарами.

Процедура выборов была очень затяжной. Избиратели выстраивались в очередь и подходили к урнам или ящикам. На каждого кандидата была отдельная урна или ящик. Избиратель подходил к урне и получал один избирательный шарик. Урна разделена на две части, и в каждой выдвижные ящички. Через отверстие избиратель бросал в урну шарик: если голосовал против кандидата, то бросал шарик налево, а если за кандидата – направо. Затем он шел к следующему ящику, а за ним подходили другие.

Когда проходила вся очередь, городской голова подходил ко всем урнам, выдвигал ящички и, доставая шары, считал их отдельно в каждом ящичке и бросал на тарелку.

В думе имелось около 20 таких ящиков, а кандидатов бывало обычно в несколько раз больше. Поэтому избиратели должны были ждать, когда закончится подсчет первой очереди кандидатов, а затем голосовали за следующих 20 кандидатов и т. д. Времени на это уходило очень много, и занятые делом люди, даже имевшие право голоса, часто не являлись на выборы.

Газета «Омский вестник» 17 марта 1909 г. писала: «Для осуществления

своих избирательных прав каждый избиратель обязывается непосредственным личным присутствием в избирательном собрании минимум три-пять целых дней, что возможно только для человека со свободной профессией или находящихся уже на пенсионном покое от трудов по государственной службе и для лиц, которые задались целью пролезть к общественному пирогу».

Газета подсчитала, что если бы на выборы гласных пришло 1500 человек, то голосование растянулось бы на неделю. Поэтому многие избиратели не приходили голосовать. Так при выборах гласных на 1910-1914 гг. из 1 316 человек явилось лишь 347.

Вот как описывала газета «Омский вестник» выборы в Городскую думу, состоявшиеся 26 сентября 1909.г.: «Избиратели начали собираться задолго до начала выборов. К 11 часам прибыло больше 200 человек. Идут густо, целыми группами. Теснота и сильный шум.

При входе на второй этаж очередь. К столу, где выдают билеты на участие в выборах, тоже выстроилась длинная очередь. Среди избирателей несколько женщин. Это домовладелицы, не знающие, что они не имеют права сами голосовать. Некоторые из них явились... с непременным желанием участвовать в выборах. Эти – после разъяснения им Городового Положения – сожалеют и даже ропщут на свое бесправие.

К 12 часам все комнаты и коридоры полны народа. Выборщиков пришло не так уже много – 375. В 12 часов запись и выдача билетов прекращается, и городской голова Остапенко приглашает избирателей в зал. Избиратели входят в зал, и сторож запирает за ними дверь на замок... Началась баллотировка шарами первых двадцати кандидатов, получивших наибольшее число записок. Выборы затянулись до 10 часов вечера, и из 375 избирателей 120 не дождалось конца и ушло. Последняя девятая очередь кандидатов баллотировалась при наличности 255 человек».

Полностью избрать все число гласных не удалось: из 142 предложенных кандидатов вместо 60 избрано было 53. Кроме того, обнаружились и нарушения. Управа внесла в списки избирателей многих недоимщиков, которые потеряли право голоса до выплаты недоимок. Пришлось проводить повторное собрание выборщиков, на котором из 48 кандидатов было избрано еще 6 гласных. В итоге, одного гласного так и не выбрали. На довыборы пришло всего 184 избирателя.

Состав Омской думы 1910 года оказался таким: чиновников – 20, купцов – 11, дворян – 2, мещан -18, крестьян – 2, почетных граждан – 3, лиц свободной профессии (адвокатов и врачей) – 3.

Дума избрала Городским головой статского советника Василия Александровича Морозова. Он был избран и в 1914 году и оставался Городским головой до революции.

В последней Городской думе, избранной в июле 1917 года, уже преобладали эсеры (54 чел) и социал-демократы (20 чел), но с приходом в 1918 году Советской власти она была ликвидирована. При Колчаке Городская дума была восстановлена, но с возвращением красных вновь разогнана.

КАК ОМИЧИ ИЗБРАЛИ В I ГОСДУМУ ДЕПУТАТА ОТ БОЛЬШЕВИКОВ

Если бы не первая российская революция 1905 года, то никакой Государственной Думы, скорее всего, не было. Первой Госдумой – законосовещательным органом – должна была стать согласно царскому Манифесту о созыве Думы от 6 августа 1905 года так называемая булыгинская Дума. Но в атмосфере нарастания революции выборы не состоялись. 17 октября вышел Высочайший Манифест, который даровал «незыблемые основы гражданской свободы», в том числе и законодательную Государственную Думу. 11 декабря 1905 года был утвержден избирательный закон, по которому в отличие от булыгинской Думы могли участвовать в выборах и рабочие, однако им выделялось лишь 3% депутатских мест.

Ступени выбора

В Историческом архиве Омской области есть дело под названием «Списки лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную думу 1906 г.» (ф. 172, оп. 1, ед. хр. 90), из которого предстает достаточно полная картина подготовки к выборам.

Омский уезд входил в состав Акмолинской области. Городское и оседлое сельское население Акмолинской области имело право избрать в Государственную Думу одного депутата.

Выборы были не прямые: для городских жителей двухступенчатые, для крестьян – четырехступенчатые.

В деревнях проходили сначала сельские сходы, затем – волостные сходы, затем – съезд уполномоченных от волостных сходов (по 2 от каждого), на котором избирались выборщики. Эти выборщики вместе с городскими выборщиками в областном избирательном собрании избирали из своей среды депутата Государственной Думы (см. схему).

В областном избирательном собрании принимало участие 11 выборщиков от

сельского населения и 9 выборщиков от городов Акмолинской области: четыре от Омска, два от Петропавловска и по одному от Акмолинска, Атбасара и Кокчетава. Большее количество выборщиков от крестьянства не случайно, власть считала его основой государства и менее революционным.

9 марта 1906 года от Военного Губернатора Акмолинской области пришло следующее указание:

«Омскому Городскому Голове

На основании ст.10 Высочайше утвержденных 22 февраля правил о применении к областям Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской Положения о выборах в Государственную Думу и дополнительных к ним узаконений, прошу образовать под Вашим председательством Съезд городских избирателей для выбора 4 выборщиков от города Омска в Акмолинское Областное избирательное собрание для выбора одного депутата в Государственную Думу.

Лица, имеющие право участия в выборах по основаниям, указанным в пунктах «а», «б» и «в» ст. 12 Положения 6 августа и в отделах III и IV Указа 11 декабря 1905 года, примут участие согласно ст.11 правил 22 февраля 1906 г. в съезде городских избирателей. Список таких избирателей предложено доставить Вам Омскому уездному начальнику.

При составлении и оглашении списков избирателей руководствуйтесь ст. ст. 6-10 Положения 6 августа и отделами II ,VII и IX Указа 11 декабря 1905 года.

Генерального штаба

Генерал-лейтенант (подпись)»

(ИсАОО, ф. 172 оп. 1 д. 90, л. 154)

30 марта Военный губернатор назначил дату проведения съезда городских избирателей, то есть дату избрания 4 выборщиков в Омске, на 21 мая 1906 года.

Для проведения выборов были созданы городская и уездная избирательные комиссии. Председателем Омской уездной по выборам в Государственную Думу комиссии назначен член окружного суда Л.А. Кудрявый. Председателем городской избирательной комиссии – Городской голова Н. П. Остапенко.

Предвыборное сито

Составлением списка избирателей занималась в Омске Городская управа. Из всех городских организаций, учреждений и предприятий сюда направлялись списки людей, которые имели право участвовать в выборах. Выборы не были всеобщими.

Право участия в съезде городских избирателей, то есть в выборах выборщиков имели: «1) лица, владевшие не менее года в Омске и Атамановском хуторе, на праве собственности или пожизненного владения недвижимым имуществом, обложенным государственным налогом или городским сбором; 2) лица, владевшие в пределах города не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства; 3) лица, уплачивавшие не менее года государственный квартирный налог; 4) лица, уплачивавшие не менее года основной промысловый налог на личное промысловое занятие; 5) лица, не мене года занимавшие в Омске и Атамановском

хуторе на свое имя отдельную квартиру; 6) лица (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживавшие в Омске и получавшие содержание (жалованье) или пенсию по службе государственной или на службе в городских либо сословных учреждениях или на железных дорогах».

В выборах не участвовали женщины и военные, кроме офицеров являвшихся домовладельцами.

Многие рабочие не имели собственных квартир или домов, а снимали углы или комнаты, а то и вовсе жили в землянках на окраине города, в так называемых «нахаловках» – участках земли, застроенных без разрешения Городской управы – поэтому в выборах участвовать не могли. Но, кроме этого, военный губернатор генерал-лейтенант Романов выпустил специальное распоряжение, в котором указывалось, что «рабочие в предприятиях фабрично-заводской промышленности, как таковые, по закону 22 февраля участия в выборах в Акмолинской области не принимают». Зато служащих Сибирской железной дороги по Омскому уезду (кондукторов, стрелочников, агентов контор и т.д.) было 871 человек, т.е. почти каждый шестой имевший право голоса в Омске.

Надо думать, что чиновников Городской управы не очень обрадовала свалившаяся на них работа, делали они ее без энтузиазма, допуская много ошибок в сведениях об избирателях, забывая включить в списки случайно или преднамеренно имеющих право голоса. Любопытно, что в списках избирателей не оказалось будущего депутата Госдумы от Акмолинской области В.И. Ишерского, почетного гражданина Н.В. Ломоносова и И.Л. Петрицкого. Они были внесены в списки решением уездной избирательной комиссии за неделю до дня голосования.

Городские избиратели, не включенные в списки, должны были написать заявление и принести договор о найме квартиры или подтверждение из полиции, многие не хотели заниматься подобной волокитой и в выборах не участвовали. Но были активные граждане, которые, правда, не отличали избирателя от выборщика (орфографические ошибки исправляем):

«Заявление

От содержателя в г. Омске парикмахерской по Тобольской улице в доме Антипина Александра Карловича Франчака

На основании Закона: указ от 11 декабря 1905 г. прошу записать меня в выборщики Государственной Думы.

А.К. Франчак».

Резолюция на заявлении: «*По данному отказать за непредоставлением доказательств на право участия в выборах».*

А вот другое заявление с положительным исходом:

«Приставу Атаманского хутора

Заявление

Покорнейше прошу подтвердить, что я более года проживаю на Атаманском хуторе. С февраля 1905 года я снимаю квартиру у М.И. Горбовского.

Александр Александрович Скрыльников.

Справка

Означенный Александр Александрович Скрыльников проживает в Атаманском хуторе около двух лет.

Пристав Атаманского хутора (Подпись)».

В итоге в списки избирателей по г. Омску было внесено 4 858 человек. В Омске же насчитывалось в 1906 году (без пригородов) 75 788 жителей.

В итоге – депутат от большевиков

Большевики поначалу бойкотировали выборы, но на съезде 20 апреля 1906 г. решили принять участие там, где выборы еще не прошли – в Сибири и на Кавказе.

В омской газете «Степной голос» появилось объявление: «Вниманию избирателей! Съезд РСДРП постановил принимать участие в выборах в Государственную Думу. Омский комитет РСДРП в согласии с этим постановлением выставит своих кандидатов в выборщики по Омску». Кроме большевиков, в выборах в Омске участвовали кадеты и октябристы. Кадеты предложили большевикам выставить совместный список, где три места заняли бы кадеты и один кандидат от РСДРП, но большевики отказались и повели самостоятельную агитацию, хотя времени до выборов 21 мая 1906 г. оставалось мало.

Технология выборов также была непростой. Каждому избирателю приносилась избирательная записка с четырьмя купонами, на которых они в день голосования должны были записать фамилии выборщиков. Дело было новое, и избиратели часто действовали неадекватно, что стало причиной следующего указания:

«В Омскую Городскую Управу

До сведения моего дошло, что рассылаемые ныне Городской Управой избирателям по г. Омску повестки разрываются избирателями на купоны, что в силу ст. 30 Инструкции М-ра В. Д. от 24 февраля делает избирательные записки недействительными.

В виду сего мною сделано распоряжение, что лица, испортившие эти записки, могут получить таковые вновь.

И.д. Военного Губернатора (подпись)

Советник (подпись)

За делопроизводителя (подпись)».

(ИсАОО, ф.172, оп. 1, д. 90, л. 272).

Чтобы облегчить избирателям выбор среди многочисленных кандидатов, партии печатали на своих листовках также купоны, но с фамилиями своих кандидатов. Агитационная кампания мало чем отличалась от современной: партии обливали грязью друг друга, власть благосклонно относилась к тем, кто относился лояльно к ней, в Омске это были октябристы, члены партии «Союз 17 октября».

20 мая, накануне дня голосования, в помещении Городской думы были установлены три урны для голосования, а также образованы из числа членов

городской избирательной комиссии три подкомиссии по числу урн для приема избирательных записок и подсчета голосов.

И вот наступил день голосования.

«Протокол
Омской городской избирательной комиссии
21 мая 1906 года

Ровно в 9 часов утра г. Городской Голова Н.П. Остапенко в присутствии членов избирательной комиссии объявил заседание ея открытым для проведения выборов и предъявил присутствовавшим избирателям три урны для удостоверения в том, что они пусты и не имеют отверстий, кроме предназначенных для опускания записок. Затем урны были закрыты на замки и опечатаны печатью Омской Городской Управы. Ярлыки же, на которые были наложены печати, были подписаны председателем и членами избирательной комиссии. Затем комиссия приступила к принятию избирательных списков, причем делала соответствующие отметки в избирательном списке.

В 9 часов вечера этого же 21 числа заседание комиссии было объявлено закрытым, и допуск избирателей в помещение комиссии был прекращен. После этого отверстия всех трех урн были опечатаны, и председатель объявил присутствовавшим, что избирательных записок согласно отметкам в избирательных списках и подсчитанных подкомиссиями в первой урне 550, во второй – 608 и в третьей – 594.

Председатель комиссии

Члены комиссии».

(ИсАОО, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 90, л. 279).

22 мая с 9 часов утра подкомиссии приступили к подсчету голосов, а точнее избирательных записок и количества заполненных купонов. При этом в протоколах своих подкомиссии отмечали нарушения и неправильно заполненные купоны. К самым распространенным ошибкам относились: не все заполненные купоны, с неполным числом купонов, с одинаковыми фамилиями на купонах, встречались на записках и воззвания от РСДРП.

По результатам подсчета подкомиссиями голосов избирательной городской комиссией был подведен общий итог.

«Протокол
Избирательной городской комиссии
22 мая 1906 года

В 9 часов утра 22 мая 1906 г. Избирательная комиссия осмотрела помещение, где хранились ящики и нашла все замки печати целыми. После этого ящики были перенесены в зал Городской Управы и переданы соответствующим подкомиссиям для подсчета поданных голосов. После выполнения этой работы подкомиссиями городская избирательная комиссия составила прила-

гаемый при сем общий алфавитный список лиц, предложенных в выборщики.

Согласно этого списка избранными по большинству голосов в выборщики по г. Омску оказались следующие лица:

Ишерский Владимир Иванович, получивший 794 голоса, Рахманов Николай Платонович – 735, Навдинис Владимир Петрович – 734 и Корнеев Алексей Игнатьевич – 735 голосов.

Председатель Избирательной комиссии Городской Голова Н. Остапенко
Члены комиссии (подписи)».
(ИсАОО, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 90, л. 284).

Всего же в выборщики было предложено избирателями 146 человек, за многих из них было подано, правда, по 1-2 голоса.

Таким образом, в выборах приняло участие 1752 человека, т.е. чуть более 36 процентов имеющих право голоса. В итоге победил список большевиков, за их кандидатов подано 2 997 голосов, за кадетов – 2 294 и за октябристов – 840 голосов.

В.И. Ишерский

Победа при избрании выборщиков еще не означала победы на выборах в целом. Тем не менее выборщики от городского и оседлого населения Акмолинской области избрали депутатом Госдумы выборщика от г. Омска прошедшего по списку РСДРП врача Владимира Ивановича Ишерского.

Это известие было принято трудящимися с ликованием. 21 июня 1906 года многотысячная толпа провожала депутата в Петербург под красным знаменем с пеньем «Марсельезы».

Социал-демократы создали свою фракцию в Госдуме из 17 человек. Большинство же мест было у кадетов – 161 из 499. Омичу Ишерскому довелось пробыть в ней всего две недели, так как 9 июля 1906 года царь разогнал неуправляемую Думу, которая хотела все и сразу. Просуществовала I Госдума 72 дня. Она начала работу 27 апреля 1906 года, когда до выборов в Омске оставалось больше месяца.

ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ДЕПУТАТА ВЫБРАЛ ЖРЕБИЙ

Одновременно с роспуском I Государственной думы министром внутренних дел стал П.А. Столыпин, который вскоре возглавил и правительство. Осознавая необходимость реформ, он решил опереться не только на жесткие военные меры по успокоению страны, но и на Государственную Думу. Но опыт первой Госдумы показал, что депутатов мало интересовало законотворчество, их интересовала власть, и с правительством они разговаривали языком ультиматумов, потребовав, например, отмены смертной казни и полной амнистии. Поэтому правительство заинтересовано было в том, чтобы отсеять в новой Думе кандидатов, выступающих против власти.

Новый отсев избирателей

Избирательный закон был оставлен старый, но к нему было издано ряд разъяснений. Правительствующий Сенат 24 октября 1906 года дал разъяснение, что понимать под отдельной квартирой, обитатель которой имел право голоса. Из разъяснения Сената следовало, что если рабочий или мелкий служащий имел 2-3 комнаты, но у него был общий вход или общая кухня с хозяевами или другими жильцами, то такие жители лишались избирательных прав.

В этом же разъяснении Сената говорилось, что «нижние служители (вахтеры, курьеры, швейцары, сторожа, кучера, монтеры, ламповщики, истопники и пр.) по занимаемым квартирам, предоставленным от учреждения, в коих они состоят на службе, не подлежат включению в списки городских избирателей и участию в выборах».

Как мы помним, в Омске самыми многочисленными и активными избирателями были железнодорожники – почти каждый шестой. Про них тоже Сенат не забыл: «Не имеют права участия в выборах по получаемому содержанию нижние железнодорожные служащие, сигналисты при постоянных станционных и путевых сигнальных постах, дорожные и мостовые мастера, паровозные машинисты и их помощники, старшие осмотрщики вагонов, а также старшие рабочие (артельные старосты), ремонтные рабочие, путевые сторожа, переездные сторожа, мостовые сторожа и слесари, сторожа при частях пути или отдельных сооружениях дороги, кочегары, вагонные осмотрщики, составители поездов, вагонные смазчики и истопники, дежурные в паровозном сарае, стрелочники, сцепщики, обер-кондукторы и кондукторы. Перечисленные железнодорожные служащие не пользуются избирательными правами и по квартирному цензу, если квартиры отводятся им от железнодорожных управлений».

Городская Управа не гнушалась и махинаций. Так, в списки избирателей были внесены «мертвые души». Если верить просоциалистической газете «Голос степи», Омской Городской Управой было разнесено около 200 повесток покойникам. Газета предупреждала: «Нужно принять меры, чтобы «мертвые души» не приняли участия в выборах».

По правилам о порядке выборов в Госдуму избирательные повестки разносила полиция. Были случаи, когда полицейский просил расписаться в разносной книге, а повестку обещал принести на следующий день и не приносил.

Кроме этого, власти закрывали неугодные газеты, производили аресты.

В итоге в списки избирателей было внесено 4 987 человек. Список этот был опубликован в Приложении к №48 «Акмолинских областных ведомостей» (ИсАОО, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 85).

Предвыборные баталии

Проведение съезда городских избирателей было назначено на 28 января 1907 года. Омичи должны были избрать 4 выборщиков. Голосование производилось в здании Городской думы с 9 часов утра до 9 часов вечера.

Накануне, 27 января, газета левого направления «Степное эхо» писала: «Нам передают, что в Атаманском хуторе почти никто не получил избирательных записок».

В Омске было выставлено три списка кандидатов в выборщики: октябристов, прогрессистов («Прогрессивная группа избирателей») и Омского комитета РСДРП, также от духовенства кандидатура священника Покровского. Кандидатов партии выдвигали на своих собраниях

Провели собрания по выдвижению кандидатов в выборщики октябристы. Большинство записок на собрании получили кандидаты в выборщики Федор Михайлович Ветохин – советник областного правления, купец Степан Семенович Волков, директор Волжско-Камского банка Двинянинов (по 31 голосу) и священник Соломин (33 голоса). После голосования председатель собрания Соболевский сказал: «Теперь обращаюсь к вам, мирные граждане, которых в сущности ведь больше, чем пролетариата; пролетариат составляют только один класс, а мирные граждане всю Россию, – быть в предстоящие выборы настороже и не ошибиться за кого голосовать».

Бурные дебаты проходили на предвыборных собраниях, на которых присутствовала полиция. 10 января Городская дума приняла постановление об отказе в предоставлении театра для предвыборных собраний. Это вызвало недовольство горожан. Городская избирательная комиссия проводила собрание избирателей в цирке Сичкарева. Газета «Степное эхо» отслеживала все предвыборные события, в том числе и собрания:

«***Собрание избирателей***

Беспартийное избирательное собрание 21 января в цирке Сичкарева, устроенное городской комиссией, состоялось под председательством г. Хлебникова и прошло без инцидентов, если не считать только одного предупреждения пристава г. Кабаченко на речь оратора.

Вероятно, это произошло оттого, что был прочитан по настоянию избирателей закон 6-го января 1906 года, мало-мальски гарантирующий свободу избирателям.

Цирк Сичкарева, где проходили предвыборные собрания

На собрании с речами выступили различные ораторы. Речь первого из них была сказана на тему о кандидатах, выдвинутых по г. Омску группою прогрессивных избирателей. Оратор, высказывал недоумение, к какой собственно партии принадлежат кандидаты прогрессивной группы, говорит, что Союза русского народа в Омске нет, октябристы выдвигают список самостоятельно, двое из выставляемых кандидатов, как Яшеров и Пищиков, считаются кандидатами от кадетов, об остальных двух неизвестно».

Эта газета клеймила черносотенцев-октябристов, которые «с развязностью, доходящей до цинизма, позволили позорить первую Государственную Думу» и рекомендовала голосовать за прогрессивную группу или рабочий пролетариат.

«Бойкот Союзу 17 октября

Партия октябристов местного отдела по примеру и форме группы прогрессивных избирателей на этой неделе выпустил свою прокламацию к мирным гражданам с обращением кандидатов в выборщики от октябристов.

Характерно, что эту прокламацию отказались печатать все Омские частные типографии, так что г.г. октябристы принуждены были прибегнуть к услугам типографии штаба Омского военного округа, да и в последней, как нам передают, принудили двух солдат набирать и печатать ее.

А вот что говорилось в воззвании: «Два с половиной месяца ведали эти люди законодательством всей страны и ничего не сумели сделать. Иначе не могло и быть. Слишком много оказалось среди них таких, которые хлопотали не о вас, а о себе. Они прикрывались великими словами народной свободы, они кричали, что сделают бедняков достаточными, дадут права угнетенным, искоренят произвол и несправедливость. В действительности же они стремились захватить в свои руки власть и стать нашими повелителями».

РСДРП отвечала воззваниями в прокламациях:

«Граждане!

Царское правительство снова созывает Государственную Думу. И оно хочет во что бы то ни стало собрать рабскую думу. Оно хочет, чтобы новая дума прикрыла все его злодеяния, чтобы она укрепила над нашей родиной иго царского самодержавия со всеми его преступлениями, насилием и гнетом…

Далеко не весь народ имел право выборов в Думу по закону 11-го декабря. Теперь царское правительство урезало и этот закон: тысячи имевших право

выборов теперь разными «разъяснениями» сената выкидываются из числа избирателей. Выкидываются те, кто победнее, кому нужна свобода и власть народа. Правительство боится друзей свободы и борцов за нее. Оно боится и свободы своих выборов…»

Депутата выбрал жребий

Голосование 28 января происходило так же, как и в I Госдуму. Каждый избиратель должен был заполнить 4 купона, указав в них фамилии выборщиков.

30 января газета «Степное эхо» опубликовала результаты выборов:

1) кандидаты от социал-демократической партии:

В.П. Игнатьев – 968 голосов, А.Я. Малышев – 972, А.К. Виноградов – 1127, П.А. Липин – 964;

2) от прогрессивной партии:

В.И. Пищиков – 878, И.А. Поваренкин – 909, И.Б. Яшеров – 828, И.Л. Янкелевич – 728;

3) от Союза 17 октября:

Ф.М. Ветохин – 252, С.С. Волков, П.А. Соломин – 182, П.Г. Двинянинов – 176.

Таким образом, победил список РСДРП, за них было подано 4 033 голоса, за список прогрессивных избирателей – 3 340 голосов, за октябристов – 805 голосов, за священника Покровского – 188.

Всего участвовало в выборах 2 223 человека, то есть 44, 59% имевших право голоса.

Упорная борьба развернулась на областном съезде выборщиков при выборе депутата Государственной Думы. В первом и втором турах никому из выборщиков не удалось набрать абсолютного большинства голосов. В третьем туре, состоявшемся 14 февраля 1907 года, победителем должен был стать тот, кто наберет относительное большинство голосов. Но результат голосования (по баллотировке шарами) оказался неожиданным. Три выборщика набрали одинаковое количество голосов: Виноградов – 8, Стригин – 8, Литвяков – 8, Баев – 6, Филатов – 4 и Ушаков – 4. Между Виноградовым, Стригиным и Литвяковым был брошен жребий, который выбрал в депутаты второй Государственной Думы эсдека А.К. Виноградова, который был военным врачом.

Так провожали депутата

Преданные избиратели решили проводить депутата в столицу. Как это было, мы узнаем из газеты «Голос степи» № 38, 21 февраля 1907 г.:

«Город Омск провожал своего депутата в Государственную думу Александра Константиновича Виноградова. В ожидании его приезда на вокзале собралось около 300 человек обоего пола. Почти одновременно с публикой появился взвод солдат 3-го батальона Семипалатинского полка и 25-30 казаков под командой двух офицеров. Солдаты с ружьями охраняли все входы в здание вокзала, а возле него расположился бивуаком взвод казаков

Еще до приезда депутата солдаты и казаки неоднократно пытались разгонять публику, которая под угрозами расходилась, а потом собиралась вновь. Минут за 40 до отхода поезда № 5 в зал 1 класса вошел А.К. Виноградов. Одновременно с ним в зале появились кучка офицеров в караульной форме и дирижирующий войсками жандармский ротмистр.

Взоры присутствующих были устремлены на депутата, ожидая, что он скажет на прощанье тем, кто его выбирал и возлагал на него свои надежды. В то время, когда А.К. Виноградов успел сказать несколько слов о задачах второй Государственной думы и той миссии, которая лежит на нем по выполнению им полученного наказа, к нему быстро подошел ротмистр и прервал его: «Здесь говорить нельзя!» Публика протестует и шумит. Тогда ротмистр быстро исчезает из зала и в зал врывается взвод солдат с ружьями, десяток жандармов и казаки... В публике смятенье.

Солдаты впопыхах щелкают затворами ружей, окружают и изолируют от публики депутата и наводят на него дула ружей. Депутат продолжает говорить. Тогда раздается команда плетьми и прикладами разогнать публику. Раздалась команда: «Расходись! Честью просим! Стрелять будем!» И как бы в подтверждение этого отнимают винтовки и наводят на публику…

Произошла страшная паника. Публика бросается к выходам. Солдаты вкладывают в ружья пачки патронов. Приклады и плети беспощадно работают по спинам, плечам и головам застрявшей в дверях публики. В дверях в багажную страшная давка. Крик…Стоны… Избитые… Изувеченные… Потоптанные… Зал первого класса очищен, и публика была вытеснена на платформу. Депутат, стоя на площадке, еще раз пытается произнести речь. Раздается команда жандармского ротмистра: «На приклады и плети». Шеренга солдат «охотников» с приподнятыми вверх прикладами и нагайками устремляется на публику. Депутат соскакивает с площадки и бросается со словами укора: «Солдаты! Солдаты!» между солдатами и публикой, пытаясь приостановить грозящее побоище.

Депутат в общей свалке получает два удара прикладом. Часть публики бросается к нему, чтобы защитить его, другая в панике бежит, получая удары за ударами. Давка, крики женщин, стоны, плач, истерика… Депутат всходит на площадку. Весь костюм его измят, а шарф в свалке изорван на клочки…

Разогнанная и избитая публика окольными путями вновь собралась впереди поезда около депо. Поезд приостанавливается, но верховые казаки и солдаты с площадной бранью давят и хлещут публику.

Поезд проходит дальше, и… проводы депутата в Государственную Думу кончились.

Из публики есть арестованные: во дворе вокзала кое на кого была устроена облава…

Солдаты, по свидетельству многих бывших на этих проводах, были пьяны, чем возмущались даже казаки».

Омск лишают права голоса

Открытие Госдумы состоялось 20 февраля 1907 года. Всего было избрано 518 депутатов. У левых партий было 222 голоса, то есть 43 % голосов, в том числе социал-демократы имели 65 мандатов. У такой Думы было мало шансов на успех.

Просуществовала она 102 дня и 3 июня 1907 года была распущена.

Вскоре после открытия, 2 марта, в Таврическом дворце в зале, где заседала Государственная Дума, обвалился потолок. Случилось это ночью, и никто не пострадал. Но многими было воспринято как недоброе предзнаменование.

III и IV Государственные Думы омичам выбирать не довелось. По закону от 3 июня 1907 года «в тех окраинах, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы должны быть приостановлены». Такой «окраиной» с Омском и другими городами оказался Степной край.

Лишь в 1917 году омичи участвовали в выборах в Учредительное собрание, и на этих выборах победили большевики.

ХРОНИКА ОМСКИХ НАВОДНЕНИЙ

28 апреля 1877 года в Омске случилось крупное наводнение. Были затоплены Луговской и часть Мокринского форштадтов, а также вся Любинская роща, там, где ныне ул. Ленина.

Однако за два с половиной столетия после основания это было далеко не единственное наводнение. И перенос крепости на более высокий правый берег Оми был вызван не только более выгодным положением с военно-стратегической точки зрения, но и постоянной угрозой весенних наводнений. Чертеж второй крепости генерал-поручик Иван Иванович Шпрингер подписал 28 февраля 1765 года.

Вот только самые известные наводнения, случившиеся в XIX веке.

В «Исторической хронике Омска» известный сибирский историк Иван Яковлевич Словцов писал: «В 1818 году многие городские постройки были повреждены. Вода Иртыша в этом году разливом своим 24 апреля потопила на Ильинском форштадте 50 домов, а на Оми – на Воскресенском и Мокринском форштадтах затопила 220 домов. Жители были размещены по другим форштадтам. 27 апреля вода понизилась более аршина. Убыток от наводнения простирался до 4 тысяч рублей. Пострадавшие получили от Кабинета Его Величества пособие».

В мае 1840 и 1845 года затопило Ильинский и Подгорный форштадты.

11 апреля 1881 года затоплено 102 дома. Убытки составили 326 руб. 80 коп.

1892 год – самое крупное наводнение XIX века. Уровень воды поднялся до 652 сантиметров. По улицам прибрежных форштадтов можно было перемещаться лишь на лодках. Затоплен полностью Любинский проспект.

Следует напомнить, что Ильинский форштадт располагался на левом берегу Оми в районе старой крепости, Воскресенский (он же Подгорный) и Мокринский (Мокрый) – на правом берегу.

Наводнение в Омске. Ул. Ленина, 5 мая 1928 г.

Однако все рекорды по уровню воды побило наводнение, случившееся в начале мая 1928 года. Тогда вода поднялась до рекордной отметки – 778 сантиметров.

Из-за жары в горах произошло буйное таяние снегов, приточные реки вскрылись раньше срока, и вода устремилась поверх льда Иртыша. Под напором воды метровой толщины лед был взломан, образовались заторы, и вода поднялась в районе Семипалатинска на 6 метров. На треть была затоплена линия Туркестано-Сибирской железной дороги, люди из сел и аулов едва успевали покидать жилища, глинобитные домики рассыпались на глазах.

Первая подвижка льда в районе Омска началась утром 3 мая, а 4 мая начался ледоход. Вода поднялась до 575 сантиметров. У деревни Захламино, расположенной ниже Омска, образовался ледяной затор, последствия которого не замедлили сказаться.

В городе первой стало затоплять Тверскую улицу (ныне Березовского). За трое суток – 4, 5, 6 мая были затоплены улицы Мокринского и Луговского форштадтов, ул. Ленина (Любинский проспект), большая часть Новоомска (ныне Кировский район) и Ленинск-Омского (ныне Ленинский район). К 10 часам утра 5 мая улица Ленина превратилась в водный канал, из подвалов магазинов устремились полчища крыс, стали выплывать ящики с сахаром, тюки с тканями и прочие коробки.

Несмотря на взрывные работы на льду, не удалось отстоять деревянный мост на Оми, располагавшийся чуть выше по течению нынешнего Комсомольского моста, он был полностью разрушен. Возникла реальная угроза для Железного моста. Однако Железный мост устоял.

Сверху Иртыша принесло два парома, один ударился о ферму железнодорожного моста и разбился, люди, что были на нем, погибли.

А жители Омска не желали покидать даже затопленные дома.

На пике подъема вода стала поступать в нижние этажи ЦЭС, с трудом при помощи насосов электростанцию удалось отстоять. А вот электростанцию кинотеатра «Гигант», располагавшегося напротив нынешнего органного зала, затопило.

Чтобы сбить заторы, были подняты по тревоге три саперные роты. Одна

направлена к железнодорожному мосту, две другие к деревням Захламино и Николаевка. Командир саперной роты, действовавшей у деревни Захламино, рассказал позднее: «В три часа ночи команда из двенадцати красноармейцев и сопровождающий ее обоз, состоявший из четырех подвод с динамитом, двинулись вдоль реки в сторону деревни… Осенние ледовые нагромождения обнаружили перед самой деревней. Как выяснилось, толщина льда в этом месте достигала полутора метров. Чуть ниже по Иртышу уже раздавались артиллерийские залпы. И как только они умолкли, началась работа саперов в месте предполагаемого затора.

И вот первые фугасы заложены. Взрывы последовали один за другим. Но лед сопротивлялся. Пришлось с каждым разом усиливать заряды. Наконец, затор стал сдавать свои позиции. А через несколько часов непрерывной атаки началась подвижка льда. К 19 часам лед с грохотом и шипением устремился в узкий проход.

После окончания взрывных работ последовал приказ: саперам оставаться на местах до окончания большого ледохода».

После того как сошла вода, стали считать убытки. И насчитали на 800 тысяч рублей.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОМСКОГО СПОРТА

Физкультура и спорт в современном их понимании, как средство развлечения и оздоровления, зародились в нашем городе в начале XX столетия. Для основной массы населения потребности в дополнительной физической нагрузке не было. Тому, кто махал весь день косой, молотом или цепом, не нужно было бегать кроссы для здоровья. Хотя игры, которые можно назвать спортивными, были с давних пор: пятнашки, лапта, кулачные бои, конные скачки, катание с горок…

Самыми же «спортивными» людьми в России и в Сибири были, безусловно, казаки. Система физического воспитания в станицах была такой, что с младенчества казак приучался к коню, сабле и пике и овладевал мастерством джигитовки. Не зря, соседи на южных границах Сибири за ловкость и изворотливость называли казаков «лоча», что значит «черт».

К 1905 году в школах и гимназиях Омска появились 6 учителей гимнастики. Но зарплата у них среди преподавателей была самая низкая – 3 руб. 60 коп. в месяц. Не случайно в 1914 году 4 педагога отказались от такой должности.

Дореволюционный спорт в основном держался на энтузиастах. Так, в 1905 году на собственные средства и средства собранные от пожертвований отставной коллежский советник А.Н. Уфимцев в Санниковском саду оборудовал спортивную площадку для детей, на которой были горки, беседки, брусья,

гимнастические лестницы. Площадка пользовалась большим успехом. В 1914 году аналогичная площадка появилась на Шкроевской площади.

Однако две площадки не могли вместить всех желающих. Молодежь шла за город в рощу или на Базарную площадь. Когда заканчивалась торговля, мальчишки начинали гонять тряпичный футбольный мяч, ругались со сторожами, которым мешали подметать. Здесь же катались велосипедисты, они часто протыкали колеса и ругали мясников, разбрасывавших кости.

Велосипед, не смотря на то, что стоил как три коровы, становился с каждым годом все популярнее. Городская дума постановила за езду на велосипеде по городу взимать по 1 рублю за год. В 1905 году в казну поступило 50 рублей, а в 1915 году уже 928 рублей.

В 1912 году был создан Омский спортивный клуб, которым руководил инженер железной дороги Волков. В него входили братья Поляковы, Голущинский, Кунгурцев, Головченко, Бурков и др. К 1915 году в клубе занимались 50 человек.

В 1915 году Алексей Нестерович Головченко учредил «Кружок любителей спорта». 18 января 1915 года Кружок провел соревнования по скоростному бегу на коньках на трех дистанциях. На всех дистанциях победил Евгений Поляков. А его брат Михаил был вторым. Евгений Поляков становился чемпионом Омска в 1916, 1917, 1918, 1926, 1927 и 1934 гг.

Через четверть века А.Н. Головченко вспоминал, что организовать соревнования было непросто. Хотя вход на каток был платный, вся организация ложилась на участников соревнований. Сами они размечали и дорожки. А когда захотели померяться силами с другими городами, чтобы послать в Томск своего чемпиона, пришлось собирать средства по подписному листу из жалких заработков молодежи.

К 1915 году в Омске имелись следующие спортивные организации: Общество самообразования и физического развития, О-во любителей спортивно-атлетических развлечений, Отд. Императорского О-ва спасения на водах, О-во правильной охоты, О-во поощрения коннозаводства, Вольно-пожарное общество, яхт-клуб и 17 футбольных команд (омский футбол ведет свой отчет с 1910 года).

Со временем росло и количество соревнований. Вот только в июле 1914 года: 2 июля – состязание велосипедистов, 6 июля у новой Загородной рощи (район современного парка культуры) футбольные матчи «Комета» – «Марс» и «Якорь – Олимпия», 13 июля – парусные гонки 9 яхт, 22 июля – народные гуляния, в программе которых велосостязания, футбол, бег на разные дистанции, киргизская байга, джигитовка.

27 июня 1915 года состоялся большой спортивный праздник, в программе которого были метания диска и молота, бег на 100 и 1500 м, прыжки в высоту и прыжки с шестом, эстафета, велогонки и футбол. Результаты, правда, по сравнению с олимпийскими чемпионами 1912 г. у омских чемпионов 1915 г. были более чем скромными. В беге на 100 м соответственно 10,8 с и 13,5 с, в прыжках в высоту – 193 см и 135 см, в метании диска – 45 м и 38 м.

После революции физкультура и спорт стали государственной политикой, и результаты не замедлили сказаться. К 1940 году в Омске и области было 45 378 значкистов ГТО, в легкоатлетических секциях занималось 6913 человек, в лыжных секциях – 6497, в волейбольных – 5457.

Появились и свои чемпионы. Так, дочь кондуктора Мария Соснина в 1938 году на первенстве страны по велогонкам заняла 3-е место, а через два года стала первой, как тогда писали «чемпионессой». Марафонец Давыдов стал чемпионом Красной Армии. На соревнованиях в Москве он показал результат 2 часа 36 мин.

Даже в годы войны проводились массовые профсоюзно-комсомольские кроссы. В 1943 году в забегах участвовало около 15 тысяч человек.

После войны ежегодно стали проводиться комбинированные эстафеты на призы газеты «Омская правда». Первый марафонский забег по улицам города состоялся в 1982 году на призы газеты «Вечерний Омск».

Опыт этих соревнований и позволил в 1990 году провести 1-й Сибирский международный марафон.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

Часы и бриллианты от Красных

В течение почти десятилетия перед революцией в газетах «Омский телеграф» и «Омский вестник» рекламировал товары своего магазина Г.М. Красных. Вот что он предлагал, например, в 1909 году: «В большом выборе лучшие часы, золотые и серебряные вещи работы Хлебникова и др. лучших мастеров, а также и заграничные. Масса новостей для подарков, цены добросовестные без всякого запроса…»

Со временем ассортимент мало менялся. Преобладали в нем карманные часы и ювелирные украшения – золото, серебро и бриллианты. Выражаясь по-современному, дилером Г.М. Красных был надежным, судя по этой рекламе швейцарских часов: *«Чтобы не было обмана со стороны продавца и ошибки со стороны покупателя при выборе карманных часов всемирно известной фабрики Г. Мозер и К-о, фабрика снабжает свои часы фабричной маркой и клеймом. Этого оказалось недостаточно, ибо подражания и подделки продолжаются, почему фабрика передала ЕДИНСТВЕННУЮ ПРОДАЖУ своих часов в Омске магазину Г.М. КРАСНЫХ, где почтенная публика будет гарантирована от недоразумений при покупке настоящих Мозеровских часов».* Магазин Красных располагался в доме под гостиницей «Россия» на Любинском проспекте (ныне гостиница «Октябрь»). Сам же Григорий Моисеевич жил поначалу также на Любинском проспекте в доме Тереховой, а в 1911 году перебрался на Семинарскую улицу (ныне Маршала Жукова).

Реклама в газете “Омский телеграф”, 1909 г.

Красных, да не тот

В поисках возможных потомков Г.М. Красных мы обратились к генеральному директору Автоцентр «Ford-Омск» **Владимиру Красных** с вопросом, не передалась ли коммерческая жилка ему по наследству и не является ли торговец золотом и бриллиантами его предком или родственником. «Скорее всего, нет, – ответил он – я, так сказать, пролетарского происхождения. Мой прадед приехал в Омск после революции девятьсот пятого года из Вятской губернии и работал кузнецом на заводе Рандрупа, участвовал в забастовках и даже вывозил на тачке управляющего завода. А дед Владимир Павлович был в 1930-е годы вторым секретарем горкома комсомола. В музее агрегатного завода есть фотография прадеда и материалы о нем…»

Заведующий музеем ОАО «АК «Омскагрегат» Ю.Д. Бахмат любезно предоставил нам имеющиеся материалы, из которых основными являются записи деда Красных Владимира Павловича об участии своего отца Павла Андреевича в революционном движении, написанные в 1975 году по просьбе секретаря парткома агрегатного завода.

Действительно, Павел Андреевич Красных приехал в Омск в 1907 году из Белой Холуницы Слободского уезда Вятской губернии. На Белохолуницком заводе он также работал кузнецом, в овраге за кузницей соорудил тайник для хранения шапирографии, где подпольщики печатали листовки. Занимался подготовкой вооруженного восстания и экспроприациями винтовок в г. Слободском в 1906 году. Часть винтовок закопал в подполе родственников жены. В 1907 году в город были введены части казаков и горцев, и из-за угрозы ареста он переехал в Омск. Здесь также включился в революционное движение и участвовал в забастовке 1908 года на заводе Рандрупа, а с братом Василием был зачинщиком в инциденте с управляющим. Эту историю и рассказал позднее Василий Андреевич своему племяннику Владимиру Павловичу.

Ненавидеть управляющего Лоранжа у рабочих были все основания. Вот как он обращался с рабочими (газета «Голос степи», 23 января 1907 г.): «Лоранж нередко делает рабочим самосуд: дерет за уши, дает пощечины и т.п. И удары Лоранжа не легки. На днях Лоранж так ударил мастерового, что тот полетел, как мячик, упал на железные плуги. У одного рабочего от удара Лоранжа целую неделю не поднимались руки, и он не мог работать». Рабочие решили проучить управляющего.

Павел Андреевич заговорил управляющего, а подкравшийся сзади его брат Василий схватил управляющего за плечи и усадил в тачку, в которой его

вывезли с территории завода. Управляющий вызвал полицию. Он заметил, что тот, кто его схватил сзади, был в красной косоворотке. Полиция стала искать рабочих в такой одежде. Узнав об этом, братья перелезли через забор, перебежали улицу к дому, где жил Павел, переоделись и вернулись тем же путем на завод. Ареста удалось избежать, но угроза такая оставалась и в 1909 году Павел Андреевич с семьей перебирается на Урал, а оттуда перед войной вновь переезжает в Белую Холуницу.

Во время войны Павел Андреевич приезжал на побывку. Однажды ночью к нему пришли несколько мужчин и забрали закопанные винтовки. А на следующее утро пришли военные, и Павел был отправлен этапом на фронт. Позднее пришло извещение, что «ратник Красных» пропал без вести.

ОМСКАЯ ЖИЗНЬ НА ФОНЕ ВОЙНЫ

Первая мировая война к концу 1915 года была в самом разгаре. Омские газеты не могли остаться в стороне от такого грандиозного события и посвящали целые полосы войне. И хотя Омск был глубоко тыловым городом, где жизнь, казалось, практически не изменилась, однако война чувствовалась и здесь. В какой мере, предлагаем оценить по выдержкам из ноябрьских номеров 1915 г. газеты «Омский телеграф».

ИЗ ХРОНИКИ

Цены на мыло установились: ядровое 7 р. 20 к., мраморное 6 р. 60 к., «Победа» 7 р. 20 к., пальмовое 10 р. 60 к., пуд; фунтами же 22, 17, 20 и 28 коп.

На кустарном складе Вятского земства ожидается партия мебели, различных корешковых изделий и игрушек. Предполагается для обслуживания местного края начать обширное распространение изделий совместно с пермскими кустарями.

На пароходных пристанях зазимовались доставленные из Семипалатинска свыше 20 000 пуд. овечьей и бараньей шерсти, которая пойдет по жел. дороге в Москву.

Недостаток рабочих рук. Ощущается недостаток рабочих рук – плотников, кузнецов и слесарей. Сельскими хозяевами увозится для работ много военнопленных.

Цена на спички. Оптовые торговцы спичками начали отпускать их по 20 руб. за ящик. Мелкие торговцы от такой покупки отказываются, мотивируя отказ тем, что нет расчета менять деньги на деньги.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ. Омский окружной суд утвердил конкурсное управление по делам несостоятельного должника – экономического общества офицеров Омского гарнизона.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ВЕСТИ

Отмена льгот. По распоряжению высшей железнодорожной администрации сделана отмена внеочередных покупок пассажирских билетов из станционных касс на золотые монеты.

Антигерманизм. Управление Южных жел. дорог уведомило Омскую жел. дорогу, что произошло переименование станций, носящих немецкие названия: «Клеймихелево» в «Ржаево», «Роблизерово» в «Шебекино», «Рейхсфельд» в «Плодородие», «Рерберг» в «Гусаровка», «Майорово» в «Ивковка», но с сохранением прежних названий на пассажирских билетах в различных бланках до полного израсходования их.

Выручка гор. ветки. Курсирующие по гор. ветке пассажирские поезда за октябрь месяц принесли валовой выручки 17 000 руб., т.е. в среднем немного более 500 руб. в сутки.

РАЗНЫЕ ВЕСТИ

Зачисление в присяжные поверенные. В совет присяжных поверенных поданы прошения о принятии в число присяжных поверенных Омск. Окр. суда Я.М. Ароновым, М.Г. Гинзбергом, С.Л. Янкелевичем и помощн. присяжных поверенных П.Ф. Ждановым и В.Л. Айзиным.

Рождественский базар. Омская община сестер милосердия выписала из Москвы и Петрограда различных елочных украшений (картонажи, ватные игрушки и проч.) и кустарные изделия. При выписке община избегала покупать игрушки, которые, разбиваясь, могут нанести серьезные поранения детям, а также и легко воспламеняющиеся украшения. Базар предполагается открыть в первых числах декабря.

Недельный бюллетень о важнейших заразных болезнях в г. Омске от 28 октября по 3 ноября. Ветряная оспа – 5; натуральная оспа – 20; скарлатина – 30; дифтерит – 3; корь – 18; тиф брюшной – 17, возвратный – 1; рожа – 3; заушница – 1; дизентерия – 5.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Кражи. У Я. Козлова, прож. на Кирпичной ул. в д. Голубева, совершена кража трех ломовых саней, стоявших у ворот, на сумму 80 руб.

У И.К. Филиппова, прож. по Сергиевской ул. в д. Шабалина, из незапертой квартиры совершена кража костюма и пальто на сумму 85 руб.

У старшего медицинского фельдшера И.Ф. Петухова, прож. по Скорбященской ул., в соб. доме из незапертой прихожей квартиры совершена кража мужской шубы стоимостью 120 руб.

Аресты. Чинами полиции задержаны: кр. Воронежской губ. гр. Отводин, укрывающийся от воинской повинности и новобранец А.А. Красов, бежавший из военного госпиталя, где он находился на испытании.

ГОРОДСКАЯ ДУМА

Заседание 3 ноября

Заседание открыто в 7-30 вечера под председательством члена управы Н.М. Галкина. В порядке спешности было заслушано заявление представителя городской продовольственной комиссии о положении дел в последней. На разрешение думы были поставлены следующие вопросы: разрешение кредита местному обществу потребителей и отпуск ему муки, а также об изменении условий с контрагентами. Вопросы, касающиеся о-ва потребителей, отложены думой до заключения управы. Вновь предложенные условия контрагентов города по доставке муки сводились к следующему: повышение оплаты за помол на 2 коп., обязательная для города приемка муки в течение года до 700 тысяч пудов; в случае невыполнения условий устанавливается неустойка в сумме 30 тысяч рублей. По мнению комиссии, все новые условия, кроме неустойки, приемлемы.

ТЕАТР И МУЗЫКА

Городской театр

«Жрица огня», в 3 д. В. Валентинова

Первый спектакль гастролирующей у нас опереточной труппы показал, что труппа обладает хорошим оркестром и солидными силами, как г-жа Милич, г.г. Градов и Николаев-Мамин.

Нужно отметить хороший ансамбль, грациозные танцы и хорошие костюмы.

Большой успех имели куплеты г. Градова, хотя нельзя не указать, что мера, рекомендованная куплетистом – «всыпать», и стара, и груба.

Однако, чем дольше шла война, тем больше становилось основной массе омичей не до театра и кино. Если в 1915 году базарные цены на продукты первой необходимости выросли по сравнению с довоенными на 15-25 процентов, то к осени 1917 года они подскочили в 4-10 раз, как видно из таблицы, составленной нами на основании дел из фонда Городской управы (ф. 172) Исторического архива Омской области (дд. №219, 311, 458, 461). При этом, например, дневной заработок столяра, маляра, кузнеца, плотника и слесаря за этот же период вырос лишь в 2-3 раза.

Наименование продукта	Сентябрь 1913 г.	Октябрь 1915 г.	Сентябрь-октябрь 1917 г.
Пшеничная мука за пуд:			
- сеянка	0-90 – 1-20	1-50	3-53 – 8-00
- простого помола	0-80 – 1-00	1-20	4-50 – 6-00
Ржаная мука за пуд	0-60 – 0-80	1-20	Нет данных
Крупа гречневая за пуд	1-00 – 1-20	2-50	10-20
Крупа просовая за пуд	1-00 – 1-20	1-80 – 2-20	6-00 – 10-00
Мясо скотское 1 сорта. за пуд	4-80 – 5-20	5-20	12-00 – 16-00
Масло скоромное за пуд	12-00 – 14-00	16-00 – 17-00	90-00
Чай байховый за фунт	1-20 – 2-50	-	2-00 – 8-00
Сахар пиленый за пуд	6-00 – 6-50	8-80	Нет в продаже
Соль молотая за пуд	0-20 – 0-35	0-45 – 0-80	0-90 – 3-20
Картофель за пуд	0-30 – 0-40	0-50 – 0-60	0-70 – 2-00
Капуста за 100 вилков	2-00 – 10-00	3-00 – 6-00	10-00 – 50-00
Сало скотское нетопленое за пуд	6-00 – 8-00	10-10 – 10-65	24-00 – 28-00
Лук за пуд	0-70 – 1-00	1-60 – 2-60	5-00 – 10-00
Яйца за 100 шт.	-	2-00 – 3-50	10-00 – 15-00
Нельма за пуд	12-00 – 16-00	20-00 – 30-00	80-00
Сено за пуд	0-20 – 0-35	0-35 – 0-40	1-20 – 2-00
Овес за пуд	0-45 – 0-55	0-70 – 0-75	3-50 – 6-00
Дрова березовые 9-вершковые за 1 погонную сажень	5-00 – 6-50	-	25-00 – 50-00
Керосин за пуд	2-30 – 2-40	2-50 – 2-60	5-25 – 7-00
Мыло за пуд	2-40 – 4-40	6-00 – 8-00	22-00 – 49-00

Городская дума регулировала цены на важнейшие продукты. Так в июне 1915 года была установлена цена сахара для оптовиков 7 руб. 75 коп. В Мариинске было закуплено 10 вагонов сахара по цене 6 руб. 35 коп., который для предотвращения скупки торговцами продавался лишь через потребительские общества и различные организации. При Омском комитете Союза городов работала Комиссия по дороговизне жизни.

При Колчаке цены подскочили на порядок. В марте 1919 г. пшеничная мука 1-го сорта в продаже была по 56 руб. за пуд, 2-го сорта – 45 руб., 3-го сорта – 36 руб. Соль – 10 руб. за пуд. Цена белого печеного хлеба с 3 руб. 60 коп. в сентябре 1917 г. возросла до 70 рублей за пуд к марту 1919 г. (ИсАОО, ф. 172, оп. 1, д. 503). Прожиточный минимум оценивался в это время в 500 руб. в месяц. Мастеровые депо получали 250-300 руб. в месяц.

С марта по октябрь 1919 г. цены еще возросли: мясо с 1 руб. 60 коп. за фунт до 11 руб. 50 коп., масло с 7 руб. за фунт до 40 руб.

«КОМПАНИЯ ЗИНГЕР» В ОМСКЕ

Отделения, депо, сборщики…

Американская компания «Зингер и Ко» была основана выходцем из Германии Исааком Зингером, после изобретения им швейной машины в 1851 году. В России Акционерное общество «Компания Зингер» было основано в 1897 году бывшим торговым агентом компании «Зингер» германским подданным Георгом Нейдлингером совместно с англичанином Дугласом и американцем Джильбером Парком. Устав и деятельность общества утвердил Николай II. Однако доставка машин из-за границы требовала больших расходов, и поэтому в 1902 году акционерное общество открыло собственный завод в Подольске. И швейные машины этого завода вместе с американскими машинами прочно завоевали российский рынок.

Успех был обеспечен не только качеством, но и новой системой продажи: впервые машины продавались в рассрочку.

Компания имела четкую структуру. Во главе русского Правления стояли 4 директора, при которых было 3 доверенных лица и 3 ревизора. Правление компании располагалось сначала в С-Петербурге, а с 9 июля 1912 г. в Москве на Старой площади, 8 (Боярский двор).

Правлению подчинялись 51 управляющий центральными отделениями, разбросанными по всей стране. В состав центральных отделений входили 25 депо (магазины-склады с конторами). Во главе депо стоял заведующий, у которого было 20-30 сборщиков, продававших машины в своих районах в кредит и собиравшие деньги с должников. В Сибири центральные отделения были в Омске, Томске, Барнауле, Иркутске и Владивостоке. Омское центральное отделение имело депо в Омске, Атбасаре, Петропавловске, Акмолинске и других городах.

После революции компания «Зингер была национализирована, а в 1920 г. постановлением ВСНХ торговый аппарат перешел в ведомство «Главпродукта», при котором была учреждена специальная «Правительственная комиссия по делам компании «Зингер».

Мраморный умывальник – безумная покупка

В Историческом архиве Омской области сохранилась переписка Правления АО «Компания Зингер» с центральными отделениями в Омске и Владивостоке (ф. 108, оп. 1. д. 2). Любопытно, что переписка с Омском велась преимущественно на немецком языке, а с Владивостоком на русском. Возможно, потому, что управляющим омским отделением был немец Торндорф. К слову, его оклад в 1910 году был 100 рублей в неделю, т.е. более 5000 руб. в год, а годовой оклад в этом же году Городского головы Морозова был лишь 3000 руб.

Компания заинтересовывала материально и рядовых сборщиков. Вознаграждения за продажу ручной машины стоимостью до 60 руб. составляло 3 рубля, стоимостью более 60 руб. – 4 рубля, за продажу ножной машины стоимостью до 100 руб. – 6 рублей, более 125 руб. – 10 рублей. Вознаграждение с задатка при продаже в рассрочку – 10% в городе и 20% в уезде, с денег (кроме задаточных), собранных с должников – 5% в городе и 15% в уезде. В трудном 1918 году служащие «по случаю дороговизны» получали единовременное пособие в размере 1 ¼ еженедельного оклада.

Естественно, что недостатка в служащих не было, и компания производила постоянный контроль персонала. Так, сборщик из омского отделения Алексей Мельников перебрался в центральное отделение Екатеринбурга, и С-Петербург просил сообщить о нем сведения по соответствующей форме. При этом такие переходы не поощрялись. Правление объясняло: *«…Подобное переселение служащих убыточно на интересах нашего общества. Каждый заведующий центральным отделением ценит хороших служащих и поэтому хорошие служащие не имеют повода менять свою службу. Кто странствует, того можно, в крайнем случае, причислить к среднему, а часто даже к негодному материалу. Поэтому просим все предложения услуг, поступающие к вам устно или письменно, оставлять без последствий».* У проштрафившихся вернуться не было шансов. В сентябре омское отделение, как и другие центральные отделения, получило следующее предостережение: *«По увольнении заведующего центральным отделением Перми г-на Майера оказались неисправности по службе у следующих лиц главной конторы и склада: Константина Бригмана, Юлиуса Гоппе, Карла Гоппе. Извещая об этом, предлагаем иметь в виду не принимать более ни на какую службу поименованных лиц».*

Персонал был не вправе заниматься «другим делом для третьих лиц, кроме сбыта машин». Так Правление пресекло попытку книжного издательства «Культура» привлечь сотрудников компании для сбыта своих книг на комиссионных началах.

Правление бдительно следило и за расходованием средств. Получив списки инвентаря, правление из С-Петербурга писало в частности:

«…На что нужно Вашему депо «Омск-город» две повозки? Мы думаем, что этому депо достаточно одной повозки и поэтому просим Ваше объяснение.

Также находим, что депо Семипалатинск имеет слишком дорогие зимние повозки в 125 руб. Просим сообщить нам, кем и когда было дано разрешение на приобретение этой повозки.

Депо Петропавловск-город имеет мраморный умывальник в 95 руб. Мы не можем себе объяснить, как Вы могли дать разрешение на эту безумную покупку. Несмотря на то, что упомянутый умывальник показан в списке как приобретенный в 1907 году, мы этот расход не находим в Ваших отчетах. Просим подробное объяснение.

Какие предметы вы подразумеваете под канцелярскими принадлежностями в 24 руб.? Вам должно быть неизвестно, что канцелярские принадлежности мы к инвентарю не причисляем.

Большинство Ваших депо не имеют копировальный пресс, чем копируют депо свои письма?»

Ножницы для «странствующих» портных

Кроме ручных и ножных машин, выпускались и специализированные машины. 11 марта 1910 г. Владивосток получил извещение из столицы: «… Цены на скорняжные машины 46К26, 46К27 и 46К28 с 1 марта 1910 г. повышены с 80 руб. до 100 за головку и со 105 до 125 руб. за комплектную машину. При продаже за наличные на эти цены допускается скидка до 33 1/3 %». Как видим, цены достаточно высоки, за такие деньги можно было купить две лошади.

К машинам компания выпускала различные запчасти и насадки. Уже тогда был штопальный аппарат по цене полтора рубля. Выпускала собственные нитки «Зингер». Для «странствующих» портных завод в Подольске наладил производство специальных ящиков-сундуков для перевозки, чтобы предохранить машину от повреждения. В ящик вкладывались «прочные портновые ножницы». Стоимость ящика и ножниц – 3 рубля.

Для облегчения финансовых операций компании Сибирский Торговый банк открыл текущий счет №1749 в С-Петербурге. Поскольку филиалы банка были в Омске, Кургане и Семипалатинске, то депо «Компании Зингер» в этих городах предписывалось переводить римессы (платежи) на текущий счет в этих филиалах.

В тюрьму за товарный знак «З»

Большое значение уделялось рекламе. Самой распространенной формой были «З»-плакаты, т.е. плакаты с товарным знаком компании, на которых рекламировалась выпускаемая продукция. На одном из плакатов была изображена женщина, фигура которой рисовалась по-разному. А с октября 1911 года на плакате должна была быть женщина, изображенная художником Табуриным. В каждом магазине были плакаты с изображением дома Зингер в Санкт-Петербурге или Нью-Йорке, с изображением изделий и фабрики в Подольске. Кроме плакатов, выпускались календари и карандаши.

В казармах, интендантских складах, больницах, рабочих домах и других общественных учреждениях распространялись рекламные кружки по цене 15-20 коп., дешевле, чем у торговцев хозтоварами. Также распространялись глубокие тарелки диаметром 24 см со знаком «З» на внутренней стороне, их предписывалось распространять по цене не дешевле 20 коп.

Для рекламы использовались как центральные, так и местные газеты, в частности «Омский телеграф». В «Омском телеграфе» в разгар 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки была напечатана статья о компании «Зингер» и ее экспонатах.

Свой товарный знак компания ревностно оберегала. В июле 1911 года все центральные отделения получили извещение, что «…некая «Компания Эдесон» (так в тексте – П.Б.) в районе центрального отделения Вильна подделала наш товарный знак «З». Мы возбудили процесс, и владелец этой фирмы приговорен к двухмесячному тюремному заключению».

Газета «Виленский вестник» опубликовала об этом случае статью, которую правление разослало и рекомендовало перепечатать в других областных изданиях. Так сказать, для острастки!

Распорядитесь вернуть телефон!

Впрочем, покушения были не только на товарный знак. Так один мошенник по подложным паспортам на имя трех крестьян устраивался в различные депо на работу, совершал растрату и исчезал. А в центральном отделении Новороссийска произошла кража денег и имущества со взломом. Хотя, сетовало правление, на охрану ограбленного магазина ежегодно тратилось около 100 рублей. Если вдуматься, тратилось весьма немного. В это время оклад сторожей в Омске составлял 15-20 рублей в месяц.

В Госархиве РФ нами обнаружено любопытное дело, касающееся заботы о сохранности имущества компании после революции (ф.1700, оп.5, д.44). Опасаясь реквизиций со стороны Советской власти, компания заручилась поддержкой Американского Генерального Консула, который 5 апреля 1918 года выдал ей следующее Удостоверение:

«Настоящим удостоверяю, что предприятие Акционерное общество Компания Зингер является Американским и находится под защитой Американского Правительства.

Ввиду вышеизложенного никакие обыски, реквизиции или захваты по отношению к упомянутому предприятию недопустимы без согласия на то Американского Генерального Консула».

Но проблемы возникли не с красными, а с белыми.

«Расписка

Дана сия прапорщиком Бархатовым в том, что согласно распоряжения Уполномоченного Министра Внутренних Дел, реквизирован мною телефон столовый у Компании Зингер на Любинском проспекте, в чем и дана настоящая расписка.

21 октября 1918 г. Прапорщик Бархатов».

Однако компания с этим не согласилась, и 13 декабря 1918 г в МВД получили такую бумагу.

«Г-ну Министру Внутренних Дел в г. Омске

Во время моей служебной поездки в магазине К-о Зингер реквизирован телефон №689. Между тем реквизиция эта является нарушением Международной Конвенции и Американских прав. Представляя при сем копию удостоверения Г. Американского Генерального Консула и копию расписки в реквизиции телефона, имею честь покорнейше просить Вас, Господин Министр, не отказать сделать по телефону распоряжение о возвращении реквизированного телефона на место.

Уполномоченный Американской компании Зингер И.Н. Мовчанов».

Министерство не удостоило их ответом, полагая, видимо, что американские союзники могли бы не жлобствовать и поделиться такой мелочью. Однако компания не успокоилась и продолжала донимать министерство письмами на бланке Американского Консула и в 1919 году. Но, похоже, телефон ей так и не вернули.

IV.

ОМСК БЕЛЫЙ И СОВЕТСКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ «ТРЕТЬЕЙ СТОЛИЦЫ»

Великая Октябрьская социалистическая революция или октябрьский переворот? Закономерный итог трехвекового взаимоотношения национальной элиты и народа или масонский заговор? Результат вырождения монархии или удачные происки германского генштаба, подбросившего России в пломбированном вагоне пораженца Ленина? Эти вопросы часто поднимаются в многочисленных дискуссиях. Но вряд ли есть на них однозначный ответ.

Без Февраля не было бы Октября

Пожалуй, можно утверждать твердо лишь одно и согласиться с Александром Солженицыным, что главные события случились не в октябре, а в феврале после отречения царя и перехода власти в руки либерально-демократического Временного правительства. Это правительство действительно оказалось временным, и результаты его правления катастрофическими для страны.

Между бесконечной говорильней в Госдуме о правах человека и свободе и практическим управлением гигантской страной, находящейся в состоянии войны, оказалась пропасть, в которую эта страна и рухнула. Разложение армии (Приказ №1), сознательное или по дурости сегодня не имеет значения, двоевластие, а практически безвластие, приведшее к бардаку и голоду в столице – вот первые шаги к анархии… Но главным «достижением» Временного правительства стал развал страны. Не только Польша, Финляндия, Украина и Кавказ объявили об отделении от России, но даже казаки на Дону провозгласили создание собственного государства! Не случайно в годы Гражданской войны 40 процентов командиров в Красной армии были бывшие царские офицеры. Они увидели в красных силу, способную восстановить государство, на которое со всех сторон стали наползать иностранные интервенты.

Власть досталась большевикам легко, но удержать ее они бы не смогли, не будь у них на местах по всей стране идейных партийцев. Омск в этом смысле не стал исключением, ведь в семнадцатом году никто не знал, что волей судьбы ему скоро предстоит стать «третьей столицей». После получения известия об отречении царя в Омске 2 марта был организован Коалиционный комитет – буржуазно-демократический орган. В этот же день генерал-губернатор Н.А. Сухомлинов обратился к войскам и населению Степного края с призывом сохранять спокойствие, демонстрируя этим, что он представляет законную власть. Но его уже никто не слушал. 3 марта приступил к работе Омский Совет рабочих и военных депутатов.

Вот как описывает события 3-4 марта 1917 года газета «Омский вестник»:

«3 марта в 6-7 часов вечера начались митинги: в Общественном собрании – митинг штатских, в «Гиганте» (кинотеатр – П.Б.) – митинг военных. В это время в помещении Городской управы заседал Коалиционный комитет, в

помещении же Омского отдела Московского общества сельского хозяйства – Совет рабочих депутатов. На улицах было оживление. Кафе, рестораны, кинематографы работали как всегда.

В двенадцатом часу ночи Совет рабочих депутатов вынес свое решение: арестовать представителей старой преступной власти и заменить ее представителями первой демократической власти. Приведение в исполнение этого постановления Совет поручил своему исполнительному комитету.

К часу ночи митинг в собрании закончился. Участники разошлись.

В «Гиганте» митинг продолжался до 3 часов ночи.

На митинге присутствовало до 1500 человек. В 3 часа ночи участники митинга разошлись по своим частям и начали агитационную работу.

В 7 часов утра по городу началось торжественное шествие революционных войск гарнизона. Вооруженные войска шли в образцовом порядке и привлекали всеобщее внимание. Некоторые из частей шли с развернутыми знаменами и оркестрами.

В 3 часа дня на дворце генерал-губернатора на место трехцветного флага, снятого еще ранним утром, был поднят красный. Трудящиеся и войска, проходившие мимо дворца, приветствовали поднятие флага криками «Ура»…

Вечером 4 марта состоялось в театре заседание Совета рабочих и военных депутатов, в коммерческом клубе – собрание торгово-промышленных служащих и в общественном собрании – митинг.

Все собрания и митинги прошли при огромном стечении публики и в полном порядке».

К этому следует добавить, что уже к 5 утра 3 марта руководители царской администрации были арестованы. К операции привлекались добровольцы, в том числе учащиеся старших классов училищ и гимназий.

Таким образом, в Омске, как и в столице, установилось двоевластие. Не было единства и в Совете: наряду с сильной большевистской группой в нем были и меньшевики-оборонцы и меньшевики-интернационалисты. Между ними развернулась борьба по основным вопросам тех дней: об отношении к войне, к Временному правительству и его органу в Омске – Коалиционному комитету, о сокращении рабочего дня и др.

29 марта 1917 года Совет рабочих и военных депутатов, несмотря на противодействие меньшевиков, принимает постановление о введении 8-часового рабочего дня для рабочих учреждений и предприятий г. Омска и его окрестностей. В этом вопросе Омск бежал, как говорится, впереди паровоза и потому последний пункт постановления гласил: «Независимо от этих постановлений Совет признает необходимым обратиться через Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов к Временному правительству с указанием на необходимость безотлагательного введения в стране в законодательном порядке 8-часового рабочего дня».

В апреле-мае началось формирование отрядов Красной Гвардии.

В июле большевики неудачно попытались захватить власть в Петрограде. Начались их преследования. Керенский дал указание предать военному суду

начальника штаба Омского военного округа генерала А.А. Таубе, занявшего сторону революционеров, но военно-окружной комитет опротестовал это решение и, опираясь на красногвардейцев, не дал в обиду «красного генерала».

13 августа в Омске прошла 25-тысячная демонстрация рабочих, солдат и казаков. Большевики становились влиятельной силой и прибирали власть к рукам.

После неудачной попытки Корнилова сбросить Временное правительство Омский Совет сместил командиров частей, не поддерживавших большевиков, и распустил Коалиционный комитет. 12 октября произошло размежевание с меньшевиками. Председателем Омского городского комитета РСДРП(б) был избран З. Лобков, секретарем Я. Анисимов.

Октябрь уж наступил…

Весть о захвате власти большевиками в столице пришла в Омск утром 26 октября. В городе начались митинги и собрания с требованием передачи власти в руки Советов.

29 октября состоялся парад войск, организованный большевиками. В параде участвовало около 800 красногвардейцев, в основном из рабочих железнодорожных мастерских и промышленных предприятий.

А 1 ноября 1917 года произошло выступление юнкеров Омской школы прапорщиков, которые поддерживали Керенского и входили в «Союз спасения отечества, свободы и порядка». Они захватили склад вооружения одного из полков, заняли штаб округа и задержали вызванного в школу командующего войсками.

Посланные большевиками красногвардейские отряды быстро подавили мятеж. А поскольку меньшевики в этом вопросе занимали примиренческую позицию, и Совет не проявил должной решимости, 11 ноября были проведены перевыборы Совета. В результате в Совете оказалось 64 большевика, 17 меньшевиков-интернационалистов, 25 эсеров, 25 социал-демократов-небольшевиков, 2 кадета и 81 беспартийный. 25 ноября председателем Совета был избран В.М. Косарев.

На своем втором заседании Совет 30 ноября большинством голосов поддержал предложение большевистской фракции об установлении в Омске Советской власти.

Омск становится опорным центром по установлению Советской власти в Сибири. Не случайно 3 декабря в Омске открылся III Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд провозгласил установление Советской власти на территории всей Западной Сибири.

Однако были и попытки сопротивления новой власти. 22 декабря забастовали чиновники 60 учреждений города.

В ночь на 19 февраля 1918 года в город ворвался отряд Анненкова. По колокольному набату у Кафедрального собора стали собираться противники советской власти. Но эту попытку вооруженного переворота пресекли красногвардейцы.

Омские красногвардейцы участвовали также в подавлении мятежей в Тюмени, Ишиме, Петропавловске и Ялуторовске.

5 января 1918 года был введен рабочий контроль над производством, распределением продуктов и финансов предприятий. Проведена национализация завода Терехова, плугостроительного завода Рандрупа, дрожжевого завода Поклевского-Козелл, лесозавода и паровых мельниц Жернакова и др.

Кроме того, Омск становится центром по снабжению Советской республики хлебом. Привычное мнение из школьной программы, что продотряды появились в период продразверстки в 1921 году, неверно Продотряды колесили по Омской области уже в конце 1917 – начале 1918 года. 5 января 1918 года Краевой совет писал в Петроград Совету Народных Комиссаров: «Товарищи, посылаем вам маршрутный поезд с хлебом. Просим вас этим же поездом отправить нам в Омск, кроме обещанной вами мануфактуры и металлических изделий, денежных знаков в возможно большем количестве.

Ставим вас в известность, что с 13 декабря Омская железная дорога не перевозит продовольственных грузов на Запад, а также не производит погрузку в этом направлении хлеба и др. продуктов. В ожидании отправки более тысячи вагонов с продовольствием стоят на Омской дороге. Администрация дороги ссылается, что следующие дороги не принимают от Омской вагонов…

Просим вас назначить чрезвычайную комиссию для расследования загадочного этого явления».

Ленин накладывает резолюцию: «Передать Шлехтеру и Невскому с просьбой архисрочно помочь этим людям, производящим прекрасное впечатление, ибо только такие отряды (40-60 человек с места) в состоянии спасти от голода».

Но дальнейшие события помешали осуществить эти указания.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА. ГРАЖДАНСКАЯ

7 июня 1918 года отряды красногвардейцев и советские учреждения погрузились на пароходы и отплыли по Иртышу в Тобольск. Советская власть просуществовала в Омске полгода.

Красному исходу из Омска предшествовали события, связанные с мятежом чехословаков. Из военнопленных чехословаков был сформирован корпус численностью около 60 тысяч человек. По просьбе Антанты, намеревавшейся использовать корпус на Западном фронте, Советское правительство разрешило эвакуироваться чехословакам через Сибирь при условии сдачи ими оружия. Но затем под давлением Германии решило изменить маршрут и переправить их через Архангельск. Но к этому времени эшелоны с чехами растянулись от Пензы до Владивостока. Командование чехов отказалось менять маршрут. Мятеж чехов было кому поддержать во всех крупных городах по пути их следования, и они сразу превратились в грозную силу.

24 мая Омский Совет получил телеграмму за подписью Свердлова с указанием разоружить чехов. Но сделать это было уже невозможно. Чехи сами наступали на Омск с двух сторон: от Новониколаевска вторая дивизия под командованием Гайды, а со стороны Челябинска группа войск под командованием подполковника Войцеховского. Первый эшелон чехословаков подошел к Куломзино 25 мая. На требование разоружиться, они сбросили с паровоза машиниста и отступили к Марьяновке. Туда был послан отряд красногвардейцев под командованием начальника омской милиции Петра Успенского. В первом бою успех сопутствовал красным, чехи отступили на несколько километров и вступили в переговоры. Правда, Успенский при этом погиб. Чехи подтягивали силы, а попытка красных объявить мобилизацию на селе провалилась при активном противодействии эсеров. По определению Ленина, «самые сытые крестьяне России» не пошли в Красную Армию, впрочем, как впоследствии не шли и в армию Колчака. Подробности событий предстают из документов, публикуемых нами из сборника «Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 гг.).

Обязательное постановление Омского областного, городского и уездного комитетов РК и СД о введении в Омске военного положения

26 мая 1918 г.

Чехословацкие отряды, обманутые своими офицерами, вошедшими в союз с врагами Советской власти и изменниками родины, сделались орудием контрреволюционного выступления в нашем крае.

Принимая во внимание чрезвычайно важное значение города Омска, впредь до ликвидации этого выступления, – город Омск и его окрестности объявляются на военном положении.

Вся полнота власти в городе и окрестностях переходит с сего числа к военно-революционному штабу.

Собрания и летучие митинги на улицах безусловно воспрещаются.

Собрания и увеселения в закрытых помещениях допускаются лишь с особого разрешения военно-революционного штаба.

Всякое выступление против Советской власти, всякий грабеж и всякая попытка дезорганизовать защиту завоевания прав трудящихся будут беспощадно караться вплоть до расстрела на месте преступления.

Выход на улицу после 10 часов вечера до 5 часов утра гражданам без особых пропусков воспрещен.

Пропуска выдаются ежедневно у коменданта города в доме Республики с 8 часов утра до 9 часов вечера.

Исполнительные комитеты приглашают всех граждан поддерживать в городе строгий порядок, не верить всяким провокационным слухам и оставаться спокойными.

Виновные в неисполнении сего постановления будут привлекаться к строгой ответственности.

Омский областной исполнительный комитет.

Омский городской и уездный исполнительный комитет Советов.

Сообщение газеты «Известия Западно-Сибирского и Омского областных исполнительных комитетов» о чехословацком мятеже и об организации обороны Омска

28 мая 1918 г.

I. О ЧЕХОСЛОВАЦКОМ МЯТЕЖЕ

Город Омск объявлен на военном положении. Вся власть перешла к военно-революционному штабу.

Мятежные чехословацкие эшелоны не желают подчиняться Советской власти и сдать оружие.

Они требуют пропуск на восток во Францию для борьбы с германцами.

Распропагандированные своими контрреволюционными офицерами, они обманным образом идут как средство подмоги для банд Семенова, с которыми так героически борется наша Красная Армия.

Советская власть примет все меры, чтобы организовать должный отпор контрреволюционным попыткам свержения Советской власти. Рабочие и крестьяне поднимаются, чтобы защищать пролетарскую революцию и защищать Советскую власть. Контрреволюция будет подавлена. Мятежники будут сметены с лица земли. Кровь братьев, пролитая в бою у Марьяновки, будет отомщена. Революция победит.

Да здравствует рабоче-крестьянская революция!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует Красная Армия!

II. МЯТЕЖ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТРЯДОВ

Несколько эшелонов чехословаков, распропагандированных своим контрреволюционным командным составом, прорвались через Челябинск и пытались занять ст. Омск и двигаться дальше на восток, требуя себе продовольствия. На категорическое требование Омского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов сдать оружие чехословаки сбросили машиниста с паровоза поезда, отошли на ст. Марьяновка.

Туда был послан отряд Красной Гвардии, на требование которого сдать оружие – чехословаки ответили отказом.

В бою наши революционные войска отбросили эшелон чехословаков на 8 верст от ст: Марьяновка, после чего чехословаки вошли с нашими парламентерами в переговоры. Было установлено перемирие до 12 часов дня 27 мая.

Занятие чехословацкими отрядами важнейших железнодорожных узлов и прекращение железнодорожного движения грозит огромными бедствиями для населения голодающей России и отдает революцию в полную власть контрреволюционных элементов. Рабочие и крестьяне не могут допустить этого. Мятежники будут обезоружены. Все же контрреволюционеры из чехословаков, которые не подчинятся Советской власти и добровольно не сдадут оружие, будут беспощадно наказаны.

Контрреволюция будет сметена с лица земли.

III. ЗАЩИТА РЕВОЛЮЦИИ

Рабочие Омска и окрестностей, понявшие опасность, которая грозит завоеваниям пролетарской революции, всем завоеваниям рабочего класса, быстро начали с 26 мая организовываться и вставать на защиту Советской власти.

Все новые и новые кадры вооруженных рабочих предлагали себя в распоряжение военно-революционного штаба.

Военно-революционный штаб, состоящий из представителей Совета и военных руководителей, энергично приступил к организации обороны Омска. Все необходимые меры для этого приняты.

Военно-революционный штаб призывает население г. Омска к спокойствию и выдержке и просит не верить ложным слухам.

Оперативная сводка Западно-Сибирского военно-оперативного штаба Красной Армии о боях против контрреволюционных частей чехословацкого корпуса

2 июня 1918 г.

Сводка с 31 мая по 2 июня

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Наши войска продолжают продвигаться по направлению к Новониколаевску, занимая одну станцию за другой. После занятия нами сильно укрепленных позиций под Кошкулем чехословацкие наймиты сибирских контрреволюционеров несколько раз бросались в атаку, но были отброшены с большими потерями. 1 июня нами занята станция Тибисская. Неприятель в беспорядке бежал к Каинску.

2 июня нами занята ст. Барабинск и мы укрепились в пяти верстах от ст. Каинск. Занятие Каинска нашими войсками ожидается с минуты на минуту. Во всех этих боях наши потери составляют: 8 убитых, 4 тяжелораненых и 15 легкораненых. Неприятель число убитых и раненых исчисляет в несколько сот человек. В рядах чехословаков паника. Появились перебежчики. По донесениям нашей разведки, чехословацкие солдаты массами бегут с фронта в прилегающие села и деревни. Настроение в наших войсках великолепное: все, как один человек, рвутся в бой и горят желанием проучить контрреволюционеров, свивших себе гнездо в Новониколаевске.

Из Барнаула сообщают, что положение на Алтайской дороге надежное. Барнаульский отряд продвинулся на расстояние трех верст от Новониколаевска. Белогвардейцы пытались перейти в наступление, но были отбиты. В результате нами захвачено: дрезина, бомбы, винтовки и обмундирование. Белогвардейцы рассыпались и частью попали в плен.

По словам пробравшихся из Новониколаевска частных лиц, советские войска наступают на Новониколаевск со стороны Красноярска и находятся в шести верстах от Новониколаевска.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Положение без перемен. Наши войска занимают ст. Москаленки, чехословаки окопались в Исилькуле.

При посредничестве французской миссии установлено временное перемирие, но чехословацкие эшелоны ведут себя предательски и вероломно.

Ими арестован три-четыре дня тому назад Исилькульский Совет. На станциях поставлен чехословацкий комендант. Вместо Совета образовался контрреволюционный временный комитет. По станции гуляют казацкие офицеры, которым чехи козыряют. Свою связь с контрреволюционерами чехословаки уже и не пытаются более скрывать.

Еще подлее и вероломнее поступили чехословаки в Петропавловске. Там они избрали двух делегатов и совместно с французской миссией, во главе с полковником Гине, на советском автомобиле, в сопровождении представителей от Петропавловского Совета, выехали в Ишим, а оттуда в Омск для .мирных переговоров. Это было 30 мая, а в ночь с 30 на 31 мая чехословаки (их там два эшелона со штабом корпуса) совместно с группой казаков окружили город и станцию и свергли Советскую власть. Застигнутые врасплох красногвардейцы защищались героически. Много убитых и раненых с обеих сторон. Только двум членам исполкома удалось бежать в Ишим. Они передают, что казаки предают город грабежу. Идет жестокая расправа с деятелями Совета. И это вопреки тому, что перед отъездом французской миссии чехословаки обязались не выступать против Советской власти.

Прибывший на лошадях в Шадринск председатель Челябинского учсовжелдепа сообщает, что после занятия Челябинска чехословаками, мастеровые и рабочие этой станции забастовали.

Последняя оперативная сводка о боях красногвардейцев с чехословаками

4 июня 1918 г.

К ТЕКУЩИМ СОБЫТИЯМ

Оперативная сводка за 4 июня на Восточном фронте

Противник стягивает все силы из Новониколаевска с целью задержать наше наступление. Обнаружены сильные неприятельские разведочные отряды, что заставило наши аванпосты насторожиться и главные силы занять более выгодные позиции обратным продвижением по направлению к городу Каинску.

На Западном фронте

Около ст. Москаленок по направлению к Мариановке за истекшие сутки было замечено у неприятеля некоторое оживление. Его конным разведочным отрядом прервано телеграфное сообщение на перегоне от ст. Москаленок до разъезда Помурино, наша разведка пошла от Пикетного до Помурино. В связи с напором советских войск по ту сторону Челябинска здесь можно ожидать с часу на час со стороны неприятеля попытки прорваться к городу Омску.

Зверство над красногвардейцами

Ночью на 4 июня чехословацкие эшелоны по пути движения из города Челябинска к городу Петропавловску заняли ст. Шумиху, арестовали тринадцать человек красногвардейцев, повесили их и подобной дикой расправой еще лишний раз показали свой настоящий лик и солидарность с агентами контрреволюции; установлена также непосредственная связь командира шестого чехословацкого отряда со штабом Анненкова.

На Тюменской дороге за истекшие сутки без перемен. Вблизи ст. Мельничной найден ствол к пулемету Кольта и ящик с патронами.

Раскрытие контрреволюционного заговора

Вчера в Ишиме раскрыт заговор офицеров взорвать железнодорожный мост и испортить путь, чтобы приостановить движение войск и переездов на Омск и обратно не менее как на пять дней и этим самым дать возможность чехословакам вести наступление на фронте Омска.

По делу заключено в тюрьму 10 человек, из которых два служащих правительственного телеграфа, остальные офицеры.

Служащие телеграфа заключены по указанию обвиняемых, как якобы передавшие телеграфные сведения. Заговор, по указанию одного из обвиняемых, сознавшегося во всем, был организован бывшим тому назад неделю в Ищиме членом Временного Сибирского правительства, который якобы выехал в Омск. В деле замешано много лиц, дознание о которых кончится не раньше, как завтра.

В заговоре горячее участие принимала партия эсеров; члены этой партии посажены в тюрьму, председатель бежал.

Остается добавить, что после ожесточенных боев под Марьяновкой 4-6 июня красногвардейцы отступили.12 июня на пароходах они прибыли в Тобольск. Власть в Омске перешла в руки Временного Сибирского правительства.

А Омску предстояло вскоре стать «третьей столицей».

И ПОШЕЛ БРАТ НА БРАТА…

Омску выпала участь стать в центре событий, которые должны были определить дальнейшую судьбу всей России. Поначалу, казалось, ничего такого быть не может. В Омске происходили события местного масштаба. Большевики распустили областную сибирскую думу, подавили белогвардейский заговор крупных землевладельцев и заводчиков. Но затем был мятеж чехословацкого корпуса, Всероссийское правительство, Верховный правитель Колчак…

Бурная политическая жизнь Омска и страны докатилась и до Черлака, где также были созданы революционные органы власти. Председателем Черлакского ревкома стал Мельников Афанасий Егорович. Его ближайшими сподвижниками в деле установления советской власти в Черлаке были Березовский Иван Николаевич, человек грамотный и еще в 1907 году написавший Степному генерал-губернатору анонимное письмо о положении дел в Сибирском Казачьем войске, учитель Захаров Иван Федорович и фельдшер Шебалин. Главными противниками Советской власти были богатей И. Груздев, державший в Елизаветинском паровую мельницу, и поп Кузнецов.

До прихода к власти Колчака Мельников поддерживал постоянную связь с омскими большевиками, вел активную агитацию среди казаков. С приходом Колчака Мельников и его соратники были арестованы. Смерть Афанасия Мельникова яркий пример того, что гражданская война это трагедия для любой нации, пример, когда в буквальном смысле брат идет на брата. Обстоятельства его гибели подтверждаются из двух независимых источников. В архиве ФСБ имеется сфабрикованное дело о белогвардейско-казачьем заговоре 1933 года. Там есть такие свидетельские показания жителя Черлака Булдакова Ивана Ивановича: «Растрепенин Иван Николаевич какое хозяйство имел, я не знаю, но обычно был пьяный. В 1919 году с приходом к власти колчаковцев ими был пойман председатель Черлакского ревкома Мельников Афанасий Егорович. Когда его вели на площадь, то его старший брат ударил по голове кирпичом, после чего Мельников упал на живот и не смог подняться, так как руки у него были связаны. Тогда кулаки с. Черлак, фамилии их уже не помню, возглавляемые старшим братом Мельникова Афанасия Егоровича, как его звать не помню, дали в руки Растрепенину винтовку и приказали ему, чтобы он заколол Мельникова Афанасия Егоровича. Но Растрепенин не хотел убивать Афанасия Егоровича. Тогда брат последнего сказал ему, что если он не убьет Афанасия, то его убьют самого. После этого Растрепенин, отвернувшись от Мельникова Афанасия Егоровича, размахнувшись, ударил его штыком в спину и бросил винтовку. Очевидцем всего этого я был сам и видел, что инициатором убийства Мельникова Афанасия Егоровича был его старший родной брат».

А вот как описывает эту же сцену в своих воспоминаниях И.Н. Березовский: «К окошку нашей темницы подскочил вооруженный казак, он отворил ставень окна, провозгласил: «Смотрите, как будут казнить вашего брата большевика!» В окно было видно идущего между двумя рядами публики тов. Мельникова, он в солдатской суконной гимнастерке, руки связаны сзади. Впереди и сзади следует вооруженный конвой. Не доходя некоторое расстояние до каталажки, конвой остановился. Из толпы выскочил родной брат Мельникова Афанасия Егоровича Мельников Алексей Егорович (мой крестный отец во время крещения). Алексей Егорович в руках имел кирпич. Он закричал довольно громко, его крик как эхо проник в толпу, так как напряженность толпы того момента создала замкнутость, не раздавалось ни одного звука, ни одного голоса, ни одного шепота. Голос брата Мельникова Алексея Егоровича провещал: «Господа станичники! Разрешите мне убить моего брата большевика!» С этими словами он бросил кирпич в грудь своего связанного брата. Удар был не настолько сильным, чтобы этим ударом свалить с ног Афанасия Егоровича, не настолько сильным, чтобы сразить его насмерть! Но этот удар, отозвавшийся тупым звуком и утонувший в толпе, стал сигналом. Раздались частые тупые удары прикладов винтовок со стороны конвоя. Афанасий Егорович был свален, свалившись на землю по направлению головой к нашей каталажке. Растрепенин Иван, бывший тут среди конвоя, пронзил штыком винтовки в спину Афанасия Егоровича».

Березовского И.Н. тоже вывели убивать, но некий Высоцкий, арендовавший небольшой участок земли на левом берегу, закричал: «Хватит крови! Пущай этим большевики занимаются!» Этим он спас Березовского.

Поп Кузнецов запретил хоронить Мельникова на кладбище.

С возвращением советской власти Алексей Мельников бежал неизвестно куда.

ЖЕРТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗДОРА

23 сентября 1918 года в Загородной роще был застрелен белыми офицерами талантливый омский писатель Александр Новосёлов. Его гибель лишний раз подтверждает, что политика грязное дело и она сурово обходится с теми, кто оказывается в ней инородным телом, оказывается, по сути, случайно, волею обстоятельств.

Впрочем, главным обстоятельством, приведшим к трагическому финалу, стала революция. Не случись ее, имела бы русская литература крупного сибирского писателя и этнографа. А так жизнь его поделилась на «до» и «после».

Александр Новоселов

Досье писателя Новосёлова *(из Омского историко-краеведческого словаря, М.,1994):*

Александр Ефремович Новоселов родился 5 ноября 1884 года в пос. Железинском Павлодарского уезда Семипалатинской области. С 1896 по 1901 год учился в Сибирском кадетском корпусе, но оставил его на последнем году обучения. Два года прожил в пос. Железинском, затем, сдав экстерном экзамены на звание учителя, работал в поселке Надеждинском (близ Петропавловска), а затем перевелся в пос. Больше-Нарымский.

С 1907 по 1917 гг. работал воспитателем в Омском пансионе Сибирского казачьего войска. Именно в эти годы происходит становление его как писателя и этнографа-ученого. Его литературные произведения и статьи публикуются в газетах и журналах: «Степной край», «Омский вестник», «Думы», «Сибирские записки», «Сибирские вопросы». Будучи действительным членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (ЗСОИРГО) много путешествует по Алтаю и Казахстану, особо интересуясь старообрядчеством.

Из литературных произведений наиболее известна повесть «Беловодье», получившая высокую оценку А.М. Горького и опубликованная в «Летописи».

***Досье политика Новосёлова**:*

После февральской революции Новоселов активно включился в политику, вступил в партию эсеров. В марте 1917г. он избран в Омский Коалиционный комитет и до мая 1917 редактирует «Известия Омского Коалиционного комитета». На казачьем съезде избран товарищем председателя Войсковой управы. Коалиционным комитетом избирается комиссаром Временного правительства по Акмолинской области, одновременно исполняет обязанности комиссара по всему Степному краю.

В декабре1917 г. избирается членом Временного сибирского областного совета, возглавляемого Г.Н. Потаниным. В январе 1918 г. входит в состав Временного правительства автономной Сибири, возглавляемого П.Я. Дербером в качестве министра внутренних дел. После установления Советской власти в Омске правительство Дербера обосновалось на Дальнем Востоке. Для установления связи с Украинской Радой Новоселов ездил в Киев, оттуда перебрался на Дальний Восток. В Омск вернулся 18 сентября 1918 года, здесь Советской власти уже не было, власть принадлежала Временному сибирскому правительству. Тем не менее 21 сентября Новоселов был арестован по распоряжению начальника омского гарнизона полковника В.И. Волкова вместе с председателем Сибирской областной думы И.А. Якушевым, министром внутренних дел сибирского правительства В.М. Крутовским и министром туземных дел М.Б. Шатиловым. А 23 сентября застрелен офицерами Семенченко и Мефодьевым.

Чтобы понять причину ареста, надо погрузиться в атмосферу борьбы за власть в стане противников революции. К 1918 году на территории бывшей российской империи существовало 16 правительств (!) с претензиями на собственную государственность. И делилась Россия отнюдь не только по национальным признакам.

Как известно, на выборах в Учредительное собрание большинство мандатов получили эсеры, но большевики разогнали его (знаменитая фраза матроса Железняка: «Караул устал!» памятна всем). Поэтому, когда после мятежа чехословацкого корпуса Советская власть от Тихого океана до Волги рухнула, эсеры вполне логично стали полагать, что они имеют право на власть более других. 9 июня 1918 года в Самаре был создан Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ), претендовавший на всероссийскую власть. Параллельно с трудом сформировалась сибирская власть. 23 июня 1918 года в Томске на совещании Сибирской областной думы было сформировано Временное Сибирское правительство, под председательством П.В. Вологодского. Именно между КОМУЧем и Временным Сибирским правительством разгорелась борьба за власть в сентябре 1918 года на Уфимском Государственном совещании, завершившаяся созданием Уфимской Директории 23 сентября 1918 года (как раз в день убийства Новоселова) из 5 человек. Директория прекратила существование после государственного переворота 18 ноября 1918 г.

Но вернемся к Временному Сибирскому правительству. 24 августа 1918 года оно создает Административный совет для содействия Совету министров в делах управления. В его состав вошли управляющие министерствами, товарищи (заместители) министров и управляющие делами Совета министров. Административный совет должен был заниматься предварительным обсуждением вопросов, представляемых Совету министров и решать вопросы по постановлению Совета министров.

Однако единства в правительстве не было, и в сентябре возник конфликт между правыми (военные, кадеты, торгово-промышленная группа) и левыми (эсеры и руководство Сибирской областной думы). Эсеры воспользовались тем, что председатель правительства Вологодский уехал в командировку на Дальний Восток, а глава Административного совета министр Серебренников возглавлял делегацию на Уфимском Государственном совещании. На заседании правительства 20 сентября Крутовский потребовал включить в состав правительства прибывшего в Омск Новоселова. На заседании присутствовали еще лишь министры Шатилов и Михайлов. Кроме этого, Крутовский потребовал ограничить права Административного совета и изменить состав делегации на Уфимском совещании. Михайлов отказался обсуждать такие важные вопросы в усеченном составе.

Товарищ министра юстиции А.П. Морозов впоследствии подтверждает:

«Заседание Совета, где принимали участие Крутовский, Шатилов и где присутствовал и Якушев, носило такой характер, что хотели сократить деятельность Административного совета и отменить многие из принятых им законопроектов. Ходили определенные слухи, что будет отменен принятый незадолго до этого Административным советом закон о смертной казни и др., которые не нравились Шатилову и Крутовскому».

Информация о бурных дебатах в правительстве дошла до начальника Омского гарнизона В.И. Волкова и он приказал офицерам арестовать Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова. Под угрозой расстрела они вынудили Крутовского и Шатилова написать заявление о своей отставке, Новоселов отказался, и его застрелили.

Заявление В.М. Крутовского на имя исполняющего обязанности председателя Совета министров сохранилось в машинописной копии в архиве. Оно датировано 21 сентября 1918 г. и в нем значится:

«Настоящим заявляю, что ввиду преклонного возраста и болезненного состояния моего здоровья, я более не могу нести обязанности члена Совета министров и министра внутренних дел, от каковых обязанностей прошу освободить меня безотлагательно. М. Крутовский».

Дело по аресту министров имело большой резонанс. Была создана Омская чрезвычайная комиссия «По делу об аресте министров Крутовского и Шатилова и др. событиях, имевших место в городах Омске и Томске в 20-х числах сентября месяца 1918 г.» Эта комиссия занималась и убийством Новоселова. Работала она до 23 марта 1919 г.. В результате дело было направлено на прекращение в порядке 277 статьи Устава уголовного судопроизводства за

отсутствием состава преступления. Дело об убийстве было выделено в особое производство с целью передачи его судебному следователю для розыска обвиняемых Мефодьева и Семенченко. Однако разыскать их не удалось, и судьба их до сих пор неизвестна.

Нашелся свидетель убийства Новоселова, который показал Омской чрезвычайной следственной комиссии: *«Чепанов Герасим Яковлев, 40 л[ет], кр[естьяни]н Пензенской губ.*

23 сентября настоящего г[ода] я принимал дрова от заведующего пасекой, затем подошел и сел около дровосеков, работавших в роще. Было начало двенадцатого часа. Находились мы саженях в 40 от дороги, ведущей из города на пасеку. Вскоре я заметил, что от города по дороге шло два человека. Сзади саженях в 2-3 шел человек в казачьей форме, по-видимому, догонявший их, шедший крупными шагами. Первые двое шли спокойно, молча, оба смотря в землю. Один из этих был в шинели с двумя рядами пуговиц, в фуражке защитного цвета. Второй, шедший с правого бока, был в штатском. Я принял их сначала за милиционеров и было направился к ним, как вдруг увидел, что один из шедших впереди двух, тот, который был в шинели, вдруг остановился, сделал как бы шаг назад и выстрелил в продолжавшего идти второго. Этот так и сел, сразу опустился на землю. Стрелявший пошевелил его на груди, затем взял за руку и потащил в находившийся около дороги, саженях в двух, лог. Второй, в казачьей форме, во время выстрела был саженях в двух от них. Он подошел к упавшему и был около, когда тот, что был в шинели, тащил упавшего. Он скинул его в лог. Туда же соскочил и он, и второй, в казачьей форме. После того в логу раздалось еще два выстрела.

Стрелявший шел, руки [держа] в карман[ах], и вытащил револьвер из правого кармана. Револьвер был черный, военный, кажется браунинг. Убитый бежать перед выстрелом не пытался. Он шел спокойно и после того, как стрелявший остановился. Я закричал им вслед за выстрелом: „Что вы делаете, а еще офицеры»,– и выбранился, но они не обратили на меня никакого внимания. Я думаю, что они и до выстрела, и когда после я кричал, не заметили меня. Наверное, [не видели и] дровосеков, так как в нашу сторону не смотрели...

Лог идет вдоль дороги, и в том месте, где был произведен выстрел, он ближе всего подходит к дороге. Лог глубиной сажени в две. Я был безоружен, боялся кинуться туда и побежал к городу, пригласил с поста милиционера. Затем явилось еще два милиционера, подошли рабочие, и мы подошли к логу. В логу лежал убитый. Шедших с ним не было, они, очевидно, убежали логом. Ни перед убийством, ни после того сюда в это время никто не приезжал на извозчике. Вообще же пешеходов тут проходит много. От города до места, где это произошло, версты две; до пасеки остается еще с версту. Убегая к городу, я оглядывался, смотрел, куда выйдут стрелявший и его спутник, но не видел, чтоб[ы] они поднялись из лога.

Прочитано. Г. Я. Чепанов.

Председатель комиссии П. Гудков».

(ГАРФ, ф. 189, оп. 1, д. 1, л. 25-26. Опубл. в сб. документов «Процесс над колчаковскими министрами», М., 2003)

Александра Новоселова похоронили на Казачьем кладбище при большом стечении народа.

Министров Крутовского и Шатилова освободили. Оба не покинули страну. Оба отошли от политики. Но эсеровское прошлое им припомнилось позднее. Михаил Шатилов неоднократно арестовывался, а 5 августа 1933 года осужден на 10 лет ИТЛ. Обстоятельства и место смерти неизвестны. Владимир Крутовский был арестован 5 августа 1938 года по обвинению в создании фашистской террористической организации и умер в тюремной больнице 9 декабря 1938 года.

Полковник Вячеслав Волков на несколько дней арестовывался, но был освобожден. Впоследствии стал организатором государственного переворота 18 ноября 1918 года. Был произведен Колчаком в генерал-майоры. Погиб в начале 1920 года в боях с партизанами.

Что касается ареста министров, генерал П.П. Иванов-Ринов дал чрезвычайной комиссии такие показания:

«…Волков докладывал мне, что Крутовский, Шатилов и Якушев должны были уничтожить Административный совет, арестовать ее членов и взять власть в свои руки, что это должно было быть в ближайшем будущем. Он, чтобы предупредить, и арестовал их. У меня получилось впечатление, что Волков был убежден в этом, что он действовал по долгу совести…

Мною приняты меры к розыску Семенченко и Мефодьева, сделаны распоряжения по воинским частям.

В Уфе у меня возникли подозрения, не участвовал ли Волков в убийстве Новоселова, почему я и сделал распоряжение об его аресте. После же разговора с Волковым и ознакомления с подробностями это подозрение отпало. Новоселов убит, по-видимому, по собственному почину которого-либо из сопровождавших его офицеров, решившего уничтожить его как вредного в казачьем кругу. Новоселов действительно внес разлад в казачество.

Про обстоятельства получения от министров прошений об отставке я Волкова не расспрашивал» (ГАРФ, ф.189,оп.1, д.4, лл. 97-102, Опубл. в сб. «Процесс над колчаковскими министрами»)

Вдова Г.П. Новоселова получила по решению Совета министров единовременное пособие в размере 25 000 рублей, сумму весьма незначительную. В мае 1920 года она привлекалась в качестве свидетельницы во время процесса над колчаковскими министрами, но ничего нового к обстоятельствам гибели мужа добавить не смогла. Обвинителю Гойбарху хотелось услышать от нее, что она получила пособие, а не пенсию потому, что люди виновные в смерти ее мужа не хотели с ней часто встречаться. Но она подтвердила, что попросила пособие сама, что ей так было удобнее.

КАК АДМИРАЛ КОЛЧАК СТАЛ ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ

Ноябрь – «колчаковский» месяц. 4 ноября 1874 года Александр Васильевич Колчак родился. 4 ноября 1918 года он указом Директории был назначен военным и морским министром, а через две недели, 18 ноября 1918 года, в результате правительственного переворота провозглашен Верховным правителем России. Через год 12 ноября 1919 г. он покинул Омск за два дня до взятия его красными. В данной статье мы остановимся подробнее на перевороте.

Военный министр

Колчак прибыл в Омск 13 октября 1918 года с Дальнего Востока в штатской одежде без каких-либо амбиций с единственной целью добраться на юг России в Добровольческую армию Алексеева и Деникина, однако сразу по приезде он оказался в центре внимания. И это не случайно: в Сибири в то время не было известной личности такого масштаба.

На встречах с главнокомандующим белыми силами и членом Директории Василием Болдыревым и генералом Константином Сахаровым он весьма пессимистически оценивал ситуации на Дальнем Востоке, считая его практически потерянным. При этом уже тогда он высказал мнение, что рассчитывать на помощь союзников не стоит и лучше обойтись своими силами. Отметил, что «притязания Америки весьма крупные», и она преследует какие-то скрытые цели.

В связи со «скрытыми целями» уместно упомянуть недавно вышедшую книгу «Подлинная судьба адмирала Колчака», в которой автор Олег Грейгъ утверждает, что главная заслуга Колчака как ученого состоит в том, что он в ходе полярных экспедиций установил, что пространство между Обью, Енисеем и Леной в силу особых геологических условий содержит до 90% полезных ископаемых земной коры. Доклад Колчака якобы был передан из РГО масоном Семеновым-Тян-Шанским в Америку и с той поры вся ее политика направлена на овладение этими богатствами. В этой же книге автор пишет, что Колчак не был расстрелян и утоплен в проруби, а был вывезен из Иркутска Бокия и долгие годы инкогнито служил Советской России и товарищу Сталину. Правда, при этом автор не утруждает себя какими-либо ссылками на свидетельства и документы…

Уже 16 октября генерал Болдырев беседовал с Колчаком о назначении его военно-морским министром. Тот в принципе не возражал, но интересовался, кто будет министрами внутренних дел (он хотел видеть на этом посту И.А. Михайлова), финансов и снабжения.

Председатель Директории Авксентьев проталкивал на пост министра внутренних дел эсера Роговского. Колчак категорически возражал. Генерал Саха-

ров писал в своих воспоминаниях: «Около того же времени прибыл особым поездом, с пулеметами и целой командой, одетой в новенькую солдатскую форму с сине-белыми погонами, член Комуча Роговский.

…Оказалось, что председатель Директории Авксентьев дал в Уфе обязательство своей партии обеспечить портфель министра полиции для члена Комуча, которым и был намечен Роговский… Соглашение, достигнутое с сибиряками, вновь расстроилось».

ДИРЕКТОРИЯ – орган временной всероссийской власти. Создана 23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании под давлением чехов, требовавших единой власти. На совещании присутствовало 170 представителей различных областных правительств, организаций и партий (преобладали эсеры – 100 чел.). Борьба за власть развернулась между Комитетом членов учредительного собрания (Комуч) и Временным Сибирским правительством. В итоге была избрана Директория в составе 5 человек: Н.Д. Авксентьева, Н.И. Астрова, В.Г. Болдырева, П.В. Вологодского и Н.В. Чайковского. Поскольку Астрова и Чайковского не было на Волге и в Сибири, вместо них в состав Директории вошли их заместители В.М. Зензинов и В.А. Виноградов. В Омск Директория переехала 9 октября в таком составе: Авксентьев (эсер), Зензинов (эсер), Вологодский (беспартийный), Болдырев («Союз возрождения России), Виноградов (кадет).

Адмирал А.В. Колчак

Колчак оказался втянутым в противоречия между Советом министров и Директорией. И дело было не только в кандидатуре Роговского. В воздухе носилась идея единовластия. Противники Директории видели в ней аналог Временного правительства эсера Керенского, погубившего страну. Генерал Болдырев записывает в дневнике 28 октября: «…В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктаторе. Я имею намек с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком». И 29 октября: «… Вечером вместе с Колчаком явились ко мне Жардецкий, Лопухин и представитель рабочих Атаманской станицы. Идут ва-банк, намекая на упразднение Директории и сохранение одного Верховного главнокомандования, которое они считают единственным приемлемым решением Уфимского государственного совещания…»

Генералу Болдыреву и самому неоднократно предлагали установить военную диктатуру, но он отказывался, считая, что нужно сохранить демократическую систему.

В конце концов, после долгих дебатов Роговский не получил министерский портфель, а Колчак 4 ноября назначен военным и морским министром. Уже на следующий день, 5 ноября, он имел беседу с лидером кадетов В.Н. Пепеляевым, будущим премьер-министром, с которым Колчак и будет расстрелян. Пепеляев сообщил ему, что «Национальный центр» рассматривает Колчака как кандидата на пост диктатора. Колчак в принципе не возражал и высказался в том смысле, что если надо будет, он готов принять роль диктатора как «жертву».

7 ноября Колчак выехал на фронт с инспекционной поездкой. Некоторые историки полагают, что эта поездка была инспирирована организаторами переворота, чтобы отвести подозрения от Колчака.

В преддверии переворота

При словах «переворот Колчака» многим представляется, что группа офицеров арестовала Директорию и сказала адмиралу: «Правь нами!» На самом же деле все обстояло не так однозначно и в истории переворота много нюансов. Невольным ускорителем переворота стала, возможно, сама Директория.

13 ноября состоялся банкет по случаю приезда французской миссии в Омск. После речей оркестр исполнял вместо российского гимна «Марсельезу». Присутствовавшие русские офицеры потребовали исполнять «Боже, царя храни», «причем часть офицеров пела его словами». Представитель правительства на банкете Л. Тренденбах подошел к казачьему полковнику и попросил прекратить гимн, так как просит слова представитель Сербии. Узнав, кто он такой, казачий полковник, а это был Красильников, сказал: «Пошел прочь, паршивый эсер!». Тренденбах отошел. А когда ужин закончился, полковник продолжил выяснять, кто он такой. Представитель правительства сказал в этот раз, что он работал секретарем у Сапожникова. Тогда полковник, протягивая руку, сказал: «А, так вы у Михайлова и состояли в распоряжении Сапожникова. Имейте в виду, что мы всегда по первому зову пойдем за Михайловым и Вологодским, великодушно простите…»

«Я на другой день узнал об этой истории, – писал Болдырев, – по телефону спросил Матковского (начальник омского гарнизона – П.Б.), арестовал ли он виновных. Матковский ответил, что он все еще выясняет таковых, а затем спросил: «А если среди виновных окажется сам Красильников – и его арестовать?» – «Конечно, арестовать. Вы заставляете меня учить вас вашим обязанностям».

Именно угроза ареста и отправки на фронт заставили заговорщиков действовать. 17 ноября в Омск вернулся Колчак. У него за несколько часов до переворота побывали полковник Д.А. Лебедев, омский комендант полковник В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев, И.Н. Красильников, генерал А.И. Андонгский и др. Некоторые их них прямо говорили, что Директории скоро не будет, нужна единая власть и предлагали Колчаку возглавить переворот. Колчак отказался, заявив, что у него нет армии и он здесь человек посторонний. Однако, отказавшись возглавить переворот, он не выдал заговорщиков, хотя после них к нему приходил Авксентьев.

Переворот и переворотчики

Вечером на квартире у Роговского собрались 10 человек эсеров с гостями из Архангельска на совещание. Около полуночи дом был оцеплен казаками, охрану Роговского выманили на улицу и разоружили. В дом ворвалась группа офицеров, арестовала Авксентьева, Зензинова, Роговского и Ракова и отвезла их в штаб Красильникова, располагавшийся в здании сельскохозяйственной школы в Загородной роще, где уже находился арестованный дома Аргунов. Все историки дружно называют исполнителями переворота Красильникова, Катанаева и Волкова, хотя как мы увидим далее с юридической точки это не совсем справедливо.

Досье переворотчика. *КРАСИЛЬНИКОВ Иван Николаевич – родился в 1880 году. Есаул Оренбургского казачьего войска с 1917 г. С июня 1918 г. командовал партизанским отрядом. За отличие в боях против красных за Иркутск приказом по Сибирской армии от 13 июня 1918 г. произведен в войсковые старшины. После переворота приказом Верховного правителя Колчака от 19 ноября 1918 г. произведен в полковники. Командовал бригадой имени есаула Красильникова, а затем – отдельной егерской бригадой, участвовавшей в подавлении партизанского движения в тылу. Умер в Иркутске от сыпного тифа в 1920 г.*

Председатель правительства П.В. Вологодский

Рано утром 18 ноября собралось экстренное заседание Совета министров. Вологодский сообщил об аресте двух членов Директории. Для большинства членов правительства это событие оказалось неожиданным, какое-то время не могли прийти к какому-либо решению, но в перерыве Михайлов обработал министров, и дело сдвинулось. Отклонили предложение Вологодского арестовать Красильникова. В ходе прений член Директории Виноградов сложил с себя полномочия. Директория была признана несуществующей. Совет министров в своем Постановлении отмечал, что Директория «с самого своего возникновения, не имела единства воли и действия, не пользовалась в глазах населения и армии должным авторитетом» и что после случившегося тем более ничего не может сделать и Совет министров берет всю полноту власти на себя. Но все понимали, что в Совете министров будет еще труднее добиться единства воли. И оставалось одно – диктатура. В этом смысле высказался и Колчак. Министр снабжения Серебренников вспоминал: «Колчак, как я потом убедился, мог временами говорить хорошо и сильно, действуя на слу-

шателя убежденностью и большой искренностью своих слов. И на этот раз он говорил убедительно и сильно».

Затем приступили к выборам Верховного правителя. Колчак предложил генерала Болдырева, министр путей сообщения Устругов предложил генерала Хорвата. Выдвинули и Колчака. Перед началом обсуждения кандидатур Колчака попросили удалиться в кабинет Вологодского. Приступили к тайному голосованию. В итоге из 14 избирательных записок, 13 было подано за Колчака, за Болдырева был подан один голос. Таким образом, главным переворотчиком, по сути, являлся Совет министров. Тут же им был приняты Указ о производстве вице-адмирала Колчака в адмиралы и постановление о передаче ему всей полноты Верховной власти. Верховному правителю было положено жалованье 4 000 рублей в месяц и 16 000 рублей ежемесячно на представительские расходы.

На следующий день было опубликовано обращение «К населению России», составленное с участием В.Н. Пепеляева, полковника Д.А. Лебедева и генерала А.И. Андонгского:

«18 ноября 1918 года Всероссийское временное правительство распалось.

Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне – Адмиралу Русского Флота, Александру Колчаку.

Приняв Крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, – объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной Армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам!»

Среди первых посетителей к Верховному правителю были полковник Волков, войсковые старшины Красильников и Катанаев. Они сказали Колчаку, что арестовали членов правительства «руководимые любовью к родине» и других сообщников не имели. Колчак сурово сказал, что, выполняя постановление Совета министров, он вынужден отдать их под суд. Уже на следующий день все получили повышение в чине.

Суд проходил под председательством начальника омского гарнизона генерал-майора Матковского. Членами суда были генерал-майор Бржезовский и полковники Сторожев и Берников. Защитниками выступали В.А. Жардецкий и полковник Киселев.

Показания немногочисленных свидетелей все были в пользу обвиняемых. Так, начальник штаба 2-го Степного корпуса полковник Василенко показал, что во время обыска в доме гражданки Рерих были взяты документы Иностранного отдела Комуча, в которых содержался план партии эсеров по разложению армии. Планировалось убить видных военных деятелей, а конкретно

Роговскому надлежало устранить членов Директории Болдырева и Вологодского. Естественно, суд вынес оправдательный приговор.

Досье переворотчика. *КАТАНАЕВ Апполос Всеволодович – родился 2 сентября 1890 г. В 1908 г. окончил Сибирский кадетский корпус, с 1 июля 1918 г. командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 22 сентября 1918 г. войсковой старшина, с 19 ноября 1918 г – полковник. С января 1920 г. начальник 4-й Сибирской казачьей дивизии. Убит в 1930 г. на ст. Пограничная. Племянник известного историка генерал-лейтенанта Георгия Катанаева, ездившего в качестве председателя следственной комиссии к Атаману Семенову.*

Непростое признание

Арестанты Авксентьев, Зензинов, Роговский и Аргунов 21 ноября 1918 г. были вывезены из Омска в сопровождении русско-английского конвоя. Им разрешено было выехать за границу, что они и сделали и там немало напакостили Колчаку. При этом при отъезде не побрезговали, взяли пособие по 25 тысяч франков, а Аргунов как человек семейный получил 47 тысяч. Колчак при допросе в 1920 году называл сумму 75 000 – 100 000 рублей каждому.

Первым своим указом от 18 ноября 1918 г. Колчак освободил от исполнения обязанностей главнокомандующего генерал-лейтенанта Василия Болдырева. Вечером 19 ноября состоялся трудный разговор между ними по прямому проводу. Болдырев отказывался подчиняться и сказал Колчаку, что «его слушать не будут». В сложившейся ситуации, когда было два главнокомандующих, Ян Сыровы приказал войскам исполнять только его приказы.

Из дневника Болдырева:

«Челябинск, 20 ноября

Продолжается мучительная работа мозга. «Что делать?» – вопрос этот отнюдь не потерял своей остроты.

Дальше оставаться в Челябинске не было смысла, если не подымать оружия против Омска.

Голос благоразумия все настойчивее убеждал временно уйти, не делать новых осложнений в армии. У каждого политического деятеля и свое время и своя судьба».

Омск, 21 ноября

По дороге в поезде разговор о том же. Меня, конечно, гнетет пассивность решения и тревога, что, не начав борьбы с переворотчиками, я этим самым, может быть, создаю новые тяжелые испытания для будущего России.

Среди общих разговоров остановились и на личной судьбе. Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови – 52 офицера с пулеметами были при мне в поезде и поклялись, что даром не умрут.

В 3 ½ часов вечера прибыли в Омск. Встретил штаб-офицер Ставки, доложил, что адмирал очень просит меня к нему заехать».

Колчак предложил Болдыреву на выбор любую должность, но самолюбие

оказалось выше общего дела. Получив пособие, Болдырев через Владивосток уехал в Японию. После гражданской войны вернулся в Советскую Россию, жил Новосибирске. В 1933 году был расстрелян. Его сделали организатором белогвардейско-казачьего заговора, в Омске был якобы филиал этого заговора. Автором этих строк по материалам архива ФСБ написан документальный очерк «Заговор, которого не было».

Вскоре со всех сторон в Омск стали поступать поздравления Колчаку и уведомления о признании его власти. Но всеобщего признания не было. В Екатеринбурге собрались члены Учредительного собрания и пытались поднять народ и войска против Колчака. Но 3 декабря Колчак приказал арестовать их. Главари во главе с Черновым разбежались, а 30 человек были арестованы.

Не признали Колчака атаманы Семенов и Калмыков. Семенов при этом был недоволен, что переворотчиков отдали под суд. В это время не по вине Семенова были задержаны поезда с амуницией, и прерывалась связь. Колчак объявил Семенова изменником и принял решение подчинить его силой оружия. С этой целью в Иркутск был послан новоиспеченный генерал-майор Вячеслав Волков. Ему поручалось сформировать в Иркутске войска и направить их против Семенова. Но в дело вмешались японцы, которые заявили, что не допустят военных действий между русскими единомышленниками. В конце концов, весной следующего года Семенов признал Колчака.

В своих воспоминаниях Семенов писал, что его конфликт с Колчаком был недоразумением, что он не знал, что суд над участниками переворота это инсценировка. И конфликт возник из-за интриг начальника колчаковского штаба Лебедева, который дезинформировал Колчака, скрывал от него истинную информацию. Возможно, отчасти это и так. Но осведомленный и проницательный барон Будберг, видя вред атаманщины, писал, что Колчак обязан был ликвидировать этот нарыв, пусть даже ценой собственного поражения.

***Досье переворотчика**. ВОЛКОВ Вячеслав Иванович – родился в 1877 г. Войсковой старшина 1-го Сибирского казачьего полка. В мае 1918 г. организовал восстание в Петропавловске.С ноября 1918 г. полковник, начальник 1-й Сибирской казачьей дивизии, комендант Омска. С 19 ноября 1918 г. генерал-майор. С 24 декабря 1918 г. по 17 февраля 1919 г. главный начальник Иркутского военного округа. с 18 марта 1919 г. командир сводного казачьего корпуса, с 20 ноября 1919 Сибирской казачьей группы 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Убит в феврале 1920 в бою с красными партизанами.*

Генерал Деникин сразу выразил удовлетворение случившимся в Омске событием. Но когда понял, что признание требует подчинения, замялся. И подчинился Колчаку лишь в мае 1919 года, объявив об этом своим приказом №145. В ответ, по предложению Колчака, Совет министров постановил утвердить должность заместителя Верховного главнокомандующего, а Колчак своим указом назначил на эту должность Деникина.

Без особых проблем последовало признание прихода к власти Колчака иностранными представителями в Омске, но на государственном официальном уровне правительство Колчака так и не было признано.

Эсеры не угомонились, и все время подтачивали подпольной работой и противодействием Верховную власть. В итоге, они организовали восстание в Иркутске и арестовали с помощью чехов Колчака, но власть удержать не смогли. Уже через десять дней ее перехватили большевики, и Колчак оказался в их руках.

О «ЗОЛОТЕ КОЛЧАКА» БЕЗ МИФОВ

13 октября 1918 года, в Омске случились два события в то время мало кому известные и между собой ничуть не связанные. В этот день с востока в Омск приехал адмирал Колчак, а с запада из Челябинска прибыли эшелоны с золотым запасом Российской империи. В этом было что-то мистическое: ведь никто тогда, в том числе и сам Александр Васильевич, и предположить не мог, что этот золотой запас будут именовать «золотом Колчака».

Как и почему золото оказалось в Омске

Где только не рекомендуют современные кладоискатели охотиться за «золотом Колчака»! Одни советуют искать его в Ханты-Мансийске и Томске, другие в Красноярске и даже на дне Байкала. Заглянешь на эту тему в Интернет, и создается впечатление, что золото развозили на санях по Сибири все кому не лень. Однако это не соответствует действительности. Хотя случаи хищения были, но в основном во время перевозок, а в Омске оно охранялось весьма строго. Как же оно оказалось в Омске? Наиболее достоверно на наш взгляд это изложено в книге Плотникова И.Ф. «Александр Васильевич Колчак исследователь, адмирал, Верховный правитель России».

После оккупации германо-австрийскими войсками в 1918 году южных районов страны, большевики, опасаясь захвата центральных районов, решили переместить часть золотого запаса России на восток, в Казань. Туда перевозились ценности в золотых слитках, полосах, монетах, различные ювелирные изделия и драгоценности. Однако перевозка еще не закончилась, как восстали чехи, и возникла угроза захвата Казани. Эшелоны стали возвращать, и часть золота оказалась в Нижнем Новгороде.

6 августа 1918 года войска под командованием подполковника В.О. Каппеля с участием 1-го чехословацкого полка поручика И. Швеца (позднее, когда чехи перестали ему починяться, Швец застрелился) заняли Казань. В хранилищах оказалось 30 563 пуда золота, с учетом иных драгоценностей всего на сумму более 1 млрд 100 млн рублей.

Считавший себя правопреемником Учредительного собрания, разогнанного большевиками, Комуч, распорядился 10 августа переправить пароходами и поездами ценности в Самару, но скоро обстановка стала меняться в пользу красных, и золото пятью эшелонами отправили в Уфу. Согласно актам начальника эшелона А.Д. Арбатского и старшего кассира Н.П. Кулябко, было вывезено под русской и чешской охраной 8 399 ящиков, 2468 мешков, 18 сумок золота.

Однако точного учета не было, оценивали наличие «по местам». Уже в Самаре обнаружились первые потери. Исчезли 8 пудов золота и 410 золотых рублей из поврежденного ящика. Под подозрением оказался подполковник эсер Б.Солодовников, который участвовал в формировании Народной армии. 5 млн рублей золотом «израсходовал» ведавший в Комуче иностранными делами М.А. Веденяпин (Штегеман). Скорее всего, он передал эти деньги чехословакам и наверняка не без «отката». Затем Веденяпин работал подпольно на красных.

В Уфе разгрузили лишь один эшелон, а четыре остались стоять в тупике. В это время чехи решили овладеть золотом под предлогом его ненадежной охраны. Между ними и Директорией (ее Совмином) разгорелась борьба за золото. Чехи погрузили ценности обратно и отправили все эшелоны в Челябинск, где располагался штаб чехословацкого корпуса и Западного фронта, которыми в то время командовал генерал-майор Я. Сыровы. Чехи наверняка бы прикарманили золотой запас, если бы не начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Воспользовавшись отсутствием Сыровы, он своим приказом отправил все пять эшелонов 6 октября под охраной чехословаков в Омск, куда они и прибыли 13 октября. А после переворота 18 ноября 1918 года золотой запас стал именоваться «золотом Колчака».

Золото Колчака

Ценности были разгружены и помещены в кладовые Омского отделения Государственного банка. Если с сохранностью золота было более менее все в порядке, то серебро, изделия из серебра и монеты учитывались не так строго. Впоследствии его много оказалось у чешских легионеров, настолько много, что они создали «Легио-банк». И экономика вновь созданной Чешской республики пошла в гору.

О том, сколько было доставлено в Омск золотого запаса, видно из Акта от 10 мая 1919 года, после проверки, проведенной по указанию Колчака:

«В наличности оказалось следующее количество мест:

с российской монетой – 6517 ящиков, 1803 двойных и 8 одинарных мешков на сумму 499 435 177 руб. 65 коп.;

с иностранной монетой – 220 ящиков, 381 двойных и 12 одинарных мешков на сумму 40 577 839 руб. 36 коп.;

с переоцененной (дефектной) монетой – 261 двойных и 3 одинарных мешков на сумму 15 385 566 руб. 13 коп.;

со слитками – 391 ящик плюс 1235 ящиков, отосланных во Владивосток, на сумму 95 078 493 руб. 25 коп.;

с полосами – 3 ящика на сумму 529 594 руб. 24 коп.;

с кружками – 7 ящиков на сумму 525 447 руб. 23 коп.

Итого, на сумму 651 532 117 руб. 86 коп.

Кроме того, в трех ящиках с 17 почтовыми посылками с ценностями лаборатории на имя Монетного двора указанные суммы в учетных документах (499 898 руб.) не соответствовали их оценке, после проверки (486 598 руб.), в силу чего в итоговую сумму их не включили» .

Во Владивосток 1235 ящиков были отправлены 10 марта, туда же было отправлено в августе-сентябре золота на 197 021 672 руб. В сентябре – на сумму 15 700 000 руб. В октябре отправлено еще 43 557 744 руб., но его захватил в Чите атаман Г.М. Семенов. Сколько всего реквизировал Семенов золота, точно неизвестно, но крупных отправлений золота было 7. Как известно, Семенов был тесно связан с японцами. Слитки оценивались в 5 руб. 40 коп. – 5 руб. 50 коп. Монеты – по номинальной стоимости.

Золотой запас был показан союзникам. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жанен записал в мае: «Мы ходили большой группой в банк, чтобы присутствовать при проверке денежного звонкого наличия, спасенного чехами в Казани. Над подвалом, где находились ящики с золотыми слитками и платиновым песком, можно было видеть настоящую выставку золотых и серебряных вещей». В мае у иностранцев текли слюнки при виде русского золота, а через несколько месяцев они уже реально хотели завладеть им.

«Лучше передам его большевикам…»

С ухудшением положения на фронте генерал Жанен и дипломатические представители других стран стали добиваться от Колчака отправки золота во Владивосток, а затем под международной охраной в Париж. Скорее всего, так оно и было бы, и золото забрали бы в счет долгов, но Колчак жестко ответил: «Лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю». Это стало одной из причин впоследствии выдачи его Политцентру и опровергает тезис о том, что Колчак был послушной игрушкой в руках Запада и даже членом некоего масонского ордена.

В конце октября началась тайная погрузка по ночам «золотого эшелона» для отправки на восток под видом санитарного поезда. Финансовые служащие те, что сопровождали в Омск золотой запас, провели неофициальную ревизию и установили, что из 30 563 пудов, доставленных из Казани, истрачено было 11 500 пудов, т.е. более одной трети. По более поздним данным Наркомфина СССР на восток из Омска было вывезено золотого запаса на сумму 241 066 014 руб. 63 коп.

В Омске уже из вагона два офицера похитили мешок, в котором было 60 тысяч золотых рублей. Н.П. Кулябко заметил пропажу и потребовал вернуть его, но начальник контрразведки, приказал не путаться под ногами и будто бы сказал ему: «…Молчание – твое золото!».

Начальник охраны золотого эшелона поручик М.К. Ермохин

12 ноября 1919 года «золотой эшелон» под литером «Д» в составе 5 поездов и поезда Колчака отправился на восток. Ехали долго и 27 декабря добрались до Нижнеудинска. Начальником команды охраны назначили поручика М.К. Ермохина, общее руководство эшелона осуществлял подполковник Сургутанов. Ермохин ранее был начальником охраны предполагаемого места раскопок останков царской семьи, а затем начальником личной охраны командующего фронтом генерала М.К. Дитерихса. Позднее в эмиграции Ермохин жил в Маньчжурии весьма бедно, стало быть, золотом не поживился.

В Верхнеудинске генерал Жанен и чехословаки постепенно убрали русскую охрану, и 10 января двинули эшелон в Иркутск, где сдали Колчака эсеро-меньшевистскому Политцентру. В пути на станции Тыреть из вагона №566028 пропали 13 ящиков с золотом. Жанен приказал отправить золото под опеку японских войск, но ситуация изменилась. Приближалась 5-я красная армия, партизаны грозили разобрать рельсы. Чешский генерал Я. Сыровы писал Жанену: «Невыдача золота для передачи его японцам так возбудит против нас все русское население, особенно большевистские элементы, что наше войско от Иркутска до Тайшета окажется в сплошном огне. На нас нападут со всех сторон». В итоге пришлось золото передавать большевикам. Они и вернули его 3 мая 1920 года в Казань.

Таким образом, Колчак и его золотой эшелон стали пропуском для чехословаков на родину.

Судьбу колчаковского золота за границей подробно проследил историк Олег Будницкий по материалам иностранных архивов и опубликовал в книге «Деньги русской эмиграции: колчаковское золото 1918 – 1957» М., 2008. Он развеивает мифы о тоннах золота, спрятанных в иностранных банках, которые якобы принадлежат России. Как мы отмечали выше Колчак использовал около трети золота, за что его впоследствии упрекали: мол, надо было тратить его не жалея. Но Колчак смотрел на золото как на принадлежность Российской империи, которое пригодится для восстановления хозяйства после падения большевиков, в чем никто не сомневался.

Самый крупный золотой займ 22,5 млн долларов (1 доллар равнялся двум золотым рублям) оказался на счету российского финансового агента С.А. Угета, поскольку колчаковское правительство так и не было официально признано иностранными государствами. В США были заказаны винтовки «Ремингтон», но полностью выполнить этот заказ не успели, и деньги от золота остались. Кроме этого, в США остались 500 тыс. тонн различного имущества, заказанного Россией. В отличие от Франции и Англии, эти средства не были секвести-

рованы США, как и Японией. Эти средства с помощью различных ухищрений тратились на содержание белой эмиграции вплоть до середины 1950-х гг.

Однако стоит отметить, что большая часть захваченного Семеновым золота перекочевала к японцам. По парламентскому расследованию, проведенному в Японии в 20-х годах в «секретном фонде» Квантунской армии находилось 10 млн золотых рублей, в основном переданных «на хранение» различными чинами армии Семенова и им самим под расписки. Характерна история с начальником тыла армии Семенова генералом П.П. Петровым. Он передал под расписку полковнику Идзомэ 22 ящика со слитками золота на сумму 1 млн 270 тыс. зол. рублей. В 1923 году во время землетрясения в Токио подлинник расписки был утерян. И попытки Петрова в 1920-30 гг. вернуть золото через суд не увенчались успехом. Еще больше уплыло золота в Японию с помощью генерала Розанова из Владивостока. А в середине 1920-х он якобы вдруг погиб.

Согласно справке из Архива ФСБ, приведенной в книге В. Сироткина «Золото Колчака», в 1940 году было заведено дело о розыске золота на основании заявления эстонца А. Лехта, который ссылаясь на заявления эстонца Пуррока, служившего писарем в 21-м запасном Сибирском полку, просил разрешить въезд на территорию СССР в район ст. Тайга, где в октябре 1919 г. Пуррок с двумя солдатами и командиром полка полковником Швагиным М.И. зарыли 24 ящика золота на глубине 2,5 м. В 1941 году Пуррока нашли, и он с работниками НКВД выезжал в район захоронения, но точно указать место не смог, хотя дорогу, рядом с которой было зарыто золото, нашел. Было выкопано 148 шурфов на глубину 1,75 м, но золота не нашли. За обман власти Пуррок был привлечен к суду. На суде он говорил, что за давностью лет местность изменилась, поэтому он не указал точно место клада. Пуррока осудили на пять лет, и в 1942 году он умер в лагере. Причиной неудачных поисков могло быть и то, что неглубоко копали. Поиски в 1951 и 1954 г. также ни к чему не привели. Возникла версия, что надо было копать от станции Тайга не в сторону Новосибирска, а в сторону Красноярска… Но в 1959 году розыски золота прекратились.

«РОМАНОВКИ», «КЕРЕНКИ», «СИБИРКИ»…

О денежных знаках в Сибири при Колчаке

После Февральской революции начался территориальный и экономический распад Российской империи, усугубившийся после Октября. Одним из главных атрибутов сепаратизма становились собственные деньги. По оценкам специалистов, с 1917 по 1920 гг. на территории империи в обращении было от пяти до двадцати тысяч разных денежных знаков. Народ им часто присваивал весьма меткие названия: «романовки», «думки», «керенки», «моржовки», «чайковки», «крылатки», «мотыльки», «донские», «колокольчики», «колчаковки» и т.п.

От «романовок» к «керенкам»

Несмотря на все социальные катаклизмы, вплоть до 1922 года на территории бывшей Российской империи население предпочитало романовские деньги, считая их самыми крепкими. Что объективно так и было, по крайней мере, до войны.

К 1914 году в стране было кредитных билетов (бумажных денег) 1 664,7 млн рублей и золотых монет на 494,2 млн рублей. Причем кредитные билеты покрывались золотом на 101,8%. Однако с началом войны резко вырос спрос на наличные деньги, золото стало исчезать из обращения. Увеличили в 10 раз чеканку серебряной монеты, но и они исчезли из обращения. Тогда Казначейство было вынуждено выпустить в сентябре 1915 г. марки-деньги достоинством 1, 2, 3, 10, 15 и 20 коп. на сумму 48,7 млн руб. Они были размером 24х30 мм и выпускались листами с зубцовкой. Кроме марок, с декабря 1915 г. стали выпускаться разменные деньги в виде бумажных прямоугольников достоинством 1, 2, 3 и 5 коп., которые считались более удобными.

Временное правительство, пришедшее к власти в марте 1917 г., продолжало выпускать царские деньги, за восемь месяцев увеличив денежную массу в 2 раза. В мае 1917 г. оно произвело эмиссию царских пятирублевок образца 1909 г., изменив нумерацию. Затем оно стало выпускать 250- и1000-рублевые купюры. Поскольку на 1000 рублевой купюре был изображен Таврический дворец, где заседала Государственная дума, эти деньги прозвали «думками». На купюре в 250 руб. орел был лишен символов самодержавия и располагался на фоне свастики, за что сегодня художник Билибин, разработавший эскиз, был бы привлечен к ответственности за экстремизм. Таких денег было выпущено в 1917 г. на сумму 5 млрд 889,2 млн рублей.

Однако мелких денег не хватало и в сентябре 1917 года были выпущены казначейские знаки достоинством 20 и 40 руб., прозванные «керенками», т.к. Временное правительство в это время возглавил Керенский.

«Керенки» выпускались неразрезанными листами до 40 штук на каждом. Хотя они имели слабую защиту от подделок, но из-за денежного голода вскоре стали основным платежным средством. Правда, по отношению к «романовкам» имели пониженную расценку – 15-20%. Крупные купюры складывались в кубышки на черный день. Министр финансов Временного правительства Бернацкий, хотя и признавал, что это были скверные денежные знаки, но при этом говорил, что если бы они не были выпущены, «то октябрьская революция превратилась бы в сентябрьскую».

«Керенки», впрочем, как и царские деньги, продолжали печатать и большевики после захвата власти. До 1922 года, когда «керенки» изъяли, их было напечатано на сумму 38 млрд руб.

В начале 1919 г. Народный банк советского правительства стал выпускать собственные дензнаки по 1 и 3 руб. по аналогии с «керенками» листами по 25 и 50 штук. За маленький размер (38х47 мм) и яркую и пеструю расцветку народ прозвал их «мотыльками».

Любопытный факт: в 1920 году Омский губревтрибунал рассматривал дело по антисоветской агитации. Один из свидетелей заявил, что он ничего не слышал, так как занимался своим делом, «резал деньги», чтобы выдать зарплату. Большинству наших современников непонятно, как это можно резать деньги. Очевидно, что он разрезал на купюры листы «керенок» или «мотыльков».

Советские деньги ценились дешевле старых. За романовскую «катеньку» (100 руб.) давали 1500 советских рублей. «Думки» были дороже в 6 раз, «керенки» в 3 раза.

После прихода к власти Колчака его правительство продолжило выпускать казначейские знаки Временного Сибирского правительства и краткосрочные обязательства Государственного казначейства, так называемые «сибирки». Эмиссионную политику определял 28-летний министр финансов Иван Михайлов, сын известного народовольца Андриана Михайлова. Эсеры называли Ивана Михайлова Ванькой-Каином, считали его причастным к гибели писателя Новоселова и разгону Директории, намекали, что у него руки в крови… На что он однажды заявил, что если в чем и испачканы его руки, так это в типографской краске.

Однотонные «сибирки» легко подделывались, их в громадном количествах выпускали в своих эшелонах чехи. Как писал Георгий Гинс: «Качество сибирских денег отражало низкий уровень сибирской техники: ни бумаги, ни красок, ни художников, ни хороших типографий – ничего не могло получить правительство для того, чтобы обеспечить выпуск не поддающихся подделке, технически совершенных знаков, а между тем требовалось ускоренное печатание. Во все городах ощущался денежный голод».

5%-ное краткосрочное обязательство. «Сибирки»

15 мая 1919 г. колчаковское правительство выпустило постановление об изъятии «керенок» с целью предотвращения их наплыва с советской стороны. Как производилось изъятие «керенок» можно проследить по изданиям того времени. С января 1919 года стал выходить сначала 1 раз в 2 недели, а затем еженедельно «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» «для

освещения явлений экономической, хозяйственной и финансовой жизни освобождающейся от ига германо-мадьяро-большевистских угнетателей нашей Родины – России…» В «Вестнике» №13, май 1919 г., читаем: «В связи с решением Сибирского Правительства изъять из обращения «керенки», среди населения больших городов и других местностей начали появляться слухи о большом количестве поддельных обязательств Государственного Казначейства. Кроме того усиленно распространяются списки с нумерами якобы поддельных обязательств, равным образом появились известия о том, что срок взноса «керенок» продлен на 3-4 месяца. В виду сего Государственным Банком напечатаны во всех газетах объявления и выпущены особые летучки с извещением о том, что:

«Керенки».

1) никаких списков Государственным Казначейством не издавалось;

2) распространение всех подобных слухов, направленных к подрыву доверия населения к денежным знакам Российского Правительства являются результатом злостной провокации;

3) на точном основании закона от 15 апреля сего года об изъятии «керенок» из народного обращения свободное их хождение безусловно прекращается 15 мая, причем последний день приема считается 14 мая, каковой срок ни в коем случае изменен не будет».

Из «Вестника» №14 узнаем, что к 15 мая «в Государственное казначейство поступит не более одного миллиарда рублей». Из чего следует, что акция по изъятию «керенок» провалилась, а прием их продолжился.

Газета «Наша заря» 8 июня 1919 г. публикует такое «Объявление от министерства финансов»: «Керенки» (казначейские знаки 20 и 40-рублевого достоинства) с 16 июня по 15 июля сего года будут приниматься под квитанцию по цене 50 коп. за рубль. Из этого полтинника половина будет выплачена наличными с 1 января 1920 г., а другая половина обращена в 20-летний беспроцентный заём. Спешите обменять свои «керенки». После 15 июля цена им будет понижена». По сути, гражданам предлагалось сдать «керенки» бесплатно. Ясно, что граждане не спешили их сдавать. Поэтому Михайлов меняет условия.

Газеты «Наша заря» от 18 июля и «Сибирская речь» от 20 июля 1919 г. публикуют одинаковое объявление:

«От Государственного Банка

По распоряжению Министра Финансов с 16 июля впредь до изменения срока учреждения Государственного Банка, Казначейства, Сберегательные Кассы будет принимать «керенки» (казначейские знаки 20 и 40-рублевого достоинства) по цене 25 коп. за рубль без займа, т.е. вместо 20 и 40 руб. будут выплачиваться 5 и 10 руб. наличными немедленно. Управляющий Рошковский».

После изъятия «керенок» положение с денежной массой еще более ухудшилось, хотя Михайлов делал все, чтобы увеличить количество мелких купюр. Омское правительство приступило к разработке эскизов новых денег номиналом от 1 до 1000 рублей. Рисунки для новых денег выполнял скульптор-художник Шадр, тот самый автор скульптуры «Булыжник – оружие пролетариата». Однако выпустить эти «колчаковки» не успели.

Положение могли спасти новые деньги, заказанные в Америке еще Временным правительством в 1917 году. Но союзники протянули с их выдачей и они поступили в Сибирь лишь в сентябре 1919 года, когда уже было поздно. С сентября же стали наравне с дензнаками обращаться облигации Государственного 4,5%-ного займа с купонами к ним, также напечатанные в Америке. Но это уже было без Михайлова, в августе Колчак отправил его в отставку.

ПРОШЕНИЯ К КОЛЧАКУ, КОТОРЫЕ ДО НЕГО НЕ ДОШЛИ

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в советское время Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), в фонде Совета министров Российского правительства Колчака (ф. 176) есть папка с надписью: «Дела прошений, оставленные без движений».

Здесь находятся просьбы, письма, рапорты, ходатайства и телеграммы, присланные в 1919 году на имя Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Александра Васильевича Колчака, которые по разным причинам не были пропущены к нему директором канцелярии Верховного Правителя генерал-майором А.А. Мартьяновым.

Документы эти интересны тем, что они касаются многих сторон жизни времен Гражданской войны: политики, положения на фронте и в тылу. И выражают, часто бесхитростно, взгляд простых людей, вовлеченных в эту великую для страны трагедию, на те или иные события. Вот как видятся, например, причины первых крупных поражений белой армии на фронте младшему офицеру действующей армии. Здесь и далее тексты приводим в орфографии подлинников.

«Офицер 14 Иртышск.
Сибирск. полка
прапорщик Степаненок
2 июля 1919

Я только что прибыл с позиции и решил объяснить Вам Ваше превосходительство причину 2 Карапатского отступления (так в тексте, видимо, автор проводит аналогию с Карпатским отступлением – П.Б.).

Наверное, Вам говорят начальствующие лица, что виноваты в этом солдаты нашей армии, а я скажу, что больше всего вина падает на наше высшее начальство (подчеркнуто автором письма. – П.Б.).

Командующий армией и командиры некоторых корпусов и дивизий, они слишком зазнались и безпечно вели, когда наступали мы, и оказали полную неопытность в трудную минуту.

Они знали отлично, что численность штыков в полках была в среднем от 600 до 800 и что полки занимали участки в среднем от 15 до 20 верст; резервов близко никаких не было, достаточно было разбить один полк, и фронт открывался, и чтобы немедленно исправить положения, не ослабляя другие участки, не было возможности; что и случилось в переживаемое время, результат на лицо.

Если бы все те полки, которые прислали на позицию во время отступления, были бы присланы во время, т.е., когда мы наступали или стояли на месте, этого отступления не случилось бы.

Можно было еще поправить положение, когда г. Сарапул начали эвакуировать. Ижевцы и воткинцы, видя, что им тоже угрожает, они просили Командующего Южной Группой дать им оружие и они будут защищать свои заводы, это были те самые люди, которые уже дрались наряду с нами против красных, их предложение в начале было отклонено.

Когда же красные взяли г. Сарапул и находились в 20 верстах от Ижевска, тогда командиры опомнились, и Козогранди делает воззвание к тем, кто предлагал свои услуги, но было поздно. Хотя ижевцы и откликнулись на воззвание, но их 2/3, забрав свое имущество, жен и детей, уже уехали из завода, и оставшимся тоже нужно было спасать семейство. Но все-таки они принялись формироваться...

Если бы их сформировать во время, когда их семейства сидели в своих родных холупах, была бы другая картина, и в них было бы больше желание защищать свое имущество.

Чтобы остановить противника и дать ему надлежащий отпор, нужно немедленно мобилизовать до 45 лет всех беженцев и купцов во всех городах, довольно им спекулировать. Это будет более надежное войско, чем 20 летние сиб.(иряки), которые настроены, если не большевицки, то безразлично. Большевики прекрасно внушили в деревнях, что воюют только бедные, а богатые, как и раньше, так и сейчас, под разными предлогами ловко отделываются от военной службы совсем или же великолепно устраиваются в разных тыловых или фронтовых штабах.

В деревне можно мобилизовать до 45 лет только уезды Пермский, Осинский, Верхотурский и Камышловсний, где жители преимущественно на нашей стороне.

Есть много, что другое сообщить, но пока довольно, но в последствии я выскажу все.

Прапорщик Степаненок».

Что ж, в смелости и логике прапорщику трудно отказать. Кстати, вопрос о необходимости призыва имущих высказывался многими и, по-видимому, не без основания. Степаненок верно подметил один из главных козырей в агитации красных и нежелание молодых сибиряков воевать, вылившееся в дальнейшем в массовое дезертирство и укрывательство от мобилизации, за что следовали часто террористические меры. Так, один из немногих свидетелей гражданской войны житель Горьковского района Омской области Егор Павлович Пикуль, 92 лет, рассказывал автору этих строк, как за его укрывательство от мобилизации нагрянувшие в деревню чехи так избили отца, что он вскоре умер, а мать лишилась зубов: чешский офицер, засунув в рот ей дуло револьвера, требовал указать, где сын...

Аналогичные мысли высказывал и барон Будберг, человек куда более высокого ранга:

«Я новый человек и в Омске, и в министерстве, и для меня совершенно одинаковы и Лебедев, и Степанов, и Сурин, и Леонов и пр. и пр. Но для меня зато ясно, что в неуспехе фронта виноваты те, кто позволил армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70–80 тысячах штыков; те, кто допустил хищническое расходование наших бедных средств снабжения; те, кто по безграмотности и по честолюбию гнали армии от Урала к Волге, забыв о возможности красного контрнаступления и не учитывая усталости, раздетости, растрепанности армий; те, кто по честолюбию не сумел вовремя оценить обстановку, созданную переходом красных в наступление, и продолжал цепляться за авоську, пожертвовав ради этого последними и не готовыми для боя резервами».

Общеизвестно, что всякая война тяжким бременем ложится прежде всего на женщин и детей. Нам более или менее известны трудности быта времен гражданской войны с одной стороны, а вот голоса с белой территории:

«Ваше Высокопревосходительство! Извините, что осмелилась обратиться к вам с просьбой ***о помощи*** (подчеркнуто дважды. – П. Б.). *Вам мой поступок может показаться смешным, глупым, но еще раз прошу, извините меня: я не имею ни родных, ни знакомых, которые могли бы помочь мне, и не имею ни сил, ни средств для борьбы с обстоятельствами, поставившими меня в такое положение, из которого я всеми силами хочу, но не могу вырваться. Мне даже не с кем посоветоваться, я никого не знаю, а Вас я знаю: так как Вас знает вся Россия.*

Я читала в газете Вашу речь и почувствовала, что после моего отца, я больше всех люблю и уважаю Вас, у меня явилась мысль обратиться к Вам так, как я обратилась бы к отцу, и явилась надежда на то, что Вы меня услышите.

Я девушка. Мне семнадцать лет, окончила семь классов гимназии. Шесть лет училась в Томской Мариинской гимназии и один, прошлый год, в Московской частной гимназии...

Весной я была переведена в восьмой класс, но уехала из Москвы, не дождавшись выдачи сведений, потому что занятия окончились перед Пасхой, а выдача была назначена после Пасхи. Нужно было прожить праздник в Мо-

скве, а каждая прожитая там неделя стоит очень дорого. Сведения я поручила получить моему отцу, который служил главным бухгалтером в Совете Съезда углепромышленников Средней России. После отъезда из Москвы никаких известий мы от него не получали. Где он теперь, что с ним, не знаю; о Петрограде, Москве и о всей Советской России пишут такие ужасы: волосы поднимаются на голове, когда подумаешь, что он там. В настоящее время я живу на Урале в Оренбургской области, в 60 верстах от станции Миасс Самаро-Златоустовокой ж.-д. с матерью и четырьмя братьями, из которых старшему 12 лет, меньшему четыре. Старший в прошлом году также учился в Москве во втором классе коммерческого училища, теперь он служит талонщиком на мельнице.

Только благодаря его работе, мы имеем возможность существовать: жалование он получает шестьдесят рублей, но имеет право пользоваться «бусом». Бус – это смесь муки, отрубей и пыли, которая покрывает на мельнице пол, стены машины, одежду служащих. В некоторых местах, например, у рассева, бус скопляется в больших количествах. Просеянный, он годен для употребления...»

Далее автор письма пишет, что сейчас на мельнице работы мало, что сама она найти работу не может, и просит дать дело, способствующее освобождению Родины и ее отца или разрешить проезд от ст. Миасс до Томска, где она надеется найти работу. Заканчивается письмо призывом с нотками отчаяния:

«Услышьте мою просьбу! Я так хочу работать, хочу учиться. Занимаясь летом, я, может быть, смогу вернуть потерянную зиму, кроме того, моя часть «буса» останется братьям.

Извините и услышьте мою просьбу.

Мой адрес – почтовый: Полянское почтовое отделение

Оренбургской губернии

Юлии Ивановне Соломиной,

Телеграфный; Миасс почт. Поляковка Соломиной.

Преданная Вам всей душой

Юлия Соломина».

В городе же трудности были не только с продовольствием. Так, 2 октября 1919 г. Анна Михайловна Лобейко, проживавшая в г. Омске по улице Степной, в д. 85, подала прошение, в котором пишет, что муж ее 2 года добровольно в армии, а она живет с двумя детьми учебного возраста и просит дров 1 сажень, так как «на базаре привезут один-два возжика, то их берут по 1200 руб. за воз сбою».

А вот еще прошение на эту же тему.

«Господину Верховному Правителю – Вождь России.

Вдовы учителя СПБ гимназии

Александра Григорьевна Канторская

(Беженка из гор. Перми)

Убедительнейшая просьба

Имею честь покорнейше умолять вас, Г. Верховный Правитель – Вождь России, не оставьте мою просьбу без внимания. Благодаря большевикам я ***осталась нищей*** (подчеркнуто подательницей. – П.Б.)*, отобрали от меня все,*

что имела, даже деньги, которые я берегла много лет своим родным племянникам. Пять раз этими же хулиганами была арестована, сидела за решеткой, через два дня получала кусок черстваго хлеба и кружку воды, а издевательство сколько было, одному Богу известно. Ведь я пожилая дама и все-таки делали надо мною, что хотели. Я никак не могу простить этим подлецам, где только я узнаю, где коммунист, то немедленно же их выдаю Г-ну полковнику Злобину в Гл. Штаб. Этих подлецов надо истреблять, они ведь нас не жалели. Зимой в Перми ходила босой, галоши были очень плохие, а большевики, т. е. наш квартальный, не выдавал только потому, что я не состояла их партии и поэтому службу не получила; неоднократно хулиганы говорили мне, чтобы я присоединилась к их партии, тогда я от них все получу, но я твердо стояла на своем. Те, которые служили у них, конечно, принадлежали к ихней партии, то им все было доставлено. И таких хулиганов 2-хличных много.

Теперь умоляю Вас, Господин Верховный Правитель – Вождь России, может через Вас получу что-нибудь на пальто, хоть старенькую солдатскую шинель, а то уже наступают холода, а средств нет. Служу в городской управе с 1-го числа на жалованье 400 р. Но на эти деньги не могу себе купить пальто, а мне же надо заплатить хозяевам, где живу, меньше 300 руб. в мес. никто не берет. Будь казенная комната для меня, то это было бы счастье для меня. Надо муфту, перчатки, галоши, чулки и теплый платок, а на это жалованье не купишь, все дорого.

У меня шуба была дорогая, теперь большевичка какая-нибудь носит, они отняли шубу от меня, я их всегда проклинаю.

23/10 августа 1919 года

Атаманский хутор, Телятниковская ул., дом Мясникова, кв. Оглы.

Теперь только надежда на Вас, Г. Верховный Правитель – Вождь России».

Но, кроме забот о хлебе насущном, у людей и в то трудное время были другие интересы. Приводим несколько любопытных, на наш взгляд, прошений.

«Верховному Правителю Адмиралу Г-ну Колчаку

Имею честь покорнейше просить вас принять настоящий гимн моего сочинения, если пригодится, на конкурс. Х. Досович. Адрес мой: Стретенск. набер., д. Орликова.

17 июля 1919

Гимн

Наших офицеров и солдат мы восхваляем,
И дорогую нашу родину освобождаем.
Ведь большевизм мы прочь уничтожаем
И мы народный гимн петь начинаем.
Да здравствуют наши офицеры и солдаты.
Разгоняя врага, уничтожаем его прочь,
За славу, за родину нашу, ребята,
Мы выполняем нашу службу день и ночь...»

Избавляем читателя от полного текста гимна. Очевидно и так: у автора есть желание, но нет способностей. И безжалостный синий карандаш Мартьянова вполне справедливо начертал: «К д.<елам> Не пригоден».

«Его Превосходительству Верховному Правителю
Состоящего в резерве чинов
округа офицеров для поручений
по реквизиции помещений
поручика артиллерии
Николая Григорьевича Левицкого,
жительства в г. Омске по Кирпичной улице в доме № 16

Прошение

Я прекрасно езжу верхом на лошади и известен Вам как преданный Вашему Высокопревосходительству человек. Посему всепокорнейше прошу, не признаете ли возможным назначить меня в личную охрану Вашего Высокопревосходительства, при этом присовокупляю, что я меткий стрелок.

20 сентября истинного стиля 1919 г.»

Не получив ответа, настырный поручик Левицкий через неделю, 27 сентября, подает повторное прошение, на этот раз, правда, по-другому поводу. Он пишет, что газета «Сибирская речь» опозорила его имя и просит аудиенции у Верховного Правителя, чтобы объясниться. Не удалось пока выяснить, как опозорила газета поручика, и не повод ли это, добившись приема у Колчака, получить удовлетворение по первому прошению.

А рядом с этим ходатайство другого свойства. Подано оно в канцелярию младшим унтер-офицером Тимофеем Дорощуком. Он просит поощрить полковника (!) Дмитрия Ивановича Вержейского, который еще в 1918 году сколотил в Челябинске отряд и успешно действовал против красных. Усмотрев редкое нарушение армейской субординации, генерал-майор Мартьянов наложил на прошении резолюцию: «Ввиду трудности разыскания недисциплинированного ходатая, прошение к делам.»

Даже в то страшное время не угасала изобретательская мысль, о чем свидетельствует следующее прошение.

«Его Величеству Верховному Правителю
Паровозный машинист
депо Омск, евакуированый
из депо Уфалей,
Нельзин Иван Павлович

Прошение

Честь имею покорнейше просить Вас, Ваше Величество, не найдете ли возможным предоставить мне возможность делать самоработающий механизм, который должен вращаться без посторонней силы. Прозьба, Ваше Величество, касающаяся лишь Вас одних в секрете.

Машинист Нельзин.»

Машинист Нельзин, очевидно, не знал о том, что Парижская Академия давно уже запретила рассматривать проекты вечных двигателей, но Мартьянов, похоже, знал, прошение осталось без движения.

Кто только и по каким поводам не обращался к Верховному Правителю. Вот письмо бойскаута Алексея Шилова из Бийска, который пишет, что хочет стать моряком и просит у Адмирала совета, как это сделать. Вот прошение баптистов Акмолинска об освобождении от службы, так как поднятие против человека оружия грех. В подтверждение этого приводятся ссылки на библейские и евангельские тексты. Тут и телеграммы с ходатайством о пересмотре дела электротехника ст. Ишим Беляева Матвея, заключенного в тюрьму... Но, о чем бы люди ни думали, чем бы ни занимались, трагический раскол в стране пролег между ними: соседями, сослуживцами, братьями... Раскол, до невиданного взаимоозлобления. Упомянутый уже Егор Павлович Пикуль на вопрос, почему, на его взгляд, армия Колчака не победила, не задумываясь, ответил: «Не ту ноту взяли... Озлобился народ!» Причина, по всему, не из последних. Видится этот раскол и в рапорте, приводимом ниже и похожем больше на донос.

«Его Высокопревосходительству Адмиралу Колчаку
Почталиона почт. отд.
Поперечное, М. Н. Борковского

Рапорт

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству о Вашей борьбе с большевиками: тяжело и очень тяжело бороться с этой язвой, т. е. врагами рода человеческого, сколько страдания перенесла Наша Родина от их зла, но и еще не все, как видно.

Посмотришь, посмотришь на все это зло и удивляешься этому, чего им, этим разорителям, надо. Сказать на темный народ, который без образования, а больше всего грустно смотреть на тех людей, которые с образованием. Вот, например, начальник Попереченского почт. отд. Томской губ. Андрей Федорович Устюжанин, который оскверняет храм Божий. Духовенство и проч. святыни. Разве не стыдно, что еще, что человек с образованием и высказывает такия глупости на чехо-словаков, которые пришли на помощь Правительству, спасать Родину. Говорит, что пожирели и их нужно всех перебить. Смотря на офицерей и проч. военных лиц, увидя погоны, говорит, нужно прибить ему к плечам гвоздями.

При этом добавляю, что были телеграммы сделать сбор на нужды молодой армии, мной была взята у церковного сторожа кружка для сбора на нужды армии, то начальник мне не велел делать никакого сбора.

О Вышеизложенном доношу, что действительность и не подложность моей подписи могут свидетельствовать лица, проживающие за стеной Учреждения, в чем и подписуюсь.

почт. Борковский 9 сентября 1919 года».

На листах 16–17 Дела «прозба» беженца из Псковской губернии – 43-летнего крестьянина Филиппа Логиновича Крылова, в которой он рассказывает, как выколачивали продотрядовцы хлеб, пишет, как комиссар порол его

и хотел бросить в речку Кылгу, как вывернул кисть за то, что говорил о большевиках правду. (А легко ли говорить правду под дулом маузера, пусть поразмышляют «знатоки» русской души-рабы)... Несмотря на увечье, Крылов просит направить его в действующую армию. Обретенная же им правда, похоже, переполняет его, тревожит и он хочет поделиться ею с другими, прикладывая к прошению свои две статьи-размышления для газеты: «Обман Ленина» и «Обман Троцкого», в которых он считает, что после революции солдат разоружили специально, чтобы, когда придут в деревню забирать хлеб, не отбивались бы, что крестьян обманули, хлеб выманили и отобрали, обещая деньги, и не вернули ни зернышка, и денег не заплатили... Впрочем, слово автору.

«Обман Ленина

Друзья-крестьяне, вспомните декрет Ленина, когда он обманул рабочих городов Петрограда и Москвы и часть матросов города Кронштадта разными речами, что большевики войны не хотят, и что земля, лес, воды народу, а вот выслал своих агитаторов по волостям крестьянам. И начали оне собирать схотки. И вот, дорогие крестьяне, вспомните же теперь, что оне нам говорили, оне нам говорили, что временное Правительство что вам дало добраго, да ничего: все война, война до победного конца. А мы, большевики, войны не хотим, мы войну кончем, кончем вочтоба-то нистало. Вот тут надо было и обдуматься нам, как это кончем вочтоба-то нистало мы войну. А мы это, друзья-крестьяне, пропустили. И вот опять все-таки говорят: подумайте, товарищи, за что воюем, и к тому же, что немцы также крестьяне и рабочий народ, оне также наши братья, мы брат брата бьем, а буржуазы в стороне и наживают деньги. Мы кончем мир без анексий и контрибуций, на самоопределение народов, и земля, лес, вода – все народу. Так оне зделали землей на первом шагу своего обмана: оне ссорили крестьян и стали делить землю так, кто имел 15 десятин земли, а семейства 12 человек, ему никогда не хватало для своей семьи хлеба, а от него отбирали и давали, у кого совсем небыло или тому, у кого 3 десятины, а семейство 8 человек. И доходило до того во многих деревнях, что вспыхивали драки так, что кольями убивали друг друга насмерть, и вот, дорогие друзья-крестьяне, теперь и подумаем, что немцы были братья, ну скажем, что двоюродные. А теперь с кем же мы воюем? Теперь оне нас втянули год восемь месяцев в родную братоубийственную бойню. Советую, дорогие друзья-крестьяне, поднять свой мощный крестьянский кулак и крикнуть: долой большевиков, смерть большевикам!

Обман Троцкого

Вот посмотрим, милейшие друзья-крестьяне, поехал Троцкий в Брелитовск на мирный договор, и чтоже оказалось с того мира? Оказалось то, что заключили мир с анексией и контрибуцией, а самоопределения народов там и не было. Анексии и контрибуции такия, что не только нам выплатить, так и тем не выплатить, которых сейчас на Божьем Свете нет, а когда они народятся, так им хватит платить. (...) И вот начали большевички хозяйничать, разграбать и уничтожать российское крестьянское богатство и отправлять братьям немцам...»

Что ж, довольно распространенный в то время взгляд на революцию и Брестский мир высказал в своих размышлениях крестьянин Крылов. Вот, для сравнения, сходные слова из «Послания Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров» 1918 года: «От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унизительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото».

Не исключено, что Крылов читал Послание Патриарха, которое распространялось в Омске в это время Войсковым Осведомительным отделом Сибирского Казачьего войска, и написано оно не без его влияния, но очевиден и свой мужицкий взгляд на этот вопрос, по крайней мере, в здравомыслии ему не откажешь. А вот еще из того же, 1918 года, голос философа Н. Бердяева: «Вся революция наша представляет бессовестный торг – торг народной душой и народным достоянием» («Духи русской революции»).

В скобках спросим, а что писалось бы в советских учебниках по истории о Брестском мире, не случись революции в Германии. Правда – категория объективная. Какими глазами ни смотри на нее: крестьянина, Патриарха, философа, она одинаково правда. Ее можно исказить, но скрыть – никогда.

ШОКОЛАД И ДАМСКИЕ ЧУЛКИ ВМЕСТО ХЛЕБА

О некоторых фактах снабжения населения Омска при Колчаке

Кроме министерства продовольствия в правительстве, при Колчаке было создано Государственное Экономическое Совещание. Выступая на его заседании, Верховный правитель сказал: «Первая задача, которую я ставлю Экономическому Совещанию, – это решение вопросов снабжения нашей армии и обеспечение экономического положения участников борьбы. Второй вопрос – бюджет. Разбор бюджета государства дает возможность оценить работу власти. Третий – оплата труда. В разрешении вопроса земельного, одного из сложнейших вопросов, которые приходилось государству решать, я также ожидаю помощи от Государственного Экономического Совещания».

Ни одной из поставленных задач в полной мере решить не удалось, что во многом определило поражение белых. Пока спорили, разрешать ли свободную торговлю (спекуляцию) или бороться с ней, цены росли, товары исчезали, росло отчуждение между армией и тылом. Если до войны пшеничная мука-сеянка стоила не больше 1 руб. 20 коп за пуд, то в марте 1919 она стоила 56 руб. за пуд. А зарплата, например, сторожа, поднялась за эти годы с 18-20 руб. до

330 рублей в месяц. То есть той же муки он в 1919 году на свою зарплату мог купить в 3 раза меньше.

Председатель Экономического Совещания Георгий Гинс писал в своих воспоминаниях: «Обывателю – а военный тоже обыватель – многое непонятно. Он, например, не имеет представления о валюте и вексельном курсе и ему никак не усвоить, почему товар, стоивший в апреле рубль, в мае должен ввиду падения курса рубля на Востоке и в предвидение дальнейшего понижения расцениваться в пять раз дороже. Ему неведомы «тайны» транспорта. Но зато обыватель чувствительнее научного и бюрократического. Он не может не видеть, как товар намеренно припрятывается, как он намеренно выдерживается на станциях, и он негодует, когда против этого не принимают мер».

А о том, как работали чиновники из Продовольственного отдела (располагался в доме Алексея Ганшина на Любинском пр.), созданного после начала войны и возобновленного при Колчаке, видно наглядно из доклада Заведующего хлебным подотделом Андрея Ветлянского Ревизионной комиссии гласных Городской думы:

«Доклад на предложенные комиссией вопросы

1) операции хлебного п/отдела со времени его новой организации 20/XII -18 г. и по 15 сего марта таковы: куплено всего пшеницы 53 765 пудов на сумму 879 001 руб. Других расходов: подводы, кантарка, размол зерна и стоимость порожних мешков под мукой 196 399 руб. Всего затрачено 1 075 300 р. Расходы на служащих за декабрь, январь и февраль-месяц 9 205 руб.

Итого расхода: 1 084 500 руб.

Прихода: получено муки и отрубей на 1 004 360 руб. Остаток пшеницы на 5/III – 12 668 пудов по себестоимости 17 руб. за пуд – 215 356 р. Итого прихода 1 219 716 рублей, чистой прибыли 135 211 руб.;

2) закупка пшеницы производилась до 9 марта только через посредство кооперативов, с 9 марта, кроме кооперативов, заключен договор с частными лицами: Степановым и Прасоловым, которые и покупают теперь пшеницу для Продовольственного отдела на комиссионных началах. Кроме этого, на днях послано в Славгород 150 000 р. г. Дитину на покупку пшеницы, но так как с Дитиным Продовольственный отдел покуда никаких определенных условий на этот счет не заключал, то неизвестно, будет покупаться пшеница в Славгороде или нет;

3) общее положение с закупкой хлеба у Продовольственного отдела таково. Согласно предоставленного мною плана ведения хлебных заготовок, утвержденного журнальным постановлением Прод. Отд. 17-го и 23-го декабря 18 года, а эти постановления были утверждены Городской Управой и Думой, предполагалось закупать наибольшее количество пшеницы в течение первого месяца, когда цены были сравнительно недороги: 14-15 р. за пуд. Для осуществления этой цели было решено образовать специальный хлебный фонд при оборотных средствах Продовольственного Отдела, для чего давать из ежедневной выручки лавок, достигающей в среднем 100 000 руб., не

менее 25 000 руб. Затем Торговому п/отделу было предписано воздерживаться от крупных закупок и все свободные средства отдать на покупку хлеба. Во исполнение указанных постановлений не было сделано ничего. Задаток был внесен не при подписании договора, а вносился в течение двух недель. Кроме данного кооперативу задатка в течение первого месяца не было дано на покупку пшеницы ни одного рубля.

Таким образом, в течение первого месяца предполагаемого количества пшеницы заготовить не удалось. Всегда, как только поднимался вопрос об уплате кооперативу денег за пшеницу, ответ был один: «денег в кассе нет, есть срочные платежи». Впоследствии же оказалось, что кроме «срочных платежей» Торговым п/отделом было произведено новых закупок более чем на миллион рублей в то самое время, когда Хлебному п/отделу не было дано ни копейки. При том в числе купленных товаров значатся купленные партии шоколада, дамских чулок и других галантерейных товаров.

Так продолжалось первое время. Теперь же, хоть и есть деньги, но цена на пшеницу поднялась до 30 руб. за пуд, и неизвестно, что будет дальше, т.к. цены растут с каждым днем. В данное время у Продовольственного Отдела имеется запас муки и зерна около тридцати тысяч пудов, количество недостаточное для удовлетворения нужд беднейшего населения города хотя бы на две недели. Местные мукомолы, за исключением Колокольникова, муки на местный рынок не выпускают, и с наступлением распутицы положение с хлебом будет катастрофическим. Виновниками же этого являются, безусловно, руководители Продовольствия, которые вместо хлеба заготовляли шоколад и галантерейные товары.

Должен указать еще на такое явление: в течение февраля, когда цены на пшеницу были 20-21-22 рубля за пуд, мне было приказано воздержаться от покупки, т.к. будто бы Управа находила эти цены спекулятивными, искусственно завышенными, и что они в скором времени должны понизиться. Мои возражения и доводы не были приняты во внимание и около двух недель пшеница не покупалась. Когда же цены стали гораздо выше, то мне снова было приказано покупку пшеницы возобновить.

На основании изложенного, а также других аналогичных случаев, которые мне приходилось наблюдать в течение моей службы в Продовольственном Отделе с 1916 года, и таковых случаев, чем дальше, тем становилось больше, я заявляю, что очень дорого обходятся обществу ученья и практика Продовольственников, но, кажется, еще никогда оно не платило за эту науку так дорого, как придется заплатить ему в недалеком будущем.

Зав. Хлебным п/отделом
Город Омск, 13 марта 1919 г.»
(ИсАОО, ф.172, оп.1, д.503, лл. 10-11)

Что ж, последние предупреждения Ветлянского оказались пророческими. Уже осенью за подобную науки пришлось платить. Надвигающуюся катастрофу чувствовали многие думающие люди. Гинс приводит в своей книге письмо

с фронта полковника Сибирской армии своему другу: «Неужели не найдется у вас там в тылу человека граждански мужественного, который не убоится крикнуть во всю глотку всем этим тыловым негодяям, забывшим фронт и тех, за спиной которых они спокойно устроились, что пора проснуться, прекратить вакханалию, веселье в кабаках и личные дрязги и интриги из-за теплых местечек! Мы здесь, на фронте, в случае катастрофы – а таковая вполне возможна – сумеем умереть героями, но как будут околевать тыловые герои – им виднее. Бейте в набат, пока не поздно! Здесь нет ни информации, ни должной агитации, нет снабжения всем необходимым и солдат совершенно забыт…»

Этот призыв в итоге оказался гласом вопиющего в пустыне. Кому война, кому мать родна!

КОЛЧАКОВСКИЙ «ОГОРОД» В ЦАРСТВЕ АТАМАНА СЕМЕНОВА

В 2008 году исполнилось 160 лет со дня рождения известного омского историка и краеведа генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева. Его жизнь, научная и общественная деятельность требуют отдельного описания, и любой, кто занимается историей края, не может обойти вниманием его работы по истории Омска и Сибирского казачьего войска. Мы же остановимся на малоизвестном эпизоде его жизни начала 1919 года, когда он был назначен председателем Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий атамана Семенова и подчиненных ему лиц.

Изменник

К счастью, Георгий Катанаев успел закончить в феврале 1921 года воспоминания об этом эпизоде своей жизни, которые хранятся в Историческом архиве Омской области в рукописном и машинописном виде в личном фонде Катанаева. Эти воспоминания, названные автором «В семеновском царстве», ценны своими фактами и деталями времен Гражданской войны. Мы остановимся на некоторых из них, воспользовавшись машинописной копией (ИсАОО, ф.366, оп. 1, д. 362а).

После государственного переворота 18 ноября 1918 года, в котором, к слову, непосредственное участие принял племянник Георгия Ефремовича Аполлос Катанаев, ареста членов Уфимской Директории и провозглашения А.В. Колчака Верховным Правителем нашелся человек, который не признал власть Колчака. Это был забайкальский походный атаман Семенов.

Не помогли даже увещевания других атаманов. Вот какая телеграмма была направлена ему 30 декабря 1918 года:

«Чита. Атаману Семенову. Оренбуржцы, уральцы, забайкальцы и семиреченцы шлют вам, забывшему казачью честь, свое негодование. В тот момент, когда родина получает, наконец, сильную единую власть, когда казаки поименованных выше войск, покрывших себя славою за воссоздание родины, заявляют Верховному Правителю о своей преданности и поддержке, вы дерзаете грозить ему. Опомнитесь, искупите свою вину, уйдите в сторону и не губите те казачьи семьи, увлекая наших братьев амурцев и уссурийцев, не мешайте работе нашей в воссоздании родины. Требуем этого от имени своих войск, выборными представителями <которых> мы здесь находились. Анисимов, Бородин, Лапшаков, Шендриков».

Атаман Г.М. Семенов

Когда Колчак узнал о неповиновении, он издал в конце ноября Приказ №60, где объявил Семенова изменником, а когда дошли сведения, что Семенов прервал железнодорожное сообщение и связь с Забайкальем, он выпустил 1 декабря 1918 г. Приказ № 61:

«1. Командующий 5-м отдельным Приамурским армейским Корпусом полковник Семенов за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу Армии, что является актом государственной измены, отрешается от командования 5 Корпусом и смещается со всех должностей им занимаемых.

2. Генерал-майору Волкову Сибирского казачьего Войска подчиняю 4-й и 5-й Корпусные районы во всех отношениях на правах Командующего отдельной Армией с присвоением прав Генерал-Губернатора, с непосредственным мне подчинением.

3. Приказываю Генерал-майору Волкову привести в повиновение всех неповинующихся Верховной Власти, действуя по законам военного времени».

Однако одно дело выпустить бумагу, другое реально выполнить приказ. У Семенова была своя армия, его активно поддерживали японцы, а Колчаку войска нужны были на фронте. Силовой вариант был невозможен, и поэтому возникла Чрезвычайная комиссия под председательством авторитетного среди казачества генерал-лейтенанта Катанаева.

В Иркутске и Чите

Утром 5 февраля 1919 года к Катанаеву прибыл чиновник по особым поручениям от министра юстиции Сергея Сазонова. Министр юстиции сообщил, что Верховный Правитель дает ему весьма важное поручение ликвидировать

«рогатные отношения» и следить за работой Чрезвычайной следственной комиссии. Катанаев пытался отговориться ссылкой на возраст (ему был за 70 лет) и неопытность в подобных делах, но это не помогло. Затем направились в военное министерство, располагавшееся в здании Коммерческого училища, а оттуда управляющий делами правительства профессор Тельберг повез его к Колчаку в дом Батюшкина. Тельберг снабдил его вырезками из сибирских газет о том, что творится в семеновском царстве.

Колчак принял старика ласково и сказал: «Мы возлагаем на вас большие надежды на счет Забайкалья, помогите нам водворить там порядок». Катанаев ответил: «Боюсь, что не сумею оправдать надежд вашего превосходительства. Ни прокурором, ни следователем, ни криминалистом, ни юристом вообще я никогда не был, судейскими делами не занимался. По натуре своей я всегда был большой оптимист и потому, вероятнее всего, окажусь неподходящ к моменту, снисходителен и доверчив».

Колчак успокоил: «Вы едете туда не карателем, в вашем распоряжении будут находиться специалисты следственных дел». По отношению к Семенову Колчак сказал, что назначил следствие не потому, что хочет упечь его, и просил разобраться и сказал, что готов пойти навстречу, хоть и назвал его в приказе изменником.

Получив аванс 25 000 рублей и по 50 рублей суточных на время командировки («Не особенно много по тогдашним ценам, но и не мало», – замечает он), Катанаев выехал 8 февраля министерским экстренным поездом в Иркутск, куда прибыл в ночь с 11 на 12 февраля. В Омске при подъезде к вокзалу лошадь испугалась автомобиля и понесла, выбросив Катанаева из повозки, у него разбились очки, и он едва не лишился глаза. От военного ведомства с ним был в комиссии генерал-лейтенант Нотбек, бывший командующий западной армией, «болтающийся без дела».

В Иркутске он допросил генерал-майора Волкова (руководителя переворота в Омске) и бывшего начштаба семеновского войска Шильникова, отчисленного атаманом за расхождение во взглядах на Колчака, встретился с начальником японской миссии капитаном Хоуси и с начальником японской пехотной дивизии в Забайкалье генерал-лейтенантом Ооба, оценил обстановку и понял, что Семенов может просто не допустить комиссию в свою вотчину и потому написал к нему письмо как старый сибирский казак молодому забайкальскому товарищу, призывал оставить путь, на который он вступил и спрашивал, будет ли он выполнять требования комиссии. Семенов ответил, что определенного ответа дать не может, но, чтобы не стеснять комиссию, он отбывает на восток.

Однако до отъезда Семенов и Катанаев встретились в Чите, не без содействия генерала Ооба, который говорил, что надо ликвидировать столкновение между двумя патриотами (Колчаком и Семеновым). Катанаев отметил внешность атамана «с заметным оттенком бурятского типа», с ним была подруга, «прекрасная Маруся», «жгучая брюнетка цыганско-европейского типа».

Катанаев: «Значит, вы остаетесь на старой позиции, не делаете ни шага навстречу желаниям людей, которые стремятся к водворению на Руси спокойствия и порядка?»

Г.Е. Катанаев

Семенов: «Да, выходит, что так. Это будет до тех пор, пока не будет отменен приказ № 60. Посудите сами: я оплеван, опозорен перед всеми моими подчиненными, которые оказываются заподозренными вместе со мною в соучастии в измене Отечеству, могут ли такие войска идти на защиту Родины, пойдут ли за мной, раз я в глазах Омского правительства являюсь таким негодяем… Я жду своей реабилитации, так бы сделал всякий на моем месте».

На обеде, устроенном японцами, присутствовало много генералов в новеньких мундирах. Выяснилось, что полковник Семенов, подражая Николаю II, жаловал своих подчиненных высокими званиями. Поразило Катанаева обилие закусок и блюд, «которых в России уже было не достать ни за какие деньги».

Комиссия признаков измены не усматривает

Бросилось в глаза, что Ооба защищал атамана от нападок, откуда бы они не исходили. «Невольно рождался вопрос: что ему Семенов и что Семенову японцы?» Были разговоры, что, нуждаясь в деньгах, Семенов обещал им золотоносные и другие земельные концессии. Выяснить же достоверно это было весьма непросто, так как Семенов приказал допускать комиссию к расследованию только по вопросам, связанным с прерыванием железнодорожного сообщения и связи. Тем не менее кое-что комиссии выяснить удалось и, «промучившись» до 23 марта, она отправляет по прямому проводу следующее донесение.

«Доклад

по прямому проводу Чрезвычайной Следственной комиссии Господину Министру Юстиции

В дополнение телеграммы Следственная Комиссия докладывает следующие данные, установленные следствием по признакам 108 и 100 ст.ст. Угол. Код.

По вопросу о перерыве телеграфной связи и железнодорожного сообщения Комиссия, ознакомившись с данными, оставленными у Управляющего областью Таскина расследования Иванова-Ринова, нашла таковое произведенным односторонне, так как это расследование основано главным образом на показаниях заинтересованных лиц. По данным следствия, насколько это удалось установить в настоящее время, задержки грузов не было, кроме двух поездов чешских автомобилей в ноябре и декабре и реквизиции в феврале месяце свыше сорока тысяч аршин мануфактуры для армии, отправленной в адрес Уполномоченного Министра снабжения в Иркутске. Перерывов телеграфного сношения Запада с Востоком было три. Первый от 20-22 ноября в течение двух суток восьми часов, второй с вечера 4 декабря по час дня 5 декабря в течение

19 часов, продолжительность третьего перерыва установить пока не удалось. По показанию телеграфных цензоров офицеров, подчиненных Семенову, первый был вызван неосведомленностью о характере омских событий. Между тем исполняющим должность Забайкальского Комиссара Юринским еще 19 ноября было отпечатано для расклейки 20 ноября объявление к населению области с постановлением Совета Министров от 18 ноября о принятии Верховной власти и передаче ее Адмиралу Колчаку с присвоением ему наименования Верховного Правителя. Это объявление начальником штаба 5-го корпуса Вериго было запрещено расклеивать с угрозой при неисполнении преданием военному суду. Два последующих перерыва были вызваны, по показанию тех же лиц, массовой передачей чешских шифрованных телеграмм и неизвестностью той позиции, которую занимают чехи по отношению к Омским событиям. По данным следствия с сентября месяца на телеграфе была учреждена цензура не только частных, но и правительственных телеграмм, причем с момента переворота в Омске некоторые телеграммы Центрального Правительства местным правительственным учреждениям цензурой были задержаны и не были вовсе доставлены. Например, Управляющему Казенной Палатой, Управляющему Акцизными сборами, Начальнику Горного округа, а если некоторым должностным лицам и доставлялось, то со значительным опозданием. Так, войсковому атаману телеграмма Товарища Военного Министра о выделении из состава 5-го корпуса казачьей дивизии, полученная в семь часов утра передана лишь вечером. Шифрованная телеграмма Прокурору Суда была доставлена лишь через два дня, после того как он нашел возможность дешифровать таковую.

В этом отношении особенно характерен случай с шифрованными из полевой телеграфной конторы литеры «В» телеграммами, адресованными начальнику Артиллерии генералу Бобрику. Три телеграммы генералу, из коих одна срочная, полученные в Чите 28 ноября были задержаны передачей вслед в Манчжурию и были вручены 30 ноября , по возвращении генерала в Читу; две его же телеграммы, полученные в Чите 29 ноября были доставлены по той же причине лишь 1 декабря. Служебные сообщения телеграфной конторы о задержании этих телеграмм Начштакору 5-го корпуса были доставлены в день получения телеграмм. Все агентские телеграммы в части сообщения о действиях, распоряжениях Верховного Правителя не пропускались в Чите. В настоящее время ожидается исполнение отдельных требований, посланных в Омск и Владивосток о допросе генералов Лебедева и Романовского по поводу задержания грузов и телеграмм, о чем они упоминают в своих телеграммах и разговорах по прямому проводу, и, кроме того, телеграфом запрошены сведения из Военного министерства о случаях задержания грузов.

В приведенных выше данных КОМИССИЯ НЕ УСМАТРИВАЕТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРИЗНАКОВ ИЗМЕНЫ, но окончательное свое заключение по этому поводу Комиссия может дать только по собрании всего материала. Тем более, что в распоряжении Комиссии имеются зафиксированные путем следствия указания на систематическое уклонение под разными предлогами со стороны Семенова и подчиненных ему лиц от посылки войск на

фронт, несмотря на то, что в Забайкалье находится до десяти тысяч русских войск, из которых часть хорошо вооружена и снабжена, а опасность возможности большевистских выступлений не так велика, особенно если принять во внимание наличность японских войск. По мнению атамана и начальника его штаба, большую часть войск можно послать на фронт. Деяния бунтовщического характера, которые являются предметом второго следствия по сотой ст. Угол. Код. По мнению комиссии, основанном на следственном материале, не есть простое неповиновение, вызванное «персональным непризнанием» Верховного Правителя, а строго обдуманный план захвата Верховной власти в Забайкалье.

Еще 19 ноября, когда, как это указывал Семенов и подчиненные ему лица, они не были знакомы с сущностью Омского переворота, агенты Семенова разъезжали по казачьим станицам, агитируя не признавать Сибирского временного правительства и Земства, а признавать лишь одну власть Атамана Семенова. Эта агитация продолжается по станицам до сих пор, причем под угрозой карательными отрядами население станиц принуждается выносить приговора об избрании Семенова походным атаманом. Такие приговора вынесены половиной станиц Забайкалья. Тем временем в Чите и войках Семенова идет усиленное производство преданных ему лиц в высшие чины и о назначении подписываются Семеновым как командующим Отдельной Восточно-Сибирской армией. Те приближенные лица, преданные Семенову, им обласканные и можно сказать закупленные для возвеличения «атамана», забыв родину и совесть и презрев законы, усиленно поддерживают сепаратистско-авантюристическую политику атамана. Правительственные учреждения фактически все подчинены Семенову и если в некоторых нет его агентов, несмотря на это, в любой момент могут туда явиться слуги атамана и угрозами военно-полевым судом заставить произвести незаконные действия. В январе была попытка захватить наличность Казначейства, но оставлена потому, что наличностью покрывались вклады частных лиц. Тогда же под угрозой силой оружия и военными судами было перечислено из наличности местного отделения Государственного Банка в распоряжение военных властей 3 119 000 рублей. Сумма эта внесена была на личный текущий счет полковника С.А. Бирюкова 6 января в Отделение Русско-Азиатского Банка и Бирюков после финансовой операции был произведен в генералы. В манчжурской таможне по первое февраля текущего года захвачено таможенных сборов на сумму до двух с половиной миллионов. Все казенные, особенно золотые промысла, особым приказом по Горному Управлению переданы в управление военных властей, причем подчинение чинов Горного Управления этому распоряжению достигнуто угрозами применения силы и предания военно-полевому суду.

В акцизном Управлении было предъявлено требование о передаче всей выручки от продажи питей в распоряжение военных властей. В виду протеста Акцизного Управления и Управляющего областью приведение этого распоряжения в исполнение временно приостановлено. Приказано, вопреки закону о сахарной монополии, не облагать акцизом сахар, доставляемый сюда для нужд войск. Этому распоряжению Управляющий подчинился.

Вопрос о судебных органах, созданных Семеновым, не обследован за отказом в присылке нужных документов. В войсках, помимо производств и награждений, вводятся новые штаты, создаются новые части, издаются приказы, противоречащие приказам Центрального правительства. В декабре еще был издан приказ за подписью Семенова как походного атамана Дальневосточных казачьих войск о том, чтобы все распоряжения военного характера, в которых нет его подписи, ни в коем случае не выполнять. 2 марта помощник Командующего Отдельной Восточно-Сибирской армией генерал-лейтенант Семенов, родственник атамана, предложил войсковому атаману приказ военного министра от 18 февраля №9 о выделении казачьей дивизии в особый корпус и подчинении ее войсковому атаману на правах Комкора не исполнять, по вопросу же об отправке строевых частей на фронт указал, что таковая в виду неспокойного положения в крае, возможна лишь частично и то при полном денежном обеспечении со стороны Омского Правительства. Такое мнение, однако, не разделяется Войсковым Атаманом и войсковым правительством.

Самостоятельно властвуя во всех частях Управления, атаман Семенов ведет очень заискивающую политику перед монголами и бурятами: им создаются новые инородческие части, основывается особая военная школа в Даурии для монгол и бурят. Наконец, атаман Семенов, великолепно знающий монгольский язык, принимал участие в происходившей здесь в феврале месяце этого года закрытой конференции монголов. На этой конференции, где находился видный монгольский деятель Полта, Семенову поднесен титул «светлейшего князя Цин-Вана», и, как это удостоверил свидетель, Начальник Войскового Штаба Шароглазов, со слов Токмакова, прикомандированного к Семенову в качестве представителя Русского посла в Пекине, на конференции речь шла об образовании самостоятельного монгольского государства, которое должны войти Монголия, Тибет и часть Забайкалья от верховьев Онона до станции Манчжурии. По словам того же Токмакова, Семенов, в связи с таким поручением, во время поездки в Харбин послал об этом телеграмму Клемансо и Вильсону, но ответа не получил. Показания Шароглазова в этой части не могло быть убедительным как переданное со слов другого свидетеля, хотя и к Семенову близко стоящего и к политическим кругам, но еще не допрошенного на следствии, если бы в распоряжении комиссии не было показания генерала Мильникова, хорошо знавшего Семенова по совместой деятельности в Забайкальском временном правительстве. Мильникову жена полковника Нацвалова, назначенного Семеновым командиром 5-го Приамурского корпуса, говорила, что у нее имеются фотографические снимки с договоров, заключенных Семеновым с японцами, по которым им отдаются все золотые прииска в Забайкалье, а Семенову выплачивается 5% с валового дохода. Эти документы возможно было бы достать только путем обыска, но производство такового при тех условиях, в которых находится комиссия, невозможно. Для полного освещения вопроса необходимы были бы обыски в штабах Отдельной Армии, Особого Маньчжурского отряда и у целого ряда видных семеновских деятелей, но это опять таки невыполнимая задача для комиссии.

Если бы комиссия располагала в действительности всей полнотой власти, предоставленной ей постановлением от 21 января и смогла бы произвести все то, что для всестороннего выяснения обстоятельств дела она находит необходимым, в таком случае она могла бы дать точное заключение, совершил Семенов государственную измену или нет. В настоящее время она лишь может сказать, что по имеющимся у нее материалам не установлен факт задержки военных грузов для армии западного фронта, не установлен также злонамеренный перерыв телеграфных сообщений, но, с другой стороны, несомненно установлено умышленная непосылка войск на западный фронт при полной возможности к тому, и имеются данные о таких сношениях Семенова с иностранными представителями, которые недопустимы для русского подданного. Особенно, если принять во внимание в связи с этим, целый ряд приведенных выше фактов бунтовщического характера, деятельность Семенова и чинов его отряда нужно признать безусловно антигосударственной и направленной во вред родине.

Все приведенные фактические данные основаны на показаниях начальников Отдельных частей и других лиц, служащих в тех или других учреждениях, а также подтверждаются целым рядом документов, затребованных и уже полученных комиссией. Более подробное изложение обстоятельств с ссылкой на документы и свидетелей будет представлено дополнительно. В заключение комиссия считает своим долгом доложить о тех условиях, в которых она находится, исполняя возложенное на нее поручение. Все требования комиссии, основанные на законе, по распоряжению Семенова, исполняются подчиненными ему местами и лицами постолько-посколько они, их мнению, касаются исследования перерыва телеграфной связи и железнодорожного сообщения. В остальном комиссии отказывается. Свидетели, даже из лиц, занимающих крупное служебное положение, настолько терроризированы возможностью всяких карательных последствий со стороны чинов отряда Семенова, что боятся давать чистосердечные показания, ограничиваясь лишь общими местами. При таких условиях комиссия совершенно лишена возможности правильно работать и собрать достаточно материал, не говоря уж о таких действиях, как привлечение обвиняемых, избрание меры и т.п.

Председатель комиссии Г. Катанаев,

Члены комиссии: С. Кисилев, А. Бушуев, В. Нотбек, Рудьков.

1919 г. Марта 23 дня, г. Чита» (лл. 48-55).

Вопрос был предрешен

Катанаев, оставив вместо себя Нотбека, отправился в Омск, где «не без удивления узнал о том, что комиссия наша, обвиняя Семенова по ст. 100 Угол.Код. в противогосударственных выступлениях бунтарского значения, не нашла тем не менее достаточных доводов к обвинению его собственно «в измене» (ст. 108 Угол. Код.), встречено высшими сферами Омска с чувством нескрываемого удовольствия. Как это ни странно, но именно отсутствие в поступках атамана измены в тесном смысле и радовало их, ибо давало возможность, не прибегая к агрессивным мерам против него с одной стороны и не отступая перед его требованиями с другой, отменить приказ №60 в наиболее неприемлемой для атамана части его».

На встрече с Колчаком Катанаев более часа докладывал ему о результатах работы комиссии. В итоге Колчак поблагодарил его за работу и сказал: «Совершенно согласен с вами, что выступление Семенова недопустимо в сколь-нибудь благоустроенном государстве и потому должно быть подавлено теми или иными репрессивными мерами. Но есть обстоятельства, которые стоят вне нашей воли и сильнее нас, потому волей-неволей приходится иногда поступать и не так, как бы хотел… И в данном случае вопрос уже предрешен».

Если вопрос был решен заранее, «и зачем тогда надо было огород городить», – недоумевает Катанаев.

Колчак выпустил приказ, превращающий «в ничто приказ №60», и от Семенова была получена телеграмма с изъявлением готовности служить Правителю, признанному большинством России. «Два патриота таким образом неожиданно примирились», – резюмирует Катанаев.

Под воспоминаниями стоит дата 22 февраля 1921 года, а 18 декабря этого года Катанаев умер.

Семенов 24 декабря 1919 года был назначен главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. А 4 января 1920 года Колчак передал ему всю полноту власти на «территории Российской восточной окраины». В сентябре 1921 года Семенов эмигрировал в Маньчжурию, где был одним из лидеров белой эмиграции. Часть золотого запаса России, благодаря Семенову, осела в японских банках. В сентябре 1945 года он был пленен советскими войсками в Маньчжурии и по приговору Верховного суда СССР казнен 30 августа 1946 года.

ВОССТАНИЕ – 1918

22 декабря 1918 года в Омске случилось событие, имевшее весьма неблагоприятные последствия для адмирала Колчака. 18 ноября 1918 года он стал Верховным правителем России, а уже через месяц в городе вспыхнуло восстание рабочих, поддержанное незначительным числом солдат.

Планы и реальность

В истории оно известно как Куломзинское восстание с непременным эпитетом антиколчаковское. Хотя позднее видные большевицкие деятели говорили, что восстание все равно бы произошло, если бы у власти оставалась и Директория. Сегодня, благодаря многочисленным воспоминаниям эмигрантов, можно оценить это событие глазами не только красных, но и белых. О ходе событий, сюжете так сказать, их свидетельства не расходятся, разнятся только в оценке последствий и количестве жертв.

Восстание готовилось тщательно и долго. Город был разбит на сектора, заготавливалось оружие. Планировалось по сигналу одновременное выступление во всех частях города с захватом резиденции Колчака, Главного штаба, вокзала, складов с оружием, тюрьмы и лагеря, где содержались пленные красноармейцы и мадьяры, взять под свой контроль мост и отрезать Омск от фронта. Общее число восставших должно было составить около 20 тысяч человек, планировалось открыть три фронта. Однако контрразведка, возглавляемая генерал-майором Владимиром Бабушкиным, не дремала. Накануне восстания, 21 декабря, она захватила явочную квартиру с оружием и группу рабочих, (по сообщению главноуправляющего делами Совета министров Георгия Гинса в количестве 33 человек). И хотя руководители восстания не были арестованы, они решили дать отбой, однако всех предупредить не успели.

В ночь на 22 декабря взбунтовались две роты омского гарнизона. Председатель правительства Петр Вологодский в своем дневнике отмечает, что это были саперы. Восставшие захватили тюрьму и выпустили 205 человек, большинство из которых были политзаключенные. Большевики сразу примкнули к восставшим, а меньшевики и эсеры заколебались, но им намекнули внушительно, что лучше тюрьму покинуть. Вот как описывает захват тюрьмы Г. Гинс в своей книге «Сибирь, союзники и Колчак», написанной по горячим следам в 1921 году: «Началось восстание на левом берегу Иртыша в пригородном поселке Куломзино. Почти одновременно к омской областной тюрьме подошел одетый в серые шинели, вооруженный винтовками отряд численностью около 50 человек. Отрядом командовал какой-то человек, одетый в черный полушубок с офицерскими погонами.

Командовавший отрядом, подойдя к воротам тюрьмы, постучал и заявил дежурному караульному, что пришла команда солдат, вызванная экстренным распоряжением для усиления караула. Когда привратник отворил дверь, пришедшие набросились на него, свалили с ног, а затем ворвались в караульное помещение тюрьмы и разоружили караул».

Попытка же захватить концлагерь с пленными провалилась и повстанцы отступили в Куломзино.

На следующий день около ста человек бежавших заключенных были задержаны. К тому же начальник омского гарнизона генерал В.В. Бржезовский издал приказ, в котором велено было всем арестантам вернуться в тюрьму, им гарантировалась безопасность, а не явившиеся и хозяева квартир, где они прятались, могли быть расстреляны на месте.

В это время в Куломзино рабочие дружины и солдаты разоружили железнодорожную милицию и захватили станцию, депо и весь поселок. Против них уже утром были двинуты войска с пулеметами и артиллерией. И хотя восставшие яростно сопротивлялись, к вечеру восстание было подавлено. По выражению Гинса, «с исключительной жестокостью». Ожесточение было вызвано и тем, что стоял сильный мороз, а солдаты правительственных войск были плохо одеты. Озлобление было таким, что офицеры едва сдержали солдат, чтобы они не расправились со всеми захваченными повстанцами.

Жертвы восстания

Председатель правительства Вологодский записывает в дневнике 22 декабря: «Я вечером спрашивал министра внутренних дел, как велико количество жертв восстания с той и другой стороны. Мне кто-то (дежурный у телефона) ответил, что подсчет жертв еще не сделан. Мои доброжелатели в частном порядке меня упрекали, что воинские части и милиция, оставшиеся верными Правительству жестоко расправились с восставшими и что в Куломзино груды тел расстрелянных рабочих. Это ужасно, если так. На этом будут играть не только большевики, но и вообще левая общественность в сторону дискредитации Правительства. Надо ждать официальных сведений».

Он же 26 декабря: «По официальным данным, при подавлении восстания в ночь на 22 декабря в городе Омске по приговору военно-полевого суда расстреляно 49 человек, приговорено к каторжным работам и тюрьме 13 человек, оправдано – 3 и убито при подавлении восстания – 133 человека. В поселке Куломзино жертв оказалось гораздо больше, а именно: по приговору суда расстреляно 117 человек, оправдано – 24, убито при подавлении мятежа – 144 человека».

Правительственные войска потеряли 24 человека убитыми русских и 7 чехов.

Военно-полевой суд был образован 22 декабря по приказу Верховного правителя. Председателем суда был назначен строевой генерал В.Д. Иванов, который судопроизводством никогда не занимался. Поэтому нарушений законности было предостаточно. Министр финансов Михайлов говорил Вологодскому, что ему сам Иванов рассказывал, как приходилось судить по 20 человек, которые уже были расстреляны.

Приказы на бессудные расстрелы отдавали начальник гарнизона Бржезовский и комендант Омска Бобков. По указанию первого капитаном Рубцовым были расстреляны 44 повстанца, а приказом второго поручикам Черченко и Барташевскому было велено расстрелять 13 человек. Когда арестованные поняли, что их ведут на расстрел, они заволновались, конвоиры запаниковали и стали убивать. Так, по крайней мере, показывал Барташевский. Троим арестантам, видимо, удалось бежать, а десять трупов нашли на левом берегу Иртыша, присыпанных снегом. Все бы ничего, но среди убитых оказались весьма известные люди, прежде всего, член Учредительного собрания, видный сибирский кооператор Н.В. Фомин и редактор челябинской газеты «Власть народа» Е. Маевский (Н.В. Гутовский). Разразился страшный скандал, который докатился и до заграницы. Русский Посол в Париже Маклаков запрашивал: неужели это правда?

Это был сильнейший удар по репутации Колчака.

Колчак и восстание

Колчак во время восстания лежал с воспалением легких, с температурой за сорок градусов и активного участия в подавлении восстания не принимал, хотя, конечно, ему докладывали о ходе дел. Всё, как он говорил на допросе в

Иркутске, осуществлялось автоматически. В допросе участвовал заместитель Иркутской губчека К.А. Попов. Во время восстания в Омске он, бывший председатель омского совдепа, сидел в тюрьме и также значился в расстрельных списках, но валялся в тифозном бараке, и поручик Барташевский побоялся идти за ним.

На допросе Колчака Попов договорился до того, что, мол, боя вообще не было, едва вооруженные рабочие появлялись на улице, их хватали и расстреливали по 50-60 человек и всего таким образом расстреляли в Куломзино 500 человек. Тем, что не было боя, он очень удивил Колчака: ему докладывали о потерях в Куломзино за весь день 250 человек, а в правительственных войсках было около 20 человек убитых и раненых.

Похороны жертв белого террора в Омске

Со временем Колчак становился все более и более «кровавым». Так, в 1933 году участник восстания большевик Сергеев в своих воспоминаниях говорил о 2000 убитых, среди которых было 100 коммунистов. Сегодня абсолютно точно число жертв не установить, но, думается, что официальные данные были ближе к истине.

Что же касается Фомина, то Колчак приказал его освободить еще раньше, полагая, что тот по своим политическим убеждениям имел право не признавать его власть. Военный прокурор полковник Кузнецов 22 декабря пришел в тюрьму, чтобы освободить Фомина, но того уже увели. По настоянию министров, Колчак назначил следствие по работе военно-полевого суда. Но наказаний особых не было.

Позднее эти события Колчак оценивал вполне конкретным образом: «...Это был акт, направленный против меня, совершенный такими кругами, которые меня начали обвинять в том, что я вхожу в соглашение с социалистическими группами. Я считал, что это было сделано для дискредитации моей власти перед иностранцами, перед теми кругами, которые мне незадолго до этого выражали и обещали мне помощь».

Министры Серебренников и Старынкевич полагали, что за этим стоял атаман сибирских казаков Иванов-Ринов, который не мог простить Колчаку, что он занял его пост военного министра, а когда стал Верховным правителем, этот пост отдал не ему, а генералу Степанову.

Гинс же полагал, что «роковое» для адмирала заключалось не в том, что были невинные жертвы, а в том, что «военные круги почувствовали возможность произвола и распоясались».

РАССТРЕЛ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Вместо предисловия

7 февраля 1920 года был расстрелян адмирал Александр Васильевич Колчак. Понятно, что главной причиной, приведшей к такому исходу, стало поражение белой армии. В настоящей статье мы не будем анализировать причины этого поражения, а обратимся к непосредственным событиям, связанным с гибелью адмирала.

Автору этих строк в середине 80-х годов во время учебы в Литературном институте довелось услышать от одного весьма эрудированного преподавателя новую тогда для меня информацию о Колчаке: оказывается, он был крупным ученым, выдающимся военным флотоводцем, был даже остров, названный его именем… В конце своего сообщения преподаватель рассказал о том, как расстреливали адмирала. Особое впечатление на меня и других слушателей произвело то, как вел себя адмирал. По рассказу выходило, что идя к месту расстрела, он пел свой любимый романс «Гори, гори, моя звезда», а перед самым расстрелом закурил в последний раз папиросу и отдал свой золотой портсигар красногвардейцу.

Увы, на самом деле все было проще и суровее, без всякой романтики! Не было ни золотого портсигара, ни пения романса. Этот миф родился в белоэмигрантских кругах, и уже отвергнут серьезным историком С.П. Мельгуновым в своем фундаментальном труде «Трагедия адмирала Колчака», как и то, что красноармейцы отказались расстреливать адмирала, и пришлось привлекать чекистов, о чем писали многие газеты. Впрочем, портсигар был, но только серебряный, и он был изъят с другими вещами адмирала перед расстрелом. Даже личный адъютант адмирала ротмистр В.В. Князев не избежал влияния мифов. В своих воспоминаниях о Колчаке «Жизнь за всех и смерть за всех» он пишет: « И вот настал 1920 год! Рассвет чрезвычайно морозного дня. 7-е февраля. Выкурив папиросу, он подарил унтер-офицеру свой серебряный портсигар и был расстрелян».

Но красивые мифы живучи, и вот уже современный автор А. Петров сообщает, как ведомый на расстрел адмирал «тихо запел» романс и даже один солдат стал ему подпевать. Вот только автор забыл сказать, откуда он это узнал. А подача таких версий с цитированием подлинных документов по другим фактам продляет жизнь мифам, создавая иллюзию достоверности. Еще один миф добавил известный режиссер Никита Михалков, рассказавший опять же на основании якобы архивных документов, что Колчак как старший по званию взял командование расстрелом на себя.

В реальной же истории остались свидетельства лишь трех участников расстрела. Но об этом речь ниже.

Накануне

12 ноября 1919 года из-за явной угрозы захвата Омска красными поезд Колчака отправился на восток, с ним вместе следовал «золотой эшелон» из пяти поездов под литером «Д». Это золото сыграло в судьбе адмирала не последнюю роль. Ехали долго. Вся сибирская железная дорога была под контролем чехословацких войск. Они пропускали только свои эшелоны. А эшелоны с войсками Колчака, беженцами вставали намертво, часто посреди степи. Это привело к массовой гибели людей. Армии же Каппеля пришлось двигаться вдоль магистрали, претерпевая неимоверные тяжести и невзгоды. Этот поход вошел в историю белого движения как Великий Сибирский ледяной поход.

Что говорить о беженцах, если даже поезд Колчака постоянно задерживали, и в Нижнеудинск его поезд и золотой эшелон прибыли 27 декабря. Чехословаки загнали поезда на запасные пути, вызвали Колчака в помещение станции на переговоры, в это время отцепили паровозы и погасили в них котлы. Так начиналась акция по захвату золота и самого Колчака. 24 декабря эсеры и меньшевики подняли восстание в Иркутске, и 3 января 1920 года не без помощи командующего союзными войсками генерала Жанена Совет министров, переехавший в Иркутск раньше Колчака, передал власть эсеро-меньшевистскому Политцентру и послал Колчаку телеграмму с требованием отречься от власти.

Командир батальона майор Гасек передал Колчаку приказ Жанена, по которому надо было сдать эшелоны под охрану чехов, а русскую охрану разоружить. Вот как об этом пишет в воспоминаниях начальник штаба адмирала генерал-лейтенант М.И. Занкевич:

«...Начался период нижнеудинского сидения, продолжавшийся около двух недель.

...Бои в Иркутске шли сначала с переменным успехом, потом успех окончательно склонился на сторону восставших.

В это-то время чехами была получена новая инструкция из Иркутска из штаба союзных войск, а именно: если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне, вывоз же всего адмиральского поезда не считается возможным. Относительно поезда с золотым запасом должны были последовать какие-то дополнительные указания.

Это новое распоряжение поставило адмирала в чрезвычайно трудное положение.

...По приказу адмирала мною была послана Высокому комиссару Японии генералу Като телеграмма приблизительно такого содержания: «Адмирал настаивает на вывозе всего поезда, а не одного только его вагона, так как он не может бросить на растерзание толпы своих подчиненных. В случае невозможности выполнить просьбу адмирал отказывается от вывоза его вагона и разделит участь со своими подчиненными, как бы ужасна она ни была».

...Возникла мысль искать спасения в походе в Монголию.

Адмирал был горячим сторонником этой идеи.

Я должен был принять на себя начальствование этой экспедицией. Переговорив конфиденциально по поручению адмирала с майором Гассеком, я получил от него заверения, что со стороны чехов никаких препятствий нашей экспедиции сделано не будет; мало того, чехи дали нам сведения о силах большевиков, занимавших тракт, в предвидении нашей попытки пробиться на Монголию.

Адмирал глубоко верил в преданность солдат конвоя. Я не разделял этой веры...

На другой день все солдаты, за исключением нескольких человек, перешли в город к большевикам. Измена конвоя нанесла огромный моральный удар адмиралу, он как-то весь поседел за одну ночь.

Решено было пробиваться на Монголию с одними только офицерами. Поздно вечером я собрал старших офицеров в вагоне адмирала, чтобы отдать распоряжения для похода, который был решен на следующую ночь.

Когда распоряжения были отданы, и я уже хотел отпустить офицеров с разрешения адмирала, один из старших морских офицеров (моряки обслуживали броневик, охранявший поезд адмирала) обратился к адмиралу со словами: «Ваше высокопревосходительство, ведь союзники соглашаются вас вывезти». – «Да». – «Так почему бы вам, ваше высокопревосходительство, не уехать в вагоне; а нам без вас гораздо легче будет уйти, за нами одними никто гнаться не станет, да и нам так будет легче и удобнее». – «Значит, вы меня бросаете», – вспылил адмирал. «Никак нет, если вы прикажете, мы пойдем с вами».

Когда мы остались одни, адмирал с горечью сказал: «Все меня бросили». После долгого молчания он прибавил: «Делать нечего, надо ехать». Потом он сказал: «Продадут меня эти союзнички». Я ответил адмиралу, что отданные союзниками до сего времени распоряжения не дают основания для таких предположений, но что, если у него есть сомнения, я самым настойчивым образом советую ему этою же или ближайшей ночью переодеться в солдатское платье и, взяв с собой своего адъютанта, лейтенанта Трубчанинова, скрыться в одном из проходивших чешских эшелонов. (Эвакуировавшиеся чехи беспрепятственно принимали и вывозили в своих эшелонах спасавшихся от большевиков наших офицеров.)

Для большей верности я предлагал адмиралу в течение 48 часов скрывать от всех его исчезновение. Адмирал задумался и после долгого и тяжелого молчания сказал: «Нет, не хочу я быть обязанным спасением этим чехам».

Я ответил адмиралу, что, если у него есть сомнения, я еще раз настойчиво советую ему прибегнуть к указанному мною способу уйти от большевиков. Но после долгого внутреннего колебания адмирал все же решил ехать в вагоне.

...Вагон с адмиралом был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка.

К этому же эшелону был прицеплен и вагон председателя Совета министров В.Н. Пепеляева, который по пути со станции Тайга присоединился к нам в Нижнеудинске…»

15 января эшелон прибыл в Иркутск, где чехи по приказу генерала Жане-

на передали Колчака иркутскому Политцентру. Арест производил заместитель командующего войсками Политцентра капитан А.Г. Нестеров. В своих воспоминаниях он писал, что поначалу адмирал воспринял известие о передаче местным властям весьма болезненно, «он буквально закричал: «Как! Неужели союзники выдают меня?! Это предательство! Где же гарантии генерала Жанена?!» Но затем овладел собой.

Однако 21 января Политцентр вынужден был передать власть большевикам в лице Военно-революционного комитета во главе с А.А. Ширямовым, и адмирал Колчак оказался в их распоряжении. Его поместили в камеру №5 размером восемь шагов в длину, четыре – в ширину. В эту же тюрьму добровольно пошла его возлюбленная А.В. Тимирева.

В подражание Временному правительству Политцентр еще 7 января создал Чрезвычайную следственную комиссию, которую возглавил меньшевик К.А. Попов, замененный впоследствии ревкомом на Самуила Чудновского. Следственная комиссия начала обстоятельный подробный допрос Колчака. Допросы продолжались с 21 января по 6 февраля, но до конца не были завершены. Протоколы допросов Колчака за последние двадцать лет были неоднократно опубликованы, и мы на них останавливаться не будем. По тому, как происходили допросы, по обстановке в тюрьме Колчак чувствовал, что его расстреляют и предчувствие не обманывало его. Участь его была предрешена.

Еще в конце января он был объявлен «вне закона». Судьба Колчака, как и царя, решалась наверху, о чем свидетельствует письменное распоряжение Ленина заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому:

«Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин.

Подпись тоже шифром.

1) беретесь ли сделать архинадежно?

2) где Тухачевский?

3) как дела на Кавказском фронте

4) в Крыму?».

Сибревком тоже не оставался в стороне. Вот красноречивые документы, приведенные в книге И.Ф. Плотникова:

«Приказ Реввоенсовета 5-й армии Иркутскому ревкому, переданный 23 января 1920 г. по телеграфу, о содержании под арестом А.В. Колчака и возможности его расстрела

«Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив

расстрел лишь в случае невозможности держать Колчака в своих руках для передачи советской власти Российской республики. Станция Юрты. *23* января *1920* г. Начдив 30-й *Лапин,* военком *Невелъсон,* за наштадива *Голубых».*

Телеграмма И.Н. Смирнова Ленину и председателю РВС республики Троцкому от 26 января 1920 г. о своем приказе иркутским коммунистическим руководителям расстрелять А.В. Колчака

«В Иркутске власть безболезненно перешла к комитету коммунистов... Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Телеграмма (подтвержденная приказом через курьера) И.Н. Смирнова руководителям коммунистической организации и советских органов в Иркутске о расстреле А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева (документ не датирован; до 7 февраля 1920 г.)

«Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

В итоге родилось следующее постановление, решившее судьбу адмирала:

«Постановление № 27

Иркутского Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года

Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и проч. и таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения, по городу разбрасываются портреты Колчака и т. д.

С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего «ответа» упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба.

Все это заставляет признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своею целью – освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся – Колчака и его сподвижников. Восстание это, безусловно обреченное на полный неуспех, тем не менее, может повлечь за собой еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторение такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета народных комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской республики, объявивших Колчака и его правительство вне закона, Иркутский Военно-революционный комитет постановил:

1. Бывшего Верховного правителя – адмирала Колчака,
2. Бывшего председателя Совета министров – Пепеляева – расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв.

Председатель Иркутского Военно-революционного комитета

А. *Ширямов*

Члены *А. Сноскарев, М. Левенсон.* Управделами *Оборин».*

Осталось и такое свидетельство об исполнении Постановления:

«Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта Иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися:

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. *Чудновский*

Комендант города Иркутска *И. Бурсак».*

Мемуары расстрельщиков

Из воспоминаний председателя Иркутской ЧК С.Г. Чудновского:

«…В течение всего дня 6 февраля слышны были глухие отзвуки дальней орудийной стрельбы. Поступали сведения, что Войцеховский близко подходит к станции Иннокентьевская. Приходилось чуть ли не ежечасно проверять караулы в тюрьме и тщательно осматривать прилегающие к тюрьме кварталы. В тюремных коридорах было установлено дежурство дружин.

...6 февраля революционный комитет передал мне постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Поздно ночью я отправился в тюрьму, чтобы выполнить приказ ревкома. Со стороны Иннокентьевской слышны были выстрелы. Иногда они казались совсем близко. Весь город замер. Осмотрев посты и убедившись, что на постах стоят свои люди, лучшие дружинники, я направился в одиночный корпус и открыл камеру Колчака.

...«Правитель» стоял недалеко от двери, одетый в шубу и папаху. Видимо, Колчак был наготове, чтобы в любую минуту выйти из тюрьмы и начать «править». Я прочел ему приказ ревкома. После этого ему надели наручники.

– А разве суда не будет? Почему без суда?

По правде сказать, я был несколько озадачен таким вопросом. Удерживаясь, однако, от смеха, я сказал:

– Давно ли вы стали сторонником расстрела только по суду? Передав Колчака конвою, я отправился в верхний этаж, где находился Пепеляев.

Пепеляев сидел на своей койке и тоже был одет. Это еще больше убеждало, что «правители» с минуты на минуту ждали своего освобождения. Увидев вооруженных людей в коридоре, Пепеляев побледнел и затрясся. Противно было смотреть на эту громадную тушу, которая тряслась как студень. Ему был объявлен приказ.

– Меня расстрелять... за что, – проговорил он, зарыдав, и вслед за тем быстро-быстро выпалил следующее, видимо заранее приготовленное, заявление: – Я уже давно примирился с существованием советской власти, я все вре-

мя стремился просить, чтобы меня использовали на работе, и приготовил даже прошение на имя Всероссийского Центрального исполнительного комитета, у которого прошу меня помиловать и очень прошу меня не расстреливать до получения ответа от ВЦИКа.

Взяв у него бумагу и передав кому-то из стоящих около дверей товарищей, кажется моему секретарю Сергею Мосину, я сказал Пепеляеву:

– Приказ ревкома будет исполнен, что касается просьбы о помиловании, то об этом надо было подумать раньше.

Все формальности наконец закончены. Выходим за ворота тюрьмы. Мороз 32-35°. Ночь светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдаленных орудийных и ружейных выстрелов. Разделенный на две части конвой образует круги, в середине которых находятся: впереди Колчак, а сзади Пепеляев, нарушающий тишину молитвами.

В 4 часа мы пришли на назначенное место. Выстрелы со стороны Иннокентьевской слышатся все яснее, все ближе. Порой сверлит мысль: в то время, когда здесь кончают свою подлую жизнь два бандита, в другой части города, быть может, контрреволюция делает еще одну попытку к погрому мирного трудящегося населения. И именно потому, что знаешь, что кровавое дело Колчака еще где-то продолжает тлеть, не терпится, и винтовки как-то сами устанавливаются в руках так, чтобы произвести первый выстрел.

Раньше, чем отдать распоряжение стрелять, я в нескольких словах разъяснил дружинникам сущность и значение этого момента.

Но вот все готово. Отдано распоряжение. Дружинники**,** взяв ружья наперевес, становятся полукругом.

На небе полная луна: светло как днем.

Мы стоим у высокой горы, к подножию которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев. Колчак – высокий, худощавый, типа англичанина, его голова немного опущена. Пепеляев же небольшого роста, толстый, голова втянута как-то в плечи, лицо бледное, глаза почти закрыты: мертвец, да и только.

Команда дана. Где-то далеко раздался пушечный выстрел, и в унисон с ним, как бы в ответ ему, дружинники дали залп. На всякий случай еще один.

Приказ ревкома выполнен. Расстрел Колчака и Пепеляева ускорила контрреволюция своими выступлениями, поэтому яма не была приготовлена.

– Куда девать трупы? – спрашивают начальник дружины и комендант тюрьмы.

Не успел я ответить, как за меня почти разом ответили все дружинники.

– Палачей сибирского крестьянства надо отправить туда, где тысячами лежат ни в чем не повинные рабочие и крестьяне, замученные колчаковскими карательными отрядами... В Ангару их.

И трупы были спущены в вырубленную дружинниками прорубь. Так и закончили свой контрреволюционный путь «правитель» Колчак и его первый министр Пепеляев».

Из воспоминаний бывшего коменданта Иркутска И.Н. Бурсака:

«На заседании 6 февраля Чудновский и я, учитывая, что генерал Войцеховский отказался сложить оружие и требует выдачи Колчака и его окружения, а также то, что по данным, имеющимся в Чрезвычайной следственной комиссии и в следственном отделе управления коменданта города, в Иркутске действует белогвардейская организация, ставящая целью освободить Колчака и его помощников, настаивали на расстреле всех 18 человек. Военно-революционный комитет с нами не согласился и вынес приговор о расстреле только Колчака и Пепеляева. В постановлении ревкома говорилось: «Бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева – расстрелять. Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв».

Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились с Чудновским, что я подготовлю специальную команду из коммунистов. Коменданта тюрьмы предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский.

Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым – в шубе и шапке. Было такое впечатление, что он чего-то ожидал. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

– Как! Без суда?

Чудновский ответил:

– Да, адмирал, так же, как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, валяясь в ногах, умолял, чтобы не расстреливали. Он уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил восстать против Колчака и перейти на сторону Красной армии. Я приказал ему встать и сказал:

– Умереть достойно не можете...

Снова спустились в камеру Колчака, забрали его и пошли в контору. Формальности закончены.

К 4 часам утра мы прибыли на берег реки Ушаковки, притока Ангары. Колчак все время вел себя спокойно, а Пепеляев – эта огромная туша – как в лихорадке.

Полнолуние, светлая, морозная ночь. Колчак и Пепеляев стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне:

– Пора.

Я даю команду:

– Взвод, по врагам революции – пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь. Так «Верховный правитель всея Руси» адмирал Колчак уходит в свое последнее плавание.

Возвращаемся в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева пишу от руки чернилами: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 г. за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися:

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. *Чудновский.*

Комендант города Иркутск *И. Бурсах».*

Из воспоминаний бывшего коменданта иркутской тюрьмы В.И. Ишаева:

«Банды Колчака разбиты. Власть лежит на улице, в пыли. Политический центр в Иркутске вынужден сложить свои полномочия, передать город красным...

Город взят красными, превратился в военный лагерь. Тянутся длинные обозы. Сплошь и рядом среди улицы сломанная повозка, брошенные «доспехи»...

По городу ползут слухи. Откуда-то издали доносятся залпы. Это отступающие остатки каппелевских банд громят окрестные деревни. Состояние напряженное.

Ночь. Здание иркутской тюрьмы высится над рекой. Перекличка часовых. Тяжело тащится по полу приклад винтовки. Лязг отчетливо слышится далеко в Знаменском предместье.

Тишину рассекает громкий окрик часового: «Стой». Автомобиль останавливается. Отделяются две тени... «Именем Революционного комитета»... Три звонка... Дверь, тяжело скрипя, выбрасывает заспанного, утомленного коменданта тюрьмы товарища Ишаева (воспоминания написаны от третьего лица со слов Ишаева). На каланче бьет час ночи. Коменданту вручается приказ Революционного комитета. «Контрреволюционная агитация, в городе неспокойно... Портреты Колчака разбрасываются на улицах... Постановил... Колчака и Пепеляева... расстрелять».

Товарищ Чудновский, председатель Иркутской губчека, и товарищ Бурсак, комендант города, предъявляют мандаты. «Приготовить дежурную комнату, караул, все должно быть спокойно. Проведите к осужденным». Коридором общего корпуса черед двор проходим в одиночный корпус. Открывается дверь камеры Колчака. Первым вошел комендант тюрьмы, за ним – товарищ Чудновский и затем товарищ Бурсак. Адмирал Колчак сидит на койке и при входе тяжело поднимается. Жесткое лицо, ни один мускул не дрожит, но за ресницами теряется пугливый взгляд. Товарищ Чудновский подходит вплотную и говорит: «По поручению Иркутского революционного комитета мы пришли объявить вам постановление, касающееся вас». Колчак переступил с ноги на ногу и ответил с легкой хрипотой в голосе: «Слушаю».

Товарищ Чудновский громко, отчетливо зачитывает постановление Революционного комитета о расстреле Колчака и Пепеляева. Пауза. «Какие есть просьбы или заявления?» – спрашивает товарищ Чудновский. «У меня есть просьба разрешить мне проститься с женой». Товарищ Чудновский объясня-

ет, что по целому ряду причин разрешить свидания не может. Спрашивает, есть ли еще какие просьбы. Броском головы в сторону Колчак показывает, что больше просьб нет. Медленно, тяжело шагая, не оглядываясь, выходит Колчак из камеры. В коридоре окружает его конвой.

Вышли. Двор. Не пройдя двадцати шагов от одиночного корпуса, Колчак вытаскивает из кармана скомканный носовой платок и как-то неестественно долго возится с ним у рта, делая вид, что откашливается. Вдруг прыжок. Комендант тюрьмы быстро схватывает Колчака за руку, в которой платок, и отбирает его. На каменной мостовой с легким стуком падает «пилюля» с беловатым порошком, просвечивающим сквозь желатин. Это – яд. Колчак спокоен, не издал ни звука. Пилюля передается товарищу Чудновскому, и шествие движется дальше. Дежурная комната, стол, три глубоких стула. Вперед проходят два красноармейца. За ними Колчак. Проходит. Садится на первый стул, облокотившись рукой на стул. В том же порядке подходим к камере Пепеляева. Открываем дверь. Пепеляев спит, но от шума, произведенного ключом, вскакивает с постели, торопливо одевается. Первым говорит «Здравствуйте», и в голосе слышится мелкая дрожь, которая постепенно усиливается и переходит в плач, продолжавшийся все время до конца. Тихо проходим одиночный корпус, двор и входим в дежурную комнату. Встреча Пепеляева с Колчаком проходит без слов. Спустя несколько минут полурота красноармейцев, выстроившись перед тюрьмой, окружает осужденных. Мы тихо движемся сначала по набережной реки Ушаковки, а затем первым прилегающим переулком проходим на гору. Легкий февральский мороз. По небу скачет прожектор. В городе и Знаменском предместье слышатся отдельные выстрелы. Изредка раздается отчетливая трескотня пулеметов. Наконец пришли. Горка, с которой ясно видна тюрьма. Чистое место. Луна заливает матовым светом белую поляну. Тихо. Полурота строится в две шеренги. «Смирно». Пепеляев обращается к адмиралу: «Прощайте, адмирал». – «Прощайте», – сухо и коротко ответил Колчак. Раздается команда: «Полурота, пли». Залп. На каланче пробило два часа».

Последнее фото А.В. Колчака

Кроме этих воспоминаний, писал о расстреле Колчака и председатель Иркутского ревкома А.А. Ширямов, не присутствовавший при расстреле, который утверждал в отличие от Бурсака, что расстрел был произведен не специально командой из коммунистов, а нарядом лево-эсеровской дружины. О дружинниках пишет и Чудновский. Ширямов писал также, что с Колчаком и Пепеляевым был расстрелян приводивший приговоры колчаковской власти палач-китаец.

На тенденциозность воспоминаний участников расстрела и противоречия в них обращали внимание современные исследователи. Вот некоторые из них:

Ишаев утверждал, что за Колчаком и Пепеляевым пришли в час ночи, а в два они были расстреляны, Чудновский говорит, что расстреляли в четыре часа утра, а Бурсак – в пять. Ширямов тоже писал о пяти утра. У Чудновского мороз – 32-35 градусов, у Ишаева легкий февральский морозец… Обращает внимание, как описано поведение Пепеляева. И это описание вызывает сомнение. Ибо Виктор Николаевич был идейно убежденным, зрелым политиком и знал, чем это все может закончиться. Его сдержанное поведение, описанное у Ишаева, очевидно, более соответствует действительности, так как комендант тюрьмы ни на что не претендовал. Свидетели пишут, что Колчак был в шубе. Однако шубы не было, а была утепленная мехом шинель. О чем свидетельствует и последняя сделанная в тюрьме фотография Колчака. Утеплила шинель А.В. Тимирева.

После смерти

Шуба фигурирует и в списке вещей, бывших при адмирале в губернской тюрьме. Вот этот список:

«Шуба, шапка, подушечка, два носовых платка, две щетки, электрический фонарь, банка вазелина, один платок носовой, чемодан с мелкими вещами, расческа, машинка для стрижки волос, портсигар серебряный, кольцо золотое, четыре куска мыла, именная печать, часы с футляром, бритва с футляром, кружка, чайная ложка, губка, помазок, мыльница, одеяло, чай, табак, дорожная бутылка, френч, полотенце, простыня, Георгиевский офицерский крест, зубная щетка, чайная серебряная ложка, банка консервов, банка сахара, кожаные перчатки, белье: три пары носок, две простыни, две рубахи, три носовых платка, платок черный, две пары кальсон, стаканчик для бритья, ножницы».

В марте 1920 года в Иркутский музей были переданы вещи Колчака, изъятые из его вагона. Список этих вещей развеивает все разговоры о мешках с золотом, бывших при нем:

«Морской штандарт, черное шелковое знамя (коммунистическое), английский флаг, андреевский флаг, полотенце с вышитой надписью, андреевский флаг, андреевский флаг, саше для вязания, грелка для чайника, ермолка вышитая, флаг национальный, саше для платков, вышитая бисером полоска, палитра с красками, Св. Евангелие с собственной надписью, кошелек вышитый, японский подсвечник деревянный лакированный, чайный сервиз, деревянный лакированный из 16 предметов, серебряный кинжал, модель из кости куска хлеба с двумя мышами, 4 штуки вееров, 1 вышитый кошелек, вышитая бисером полоска, гребенка дамская, маленький резной ножик слоновой кости, костяные бусы, брошь костяная, 1 каменная коробка, 1 карандаш, связка кожаных пуговиц, 1 седло, 8 картин разных, блюдечко фарфоровое, солоница, бисерная ермолка, альбом для стихов, 3 штуки спиц с клубком, грелка с салфеткой, японская шпилька головная, печать, кубики китайские, 7 штук яиц

пасхальных, стеклянная чашка, коробка с 7 орденами, открытки 228 штук, 4 штуки часов поломанных, 3 рюмки, 2 бокала, 27 серебряных монет, 21 медных монет, чехол для ручки, вышит бисером, пенсне, печать медная, звезда наградная, футляр для мундштука, мелочь (запонки, булавки и т. п.) в коробке, семь штук разных альбомов, выжженная коробка, коробочка лакированная яйцом, деревянная коробка с рисунком (большая), портрет неизвестной женщины, каталог автомобильный и картины, микроскоп и физический прибор, двадцать девять икон и 1 лампадка, 2 портрета».

Тело Колчака, таким образом, не нашло упокоения. Хотя А. Петров, например, в своей книге в беллетризованной форме пишет о том, как мужики выловили на отмели тело адмирала, и он был захоронен в стенах Знаменского женского монастыря, о чем будто бы игуменья сделала запись в книге рядом с записью о венчании его с Софьей Омировой. Наличие подобной записи не обошло бы внимание серьезных исследователей, и стало бы основанием для поисков захоронения. Если останки Каппеля нашли в Харбине, то Колчака в Иркутске искали бы тем более.

В последнее время при том внимании к фигуре Колчака его имя становится предметом спекуляции и зарабатывания денег. Коммунистам при всей их приверженности к увековечению имен своих вождей и в голову не приходило назвать какой-нибудь ресторан «Ленин» или «Сталин», а в Омске появился ресторан «Колчак». И некому за адмирала заступиться.

Зарабатывают на имени Колчака и издатели. Так, московское издательство «Алгоритм» издает две книги с полярными оценками адмирала: Олега Грейга «Подлинная судьба адмирала Колчака» и Ивана Иванова «Операция «Адмирал». Оборотни в эполетах». В первой книге утверждается, что Колчак не был расстрелян, а из тюрьмы его якобы забрал Г.И. Бокий и адмирал работал на него и на Сталина в составе некоего ордена на благо России. Правда, все его сенсационные утверждения строятся лишь на одной фразе коменданта тюрьмы Ишаева, сказанной А.В. Тимиревой: «Его увезли, даю вам честное слово!» Других доказательств, что Колчак не был расстрелян, в книге не представлено. В книге же Иванова (скорее всего, псевдоним) адмирал предстает завербованным агентом английской разведки. Книга изобилует неточностями (например, о восстании в Омске в 1918 году), вымысел перемежается с подлинными документами, и если отбросить околичности, то Колчак объявляется предателем. Так же считает А. Мартиросян. Главное, на чем строится обвинение, это утверждение, что Колчак выдал схему минирования Балтийского моря англичанам. Забывая при этом сказать, что англичане были союзниками. Если такая передача и была (что не доказано) ничего в этом страшного нет, ведь не немцам же он передал! Кстати, почему-то большевиков мартиросяны предателями не считают. Хотя те во время войны выступали за поражение своей страны и после революции по Брестскому миру сдали немцам огромные территории.

Однако со временем правда в отношении адмирала Александра Васильевича Колчака все более преобладает над ложью.

КАК РЕВТРИБУНАЛ СУДИЛ КОЛЧАКОВСКИХ МИНИСТРОВ

С 20 по 30 мая 1920 года в Омске состоялся процесс над членами правительства Колчака. Это был первый политический процесс в истории Советского государства, в котором проглядываются характерные черты громких процессов 20 – 30-х годов. Четверо приговоренных чрезвычайным революционным трибуналом к смертной казни почти весь июнь боролись за свою жизнь, обращаясь в самые высокие инстанции. Но это не помогло. Впрочем, обо всем по порядку.

Начало

Члены российского правительства Колчака были арестованы, как и сам Колчак, в Иркутске, где эсеро-меньшевистский Политический Центр поднял восстание против колчаковских войск. Восстание прошло успешно, но власть вскоре перехватили большевики. Если Колчак был расстрелян в Иркутске вместе с премьер-министром Пепеляевым, то членов правительства решили судить открытым процессом. В их лице большевики судили всю российскую контрреволюцию и хотели придать процессу широкое общественно-политическое звучание. И это несмотря на то, что в их руках оказались не самые главные действующие лица.

Хотя гражданская война еще далеко не закончилась, судебный процесс готовился долго и тщательно. Два месяца шло предварительное следствие в Иркутске, которое вел заместитель председателя губчека К.А. Попов, тот самый, что допрашивал Колчака после его ареста. Попова затем сменил завотделом юстиции Сибревкома А.Г. Гойхбарг, который подготовил обвинительное заключение по делу, а на процессе был государственным обвинителем. В распоряжении обвинения были практически все архивные документы правительств, бывших в Сибири: Временного Сибирского, Временного Российского и Российского. Кроме этого использовались материалы омской и иркутской чрезвычайных следственных комиссий, а также материалы, присланные из крупнейших городов Урала и Сибири по массовым репрессиям и расстрелам при Колчаке.

Сибревком трижды рассматривал вопрос о месте проведения процесса. В итоге остановились на Омске. Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов («сибирский Ленин») говорил, что процесс должен готовиться как «большой политический митинг».

Именно поэтому было выбрано самое просторное помещение Омска – новые мастерские вагонного цеха на Атаманском хуторе. Их обустраивали около трехсот военнопленных: разравнивали землю, устанавливали лавки, сооружали трибуны для обвинителя и членов трибунала.

Озаботились даже доставкой граждан к месту процесса. 18 мая 1920 года газета «Советская Сибирь» опубликовала объявление коменданта чрезвычайного революционного трибунала Сибири М.Т. Ошмарина: «Заседание Сибирского чрезвычайного ревтрибунала по делу министров бывшего правительства Колчака назначается на 20 мая с.г. в 5 час. (17 час.) в помещении новых железнодорожных мастерских (Атаманский хутор). Билеты для входа в зал заседания выдаются партийным организациям, профсоюзам, организациям служащих советских учреждений и т.д. на Думской, д. 5 в представительстве ВЧК при Сибревкоме.

Для сообщения со станцией Омск с городской ветки специально отправляются три поезда: 1) в 15 час. 17 мин, 2) в 15 час. 32 мин., и 3) в 15 час. 38 мин. по местному времени. По окончании заседания поезда отходят в 22 час. 15 мин и 22 час. 32 мин.».

Процесс подробно освещала газета «Советская Сибирь», итоги процесса были опубликованы в «Известиях ВЦИК», велась фото- и киносъемка, которую Ленин распорядился использовать «для самого широкого распространения».

Политреклама и агитация сказались, и на первом заседании 20 мая зал был забит до отказа, присутствовало около 8 тысяч человек. Но в последний день заседания было уже лишь около 3 тысяч, да и то в основном курсанты военных школ и красноармейцы Омского гарнизона.

Советские историки и краеведы не раз писали об этом процессе, но использовали только публикации периодических изданий. Лишь недавно вышел сборник документов «Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920.» (М., 2003, ответственный редактор профессор Владимир Шишкин), в котором впервые приведены стенограммы заседаний и другие документы из Государственного архива РФ (ГАРФ) и Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). В настоящей публикации цитируемые документы и биографические данные приводятся по данному изданию.

А судьи кто?

Первоначальный состав чрезвычайного трибунала определил Сибревком на своем заседании 20 апреля 1920 г. В выписке из протокола №226 заседания Сибревкома значится:

«Присутствовали: председатель Сибревкома Смирнов, члены – Фрумкин, Косарев, Соколов, Шотман, управделами Цветаев, заведующие отделами Гойхбарг, Бахутов, Пузырев, Земит.

Председательствует Смирнов.

Текущие дела.

Слушали: 2. О составе чрезвычайного трибунала при Сибревкоме (по докладу т. Гойхбарга).

Постановили: 2. Назначаются: тов. Павлуновский – председателем чрезвычайного трибунала при Сибревкоме, тт. Косарев и Байков – членами чрезвычайного трибунала с сего числа.

Подлинный за надлежащими подписями».

Однако на заседании 4 мая 1920 г. состав трибунала был увеличен до пяти человек. Членами трибунала были назначены дополнительно известные в Сибири люди Мамонтов и Щетинкин.

Остановимся кратко на этих личностях.

Павлуновский Иван Петрович (1888 – 1940) – родился в с. Ржава Фатежского уезда Курской губернии, из служащих. Окончил горное училище и гимназию, являлся вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Большевик с 1905 г.

Участник боевых действий в первой Мировой войне. После Февральской революции был председателем Петергофского совета, входил в состав Петроградского военно-революционного комитета, участвовал в подавлении корниловского мятежа. С августа 1918 г. работал в органах ВЧК, начальником особого отдела 5-й армии, председателем Уфимской губчека. С января 1920 по личной просьбе председателя Сибревкома Смирнова прибыл в Сибирь полномочным представителем ВЧК по Сибири. Руководил переправкой золотого запаса из Иркутска в Омск, а затем в Казань. Совместно с В.И. Шориным в июле 1920 руководил подавлением Колыванского мятежа, в 1921 году – крестьянского Ишимского восстания. В 1926-28 гг. работал председателем ОГПУ в Закавказье, затем в Москве в Наркомате тяжелого машиностроения. В конце 30-х репрессирован, умер 10 февраля 1940 г. Посмертно реабилитирован.

Косарев Владимир Михайлович (1881 – 1945) – родился в Петровской слободе Московской губернии, из рабочих. Профессиональный революционер, большевик с 1898 г.

Работал на московских фабриках. Активный участник революции 1905-1907 гг. В 1907 – 1910 гг. учился в партийных школах на Капри у А.Богданова и в Лонжюмо – у В.И. Ленина. По возвращении в Россию был арестован и сослан в Нарымский край, где близко сошелся с В.В. Куйбышевым, Я.М. Свердловым и Н.Н. Яковлевым. В 1916 году призван в армию и отправлен в Томск, где стал организатором подпольного «Военно-социалистического союза». С ноября 1917 г. – председатель Омского совета рабочих и солдатских депутатов. Весной 1918 г. – председатель Западно-Сибирского исполкома советов. С 8 апреля 1920 г. член Сибирского бюро ЦК РКП (б). С 1923 г. – на партийной работе в Москве, где и умер.

Байков Михаил Никифорович (1885 – ?) – рабочий, большевик с 1905 г. До мая 1918 г. работал слесарем в Петрограде. Петроградским советом был направлен в Омск для продовольственных заготовок. После свержения Советской власти в Сибири работал в омском большевистском подполье. В начале 1920-х годов входил в руководство Омской губернской организации РКП (б).

Мамонтов Ефим Мефодьевич (1889 – 1922) – из крестьян-переселенцев Воронежской губернии. Житель с. Вострово (Кабанье) Покровской волости Славгородского уезда Алтайской губернии. Окончил начальную школу, по профессии – плотник.

Участник Мировой войны, телеграфист, унтер-офицер. За храбрость награжден двумя Георгиевскими крестами и медалью. Вернувшись в феврале

1918 г. с фронта сблизился с большевиками. В сентябре 1918 г. командовал отрядом, поддержавшим восстание крестьян против Временного Сибирского правительства. С весны 1919 года – командир небольшого партизанского отряда, после объединения в августе-октябре 1919 г. партизанских отрядов Степного Алтая в Западно-Сибирскую крестьянско-рабочую армию избран ее командующим. Армия насчитывала до 35 тыс. человек и освободила от колчаковцев почти половину Алтайской губернии.

Летом-осенью 1920 г. командовал на Врангелевском фронте Западно-Сибирской добровольческой бригадой. В декабре 1920 г. назначен командиром бригады 27-й стрелковой дивизии внутренней службы, дислоцировавшейся в Западной Сибири и арестован органами ВЧК по подозрению в контрреволюции. После освобождения вернулся в с. Вострово. 25 февраля 1922 г. убит в д. Власиха Барнаульской волости в пьяной драке на бытовой почве.

Щетинкин Петр Ефимович (1884/85 – 1927) – родился в с. Чуфилово Касимовского уезда Рязанской губернии, из крестьян, большевик с 1918 г.

С 13 лет плотничал в Москве. В 1906-1909 гг. служил в армии, унтерофицер. Переселился в Сибирь, где столярничал в Ачинском уезде. В августе 1911 г. поступил на военную службу сверхсрочником, окончил школу прапорщиков. Во время Мировой войны за храбрость и боевые отличия был награжден Георгиевскими крестами четырех степеней, двумя Георгиевскими медалями и медалью Французской республики, орденами Св. Станислава III и II степени, Св. Анны III степени, получил чин штабс-капитана.

С 1 марта 1918 г. служил начальником уголовного розыска советской милиции Ачинского уезда, был членом уездного исполкома и начальником его военного отдела. В 1919 году командовал партизанским отрядом, а затем Крестьянско-рабочей армией Минусинского фронта, достигавшей 12-13 тысяч штыков и сабель. В конце января – феврале 1920 командовал 1-й бригадой Енисейской дивизии, сформированной на основе партизанской армии Минусинского фронта.

30 сентября 1927 г. убит в Урге (Улан-Баторе) при невыясненных обстоятельствах.

И, наконец, краткая биографическая справка о государственном обвинителе.

Гойхбарг Александр Григорьевич (1883 – 1962) – родился под Каменец-Подольском. Имел высшее юридическое образование. В 1904 – 1917 гг. – меньшевик. После Октябрьского переворота перешел на позиции большевиков.

До февральской революции преподавал на Бестужевских курсах и был приват-доцентом Петроградского университета. С ноября 1920 г. работал в Москве членом коллегии народного комиссариата юстиции, председателем малого Совнаркома РСФСР, в наркомате внешней торговли СССР. 15 января 1948 г. арестован за антисоветскую агитацию и постановлением особого совещания при МГБ СССР направлен на принудительное лечение в тюремную психиатрическую больницу. 12 декабря 1955 г. это постановление было отменено и дело прекращено.

Обвиняемые и обвинения

После решения о месте проведения заседаний 30 арестантов были доставлены в Омск.

«СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ, ДОСТАВЛЕННЫХ ИЗ ГОР. ИРКУТСКА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ К. А. ПОПОВЫМ В РАСПОРЯЖЕНИЕ ОТДЕЛА ЮСТИЦИИ ПРИ СИБРЕВКОМЕ

[г. Омск] 18 апреля 1920 г.

I. В распоряжение отдела юстиции Сибревкома:

Б. (бывший – П.Б.) помощник военного министра Карликов В. А.

Б. товарищ (т.е. заместитель – П.Б.) министра юстиции Малиновский М. А.

Б. государственный контролер Краснов Г. А.

Б. управляющий министерством юстиции Морозов А. П.

Б. помощник главноуправляющего по делам вероисповеданий Писарев Л. И.

Б. управляющий министерством народного просвещения Преображенский П. И.

Б. товарищ министра путей сообщения Степаненко Г. М.

Б. товарищ министра финансов Хроновский И. Н.

Б. главноуправляющий почт и телеграфов Цеслинский Ф. Л.

Б. министр труда Шумиловский Л. И.

Б. заместитель председателя Совета министров Червен-Водали А. А.

Б. товарищ министра путей сообщения Ларионов А. М.

Б. товарищ министра внутренних дел Ячевский М. Э.

Б. товарищ министра внутренних дел Грацианов А. А.

Б. директор департамента милиции при МВД Казаков В. Н.

Б. товарищ министра иностранных дел Жуковский В. Г.

Б. товарищ министра продовольствия и снабжения Дмитриев Н. В.

Б. товарищ министра народного просвещения Палечек Н. О.

Б. товарищ министра торговли и промышленности Введенский С. А.

Б. товарищ министра снабжения Молодых И. А.

Б. товарищ министра труда Василевский В. К.

Б. командующий войсками Омского [военного] округа Матковский А. Ф.

Б. начальник штаба бригады Красильникова Шемякин А. В.

Б. начальник Омской унтер-офицерской школы подполковник Рубцов.

Б. начальник отряда особого назначения при министерстве] внутренних] дел полковник Благовещенский Н. А.

Б. директор канцелярии Верховного правителя Мартьянов А. А.

Б. чиновник особых поручений при канцелярии Верховного правителя Самойлов Н.А.

Б. директор-распорядитель Р[усского] отделения] печатного] д[ела] А. К. Клафтон .

Б. делопроизводитель департамента милиции при МВД Костицын В. Л.

II**.** В распоряжение представительства ВЧК при Сибревкоме.

Б. министр юстиции [Временного] Сибирского правительства Патушинский Г.Б.

Подлинный подписал: зампред Ир[кутской] губчека К. Попов».

Следует сказать, что не все из них окажутся на скамье подсудимых. Некоторые будут привлечены в качестве свидетелей. Как уже говорилось, а сейчас видно из занимаемых ими должностей ведущих лиц Российского правительства в списке арестантов нет, но именно этим людям предстояло стать козлами отпущения и отвечать за все грехи колчаковского режима.

В обширном обвинительном заключении, составленном Гойхбаргом, подробно перечислены все обвинения. Вот что говорилось в его окончании:

«Наряду с расхищением денег путем субсидирования предприятий шло расхищение средств путем субсидирования клеветнической печати, на что отпускается в распоряжение лидера «партии народной свободы» Клафтона, изменившего советскому правительству, и организатору братства св[ятого] Гермогена и дружин Св[ятого] креста [Д. В.] Болдыреву десятки миллионов. На эти же средства содержатся за границей «благородные» клеветники: во Франции – Бурцев, которому поручается завязывать связи и в Германии, в Англии – Милюков, Струве и Дионео, а также ценные клеветнические организации в Пекине, Нью-Йорке, Токио и Стокгольме. Между прочим, Бурцеву за полгода 1919 г. переведено 500 000 франков, Милюкову, Струве, Дионео – 33 тысячи долларов, в Нью-Йорк – [А. И.] Заку и Башкирову – 28 тыс. долларов, в Токио – Митаревскому 15 тыс. долларов и 100 000 руб. и т. д.

Необходимо отметить последние дни существования этой преступной шайки, именовавшей себя Российским правительством. Здесь играли особую роль члены тройки, которым весь остальной «Совет министров» поручил вести переговоры с свергавшим их трудовым народом. В числе членов этой тройки находился, помимо Ларионова, и член монархическо-шпионской организации и «Национального центра» А. А. Червен-Водали, который пробрался через фронт от Деникина к Колчаку с тайными документами, написанными на полотне, которыми он, по-видимому, был весь обмотан, и на папиросной бумаге. Эта тройка от имени всего Совета министров, наподобие Гучкова и Шульгина, умолявших царя Николая отречься и передать власть [великому князю] Михаилу [Александровичу], умоляла Колчака отречься и передать «власть» Деникину, стремясь сохранить военные силы для продолжения нападения на рабочих и крестьян России. Эта тройка, действия которой одобрял весь «Совет министров», всячески стремилась оттянуть переговоры, вызывая на помощь японцев и зверские банды Семенова. Этой тройке, которую поддерживал весь «Совет министров», удалось перебросить на восток значительные силы сычевских банд, которые и по сие время несут смерть и разрушение трудящимся массам на Дальнем Востоке. Эта тройка во время переговоров настоятельно требовала изменнической отправки золотого запаса иностранным правительствам, пропуска на восток всех главарей бунтовщической шайки и всех вооруженных сил с целью, как они выражались, сохранения на востоке противобольшевистского государственного центра, т. е. с целью продления и сохранения того дела убийства и разрушения, которому они все время служили и от которого не собирались отказаться.

На основании изложенного, все перечисленные в начале этого заключения члены преступной, бунтовщической шайки, называвшей себя Всероссийским, а потом Российским правительством, виновны:

1) в бунте и восстании, при помощи и поддержке иностранных правительств, против власти рабочих и крестьян с целью восстановить старый строй, 2) в организации истребительной вооруженной борьбы против советской власти, 3) в организации системы массовых и групповых убийств трудового населения, 4) в предательском призыве иностранных вооруженных сил против страны, к которой они принадлежали, 5) в организации массового разрушения достояния советской республики и имущества трудового населения и 6) в расхищении и передаче иностранным правительствам достояния советской республики.

И так как эти беспримерные в истории по своей тяжести, жестокости и разрушительному характеру контрреволюционные преступления названных лиц имеют не только общегосударственное, но и мировое значение, а все указанные здесь лица захвачены на территории Сибири, то все поименованные в начале этого заключения 24 лица подлежат суду чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете».

Гойхбарг считает обвиняемых бунтовщиками, а советскую власть, законной, хотя у противной стороны на подобные определения в отношении большевиков было больше оснований: ведь они как бы представляли тысячелетнюю Россию.

Участь их была решена

Хотя формально в ходе суда были соблюдены как бы все юридические нормы, были у подсудимых даже и защитники, однако трибуналу предстояло оформить приговором уже заранее принятое решение. Причем к этому решению пришли не сразу. В день начала работы трибунала 20 мая 1920 г. состоялось объединенное заседание Сибирского бюро РКП(б) и Сибревкома. Заглянем в протокол этого заседания:

«Присутствуют: тт. Смирнов, Косарев, Соколов, Гойхбарг, Павлуновский, Канатчиков, Ярославский, Хотимский, Байков и Гончарова.

Слушали: 1. О суде над колчаковскими министрами.

Тов. Смирнов: Через несколько дней ревтрибунал будет судить министров. Нам необходимо заранее вопрос всесторонне обсудить и дать трибуналу руководящие директивы. Нам необходимо обсудить, насколько удобно по обстоятельствам, которые сейчас складываются в России и в Сибири, применить ко всем подсудимым высшую меру наказания. В ответ на нашу телеграмму ЦК возложил на Сиббюро и Сибревком обязанность определять по отношению к каждому из них возможность применять высшую меру наказания. Не возражая по существу, я думаю, что для наиболее виновных допустима высшая мера наказания, а судьи должны будут сами определять, к кому ее применить.

Тов. Косарев: Если судить по виновности, то всех их надо расстрелять.

Но, чтобы удовлетворить пострадавших от их рук рабочих и крестьян, необходимо применить высшую меру наказания процентам к 50 по крайней мере.

Тов. Гойхбарг дает оценку каждому из министров, и выясняется, что все они виновны так или иначе.

Тов. Павлуновский: Тов. Смирнов вопрос поставил правильно. Я думаю, что мы их должны судить не как лиц, а как министерство. Тогда это будет иметь политическое значение и для нас, и для Запада. А так как материала, обличающего их, достаточно, чтобы ко всем применить высшую меру наказания, я думаю, что мы это можем сделать, а Сибревком потом по отношению к некоторым из них может изменить постановление трибунала.

Тт. Ярославский и Хотимский согласны с тов. Косаревым и предлагают по отношению к 75% применить высшую меру наказания.

Тов. Смирнов: Ведь это будет суд, а не сплошной террор. Необходимо, чтобы суд остался судом. Массы, правда, могут отнестись к нам отрицательно за наше мягкосердие, но мы можем прибегнуть к широкой политической агитации. Ведь этот процесс явится большим политическим митингом. После того, что будет о них обнаружено на суде, они уже как политическая партия погибли, а как к Ивану и Петру есть ли толк ко всем применять высшую меру. Настроение масс преходящее, и это мы должны учесть.

Вносится следующее предложение:

руководствуясь телеграммой ЦК, считаем, что высшая мера наказания по условиям переживаемого момента возможна, но Сиббюро и Сибревком считают, что коллективное применение высшей меры наказания нецелесообразно.

Если осужденными будет послана во ВЦИК телеграмма о помиловании, Сибревком на защиту их не вступает.

Провод для переговоров со ВЦИКом будет им дан.

Постановили: 1. Все три предложения принимаются.

Против предоставления провода голосовали тт. Косарев и Ярославский.

Секретарь Гончарова».

Через три дня, 23 мая, уже в разгар процесса, Сибирское бюро РКП (б) конкретизирует участь подсудимых:

«Присутствуют: тт. Смирнов, Косарев, Ярославский, Хотимский и Гончарова.

Слушали: 2. О суде над министрами Колчака.

Тов. Гойхбарг: Через два дня будет вынесен приговор. Необходимо иметь окончательное мнение Сиббюро, по отношению к кому применить высшую меру наказания. У меня имеется список из трех категорий: первая категория – высшая мера наказания, вторая – пожизненное заключение и третья – заключение на разные сроки.

Тов. Смирнов: Вторые две категории значения не имеют. Нам надо выресшить, к кому применить высшую меру наказания.

Постановили: 2. 1) Третьяка и Карликова освободить. 2) высшую меру применить к Червен-Водали, Шумиловскому, Ларионову и Клафтону. 3) К остальным – по усмотрению судей.

Секретарь Гончарова».

Процесс идет

Трибунал, как и планировалось, начал свою работу 20 мая в 5 часов вечера. В стенограмме зафиксировано: «На скамье подсудимых находятся Червен-Водали, Шумиловский, Краснов, Морозов, Преображенский, Ларионов, Степаненко, Жуковский, Писарев, Клафтон, Гришина-Алмазова, Цеслинский, Ячевский, Грацианов, Палечек, Молодых, Дмитриев, Карликов, Введенский, Василевский, Третьяк, Новомбергский, Малиновский и Хроновский», то есть всего 24 человека. Обращает на себя внимание появление среди подсудимых женщины, которой не было в списке доставленных из Иркутска арестантов.

Мария Гришина-Алмазова это жена генерала Алексея Гришина-Алмазова управляющего Военным министерством Временного Сибирского правительства, командующего Сибирской армией, которая разбила красногвардейские отряды в Западной Сибири в 1918 году. 22 сентября 1918 года он убыл в армию Деникина, а 5 мая 1919 год, будучи в командировке, под угрозой ареста красноармейцами застрелился. Гришина-Алмазова была также арестована в Иркутске, содержалась в одной тюрьме с Колчаком и Пепеляевым. В феврале 1921 года в харбинской газете «Русский голос» она описала их последние дни. Но пока ей предстояло пройти этот процесс.

В самом начале заседания защитник Айзин выступил с заявлением, что они назначены губернским отделом юстиции защитниками лишь четыре дня тому назад, знакомиться с материалами дела могли только по 4 часа в день и полностью с ним не смогли ознакомиться, поэтому он просит отложить слушание дела. Однако обвинитель Гойхбарг бесцеремонно его прервал и заявил, что защитники в полной мере ознакомились с делом в его присутствии, и «поэтому я считаю домогательство защиты совершенно неосновательным».

Каждому подсудимому был выдан предварительно обвинительный акт и произведен опрос, признают ли себя виновными. Никто из них не признал себя виновным, кроме одного человека – Спиридона Третьяка. Вот, что он сказал: «Признаю себя виновным в том, что находился в составе правительства в течение трех недель, и хотя не принимал участия персонально в преступлениях, какие там перечислены и которые составляют несомненно преступления этого правительства, я признаю себя виновным как человек, связанный с рабочим движением…»

А за фразу: «Теперь я хочу еще указать, какие обстоятельства побудили меня вступить в эту банду бандитов, мошенников и воров» он даже сорвал аплодисменты зала. Правда, председатель попросил публику впредь не аплодировать, ибо здесь суд, а не театр.

Одним из главных обстоятельств Третьяк назвал просьбу своих соратников-эсеров войти в правительство, чтобы организовать против его членов террор. А занимал он пост товарища министра Российского правительства с 18 ноября по 31 декабря 1918 года. Уволен по собственному прошению. В январе-феврале 1920 года принимал активное участие в свержении колчаковской власти в Иркутске. Становится понятным, почему было принято решение еще до суда освободить его. В ходе процесса Третьяк вел себя не как подсудимый, а скорее

как свидетель, а порой напоминал обвинителя. И даже опускался до лжи. Так, рассказывая о подавлении восстания в Куломзино, он заявил, что слышал от очевидцев, как воинские части, заподозренные в лояльности к рабочим, выводили из казарм под пулеметный огонь, что было явным измышлением.

Забегая вперед, скажем, что трибунал приговорил Третьяка к 5 годам условно без права занимать руководящие должности. Но уже 10 июня 1920 года в отдел юстиции из Иркутска пришла телеграмма с вопросом, «не противоречит ли приговору чрезвычайного трибунала занятие Третьяком как техническим работником должности управляющего делами губсовнархоза». На телеграмме резолюция заместителя заведующего отделом юстиции Сибревкома К.А. Попова: «Ответить, что должность по назначению Третьяк занимать может». Долг, как говорится, платежом красен!

Всего с 20 по 30 мая было одиннадцать заседаний трибунала. Начиная с седьмого заседания, трибунал заслушивал объяснения подсудимых, а затем им предоставлялось последнее слово.

В краткой статье нет возможности осветить все перипетии процесса, но стоит сказать, что при явной невозможности предъявить конкретные обвинения каждому из подсудимых обвинитель подчеркивал, их участие в незаконном правительстве и останавливался подробно на тех его решениях, которые были направлены по его мнению против народа и советской власти. Хотя, казалось бы, какое им дело до внутренних разборок между правыми (военные, кадеты, торговопромышленники) и левыми (социалисты и Сибирская областная дума) в антибольшевистском лагере, тем не менее трибунал исследовал подробно ситуацию в сентябре 1918 г., связанную с арестом министров Временного сибирского правительства В.М. Крутовского и М.Б. Шатилова и убийством Александра Новоселова. На процессе в качестве свидетельницы выступала вдова Новоселова.

Конечно, трибуналу не было дела до Новоселова, а надо лишь было показать кровожадность правительства и незаконные методы его формирования.

Особое место было уделено и государственному перевороту 18 ноября 1918 года, приходу к власти Колчака. Здесь опять ведущую роль сыграл В.И. Волков, он в ночь на 18 ноября с офицерами А.В. Катанаевым и И.Н. Красильниковым арестовал членов Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории) Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.А. Аргунова и заведующего делами милиции Совета министров Е.Ф. Роговского. Ранним утром состоялось экстренное заседание Совета министров Временного Всероссийского правительства, на котором закрытой баллотировкой Колчак был избран Верховным правителем. Шумиловский и Краснов принимали участие в голосовании, и им пришлось объясняться перед трибуналом по этому факту.

Значительное внимание было уделено перемещению золотого запаса России и его расходованию, выходу закона о смертной казни и выделению средств на эвакуацию правительства Колчака. По всем этим вопросам трибунал стремился доказать персональную ответственность и вину каждого подсудимого.

Обжалованию не подлежит

На одиннадцатом, заключительном заседании 30 мая 1920 года состоялось оглашение приговора.

«Председатель: Прежде чем объявить приговор, я должен объявить подсудимым, что в острый момент гражданской войны декретом Совета народных комиссаров все правительство Колчака было объявлено вне закона. Считая, что в настоящее время, когда острый момент гражданской войны миновал, советская власть нашла возможным объявленное вне закона правительство Колчака судить. И, рассмотрев все делопроизводство и показания обвиняемых, суд вынес приговор, который предлагаю члену суда тов. Косареву объявить.

Косарев (читает):

Приговор

Сибирского чрезвычайного революционного трибунала при Сибревкоме 1920 года, мая 30 дня

Именем Российской Социалистической Федеративной Республики чрезвычайный революционный трибунал при Сибирском революционном комитете в составе председателя тов. Павлуновского и членов тов. Косарева, Байкова, Мамонтова и Щетинкина, рассмотрев в заседаниях своих от 20-24 и 26-30 мая сего года дело членов самозваного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей – подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Краснова, Морозова, Преображенского, Ларионова, Степаненко, Жуковского, Писарева, Болдырева, Клафтона, Гришиной-Алмазовой, Цеслинского, Ячевского, Грацианова, Палечека, Молодых, Дмитриева, Карликова, Введенского, Василевского, Третьяка, Новомбергского, Хроновского и Малиновского и принимая во внимание, что еще до рассмотрения дела подсудимый Болдырев умер, а подсудимая Гришина-Алмазова была от суда освобождена, постановляет:

1) В отношении подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Краснова, Морозова, Преображенского, Ларионова, Степаненко, Жуковского, Писарева, Клафтона, Цеслинского, Ячевского, Грацианова, Палечека, Молодых, Дмитриева, Карликова, Введенского, Василевского, Третьяка, Новомбергского, Хроновского, Малиновского признать доказанным:

а) участие их в бунте и восстании при помощи и поддержке иностранных правительств против власти рабочих и крестьян с целью восстановления старого строя;

б) организацию подсудимыми истребительной вооруженной борьбы против власти рабочих и крестьян России;

в) расхищение и передачу подсудимыми иностранным правительствам достояния советской республики;

г) предательский призыв подсудимыми вооруженных сил иностранных империалистических правительств против страны, к которой они принадлежали;

д) организацию массового разрушения достояния Российской советской республики и имущества трудового населения ее;

е) организацию системы массовых групповых и единичных убийств трудового населения России.

2) Считаясь с тем, что, как это выяснилось из дела, часть подсудимых сохранила связи, которые могут им облегчить повторение преступлений, сходных с перечисленными в пункте 1, и стоя на страже жизни и достояния трудового населения советской республики, чрезвычайный революционный трибунал признает опасными для общественного строя республики подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона, а посему постановляет:

подсудимых Червен-Водали, Шумиловского, Ларионова и Клафтона подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять.

Что же касается остальных подсудимых, то, признавая опасным, за исключением подсудимых Карликова, Третьяка и Писарева, их пребывание на свободе, подвергнуть их лишению свободы с применением принудительных работ на сроки:

подсудимых Краснова, Грацианова, Степаненко, Морозова, Жуковского и Малиновского – пожизненно;

подсудимых Преображенского, Новомбергского и Ячевского – на все время гражданской войны;

подсудимых Цеслинского, Палечека, Молодых, Дмитриева, Введенского, Василевского и Хроновского – на десять лет;

подсудимого Карликова – условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ;

подсудимого Третьяка – ввиду его активного участия в борьбе за свержение самозваного правительства Колчака в Иркутске – условному лишению свободы сроком на пять лет с применением принудительных работ.

Подсудимого Писарева, ввиду недоказанности его душевной болезни и наличности основательных сомнений в его психическом расстройстве, поместить на испытание в психиатрическую лечебницу.

Подлинный подписали: председатель Павлуновский.

Члены: Вл. Косарев, М. Байков, Мамонтов, Щетинкин.

Павлуновский. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. О смягчении участи подсудимых можно ходатайствовать во ВЦИК. Приговор входит в силу по истечении 24 часов с момента объявления. Приговор объявлен в 8 час. 10 мин. с 30 мая на 1 июня. Значит, с 1 на 2 июня в 8 час.10 мин. приговор входит в силу.

Подсудимые Третьяк и Карликов могут быть освобождены с тем, что они завтра должны явиться к председателю чрезвычайного революционного трибунала.

Заседание чрезвычайного революционного трибунала по делу о самозваном правительстве Колчака закончено.

Ааронов. Подсудимые Шумиловский, Червен-Водали, Клафтон и Ларионов просят о смягчении приговора и о помиловании.

Павлуновский. Подача такого прошения приостанавливает приговор.

Ааронов. Разрешите занести в протокол, что они меня уполномочили на подачу этого прошения».

Ходатайство отклонить

Уже на следующий день, 31 мая, защитники подали ходатайство во ВЦИК с просьбой о помиловании приговоренных к расстрелу. В ходатайстве они подчеркивали второстепенную их роль в правительстве. Вот некоторые доводы защиты.

«Шумиловский был министром труда, никакого влияния в направлении политики правительства не имел. Заправилами колчаковщины высмеивался, реакционной печатью подвергался нападкам. Все время в Совете министров был оппозицией, протестовал против смертной казни, режима расстрелов, насилий…» К слову сказать, Шумиловский был до революции членом РСДРП. Но трибунал этого не стал учитывать.

«Червен-Водали, врид заместителя председателя Совмина, привлечен в состав колчаковского правительства в последние недели его существования в Иркутске с целью демонстрировать уступку общественности… был оппозицией, протестовал против террора, произвола и реставрационных попыток…».

«Клафтон, председатель Русского бюро печати, послан в конце лета 1918 г. из Москвы для переговоров с чехословаками об обмене заложниками. Выполнив миссию и освободив, между прочим, семьи Цюрупы, Брюханова и Эльцина, тяжко заболел в Самаре и без его воли эвакуирован в Омск…Боролся против главарей Омской организации партии кадетов – главных вдохновителей колчаковщины…»

«Ларионов, товарищ министра путей сообщения, руководивший технической эксплуатацией железных дорог в Сибири. Принимал все меры для борьбы с бесчинствами военщины в отношении железнодорожников. В руководстве общей политикой правительства участия не принимал…»

В этот же день все четверо обратились с просьбой о смягчении приговора по прямому проводу к Ленину. А Клафтон обратился к нему еще персонально. В записке по прямому проводу он, между прочим, писал: «Мы не противники ваши более отныне и на суде призывали всех поддержать советскую власть как символ единой России. Мы ждем милосердия и великодушия трудового народа и забвения нашей вины во имя братства». Слова о советской власти как символе единой России весьма показательны. Именно поэтому многие переходили на сторону большевиков. А отсутствие единства в стане белых поражает: сплошь болтовня о спасении России, амбиции, атаманщина и стремление из любой области создать отдельное государство.

Кроме этого, приговоренные к смертной казни обратились вместе и порознь к Калинину, Троцкому, Свердлову и Цюрупе.

Реакция Ленина неизвестна. А вот Троцкий и Свердлов на удивление в этом вопросе оказались не столь кровожадными. Троцкий возбудил ходатайство перед ВЦИК о приостановлении приговора, поскольку «Ларионов считается большим специалистом».

Однако «сибирский Ленин» предсибревкома Смирнов по прямому проводу послал записку президиуму ВЦИК: «Осужденные опасности особой не представляют, но помилование вызовет взрыв негодования в рабочих кругах.

Предлагаю всех четверых расстрелять». В таком же духе он ответил Троцкому.

В итоге 10 июня 1920 года Президиум ВЦИК под председательством Калинина постановил: «Ходатайство отклонить. Приговор оставить в силе».

Это привело к появлению последнего в этой истории документа:

«АКТ О ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА СИБИРИ

[г. Омск] [23 июня 1920г.]

1920 года, в ночь на 23 июня, согласно приказа председателя Сибирского чрезвычайного ревтрибунала, в присутствии коменданта вышеуказанного трибунала, начальника РТЧК Омской железной дороги и рек Западной Сибири, начальника секретно-оперативного отдела вышеуказанной РТЧК, коменданта представительства ВЧК при Сибревкоме и начальника тюрьмы представительства ВЧК при Сибревкоме был приведен в исполнение приговор Сибирского чрезвычайного ревтрибунала над приговоренными к расстрелу членами бывшего самозваного и мятежного правительства Колчака и расстреляны следующие лица:

Червен-Водали – заместитель председателя Совета министров,

Ларионов – товарищ министра путей сообщения,

Шумиловский – министр труда,

Клафтон – директор бюро печати при Верховном правителе. Приговор приведен в исполнение в 00 час. 30 мин. 23 июня 1920 г. Настоящий акт составлен в одном экземпляре.

Комендант Сибирского чрезвычайного ревтрибунала Ошмарин.

Начальник РТЧК С. Херувимов.

Начальник секретно-оперативного отдела РТЧК Г. Михлаков.

Комендант представительства ВЧК Смирнов.

Начальник тюрьмы представительства ВЧК Зорк».

К слову сказать, в «Омском историко-краеведческом словаре» (М., 1994), издании в целом полезном и обстоятельном, неверно указана дата расстрела четверки – 27 июня 1920 г. А в статье о Шумиловском говорится, что он расстрелян 23 июля – явная опечатка.

Дальнейшая судьба других осужденных прослеживается лишь у некоторых. Например, Павел Преображенский, приговоренный к лишению свободы до окончания Гражданской войны, уже 23 июня 1920 года, то есть в день расстрела своих четверых коллег был назначен заместителем заведующего народного образования Сибревкома, затем занимался научной деятельностью. В 1925 году открыл крупнейшее в мире Верхнекамское месторождение калийно-магниевых солей. В 1929 году нашел первую нефть в Западном Приуралье, положившую начало «второму Баку». Умер в Москве в 1944 году.

Александр Грацианов, приговоренный к пожизненному заключению, 12 января 1923 года был освобожден ВЦИК. В 1924-27 гг. работал санитарным врачом Сочинского курортного управления. В 1927 году арестован органами ОГПУ и сослан в г. Шадринск, где умер в 1931 году.

Николай Новомбергский еще до революции был известным историком. В частности его труд «Слово и дело государевы» использовал Алексей Толстой при написании романа «Петр Первый». В 1920-28 работал в Сибирской государственной плановой комиссии. В 1930-1933 гг. сидел в лагере по обвинению в шпионаже. В 1943 ему присвоена степень доктора исторических наук без защиты. Умер в 1949 году в Архангельске, куда был выслан после лагеря.

Иннокентий Молодых умер в 1921 году, не дождавшись окончания срока. Любопытно, что еще 28 апреля 1918 года он подготовил для В.И. Ленина доклад о Союзе сибиряков-областников. Но ни этот факт, ни то, что он был членом РСДРП до революции, учтено не было. Свою «десятку» он получил.

Николай Палечек в середине 1930-х жил в Калининской области, работал плановиком в «Селижаровуголь». «Тройкой» УНКВД приговорен к расстрелу в 1937 году. Реабилитирован в 1989 г.

БОЛЬШЕВИКИ ВЕРНУЛИСЬ…

Уже на следующий день после взятия 14 ноября 1919 года красными войсками г. Омска революционный комитет приступил к организации гражданской жизни и решению первоочередных задач. Приводим без комментариев первые документы, принятые ревкомом.

«Всем оставаться на своих местах…»

15 ноября 1919 г.

Товарищи граждане!

Наконец спала завеса тьмы и мракобесия. Цепи рабства, палки и расстрелы беззащитных рабочих и крестьян окончились.

Вчера утром первые коммунистические отряды славных Курского, Брянского, Тверского и Крестьянского полков вступили в г. Омск.

Вся власть в городе находится в руках Революционного комитета г. Омска.

Революционный комитет призывает граждан г. Омска соблюдать полное спокойствие и порядок.

Всем рабочим и служащим всех общественных и других мест оставаться на своих местах и ждать распоряжения.

Виновные в нарушении постановления и порядка будут строго караться по законам революционного времени.

Революционный комитет.

«Дело находится в плачевном состоянии…»

Протокол № 4 заседания Омского ревкома

24 ноября 1919 г.

ДОКЛАД РЕВКОМА

Доклад делал т. Полюдов, который прежде всего заявляет, что настоящее заседание носит информационный характер. Своим докладом т. Полюдов осве-

щает общее положение дел ревкома с 15 по 24 ноября. После занятия г. Омска была поставлена охрана во всех учреждениях, но, несмотря на это, грабежи и расхищения народных ценностей продолжались, пришлось переменить состав охраны. Были организованы отделы. Была выпущена газета «Информационная», хотя не чисто партийная.

Приказ об аннулировании денег вызвал панику среди населения. Пришлось издать постановление о выдаче 5 фунтов мяса и 2 фунтов хлеба населению на сибирские деньги. Из местного Ревкома остался один т. Полюдов, так как т. Файдыш уехал в Москву.

ДОКЛАД СОВНАРХОЗА

Доклад делал т. Ишмаев, назначенный заместителем т. Байкова. Совет совнархоза для большей продуктивности работы разбил отдел народного хозяйства на подотделы: строительный, водного транспорта, механический, учетно-контрольный, топлива, транспортный, материальный и земельный, ведущий временно работу самостоятельно. Работа в отделе народного хозяйства постепенно налаживается. Чувствуется некоторый недостаток технических сил, но и он мало-помалу пополняется возвращающимися старыми инженерами и техниками и вновь поступающими.

Деятельность строительного подотдела выразилась в осмотре и приведении в надлежащий порядок помещений, главным образом лазаретов и госпиталей, которые после ухода колчаковцев были совершенно разрушены, был произведен ремонт, сопряженный с большими затруднениями за недостатком стекла.

Водный транспорт по мере возможности улаживается, ремонт пароходов отложен до весны.

Механический завод ведет заготовку военных снаряжений: повозок, двуколок, саней и пр. Сельскохозяйственные орудия подготавливаются для весны, дабы улучшить положение крестьянского хозяйства.

Кожевенный – производится усиленная выработка сапог, ботинок, разного рода обмундирования: пимов, гимнастерок, брюк, белья и пр. Началась подготовка летнего обмундирования. Запасы, оставленные колчаковцами, невелики.

Учетно-контрольный – произведен контроль частных кустарных мастерских, литейного завода, ценности оказались похищенными. Установлена охрана заводов и других помещений.

Топливо – запасы как жидкого, так и твердого топлива, взяты на учет; по статистическим данным запасы невелики, едва ли хватит до весны, приходится экономить. Есть надежда разыскать запасы топлива в окрестностях города Омска.

Транспортный – транспорт не налажен за недостатком автомобилей и лошадей.

Материальный – выбраны агенты, которые берут на себя хранение имеющийся в наличности сырой материал и заботу, откуда его добыть, дабы не подорвать производительность работы.

Земельный – чувствуется большой недостаток фуража, вследствие чего скот, захваченный у отступающих колчаковцев, приходится убивать. Предполагается оборудование скотоубоен. Производится учет фуража и его охрана. Число захваченного скота достигает до 40 тысяч. Относительно запасов зерна и муки обстоит лучше. Общее количество зерна, имеющегося в наличии, достигает до 14,5 миллиона пудов. Заготовка материалов ведется через кооперативы, которые остались в полном составе на местах. Запасы кооперативов значительны. Они имеют свои фабрики и заводы, производительность которых поставлена хорошо.

Заведующий отделом здравоохранения Бирилло докладывает, что дело находится в плачевном состоянии, из лазаретов вывезено почти все, даже кровати, большая часть больных разбежалась, разнося с собой эпидемические болезни. Только в американском Красном кресте можно было найти белье, кровати и проч., а все остальные лазареты похожи на питательные пункты. Число больных огромное, нет возможности распределить их по роду болезни. Средств нет. За продуктами приходится ездить в деревни и брать там под расписку у крестьян, вследствие аннулирования денег. Недостаток врачей и фельдшеров. По вопросу медикаментов предполагается организовать союз. А для разграничения больных по категориям – составить комиссию. Приняты меры дезинфекции вагонов.

Мост, разрушенный белогвардейцами

Заведующий отделом телеграфа т. Иванов докладывает: ценности телеграфа увезены, за исключением немногих аппаратов. Линия исправлена. Телефон работает. Служащие на местах.

Почтовая контора и отделы могут приступить к работе во всякое время. Посланы служащие телеграфа для розыска снятых и увезенных вещей и аппаратов. В почтовой конторе остались ценные письма на сумму 1200000 рублей и знаки почтовой оплаты.

Заведующий отделом труда докладывает, что он начал работать с первых дней переворота в составе трех человек, производилась регистрация безработных. Общее число безработных выразилось в сумме 18 тысяч, причем из них 13 тысяч по регистрации различных учреждений и 5 тысяч – одиночек. Регистрация рабочих продолжается.

Заведующий отделом финансов товарищ Плич докладывает: назначена охрана ценностей, которых осталось очень немного, в виде серебра, меди и прочее. Московский и Государственный банк разграблены.

Заведующий отделом народного образования т. Гойхбарг. Подотдел раз-

бит на 3 части: жилищный, ученический и преподавательский. Ввиду того, что госпитали пришлось поместить в зданиях народного образования, учащиеся страшно стеснены, что несомненно отзывается на ходе занятий. Статистика учащихся еще не составлена. Спрос и предложения педагогического состава равны. Небольшая часть ценностей разграблена, физические кабинеты и учебные пособия остались.

Заведующий жилищным отделом т. Юров докладывает, что он приступил к работе 17 ноября, старый аппарат был уничтожен, пришлось создать все новое, производится выдача ордеров.

Спрос на комнаты приезжающими и политическими, выпущенными из тюрем. Выдано до 400 ордеров. Производится учет свободных комнат, назначены агенты.

Заведующий отделом социального обеспечения Петухов в докладе указывает, что дома призрения остались на месте, насчитывается до 10 приютов и 3 богадельни, один дом ночлежный, который совершенно разграблен.

Тов. Косарев к докладам заведующих отделами добавляет:

1. Должно обратить внимание на военную силу, не забывая, что Россия в настоящее время составляет вооруженный лагерь, надо принять все меры к уничтожению врагов.

2. Центральная Россия голодает – необходимо озаботиться отправкой туда хлеба.

3. Социальное обеспечение – надо идти навстречу нуждающимся, главным образом, крестьянам.

4. Агитация и пропаганда должны быть поставлены на широких началах, от них зависит победа над врагом. Необходимо взять на учет работоспособность кооперативов, дабы знать отчетность всего. Принять все меры к развитию производительности, как например, мыла, масла и пр. По борьбе с тифом – организовать комиссию.

Озаботиться об организации партийных школ.

Распределение безработных, ввиду сокращения штата отсылать опытных работников в Россию.

По вопросу народного образования озаботиться об организации клубов и курсов.

Жилищный отдел должен принять на себя надзор за отоплением помещений, брать на учет комнаты только больших домов.

Председатель (Полюдов) Секретарь

ИсАОО, ф. 26, оп. 1, д. 2, лл. 66–67.

«С большим трудом налаживаю работу…»

Телеграмма омгубпродкомиссара Б. И. Монастырского наркомпроду А. Д. Цюрупе

15 декабря 1919 г.

Отправляю три маршрутных поезда с мясом и 15 вагонов с маслом из Омска, два маршрутных поезда с хлебом из Петухова, маршрутный поезд с мясом из Петропавловска. В дальнейшем буду отправлять еженедельно не менее

трех маршрутов (при наличии топлива). Исполнение безусловно. Ставлю заготаппарат хлеба, мяса, масла с привлечением Союзбанка, Центросоюза основными контрагентами. Первого декабря прибыл в Омск. За отсутствием людей взял губпродкомиссарство. С большим трудом налаживаю работу. В других губерниях, в связи с полным отсутствием продовольственных работников реализация огромных запасов почти неосуществима. Убедительно прошу выслать мне в распоряжение опытных работников. Из Челябинска и других мест, нет ни одного. Прошу выслать в Сибирь мешки, из-за отсутствия которых останавливается заготовка хлеба.

Губпродкомиссар Монастырский (ИсАОО, ф. 88, оп. 1, д. 7, л. 4).

«Не умеющие читать или писать обязаны обучиться…»

Постановление Омского губревкома

17 декабря 1919 г.

1. Не далее, чем в течение 8 месяцев, считая с 1 января 1920 года, все гражданское население г. Омска и его пригородов обоего пола от 17 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться в советских школах, как существующих, так и специально для неграмотного населения учреждаемых по плану Омского отдела народного образования.

2. Неграмотные привлекаются в школы в порядке определенной последовательности, начиная с более молодых возрастов и кончая старыми.

3. Обучение грамоте производится в течение двух часов ежедневно, причем лица, не эксплуатирующие чужого труда и занятые в фабрично-заводских, ремесленных, торгово-промышленных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, равно как и находящиеся в услужении у частных лиц, получают за эти часы вознаграждение как за сверхурочную, работу от соответствующих предприятий и частных работодателей.

4. Предварительно открытию широкой сети школ грамоты, производится обязательный учет всего неграмотного населения, производимый в особо для того назначенных пунктах и сосредотачиваемый в подотделе записей актов гражданского состояния.

5. Взыскание с лиц, уклоняющихся от обучения грамоте, производится в форме перевода тех из них, которые будут принадлежать к высшей продовольственной категории, в низшую или в форме исключения из числа членов профессионального союза. Взыскания с учреждений и лиц, которые по истечение указанного в ст. 1 восьмимесячного срока будут пользоваться трудом неграмотных, производится в форме высоких штрафов и наказаний по суду. Все уклоняющиеся от обучения и не научившиеся грамоте лишаются работы по истечении указанных 8 месяцев.

6. Учащие для школ грамоты привлекаются за особое вознаграждение в порядке трудовой повинности, причем в первую очередь привлекаются все занимающиеся в Омске и его пригородах педагогическим трудом, обучающиеся в педагогических и высших учебных заведениях, учащиеся последних двух классов второй ступени.

7. Для размещения школ грамоты беспрепятственно используются школьные здания, читальни, клубы и все подходящие помещения на фабриках, заводах, в мастерских Омска и его пригородов.

8. Порядок производства учета неграмотных, привлечение к участию в учете профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, советских и иных учреждений, комплектование школ грамоты, установление учебного плана с включением в него политической грамоты и определение продолжительности курса этих школ должны быть установлены в особой инструкции Омского губотдела народного образования, которому вменяется в обязанность распространить по мере возможности действие настоящего постановления на всю Омскую губернию.

Примечание. Инструкция, которая будет издана по этим вопросам отделом народного образования, обязательна для всех учреждений и лиц.

9. Настоящее постановление подлежит в течение ДВУХНЕДЕЛЬНОГО СРОКА оглашению на общих собраниях во всех фабрично-заводских предприятиях, в театрах, кинематографах, клубах, перед началом зрелищ, спектаклей, концертов, лекций и т. п.

Председатель губревкома

Заведующий отделом народного образования

(ИсАОО, ф. 312, оп. 1, д. 8, л. 104).

«Национализованы ввиду оставления их бежавшими владельцами…»

18 декабря 1919 г.

Отдел металлов. По обследовании заводов г. Омска вследствие эвакуации владельцев бесхозяйственными оказались:

1) слесарно-механическая мастерская гидротехнического отдела Тобольского переселенческого управления;

2) механическая деревообделочная и столярная мастерская бр. Карташевых;

3) плугостроительный и чугунолитейный завод С.Х. Рандрупа;

4) механический завод подковных шипов Нейса, быв. И. Е. Терехова;

5) фабрика «Энергия», бывшая в заведывании военно-промышленного комитета;

6) омский механический и литейный завод главного инженерного управления и

7) механический завод «Сельский работник» военно-промышленного комитета.

Все эти предприятия объявлены достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и отделу металлов поручено организовать управление ими на общих основаниях.

Лесной отдел. Лесопильные заводы: № 1 в Атаманском хуторе, быв. Переселенческого управления, № 2 по Завьяловской, быв. Жернакова, № 3 по Тюремной улице, быв. т-ва Калашников, Дудиков и К^0, № 4 по Завьяловской улице, быв. Яркова, и деревообделочная мастерская, быв. министерства снабжения – национализованы ввиду оставления их бежавшими владельцами.

Газ. «Советская Сибирь», № 60, 18 декабря 1919 г.

ДВАЖДЫ РАССТРЕЛЯННЫЙ

Секретно

В президиум Омского губернского комитета Российской коммунистической партии Георгия Васильевича Евполова, содержащегося в Омском Д.Л.С.

Ходатайство

5 марта 1920 года я был осужден Омским губернским Ревтрибуналом к высшей мере наказания – расстрелу за приписываемые мне, но несовершенные преступления, именно: истязания дезертиров армии Колчака и контрреволюционные деяния. Каковой приговор я кассировал в Кастриб, и последний приговор утвердил, не применив ноябрьской амнистии, очевидно, рассчитывая на таковую в Омске.

15 января 1921 года меня взяли из Омского Дома Лишения Свободы для приведения приговора в исполнение, но меня не застрелили, а только пристрелили и бросили в лесу, забросав снегом и хворостом. Придя в чувство, я сбросил хворост и вышел на дорогу, где просил проезжающих людей довезти меня до города. Но никто меня не взял, видя меня в крови. И я босой и нагой дошел до города, где вошел в первую избу и лишился чувств.

Очнулся я в больнице, где и пролежал до 3 августа, после чего был отправлен в Омский Д.Л.С. с зачислением содержанием за Омскгубчека.

Перенеся такие тяжкие психические переживания и чрезвычайно большие физические страдания, я обращаюсь к Губкому с просьбою возбудить, где следует, ходатайство о помиловании меня, чем спасти мою жизнь. К вашему сведению докладываю, что я имею семью, состоящую из жены и 4 малолетних детей.

Хотя я не партийный, но обращаюсь к Вам, товарищи, с настоящей просьбой как к правящей партии и ожидаю от Вас проявления высшей справедливости.

Инвалид душой и телом Егор Евполов.

6 августа 1921 г.

ОмскДомлишсвоб.

Выписка из книги распорядительного заседания Омгубревтрибунала, состоявшегося 13 августа 1921 года

Присутствовали: Председатель (неразб.), члены: Андюканов и Озолина

Слушали: Заявление Евполова Е.В., присужденного к высшей мере наказания Омгубревтрибуналом 5/III -20 и утвержденного Кастрибом, о ненормальном приведении исполнения приговора.

Постановили: Приговор над Евполовым, ненормально приведенный в исполнение, вновь привести в исполнение, доведя до сведения Кастриба,

представив копию постановления Губревтрибунала и весь материал по этому делу. Получая санкцию от такового, который просит из Трибунала, по телеграфу. Одновременно постановления Трибунала послать в Губисполком и Губернскую Чрезвычайную комиссию и Губком РКП. В отношении бывшего члена трибунала Левченко о ненормальном приведении приговора Трибунала произвести детальное следствие для привлечения к законной ответственности. Следствие поручить одному из членов Трибунала по усмотрению председателя Трибунала.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь /подпись/

(ИсАОО, ф. п-1, оп. 2, лл. 30-32).

«ШТАБ НЕ МОЖЕТ НЕ ОЗАБОТИТЬСЯ…»

В мае 1918 года Омский штаб Красной гвардии принял решение о посылке на Дальний Восток отряда для борьбы с атаманом Семеновым. В протоколе заседания штаба основное место занимает вопрос льгот для членов «летучего» отряда. Формируя Красную Армию, Советская власть стремилась первое время привлечь на свою сторону добровольцев привилегиями. Об этом же свидетельствует и второй документ – Охранная грамота семье красноармейца.

Протокол

чрезвычайного заседания Штаба Гвардии 3 мая 1918 г. в составе товарищей Демьянова, Страхова, Яковлева, Дидыка, Маликова, Васильева, Липатова 1-го, Орлова, Карабанова, Шнейдера, Михайлина, Липатова 2-го, Маслокова, Плетнева, Дмитриева, Шедина, Страхова 2-го, Вавилова и Круглова под председательством Демьянова и секретаря Страхова 2-го

Слушали:

О телеграмме Центросибири о посылке на Дальний Восток военных сил для борьбы с контрреволюционером Семеновым.

Заслушав телеграмму Центросибири – о посылке военных сил на Дальний Восток для борьбы с контрреволюционером Семеновым и доклад товарища Демьянова, постановляет.

После кратких прений по содержанию телеграммы, признать положение

на Дальнем Востоке серьезным и опасным для пролетарско-крестьянской революции, требующим немедленной и быстрой ликвидации путем большой вооруженной силы сознательных борцов за революцию.

Для уничтожения бандитов-семеновцев штаб считает своим товарищеским долгом послать на помощь дальневосточным товарищам и посылает свой летучий отряд Красной Гвардии в количестве 300 человек.

Посылая свой летучий отряд на столь серьезное дело, штаб не может не озаботиться как о семьях членов летучего отряда, так и о них самих на случай их ранения или смерти.

Заботу свою штаб полагает выразить в следующем:

1) как за семейными, так и несемейными членами летучего отряда должен оставаться их оклад жалованья с добавочными за все время их пребывания в командировке;

2) при повышении оклада в отсутствии гвардейца летучего отряда должны быть увеличены ставки на жалованье и летгвардейца;

3) все упомянутые выше деньги платятся теми предприятиями, где работают гвардейцы, будь то частное или государственное предприятие; штаб высказывает при этом пожелание, чтобы оклад летгвардейца получался в известное, согласно особым спискам, время штабом, а оттуда должен раздаваться по семьям гвардейцев летучего отряда или же пересылаться согласно заранее указанной принадлежности на родителя. Штаб находит, что при многочисленной семье многим женам гвардейцев летучего отряда придется сидеть без мануфактуры и других предметов первой необходимости, которые заставляют многих стоять в хвосте, что не в состоянии сделать названные семьи; выйти же из этого положения будет возможно лишь тогда, когда будет разрешено получать все вне очереди по удостоверению от штаба, или когда будет разрешено получать для этих семей непосредственно штабу для раздачи по принадлежности, согласно продовольственной карточки;

(далее в документе нумерация продолжается ошибочно с п.6 – П.Б.)

6) должно быть по отправке летучего отряда семьям членов его обеспечены квартиры те, которые они занимают, и ни в коем случае не допускать того, чтобы в отсутствие родителя хозяевами семья летгвардейца выкидывалась на улицу; при желании переменить квартиру, штаб должен оказывать так же, как и исполком, всяческое содействие к подысканию жилища и его занятию, причем, если будет указано штабом на то или иное помещение как на квартиру, то и занятию его противоречия не должно быть ни от кого;

7) вообще все заботы о семьях членов летучего отряда, как то: медицинская и др., возлагается на штаб, которому должны оказывать всяческое содействие;

8) те летгвардейцы, безработные или работающие поденно, которые пожелают ехать с летучим отрядом, должны получать содержание от Совета через штаб в размере, который установит профессиональный союз;

9) те летгвардейцы, которые не могут получить в их отсутствие оклада по случаю ликвидации дела, как, например, пожара и т. п., должны получать свой оклад от местного Совдепа;

10) отряд должен быть снабжен броневой машиной, полевыми 3-линейными орудиями и всем нужным вооружением; при отряде должны быть верховые лошади, и вообще техническое снаряжение штаб возлагает на особо избранную комиссию в составе 7 человек, в которую вошли товарищи Демьянов, Баринов, Маслоков, Дидыка, Шедин, Данилов, Плетнев.

(ИсАОО, ф. 662, оп. 1, д. 5, лл. 6-6об.)

Неизвестно, был ли отправлен этот отряд. Видимо, нет, поскольку вскоре обострится обстановка в Омске, и красногвардейцы будут нужны в борьбе с белочехами.

Однако в течение всей Гражданской войны семьи красноармейцев пользовались определенными льготами. В одном из архивных дел (ИсАОО, ф. 239, оп. 1, д. 150 л. 36) нами обнаружен любопытный документ на эту тему, который мы публикуем.

Охранная грамота
семьям красноармейцев
Красной Сибири

Имени Советской власти революционных крестьян и рабочих дана сия грамота семье красноармейца БАРАБАШ Василия.

Совет Народных Комиссаров в заботах о семьях борцов за первую в мире Рабоче-крестьянскую Трудовую Республику ПОСТАНОВИЛ:

Земля красноармейца остается в распоряжении семьи. Разъяснения Наркома земледелия тов. Середы 22.11.1918 года №677;

Сбор засеянного им поля поступает только его семье. В том же разъяснении;

Посевные материалы и другие средства должны быть отпущены в первую очередь. Декрет Сов. Нар. Ком. 20 марта 1918 г.;

Местные земотделы и Сельские Советы должны принять меры и широкую помощь к запашке и засеву полей красноармейца. Декрет Сов. Нар. Ком. от 20 марта 1918 г.;

На каждого нетрудоспособного члена семьи красноармейца, находившегося на иждевении выдается по 120 руб. в месяц. Если в семье один нетрудоспособный, выдается 200 руб., на двух нетрудоспособных – 240 руб., на трех – 360 руб. на каждую семью. Декрет Сов. Нар. Ком. от 27 мая 1919 г.;

Для поддержания хозяйства семьи дается особая ссуда натурой: семенами, сельскохозяйственным живым и мертвым инвентарем. В случае, при полной невозможности натурализовать ссуду – выдается в денежной форме. В Правилах, объявленных Пред. Сов. Наркома;

Выселять семью красноармейца или переселять без ее согласия запрещено. Разъяснение Наркома Земледелия тов. Середы №667;

Дети красноармейцев должны быть в первую очередь приняты в школу;

Все жалобы на неправильность, несвоевременность выдачи пособия должны опускаться в ящики жалоб и заявлений, которые находятся в губерн-

ском, городском, уездном и волостном отделах социального обеспечения или в ближайшую уездную комиссию по борьбе с дезертирством;

Красноармеец защищает Великое дело Мировой Социалистической Революции, землю для крестьян и вольный труд для рабочих. Он борется с капиталистами за свободу, власть трудового народа, он добивается Всемирного Освобождения всех угнетенных и обиженных буржуазией, потому никто не может обидеть семью красноармейца, а все должны помочь ей, чем могут;

Семьи же дезертиров как людей, отказавшихся защищать Рабоче-крестьянское дело, лишаются всех видов пособий и помощи.

Окружной военный комиссар
Зап.Сиб. Военного округа (подпись)

Председатель Окружной комиссии
по борьбе с дезертирством (подпись)

Начальник Военной части (подпись)

Начальник Политического Просветительного
Управления (подпись)

На обороте Грамоты надпись:

«Настоящим Охранная грамота выдана от Атбасарского караульного батальона, что и удостоверяется подписями.
Командир батальона (подпись)
Военком
Адъютант».

В заключение стоит сказать, что подобные Охранные Грамоты, однако, мало помогали при политических обвинениях. Об этом можно судить по уголовному делу отца красноармейца Барабаша, которому выдана была такая грамота.

«И МЫ, КАК СВЯЗАНЫ…»

«Дело №31 по обвинению Барабаш Артемия Филипповича в агитации против Советской власти среди граждан с. Степное Атбасарского уезда» хранится в Историческом архиве Омской области в фонде Омгубревтрибунала (ф. 239, оп. 1, д. 42).

Суть обвинений предстает в полной мере из заключительного постановления следователя (л.20):

«Заключительное постановление

1921 года апреля 5 дня я, следователь-докладчик Омского Губернского Революционного трибунала Пакой, на основании распоряжения Коллегии Три-

бунала от 25 марта с.г. рассмотрел дело №53 по обвинению гр. Барабаш Артемия в контрреволюционных действиях НАШЕЛ:

27 декабря 1920 года в Акмолинское политбюро поступил материал, из которого видно, что гр. Барабаш Артемий в разговоре с гр-ом Кулишовым сказал следующее. Что у них в селе Степном Атбасарского уезда продотрядом берется все сверх нормы, а также сказал: «что их продотрядчиков маленькая кучка, только стоит взять палки или вилы и уничтожить» и добавил, что им, крестьянам, поддаваться не следует.

Произведенным по настоящему делу дознанием и предварительным следствием установлено: гр. Барабаш Артемий в разговоре с гр. Кулишовым завел речь о неправильных действиях продотряда, который можно уничтожить, взяв только палки или вилы, так как их маленькая кучка, а нас крестьян большинство. Затем Барабаш сказал, что вот закрыли маслобойню, и нам придется сидеть без масла.

Кроме этого, из имеющегося в настоящем деле письма, писаного гр-ом Барабашом к своему сыну-красноармейцу, в котором он, Барабаш, ярко излагает свое злобное отношение, как к коммунистам и Советской власти вообще, где он говорит своему сыну, что если ты поступишь или сочувствуешь коммунистической партии, то ты мне больше не сын и проч. Из означенного письма видно, что гр. Барабаш весьма враждебно относится к коммунистам и Советскому правительству.

Из показаний свидетелей, гр. Кулишова и Рогова, установлено, что гр. Барабаш Артемий действительно говорил, что продотрядчики в селе Степном забирают все сверх определенной нормы, как то свинину, кур и проч. А также говорил, что продотрядчиков небольшая кучка, которую можно легко уничтожить, только взять палки и вилы.

Привлеченный в качестве обвиняемого гр. Барабаш Артемий в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и пояснил следующее: что он не говорил, что хоть бери палки или вилы и уничтожить продотрядчиков, а в разговоре с гр. Кулишовым он, Барабаш, только жаловался на то, что приостановили маслобойку, а открывать не разрешают и что запретили менять рыбу на хлеб, и вообще, жаловался на тяжелую трудовую повинность.

На основании всего изложенного гр. Барабаш Артемий 57 лет, крестьянин, грамотный, беспартийный обвиняется в контрреволюционных действиях.

Принимая во внимание, что данное деяние является преступным,

Постановил: гр-на Барабаша Артемия Филипповича предать суду Омского Губернского Революционного Трибунала.

Следователь-докладчик (подпись)».

Упоминаемое в постановлении письмо к сыну приобщено к делу, и мы приводим его как документ, в котором звучит живой голос своего времени (л.7):

«9 декабря 1920 г. старого стиля.

Письмо от родителей. Во первых строках нашего письма спешим уведомить, что мы, Слава Богу, все живы-здоровы, чего и тебе желаем, да еще дай Бог, чтоб скорее воротился домой и если есть желание, работать попрежнему, и чтоб жить в согласии.

Но я замечаю с твоих писем, что ты избегаешь слова Бог писать в письмах. Не думаю, чтобы ты поддался комунии, но если да, то я для тебя уже ничего не желаю. Если ты опровергаешь нашу религию, то ты мне не сын. Я пишу откровенно, но дай Бог, чтоб этого не случилось. Я это пишу потому, что сейчас появилось много таких молодых людей, которые не принимают ни Бога и ничего подобного религии. Но только люди, которые были людьми хорошими, не опровергают Бога в нас.

В поселку записались в комуну Яков Загонченок, Мосей Смердов, писарь Исаев, Добришкин Максим, Иван Чепец, Сенька Куцепал – всё, больше никто. Ну и нам теперь нет и житья из-за них, т.е. не только нам, но и всему поселку.

У нас взяли хлеба для казны 250 пуд, 1 овцу, 10 ф. шерсти, 10 ф. льну волокна, 2 кожи, 5 курей, а свиней неизвестно возьмут или нет. Сейчас только делают разверстку. Свиней у нас одна большая, которую думаем зарезать после Рождества, т.к. она сейчас поросна, и поросных не берут в казну. И трое еще есть – этим по полгода, этих малых берут не менее 3 пудов весу. Коров у нас сейчас 6 будет тельных, а двое малых. Но будем, наверное, еще резать, с малых. Лошадей пять, но не знаю, как будем пахать: то ли сами, то ли спрягаться. Да у нас еще есть не молоченного хлеба из 19 года 16 гарб, а молоченного мало, всего пудов 300, да льну пудов 60, а 40 пудов взяли в казну.

И сейчас маслобойням запретили работать масло, сейчас живем без масла, и будто бы хотят отобрать весь лен и потом выдать маслом по одному фунту на едока в месяц, рыбу тоже не дают менять на хлеб, и везде рыба мобилизована, и киргизы не возят. Камыш тоже не дают возить киргизам, и мы, как связаны, не имеем права распоряжаться дома. Гонят на работы. Сейчас страшные морозы, и снегу много, а заставляют молотить хлеб, у кого не молочен.

Еще Уведомля Василий ездил по уездам Акмолинской обл. с литературой и заехал домой, пробыл недели две и уехал в Петропавловск. И взял два чувала посылки и неизвестно приехал в Петропавловск или нет, и за ним послали розыск и уже считают за дезертира. А потом было письмо из Кокчетава 2-го декабря, и мы не знаем на чем положиться, думаем, может, уже убит, у него было денег тысяч восемь, да посылки сала, мяса тысяч на 40. Сегодня получили повестку на твою посылку, завтра поеду получать.

С тем до свидания, наш сын. Н. А. Б. (в этой подписи, видимо, инициалы матери, отца и фамилии – П.Б.).

Миша балуется, бегает».

Очевидно, письмо не было отправлено, написано оно 9 декабря по старому стилю, т.е. 22 декабря, а 27 декабря, как следует из заключительного постановления, Акмолинское политбюро начало рассматривать поступивший донос. В ходе следствия, похоже, Артемий Барабаш попытался защититься Охранной грамотой как отец красноармейца, но в деле самой грамоты нет. Мы обнаружили ее в другом месте, в деле «По обвинению граждан Олешко Л.И., Бабанина И.Е., Спицина И.С., Сюсюкова А. в агитации против Советской власти, незаконном сборе гр-н с. Степное Атбасарского у. и в самочинных действиях

по отношению к власти» (ф. 239, оп.1, д.150). Указанные граждане в декабре активно выступили против передачи молитвенного дома в селе Степное под школу и даже в горячке схода грозились оторвать коммунистам головы, из-за чего и началось следствие. И следователь, ведя одновременно два дела, перепутал и положил Охранную грамоту Барабаша в чужое дело.

В заключение, следует сказать, что в итоге Артемий Барабаш отделался испугом: 15 июня дело было прекращено на основании Постановления Губкомиссии по применению первомайской амнистии 1921 года. Первомайская амнистия была применена также и к гражданам, протестовавшим против передачи молитвенного дома под школу.

Архивные документы показывают, что в начале 20-х годов первомайская и ноябрьская амнистии широко применялись по подобным делам. Но с конца 20-х годов ситуация существенно меняется.

«РУКОВОДСТВУЯСЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОВЕСТЬЮ…»

20 июля 1920 года Совет Народных Комиссаров принимает декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». По этому декрету Сибпродком до 1 марта 1921 года должен был сдать по продразверстке 118 миллионов пудов хлеба. И ведь сдали! Но какой ценой: выгребали у крестьян не только излишки, но и часто семенное зерно. Естественно это вызывало сильное недовольство крестьян. Для подавления недовольства был создан губернский революционный трибунал.

В Омском областном архиве сотни дел выездных сессий этого трибунала, которые судили на местах. Действовали в уездах Чрезвычайные тройки по проведению продовольственных разверсток. Нарушителей сажали в концлагеря. В 1920-21 годах наряду с такими известными преступлениями, как бандитизм и спекуляция, государственными преступлениями считались: уклонение от государственных налогов, агитация против продразверстки и налогов, неоказание помощи властям, дискредитация Советской власти и т.п.

Заглянем в некоторые из дел ревтрибунала.

«Заключение

По делу 304/220 по обвинению Волотского Якова Николаевича в агитации. Гр. Волотский 2 мая с.г. был задержан милицией 5 района г. Омска и доставлен в Губчека.

Допрошенный в качестве свидетеля гр. Бабайцев показал, что гр. Волотский на крестьянском базаре утром 2 мая при распродаже крестьянской сметаны, которая продавалась по 300 руб. за крынку. Как только покупателей стало увеличиваться, продавщица увеличила цену до 500 р. за крынку, ввиду чего

публика стала возмущаться повышением цены. В это время к возу подошел гр. Волотский и начал кричать, что омские жители получают жалование по 20000-25000 р. в месяц.

При задержании гр. Волотский продолжал кричать, что он не подчиняется милиции, угрожал приходом японцев, кои, по его словам, расправятся с русскими. При составлении допроса гр. Волотский говорил, что пишите хоть 20 протоколов, Россию вы не спасете, а спасем мы.

Гр. Жиров показал, что гр. Волотский кричал, что вы не устоите, что скоро придут японцы и вам покажут. Обращаясь к милиционерам, говорил: «Зачем вы служите Советской власти, при Колчаке жить было лучше». Свидетель Колмогоров добавляет, что гр. Волотский говорил: «Скоро время отойдет вам здесь властвовать, вы опираетесь на свои «берданки». Свидетель Мидек добавляет, что гр. Волотский на базаре говорил: «Скоро вам ничего не повезут крестьяне, подохнете с голоду».

Привлеченный в качестве обвиняемого гр. Волотский себя виновным признал, пояснил, что он защищал женщину от возмущения толпы и говорил, что вы только надеетесь на милицию, на штыки и силу.

На основании вышеизложенного гр. Волотского Якова Николаевича нахожу виновным в агитации на крестьянском базаре среди крестьян и рабочих. Принимая во внимание, что гр. Волотский бывший офицер царской армии и сказанные им слова принесут контрреволюционные плоды, считаю следствие по делу законченным, поэтому настоящее дело вместе с заключением представить на рассмотрение Коллегии Омгубчека.

Составлено 2 сентября 1920 г.

Примечание. Обвиняемый содержится в Омском Доме лишения свободы».

А вот пример суда за уклонения от продналога.

«Приговор

1921 года октября 3 дня именем Российской Социалистической Федеративной Советской республики Омский Губернский революционный трибунал под председательством тов. Иванова и в составе членов Моисеева и Соларева при секретаре Беляеве, выслушал в открытом заседании дело по обвинению гр. Авраменко Никиты, Гладкова Калистрата, Гладкова Ермолая и Завгороднего Василия, обвиняемых в злостном неплатеже маслоналога.

Судебным следствием установлено, что Авраменко Никита и Гладков Ермолай категорически отказались платить налог маслом и яйцами. При том скрыли от налога по одной дойной корове. Кроме того, не желая выполнять налог, запускали и не доили коров, могущих дать молоко. Так, например, у Авраменко и Гладкова Ермолая имелись коровы более указанного ими количества. Принимая во внимание, что голод сел Поволжья требует точного и скорого сбора продналога, и уклонение от такового, тем более злостное, являются тягчайшим преступлением перед голодом 20000000 голодных крестьян Поволжья.

Завгородний, имея 2 коровы, из 20 фунтов маслоналога уплатил только шесть фунтов и из причитающихся 64 яиц только 16 штук, что также указывает на уклонение от выполнения налога, и потому выездной сессией Омгуб-

ревтрибунала, руководствуясь революционной совестью и правосознанием, постановил: гр. поселения Тихомировского Федоровской волости Павлодарского уезда Авраменко Никиту Ивановича 40 лет, Гладкова Ермолая Ананьевича 48 лет приговорить к двум годам общественных принудительных работ с лишением свободы каждого. Завгороднего Василия Игнатьевича 51 года – к двум годам общественно-принудительных работ с лишением свободы условно. С тем, что если он в течение этого срока нового преступления не совершит, то наказанию подвергнут не будет. Дело о Гладкове Калистрате выделить и, ввиду его неявки в суд, арестовать. У Гладкова Ермолая, Авраменко Никиты конфисковать по одной дойной корове у каждого и передать беднейшему населению, честно выполняющему государственную повинность, лишить прав выборности и быть избираемым всех осужденных на тот же срок. Приговор окончательный, но может быть обжалован в Кастрибреспублики в течение 48 часов с момента вручения обвиняемым копии.

Председательствующий

Члены (подписи)».

Как видим, в связи с отсутствием юридической базы, приговоры основывались на революционной совести, а она у разных людей была разная и чаще всего направляла подсудимых в концлагерь.

«В Верховный трибунал Сибири
гр. поселка Черлакского Омского
уезда ныне заключенного
концентрационного лагеря
Лукьяна Егоровича Колмогорова

Заявление

Приговором выездной сессии Омгубревтрибунала 24 июля 1921 года осужден за самовольный обмолот хлеба на 5 лет принудительных работ с лишением свободы.

Чтоб ясна была картина дела, я считаю своим долгом указать, в какой обстановке и с кем я работал, будучи предволисполкомом. Как член Р.К.П. я прежде всего всегда и во всем советовался с членами ячейки, с товарищами членами РКП (инструктор волкомпарта, райинструктор, видные водники), я был требователен, настаивал на том, чтоб они не пьянствовали, не развратничали и вообще бы имя коммуниста не пачкали и чтоб своим хорошим примером могли увлечь молодых коммунистов и граждан. Порой требования были нашей партийной головке не по носу. Мое присутствие им мешало. Без меня им вольготней жилось бы. А отсюда ясно, какое у них должно быть желание (убрать меня).

Весною 1921 года я был избран председателем волпосевкома, а работу по исполкому передал своему заместителю тов. Крульману. О работе я своевременно давал отчеты съезду Советов, а нужды телеграфировал в Омск. В начале мая стало выясняться, что семян не хватает, и нам их не дадут, а площади засеяны на 50%.

Время засева уходит, ждать нечего, и я решил на свой риск разрешить крестьянам обмолотить скирды до 100 пудов. Сам, не имея своего хлеба, под-

рядился с другими обмолотить хлеб безлошадному крестьянину, на условиях расчета хлебом, что и было сделано.

Вот моя вина. С приездом выездной сессии мои враги зашевелились, воскресли, они видели, что за мной есть ошибки (хотя за ошибки не судят). Машина их пошла работать, и я через 2 часа в глазах сессии стал таким явно страшным преступником, что меня сейчас же без суда и следствия не грешно расстрелять.

В течение нескольких часов сфабриковали обвинительный материал, и я через 18 часов после приезда сессии и начала собирания материала сидел уже на скамье подсудимых, осужденным на 5 лет.

Не беру на себя труд расписывать ярко положение, я хочу только указать, что если мною что и было сделано, так только некоторые ошибки по незнанию. Со стороны же сессии был допущен целый ряд незаконных действий, которые меня сделали виновным, а в то же время дают право взывать к пролетарской справедливости.

Тот, кто явился нашим обвинителем, был вызываем несколько раз. Причем его учили, как сделать показания. Свидетели, которые могли бы обнаружить клевету нашего обвинителя, не были допущены. И на все мои просьбы допросить свидетелей, знающих истинное положение вещей, я слышал только угрозы и выкрики: «Замолчать!» В декабре 1921 г. меня соглашались освободить, если я дам взятку в 5 000 000 руб.

Я хоть и заключенный, я хоть и осужденный, но как гражданин не лишен права искать правды, а поскольку это так, то разрешите мне призвать к порядку, разрешите мне как бывшему члену РКП (а в душе и сейчас), что если я осужден, наказан за ошибки, так и тех, кто ведя мое дело, совершил ошибки, пусть тоже накажут, а это можно только тогда, когда будет сделан пересмотр. Вот на нем-то я и настаиваю».

Заявление это не осталось без внимания, и было затребовано для обозрения в порядке судебного надзора.

«25.02.1922, №764. В Омский губревтрибунал

Отдел Суднадзора Сиботделения Верхтреба ВЦИК на основании ст. 37 осн.пол. о Триб. просит выслать дело выездной сессии о Колмогорове Иване – гр. пос. Черлаковского Омского уезда для обозрения в порядке надзора.

Ст. докладчик Суднадзора Соболев (подпись)

Секретарь (подпись)».

Из сохранившихся документов не ясно, освободили Колмогорова или нет, но совершенно ясно, кто его «закопал». Это его заместитель Крульман, который в качестве свидетеля показал, что предупреждал Колмогорова о том, что в Нововаршавке и Патровке расхищается семенной хлеб, как зерно, так и необмолоченный, но тот не обращал внимания на эти предупреждения. Районный уполномоченный Мирошин и волинструктор Дорогов показали, что говорили Колмогорову, что хлеб в скирдах – государственная собственность, но тот проигнорировал их. И все трое обвиняли Колмогорова в том, что хлеб расхищен для личного потребления. Скорее всего, зерно действительно частично расхищалось, в чем косвенно признается и Колмогоров, говоря о своих ошибках,

но в главном он был прав – сеять было нечем. Это подтверждается следующим документом из этого же дела.

«Патровская комячейка В Черлакский волисполком

1921 г. 22 мая

Просим дать содействие по поводу засева площади кузнецами Патровской общественной кузницы; а также жены красноармейцев неоднократно делали предложение председателю сельисполкома и сельпосевкома, чтобы посеять хлеб, на который уже есть семена и выделена норма земли. И кузнецы наши справляют инвентарь бесплатно, так как обещал им сельпосевкоми за то посеять хлеб. Но теперь не обращают внимания ни на какие предложения, а время сева уже проходит. Так же предложение ячейки остается безрезультатным. Просим немедленно дать содействие.

Ответственный секретарь Патровской
комячейки Брыкин».

Под угрозой голодной смерти народ не выдержал и восстал. В истории это выступление известно как Западно-Сибирское восстание 1921 года.

ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ БЕЗ КОММУНИСТОВ!

О причинах и итогах Ишимского восстания

Впрочем, название восстания, охватившего регион, по площади сравнимый с Европой, от Салехарда и практически до границ с Китаем, достаточно условно. Чаще историки его называют Западно-Сибирским восстанием. Волнения, начавшиеся в конце января – начале февраля 1921 года в Тюменской губернии, переросли в массовое восстание крестьянства и казачества, вовлекая в свою орбиту соседние области. Воздух еще не остыл от боев Гражданской войны, как вновь на сибирских равнинах заработали пулеметы и пушки, вновь русские стали убивать русских, являя при этом как ужасы злодеяний, так и настоящего героизма.

Продразверстка – главная причина восстания

Следуя в русле политики «военного коммунизма», В.И. Ленин подписывает 20 июля 1920 года Постановление Совета Народных Комисаров «Об изъятии хлебных излишков в Сибири». В нем говорилось, что в то время как трудящиеся центральных губерний из-за неурожая голодают, в Сибири лежит

в кладях и скирдах не обмолоченный хлеб. Предписывалось обмолотить этот хлеб и доставить на станции и пристани. Для создания продотрядов в Сибири выделялась вооруженная сила в 9000 штыков и 300 сабель. В Постановлении был и такой пункт: «Виновных в уклонении от обмолота и сдачи излишков граждан, равно как и всех допустивших это уклонение ответственных представителей власти, карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции».

Из Сибири должны были вывезти более 118 миллионов пудов хлеба. Причем почти треть – 35 млн пудов – должны были сдать крестьяне Омской губернии. А из 8 миллионов пудов продразверстки Тюменской губернии, 65,8 % падало на Ишимский уезд. Не случайно здесь и было главное ядро восстания.

Волостным исполкомам предписывалось до 10 ноября выполнить до 60 % продразверстки, а к 1 декабря закончить полностью. Однако все оказалось не так просто, как виделось из Москвы. Хлебных излишков оказалось не так уж много, поэтому последовало распоряжение об установлении нормы на едока и на семена, а остальное – изымать. Сельсоветы и волисполкомы в селах и деревнях, зная истинное положение дел, сигнализировали постоянно в губернские органы власти о том, что продотряды изымают все под чистую, обрекая часто крестьянина на голодную смерть. Позднее многие крестьяне присоединялись к восставшим со словами: «Лучше умереть от пули, чем от голодной смерти!». Однако губернские власти требовали выполнения продразверстки любой ценой. Причем сдавать заставляли не только зерно.

Из приказа №1 Тюменского гупродкомиссара Г.С. Инденбаума:

«8) Приказываю весь центр тяжести перенести на выполнение разверсток: хлебной, овощной, картофельной и сенной, – отнюдь не ослабляя остальных с тем, чтобы в течение этого месяца наверстать пропущенное и выполнить указанные проценты в течение ноября.

9) По отношению яичной, масляной разверсток применить самое беспощадное требование: не может быть отговорок о невозможности выполнения или опоздании времени, а они должны быть выполнены, применяя к крестьянам, не выполняющим разверстки, реквизицию скота и другого имущества вплоть до ареста» (Здесь и далее архивные документы цитируются по сборнику «Сибирская Вандея» т.2 М. 2001, сост. В.И. Шишкин).

Вот еще факты, красноречиво характеризующие личность Инденбаума.

Выписка из протокола собрания Бердюжской волостной ячейки РКП(б) Ишимского уезда:

«Заслушав доклад тов. Русина о переговорах с губпродкомиссаром Инденбаумом, который на заданный вопрос, допустимо ли садить граждан в холодные амбары, заявил, хотя это с точки зрения коммунизма недопустимо, но зато дает возможность выполнить разверстку.

На вопрос второй, почему председатель губернской контрольно-инспекторской комиссии по разверстке тов. Крестьянников не принял мер к изоляции продотрядов, которые в прошлом году ездили в карательных отрядах Колчака и пороли нагайками местное население, Инденбаум ответил, в отряде

все коммунисты и, кроме того, у нас офицеры, служившие в карательных отрядах у Колчака, в настоящее время служат у советской власти на ответственных постах.

На вопрос, нужно ли оставлять норму хлебных продуктов в 13,5 пудов в год на едока, Инденбаум ответил, что ни о каких нормах говорить не приходится, а необходимо выполнить разверстку».

Бердюжские коммунисты не согласились с Инденбаумом и постановили, что такие действия недопустимы и искусственно толкают население на выступление против советской власти. Однако эти доводы не действовали на Инденбаума. В Теплодубровской волости он приказал арестовать членов сельсовета, которые заявили, что выполнить разверстку невозможно и конфисковал их имущество. Райпродкомиссар Демин выполнил приказ, а граждан, которые не могли выполнить разверстку по шерсти, посадил в холодный амбар при минус 35 градусах плохо одетыми. Для выполнения разверстки по шерсти у крестьян отбирали шерстяные вещи: зипуны, валенки, шаровары. Некоторые даже обстригали на шубах шерсть, чтоб выполнить разверстку. Обо всем этом написал своему начальнику волостной милиционер Коньков.

Для обеспечения разверстки по шерсти крестьян заставили обстричь овец перед зимой, и овцы передохли в морозы.

Под стать Инденбауму был член коллегии Тюменского губпродкома Я.З. Маерс, особо усердно внедрявший практику взятия заложников. Прославился на ниве продразверстки и уроженец Латвии Матвей Анцевич Лаурис. Он был членом комиссии по проведению разверсток. Действия комиссии в селе Каменском были такими, что даже уполномоченный губчека Кузнецов назвал их контрреволюционерами и колчаковскими опричниками, а уполномоченный Ишимского политбюро Жуков «лично при красноармейце Прокопьеве обозвал отряд колчаковской бандой».

Этим людям были безразлична судьба и боли русского крестьянина. Тот же Маерс родился в Филадельфии и прибыл в Россию в 1917 году, очевидно вместе с Троцким делать русскую революцию. Как сложилась его судьба в дальнейшем неизвестно. А вот Инденбаум в феврале 1921 года с отрядом красноармейцев был захвачен в плен и расстрелян повстанцами. Лаурис арестовывался Тюменским губчека за ряд уголовных преступлений еще в 1920 году, но был освобожден по ходатайству председателя уездного ревкома О.П. Грюнберга и уездного продкомиссара И.М. Гуськова. Однако весной 1921 года по приговору реввоентрибунала Сибири был расстрелян за нарушение революционной законности.

Однако не следует думать, что разверстка осуществлялась только инородцами. Нет, русские разоряли русских. А во время восстания убивали друг друга. Тот же Гуськов писал из с. Больше-Сорокино Маерсу: «Ваше письмо получил. Ставлю в известность, что в волостях Готопутовской, Вознесенской, и Больше-Сорокинской хлеба излишков крайне незначительное количество. Забираю семенной, также продовольственный. Прошу выслать в Больше-Сорокино отряд в двадцать человек и дальнейшие распоряжения».

А вот к характеристике методов Гуськова обращение крестьянки:

«18 декабря 1920 г

20 ноября с.г. Вами был конфискован весь скот у моего мужа гр. д. Б.-Боково Романа Федотовича Олькова и теперь наше имущество разрушилось безвозвратно. Спрашивается, чем же мы должны продолжать наше существование? Неужели я должна нести наказание за своего мужа? У меня шестеро детей при себе и седьмой – в Красной Армии. К чему он теперь придет домой и за что примется?

Что же я должна делать с шестью детьми и к чему их пристроить, не зная никакого ремесла? Да ведь и что-то я делала в продолжении 28-летнего проживания в замужестве. Что прикажете мне, проситься в богадельню на Ваш хлеб? Чем же должна существовать советская Россия в будущем, если Вы сейчас в корень разоряете среднее хозяйство, которое является оплотом республики?

Подумайте, тов. Гуськов, серьезно об этом. И я в свою очередь категорически прошу Вас сделать распоряжение об отложении конфискации, т.к. разверстку мы выполнили сполна, хотя и в ущерб себе, а на сем заявлении прошу меня уведомить соответствующей резолюцией о Вашем решении.

К сему заявлению Марфа Олькова.

За неграмотную по личной просьбе расписалась *Е. Елисеева».*

А вот весьма красноречивый приказ уполномоченного Ишимского уездного продкомитета А. Браткова по Локтинской волости:

с. Локтинское *3 января 1921 г*

1. Все приказы и инструкции, которые изданы были до 3 января, на основании оперативно-боевого приказа члена Совтрударма-1 тов. Касьянова мною суммируются. Поэтому приказываю весь хлеб, который причитается с вас по разверстке, в срок 60 часов с момента получения сего приказа свести на ссыпной пункт в гор. Ишим.

2. Если у вас не будет хватать гужевой силы для поднятия хлеба в выше указанный срок, немедленно сообщите мне с нарочным.

3. Все зачетные квитанции, полученные вами на ссыппункте, через 61 час с момента получения сего приказа приказываю немедленно представить мне.

4. Ни на один фунт ни в каком обществе разверстка уменьшаться не будет.

5. Если какое-либо общество не исполнит сего приказа в вышеуказанный срок, я с вооруженной силой – 200 чел. пехоты, 40 чел. кавалерии и четырьмя пулеметами – заберу весь хлеб до единого зерна у всех граждан общества, не оставлю ни на прокорм живым душам, ни на прокорм скотине, ни на посев.

6. У тех граждан, которые будут агитировать против сдачи и вывоза хлеба, мною с вооруженной силой будет забрано все имущество, дом будет спален, а гражданин, замеченный в вышеуказанном преступлении, будет расстрелян.

7. Всему обществу приказываю сейчас же доносить мне, если появится гражданин, агитирующий против выполнения разверстки. Если же общество

будет укрывать тех негодяев, а они будут нами пойманы, то все общество так же строго будет наказано, как вышепойманный негодяй – контрреволюционный агитатор.

8. Приказ считаю первым и последним. Больше предупреждать не стану.

Уполномоченный района *А. Братков.*

Продотрядовцы не только забирали последний хлеб, но и занимались грабежом и избиениями крестьян. Особенно усердствовал отряд уполномоченного Абабкова. Сам он бил крестьян наганом, красноармейцы били прикладами, отбирали лошадей, тулупы, шапки, не брезговали даже наволочками. Полураздетых сажали в холодные амбары.

Действия вот этих самых инденбаумов, гуськовых, братковых, деминых и абабковых и привели к тому, что терпение народа лопнуло, и он восстал.

Начало

Существенным толчком к восстанию послужило решение Совнаркома взять под свой контроль семенной фонд. По инструкции Совнаркома предписывалось либо свозить семена в общественные амбары, либо оставлять под расписку у крестьян дома. В Тюмени выбрали худший вариант – произвести семенную разверстку. В приказе, подписанном руководством губернии, говорилось, что семена должны быть свезены в общественные амбары с 25 января по 10 февраля 1921 года.

Это вызвало возмущение крестьян и небезосновательное опасение, что весной им нечего будет сеять. Так, в селе Налобино Ишимского уезда собралась толпа крестьян и стала кричать, что на Петуховском ссыпном пункте хлеб горит, а вы тут забираете последнее. Действительно такие случаи были. Власти заставляли молотить хлеб в плохую снежную погоду, и смешанное со снегом зерно начинало гореть.

31 января в село Челноковское прибыл продотряд с райпродкомиссаром Абатской продконторы В.И. Николаевым. Его встретила толпа в 500 человек, среди которой были крестьяне из Чуртановской и Викуловской волостей и потребовала объяснений по семенному и продовольственному хлебу. Николаев приказал разогнать толпу. Тогда несколько человек стащили с лошади командира продотряда Зайцева и стали его бить. Красноармейцы открыли стрельбу, два человека были убиты и двое ранены. Толпа разбежалась.

И уже 2 февраля советская власть в Викулово была свергнута и создан повстанческий штаб во главе с лесничим В.А. Ключенко. То же произошло в селах Челноково и Готопутово. Повстанческий пожар быстро перекидывался на соседние волости и к 9 февраля охватил весь Ишимский уезд, переходя на Ялуторовский, Курганский, Тюкалинский, Березовский и Тобольский уезды. Затем восстание началось в Тарском, Акмолинском, Кокчетавском, Атбасарском, Петропавловском уездах Омской губернии, Камышловском и Шадринском уездах Екатеринбургской губернии. Общая численность восставших в разгар восстания составляла около 100 тысяч человек.

В сообщениях первых дней февраля выступления крестьян именовались волнением и брожением. Однако уже через неделю в сводках фигурирует только термин «восстание».

Восставшие причиной всего зла считали коммунистов, их чаще всего убивали, подвергая зверским насилиям, причем патроны старались не тратить. Семьи коммунистов обычно арестовывались, но часто с ними тоже расправлялись. Особенно в этом отношении выделялся Омутинский район, где женщин и детей подвешивали, а беременным женщинам вспарывали животы, чтобы вывести коммунистическое семя под корень. Здесь убивали не только коммунистов, но и всех у кого был интеллигентный вид, тех, кто носил очки. Телеграфистки и учительницы насиловались. Были случаи, когда коммунистам вспарывали животы, набивали зерном и вешали табличку: «Продразверстка выполнена полностью». То есть налицо признаки бессмысленного и беспощадного русского бунта. Комиссары показывали такие зверства красноармейцам, которые поначалу были смущены тем, что им приходится воевать с крестьянами, и они клялись биться до полного подавления восстания.

Милиционеров и пленных красноармейцев разоружали и сажали в каталажки. Хотя и с ними не обходилось порой без крови.

Повстанцы тоже приводили примеры зверств противной стороны. В главный военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда поступило такое донесение: «19 февраля 1921 г.

Граждане станицы Имантавской Василий Виссарионович Кунгурцев, 35 лет, и Никифор Лукьянович Миронов 25 лет, были назначены в разведку и пойманы противником в селе Ново-Николаевское, которые нанесли последним следующие нечеловеческие пытки.

У первого мученика, Василия Кунгурцева, сначала надели на шею веревку и стали давить, так как при освидетельствовании понятых на шее оказались два синие передава, а руки связаны назад, потом стали наносить нечеловеческие ранения сначала с правой стороны пищевода, на затылке нанесена рана топором и голова отвалена совсем к плечу, на лице также от правого глаза до правого уха тоже рассечено и через рану видно, что мозг совсем выбит, далее спереди стали производить удары (как [по] освидетельствованию оказалось) в лоб прикладом так, что череп оказался спереди до половины головы назад сплющенным.

У второго мученика, Никифора Миронова, были нанесены муки: надета на шею веревка и стали давить, чему свидетельствуют сильные передавы на шее, затем связали руки и стали колоть глаза так, что (по освидетельствованию) глаз правый совсем вышел из своего места и висит на правой щеке, а левый глаз тоже кололи ножом, в глаз[ниц]е большая рана. Далее стали колоть в рот штыком, и рана вышла через мозг в затылок. Зубы все выбиты, в носу все исковырено ножом, правая рука выкручена из предплечья, на теле ран нет.

Граждане, это все действительная истина, все это освидетельствовано при понятых, как изверги-коммунисты вменяют свои нечеловеческие мучительные для людей пытки, и каждый истинный гражданин не позволит себе такого звер-

ства и обращения со своим собратом, по крайней мере по религии, а потому изверги-коммунисты даже не достойны звания человека, а скорее звери, жаждущие и уже напившиеся крови своих же братьев.

Председатель Челкарского военного совета Чепрасов».

Противостояние

О масштабе и серьезности восстания говорит тот факт, что восставшими в разное время в течение февраля-марта были заняты такие станции, как Омутинская, Маслянская, Ялуторовск, Исилькуль, Голышманово, города Тобольск, Петропавловск, Кокчетав, Березов.

Восставшие прерывали связь, разрушали железнодорожное полотно, сжигали мосты. Именно на восстановление железнодорожного сообщения поначалу и были брошены основные силы Красной Армии. Так отряду Звездова, действовавшему на Петропавловском направлении под прикрытием бронепоезда попадались участки более километра, где не было ни рельсов, ни шпал. Почти все рельсы были разобраны и увезены между станциями Маслянская и Мангут. Из Москвы был получен категорический приказ, в кратчайшие сроки восстановить железнодорожное сообщение. Поэтому в феврале основные бои шли вдоль железной дороги.

В полевых боях повстанцы обычно не выдерживали ударов регулярных частей, так проигрывали в вооружении, в селах и деревнях дрались ожесточенно, выбивали в первую очередь комсостав. У восставших только около трети были вооружены винтовками, остальные самодельными пикам (часто из зубьев бороны) и даже просто дубинками. А в некоторых частях и того не было. Например, в 1-й Курганской Освободительной дивизии было около 9000 человек, но не более 700 винтовок, до 300 сабель и 4 пулемета. Повстанцы стремились придать своим частям вид регулярной армии. Они объявляли повсеместно мобилизацию от 18 до 45 лет, унтер-офицеров до 50 лет.

Главный штаб (или штаб Сибирского фронта) находился в селе Налобинском. Какое-то время общее руководство восстанием осуществлял учитель Владимир Алексеевич Родин. Но когда начались поражения, он был обвинен повстанцами в измене, подвергнут пыткам и убит.

Повстанцы часто действовали разрозненно, не хватало кадровых офицеров. Командиров выбирали на собраниях. Однако, как писал в своем докладе командир 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманов, с ними приходилось считаться как с серьезной военной силой. Так, достаточно сказать, что только в одном ожесточенном бою за село Травное красные потеряли 150 человек убитыми. Комбриг Рахманов (бывший штабс-капитан царской армии), действовавший против повстанцев грамотно и результативно, был награжден после подавления восстания орденом Красного Знамени.

Общее руководство частями Красной Армии возглавили председатель Сибревкома И.Н. Смирнов, помощник главкома ВС республики В.И. Шорин (бывший царский полковник) и председатель СибВЧК И.П. Павлуновский.

Против восставших были брошены значительные силы: 21-я и 29-я стрелковые дивизии, четыре кавалерийские бригады, Казанский и Сибирский полки, 121-й и 122-й кавалерийские полки, три отдельные стрелковые бригады, восемь отдельных стрелковых полков, особы Сибирский полк, два запасных пулеметных батальона, четыре бронепоезда, отряды ЧОН, ВЧК, милиции. Имели место случаи перехода красноармейцев на сторону восставших с оружием. Так, 2 марта 1921 г. в бою под Боровым и Ярково на сторону восставших перешла 4-я рота 2-го батальона Казанского полка числом 95 человек с винтовками и двумя пулеметами. Правда, комбат Громов говорил, что его батальон был сформирован в спешке из необученных малограмотных татар и чувашей.

15 февраля вспыхивает восстание севернее Исилькуля, причем легкий артдивизион 85-й бригады, расквартированный в ближайших к станции деревнях, переходит на сторону повстанцев. Для ликвидации повстанцев в районе Исилькуля был направлен из Омска Образцовый отряд при Высшей военной школе в составе одного батальона с двумя орудиями под командой Рослова. Он действовал успешно и отбил артиллерийские орудия, освободив от повстанцев Исилькуль.

Главный лозунг, под которым выступили восставшие, который фигурировал во всех воззваниях, листовках и приказах: «Долой коммунистов!». Поначалу некоторые отряды повстанцев выступили под красными флагами с лозунгами: «За Советы без коммунистов!», «Да здравствуют беспартийные советы крестьянских депутатов». Но затем, чтобы избежать путаницы от красного цвета отказались. Среди первых лозунгов был «Да здравствует свободная торговля». В Кротовском районе восставшие шли под красным флагом с черным крестом и надписью белыми буквами: «Мы боремся за хлеб. Не гноите его в амбарах». В Армизонском районе – под зеленым знаменем с надписью белыми буквами «Долой коммунистов». В некоторых районах призывали привести к власти великого князя Михаила Александровича, хотя он давно уже был расстрелян.

Органы ВЧК в своих донесениях подчеркивали преобладание в руководстве восставших бывших эсеров и кулаков.

Взгляд на то, какой должна быть власть публикует газета «Голос Народной армии», издававшейся в Тобольске: «Государственная власть должна быть избрана всем народом, должна являться действительным выразителем его настроений и исполнительным приказчиком народной воли. Только такая власть будет прочна и, говоря от лица народа, будет действительно чувствовать весь народ, всю Россию.

Всякая попытка навязать власть сверху, поставить во главе народа какую-то одну группу, защищающую только свои интересы, заранее обречена на неудачу.

Так кончилось царское самодержавие, когда власть принадлежала дворянам и помещикам, так погиб Колчак, намеревавшийся вручить бразды правления буржуазии, так бесславно падает и диктатура коммунистической партии, думавшей насильственным образом править Россией».

Обратимся к некоторым документам.

Из воззвания повстанцев Кокчетавского уезда: «Крестьяне и красноармейцы, мы знаем, что вы относитесь недоверчиво к движению, поднятому нами против наших общих врагов: коммунистов и жидов.

Напуганные действиями наших высших офицеров и генералов, вы теперь тоже, вероятно, думаете, что казаки поднялись для восстановления колчаковского произвола. Нет, братья, нам не нужно того, что отброшено историей. Колчак пал потому, что не понял духа свободолюбивого сибирского крестьянина и казака. Нам, братья, как и вам, не нужны золотые погоны. Нам их, простым казакам, не носить; мы дети одной с вами трудовой семьи. Ваше горе горько и нам. Нам в Сибири с вами делить нечего. Земли у нас хватит на всех, и мы имеем общих врагов.

Мы поднялись все, как один человек, против кучки жидов и их наймитов, заграничных прожигателей жизни, нагло именующих себя рабоче-крестьянской властью».

Из доклада председателя Кокчетавской революционной тройки Т.Ф. Розенбаха Омскому губкому РКП(б):

«Знайте, товарищи, что я противник каких бы то ни было насилий в политической борьбе, всегда отказывался работать в ЧК и трибуналах, дошел до того, что подписываю приговоры о расстрелах, и у меня рука не дрожит.

…По отношению казачьих станиц я проведу следующую политику. После самого беспощадного подавления восстания я в станицы переселю крестьян или переселенцев из России. Казачество кокчетавское надо раз и навсегда ликвидировать, иначе здесь спокойно не будет».

Из телеграммы командира сводного отряда особого назначения А.А. Звездова Шорину, 1 марта 1921 г.:

«…Противник встретил атаку сильным ружейным огнем, пулемета не обнаружено. Атака, дошедшая до рукопашного боя, происходила в течение 40 мин. по улицам деревни. Точного количества сил бандитов выяснить не удалось, но во время атаки из всех домов выбегали по 15-20 человек, в большинстве вооруженных пиками и дробовиками. После жестокого боя противник отступил в юго-западном направлении. В бою убито наших двое, ранено девять, один из коих бывший комбриг Чистяков, комроты Доман, убиты комзвода Берник и пулеметчик Королев. Потери у противника огромные, пулеметы наши работали в упор».

Из оперативной сводки штаба петропавловской группы советских войск:

«… Сводотряд помкомполка Сусликова 24 марта в 12 час. вошел в д. Жидки. Высланная разведка вошла в последнюю без выстрела со стороны противника. Вошедший в Жидки отряд был встречен из окон, дверей и крыш огнем бандитов. Завязался ожесточенный бой на улицах деревни, и в результате которого наш сводотряд, потеряв 400 человек убитыми и ранеными, под давлением превосходящих сил противника численностью до 8000 человек, наполовину вооруженных, при девяти пулеметах и двух орудиях, оставил деревню и отступил в составе 181 штыка и 170 сабель на д. Новоильинская и далее на

Утчанское… В бою с нашей стороны потерян почти весь комсостав. Помкомполка Сусликов умер от ран».

Из доклада помощника командира 61-й стрелковой бригады войск ВНУС по политчасти Фурсенко начальнику политотдела 21-й стрелковой дивизии войск ВНУС К.А. Гамазину: «С 20 февраля некоторые волости южного района [боевых операций], как-то: Ларихинская, Локтинская и село Старо-Травнинское, представляют из себя хорошо укрепленные пункты, в которых засела кавалерия и пехота противника. Неоднократные попытки взять указанные пункты не давали желательных результатов, а также и до настоящего времени не представляется никакой возможности [взять их], так как противник отстреливается из домов, сараев, чердаков, подполий и т.д. в тот момент, когда наши части заходили в деревню. Находясь на удобной позиции, противник стрелял почти наверняка и чуть ли не в упор, что, конечно, делало значительный урон в наших частях, в особенности комсостава.

Командир Образцового отряда Рослов (Из фонда ЦДНИОО)

…Геройской смертью пал в бою у села Старо-Травнинское помкомполка тов. Лушников, который имел орден Красного знамени, ранен военком 181-го полка тов. Алексеев выше колена. 22 февраля в бою у села Локтинское тяжело ранен заместитель военкома полка тов. Кобелев и убит вридвоенкома 2-го батальона тов. Касьянов. Убиты комроты-9 Кривоногое, начотряда Бобков, помкомроты Шумков, ранены комроты Колобов, Шарапов, Дементьев – комроты – убит. Расстрелян комроты Семаков и пр.»

Воззвание командира Северного красного отряда Западной Сибири 10 апреля 1921 года: «Настоящим ставлю в известность все население волости Нахрачинской, если поставленные мною советы и назначенные в них должностные лица не будут вами признаны, будут чем-либо обижены, а также и семьи коммунистов, то я возвращу свои отряды и буду беспощадно наказывать. За каждого убитого вами коммуниста или должностное лицо мною будут убиты сто. Командир отряда Абрамов».

Из приказа №317 Челябинского губисполкома:

«… за участие в бандитском выступлении наложить на население Курганского уезда контрибуцию натурой: хлеба – 300 000 пудов, фуража – 200 000 пудов».

Вместо послесловия

После разгрома основных сил Народной армии власти вплоть до 1922 года вылавливали отдельные отряды повстанцев, которые отличались мобильностью и неуловимостью. Соввласть объявила амнистию тем, кто был мобилизован, провела несколько показательных процессов над теми, кто злоупотреблял во время продразверстки. Однако наказание они понесли несравнимое с тем, какому подвергались участники восстания. Активные участники расстреливались, их имущество конфисковывалось. Участников восстания подчищали в 20-30-е годы. Так. из 17 тыс.человек, репрессированных в Омской области в 1937 году, каждый третий привлекался за участие в восстании 1921 г. И даже в 1957 году, когда реабилитировали проходивших по белогвардейско-казачьему заговору 1933 года в Омске и Новосибирске, сфабрикованному ОГПУ, тем, кто участвовал в Ишимском восстании, было отказано в реабилитации.

С самого начала восстание было обречено. Но оно не было бесполезным. Ишимское, Кронштадтское и Тамбовские восстания стали причиной того, что уже весной 1921 года продразверстка была заменена продналогом.

МАРТОВСКИЙ СЛУЧАЙ НА ИРТЫШСКОМ МОСТУ

«Заключение

1922 года июля 13 дня следдокладчик Омгубревтрибунала, рассмотрев дело за № 413 по обвинению комвзвода 1-й роты 265 полка Белозерского Захария в контр-революционной агитации, предусмотренному 2-й частью 73 ст. Уголовного Кодекса НАШЕЛ:

13 марта с.г. комвзод 1 роты 265 полка Белозерский распространял заведомо ложные слухи среди охраны Иртышского моста, уверяя красноармейцев, что в газете пишут, что в Москве восстание против Советской власти.

Допрошенный свидетель Лазарев показал на предварительном следствии, что 13 марта с.г. перед вечером к ним пришел комвзвод Белозерский и с восторгом вынимает газету «Известия» ВЦИК и заявляет, что в Москве восстание. Прочитавши газету, он, Лазарев, стал разъяснять, что это неправда, это пишет иностранная буржуазия, но Белозерский продолжал уверять, что это правду пишут.

Привлеченный в качестве обвиняемого комвзвода 1 роты 265 полка Белозерский при допросе виновным себя не признал, объяснил: 13 марта с.г. он был дежурным по Иртышскому мосту и когда пришел на левый берег Иртыша в караульное помещение, ему красноармейцы говорили, что в газете новости, в Москве беспорядки. Он, Белозерский, взял газету, прочитал, и, действительно, в газете была помещена статья «В Москве беспорядки», через немногое вре-

мя после беседы с красноармейцами он отправился на правый берег Иртыша, также зашел в караульное помещение, где красноармейцы читали газету и действительно верили, что в Москве восстание. После этого пошел в помещение роты, увидел там комвзвода Лазарева, сказал ему об этом, на что Лазарев мне ответил, что это публикует Савинков за границей провокацию. Впоследствии он, Белозерский, согласился с Лазаревым, что это действительно провокация.

Принимая во внимание, что из имеющихся в деле материалов не видно преступного деяния со стороны Белозерского (в тексте ошибочно «Белозерова» – П.Б.) и показаниями свидетелей также не подтверждено, а усматривается несовершенство грамотности его, на основании вышеизложенного ПОЛАГАЛ БЫ:

дело по обвинению комвзвода 1 роты 265 полка Белозерского Захара Логиновича 24 лет, малограмотного, беспартийного, происходящего из гр-н Челябинской губ., того же уезда Кочерзакской волости дер. Кузьминоступинской в антисоветской агитации за отсутствием состава преступления и недоказанностью производством прекратить, о чем представить в Президиум Омгубревтрибунала.

Следователь-докладчик (подпись)».

(ИсАОО, ф. Р-239, оп.1, д. 45).

P.S. В деле имеются также показания политрука 1 роты Ивана Захарова 20 лет:

«Кроме этого, т. Белозерский несколько раз говорил в присутствии красноармейцев против новой экономической политики, говорил, за то, что мы кровь проливали, все пропало, мы сдались в руки буржуазии». Но следователь эти показания проигнорировал.

Здесь же подшита газета «Известия» № 46 (февраль 1922 г.), в которой опубликованы материалы, посвященные предстоящей Генуэзской конференции. В частности статья «Р.С.Ф.С.Р., не зевай». В ней процитирована заметка из эмигрантской газеты «Последние новости»: «1 февраля начались серьезные беспорядки в Москве. Рабочие фабрик и заводов вышли на улицу под лозунгами «Долой Советскую власть». Двинуты красные курсанты и конница. Других подробностей нет».

Эта цитата и ввела в заблуждение малограмотных красноармейцев.

«Я ОБРАЩАЮСЬ С ПРОСЬБОЙ ВЗЯТЬ МЕНЯ НА ПОРУКИ...»

«В губернский комитет Р.К.П. больш.
Омской организации
от приговоренного к лишению свободы
сроком на три года члена Р.К.П. больш.
Бызова Георгия Лукича

Заявление

30 мая с/г Гарнизонным судом я был приговорен к трем годам лишения свободы. Обвинение же мне было предъявлено якобы в хищении народного достояния, что, конечно, даже не оправдывает действительности. Правда, со своей стороны признаю допущенную ошибку, т.е. взятая мною рубашка как во временное пользование, я совершенно не знал, что она была крадена Зыряновым. Теперь, не говоря о всем произшедшем, я обращаюсь, товарищи, к Вам с просьбой взять меня на поруки, т. е. досрочно освободить, ибо я хочу работать, а не быть каким-то паразитом, так как в местах заключения, считаю, достаточно паразитов без нас, партийных.

Ранее, работая в партизанских отрядах Семипалатинской губ., подвергался неоднократным истязаниям и пыткам агентами Колчака. И так же лишился своей жены, которую запорола плетями колчаковская свора.

При чем считаю не лишним указать, что я уже писал такое же заявление в коллегию Гарнизонного суда с просьбой о досрочном освобождении, но ответа пока не последовало. Полагаю, что эта бумажка не останется гласом вопиющего в пустыне.

Основние: Декрет Совнаркома, объявл. Р.В.С.Р. № 775 и Ваше объявление в газете «Рабочий путь»

12/VII – 921 Заключенный Бызов».

(ИсАОО, ф. п-1, оп. 2, д. 240, л. 38).

«ВЫСЕЛЕНИЕ ПРИОСТАНОВИТЬ…»

«Омгубздрав
2 авг. 1921 г.
г. Омск

Познакомившись с состоянием в климатической станции «Чертова яма» (располагалась в районе пионерлагеря «Карьер» за Порт-Артуром – П.Б.), и вытекающие из этого состояния положения курортно-санаторного дела, я констатирую следующее.

Курорт содержится грязно, около жилых помещений много мусора, как видимо, для очистки курорта не применяется ни градуированного труда больных, ни работа медсанперсонала в субботники и воскресники. Целебное озеро «Чертова яма» зарастает камышом, к очищению которого не делается никаких попыток. Озеро не огорожено, вследствие чего загрязняется разгуливающей по курорту скотиной, по справкам принадлежащей буржуазии, затесавшихся в качестве больных на курорт.

На озере не имеется наблюдателей порядка, почему в озере купаются (это было в воскресный день) горожане, не принадлежащие к числу курортно-санаторных больных. Купание горожан в настоящее время не желательно, т.к. горожане могут занести в озеро заразу и расстроить все курортное дело.

Имеющийся большой при курорте огород не огорожен, вследствие чего произошло преступное явление: скотом объедена одна тысяча брюквы и четыре тысячи капусты. Скот топчет и друг. овощи. По всей курортной местности, отведенной в значительных размерах, пасется табунами скот, который портит и уже испортил значительную площадь березняка, этот скот затаптывает своим постоем по брюхо пресное озеро (название мне неизвестно), отстоящее от озера «Чертова яма» в 200 сажен. Это озеро необходимо сохранить для будущего с целью воспользоваться им как вспомогательным лечебным средством.

По курорту разгуливают хорошо упитанные женщины и мужчины буржуазного класса, оказавшиеся курортными больными.

При обходе помещения оказалось, что лучшие здания занимают буржуазия, а пролетария (тов. Сазонов, Асарыченкова) ютятся в клетушках, вроде курятника из досок сколоченных с огромными отверстиями в стенах, с дырявыми крышами, протекающими от дождя, и другими дефектами помещения. Обнаружено одно свободное помещение для Г. и его жены, которые якобы скоро придут. Для них получается соседями по жилью курортный паек.

Кипятильник имеется один, что, конечно, недостаточно на 69 больных и 29 служащих; кипятильник нагревается небрежно, дрова аршин с четвертью вложены в очаг кипятильника, часть торчит вне очага и горят таким образом непроизводительно. Такое явление считается преступлением, тем более что дрова привозятся из города.

Погреба не набиты своевременно льдом, мясо и скоропортящиеся продукты хранить негде. Кухня мала. Общая столовая не оборудована, не имеется в достаточном количестве столовой обстановки, хотя бы простых столов и скамеек, табуреток и т.д. Молоко выдается с перебоями, что вредно отзывается на здоровье детей.

Ванн нет, прачечная не выдерживает никакой критики, помещение для нее настолько мало, что нет места поставить корыто для стирки; вместо надлежащих котлов имеется простая плита, на которой чрезвычайно неудобно кипятить воду. Пропускная способность прачечной выражается приблизительной цифрой 460 шт. белья в неделю. Стирка производится на открытом воздухе. Такая обстановка прачешной создает пропажу белья, что и имеется налицо согласно заявления кастелянши. Уборные в небрежном состоянии, мало дезинфицируются, в некоторых уборных затворок не имеется, ремонта на курорте

не производится. Некоторые дефекты, характеризующие дефекты помещения, устранены самими жителями, ну, конечно, пролетарским элементом (помещ. Сазонова), т.к. буржуазия живет в хороших помещениях, и там ремонта острого не ощущается.

На курорте инженер Волков как строитель курорта, инженер с семьей занимают хорошее помещение, пользуются курортным пайком и друг. удобствами как больные.

Медицинская помощь не налажена, хотя имеется курортный врач, который оказывает медицинскую помощь только в воскресенье в продолжении двух часов.

Д-р Лурье с семьей пользуется хорошей квартирой и курортно-санаторным пайком, лошадью и т.д.

На курорте имеется среди больных и служащих коммунисты, но Комячейки не организованы. Нет также коллектива рабочих и служащих. Газеты ни для рабочих, ни для больных не имеется. Культурно-просветительной работы не ведется никакой. Делопроизводство и отчетность не налажены.

Некоторые больные находятся на курорте с 14/VI м-ца особенно из класса буржуазии, почему-то курортно-отборочной комиссией оставлены на 2-й сезон. Какими соображениями руководствовалась Рабочая Курортно-Отборочная комиссия, отдавая предпочтение не в меру буржуазии и в ущерб рабочему классу.

Принимая во внимание и взвешивая все вышеизложенное, руководствуясь революционной совестью, смыслом, а не буквой закона постановляю:

– заведующему хозяйствен. п/отделом т. Симонову и заведующему Курортно-санаторной секцией д-ру Ковлер устранить беспорядки;

– врача Лурье с сего числа отстранить от должности заведующего лечебной частью климатической станции, сняв его со всех видов курортного довольствия и предложить выехать из курорта в 3-хдневный срок. Заведующему лечебным п/отделом наметить кандидата на курорт из числа больных врачей;

– инженера Волкова освободить от занимаемой должности курортного инженера, исключить его со всех видов курортного довольствия и предложить очистить помещение в 3-хдневный срок. Вместо инженера Волкова назначить для мелкой ремонтной работы, каковая в настоящее время и может быть проведена ответственным десятников, находящимся при курорте. Работу по проведению железной дороги, веток и т.д. передать в рабочую организацию Омдор, представить сейчас же в качестве компенсации Омдору курорт «Чертова Яма» 30 мест для рабочих, о чем немедленно известить Омдор.

Всю здоровую буржуазию, пользующуюся курортом, исключить со всех видов довольствия и курортного лечения, выселить из курорта в 3-хдневный срок, руководствуясь прилагаемых при сем списке. Проверить законность нахождения на курорте остальных;

– незанятые помещения, свободные, предназначенные для т. Г. занять в порядке очереди. Отобрать не по закону взятые продукты для т. Г. Исключить его с довольствия до момента его приезда.

Предлагаю Отборочной Курортно-Рабочей Комиссии дать по существу исчерпывающие ответы о причинах, побудивших курортную комиссию насаждать буржуазию в ущерб рабочим.

Администрации хозяйственной части курорта принять все меры к устранению замеченных мною вышеуказанных дефектов в курортно-санаторном деле климатической станции, обратить особое внимание на предупреждение заражения озера холерными вибрионами.

Организованной с сего числа Комячейки и Месткому климатической станции «Чертова Яма» приступить к культурно-политико-просветительной деятельности. Хозяйствен. и счетн. фин. п/отд. командировать инструкторов для налаживания дел хозяйства и отчетности. О текущей работе и исполнении намеченных в проведение в жизнь мероприятий докладывать лично мне.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Список.

ЗАВГУБЗДРАВОМ Сергеев».

« Р.С.Ф.С.Р. СИБРЕВКОМ
Отдел Здравоохранения
/Сибздравотдел/
4 августа 1921 г.
г. Омск

ЗАВГУБЗДРАВОМ т. СЕРГЕЕВУ

Сибздрав предлагает Вам во избежание дезорганизации в хозяйстве курорта «КАРЬЕР», ввиду предстоящего перехода такового в ведение Сибздрава не делать без предварительного соглашения с Сибздравом никаких принципиальных распоряжений в области административно-хозяйственно-технической части такового, а также не отдавать распоряжений в отношении инженера Волкова Н.Р., как не состоящего в Вашем ведении и проживающего на означенном курорте на совершенно ЗАКОННОМ ОСНОВАНИИ, как лицо ведающее строительными работами по заданиям СИБЗДРАВА.

ЗАМЗАВСИБЗДРАВОМ ДОНЕЦ
ПОМЗАВСИБКУРСАНОМ МУЛЬТАНОВСКИЙ
Делопроизводитель /подпись»./

«Телефонограмма 1888.
ЗавГубздравом Сергееву.

Предлагаю Вам впредь до выяснения со мной приостановить выселение больных из курорта «Чертова Яма». Завтра в 1 ½ час. дня благоволите прибыть Сибздрав.

Подписал ЗамЗавСибздравом Донец
5 час.25 мин. 4 августа 1921 г.

Передал Владимиров
Приняла Котелова

Копия верна: Завгубздравом Сергеев».

(ИсАОО, ф. п-1,оп. 2, ед. хр. 128, лл. 52-54)

В РЕАБИЛИТАЦИИ ОТКАЗАНО

После изгнания Колчака многие партизанские отряды, воевавшие с ним, неожиданно стали воевать против красных. В 1920-21 году практически не было региона в Сибири, где бы не вспыхивало восстание. Одной из главных причин этого была продразверстка. Омский губревтрибунал был завален делами, связанными с продразверсткой. Заглянем в одно из таких дел.

«Обозвали комиссию всяко…»

В Историческом архиве Омской области хранится «Дело по обвинению Баздукова Антона Васильевича и Цвелева Сергея Антоновича в предательстве, в контрреволюционной агитации и подстрекательстве не исполнять хлебную, масляную, скотскую разверстку» (ф.239, оп.1, д.41). Дело открывается заявлением из сельского совета д. Валуевки:

«Заявление
К начальнику милиции
1-го участка в Тюкалинске
1920 г. 27 сентября

При сем заявлении просим вас, товарищи милиция, по получении сего заявления немедленно выслать к нам, к сельскому исполкому, в помощь трех товарищей с винтовками, мы не можем ничего изделать. Была назначена комиссия для проверки скота, и нашли много заутаенной скотины, и гражданки и граждане обозвали комиссию всяко и не подчиняются никак, и не можем никак содействовать (имелось в виду «противодействовать» – П.Б.) *саботажникам. Просим, пожалуйста, немедленно выслать в помощь к сельисполкому.*

Председатель
Секретарь».

В Валуевку приехал из Тюкалинска милиционер Костоглотов и 8 октября допросил жителей деревни. Секретарь сельского совета Василий Лыбин показал ему, что Антон Баздуков, когда нашли утаенную скотину и хотели ее реквизировать, «стал ругать комиссию разными площадными словами, называл нас жуликами и босяками, и бродягами», говорил, что «коммунисты грабят нас и скотиной, и хлебом, и маслом, но нам ничего не дают» и призывал не отдавать скот, «пусть забирают с оружием и тогда все увидят, что нас грабят». Это подтвердили еще несколько человек.

Однако сам Баздуков все отрицал и предъявил справку, что он продразверстку сдал в полном объеме, а по маслу с избытком.

Но в ходе следствия у Баздукова обнаружилась еще одна вина.

Обвиняется в предательстве

«Заявление
Красноармейца,
Мастера маслоделия Казанской артели
Степана Киселева
1920 год сентября 8 д.

Прошу принять меры относительно провокатора села Валуевки Антона Баздукова как предателя при Колчаке лиц замеченных в большевизме. Но на время несколько месяцев притаившегося как змея под кочкой. А в настоящее время начинает агитировать между гражданами села Валуевки против Советской власти, убеждая в том, что напрасно крестьяне дают в разверстку скот и т. д. Всякий раз тормозит артель с отправкой масла в райсоюз, говоря, что мы разверстку выполнили, а теперь будем продавать спекулянтам: «эти все-таки нам больше дадут денег», что подтвердят граждане Григорий Лосунов и доверенный завода Валуевской волости» (л. 16).

« Опрошенный по делу Антона Баздукова гражданин села Валуевки Колмаковской волости Григорий Дмитриевич Лосунов 21 года, грамотный, беспартийный, объяснил:

– Я знаю Антона Баздукова как односельчанина. Баздуков при власти Колчака выдал меня за то, что я стоял за советскую власть. Баздуков донес на меня колчаковской милиции, и я был арестован, сидел в Тюкалинской тюрьме 5 месяцев, что могут подтвердить свидетели: 1. Данила Цубренков, 2. Тихон Сергеев, 3. Сергей Цубренков.

Баздуков всегда и во всем идет против общества. Например, 19 числа у нас был сход по поводу разверстки масла. Хотя у нас разверстка окончена, но масло еще есть. По предложению маслодельного общества хотели еще сдать 25 процентов, но Антон Баздуков стал кричать на собрании и говорил, что не следовало бы выполнять разверстки, но когда выполнили, то излишков сдавить не следует и, видя его упорство, многие стали соглашаться с ним. Кроме того, был вопрос, чтобы из выработанного масла дать в райсоюз четвертую часть, и тут Баздуков постановил, чтобы масло не сдавать.

Когда нашему обществу было предложено сделать разверстку на скот, общество решило сделать разверстку по состоянию, то есть с капитала. Баздуков имел 13 рогатых скотин, а семья его из 3 душ, то с него положено 3 коровы. Он и тут стал говорить на общество: зачем нам выполнять разверстку добровольно, пускай власти посылают солдат и берут силой, тогда мы будем знать, что нас грабят. И благодаря того ярого защитника Колчака у нас разверстка и до сего времени не начиналась. Более пояснить ничего не имею, в чем и подписуюсь. Григорий Лосунов» (лл. 17-18).

Тихон Сергеев подтвердил, что Баздуков донес на Лосунова и что тот был посажен в тюрьму, а Сергей Цубренков (в деле вариант написания – Цибриков) подтвердил факт доноса и то, что Баздуков говорил, пускай придут солдаты и забирают силой.

Занимался хлебопашеством

Но были другие показания.

«Спрошенный свидетель доверенный Валуевской маслодельной артели гражданин дер. Валуевка Григорий Петрович Солонец 46 лет, грамотный, беспартийный пояснил следующее.

– Я Баздукова знаю хорошо. Ранее он занимался хлебопашеством. При Колчаке он тоже занимался хлебопашеством. Спекуляцией никакой не занимался. Предателем он не был. А если сидел Григорий Лосунов в тюрьме, то это случилось так: Лосунов служил в армии Колчака и был в отпуске и утерял свое удостоверение, его из-за этого признали дезертиром и посадили в тюрьму.

В настоящее время Баздуков никогда и ни о чем не говорил против советской власти, а также о разверстке скота и масляной разверстке. Я от него ничего не слышал. Если и доносит об этом Степан Киселев, то я считаю, что это какие-либо у него свои личные счеты» (л. 18).

Антон Цвелев также показал, что Баздуков никого не выдавал и занимался хлебопашеством. А Григорий Лосунов говорит так, потому что «разодрался с Баздуковым».

Однако в ходе следствия выяснилось, что Антон Цвелев был зятем Баздукова, а Григорий Солонец – закадычным другом. Естественно, что от них других показаний ждать было трудно. Поэтому дело было передано в Омгубревтрибунал.

Каков был приговор и был ли он вообще из дела неясно. Но в деле имеется справка (л. 30), в которой значится, что Баздуков и Цвелев согласно ноябрьской амнистии 1920 года были освобождены.

Любопытно, что в апреле 1997 года прокуратура Омской области рассматривала вопрос о реабилитации Баздукова и Цвелева и вынесла решение: Цвелева реабилитировать, так как «ни один из свидетелей не уличал его в контрреволюционных действиях против Советской власти и советских работников», а Баздукову в реабилитации было отказано. Хотя, казалось бы, что прокуратуре Советская власть, ведь ее не было уже шесть лет?

РАССТРЕЛЬНОЕ ДЕЛО КАЗАКА-СТОРОЖА

Из массы дел, рассмотренных Омским Губревтрибуналом в 1920 году, дело №1054 по обвинению Баскакова Василия Давыдовича в контрреволюции (ИсАОО, ф.239, оп.1, д.633) выделяется, прежде всего, суровостью приговора. Ведь именно в 1920 году Советская власть широко применяла амнистии – первомайскую и по случаю третьей годовщины Октябрьской революции. Но в данном случае они не были применены. Что же такого совершил простой казак Баскаков, что был приговорен к высшей мере? Документы (далее ссылка на листы дела) позволяют в полной мере оценить ситуацию.

А началось все с донесений и заявлений нескольких товарищей начальнику 8-го района Омской милиции, поданных одновременно, что дает основания предположить наличие некоего сговора.

«Начальнику 8 района Омской гор.
Сов. Раб. Крестьянской милиции
Стар. милиционер вверенного Вам
района Кулишенко Станислав

ЗАЯВЛЕНИЕ

Имею честь заявить Вам, что гр. Баскаков, служа старшим сторожем в омских ж.д. мастерских, выдавал в руки вампиров Красильникова всех работников подпольной организации, работающих в пользу Советской власти. После последнего выступления, когда у нас получился провал, после которого пострадало много наших товарищей я очевидец, как гр. БАСКАКОВ, сидя в своей сторожке с офицерами Колчака, указывал пальцем на тех, кто был работником и вообще сторонником Советской власти. После чего их тут же арестовывали и подвергали расстрелу большинство. А когда у нас была первая забастовка и после неудачи расстреливали тов. Разсохина и еще четырех наших товарищей, то гр. Баскаков, стоя тут же, указывал пальцем на рабочих, говорил, что и вам мерзавцам будет то же, что и этим. Из собранных мною сведений видно, что начальник мастерских Плахтин (в других документах Плахтий, Плахтеев – П.Б.) *выдавал рабочих по донесению гр. Баскакова, говоря, что он служил как тайный агент колчаковских опричников. А месяца за три до прихода Советской власти со всеми донесениями непосредственно обращался в банду Красильникова. В последние дни колчаковской власти его, Баскакова, произвели в прапорщики, и я видел его в погонах прапорщика, так как за ним все время наблюдал. 14/X-19 года Баскаков со своим отрядом отступал на станицу Черемушку и нахваливался тем, что ударит в тыл красной банде.*

Политический сотрудник (подпись)

ДОПОЛНЕНИЕ

Сего 21-го февраля 1920 года в канцелярию милиции 8 района приезжает гр. Князев Кирилл Ефимович, служит в Омском Губревкоме в коммунальном отделе Омского городского хозяйства, за это время гр. Баскаков был арестован и тов. Князев, как видно знакомый ему, говорил, что мы за вас уже хлопочем с тов. Ефремовским Давидом Никифоровичем, начальником Военных хозяственных курсов Сибирского областного управлении. Удостоверение за №116 от 10 января 1920 года

Политический сотрудник Р.К.П. (подпись)» (л.2)

«От рассыльного главной конторы
Омских мастерских
Анненкова Корнилия Васильевича

ДОНЕСЕНИЕ

Ибо все проделки и насилия БАСКАКОВА в течение 10 летней моей службы нет возможности описать, а приходится выразиться в коротких словах. Я скажу лишь только, что Баскаков был первый взяточник и грабитель

казенного имущества и первый предатель рабочего класса, а что касается о какой-то свободе или о Советской власти, то Баскакову и не было надобности, потому что он имел полную власть от администрации, что хотел то и делал. Как мне было известно, Баскаков был враг Советов и закаленный исторический монархист и всегда старался развивать агитацию против Советской власти, всегда имел опору на шайку сторожей, которых у него была организована, и на собраниях орал против большевиков. На последнем собрании в мастерских, когда выступал т. Косарев, рабочие стали волноваться, тогда ему пришлось усилить голос, и Баскаков заорал на оратора и затюкал. По мастерским Баскаков ходил почти постоянно с пьяной рожей и за всю 12-летнюю службу, так рабочих тонко знал, не то фамилию, а даже имя и отчество и какого направления, и вот он стал во главе предателей рабочих, и мне приходилось некоторых спасать, которые скрывались, а кого-либо арестовывали, то Баскаков о каждом мог говорить, кто он и за что арестован. Так же и я был арестован и заключен в тюрьму Баскаковым. Работал сыщиком А.В. Лапко, который находился при мастерских и при расстреле 5 рабочих в мастерских 19 октября 1918 года, то Баскаков говорил, что эти большевики, что заслужили, то и получили, а большевиков нужно уничтожать: это сытая вредная зараза. И вот если вопрос относительно Баскакова поставить в известность рабочих, рабочие скажут, что этого злодея и предателя нужно на месте уничтожить. И благодаря одного человека, который спас меня, а то бы был расстрелян от предательской руки Баскакова, и вот этот предатель вполне достоин той же участи, которой подвергнулись погибшие товарищи. Корнилий Васльевич Анненков. (л.л. 9-9об.).

Текст напечатан на той же машинке, что и заявление Кулишенко. На листах 7-8 это заявление написано карандашом, было слишком неразборчиво и плохо читаемо. Перечеркнуто синим карандашом, вероятно, председателем трибунала, просматривавшим дело. Слово «Косарев» также подчеркнуто: Косарев в 1920 году был членом Сибревкома и «затюкать» его, это, конечно, преступление. Далее мы будем отмечать подчеркивания этим карандашом.

Кроме этого, в один день, 22 февраля 1920 года, поступили заявления от бывшего плотника вагонного цеха Даниила Нелюбина, который показал, что «по его (Баскакова) инициативе расстреляно пять человек в мастерских» (л. 3)

От чернорабочего механического цеха Алексея Павловича Кадыгробова, который сообщал о Баскакове, что «при царизме до революции он выдавал рабочих за свободное слово в руки жандармов» (л. 4), что «сам участвовал в свержении Советов, вооружен был винтовкой, револьвером, шашкой и с белой лентой через плечо», что «19/X в субботу произошли расстрелы 5-ти человек и это было по инициативе Василия Баскакова» (л. 4 об.).

«Сочувствующий Р.К.П.
3 района гор. Омска
Тимофей Иванов Поклонцев

ЗАЯВЛЕНИЕ

Заявляю, что гражд. Баскаков поступал добровольцем в армию Колчака и был перед самым переворотом офицером в чине прапорщик и носил погоны с одной звездочкой. Отступал со своим отрядом по направлению к стан. Черемушки за несколько часов до прихода сов войск» (л. 5).

Следователь Омгубревтрибунала Таранов 5 марта допросил бывшую жену Баскакова и заявителей.

Из Протокола допроса жены:

«Я, жена Баскакова,
32 л., ныне гражданская жена Князева,
под судом не была, малограмотная,
портниха, жила на средства мужа
и свои в последнее время.

Баскаков служил на жел. дороге с 1903 по 1919 год в качестве сторожа, а потом старшего сторожа.

Во время первого переворота моим мужем был задержан гр. Некрасов с поличным: т.е. казенной вещью, наковальней, как узнала впоследствии. Дочь моя Анастасия была убита неизвестным лицом в общежитии Технических классов на станции Омск, и как выяснилось впоследствии, это была месть за моего мужа. С этого дня я его возненавидела и, зная его монархические убеждения, всегда с ним спорила поэтому поводу (подчеркнуто синим карандашом).

Кого предавал он, я не знала, но те недоразумения, которые были у него с рабочими мастерских, всегда вымещал на мне.

Одно время, не помню только числа, пришел муж и сказал, что ему предложили поступить в охранку (подчеркнуто синим карандашом), на что он ответил: у меня и так много врагов, а тут еще навязывают охранку.

Все свои тайны он мне всегда говорил, и ни одного раза не было, чтобы он принимал участие в каких-нибудь расстрелах. Случай, когда расстреляли пять в мастерских, мой муж был в то время дежурным ночным и возвратился около 10 ч. утра, мотивируя, что ему не было смены. И по его выражению лица, я определила, что что-то случилось, стала его спрашивать, что такое? Он ответил, у нас расстреляли пять граждан и мне неприятно.

Больше показать ничего не могу (подпись Баскакова)» (лл. 12-12об).

Эти показания о монархических взглядах мужа сыграют в судьбе Баскакова не последнюю роль.

Доносчики подтвердили изложенное в заявлениях, а Кулишенко добавил, что «одно время было вынесено решение о том, чтобы терроризировать Баскакова и других, но так как за нами следили, и он был вооружен браунингом убить его не удалось» (л. 14).

Любопытные дополнения сделал главный доносчик Анненков Корней:

«В дни свержения Советской власти, т.е. 7 июня 1918 года гр. Баскаков старший сторож мастерских первый принимал участие в свержении советской власти в мастерских депо. Когда товарищи рабочие были в бою на ст. Марьяновке с чехами, он, Баскаков, заставлял сторожей вооружаться для помощи фронтовикам по свержению Власти Советов. Фронтовики находились при мастерских в ожидании сигнала к восстанию и свержении Власти Советов. В состав фронтовиков влились все офицеры и конторщики, которые находились в то время на службе при станции Омск. Это были сторонники Учредилки. Баскаков всегда был в кругу приверженцев Учредилки и как оратор устраивал митинги с учредиловцами. Его агитация всегда была склонна к свержению Советской власти» (л. 15)

Однажды якобы агент контрразведки Лапко пришел к нему пьяным на квартиру и «проговорился, что Баскаков является агентом контрразведки (подчеркнуто синим карандашом) и на его обязанности лежит делать доносы на лиц, сочувствующих Советской власти».

Анненков сообщил, что 13 февраля 1919 года его арестовали по доносу Баскакова, много раз допрашивали и «последний раз во время опроса полковник Злобин спросил меня, на кого я думаю о моем доносе (так в тексте, следует: о доносе на меня – П.Б.). Я указал на Баскакова. Полковник Злобин подтвердил мои подозрения, что донес Лапко по указанию Баскакова» (л. 15об). Вот уж явная небылица: с чего бы вдруг начальник контрразведки стал выдавать своих агентов!

Освободился же он благодаря помощи одного офицера, который проникся симпатий к его дочери и поверил, что ее отец арестован ни за что.

Была допрошена дочь Анненкова Мария 18 лет, которая показала:

«Неделю спустя после ареста моего отца я пошла в Управление контрразведки для получения пропуска на свидание с отцом. Придя в ставку, я обратилась к дежурному офицеру, который вызвал офицера по ставке, к последнему я обратилась, рассказав ему положение дела моего отца.

Дежурный офицер отнесся ко мне сочувственно и обещал ходатайствовать об освобождении моего отца, и через неделю мой отец был освобожден.

Один раз в 1918 году, не помню месяца, пришел к моему отцу Баскаков в пьяном виде и стал просить отца о том, чтобы он простил его за прошлое (подчеркнуто синим карандашом). Мой отец ничего не сказал» (л. 18).

Подключившийся к расследованию следователь Валек допросил в качестве свидетеля Гавриила Татаренко, которого не было среди доносчиков. Он в частности показал, что Баскаков «заходил в мастерские и, замечая, кто, по его мнению, не усердно работает, подганивал, и что, по определенным слухам, передавал начальнику мастерских Плахтию и вообще шпионил всегда, следил как, что, кто делает. Из разговоров с ним, Баскаковым, знаю, что он определенный монархист (подчеркнуто синим карандашом).

О предании коммунистов и сочувствующих Советской власти я не знаю, ибо меня во все время властвования белогвардейщины в мастерских не было» (л. 19).

Следователь Валек затребовал, чтобы из милиции Баскакова препроводили

в Губревтрибунал для допроса к 11 часам 16 марта (л.20). Ему ответили, что Баскаков находится на излечении в 3-м Инфекционном отделении по Александровской ул., дом №19 (л.20 об). 30 марта Баскаков вылечился и 5 апреля следователь Валек допросил его. Протокол допроса (лл. 22-22об) поврежден, но главное можно понять. Баскаков показал, что в охранке не служил, добровольцем не был, а был мобилизован 21 октября 1919 года и служил в запасной части, в боях не участвовал… Конфликты с рабочими были из-за краж, что при Колчаке хищения усилились, особенно олова и свинца.

«Споры у меня с рабочими о власти были часто. Я был за колчаковскую власть из-за газет, в которых я читал всегда о зверствах и расправах красных и т. д. (подчеркнуто синим карандашом). Я верил газетам».

После допроса 5 апреля следователь вынес постановление о заключении Баскакова в Дом лишения свободы (л.23).

Дело было передано другому следователю, который изучив его, вынес заключительное постановление.

«Заключительное постановление

1920 года мая 28 дня следователь-докладчик ОМГУБРЕВТРИБУНАЛА Кепанов, рассмотрев согласно комиссии Трибунала дело №264 по обвинению Баскакова в контрреволюции нашел, что начальнику 5 района Омской милиции поступило ряд заявлений, в коих указывалось, что Баскаков, служа старшим сторожем Омских железнодорожных мастерских, выдал отряду Красильникова рабочих подпольной организации, а также лиц, принимавших участие в забастовке, в результате чего 5 из них были расстреляны. На основании означенных заявлений Баскаков был арестован и препровожден в ОМГУБРЕВТРИБУНАЛ.

На произведенном по сему поводу дознании и предварительном следствии установлено, что Баскаков служил на железной дороге с 1903 по 1919 г. в качестве младшего, а потом старшего сторожа. По убеждениям Баскаков ярый монархист, о чем свидетельствует его жена, которая с ним неоднократно спорила по сему предмету (л.д. 12), а также однозначно подтверждено другим свидетелем (л.д. 16).

Являясь сторонником монархизма, он не был пассивным защитником, наоборот, всячески старался оказать услугу последнему. Уже в 1915 году он делал доносы на рабочих и служащих, в результате чего происходили обыски и аресты у рабочих членов подпольной организации.

В 1917 году ячейка постановила: зная политическую физиономию и дела Баскакова, убрать со службы. Но Баскаков стал просить об оставлении и торжественно обещал служить честно и поддерживать равенство и братство, и ячейка согласилась. И действительно, до октябрьского переворота он держал себя по-товарищески, но со дня первой Советской власти Баскаков опять принялся за свою старую деятельность и начал предавать рабочих существующей в то время подпольной контрреволюционной организации. С первых дней восстания Баскаков принимает деятельное участие в свержении Советской власти, вооруженный с белой повязкой во главе своих при-

верженцев, он угрожает рабочим и примечает, кто из рабочих является сторонником Советской власти (л.д. 15, 16). С этого момента он вступает агентом в контрразведку и начинается его предательская работа вместе с расстрелянным контрреволюционером инженером Плахтием. Спустя несколько дней после падения Советской власти по доносу Баскакова были арестованы несколько рабочих, которые и просидели в тюрьме до прихода красных войск. 17/X-18 г. была объявлена стачка рабочих и Баскаков указал Плахтию ряд рабочих, принимавших активное участие в стачке, в результате чего 19/X-18 г. казаками были арестованы 5 рабочих и расстреляны (л.д. 16). После подавления забастовки Баскаков указал офицеру контрразведки тех рабочих, кои были причастны к стачке, в результате чего последовал арест этих рабочих (л.д. 13, 14). Деятельность Баскакова была настолько открыта и опасна, что подпольная организация вынесла постановление об его убийстве, но это не удалось.

В последние дни перед эвакуацией Омска белыми Баскаков уже в чине прапорщика уезжал вместе с белой армией (л.д. 14).

Опрошенный обвиняемый виновным себя не признал и объяснил, что рабочих он не предавал, и у Колчака не служил и что он присутствовал при расстреле 5 рабочих, при этом присутствовали также рабочие и служащие около 30 человек, и генерал Красильникв по сему поводу произнес речь. В охранке он не служил, но ему предлагали поступить в охранное отделение, потому что он хорошо следил за похитителями имущества и рабочие ему часто попадались с поличным. 21/X-19 был мобилизован и служил в запасных частях, в боях не участвовал и вскоре сдался красным со своей частью, причем он стоял за Колчаковщину, которую защищал вследствие газетных сведений о расстрелах у красных.

На основании изложенного Баскаков Василий Дмитриевич (ошибка следователя, надо Давыдович – П.Б.)*, 46 л., беспартийный обвиняется: 1) в том, что, будучи сторонником монархизма, всячески старался защищать и проводить эти принципы в жизнь, с этой целью он вступает на службу агентом в охранное отделение и в течение нескольких месяцев систематически ведет работу по предательству рабочего класса, в результате его деятельности целый ряд рабочих были арестованы и некоторые из них были расстреляны, 2) в том, что добровольно вступил в ряды белой армии с целью активной борьбы против рабочих и крестьян.*

Принимая во внимание, что данное деяние является преступлением, ПОСТАНОВИЛ: означенного Баскакова предать Суду ТРИБУНАЛА.

Следователь-докладчик (подпись)» (лл. 39-40).

На основании этого Кепанов вынес постановление Трибунала о проведении суда 8 июня с привлечением свидетелей Катыгробова, Анненкова, Кулишенко и Нелюбина.. Получив это постановление, Баскаков подал 1 июня прошение в Омгубревтрибунал, в котором писал:

«С 1905 года я состоял на службе в Омских Главных железнодорожных мастерских старшим сторожем, на мне лежало наблюдение за целостностью и сохранностью казенного имущества мастерских, с каковой целью вменялось в прямую обязанность наблюдения за рабочими при входе и особенно выходе их из мастерских, чтобы казенное имущество не выносилось.

Эти мои обязанности возбуждали против меня известный круг рабочих-мародеров и мне неоднократно присылали анонимные письма с угрозами. Беспрерывно я состоял в указанной должности до 21 октября 1919 года, когда по мобилизации как простой рядовой казак был призван в войска, о чем мною в контору мастерских тогда же представлено бумага от Атамана 2 отдела Сибирского Казачьего войска. Должность сторожа была за мной сохранена.

В 1914 или 1915 годах в мастерских были арестованы рабочие медник Мачульский и токарь механического цеха Березовский. Известный недовольный мною круг лиц распространил в мастерских слух, что донос на этих рабочих сделал якобы я, но когда я услышал эти новости и выяснил обстоятельства, что медника Мачульского выдали рабочие того же цеха Александр Молоков, Степанов и еще третий, фамилию которого я не знаю, а второго, Березовского, выдал Сосков, механический токарь и еще два, фамилии которых не помню, выданы они были дежурному в то время жандарму Федору Куц, который в настоящее время проживает в Атаманском хуторе, имеет собственный дом. После выяснения мною обстоятельств, слухи обо мне прекратились, что могут засвидетельствовать сами потерпевшие, работающие в настоящее время в мастерских, и то, что после февральской и октябрьской революций я оставался на своем месте, состоял в профессиональном союзе, как ничем незапятнанный.

Ныне, после свержения Колчаковской власти, против меня возбуждено обвинение в выдаче отряду Красильникова 9 человек рабочих мастерских, из которых 5 человек вышеозначенным отрядом были расстреляны. Обвинение это было возбуждено моим сослуживцем младшим сторожем мастерских Анненковым, ранее служившим в г. Кустанае долгое время полицейским городовым. Сын Анненкова, тоже рабочий мастерских, мною был задержан с похищенными казенными гвоздями и за что был уволен конторой с работы, почему отец Анненков и стал подкапываться под меня и сочинил этот последний ложный донос.

Обстоятельства приписываемого мне деяния таковы. 18 октября в мастерских была объявлена забастовка, кем я не знаю. 19 октября, когда в мастерских работ не было, и были только конторщики, монтеры, другие служащие и незначительная часть рабочих, были вызваны казаки и отряд Красильникова с ним самим во главе, я в это время стоял на посту сторожа у главных ворот. Вскоре по приходе отряда слесарь омских мастерских Турецкий шел от конторы и сказал мне, что Красильников около конторы ведет речь о прекращении забастовки. Я, передав обязанности младшему сторожу Страхову, пошел к конторе. Лишь только я подошел к толпе собравшихся служащих, как услышал слова, стоявшего на ящиках Красильникова: «Я покажу

насколько Временное Правительство сильно!», затем Красильников сошел с ящиков и, обращаясь к отряду, приказал: «Расстрелять!» Тогда же из среды солдат его отряда было выведено 5 человек в гражданском платье и здесь же расстреляны. Из этих 5 человек я узнал только Рассохина, бывшего конторщика мастерских, а остальных я не знал. Потом выяснилось, что 4 были служащими 9 уч. службы пути и к мастерским отношения не имели. Рассохин же исполнял обязанности председателя атаманской продовольственной управы и работ в мастерских не посещал, а перед расстрелом я видел, как он был приведен со стороны станции через главные ворота офицером штабс-капитаном Михайловским, который в настоящее время находится в Омском доме лишения свободы.

Таким образом, из обстоятельств видно, расстрелянные Красильниковым рабочие были не омских мастерских, а были приведены неизвестно откуда для расстрела в мастерские, дабы запугать рабочих и прекратить забастовку, а задержаны были значительно раньше. Все это опровергает показания доносчика Анненкова и др. свидетелей, который указывает, что расстреляны были рабочие Омских мастерских и что незадолго до расстрела ко мне подходили офицеры и будто бы тогда я выдал рабочих, тогда как они были приведены в мастерские и рабочие не наши.

Обвинение же меня в том, что я был офицером Колчаковской армии совершенно абсурдно, так как о том, что я рядовой казак и даже не унтер-офицер имеются сведения в станичном управлении, конторе мастерских, кроме того, я почти неграмотный, еще в мирное время служил сторожем, и все станицы меня знают за рядового и что я был мобилизован вместе со сверстниками. По моим сведениям, эшелон с делами войскового штаба был захвачен на станции Омск, и в делах штаба должны иметься списки всех офицеров войска, по которым можно установить, что я не офицер, это же можно установить опросом всех офицеров Сибирского казачьего войска.

Прошу опросить указанных мною лиц, проверить указанные мною обстоятельства, а меня от наказания освободить, как совершенно невиновного. А если мое дело передано в Кассационный Трибунал, то прошу настоящее прошение направить туда.

1 июня 1920 г. Подпись Василий Баскаков».

В конце прошения приписка черными чернилами: «Баскаков Вас. Дав. заключен под стражу 5 апр. 20 г. Обвиняется в предательстве при колчаковской власти.

Числится за Губревтрибуналом делопроизвод. 8/VII -20 г.»

Здесь Баскаков указывает следствию главные факты, которые легко проверить и которые могли бы его оправдать: расстрелянные не были рабочими мастерских, и он не был добровольцем и прапорщиком. Но никто этого проверять не стал.

3 июня Баскаков подает еще одно прошение.

«В Омгубревтрибунал
Заключенного в доме лишения свободы
Василия Давыдовича Баскакова

Прошение

3 сего числа мне вручен обвинительный акт. Пользуясь предоставленным мне правом, я в опровержение предъявленных мне обвинений, прошу Трибунал вызвать на суд и допросить следующих свидетелей:

1)Федор Куц – Атаманский хутор, собств. дом;

2) Илья Ефимович Князев – ст. Омск, казенный дом №256;

3) Степан Белогривов – там же;

4) Терентий Черненок – там же;

5) Петр Елесканин – ст. Омск, казенный дом №192;

6) Феодосия Аввакумовна Баскакова – гор. Омск, Плотниковская ул., д. №303

Из указанных лиц Федор Куц может опровергнуть приписываемую мне службу в охранном отделении, а все другие, что на военной службе при Колчаке я служил рядовым казаком, а не прапорщиком.

Кроме того, в доказательство, что на военной службе я служил по мобилизации, а не добровольно, прошу вызвать Николая Михайловича Леонтьева – ст. Омск, Главная контора омских мастерских.

3 июня 1920 г. Василий Баскаков» (лл.49-49об).

Любопытно, что, несмотря на развод с женой, Баскаков находился в нормальных отношениях с ее гражданским мужем Князевым, поскольку просил вызвать его свидетелем. Однако ни один из указанных им свидетелей на суд вызван не был! И суд вынес следующий приговор.

«ПРИГОВОР

1920 года июня 8 дня, именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Омский Губернский Революционный Трибунал, в составе Председателя Лапина и Членов Башкарева и Тарасова в открытом судебном заседании, рассмотрев дело по обвинению БАСКАКОВА Василия Давыдовича в предательстве и службе белой армии

НАШЕЛ: показаниями свидетелей установлено, что Баскаков во время царизма уже был замечен в шпионаже.

При Колчаке он особенно открыто отличался: благодаря его предательству были расстреляны 5 человек из организаторов забастовки на железнодорожных мастерских в октябре 1918 года. За свою ревностную предательскую деятельность он перед отступлением белых из Омска произведен в офицеры, поставлен во главе отряда.

Принимая во внимание все вышеизложенное и руководствуясь революционной совестью и правосознанием, ПРИГОВОРИЛ: БАСКАКОВА Василия Давыдовича признать виновным в предательстве и как ревностного контрреволюционера, опасного для пролетариата, подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять.

Все его имущество конфисковать.

Приговор окончательный и подлежит приведению в исполнение в 48 часов» (л. 1а-1а об).

Однако приговор не был приведен в исполнение в течение 48 часов, так как Баскаков подал кассационную жалобу и на первом листе прошения в левом верхнем углу появляется резолюция: «Со справкой направить в К. Тр. 9/ VII, Подпись» (л. 1б).

9 июня дело было направлено в Кассационный Трибунал Республики.

Пока дело ходило по инстанциям, Баскаков сидел в Доме лишения свободы и через полгода подает ходатайство в Комиссию по надзору за применением амнистии при Сибревкоме:

«Ходатайство

Восьмого июня 1920 года Омгубревтрибунал рассматривал дело по обвинению в контрреволюционных действиях, якобы за выдачу советских работников в 1918 году, за что суд приговорил меня к высшей мере наказания к расстрелу.

Заявляю, что суд основывался исключительно на ложные доносы моих противников по службе, которые в свое время расхищали казенное достояние, а я препятствовал этому, как был поставлен смотреть за этим. Свидетелей же с моей стороны Суд нашел ненужным допросить. Следовательно, истина далеко не выяснена, а раз так, то, разумеется, приговор получился неправильный и односторонний.

На приговор этот я подал кассационную бумагу, и дело передали в Кассационный Трибунал Республики. Находясь в таком тяжелом положении семь месяцев, т.е. под страхом ожидания смертной казни, казалось бы, более чем достаточно этого наказания за предъявленное мне обвинение.

Если бы даже по всему предъявляемому мне материалу моего обвинения была действительность, то согласно Амнистии Сибревкома от 7 ноября 1920 г. я подлежу Амнистии. На основании всего вышеизложенного я прошу Комиссию по надзору за применением Амнистии при Сибревкоме применить ко мне полную амнистию и освободить меня из-под стражи.

г. Омск, 1-го января 1921 г. (подпись Василий Баскаков)».

На этом же листе:

«Справка

Баскаков Василий, осужденный Омгубревтрибуналом 8 июня 1920 г. приговорен к высшей мере расстрелу за контрреволюцию. Кассационная жалоба и дело направлены в Кастриб на распоряжение, о чем есть уведомление Омгубревтрибунала от 9 июня за №1800.

Делопроизводитель (подпись)» (лл. 59-59об).

Однако ходатайство было отклонено.

Из Заключения члена-докладчика на прошение Баскакова В.Д.:

«В своем прошении о помиловании Баскаков заявляет о том, что он происходит из рабочей среды, просит смягчить наказание. Принимая во внимание,

что смягчающих вину обстоятельств в деле не имеется и что амнистию 7 ноября 20 г. за силою п. 4 на Баскакова не распространяется, полагал бы:

приговор Омского губревтрибунала целиком и полностью утвердить без применения к Баскакову амнистии.

Член-докладчик» (л. 50).

Не обрадовали и высшие инстанции.

«Определение №810

Кассационный Отдел Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Красноармейских, Крестьянских и Казачьих Депутатов в составе Председателя Отдела Н.В. Крыленко и членов Отдела т. Илюшина и Линде в присутствии докладчика Рогинского, заслушав и рассмотрев в заседании своем от 25 ноября 1920 года Кассационный протест на приговор Омского Революционного Трибунала от 8 июня 1920 года по делу В. Баскакова, осужденного за предательство и пр.[иговоренного] к расстрелу,

определил: приговор оставить в силе без применения амнистии III годовщины.

Настоящее определение внести в книгу кассационных решений под №810.

Подписи

Председатель Крыленко.

Члены: Илюшин

Линде» (л. 52).

«Выписка

из Протокола №6/с заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Красноармейских, Крестьянских и Казачьих депутатов от 5 февраля 1921 г.

Слушали: Определение Кассационного Трибунала ВЦИК на приговор Омского Ревтрибунала по делу В. Баскакова, осужденного за предательство к расстрелу

Постановили: Согласиться с определением Кассационного Трибунала, т.е. приговор оставить в силе.

Секретарь Енукидзе».

Следующие документы не требуют комментариев.

«Секретно

№1054, 15/III-21 *Запасному члену Трибунала т. Левченко*

Приказываю завтра 16 сего марта привести в исполнение приговор Трибунала от 8 июня 1920 г. над осужденным Баскаковым Василием. Об исполнении донести.

Зам. Председателя (подпись)» (л. 55).

«Председателю Омского Губревтрибунала

Рапорт

Доношу, что согласно вашего предписания приговор над Баскаковым Василием приведен в исполнение, каковой, т.е. Баскаков, расстрелян 23 сего марта.

23/III-21 Запасной член Трибунала Левченко» (л. 55об).

В деле есть четыре небольших, необычных для таких дел фотографии, с которых на нас смотрит утомленными спокойными глазами настоящий казак в папахе с пышными усами.

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, сей казак пострадал за свои убеждения, которые он не скрывал, а не за деяния.

Как уже говорилось, столь суровые приговоры выносились в то время редко. Вот, например, очень похожая ситуация. В Тарском уезде по доносу был арестован Петр Арзамасцев. Свидетели, также в основном сотрудники милиции и сочувствующие РКП, утверждали, что Арзамасцев, работая в волостной управе, предал отряду капитана Селецкого уклоняющихся от мобилизации, и по его вине было расстреляно более шести человек (ИсАОО, ф. 239, оп. 1, д. 628). Однако здесь выслушали свидетелей, которые говорили, что Арзамасцев просто исполнял свой служебный долг и враждебно к советской власти не относился. В итоге Омгубревтрибунал приговорил его к пяти годам условно, применив амнистию.

Остается добавить, что в 1996 году Омская областная прокуратура отказала В.Д. Баскакову в реабилитации, встав на точку зрения революционного суда и проигнорировав грубые нарушения процессуальных норм.

РЕВТРИБУНАЛ ПРИГОВОРИЛ…

Агенты О.Р.Т.Ч.К. не дремлют

«Дело №127

по обвинению гр. Борисенки Ивана и Левицкого Василия по обвинению в агитации против Советской власти

1)16 августа 1920 года в О.Р.Т.Ч.К. ст. Петропавловск поступило заявление от агента вышеуказанной комиссии тов. Ланге, по которому производилось расследование и выяснилось следующее.

Во время следования в пути по жел. дор. от ст. Курган до ст. Петропавловск с п. №4 в вагоне 3-го класса среди окружающих пассажиров вышеуказанные граждане Борисенко Иван и Левицкий Василий агитировали следующее: что в Германии (Борисенко возвращался из плена – П.Б.) восстановлен французско-английский контроль, несмотря на то, что там власть капиталистов, но порядки очень хорошие, и ввиду чего там всего достаточно и дешево, фабрики и заводы все работают, а у нас в России правят коммунисты, которые специально

живут обманом – хорошо научились говорить, ездят по деревням и агитируют крестьянам следующее: дайте нам хлеба, мы вам дадим кадетские деньги, которые никогда не уничтожатся, после чего берут хлеб по твердой цене, а через несколько дней издают приказ, что эти деньги аннулируются, ввиду чего крестьяне остаются без хлеба и без денег. Вот так делают коммунисты.

Если кто в России записывается в партию коммунистов, тому живется хорошо, хотя бы такой имел три дома, у него не отбирают, а кто не записывается в партию, то у таковых последнюю избенку арестовывают и угоняют на принудительные работы, так коммунисты добьются до ручки.

Все вышеизложенное агитировали г. Борисенко и Левицкий. Затем Левицкий заявил следующее: что он видел, как в России в одном из городов Совет окружил базар и начали отбирать весь товар, всех тех, кто продавал на базаре, ловили, снимали с них хорошую одежду, а самих отправляли на принудительную работу – ко всем сказанным словам поддакнул Борисенко следующее: «Вот тебе свобода, братство и равенство, недаром немцы писали, что в России идет грабеж, так невозможно жить надо пробираться в Японию».

Обвиняемые сознались на первом допросе, но всецело обвинение с себя снимают, якобы вели разговор с публикой не из своего соображения, пользовались слухами со стороны. Все вышеизложенное показание в настоящей характеристике подтверждается нижеследующими свидетелями:

первым агентом О.Р.Т.Ч.К. ст. Петропавловск Гервич Абрамом, вторым агентом О.Р. Т.Ч.К. ст. Петропавловск ЛАНГЕ Даниилом, третий гр. Сухановой Антониной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принимая во внимание изложенное выше, нахожу обвинение, предъявленное гр. Борисенко Ивану и Левицкому Василию в агитации против Советской власти, установленным фактом. Исходя из того, что вышеуказанные граждане могут работать только во вред Советской власти, как ими это уже доказано на факте окружающей публики, посему предлагаю гр. Борисенко Ивана заключить на три месяца в концентрационный лагерь с исполнением принудительных работ, а гр. Левицкого Василия заключить в дом лишения свободы на шесть месяцев с принудительными работами и конфисковать у такового из имеющейся суммы 43 тысячи 340 рублей денег 20 тысяч рублей в пользу Фонда Республики, а остальную сумму денег 23 тысячи 340 рублей возвратить гр. Левицкому, а потому и постановил дело №127 вместе с арестованными препроводить в Губревтрибунал для наложения наказания на таковых. Следователь (подпись)».

11 сентября 1920 года Омгубревтрибунал в составе председателя Мекке, членов Каменева, Озолиной и секретаря Власенко приговорил:

«гр. Борисенко Ивана Михайловича, 28 лет, бывшего железнодорожника – вынести ему строгое порицание, гр. Левицкого Василия Власича 44 лет мещанина гор. Пружаны к одному году принудительных работ с лишением свободы условно, деньги свыше двадцати тысяч рублей конфисковать в Фонд Республики» (ИсАОО, ф. 239, оп. 1, д. 49).

Прим.: О.Р.Т.Ч.К. – Омская районная транспортная ЧК.

Придерживается Советской власти

Постановление

1919 года декабря 10 дня я, Тюкалинский Уездный Военный Комиссар постановил:

явившегося сего числа в комиссариат гражданина дер Щипачей Нагибинской волости Тюкалинского уезда Федора Матвеевича Анисимова как служившего в отряде Особого назначения поручика Шереметьева, каковой отряд беспощадно расстреливал политически арестованных, задержать, предварительно арестовав, и препроводить в Тюкалинскую Уездную тюрьму впредь до расследования. Вр.И.Д. Военного комиссара (подпись)»

На допросе Анисимов показал, что в отряд он был мобилизован насильно 30 сентября 1919 г., что своего сына Константина учил не стрелять по красным, а сдаться им. Когда будешь у белых, наставлял к тому же он сына, трать колчаковские деньги, а у красных – «миколаевские».

У Анисимова нашлись заступники-свидетели.

Так, зав. подотделом совета горхозяйства просил освободить его, т. к. Анисимов сочувствовал Советской власти, и когда его сына мобилизовали, то наказывал не стрелять по красным и при первой возможности сдаться в плен.

В деле есть решение-приговор Щипачевского сельского схода, в котором односельчане подтверждали вышесказанное и дали такую характеристику: «Анисимов человек поведения хорошего, никаких замечаний не имел, под судом не был… и придерживается Советской власти».

Омский губревтрибунал прислушался к сим ходатайствам и постановил:

«Дело производством прекратить за отсутствием состава». (ИсАОО, ф. 239, оп. 1, д. 627).

ДЕЛО ПРЕКРАТИТЬ...

Как Сибревком председателя ЧЖК выручил

27 марта 1920 года на имя Председателя Революционного трибунала дивизии имени III Интернационала Веребея поступил рапорт от следователя этого трибунала Петра Михайлова с просьбой дать соответствующее распоряжение по следующему факту. Он, Михайлов, пришел к председателю жилищного комитета Алимову и попросил его дать показания по поводу гр. Антонины Насуты, которая не освобождала квартиру для членов трибунала. Однако Алимов отказался давать показания, заявив, что он как гражданское лицо не подчиняется военному трибуналу, и они занимаются всякой ерундой от нечего делать.

Через день дивизионным ревтрибуналом было вынесено постановление: «1) завести дело, 2) поручить председателю сего Трибунала предложить

т. Алимову явиться в качестве обвиняемого для допроса, 3) при добровольной неявке АЛИМОВА в Отдел Реввоентрибунала доставить приводом и заключить под стражу, как нарушившего приказ по войскам 5 армии за №343 от 20 мая 1919 года, 4) одновременно настоящее постановление довести до сведения Сибревкома и Реввоенсовета 5».

Заведующий следственной частью Цуккерман принял дело, послал Алимову повестку и стал допрашивать свидетелей, которые подтвердили факт отказа от дачи показаний и оскорбления следователя Михайлова. Трибунал дивизии выносит еще одно постановлении об отстранении Алимова от занимаемой должности на основании Декрета от 30 июля 1919 г.

Однако Алимов оказался не простым кадром, а председателем Омской Чрезвычайной Жилищной Комиссии и послал на бланке комиссии такой ответ:

«Получив сего числа повестку о явке в трибунал для допроса 4 апреля без указания в качестве кого и по какому делу, сообщаю, что на основании распоряжения Сибревкома ввиду того, что я как не военнослужащий являюсь неподсудным Военно-Революционному Трибуналу, а также ввиду того, что Окружной Военный Комиссар т. Коган передал мне, что со стороны Ревтрибунала 5 сделано телеграфное распоряжение об изъятии из ведения Отдела Ревтрибунала дивизии этого дела и передаче его Губернскому Революционному трибуналу, к допросу в качестве обвиняемого явиться отказываюсь…

Если же я вызываюсь в качестве свидетеля по делу гр. Насут в том, что она не освободила комнаты для сотрудников Ревтрибунала, то явиться 4 сего апреля к 10 час утра я не могу по следующим причинам: 1) исполнение в этот же день служебных обязанностей по должности Председателя Чрезвычайной Жилищной Комиссии по срочному расквартированию как воинских частей, так военных и гражданских учреждений и сотрудников, 2) в качестве ответственного руководителя по поручению Городского комитета Р.К.П., мне необходимо присутствовать и председательствовать на предвыборном собрании по выборам в Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов во 2-м подрайоне 1-го района гор. Омска, 3) присутствовать в этот же день на собрании ответственных руководителей по выборам в Совет Р. и К. депутатов в 1-м районном комитете Р.К.П. и выполнение в этот день других поручений Комитета».

Получив такое послание, ревтрибунал дивизии изменил свое постановление от 1 апреля и постановил допустить к выполнению Алимовым своих обязанностей «впредь до решения дела о нем в судебном порядке при Губтрибунале».

Серьезная поддержка пришла Алимову из Сибревкома: «В Отдел Реввоентрибунала 5-й армии при дивизии III Интернационала. Сообщаю, что по положению о Реввоентрибуналах Реввоентрибуналу подсудны дела лишь о военнослужащих и военнопленных, а посему постановление Отдела Реввоентрибунала 5-й армии от 29 марта с. г. о предложении Председателю Омской жилищной комиссии тов. Алимову явиться в реввоентрибунал в качестве обвиняемого является незаконным и подлежит отмене. Заведующий Отделом

Юстиции Сибревкома А. Гойхбарг». К слову сказать, этот Гойхбарг уже через месяц будет главным обвинителем в процессе над колчаковскими министрами.

Военные еще попытались сопротивляться, мол, неподчинение трибуналу подрывает его авторитет, и Алимов должен быть предан суду… Но их уже не слушали.

Дело рассматривалось на самом верху, в Сибревкоме, который, в лице Фрумкина и Косарева, постановил:

«По заслушании по данному делу Заключения Отдела Юстиции Сибревкома и руководствуясь ст. 1 Положения о Революционных трибуналах, опубликованного в №58 Собрания Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства от 29-го ноября 1919 года, ст. 54 , Сибирский революционный комитет постановляет:

1) считать постановление Отдела Военного Революционного Трибунала 5-й армии при дивизии III Интернационала по делу председателя Омской Жилищной комиссии т. Алимова от 1 апреля 1920 г. лишенным всякой силы и неподлежащим исполнению;

2) предложить Военно-революционному Трибуналу 5-й армии привлечь т.т. Веребея, Артемьева и Анисимова к законной ответственности за превышение власти и нарушение точного смысла закона, ясно предусматривающего пределы компетенции Революционных Военных Трибуналов».

Остается заметить, окажись на месте Алимова простой гражданин, вряд ли бы он вырвался из лап военного трибунала.

«Химотдел просит ускорить…»

Дело №50 по обвинению Быкова Григория Константиновича в антисоветской агитации открывается следующим любопытным документом:

«Ордер

Дан сей от начальника 5 района Татарской уездной милиции старшему милиционеру товарищу Труфимову на право ареста агента по заготовке, командированного от какого-то лескома, приехавшего сегодня (приметы: в очках в золотой оправе, английская фуражка, брюки черные полгалифе).

Начальник 5 района

Татарской уездной милиции (подпись).

№1728 16/VIII-920 г».

Хотя не была известна даже фамилия командированного, его арестовали в тот же день. Интересно, что у арестованного изъяли десять (!) удостоверений и свидетельств от разных организаций. Суть обвинений становится ясной из показаний свидетеля Сидора Рыбникова, показавшего, что 16 августа в 4-5 вечера он зашел в помещение лесного склада, где среди прочих был Быков, и он слышал, как Быков говорил, что расстрелы производятся у красных, как и у Колчака, что и среди партизан были хорошие люди, но были и сволочи. Это же подтвердил второй свидетель Федор Надеждин, а третий свидетель Иосиф Кабанцев сказал, что «на разговор не обращал внимания, потому что был занят

своими делами, те есть резал деньги для расчета ямщиков». Скорее всего, он разрезал печатавшиеся листами «керенки», бывшие в обороте до 1922 года. Можно лишь удивляться, как быстро содержание разговора дошло до милиции!

На допросе Быков виновным себя не признал, хотя подтвердил, что слова о расстрелах говорил, когда речь зашла о 43-м Сибирском полку, «который сильно безобразничал» при Колчаке, но о партизанах ничего не говорил, еще он сказал, «что в Иркутске до прихода красных власть временно была взята эсерами, чем они показали, что есть порох в пороховницах». Кроме того, выяснилось, что он был командирован в Кыштовку Татарского уезда Омским Губсовнархозом для устройства дегтярных заводов, что, хотя был подпоручиком в Германскую войну, при Колчаке все время болел, находясь в Иркутске. Однако, несмотря на эти объяснения и на мандаты, подтверждающие его полномочия, Быков не был освобожден.

4 октября 1920 г. Татарский политотдел получает из Омска такую бумагу: *«Химотдел просит ускорить рассмотрение дела арестованного инструктора Химотдела тов. Быкова. Химотдел считает долгом указать, что с арестом Быкова совершенно приостановилась работа по обследованию района и подготовка кустарей к будущему сезону по выкурке дегтя. В виду того, что вопрос возможно большего получения продуктов сухой перегонки дерева Омским Губсовнархозом рассматривается как задание боевого порядка, Химотдел надеется на удовлетворение сего ходатайства.*

Завхимотделом (подпись) Завхимдревпром (подпись)».

И это ходатайство не помогло. Через месяц, 4 декабря, Быков обращается в Омский губревтрибунал с заявлением, в котором пишет, что после ареста ему до сих пор не предъявлено никакого обвинения, и просит перевести его из-за болезни в Омск, «где мои родные могут меня навещать и помогать мне в питании – тем облегчить мою безвинную участь и поддержат разбитое нервным расстройством здоровье».

20 декабря 1920 г. Омгубревтрибунал постановил: «На основании амнистии Сибревкома от 7 ноября с.г. дело дальнейшим производством прекратить и избранную против Быкова меру пресечения отменить».

«УДАЛИТЬ КАК КРОВОЖАДНОГО ХИЩНИКА…»

Коллективизация – одна из самых трагических страниц нашей истории. Как убедительно показал исследователь потерь за годы репрессий Вадим Кожинов, убыль населения в 1929-33 годах составила 11,9 %, в то время как в 1934-39 гг, включавших в себя «год большого террора» – 1937-й, почти в два раза меньше – 6,1 %.

«Был участником трактора»

Только в Историческом архиве Омской области хранится 28 000 дел на раскулаченных. Причем эти дела заводились только на глав семьи, а высылались целыми семьями со всеми детьми независимо от возраста, так что можно смело умножать на четыре и получим число пострадавших.

Прослеживается четкая работа государственной машины, окрепшей за десять послереволюционных лет. Указания и приказы шли сверху вниз и неукоснительно выполнялись: ВЦИК – Край или облисполкомы – райисполкомы – сельские советы. Поражает уровень секретности, под которым проводилась коллективизация. Оказавшаяся в распоряжении редакции Книги памяти жертв политических репрессий переписка Любинского райисполкома за 1929-30 гг., вся (!) проводилась под грифом «секретно» и «совершенно секретно». Секретными были даже, например, письма с просьбой прислать характеристику на кого-нибудь из призывников.

Цинизм и трагедия (если рассматривать коллективизацию как вынужденную необходимость) положения заключались в том, что еще в 1927-28 годах крестьян-единоличников призывали покупать крупные сельхозорудия молотилки, веялки, сеялки, трактора и выделяли для этих целей кредиты. А через год те, кто прибрел подобные орудия, были причислены к кулакам, хотя многие еще не рассчитались за кредиты.

Так, Евгений Бобылев, 21 г. был выслан вместе со своей матерью в 1931 г. за использование сельхозтехники, в заявлении на восстановление в правах он писал:: «…мне было 10 лет, когда отец умер от тифа в 1920 г., мать осталась одна с 5 детьми». В восстановлении прав ему было отказано с формулировкой: **«был участником трактора».** Евгений с высылки скрылся, жил в Челябинске (ф. 1002, оп. 2, д. 133).

После провозглашения тезиса о ликвидации кулачества как класса даже середняки не могли быть уверенными, что их не выселят. Решало судьбу людей обычно собрание бедноты, а критерии кулак или не кулак были весьма расплывчаты.

Чтобы представить обстановку тех лет, проведем небольшой обзор публикаций в Черлакской районной газете «Большевик», многие из которых напоминают доносы, часто без подписей. Существовала даже рубрика «Рабселькоровская картечь», ну а картечь лупит, не разбирая особо цели.

В номере от 10 июня 1930 г. заметка «Выжечь каленым железом прогулы»: «Добровольский колхоз 1 и 2 июня праздновал. 95 лошадей гуляли таким образом, сделан прогул на 40 га. Заправилами этого прогула были Жмуденко, Курбатов и Сидоренко, которые говорят: довольно, поработали, надо и отдохнуть, и нечего нас покупать на осьмушку табаку.

А председательсовета и его милый секретарь так те еще лучше сделали, они преспокойно закрыли сельсовет и укатили на свадьбу, для зарядки. А между тем в Дробышевском сельсовете еще недосеяно 360 га. Не мешало бы всем прогульщикам мозги вправить».

А вот характерные заголовки конца 1930-го – начала 1931 гг: «Отродье кулаков наглеет» (5.10.1930), «К наглеющему кулаку – жесткие меры» (4.11.1930), «За злостную несдачу хлеба – к высылке» (14.11.1930), «Выгоните кулака Гордиенко из колхоза» (7.12. 1930), «Порываем связь с лишенцами» (10.01.1931) , «Кулацких агентов гнать из колхоза» (27.01. 1931).

Кулацкими отродьями здесь названы жители села Патровка Василий Яковенко и председатель колхоза Ковальчук. Вообще должность председателя колхоза не спасала от критики и репрессий, наоборот, председатель часто больше имел недоброжелателей, чем простой колхозник. В заметке «Кулацких агентов гнать из колхоза» объектом критики тоже стал председатель: «Председатель колхоза «Новая деревня» Бабенко не соответствует своему назначению. Во-первых, Бабенко перед вступлением в колхоз растранжирил свое имущество. Во-вторых, протащил в колхоз Хорольского Андрея, который умышленно разбазарил свое имущество. Благодаря милости преда в колхозе продолжает находиться и Ткаченко Никита, который спекулирует соломой, по дешевке покупая ее у колхоза». Правда, позже оказалось, что эти сведения не подтвердились.

Павел Яковлев из Патровки отказался от своего отца-кулака и лишенца С.П. Яковлева. 3.03. 1931 г газета сообщала о том, что Славянские курсы строителей пригрели «кулацких змеенышей», т.е. сыновей кулаков Василия Черемисина и Николая Комарова. «Порываю связь со своими родителями-лишенцами Коноплевыми Иваном и Анной» извещал общественность Петр Коноплев (3.04.1931).

А вот предложения по переименованию населенного пункта: «Хутор Помазуновский аулсовета №4 надо переименовать. Название этого хутора происходит от того, что на этом хуторе жил ранее кулак Помазунов. Предлагаю этот хутор назвать «Озерный». Сельсовет и РИК должны поддержать это предложение. Прохожий» (16.10.1931).

12 мая 1932 года газета опубликовала Постановление бюро РК ВКП(б) «О состоянии коммуны «Память Ильича» от 5.05.1932 г., в котором говорилось, что в колхозе выявлено 14 кулаков, занявших руководящие посты, что секретарь партячейки Ткаченко и партячейка в целом проявили махровый правый оппортунизм, граничащий с изменой партии. Поэтому было постановлено:

1. Провести по этому делу показательный судебный процесс.

2. Исключить из партии Скиба А., Скиба Д., Мироненко и Чистяк.

3. Объявить строгий выговор т. Криводубовой и т. Ткаченко, коего снять с должности секретаря партячейки.

4. Принять к сведению сообщение т. Караченцева о том, что выявленные кулаки исключены из колхоза.

5. Поручить парткому Славянской МТС и фракции РКС проработать вопрос о разукрупнении коммуны и переводе ее на устав сельхоз артели.

6. Обязать парткомы и партячейки проработать постановление бюро РКП(б).

Выявление кулаков продолжалось и после завершения коллективизации. Так, в №34 от 28.03.1935 г. бдительные граждане извещали, что колхоз «Новая деревня» оказался в руках пьяниц и кулацких ставленников. К последним был причислен председатель колхоза Тупал Владимир, так как его жена – дочь крупного Славянского кулака Ковальчука. Сват председателя Ратушный Максим судим за растрату, его брат Давид судим за выдачу подложных справок кулакам-лишенцам. Кладовщик Шевченко Роман, сват Ратушного, судим за растрату, имеет связь с кулаками. Конюх Басенко И. женат на сестре лишенца, имеет связь с бывшим председателем Ткаченко Никитой.

Были заметки и граничащие с курьезом. Так работник колхоза «Овцевод» Шумаков, посланный в Новосибирск за запчастями для тракторов, купил вместо этого гитары, мандолину и балалайку! Чем обернулась такая любовь к музыке для Шумакова, газета не сообщает.

Впрочем, часто родители сами поощряли отречение детей, чтобы те смогли продолжить учебу. А за происхождением студентов строго следили. Вот характерный ответ на запрос из мединститута:

«Срочно.Секретно.

Омск. Мединститут. На №87с

Любинский райисполком сообщает, что по проверке списков и материалов на явно кулацких хозяйств гр-н Путинцев Александр Васильевич к хозяйству явно кулацкому не отнесен и не числится.

Предрайисполкома (подпись)

Секретаь (подпись)».

Доносы стали нормой. В Омский радиоцентр поступил сигнал от рабкора-батрака, что в селе Курганке Любинского района секретарем сельского совета является «кулацкий подпевала», который женился на дочери кулака-лишенца и теперь скрывает у себя кулацкое имущество. Из Омска поступило указание: «Любинский РИК, проверь, что из себя представляет секретарь в Курганке». По итогам проверки ответ:

«Секретно.

Редактору Омской Радиовещательной станции

На №10с

Райисполком сообщает, что секретарь Курганского с/совета уволен 30 декабря с/г. На должность последнего назначен бедняк СУРИН.

ПредРика (Васильев)

Секретарь (Симон)».

На местах процветало злоупотребление служебным положением и прямое мародерство. Начальство присваивало имущество раскулаченных, вместо того, чтобы выставлять его на торги. Милиция не оставалась в стороне:

«СЕКРЕТНО

Всем райисполкомам Омокруга

По имеющимся в ОкрАО сведениям, работники милиции на местах широко пользуются кредитами как в потребкооперации, так и в других коопорганизациях, причем, якобы суммы кредитов значительно превышают размеры жалованья.

Сообщая изложенное, ОкрАО просит принять зависящие меры к устранению этого ненормального явления.

Врид. Нач. ОкрАО (Бошкин)

Зав. Секр. Переп. (Коженков)».

Зажиточные крестьяне стали распродавать свое имущество, но государство не дремало.

«В.Срочно

Строго секретно.

Председателю Любинского РИКа

На основании распоряжения СИБКРАЙИСПОЛКОМА от 30 января 1930 г. №1253, ОКРИСПОЛКОМ предлагает принять решительные меры к прекращению продажи кулаками имущества своих хозяйств и бегства их, для чего необходимо:

Обязать все сельсоветы, чтобы последние взяли сохранные расписки от всех кулаков, намеревающихся распродать свое хозяйство.

В случае нарушения данных кулаками подписок, главу семейства арестовывать, производить опись всего имущества, но не отчуждать такового до особого распоряжения.

Кулаков, сбежавших в другие округа, немедленно арестовывать, а семьям рекомендовать вернуться к месту своего жительства.

Все дела арестованных направить по линии ОГПУ в ОкрОГПУ.

ОКРИСПОЛКОМ особо обращает Ваше внимание, что предлагаемые мероприятия касаются исключительно против кулаков и категорически запрещается затрагивать середняков.

Вр.ПредОКРИСПОЛКОМА (Тихонов)

За Секретаря ОКРИСПОЛКОМА (подпись)».

Итогом раскулачивания была высылка. Так в 1930 году президиум Омского ОКРИКа постановил: *«Определить для Омского округа цифру подлежащих выселению кулацких хозяйств 2-й категории в отдаленные необжитые районы края 4630 хозяйств.*

Для районов установить следующие контрольные цифры:

Борисовский 292

Иконниковский	*145*
Исилькульский	*279*
Калачинский	*432*
Крутинский	*203*
Любинский	*205*
Называевский	*195*
Новоомский	*325*
Омский	*385*
Павлоградский	*416*
Полтавский	*134*
Саргатский	*148*
Тюкалинский	*277*
Черлакский	*268*
Большереченский	*294*
Нижнеколосовский	*118*
Рыбинский	*122*
Седельниковский	*93*
Тарский	*195*
Тевризский	*62*
Усть-Ишимский	*42*
Итого:	*4630*

Контрольные цифры не подлежат превышению к изменению».

Поскольку кулаки выселялись в необжитые районы председателям райисполкомов прелагалось создать натуральный фонд минимально необходимого инвентаря и скота, одну лошадь, один плуг на три хозяйства, два топора, один лом на пять хозяйств, 1 поперечную пилу, телегу, кирку-мотыгу одну на пять хозяйств и т.д. Разрешалось брать денег до 500 рублей. Но на практике не получалось даже и этого. Вот, например, Федор ДУДОЛАДОВ 68 лет, житель д. Редкое Называевского района высланный из родного села в 1930 году, жаловался: **«окулачили, все отобрали и выбросили на произвол судьбы голых и голодных».**

Кулай

Омских кулаков выселяли на север в В-Васюганский (Кулайский) район с марта 1930 года. С 1931 года еще высылали и в Нарымский край.

Насколько на реке Кулай были гиблые места красноречиво говорит Акт составленный представителями Советской власти разного уровня. Комиссия побывала на Кулае 6 июля 1930 года. Приведем выдержки из этого Акта:

«Комиссия обнаружила ко дню посещения, что в районах базы существует 21 поселок, именуемый каждый согласно названия того района Омского округа, из которого высланы кулаки (как-то поселок Омский, Саргатский и т.п.). Из 2790 кулацких хозяйств или 8891 души к моменту обследования осталось 890 хозяйств с количеством душ 1607, остальные наименьшей частью

освобождены от ссылки Госорганами (208 человек), а подавляющее большинство 7077 человек бежало самовольно. Причинами к бегству комиссия считает следующие имеющиеся моменты.

Голодный паек (к моменту посещения комиссией выдавалось и выдается по 6 килограммов немолотой ржи на едока, а на главу семьи 12 килограммов при отсутствии приварка).

Невозможность приложить труд в сельском хозяйстве.

При этом комиссия выявила лично факты, когда лошадиная кожа употреблялась в пищу и в роли мяса и в роли студня.

Плохое питание на большинстве кулаков отразилось болезненно, комиссия установила опухоль, исхудалость, желтизну, слабость и болезни влежку…

Ко всему изложенному выше комиссия видела лично факты примеси к ржаной муке толченую березовую кору, всевозможные травы, примешиваемые с целью увеличения количества хлеба, в силу этого хлеб получается несъедобный и непитательный (образцы прилагаются). Всевозможные травы (несъедобные) примешиваются и в роли овощей и в супы. В этих же условиях находятся и дети.

Бань во всех районах шесть, устроены примитивно (по черному) вследствии большой окружающей избушки грязи и скопленности народа в избушках, пользование общими нарами – в жилищах повсеместно грязь и сырость…

Особенно остро стоит вопрос с грудным кормлением детей, имеется общее явление отсутствия молока у матерей, в отсутствие в районе коров лишает детей и той поддержке, вследствие этого началось опухание детей, голодают и беременные женщины, имеющие 7-8 месяцев месяцев беременности. Дети до 12-летнего возраста также плохо питаются, имея лишь паек 6 килограммов ржи…

…Комиссия, идя на базу, встретилась с фактом, когда от возвращающегося кулака Целищева Григория, несшего закупленные продукты, встречным конвоем были отобраны деньги 4 рубля с копейками, 1/8 табаку махорки, курительная бумага и произведены побои за самовольный уход…

Отсутствие дорог и связи требует от государства новых затрат до 100 000 рублей на дорогу без наличия перспектив целесообразности этих затрат».

Выселенные лишенцы

Ниже мы представляем судьбы некоторых семей (сведения предоставлены Редакцией Книги памяти политических репрессий). Жирным шрифтом выделены цитаты из заявлений с просьбами о восстановлении в правах, из протоколов собраний и решений разных государственных органов.

БОГДАНОВ Николай Лаврентьевич: 1881 г.р. Житель д. Бузан Называевского района. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Прасковья Поликарповна, 1882 г. р., дочь Елизавета, 1926 г. р., сын Август, 1929 г. р. Высланы в мае 1931 г. **«При вступлении в колхоз зарезал, т.е. растранжирил 5 овец, имеются недовольства со стороны колхозников о растранжиривании скота»** (ф. 1002, оп. 2, д. 135).

ВАХРУШЕВ Дмитрий Васильевич: 33 г. Житель д. Редкое Называевского района. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1931 г. за участие в Ишимском восстании. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Елизавета Платоновна, 32 г., дочь Александра 11 л., сын Павел 8 л. От высылки скрылся. **«Удалить из пределов с/с, как кровожадного хищника»** (ф. 1002, оп. 2, д. 196).

ВАХРУШЕВ Николай Васильевич: 1874 г. р. Житель д. Редкое. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1931 г. за эксплуатацию наемного труда. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Екатерина, 1874 г. р., сестра Ефимия, 80 л. Раскулачен и выслан в 1931 г. **«Разбазарил злостно хозяйство с целью быть бедняком».** (ф. 1002, оп. 2, д. 108).

ГОНЧАРОВ Егор Иванович: 1886 г. р. Житель д. Фомиха Называевского района. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Анна Нестеровна, 1886 г. р., сын Семен, 1914 г. р., сын Михаил, 1921 г. р., дочь Мария, 1922 г. р., сын Василий, 1929 г. р., отец Иван Михайлович, 1860 (1855) г. р., мать Наталья Павловна, 1862 (1857) г. р. Высланы в 1930 г. в Томский округ. **«Старуху высылали зимой, но вернули. Оба движутся могут. Постановили: имея ввиду их, старика и старуха, к/рев. брюзжания, считать необходимым выслать»**. (ф. 1002, оп. 2, д. 241).

ЗАЙЦЕВ Варлаам Федорович: 1879 г. р. Житель д. Еремино Ереминского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1931 г. за эксплуатацию наемного труда и как **«тайный агитатор, срывающий собрания»**. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Ефросинья Анисимовна, 1881 г. р., дочь Елизавета, 1913 г. р., дочь Анна, 1915 г. р. Скрывались от высылки в 1931 г. Вновь внесены в списки высылаемых в марте 1933 г. (ф. 1002, оп. 2, д. 15, 354).

КРЮКОВ Анатолий Никифорович. Житель д. Рыбье. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена и трое детей. Глава семьи отправлен в ИТД, семья выслана в 1930 г. Из заявления главы семьи: **«…жену с 3 детьми отправили в ссылку, но последняя, отъехав от своего села 10 верст, родила сына и, благодаря этой случайности, вернулась в село».** (ф. 1002, оп. 2, д. 520, 521).

МАСТЕРСКИХ Павел Михайлович: 1889 г. р. Житель д. Бычки Дурбетовского с/с Называевского р-на Омского округа Западно-Сибирского края. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Федосья Леоновна, 1889 г. р., сын Василий, 1911 г. р., сын Петр, 1913 г. р., сын Арсений, 1922 г. р., дочь Нина, 1925 г. р., сын Михаил, 1928 г. р. Высланы в 1930 г. в Тарский район, Кулайскую комендатуру. В решении сельсовета о Федосье: **«выслать, как мешающую строительству социалистического хозяйства».** (ф. 1002, оп. 2, д. 7, 671).

МИРОНОВ Анисим Петрович: 1887 г. р. Житель д. Драгунка. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда и извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Арина Яковлевна, 1889 г. р., сын Дмитрий, 1929 г. р., дочь Марина, 1917 г. р., дочь Анастасия, 1925 г. р., дочь Клавдия, 1928 г. р., теща Дарья Денисовна Романова, 1859 г. р. Глава семьи осужден на 1,5 года принудительных работ, семья выслана в 1930 г. в Верхний Васюган. Из протокола сельской тройки по раскулачиванию: **«…поймана кулачка Миронова Арина. Последняя была лишена избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. и выслана в Верхний Васюган в 1930 г. … самовольно возвратилась в д. Драгунку, где и скрывалась…»** Высланы вновь в мае 1931 г. в Нарымский край: **«…и там им пришлось умереть. В ссылке умерли жена, теща и двое детей».** (ф. 1002, оп. 2, д. 7, 686).

МЫЛКИН Владимир Антонович (Андреевич): 1875 г. р. Житель с. Покровка. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда, извлечение нетрудовых доходов от использования сельхозтехники и участие в Ишимском восстании, полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Аксинья Павловна, 1875 г. р., сын Андрей, 1904 г. р., сноха Фекла Васильевна, 1905 г. р., дочь Мария, 1914 г. р., сын Василий, 1918 г. р., сын Владимир, 1921 г. р., внучка Ольга, 1925 г. р., внук Александр, 1927 г. р. Глава семьи арестован и сослан в 1930 г., отбывал наказание в Новосибирской колонии, где занимался сельхоз. трудом, и в Енисейской колонии, где работал на лесозаводе. Семья выслана в 1930 г. Сын Андрей был осужден за забой своего быка. Из письма Андрея Сталину: **«Неужели это мое хозяйство влекло за мной лишение, или же лишить, отобрать последнюю клячу, а потом восстановить… Если бы вы заглянули, тов. Сталин, сюда в сельсовет и посмотрели б работу исправления ошибок, то здесь проводится так: берут взятки, восстанавливают кого не надо, пьют вино с их, а кто не дает, гонят силой на выселение, бьют женщин… (Председатель сельсовета) выгнал жену с детьми на мороз, поразграбил всю мою одежду, позабрал последний хлеб и оставил нас голодом».** Андрей восстановлен в правах РИКом в 1932 г. (ф. 1002, оп. 2, д. 7, 709).

РАГОЗИН Ермила Афанасьевич: 1877 г. р. Житель д. Бузан Называевского района. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1930 г. за разбазаривание собственного скота. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Аграфена, 1877 г. р., сын Степан, 1900 г. р., сноха Варвара, 1899 г. р., внук Николай, 9 л, внук Василий, 1,5 г., внучка Нина, 3 г. Глава семьи осужден, семья выслана в 1930 г. по 1-й гр. Из заявления главы семьи: **«в марте 1930 г. в урмане были высажены среди леса в глубоком снегу… Внук умер от голода. Сноха заболела туберкулезом и умерла… В апреле самого выпустили из тюрьмы и отправили туда же…»** Вернулись в 1931 г. Восстановлен в правах РИКом в 1933 г. за революционные заслуги. (ф. 1002, оп. 2, д. 7, 844).

ШУДРИК Ефим Демьянович: 1865 г. р. Житель д. Носовка Называевского района. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1929 г. за эксплуатацию наемного труда: **«держал батрака под видом племянника»**. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Анна, 66 л. Высланы в 1930 г. по 3-й категории. Восстановлен в правах РИКом в 1933 г. (ф. 1002, оп. 2, д. 7, 1168).

ФИРСТОВ Яков Петрович: 58 л. Житель д. Кубрино Нижне-Колосовского района. Лишен избирательных прав сельизбиркомом в 1928 г. по ст. 15, п. «а», «г», «з», полностью раскулачен. Вместе с ним лишены избирательных прав члены семьи: жена Анна Павловна, 56 л., приемная дочь Евдокия, 14 л. Из заключения сельсовета: **«трудоспособных нет, но работать может, кроме пахоты и метки сена»** (у главы семьи по заключению врачей «неподвижность обеих рук»). (ф. 1552, оп. 4, д. 396).

ЭТО ГОРЬКОЕ СЛОВО «ЛИШЕНЕЦ»

Сегодня, когда почти половина избирателей не ходит на выборы, трудно представить, что лишение права голоса было в нашей стране когда-то наказанием, и за право голосовать на выборах в сельские и городские советы часто приходилось бороться. Казалось бы, не хотите, чтоб я голосовал, как хотите! Почему же многие люди требовали восстановления права голоса?

Закон и право

Главная причина была в том, человек переставал чувствовать себя гражданином страны. Не случайно, лишение избирательного права приравнивалось к лишению права гражданства. Лишенец не мог быть членом профсоюза, а стало быть, пользоваться льготами, над ними постоянно висела угроза увольнения или ареста, дети лишенцев не могли учиться в техникумах и вузах, на селе это вечная угроза высылки или пятикратного обложения налогом…

По Основному закону СССР 1924 г. правом избирать и быть избранными в Советы пользовались граждане, достигшие 18-летнего возраста, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и пр. Одновременно специальными статьями оговаривался список лиц, лишенных избирательных прав. К ним относились:

1. Лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли.

2. Лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы от предприятий, поступления с имущества и т. п.

3. Частные торговцы и торговые коммерческие посредники.

4. Монахи и духовные служители церквей и религиозных культов.

5. Лица, признанные душевнобольными, и лица, состоящие под опекой.

6. Осужденные за корыстные цели и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

7. Служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений.

Лишались избирательных прав офицеры и казаки, служившие в белой армии. Лишение прав производилось на местах сельскими советами и сельскими избиркомами, что давало большие возможности для злоупотреблений и сведения личных счетов. Примером такой несправедливости является дело Усовой Марии Дмитриевны и ее сына Ивана Степановича (ИсАОО,Ф.239, оп. 3, д.668).

«Правда должна взять верх над клеветой»

Сельский избирком в разгар коллективизации лишил Марию Усову избирательного права. В начале 1930 года состав избиркома сменился, и старший сын Иван написал от имени матери сельизбиркому заявление с просьбой восстановить ее в правах, так как обвинение, что она возглавляла секту местных баптистов не соответствует действительности, поскольку Мария Усова «совершенно неграмотная, не умеет прочитать двух слов» да и возглавлять некого, так как секты этой два с половиной человека, да и те старухи. Сельизбирком 16 февраля 1930 года восстановил ее в правах, но сельский совет не согласился с этим, и пришлось Усовым писать в Москву (Лл.10-11 указ. дела):

«Кр-н Усовой Марии Дмитриевны
И ея детей Федор 22 лет, Анна 18 лет
Усовых поселка Тульского Копейкинского с/с
Ново-Омского р-на Сиб.края

Заявление

Я происхожу из крестьян, муж мой Степан Усов также крестьянин и, разделившись с отцом, получил 1 надел земли и больше ничего, вынужден был ехать в Москву на промыслы. Там жил в сенной лавке, получая 12 руб. в месяц, работая тяжело и нажив детей 5 человек, простудившись, заболел чахоткой и умер в 1917 году. Мне опять пришлось кочевать в деревню, так как работал один старший сын, а я не могла навозиться продовольствия для всей семьи, а в те годы был продовольственный кризис, и вот мы уехали в деревню, имея сына Ивана 17 л., дочь Татьяну 15 л., Федора 8 л., Анну 5 л., Михаила 2 л.

Пробовали взяться за землю. Годы неурожая окончательно подорвали веру в возможность существования от обработки земли. Кое-как дотянув до 20 года, и в декабре записались в Сибирь и решили поискать счастья на другой стороне, куда переселились за счет государства. Приехали к голой земле и начали устраиваться путем сверхчеловеческих сил, перенеся дважды неурожай, стали налаживать хозяйство, которое к 30 году представляло из себя 2 лошади, 2 коровы, 2 телки, 10 дес. посева, старой сенокоски и землянушки.

В ноябре 1930 года старшего сына лишили избирательных прав, а по пути и остальных членов семьи, приписав систематическую эксплуатацию с 1926 по 29 год. И ничего подобного не было. Как уже выше отмечалось, мы переселились в Сибирь и по своей маломощности обращались к старожилам за помощью. Это было, правда в 1926 году, когда нам посеяли 3 десятины братья Сафьяновы, прислав на один день своих батраков, после чего такая помощь не повторялась, да и не нужна была, ибо мы работали в спряге с зятем Петром Гегером, который работал также сам без батраков, чужого труда не эксплуатировал, ибо сами могли прекрасно справиться, имея в семье 3-х трудоспособных членов семьи.

По нашим соображениям, лишение нашей семьи произошло на почве счетов с предами, ибо старший сын был пред. Ревизионной комиссии по с/сов. И по возможным недочетам у него были вспышки (так! – видимо, стычки – П.Б.) с предом с/сов. Велитарским и Милютиным, а с последним в особенности, так как он бывший кулачок-злостник, разбазарив хлеб и все хозяйство, состоит членом коммуны и старается загладить свое прошлое, показывая себя активистом, но не там, где надо.

Напр., ему было известно, что мы в урожай 30 года собрали 405 пуд. Хлеба молотили молотилкой коммуны им. Сталина под ее контролем, но Милютин как пред. с/сов. настаивал на выполнении задания в 330 пуд, которое было предписано сельсов. и называя сына Ивана кулаком-злостником, не отступал. Несмотря на вывезенные излишки 220 п., задание требовалось на 100%, и после наступления уполномоченного РИКа Келлера под угрозой обложения пятикратно и описи имущества, задание было выполнено 333 пуда плюс за машину коммуне 18 п., пастуху 3 п. В результате мы остались без семян, фуража и надлежащего пайка на 9 душ. После всего этого лишены в правах гражданства, а в декабре приподнесли извещение о встречном плане в 100 пудов.

Мы считаем отношение с/сов. к нам насилием, ибо дать то, чего нет, ни один человек не может. Просим разобрать наше заявление и восстановить в правах гражданства, так как мы весь век трудились и лишь тяжелым трудом добывали себе кусок хлеба. Надеемся, что правда в рабочем государстве должна взять верх над клеветой.

Подписи».

Это письмо не требует особых комментариев, но хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты. Этот документ лишний раз развеивает миф о всеобщем благоденствии народа до революции, который сегодня некоторые пытаются навязать. Те 12 рублей, что зарабатывал Степан Усов в Москве – сумма мизерная. Корова стоила 40-50 рублей, пуд муки – 1 руб. В то время даже у специалистов – кузнецов, плотников , маляров, штукатуров – дневной заработок составлял полтора рубля. Не случайно, не имевший специальности Степан надорвался на тяжелой работе.

Следует отметить также мужество русской женщины-матери, сумевшей в голодные годы Гражданской войны и после нее сохранить и вырастить детей. И с помощью старшего сына Ивана к 1929 году завести какое-никакое хозяйство.

«Я дал слово писать только о фактах…»

Иван, судя по его письмам, был весьма грамотным и работящим. Вырвавшись из нищеты, он сочувствовал Советской власти, всячески подчеркивал лояльность к ней, даже был председателем ревизионной комиссии сельсовета, но, Тем не менее, когда началась коллективизация, в коммуну не пошел. За обличение неправомерных действий председателей сельсовета, был лишен избирательного права, но не согласился с таким решением и стал писать во все инстанции, дойдя до секретаря Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) Шкирятова. Он направил ему с сопроводительным письмом почти полностью исписанную школьную тетрадку с описанием того, как проводится коллективизация.

Его письмо зарегистрировано в канцелярии ЦКК 28 декабря 1930 г., письмо матери 29 декабря. Очевидно, он послал их практически одновременно.

«Тов. Шкирятов!

Посылая на ваше имя с подателем сего прилагаемое при сем же письмо, я имею ввиду, Вы, будучи ответственным работником, в то же время сведующим лицом, сумеете дать надлежащий ход этому письму, если, конечно, оно не покажется Вам пустяковой болтовней, не освещающей ничего нового, то бы могло вызвать интерес к нему со стороны Центральных органов. Я ничего не буду иметь против, если Вы это письмо передадите в ЦИК или ЦК ВКП(б), а может быть через Вашу организацию ЦКК ВКП(б) или даже передадите в Центральную печать. Это на ваше усмотрение, но, так или иначе, за каждое написанное мною слово я беру ответственность на себя и полагаю, чтобы им занимался Центр. Во всяком случае, я не имею целью спекульнуть на всех тех описанных, на мой взгляд, дефектах, а намерен просто и кратко, как смогу, описать моменты из нашей повседневщины и именно для сведения, чтобы своевременно иметь, кому необходимо в виду, как кое-где и кое-кем еще и теперь проводятся в жизнь директивы Соввласти.

Я неоднократно собирался писать, но как раньше так даже и теперь боюсь за то, чтобы мое письмо не истолковывалось как письмо какого-то нытика или что-то вроде этого, но я твердо убежден в том, что это письмо, если кто и назовет нытьем, не является нытьем чисто личных интересов, а наоборот, в интересах нашего общего дела, дела строящегося социализма. Принимая во внимание этот факт, что подобным нытьем можно вскрыть целый ряд гнойников в более обширном масштабе, против маленького уголка, взятого мною (т.е. по сравнению с маленьким уголком – П.Б.).

В подтверждение описанного мною я мог бы от местных гр-н получить подписи к письму, но по некоторым соображениям я от этого дела воздержался, но так или иначе я буду иметь надежду, что это мое письмо не останется гласом вопиющего в пустыне.

Житель поселка Тульского Копейкинского с/сов Ново-Омского района Сибкрая И.Усов.

1.12.30 г.».

Далее на школьной тетрадке в линейку большое письмо, зарегистрированное в канцелярии ЦКК 28 декабря 1930 г. (лл. 18-33):

«Гр-на пос. Тульского, Копейкинского с/сов
Ново-Омского района Сибкрая
Усова Ивана Степановича

Желая кое о чем поставить в известность наши Центральные органы правления, настоящему письму я не случайно не даю заголовка «заявление, «жалоба» или что-то вроде этого, а пусть это будут материалы для сведения. Темой настоящего я беру моменты, отмеченные как ненормальными явлениями, сопряженными с искривлениями преподанных вышестоящими органами директив. Возможно, что я заблуждаюсь, считая отмеченные ниже факты ненормальными, ибо то положение, что для изжития их не принимается ниоткуда соответствующих мер, наводит в свою очередь на вывод: «что это так и должно быть», а потому излишне подобными мелочами забивать голову деловым людям. Но все же я решил писать, причем только о фактах и беспристрастно при наличии твердого убеждения в том, что всякого рода перегибы и уклоны должны быть изжиты самым решительным способом и немедленно. Основой будет наш Копейкинский с/сов, но нет основания утверждать, что в окружности дела идут безукоризненно. Слишком громоздко брать прошлые годы, и я остановлюсь на последнем годе, тринадцатом по счету существования Совласти трудящихся.

Первое, о чем не лишне упомянуть, это период коллективизации, когда у многих от успехов кружилась голова, а некоторые товар., надо сказать, просто открыто головотяпствовали. У нас это дело проводилось под всевозможными лозунгами: «не дадим семян», «продадим», «вышлем» и т.д. В результате чего все население с/сов. подало заявки в коммуну им. Сталина и «шли охотно – деваться некуда».

В результате, как и во многих других местах, массовый выход, продолжающийся и по сей час. Никакой массовой разъяснительной работы, кроме мрачных предпосылок будущего, для вступающих не было и нет. В общем, работа по коллективизации в нашем с/сов. требует коренного перелома. Попутно, полагаю, не лишне уделить несколько строк в отношении упомнянутой коммуны им. Сталина на том основании, что все существующие колхозы и коммуны должны играть большую роль в части заостренного вопроса коллективного строительства.

Часть гр-н нашего поселка все же с весны закрепилась в коммуне, так что на месте организовано отделение от коммуны, причем причитающееся количество земли за счет вошедших в коммуну от нашего земучастка было прирезано к общему массиву коммуны, за исключением нескольких десятин оставшихся в общем с нами выгоне скота. Но не считаясь с небольшим количеством имеющейся земли, последняя на наш общий выпас пригнала без никакого с нами согласия столько скота, что буквально было выбито пастбище и наши сенокосные клины.

На ряд наших предупреждений и жалоб никто не обратил внимание, и мало того, неоднократно стаптывались и побивались огородные посевы. Я отметил

яркий факт, характеризующий взаимоотношения с окружающим населением, а таких фактов было немало, о чем придется не раз упомянуть ниже. В окружающей массе в силу противодействия укоренились негодующие взгляды.

Теперь по части хозяйства коммуны. Посевная площадь была доведена до 5000 га, причем в силу недостатка собственных сил коммуны, ей пришлось обращаться за помощью к ближним зерносовхозам. Сев затянулся допоздна, в результате чего осенью оказалось около 2000 га зеленого негодного к молотьбе хлеба. Уборочная кампания по многим причинам также прошла неудовлетворительно, так что большая часть спелого хлеба еще не обмолочена в скирдах, даже свозка его закончилась со снегом. На это дело (по соображениям, наводящим сомнение) была объявлена поголовная мобилизация населения. Может, это вполне нормальное явление, но при наличии аховых хозяйственников и симуляции в самой коммуне это дело не по нутру мобилизованным. Не особенно красит и общее хозяйство коммуны. Спрашивается, реален ли был план посевкампании, когда из 5000 посевной площади оказалось 1500-2000 пшеничного сена? Нет, конечно! Бросать в землю по 10-12 тысяч отборного сортового семзерна, затрачивать рабочую и машинную энергию, а в результате получить сено – это дело является тормозом в нашем общем деле.

В то же время, о чем скажу в последующих пунктах, окружающее население коммуны было без семян и без земли. Касаясь в этом деле коммуны, я вовсе не имел целью спекулировать на трудностях таковой, но в то же время я убежден, что оставлять незамеченными такие вещи еще большее преступление. Затрагивая посевную кампанию коммуны, я перешагнул через иную работу с/сов, которая была тесно увязана с кампанией по коллективизации. Это работа по ликвидации кулачества как класса.

То положение, что я затрагиваю этот вопрос может навести на мысль, что я пристрастен к этому делу и заинтересован в судьбе ликвидированного кулачества. Но я еще раз повторяю, что я дал слово писать только о фактах и беспристрастно. Пусть это будет хоть какой кулак, но если по отношению к нему применяются меры, идущие вразрез преподанным директивам свыше – это значит превышение власти, это уклонение от общей политики. В общем из изложенного будет видно, прав ли я, затронув этот вопрос. Эта работа проведена была при председ. с/сов. Велитарском в следующем порядке.

За два или три дня до выселения главы семей, предназначенных к ликвидации под разными предлогами были вызваны в с/сов. и арестованы, где держались до последнего момента без предупреждения о том, что они будут высланы. За этот предшествующий короткий период те, кто не был лишен гражданских прав, были лишены и попали некоторые из таких гр-н, которые до того времени даже не облагались индивидуально. В общем же, в большинстве случаев по отношению намеченных к высылке с/советом составлялись дутые материалы, не соответствующие действительности. Дело доходило вплоть до фиктивных протоколов бедняцких собраний.

В последний момент отправки арестованные были под конвоями распущены по домам для немедленного сбора. Пред с/сов. Велитарский, сортируя весь

домашний скарб и тряпки, конфисковал все за исключением 2 пар белья на каждого члена, по одной паре обуви, по одной одежке, преимущественно старой. Это в то время, когда директива Сибкрая давала совершенно иной порядок выявления подлежащих ликвидации, и где говорилось, что экспроприации подлежат только средства производства, а не тряпки. А сколько этой мебели, тряпок и всякой утвари было конфисковано и куда она девалась, неизвестно.

Каждой семье было дано по одной одноконной подводе, где надо было усадить семью, вещи уложить и фураж. Это было в конце февраля в 40-градусные морозы, с грудными малолетними детьми, без надлежащего снабжения одеждой и продовольствием (были случаи, что в печи оставался не вынутый хлеб). Эти семьи были переброшены в необитаемую местность Васюганских болот за 500 верст, где их бросили на голом снегу. Условия, в каких находились эти люди на Васюганских болотах, принудили их к тому, что поев большую часть лошадей, побросав свои последние манатки они весной разбежались. Спрашивается, сколько от этого дела пользы государству? Заброшен был с/х инвентарь (туда, где он совершенно не нужен), погибло большое количество конского поголовья, расходы государства и т.д. К чему такая работа?

Необходимо отметить то положение, что несмотря на ряд директив и предоставленных сроков дела лишенцев до сих пор не пересмотрены полностью, в то время как нет сомнения в том, что при таких подходах к лишениям (как это проделывалось в нашем с/сов.) в число ликвидированных попадали лица и не по существу. Почему необходимо в это дело заглянуть с верхов.

Теперь о посевной кампании. Как уже упоминалось выше, так и еще раньше до прошлой весны от нашего земучастка были отрезаны к массиву коммуны все якобы земельные излишки, оставив норму нашим гр-нам в 4,2 га на едока, в то же время в коммуне размер, приходящийся на едока земли достигает 10-15 га. В результате на посевную мы не были обеспечены нужным количеством годной для посева земли. Обращались в с/сов., но пред с/сов. Велитарский мер никаких не принимал, тогда как будучи коммунаром, знал, да и мы ему говорили, что в коммуне останутся годные мягкие земли. Приходилось самим неоднократно ездить и клянчить землю непосредственно в коммуне, на что получали категорический отказ. Это было в тот момент, когда посевная была в полном разгаре, и только потом, когда бюрократы-правленцы убедились в том, что они срывают нам посевную, нам отвели в строго указанном месте несколько клинов бросовой земли, хотя лучшие мягкие земли все же остались. Директивы же говорили о том, что «ни одного клина не засеянной мягкой земли».

По части семяноснабжения дело обстояло еще хуже. Еще до начала посевной было с/советом объявлено, что единоличнику ни одного килограмма отпускаться не будет и даже из имеющегося семфонда 60% будет передано коммуне. С таким пожеланием единоличники не торопясь, при наличии мизерного количества семян, выезжали в степь. Впоследсвтии же оказалось, что коммуне никакого отчисления не требовалось, а наоборот, она была обеспечена семматериалом в таком количестве, что часть их осталась совершенно

неиспользованной. Внутри же с/сов обнаружился рваческий подход при учете и распределении семян, так что впоследствии семена оказались (остались). И если бы это дело имело место в начале кампании, то последняя имела бы совершенно иной ход. Мало того, в тот момент, когда мы уже кончали сев, с/сов. и коммуна просто-напросто стала семена навязывать. Но такой поздний сев дал зеленый недозревший урожай.

В точно таких же условиях провели мы и сеноуборочную кампанию. Как было сказано выше, на нашем земучастке сенокосные клины были вытравлены скотом, так что нам негде было косить траву. Коммуна же при огромном количестве суходольных трав, каковыя она была не в состоянии выкосить сама, несмотря на целый ряд наших просьб, в таковых отказывала. И только по истечении времени сенокошения, когда уже травы посохли, начала предлагать траву из половины. Но я считаю со своей стороны такое явление так же не нормальным. Создать огромнейший массив земли за счет окружающего населения, оставив его на минимальном пайке, и не суметь его использовать, а идти на эксплуататорские сделки «из половины» – это дело не к лицу коммуны. В конечном результате у коммуны осталась масса нескошенной травы под снег, а мы, поздней осенью выкосив у них кое-какие куски устаревшей травы, остались без сена. А у нас на носу сенозаготовки. Что же мы продадим государству, когда свой скот нечем кормить?

Далее необходимо осветить и ход хлебозаготовительной кампании. По причине несвоевременного наделения землей, а так же семянами у нас оказалось немало погибшего посева от сорняков и др. причин, на что имеются акты обследования. Несмотря на это, план до поселка был доведен из расчета урожайности 45 п. с га. Такой план оказался непосильным, в результате чего большинство гр-н, выполняя план, вынуждены были сдать в счет хлебозаготовок часть семенного и пайкового хлеба. Здесь я, в силу необходимости, должен остановиться на личном своем хозяйстве. Собирая мало-мальски похожие на землю куски, при обстановке посевной кампании, какую я описывал, я при двух рабочих лошадях посеял 10 га зерновых культур. За это дело я попал под процентную надбавку по с/х налогу и зачислен в зажиточные, а потому получил твердое задание в 55 цент., причем, по словам с/сов., это задание дано из расчета в 50 п. с га. Странно мне, почему собранные мною кое-какие куски земли должны родить по стольку пудов, сколько скажет с/сов. и обязательно больше, как у остальных граждан. Не потому ли, что я посеял 10 га, сознательно идя по пути доведения посевного клина до наивысшего предела, а не 3 или 4. На самом же деле, конечно, наоборот, ибо мне было нужно больше время для того, чтобы засеять больший клин, а потому мне приходилось занимать уже оставшиеся после всех куски, в результате чего я имею 3 га погибшей на 100% площади и тот же с/сов. составлял на это соответствующий материал. Как бы там ни было, но при обмолоте у меня набралось 405 п. всех культур, что с/сов. великолепно известно. Из этой суммы я сразу же внес 222 п. излишков, уплатив предварительно за обмолот 18 п. коммуне им. Сталина. Остальной должен был остаться у меня для будущего обсеменя и продовольствие на 6 душ и на

2 лошади фуража. Но пред. с/сов. Милютин совместно с уполномоченными РИКа Цепинским, Чуевым и др., не считаясь с тем, что я не мог больше продать излишков, не затрагивая семенного и пайкового хлеба, открыто называя кулаком-злостником под угрозой пятикратных штрафов и др. подобных пожеланий, настаивал на том, чтобы задание было выполнено. Предварительно же мною подавалось в комиссию содействия и она, рассмотрев мое заявление, не предъявила больше ко мне требований. Но оказалось комиссия для мебели, а судьбу моего задания решил верхуполномоченный РИКа некто Келлер Георгий Георгиевич, который приехал на автобусе с наганом на боку, вызвав на очную исповедь под угрозой немедленной описи имущества и не разрешая вымолвить двух слов в объяснение, приказал дополнить цифру твердого задания. Не желая идти на скандал, я выполнил твердое задание в 335 п. да плюс коммуне уплатил за обмолот и пастуху 21 п.

В результате всего этого дела за то, что я сознательно не урезал посевного клина, проработал лето, дал пользу государству как налогом, так и хлебом – за это я оставлен и без семян на будущий год и даже без надлежащего продовольственного пайка, не говоря уже о фураже. За такие вещи осталось только поблагодарить. Факт со мною не единичный, есть и почище, причем повторяю, что большинство бедняков и средняков в силу нажима так же вынуждены были затронуть семенной и продовольственный хлеб. Налицо была попытка довести план до двора всем подряд. Так ли нужно было проводить хлебозаготовительную кампанию? Характерно при этом то, что пред. с/сов. Милютин увязывал с этой кампанией и коллективизацию и кое-где говаривал: «Поднажмем, так сами пойдут в коммуну». А то просто и якобы откровенно с сожалением толкует: «Не пойдете в коллектив, так вас задавят».

Здесь для пополнения общей картины не мешает уделить несколько строк и личности тов. Милютина. В недалеком прошлом т. Милютин, если не кулачок, то во всяком случае крепко зажиточным он был. Имел конную молотилку, мельничку, кузницу, засевал до 30 дес. При наличии тягловой силы и с/х инвентаря, применяя в то же время наемный труд. Но характерно то, что в хлебозаготовительной кампании старался по большей части увильнуть, провожая охотно хлебец на рынок. Укрывшись от заготовок 29-го года, он, Милютин, по той же причине заделался активистом и даже заготовителем, а затем кооптировался пред. с/сов. Велитарским в члены с/сов., но в то же время находил время на ликвидацию своего хозяйства, доведя его к 30 году до минимума. В настоящий же момент, как и указывалось, он занимает должность пред. с/сов. И желая загладить свое прошлое выслуживается, а потому, не считаясь ни с какими искривлениями, прет напролом, состоя в то же время членом коммуны им. Сталина, где ему кажется не место.

В общем, среди массы он является элементом разлагающим, благодаря своей грубости и заправским выходкам. Об личности Милютина ставилось на вид уполномоченным РИКа, но мер не принято. Попутно этому делу я хочу пояснить, как и почему в большинстве случаев сходят с рук нашим вершителям все их делишки.

Дело в том, что ни один уполномоченный или следственный работник не обращается непосредственно к массе, а попадает в с/сов., где его, желая скрыть свои пробелы, всякими способами берут под свое влияние и расписывают о своей правдивости. В то же время всякого и многих, кто им не по нутру, обрисовывают в самых мрачных красках, и ясно, что после этого дела, верх снова на стороне с/сов. И так всегда. Наш поселок, например, зарекомендован как «законники» и при всем желании доказать то или иное дело, наши старания остаются тщетными. В общем и целом, мы потеряли всякую надежду на то, что нам удастся когда-либо выявить теневую мрачную сторону нашей повседневности.

Нет никакой возможности охватить все, и, заканчивая свою короткую повесть, если так можно выразиться, я напишу несколько о себе лично. Правда, это уже вопрос шкурного характера и я неохотно берусь за это дело, но поскольку я стал также жертвою разухабистых выпадов, в силу необходимости, вынужден сделать. Прежде всего я должен сказать, что ко всем тем ненормальностям (а их можно сплошь назвать головотяпством), которые мною описаны здесь, а также подмечаемые в повседневщине по линии работы с/сов., а так же др. организаций, относиться равнодушно я не мог. Поэтому частенько с нашими предами у меня происходили столкновения, иногда очень серьезные. Тем более, это дело заострялось на том основании, что я с момента предыдущей выборной кампании занимал должность председателя ревизионной комиссии по с/совету. Ясно, что я оказался нашим предам не по нутру и еще тов. Велитарским было запроектировано убрать меня с дороги и лишить права голоса, о чем имею сведения. На основе этого при всякой возможности перед каким бы то ни было уполномоченными, даже районными и др. организациями я окутан самой вздорной клеветой, как негодный элемент, мешающий в проведении намеченных мероприятий, ведущий срыв в работе и т.д. и т.п.

Тов. Милютин, таящий ненависть по моему адресу за мои попытки вскрыть его натуру, довел дело Велитарского до цели и лишил меня избирательных прав, а теперь открыто злорадствует, не лишая себя удовольствия поиздеваться, стараясь показать, что «я де, мол, лишил тебя голоса, а ты остался в дураках». Такое дело я расцениваю ни больше ни меньше как самый постыдный зажим критики со стороны наших предов.

Нет никакого сомнения в том, что в основе тех же принципов со стороны с/сов. я получил непосильное твердое задание по хлебозаготовкам и неоднократно назывался т. Милютиным кулаком-злостником, в то время как я являюсь настоящим трудовиком-крестьянином. Когда же на собрании высказывался по части твердого непосильного задания, оставлявшего меня без семян и надлежащего пайка и нанесенного оскорбления кулака-злостника и указал, что это в корне неверно. Мое выступление перед массой уполномоченные Цепинский и Чуев расшифровали как крокодиловы слезы. И то положение, что в своем выступлении я заострил суть последнего на том, что за то, что я сознательно идя навстречу посевной посеял 10 га, а не 3 или 4, и меня оставляют без семян и пайков, Милютин и Ко называют кулаком, в то время как Милютин сам кулак, окончательно решило мою судьбу.

После этого дела ненависть Милютина дошла до предела, в результате чего, как я говорил, 20.11.30 г. у меня отняли право голоса. Не имея основных причин к этому делу, мне приписали тесную связь с кулачеством и укрепление своего хозяйства через эксплуатацию кулацких батраков с 1926 по 1929 г. Ничего подобного, конечно, не было да и не требовалось, ибо при трех трудоспособных членах семьи, имея 2 лошади и 2 коровы, я великолепно управлялся без посторонней рабочей силы. Посевную площадь я держал на уровне 10 дес., а в общем мое хозяйство никогда не превышало трудового. Правда, с первых лет нашего переселения в Сибирь из Тульской губернии в 1920 году нам всем переселенцам ввиду нашей маломощности, приходилось обращаться к старожилам (в то время их еще не называли кулаками) за помощью. По той самой причине в 1926 году в посевную я вынужден был прибегнуть к помощи кулаков. На это дело ушло только один день. Последующие же годы я абсолютно никаких делов с кулаками не имел, а работал в спряге с разными гр-ми в период весенних работ. Все же остальные работы я проводил самостоятельно с членами своей семьи. Никаких кулацких батраков не эксплуатировал, ибо, как я указывал, на это дело не было никакой надобности.

Странно и смешно звучит мотивировка, не имеющая под собой никаких основ, но тем не менее я нахожусь в таком нелепом положении, что должен вопреки собственному самосознанию надоедать людям со своим личным делом и вынужден оправдываться в том, в чем не виновен. Этим делом я немало возмущен и расцениваю его просто-напросто как гнусную подлость. Есть примерчики по части лишения в данную кампанию еще ярче говорящие за головотяпское отношение к такому важному делу выявления лишенцев. Но самое главное, что я хочу отметить, так это то, что при всей своей правоте, мне вряд ли удастся исправить это дело на местах и стереть с себя позорное клеймо лишенца.

В самом деле при существующей установке я должен через этот же сельизбирком подавать заявление в высшую инстанцию, и этот же избирком, безусловно, на этом заявлении дает такое заключение, какое нужно ему, дабы оправдать свое первое постановление. Это я говорю из примеров прошлого со многими гр-ми почти что уверен в том, что я должен по прихоти людей-головотяпов остаться за бортом Советской общественности и, пожалуй, ликвидирован как класс.

По существу дело принимает такой оборот, что члены трудовой массы сознательно перебрасываются в противоположный лагерь нашего классового врага и, если принять во внимание, что таких случаев масса, то к нашему общему стыду, а в особенности в текущий момент обострения классовой вражды, это дело играет на руку их же, наших врагов. Ставлю в известность, что фактом лишения меня избирправ возмущены мои односельчане, которые действительно знают меня как честного труженика. В заключение по части лишенцев вообще скажу, что это дело требует серьезного прощупывания и в основном подлежит коренному пересмотру. Я осмелюсь в этой части дать практическое предложение, заключающееся в том, чтобы все дела пропустить

через судебно-следственные органы, дав полное право лишенным самозащищаться через свидетельские и документальные данные. Только такой постановкой (правда, она отнимет много времени) можно выявить действительное положение вещей и в то же время избавить советскую общественность от многих и многих враждебно настроенных не по существу выброшенных за борт общественности людей.

Меня, в конце концов, вы можете посчитать кем угодно, но откровенно с самыми чистейшими намерениями и без всяких задних мыслей настаиваю на том, чтобы Вы своевременно обратили самое серьезное внимание на все вышеописанные пункты. Мое личное дело пусть займет меньше всего Вашего времени, но по части всего остального желательно, чтобы оно не прошло незаметным мимо людей и организаций, которых такое дело должно коснуться. Если отмеченные мною моменты являются пустяками или чего доброго оно так и должно быть, то может быть найдете нужным меня за это дело взгреть. Но если же эти моменты действительно идут вразрез с существующими законоположениями, то необходимо что-то предпринять, ибо я утверждаю, что эти разные делишки кладут на массу своеобразный отпечаток со всеми последствиями. Я считаю, что признавая в данный момент главной опасностью правый уклон, не следует смазывать уклон левый, ибо здесь в деревне он более чувствителен, так как он непосредственно проходит по жилам основной массы крестьянства, оставляя глубокий след. На этом я кончаю. Если вздумаете проведать нас, то не заезжайте прежде в с/совет, ибо Вам уже не будет от населения простодушного доверия, и вы будете официальной личностью, с какими откровенного разговора ожидать трудно. Всего лучше такое положение, чтобы мужички сразу не знали, с кем толкуют. Простота обращения – залог откровенности.

Все вышеописанное заверяю собственноручной подписью.

1.12.30 г. И. Усов».

По указанию Шкирятова, дело Усовых было запрошено из Запсибкрайисполкома и направлено в Комиссию по восстановлению прав гражданства при ВЦИК. Но пока бюрократическая машина крутилась, Иван Усов, судя по всему, вынужден был уехать из деревни (хлеб-то весь забрали). 7 апреля 1931 года он пишет заявление в Запсибкрайисполком с просьбой ускорить его дело и направить ответ по адресу: разъезд Московка Омской ж.д., новый кирпичный завод.(л.16).

А 5 ноября 1932 года из районного совета был направлен в Запсибкрайисполком ответ, что Иван Усов и Мария Усова были лишены избирательных прав, но райпятерка не утвердила это решение, поэтому они не считаются лишенными избирательных прав. Из дела неясно, когда райпятерка вынесла такое решение. Скорее всего, когда «верхи» заинтересовались этим делом. Иначе, с чего бы Усовым так долго добиваться справедливости.

«РАЗГОВОРЫ» 37-ГО

В 1938 году был арестован 1-й секретарь Омского обкома ВКП (б) Дмитрий Александрович Булатов. Он был одним из тех, кто приближал революцию по идейным соображениям, а затем стал одним из тех, о ком вспоминают, говоря, что революция в итоге пожирает своих детей. Если во время коллективизации жертвами террора были крестьяне, то в эти годы вдруг выяснилось, что любая партийная и государственная должность, начиная от директора совхоза и выше, не является гарантией неприкосновенности, а часто, наоборот, становилась фактором риска.

Дважды первый

Большевики после революции часто перекраивали территориально-административные границы. В 1925 году был создан Сибирский край, а в 1930 Западно-Сибирский край, куда входил Омский округ. Собственно Омская область была образована по постановлению ВЦИК от 7 декабря 1934 года из районов отошедших от Западно-Сибирского края, Обско-Иртышской и Челябинской областей. Омск стал центром огромной территории в 1,5 млн кв. км от степей Казахстана до Карского моря, таковой она была до 1944 года, когда была образована Тюменская область.

Дмитрий Булатов

Первым секретарем обкома ВКП(б) был избран на партийной областной конференции Дмитрий Александрович Булатов. Это был уже зрелый 45-летний человек, один из видных представителей партноменклатуры того времени. Родился в Тверской губернии в семье крестьянина. В РСДРП (б) вступил в 1912 году. В 1915 году за распространение листовок антивоенного и антиправительственного содержания был сослан в Туруханский край. Ссылку отбывал в селе Монастырском вместе со Свердловым и Сталиным. В 1919 году – заместитель председателя Твер-

ского губисполкома. С 1924 по 1931 гг. после окончания двухгодичных курсов марксизма-ленинизма работал секретарем Вятского губкома, завотделом Северо-Кавказского крайкома, секретарем Кубанского окружкома, завотделом ЦК ВКП (б).

В 1931-34 годах возглавлял отдел кадров ОГПУ. С этой должности и был направлен в Омск, где проработал до октября 1937 года. Но был в его биографии один штрих, который вскоре ему припомнят. В Личном листке учета кадров на вопрос об участии в оппозиции он, не скрывая ответил, что «в 1918 году во время заключения Брестского мира поддерживал левых коммунистов. Допущенную ошибку быстро осознал и отошел. В организационной связи с левыми коммунистами не был» (ИсАОО, ф. п-17, оп. 26 д. 14, л. 3.)

Левые коммунисты и левые эсеры считали Брестский мир предательством идеи мировой революции и мирового пролетариата, в отличие от патриотов, считавших этот мир предательством России.

Булатов руководил областью в годы второй пятилетки, набирала темпы индустриализация страны. И хотя общее направление задавалось из центра, от регионального руководителя также многое зависело. Булатов уделял большое внимание развитию как промышленности, так и сельского хозяйства. Завод «Красный пахарь», переименованный в 1935 году в завод им. В.В. Куйбышева, начал выпуск новых пятикорпусных плугов, на Сибзаводе освоили выпуск новых запчастей для тракторов и автомобилей, в 1935 году была закончена первая очередь реконструкции паровозо-вагоноремонтного завода, построен большой цех на суконной фабрике, построены биофабрика, молочный и комбикормовый заводы. Новую котельную получила ТЭЦ. В затоне сооружена судоверфь, что способствовало дальнейшему развитию Иртышского пароходства. Однако именно при Булатове был взорван Успенский кафедральный собор.

Коллективизация пусть со скрипом, но была завершена. На селе урожай в 1934 году был таким, что, как вспоминали старожилы, зерно, не уместившееся в колхозных амбарах, ссыпали во дворы колхозников.

Власть начинает думать и о насущных проблемах граждан. Именно при Булатове 16 ноября 1936 года была запущена первая очередь трамвайной линии длиной 8,2 км. Хотя этот вопрос не раз поднимала дореволюционная Городская Дума. При Булатове было начато в 1934 году строительство городской канализации, и в феврале 1937 года она заработала. Надо сказать, что Булатов был не только 1-м секретарем обкома, но одновременно и 1-м секретарем горкома партии.

Борец с вредителями

Первый тревожный звонок для Булатова прозвучал на II областной партийной конференции, проходившей 3-9 июня 1937 года. Он был подвергнут жесткой критике за недостаточно активную борьбу с вредителями, троцкистами и бухаринцами. Особенно угрожающе эта критика прозвучала из уст начальни-

ка областного УНКВД Салыня, который, впрочем, вскоре сам был арестован как враг народа. Делегаты Малин и Таран обвинили обком в том, что «из 57 пропагандистов 32 были троцкисты и что обком ВКП (б) этим вопросом не занимался». По этому поводу 2-й секретарь обкома Фомин оправдывался: «У меня имеется справка, что за это время было 74 пропагандиста, и из них 13 человек были троцкистами или в той или иной степени были связаны с троцкистами и вредителями. Из этих 13 человек 7 человек было разоблачено, снято непосредственно обкомом ВКП (б). Так что, сказать, что обком партии никак не реагировал, это будет неправильно. Совершенно понятно, что со стороны партийной организации не было нужной политической бдительности и вопросу подбора пропагандистов должно быть уделено особое внимание и нам следует сделать соответствующие выводы» (ИсАОО, ф. п-17, оп. 1, д. 1042, л. 6).

Несмотря на критику, было принято решение поддержать предложение 1-го секретаря Тарского райкома Карклина признать работу обкома в целом удовлетворительной. За это предложение проголосовало 345 делегатов, и лишь 10 делегатов были за предложение Тюменского секретаря Гололобова признать работу обкома неудовлетворительной.

Зиновий Симанович

Очевидно, что Москву такое положение не устроило, и в Омск присылают из Архангельска Зиновия Симановича, который перед этим был несколько лет завотделом Северного крайкома ВКП (б). 14 июля 1937 года он получает командировочное удостоверение № 10602 за подписью Жданова и Маленкова, а 1 августа 1937 Булатов утверждает Симановича заведующим промышленно-транспортным отделом обкома с исполнением обязанностей 2-го секретаря, не догадываясь, какую роль предстоит сыграть тому в его судьбе.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА СИМАНОВИЧА.

Симанович Зиновий Григорьевич. Родился в феврале 1901 года. Еврей. Сын управляющего магазином компании «Зингер» в Ташкенте. В 1917-18 гг. конторщик на хлопкоочистительном заводе. В партии с 1919 года. С 1918 по 1923 гг. – секретарь общего, затем особого отдела Турчека (Ташкент, Чимкент). 13 мая 1922 г. «за выполнение ряда заданий государственного значения награжден золотыми часами». Образование низшее. Окончил 2-х классное городское училище и 3-х месячные курсы партактива. В 1927-31 гг. заведующий информационно-политического отдела Крайкома ВКП(б) Северного Кавказа. Колебаний в линии партии не было. (ИсАОО, ф. п-17, оп. 78, д. 1314)

Зоркое чекистское око Симановича сразу обнаружило, что «вредительство охватило все отрасли, все участки работы». Он в ужасе заявил: «На Омской железной дороге предстоит убрать свыше полутора тысяч людей кулацкого происхождения, служивших у Колчака… Но полторы тысячи человек – дорога станет!»

Роковая статья

Между тем по городу шли аресты, и хотя Булатов подписал первое постановление Тройки, это его не спасло. 29 сентября 1937 года в газете «Правда» публикуется статья «Пора омским большевикам заговорить полным голосом». Статья была передана в Омск по телеграфу и уже 30 сентября перепечатана в «Омской правде». Откуда в «Правде» узнали об омских делах? Оказалось, что автор статьи М. Норинский присутствовал на II (12-14 июля) и III (1 августа) пленумах омского обкома ВКП(б) и слушал, как партийные руководители разоблачали друг друга. Приведем выдержки из этой статьи, где названо немало разоблаченных:

«Омская партийная организация давно уже не доверяла заведующему областным земельным управлением Дмитриеву.

Около года орудовал Дмитриев в сельском хозяйстве области. Он не только не ликвидировал последствий вредительской деятельности своего предшественника – врага народа Подгайца, но и сам развалил работу – засорял аппарат земельных органов классово-чуждыми людьми, давал им антипартийные директивы, покрывал их преступления .

Жулики и проходимцы, троцкистско-бухаринские предатели изо дня в день на глазах обкома партии творили свое контрреволюционное дело, подрывали производственную мощь колхозов, наносили огромный урон животноводству…

О вредительских делах Дмитриева давно говорят в Омске. Но враг пользовался неизменной защитой и покровительством секретаря обкома Булатова…

Только в конце августа враг был разоблачен через голову обкома. Случайной ли оказалась политическая слепота обкома? Нет, к сожалению, это не единственный случай. Партийная организация знает, каким доверием Булатова пользовался бухаринский последыш Голосов – заведующий отделом науки и школ обкома…Секретарь обкома Булатов и зав. отделом руководящих партийных органов Медведев прятали документ о бухаринских связях Голосова в Ташкенте, о его заигрывании с узбекскими буржуазными националистами. И Голосов разоблачен также через голову обкома.

Заведующий промышленно-транспортным отделом обкома Тиунов пользовался исключительным доверием тов. Булатова. Но выяснилось, что Тиунов – выходец из партии левых эсеров, что он активно боролся против большевиков…

Коммунальным хозяйством руководят люди, напоминающие щедринских героев. По Омску гуляет поговорка: «У нас чистят только те дороги, по которым ездит Булатов». В этой иронии нет ни капли преувеличения. Кто руководит городом, которому только в этом году государство дало 50 миллионов на

капитальное строительство? В Омске хозяйничает друг Булатова, заместитель председателя облисполкома Буткевич.

Ближайшие соратники Буткевича были в прошлом году председатель горсовета колчаковец Желтовский, а в этом году бывший офицер Бобков…

Угодливые жулики из кожи лезут, чтобы угодить секретарю обкома Булатову. Вне сметы они заложили новую, третью по счету дачу и строят ее усиленными темпами. Это тем проще было сделать, что в коммунальном банке распоряжается кредитами жена Булатова.

Промышленность Омской области не выполняет производственных программ. Вместо укрепления хозяйственного руководства обком направляет директором лесного треста обкомовского работника, сына попа Слюнкова, ярого соратника врага народа Подгайца. Легкой промышленностью в области руководит «выдвиженец» обкома Фингерт. Он засорил аппарат врагами, тяжкими уголовными преступниками. Когда Куйбышевский райком исключил Фингерта из партии, на помощь ему немедленно пришли горком и обком. Фингерта оставили на работе.

Подхалимство облагодетельствованных Булатовым людей не знает предела. Десятки колхозов и совхозов носят имя Булатова. В центре Омска на фасаде Дома пионеров аршинными буквами красуется имя, отчество и фамилия секретаря обкома Булатова.

…Что за люди работают в районных газетах, обком совершенно не знает. Поэтому тюменскую газету «Красное знамя» до последнего времени редактировал колчаковец Тихонов, которого назначил обком. «Омской правдой» больше года руководил враг народа троцкист Шацкий…»

После такой критики Булатову, конечно, было трудно уцелеть.

6-7 октября 1937 года открылся IV пленум Омского обкома ВКП (б), на котором состоялось обсуждение статьи. (ИсАОО, ф. п-17, оп. 1, д. 1079, далее ссылки на листы этого дела). Заседания пленума вел Зиновий Симанович. В выражениях никто не стеснялся, припомнили Булатову все, что можно припомнить, в том числе и позицию по Брестскому миру, но главными были обвинения в покровительстве врагам народа. После жесточайшей критики Булатову было предоставлено заключительное слово для справок, в котором он признавал свои политические ошибки и каялся местами весьма унизительно.

«Товарищи, критика моих грубейших ошибок и критика моего доклада пленумом совершенна правильна» (л. 119).

По Брестскому миру: «Мы неправильно поняли общее положение и действительно явились отразителями мелкобуржуазных деклассированных элементов, которые так решительно раскорчевал товарищ Ленин. И мы это дело поправили, и я чувствовал, что впоследствии, что это у меня в какой-либо мере не проявлялось» (л.120). Следует сказать, что одним из главных идеологов левых коммунистов был Бухарин, и в 1937 году любое упоминание о сотрудничестве с ним ничего хорошего не предвещало.

Об игнорировании указаний Сталина по усилению борьбы с врагами народа. «Указания товарища Сталина, которому я верен беспредельно и душой

не кривя, я не сумел выполнить их, не способен был. Поймите, ограниченность моя такая. Товарищ Сталин мне сказал, что я устарел, «вы раньше когда-то были молодой, бойкий», я доказывал, что неправда, что я не устарел, но теперь я осознал, что да, товарищ Сталин был прав, я устарел, благодушен был в этом деле…

Но не видел я, политический слепец, что меня обманывали…

Я не получал помощи от НКВД. Моя вина, что я не догадался через голову Салыня обратиться в первичные организации, как сказал товарищ Симанович. Но кто думал, что Салынь враг? Я не представлял себе, что Салынь враг… Приехал Валухин (новый начальник областного УНКВД – П.Б.) и сразу стал выкорчевывать врагов…» (лл. 123,124).

Постановление пленума в отношении Булатова было суровым. Его обвинили в покровительстве и препятствовании разоблачению врагов народа в облисполкоме – Кондратьева, Буткевича, в облземуправлении – Дмитриева, в Уполкомзаге – Дорышева, в обкоме – Голосова, Слюнкова, Тиунова. (л.145).

Он был смещен со своего поста со следующей формулировкой: «За игнорирование решений февральско-мартовского и июньского пленумов ЦК партии и личных указаний тов. Сталина об усилении борьбы и разгрому врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, за покровительство врагам народа и как не обеспечившего руководство областной партийной организацией первого секретаря областного комитета партии Булатова с поста первого секретаря снять, вывести из состава членов бюро и членов пленума обкома партии и из рядов партии исключить» (л.148).

Принято было единогласно, лишь член обкома Д. Зорин, согласившись с первой частью данной формулировки, выступил против исключения Булатова из партии. За что и поплатился: на этом же пленуме он был выведен из обкома и исключен из партии как «политически неблагонадежный».

Бюро обкома было распущено и в новый состав бюро обкома были избраны Симанович, Валухин, Евстигнеев, Журавлев и Загорская (л. 142).

Булатов же 29 января 1938 года был арестован, а 28 октября 1941 года с двадцатью бывшими партийными деятелями расстрелян по указанию Берии. В 1954 году посмертно реабилитирован. В 1964 году его именем названа одна из улиц Омска.

А «Омскую правду» можно было обвинить в плагиате. 18 октября она публикует статью «Пора заговорить шербакульским коммунистам», где писалось, что секретарь райкома Гуисов дает явно вредительские установки, в районе орудуют враги – заведующий райзо Кралько, в райисполкоме троцкист Карташев…

Судьба «чистильщика»

Естественно, что первым секретарем обкома после Булатова стал Симанович. Но пробыл им около месяца. Началась предвыборная кампания в Верховный Совет СССР, он выдвинулся кандидатом в депутаты от Москаленского района. 26 октября 1937 года «Омская правда» сообщала, что в колхозе «Крас-

ное знамя» Богословского сельского совета состоялось собрание, на котором колхозный ветфельдшер Михаил Закутский, представляя кандидата в депутаты Симановича сказал: «За короткий промежуток времени своей работы в Омском обкоме ВКП(б) тов. Симанович раскрыл там всю гниль буржуазных перерожденцев и пособников врагов народа. Мы наблюдали его работу по очищению областной парторганизации, совхозов и колхозов от троцкистско-бухаринских мерзавцев и всякой контрреволюционной твари». Но дождаться 12 декабря, дня голосования, не успел. В личном деле значится лишь карандашная пометка «выбыл». О том, куда он «выбыл», узнаем из Архива Президента (бывший архив Политбюро), где хранится «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Совета Союза ССР» от 18 апреля 1938 года, завизированный Сталиным, Кагановичем, Ждановым и Молотовым (АП РФ, оп.24, д.. 416). Сто человек из этого списка должны были быть судимы по 1-й категории, что означало расстрел. 75-м в этой сотне значился Зиновий Григорьевич Симанович (л. 32). В этом же 1938 году он и был расстрелян. Таким образом, Булатов даже пережил своего главного обличителя на три года. В 1957 году Симанович был реабилитирован.

Следует добавить, что из шестнадцати секретарей омского обкома лишь Булатов и Симанович были расстреляны, остальные умерли своей смертью или здравствуют и поныне.

Мужественный большевик?

В Омске за полтора года с августа 1937 по январь 1939 сменилось четыре начальника Управления НКВД по Омской области. Столь частая смена руководителей такого серьезного ведомства в такое время наводит на мысль, что, наверное, они плохо кончили. Так оно и есть.

Салынь Эдуард Петрович – начальник УНКВД по Омской области с января 1935 по август 1937 г. Репрессирован, расстрелян в августе 1938 г.

Горбач Григорий Федорович – начальник УНКВД по Омской области с июля по август 1937 г. Репрессирован, расстрелян в августе 1939 г.

Валухин Константин Николаевич – капитан госбезопасности, начальник УНКВД по Омской области с августа 1937 по апрель 1938 г. Репрессирован, расстрелян в мае 1940 г.

Волохов Зотик Андреевич – капитан госбезопасности, начальник УНКВД по Омской области с апреля 1938 по январь 1939 г. Репрессирован, в декабре 1939 г. Уголовное дело прекращено за его смертью.

Наиболее отличились своими делами первые трое, остановимся кратко на их личностях.

Борьба с врагами народа по-настоящему началась после постановления Политбюро ВКП (б) от 2 июля 1937 года № П51/94 «Об антисоветских элементах».

Через день постановление директивой 836/ш было доведено до местных властей: «Всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех

возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные, элементы были бы переписаны и высланы: по указанию НКВД. В пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество, подлежащих высылке. Секретарь ЦК И. Сталин».

Для реализации постановления Политбюро ЦК ВКП (б) нарком внутренних дел СССР Николай Ежов созвал 16 июля совещание руководителей территориальных органов НКВД. Что было на этом совещании узнаем из книги М.П. Шрейдера «НКВД изнутри. Записки чекиста» М., 1995.

«Услышав приблизительные цифры предполагаемого наличия врагов народа по краям и областям, которые подлежат аресту и уничтожению, все присутствовавшие на совещании, в большинстве старые опытные чекисты, отлично знавшие действительное положение вещей, оторопели. Они не могли верить в реальность и какую-то обоснованность назначенных цифр.

– Вы никогда не должны забывать, – напомнил в конце своего выступления Ежов, – что я не только наркомвнудел, но и секретарь ЦК. Товарищ Сталин оказал мне доверие и предоставил все необходимые полномочия. Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие – сталинские. – При этом он протянул вперед обе руки, как бы демонстрируя их сидящим. – У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и прочими террористами, – угрожающе сжал он кулак. Сделав выразительную, паузу с угрозой закончил:

– Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, не взирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа…

Вдруг со своего места встал начальник УНКВД Омской области, старейший контрразведчик, ученик Дзержинского и мужественный большевик Салынь:

– Заявляю со всей ответственностью, – спокойно и решительно сказал Салынь, что в Омской области не имеется подобного количества врагов народа и троцкистов. И вообще, считаю совершенно недопустимым заранее намечать количество людей, подлежащих расстрелу и аресту.

– Вот первый враг, который сам себя выявил! – резко оборвав Салыня, крикнул Ежов. И тут же вызвал коменданта, приказав арестовать Салыня».

Об этом якобы рассказал Шрейдеру начальник УНКВД по Ивановской области В.А. Стырне, у которого Шрейдер был заместителем. Однако позволим себе усомниться в подобном мужестве Салыня.

Кроме того, как указал исследователь Александр Петрушин, на самом деле латыш Салынь был снят со своего поста 23 июля, а арестован в Москве в гостинице «Селект» 10 августа, а не на совещании.

При этом Салынь уже успел 7 июля назвать лимит по Омской области: «первая категория (расстрел – 479), вторая категория (высылка, лагеря) – 1959 человек», так что, чего бы ему упрямиться и идти наперекор начальству!

Стараясь предстать перед нашими современниками «белым и пушистым» Шрейдер любопытные факты опустил. Но они сохранились в стенограммах пленума Ивановского обкома, которым командовали специально прибывшие секретарь ЦК Лазарь Каганович и секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК Матвей Шкирятов, на что обратил внимание в своей книге «Правда сталинских репрессий» известный писатель и историк Вадим Кожинов. Шрейдер на этом пленуме выразил недоверие секретарю горкома Васильеву и обвинил своего начальника в противодействии репрессиям и в связях с троцкистами. В результате старый чекист и герой Гражданской войны Стырне был арестован и расстрелян. Так что, мы не поверим рассказанному Шрейдером о Салыне.

«Выкорчевывать до конца…»

Не мог по своему психотипу, так сказать, Салынь возразить так Ежову! Достаточно заглянуть в его выступление на 2-й омской областной партконференции 4 июня 1937 года (ИсАОО ф. п-17, оп. 1, д. 1041):

«Товарищи, в решениях февральского пленума Центрального комитета нашей партии сказано, что главная задача партийных органов и наркоматов состоит в том, чтобы выкорчевывать до конца японо-немецких агентов...»

«Есть у нас в Омской области одна характерная болезнь в ряде наших партийных и советских организациях. Вот произведен арест врага, но этот арест ни в какой степени не тревожит ни партийную организацию, ни руководителя, а наоборот, начинаются разговорчики, не допускаем, мол, мысли, что такой человек мог быть врагом народа, что он мог быть виновным и говорят, что органы НКВД работают так, что сами создают врагов (Тюшкин – железная дорога), и ползет по учреждению этакой слух, пущенный партийным руководителем, убивающий бдительность членов партии как следствие боязни…» (л.84)

«…надо сказать, что за последние месяцы под руководством тов. Ежова мы глубоко развертываем разгон троцкистсткого фашистского подполья, правых и прочих негодяев, начиная от НКВД Ягоды и его контрреволюционного окружения, кончая заводами военной промышленности в нашем Советском Союзе, нефтяной промышленности, органами Наркомвода и особенно Наркомзема как в центре, так и на местах./…/

В течение последних лет в Омскую область прибыло несколько сотен дальневосточников-харбинцев, они разбрелись широко по всей Омской области.

Голос с места: – Вы скажите больше о тактике врагов.

– Я к этому и подхожу. Около 60 человек нами за последний год арестовано, причем оказалось, что все они являлись агентами японской разведки. В Харбине все они прошли курсы трактористов, шоферов, соответственным образом они «квалифицированы», подготовлены и были переброшены на территорию Советского Союза.

Я подчеркнул этот момент потому, что к нам теперь не посылают людей в погонах, в цилиндрах с тросточкой в руках, а посылают под видом простых

рабочих, квалифицированных рабочих, террористов и диверсантов. Во многих наших учреждениях, товарищи, имеются люди, прибывшие с Дальнего Востока, и я заостряю внимание всего партийного руководства, что количество арестованных нами шпионов, посланных с целью создания фашистских групп, чрезвычайно показательно и на этот участок обратите самое серьезное внимание на этот контингент…

Тактика врагов такова. По показаниям самих арестованных бандитов: собирать в районе силы, агитировать в колхозах, создать пораженческие настроения в случае войны и в случае войны ударить в тыл, захватить наши железные дороги и т.д.

Много говорилось о церковниках, об оживлении их контрреволюционной деятельности. Я должен сказать, что нами за последний год арестовано 81 ч. церковников и 25 руководителей различных сект» (лл. 85-87)

«Для того, чтобы покончить с сомнениями о вредительстве в земельных органах, о врагах народа Подгайца и других, которые имели место и в Областном комитете ВКП(б), и в ряде других организаций, я прямо зачитаю, что из себя представляют эти враги по линии земельных органов. Нами арестовано 30 человек (зачитывает)…

Из всех арестованных полностью сознались 14 человек и некоторые свою вину признали частично. Надо сказать, что практической работы по выкорчевыванию вредительской деятельности Подгайца и других в партийных организациях достаточно не развернуто…» (л.90)

«Я хочу сказать, что несмотря на крупнейшие отдельные ошибки в работе бюро областного комитета партии, в работе каждого из нас и членов бюро и не членов бюро, мы учитывая своеобразность обстановки сегодняшнего дня, обстановки военной угрозы и военной опасности, учитывая и слушая указания нашего Центрального комитета, нашего вождя т. Сталина в последующей работе, новое бюро справится лучше со всеми задачами, которые ставит партия перед омскими большевиками».

Салынь даже с первым секретарем Омского обкома Дмитрием Булатовым на этой конференции не стал спорить, хотя был прав. В заключительном слове Булатов сказал в частности, стараясь отвести от себя обвинения и перевалить их на другого:

«Для меня является новостью заявление тов. Салынь в том, что Подгаец является руководителем эсеров здесь в Омской области.

Тов. Салынь: – Не говорил так, прочитай стенограмму.

Вот что записано в стенограмме. Тов. Салынь: – Подгаец и Соколов руководили организацией эсеров.

Ну, о том, что Подгаец эсер я первый раз слышу. Я заявляю, что этого не знал, обстоятельство новое».

Хотя из контекста следует, что только Соколов руководил организацией эсеров (л.90).

Но Салынь промолчал.

Стахановцы расстрела

30 июля 1937 года Ежов подписывает оперативный приказ №00447, в котором говорилось:

«Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников – скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим ПРИКАЗЫВАЮ – С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ И ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ И УГОЛОВНИКОВ.

…Все репрессируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках – РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки».

В данном приказе были установлены расстрельные лимиты для всех ре-

спублик и областей. Для Омской области, в состав которой тогда входили нынешняя Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, цифры: по первой категории – 1000 и по второй – 2500 человек.

В Омск вместо Салыня был назначен майор госбезопасности Горбач. Для проведения операции Омскую область разделили на семь оперативных расстрельных секторов: Омск, Тюмень, Тобольск, Ишим, Тара, Остяко-Вогульск, Салехард.

Вот какие факты и цифры сообщает исследователь Александр Петрушин в статье о 1937 годе: «1 августа 1937 года Горбач доложил Ежову: «Первоначальными цифрами, представленными вам бывшим начальником Управления НКВД Салынь, намечалось к изъятию по 1-й категории 479 человек. Проведенной стахановской работой арестовано по 1-й категории 3008 человек. Операция в отдельных районах продолжается. Пока не затронуты Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа, где операция будет проведена по беглому русскому кулацкому элементу, осевшему в населенных пунктах вдоль реки Оби. К коренному кулацкому активу, проживающему в непроходимой в летнее время тундре, считаю целесообразней провести операцию зимой, когда болота замерзнут, и будет возможность проезда.

Через 15 дней в Москву ушла очередная телеграмма: «Наркому Внудел тов. Ежову. По состоянию на 13 августа по Омской области арестовано 5444 человека: Прошу дать указание по моему письму N 365 относительно увеличения лимита 1-й категории до 8 тысяч человек. Горбач.» На телеграмме рукой Сталина помечено: «Т. Ежову. За увеличение лимита до 9 тысяч. И. Сталин».

В Омске была создана Тройка, которую возглавил Горбач. Кроме него, в ее составе были первый секретарь Булатов и председатель облисполкома Евстигнеев, заменивший на посту предоблисполкома арестованного Кондратьева. Дмитрий Булатов успел подписать один расстрельный список, прежде чем его самого арестовали.

Горбач пробыл в Омске меньше месяца – его перевели в Новосибирск, где в 1937-м расстреляли 12876 человек. В январе следующего года Горбачу по его ходатайству добавили еще тысячу человек по первой категории. Но в мае он отбыл из Новосибирска во Владивосток, где расстрелянный лимит увеличили на 15 тысяч. Итого, только Горбач перевыполнил план по расстрелам в Омской области, Западно-Сибирском и Дальне-Восточном краях на 31800 человек. Самого Горбача в итоге тоже расстреляли.

Возглавивший Омское УНКВД 36-летний капитан госбезопасности Валухин уже 30 августа 1937 года распорядился: «Дополнительно провести операции, делая основной упор на изъятии казацкой (так в тексте – П.Б..), татарской и немецко-фашистской контрреволюции».

Для оперативных секторов устанавливались дополнительные контрольные цифры изъятия по 1-й категории: Омский – 3000 человек, Тюменский – 3200, Тобольский – 1500, Ишимский – 1300, Остяко-Вогульский – 500, Ямало-Ненецкий – 300 человек.

Итоги 1937-го подвела 10 декабря шифровка Ежову: «Операция по вашему приказу 00447 закончена. Всего осуждено по первой категории 11050 и

по второй категории 5004 человека. Приведение приговора в отношении 50 человек, рассмотренных сверх утвержденного лимита по 1-й категории, задержано. Прошу утвердить. Валухин».

На Пленуме Омского обкома 6-7 октября 1937 года Валухин был избран в бюро обкома и перед голосованием поведал свою биографию.

Валухин К.Н. *– год рождения 1901 в г. Алатала на Северном Кавказе. Отец фотограф. До 1919 г. учился. С 1920 г. в Красной Армии. С 1920 года работал в органах ЧК и с тех пор работал в органах НКВД на разных должностях.*

«В партию вступил в 1924 г. и с тех пор нахожусь в партии. Партвзысканий никогда не имел, по служебной линии взысканий не было. На партийной работе около 10 лет. Был секретарем в партийной организации, не освобожденным секретарем, работая на оперативной работе. Сюда прибыл месяц тому назад. До этого работал на Северном Кавказе беспрерывно, с первых дней и до самого конца.

Отец умер в 1934 г., работал в ЧК фотографом. Мать жива, вышла второй раз замуж и продолжает жить в г. Алатала. Я в силу своей большой загруженности с 1921 г. у ней не был. Имею двух сестер – одна живет в г. Алатала замужем за бухгалтером, другая сестра живет в Москве, замужем за бухгалтером, работающим в НКВД. Имею брата, который работает в НКВД в Сочи.

Жена уроженка Шахт, отец был счетоводом, сейчас работает бухгалтером в Омске.

Никто из моих ни дальних, ни ближних родственников не арестовывался, не привлекался, не репрессировался».

За перевыполнение расстрельных планов 19 декабря к 20-летию создания органов ВЧК-ОГПУ-НКВД Валухин получил орден Ленина, был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва от Тюменского избирательного округа и первым секретарем Свердловского обкома ВКП (б), однако, в конце концов, сам стал жертвой террора.

Кадры решали все

В биографии Валухина обращает на себя внимание этакая семейственная принадлежность к «органам». Пробился один – и потянул за собой родственников. И подобная ситуация была типичной: принадлежность к «органам» часто была хорошей стартовой площадкой для карьерного роста. Так, первый секретарь обкома Дмитрий Булатов до приезда в Омск командовал кадрами ОГПУ, главный обличитель Булатова Зиновий Симанович также начинал в ЧК. Жена Симановича работала в органах НКВД, в 1937 году была пенсионеркой органов НКВД. Отец работал механиком в органах НКВД (ИсАОО, ф. п-17, д. 1079, л. 158).

Или вот еще один характерный пример. На IV пленуме Омского обкома ВКП(б) было избрано бюро обкома в составе Симановича, Валухина, Евстигнеева, Журавлева и Загорской. Люди все известные, при должностях: Симанович заменил первого секретаря обкома Булатова, Евстигнеев – председатель облисполкома вместо арестованного первого председателя облисполкома Кондратьева, Валухин возглавил УНКВД , Журавлев – старый член бюро обкома,

но кто это такая Загорская и за что ей, малоизвестному секретарю Новозаимского райкома, оказана такая честь?? Но многое проясняется, если послушать, как она бичевала Булатова, и заглянуть в ее биографию.

Из выступления на IV пленуме (д.1078, л.3):

«Заместителем по политчасти была Беляевская, и в результате МТС все время была в провале, срывала сев, срывала ремонт тракторов... При проведении политзанятий с коммунистами и комсомольцами Беляевская пропагандировала троцкистские взгляды, доказывая, что коммунизм в одной стране построить нельзя. Сам Мамедов (бывш. секретарь Новозаимского РК ВКП(б) – П.Б.), уезжая продал патефон одному коммунисту Агапову с пластинками речей Троцкого. В результате их деятельности партийная работа была развалена, Беляевская дочь попа, создавала себе авторитет тем, что ее знает секретарь обкома ВКП(б) Булатов, она пользуется его поддержкой... И очень крепко Беляевская скрылась за авторитет Булатова».

Из биографии, рассказанной на пленуме.

Родилась в 1901 году в Петербурге в семье рабочего. С 1914 работала на швейной фабрике. В 1918 году вступила в партию большевиков в Нарвском районе. В 1919 году ушла на фронт и была там до 1920 года. В 1920 году работает в органах ВЧК в Витебске. С 1920 по 1922 гг. – работа в органах ГПУ, откуда ушла по болезни, «потому что у меня очень было нервное состояние». С 1922 года на партийной работе. В Омск командирована ЦК в 1936 году из Калининской области с должности секретаря райкома. Член пленума Обкома.

Фраза об очень нервном состоянии весьма показательна: порасстреливайка русских людей!

Впрочем, не все члены бюро обкома вышли из шинели Дзержинского, но в атмосфере 1937 года их поведение, фразеология и судьба мало чем отличалась от чекистской.

Евстигнеев С.И.

Родился в 1884 году в Московской области. С 1900 по 1905 работал на фабрике в Смоленске, с 1905 служил в старой армии. С 1908 по 1912 работал в мастерских и год помощником машиниста на Западной ж.д. С 1914 по 1916 – служил в старой армии. До 1923 года работал в военном ведомстве. С 1923 – на электромеханическом заводе в Москве. С 1925 по 1930 – директор 39-го Авиационного завода в Москве. С 1931 по 1937 – председатель Краснопресненского р-на. В партии с 1919 г.

– Ваше участие в Октябрьском перевороте?

-Участвовал в Москве, участвовал в Орлянке по ликвидации белых бандитов, награжден орденом Ленина за выполнение особого задания Правительства в 1931 году, будучи директором завода Авиатреста.

Не арестовывался. Никаких отклонений от генеральной линии партии не было.

(Д. 1079, л. 159)

К слову сказать, на IV пленуме в бюро обкома было предложено двенадцать человек, но большинство отвели свои кандидатуры, мотивируя тем, что старому обкому выражено недоверие. А член пленума обкома М.С. Беляев из В. Тавды

указал такую причину: «Я просил бы меня отвести, потому что я совершенно малограмотный. Еле-еле пишу. Это все знают». Вот такие были кадры!

Однако причина отвода была, похоже, в другом: Беляев просто струхнул и решил не высовываться, ибо был подвергнут Симановичем на пленуме любопытной критике: «Возьмите высказывание товарища Беляева из В. Тавды. У вас, товарищ Беляев, выходит, что врагов в В. Тавдинской парторганизации нет, у вас есть шатия, жулики, воры, а врагов нет. Вы являетесь секретарем райкома партии, секретарем промышленной рабочей организации. Если ты на пленуме обкома партии смешиваешь жуликов с врагами народа, оцениваешь их как шатию, то как ты поступаешь на районном партийном собрании. Очевидно, все время говоришь: шатия, жулики… Враг народа – есть враг народа. И надо об этом говорить четко и ясно. Бухаринец, правый, троцкист есть враги народа, шпионы, диверсанты, вредители обязательно. Шатия – это принижает, расслабляет партийную организацию» (д.1079, л.95).

Интонации у Симановича прямо, как у Сталина. Не ведал только, что через полгода сам станет врагом народа и будет осужден по первой категории.

«Так себя оценили…»

Читая протоколы партийных пленумов и конференций 1937 года, невольно обращаешь внимание на то, с каким рвением и даже остервенением партийные товарищи набрасывались друг на друга, действуя по уголовному принципу: умри ты сегодня, а я завтра. И ведь никто их за язык насильно не тянул! И часто тот, кто топил, вскоре тонул сам. Вот, например, секретарь Тарского окружкома Карклин П.И., хотя и предложил на II партконференции признать работу омского обкома удовлетворительной, чем поддержал Булатова, но это ему не помогло, он был отведен из списка тайного голосования кандидата в члены обкома.

При заслушивании автобиографии Карклина выясняется, что тов. Карклин поддерживает письменную связь с троцкистом Крейсбергом, вместе с которым живет семья т. Карклина в Свердловске.

«Карклин: – Я должен сказать, что на конференции ни у кого нет оснований сомневаться в моей политической честности…Никаких связей с троцкистами у меня нет. Никаких приятельских отношений у меня с Крейсбергом нет… Если есть сомнения в моей политической честности, то я буду решительно настаивать перед конференцией не только отвести меня из списка кандидатов в члены обкома, но и говорить о немедленном снятии меня с работы секретаря окружкома партии».

Товарищи не поверили, и скоро Карклин стал врагом народа, а Тарский окружком представлял на 4-м пленуме уже первый секретарь Тропин И.В., который сетовал на то, что его, тогда второго секретаря, не известили, что у Карклина есть связи с троцкистами и что, мол, враг народа Кондратьев (бывш. председатель облисполкома) покрывал его. Словом, открестился от своего товарища по работе. Однако не помогло.

Не прошло и года, читаем в решении бюро обкома от 5 июля 1938 г.: «В связи с тем, что некоторые бывшие секретари, производившие обмен и под-

писавшие партдокументы – Тарского окружкома ВКП(б) Карклин, Курков, Тропин, Омского обкома Булатов, производивших обмен партдокументов в Тарском округе, Сталинском, Ленинском и Кагановическом районах – оказались врагами народа, просить ЦК ВКП(б) произвести замену партдокументов и выдать Омскому обкому ВКП(б) чистые бланки партдокументов: для членов ВКП(б) 470, для кандидатов в члены ВКП(б) 300 комплектов» (ИсАОО, ф. п-17, оп. 1, д. 1603, л. 17).

Придраться можно было к чему угодно. На этом же пленуме член обкома Бабушкин М.М. обращал внимание на такие факты: «Характерный пример. Я взял брошюру первого слета стахановцев Омской области. Вот вам содержание. Крупным шрифтом написано приветствие товарищу Сталину – вождю народа и рядом таким же шрифтом написано «Вступительная речь Василия Кузьмича Фомина (2-й секретарь обкома – П.Б.)» Так себя оценили, что ни стоят не ниже оценки т. Сталина. Рядом с т. Фоминым речь держит Неудахина – орденоноска нашего транспорта, она выделена уже другим шрифтом. Это документ, но он характеризует подхалимство нашей «Омской правды», которая выделяет жирным шрифтом исключительно этих товарищей» (т.е. Булатова и Фомина – П.Б.).

Естественно, что у автора статьи «Пора омским большевикам заговорить полным голосом» М. Горинского, присутствовавшего на 2-м и 3-м пленумах обкома недостатка в фактах не было. Он просто сидел и слушал, как омские товарищи обличали друг друга, и красочно расписал об этом в «Правде».

4 октября 1937 года «Омская правда» в статье «По-большевистски исправить ошибки» писала: «Из 65 членов бюро обкома избранных на II областной партийной конференции (проходила 3-9 июня – П.Б.) на сегодняшний день осталось только 43. Остальные 22 были исключены и отведены из состава пленума, причем подавляющее большинство их были разоблачены как враги народа». А после IV пленума, состоявшегося 4-7 октября, из обкома исключили еще столько же.

Атмосфера 37-го хорошо прослеживается по публикациям в «Омской правде». 14 июня передовица: «За шпионаж и измену родине – расстрел» – о Тухачевском. 4 июля, из статьи «Любинский райком должен извлечь политические уроки»: «В районной организации еще не выкорчеваны до конца беспечность, притупление политической бдительности. Об этом говорит дело бывшего председателя райисполкома Шмукляревича. Шмукляревич развалил советскую работу в районе, покровительствовал антисоветским элементам. Долго и упорно он противодействовал снятию с работы разоблаченных как врагов народа председателей сельских советов Клонингера и Таша».

23 октября, из статьи «На районном собрании одесских большевиков»: «Во всей своей мерзостной наготе раскрылась перед районным партийным собранием «деятельность» конрреволюционера, бывшего секретаря райкома ВКП(б) Чеброва, бывшего председателя райисполкома Слепчикова и других».

А вот заголовки только из некоторых октябрьских и ноябрьских номеров: «Полностью выкорчевать вражескую агентуру в комсомоле», «Чужаки и их по-

кровители срывают вспашку зяби», «Вражеская система работы облпрокуратуры» (разоблачение областного прокурора Рапопорта и его заместителя Лисина), «Очистить Большаковский совхоз от врагов народа», «До конца выкорчевать врагов из аппарата Облзу», «Попустительство вредителям», «Суд над вредителями из Черлакской МТС», «Подлые дела вражеского отребья» и т.д. и т.п.

В XVII-XVIII веках после объявления «слова и дела» существовало правило – доносчику первый кнут, и если он подтверждал извет, то брались за обвиняемого. В 1937 году такого правила не было, но, тем не менее, во многих случаях на доносчиков и обвинителей обрушивалось загадочным образом возмездие. Впрочем, загадки 37-го весьма обстоятельно исследованы в упоминавшейся книге Вадима Кожинова, мы же лишь представили некоторые провинциальные факты.

ИСТЕРИЯ

Житейская история военной поры

Дело «По обвинению Ильюхиной Александры Алексеевны в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. II УК РСФСР и 59-7 ч. II УК РСФСР» мало чем отличается внешне от других дел, рассмотренных в разные годы Омским областным судом по знаменитой 58-й статье и хранящихся ныне в Историческом архиве Омской области, но содержание его, на наш взгляд, заслуживает внимания. Не мудрствуя лукаво, перелистаем страницы этого дела (ф. 1126, оп. 2, д. 2070).

Открывается оно постановлением о возбуждении дела уголовного преследования от 28 ноября 1941 года по заявлению Куниной Глафиры Яковлевны и Ицкович Галины Давыдовны. Причина возбуждения дела в том, что «Гр-ка Ильюхина, проживающая в г. Омске по ул. Лагерной, 34, систематически среди жильцов, проживающих в вышеуказанном доме, ведет антисоветские разговоры контрреволюционного характера» (л. 3).

А на следующей странице и само заявление, напечатанное на пишущей машинке, что для того времени явление редкое. Но когда в дальнейшем из протоколов допроса выясняется, что Кунина Г. Я. работала начальником АХО конторы Авиаглавснаба, а Ицкович Г. Д. там же старшим товароведом, все становится ясно.

«Омской области прокурору
от гр.гр. Куниной Г. Я. и Ицкович Г. Д.,
прож. по Лагерной ул. № 34

Заявление

Прибыли мы в г. Омск вместе с перебазированной по решению Правительства Воронежской конторы Авиаглавснаба Наркомата Авиации.

По ордеру Куйбышевского райсовета мы вселились в дом гр. Гонтова по Лагерной ул. № 34. Там же проживает гр-ка Ильюхина, какая по ордеру Куйбышевского райсовета должна быть переселена в д № 27 по Пушкинской улице. В связи с этим гражданка Ильюхина еженочно устраивает скандалы, терроризирует нашу семью, состоящую из 6 человек с малыми ребятами, при этом делает выпады антисемитского контрреволюционного характера. Так, например, она заявила, что евреи прячутся за «свою еврейскую власть», что «война скоро кончится и всех жидов перебьют – так говорят все бойцы», и она первая перестреляет всех, что Москва окружена и вашему «барству конец» и т.д.

Кроме этого, она, работая на оборонном предприятии, разглашает производственные тайны. Так, она при всех кричит, что завод № 166 (ныне «Полет». –П. Б.) никуда негодный, выпустил за месяц только один самолет-истребитель, рассказывала, какие она изготовляет детали. По ее словам, она уже имела один привод в милицию за выпытывание местонахождения оборонных заводов.

Все изложенные факты могут подтвердить гр-н Гонтов М. Е. и Синица, живущие по ул. Лагерной № 34. Ввиду вышеизложженного, просим привлечь указанную гражданку к ответственности с одновременным отселением в соответствии с выданным для этих целей ордера.

(подписи) Кунина, Ицкович

Вышеизложенное подтверждаем (подписи) М. Гонтова, Синица

28.11.41 г.» (л. 4)

Далее следуют протоколы допросов участников конфликта и свидетелей. Следствие вел ст. следователь прокуратуры Швик.

В дополнение к изложенному в заявлении Кунина Г. Я. (1907 г. р.) указала, что гр. Ильюхина называет их «не только евреями, но и жидами, заявляя при этом, – я о такую жидовню рук марать не стану, а вас стрелять надо!». Кроме того, заявляла: «Вам, наркомам, нужно искать себе дворцы, а не жить в проходной комнате, наркомы должны оборонять Москву, а вы уехали в тыл, спрятались...» Глафира Яковлевна уточнила также, что о деталях, которые делают на заводе № 166, Ильюхина рассказывала дочери домохозяев – тринадцатилетней Елене Гонтовой (лл. 5-5 об.).

Ицкович Г. Д. (1916 г. р.) добавила, что на ее вопрос: «Так что, по-вашему, война может кончиться в пользу Гитлера?» – Ильюхина ответила: «Вы, пожалуйста, Гитлера не пачкайте, это я про Советскую власть говорю...» Что таким ответом имела в виду Ильюхина, она, Ицкович, не знает (л. 10).

Сама же Ильюхина А. А. (1901 г. р.) показала, что на основании ордера №836 вселена с 9-летним сыном в комнату по Лагерной № 34, позднее туда же вселили семью из 6 человек, а ей представитель райсовета предложил переселиться на ул. Пушкинскую. Но так как ордера выдано не было, и новые жильцы к заводу их отношения не имеют, она не переселилась. Жильцов не оскорбляла и антисоветской агитацией не занималась, «а наоборот, я слышу от жильцов, а также от домохозяина Гонтова всяческие оскорбления и угрозы

в отношении того, что если я не освобожу квартиру, то меня уволят с завода или оденут рубаху и отправят в больницу» (лл. 6-6 об.). О какой рубахе речь, станет ясно ниже.

Допрошена и 13-летняя пионерка Гонтова Елена Минеевна (лл. 8-8 об.). Ей Ильюхина говорила: «Это все неправда, что пишут в газетах, вот когда я была под Ленинградом, то мы рыли противотанковые рвы, а Гитлер все перешагнул...» И еще: «Раз над Омском светят прожектора, это значит, под городом Омском уже фронт!». Кроме того, Ильюхина называла их жидами, нанося всяческие оскорбления.

Мать, Гонтова Мэри Моисеевна (1906 г. р.), подтвердила показания дочери и то, что Ильюхина грозилась их всех перестрелять (л. 9).

Соседка, Синица Феодосия Никифоровна (1884 г. р.), показала, что 27-28 ноября Гонтова позвала ее, чтобы она послушала, как Ильюхина ругает их и Советскую власть. Увидев ее, Ильюхина закричала: «Вы что, свидетеля позвали? Я все равно никого не боюсь, ваша власть жидовская, вы попрятались все, а я на трех фронтах была. И если вас Гитлер не успеет здесь перестрелять, то я сама вас перестреляю» (лл. 11-11 об.).

Неожиданным среди подобных протоколов смотрится протокол допроса Сипенковой Галины Николаевны (1915 г.р.), к конфликту отношения не имеющей, из которого узнаем, что сын, оказывается, не живет с Ильюхиной, а живет у Сипенковых, оформивших над ним опекунство. Муж Сипенковой работал в Ленинграде на одном заводе с Моисеевым Николаем Григорьевичем, отцом Нинела (не сразу сообразишь, что имя сына от перевернутого «Ленин». – *П. Б.),* который сейчас на Ленинградском фронте. Сипенкова, в частности, показала: «Опекунство над Нинелом нами оформлено лишь потому, что в г. Омске проживает Нинела мать – Ильюхина Александра Алексеевна, которая всячески старается учинять скандалы при посещении нашей квартиры». При этом продуктовые карточки на Нинела оформили и опекуны, и Ильюхина (лл. 7-7 об.).

Запрошена характеристика с завода. *«Ильюхина А. А. поступила на завод № 166 с 27 октября и послана в цех в качестве слесаря. Проработав три дня, была направлена в ОНиУ по причине, что она не имеет элементарных правил и навыков слесарного дела. После этого ее послали в другой цех, а потом в столовую. В столовой она со всеми ругается площадной бранью. Со мной – о просьбе дать ей комнату, где нет евреев, проявив в разговорах полнейший антисемитизм.*

За короткий срок пребывания ее на заводе политическую характеристику дать не могу. Председатель завкома завода № 166 Антонов 4.12.41 г.» (л. 14).

На основании этих материалов 9 декабря следователь Швик предъявляет Ильюхиной постановление о привлечении в качестве обвиняемой по ст. 58-10 ч. II, Ильюхина отказывается подписывать постановление, как и в дальнейшем, все протоколы допросов. В этот же день производится очная ставка с домохозяйкой Гонтовой М. М. и соседкой Синицей Ф. Н. и обыск комнаты Ильюхиной.

На очной ставке Ильюхина отрицает антисоветскую агитацию и говорит, что Гонтова показывает на нее ложно, чтобы выселить из квартиры, а отчего

показывает ложно Синица, она не знает. При обыске обнаружено 43 предмета, включая документы. Весь нехитрый скарб: платья, простыни, посуда, зонт, керосинка, ручные часы, 2 кг муки, ножницы, – оставлены на сохранение домохозяйке Гонтовой М. М. (л. 19).

Следователь Швик подготовил материалы для передачи в облсуд, но начальник следственного отдела А. Холева послала дело на доследование, поручив его ст. следователю Можальской, с указанием допросить председателя завкома о настроении и поведении Ильюхиной на заводе, попечителей ее ребенка, о причинах передачи им ребенка, а также предъявить наряду со статьей 58-10 обвинение по ст. 59-7 (л. 23).

Председатель завкома Антонов Д. И. показал, что сталкивался с Ильюхиной два раза. Первый раз она просила квартиру, где нет евреев. На его вопрос, почему она не хочет жить, где живет, Ильюхина заявила, что с ней живут бандиты, которые хотят на нее надеть усмирительную рубашку. *«Второй случай был, кажется, 8 декабря. Ильюхина явилась ко мне в завком в истерике, заявляя, что ее убивают. Я спросил, кто и где. Мне Ильюхина сказала, в магазине № 58 – это при заводе. Я позвонил в магазин, откуда мне общественный контроль Алуев рассказал, что Ильюхина шла без очереди, ее не пустили. Она схватила гирю, поцарапала Алуева, о чем был составлен акт, и Ильюхина была уволена»* (лл. 25-25 об.).

Из акта и показаний Алуева и предстают подробности инцидента в магазине. Ильюхина хотела купить без очереди муки. Когда ее не пустили, она плакала и кричала, что имеет право получать вне очереди, потому что она с фронта и имеет разрешение от Сталина. Кричала: «Все вы тут заодно гитлеровские омичи, жулики, гопники и еврейские шкурники».

Эти слова позднее будут фигурировать в обвинительном приговоре суда, наряду с другими высказываниями. Допрошенный слесарь Пчеловодов сказал, что после перевода в столовую Ильюхиной казалось, что все там воруют, рабочие подтрунивали над ней, что она производит впечатление психически нездорового человека.

На повторном допросе Сипенкова Г. Н. поведала, что Нинелу Ильюхина является неродной матерью. Он от случайной связи Моисеева с женщиной, с которой у него нет ничего общего. Когда эвакуировались, у Моисеева умерла жена, и Сипенковы предложили взять Нинела временно на воспитание. На первом допросе, как мы помним, она называла Ильюхину матерью, а не мачехой. Поведала Сипенкова также, что Нинел не хочет к ней идти, называет ее «Ильюшкой», рассказывал, что Ильюхина помещалась несколько раз в сумасшедший дом. Однажды она сказала Нинелу, что работает на заводе, договорилась с директором, тот дает ей самолет, и они полетят на фронт к папе. При посещениях скандалит, ее мужу Сипенкову сказала: «Ты спрятался от фронта, а я от бомб катилась под откос» (лл. 30-30 об.). Производит впечатление психически ненормальной.

Следователь Можальская направляет Ильюхину из тюрьмы в психбольницу на психиатрическую экспертизу. Через неделю комиссия в составе главного врача Омпсихбольницы Казаковой-Малаховой, врачей Смирновой и Марко-

вой представляет следствию «Акт судебно-психиатрической экспертизы» (л. 33), в заключении которого значится*: «На основании изложенного полагаем, что у следственно заключенной Ильюхиной психоза нет – имеется истероидная психопатия с чертами легкой возбудимости, лживости, неуживчивости. Ильюхина отдавала отчет в своих действиях и поступках, а поэтому за совершенное преступление нести ответственность может – вменяема*».

Наверно, это непросто, определить, когда человек отдает отчет в своих действиях, а когда нет. В деле подшит документ, что-то вроде медицинской карты, дающий право на пенсию, из которого следует, что еще в 1927 году психиатрической экспертизой у Ильюхиной определена истерия в тяжелой форме, она признана инвалидом II группы. Но затем, похоже, после многочисленных медицинских переосвидетельствований пенсия была отменена.

В Омском же акте после описания нервной системы и психики Ильюхиной есть любопытный пункт, во многом раскрывающий истоки этой истерии: «Из анамнестических сведений, полученных от испытуемой. Отец умер в 1918 г. от воспаления легких. Мать зарезало поездом в 1934 г. В детстве в школе не училась. С девяти лет жила в няньках (напомню, что Ильюхина с 1901 г. р.). В 1920 г. года полтора (так в тексте. – П.Б.*)* ухаживала за тифозными бойцами. С 1924 г. работала уборщицей. С 1936 г. – слесарь. Работу меняла часто, увольняли 3–4 раза как не справившуюся с работой. Первый раз выходила замуж в 1930 г., жили два года – разошлись. Второй раз в 1931 г., жили 6 месяцев – также разошлись. Имеет одного ребенка от второго брака. Ребенок жил с ней до семилетнего возраста. С 1938 г. живет с отцом. Говорит, что неоднократно подавала в суд на мужа, чтоб он отдал ребенка. Он же в день намеченного суда подговаривал милицию, «каждый раз отвозили в психбольницу» – помещали раз 9. В больнице ее обижали. Связывали и делали уколы. Все жильцы настроены против нее. Задевают, ругают ее и даже бьют. Ребенка отец и другие люди настроили против нее. Он ее сейчас боится, т. к. все ее считают психически больной».

Затем было судебное заседание и приговор от 19 января 1942 г. (л. 57). Суд в составе председателя Шарковой, заседателей Мухина и Чапской, в присутствии прокурора Гольдберга, адвоката Турецкого и секретаря Мрачковской за контрреволюционную агитацию, направленную на разжигание национальной розни приговорил Ильюхину А. А. к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет.

Дальнейшая судьба Ильюхиной неизвестна. Стоит лишь добавить, что в соответствии с Законом РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Ильюхина А. А. полностью реабилитирована. В заключении о реабилитации сказано, что «в приведенных свидетелями высказываниях отсутствуют квалифицирующие признаки, предусмотренные статьями 58-10 ч. II и 59-7 ч. II УК РСФСР», а также, что суд не учел, что данные высказывания допускались во время ссор из-за жилья и что осужденная страдала истерией в тяжелой форме.

Справка о реабилитации № 13 от 12.08.1992 г.

«КРАСНЫЕ ОТЦЫ» ОБЛАСТИ

Их еще называют «красными губернаторами», но суть от этого не меняется: речь идет о людях, которые определяли судьбу области после революции, являлись руководящей и направляющей силой для исполнительной власти во всех сферах жизни Омска и Омской области. Всего было 16 первых секретарей омского обкома партии. Кто же они и какими делами остались в истории?

Секретари предвоенной и военной поры

Первым секретарем Омской области был Дмитрий Булатов (с марта 1934 по октябрь 1937 года). С октября 1937 г. по ноябрь 1937 г. правил Зиновий Симанович. Оба они были расстреляны.

«Отцы» области подолгу в креслах не засиживались. Судите сами. Первыми секретарями обкома в предвоенные и военные годы были:

Наумов Федор Петрович – 11.1937 – 12.1938 г.

Невежин Николай Иванович – 12.1938 – 06.1940 г.

Кудинов Михаил Андреевич – 06.1940 – 12. 1943 г.

Румянцев Сергей Степанович – 12. 1943 – 01. 1949 г.

Столь быстрые смены руководителей наводят на мысль, не стали ли они жертвами политических репрессий. Но архивные документы позволяют с уверенностью сказать, что после Симановича все 14 секретарей омского обкома партии умерли своей смертью или здравствуют поныне.

Николай Невежин прибыл в Омск в 1938 году из Ростова-на-Дону с должности заведующего сельхозотделом обкома ВКП (б). Через полтора года работы первым секретарем в Омске решением ЦК от 5.06.1940 г. был направлен на учебу в высшую школу парторганизаторов, но вместо этого почему-то оказался на должности 3-го секретаря Тамбовского обкома ВКП(б), что иначе как понижением считать нельзя. С сентября 1941 года на фронте, начальник политотдела дивизии, корпуса. Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Александра Невского, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Умер в 1973 году (ИсАОО, ф. п-17, оп. 29, д. 639).

Михаил Кудинов был командирован ЦК в Омск на должность 2-го секретаря обкома в апреле 1940 года, и уже 11 июня в свои 36 лет на пленуме обкома был избран первым секретарем (54 голоса «за», один – «против»). Ему, пожалуй, достались самые горячие и суровые дни. С первых месяцев войны в Омск стали прибывать эшелоны с эвакуированными заводами. Станки устанавливались часто прямо в поле и начинали работать, еще не имея стен цехов. Рабочих надо было обеспечить питанием, жильем. Строили в основном, конечно, бараки. Тем не менее в кратчайшие сроки был налажен выпуск авиационных

моторов и самолетов. Старые предприятия переоборудовались на выпуск военной продукции. Но кроме этого, строились и новые предприятия. В начале 1942 года были построены кордная фабрика и шинный завод, появились первые омские шины. В 1943 году заработала ТЭЦ-2. В этом же 1943 году был открыт машиностроительный институт и несколько техникумов. Всего за годы войны было построено 600 тыс. кв. метров производственных площадей и 200 тыс. кв. метров жилья.

ЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 590
Маленков
Никаламин
Удостоверение М.А. Кудинова, подписанное Маленковым

Неоценимую помощь фронту оказывало село. Любопытно, что, несмотря на явные достижения в промышленности, Михаил Кудинов был награжден 11 мая 1942 года орденом Ленина со следующей формулировкой: «За выдающиеся успехи в сельском хозяйстве и в особенности за освоение новых земель, расширение посевных площадей и повышение урожайности сельхозкультур».

Из Омска Кудинов был направлен первым секретарем Днепродзержинского горкома, видимо, на восстановление разрушенного хозяйства. Умер в 1975 году в Одессе (ИсАОО, ф. п-17, оп. 48, д. 402).

Преемник Кудинова Сергей Румянцев тоже, очевидно, неплохо знал дело. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». После Омска работал инспектором ЦК, первым секретарем Великолуцкого обкома. Умер в 1969 г.

Послевоенные

Очередная пятерка «первых»:
Киселев Николай Васильевич – 01. 1949 – 12. 1951 г.
Кузик Леонид Иванович – 12. 1951 – 08. 1952 г.
Лебедев Иван Кононович – 08. 1952 – 04. 1955 г.
Колущинский Евгений Петрович – 04. 1955 – 08. 1961 г.
Манякин Сергей Иосифович – 08. 1961 – 03. 1987 г.

Евгений Колущинский по сроку правления уступает только Манякину, а вот в памяти народной остался лишь как разрушитель Тарских ворот. Знавшие его люди отмечали также хамство и резкость в общении с подчиненными.

Дались же ему эти ворота! Первую попытку снести их он сделал в 1953 году. Но тогда Омский отдел Географического общества во главе с известным краеведом Андреем Палашенковым подняли общественность и сумели отстоять памятник культуры. Но власть от сноса не отказалась. В 1955 году с ворот сорвали крышу, а в 1959 году Колущинский приказал снести их.

Не сложились отношения у Колущинского и с писателями. В 1956 году

вышел роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и повесть Л. Кабо «В трудном походе». Местный критик Эдмунд Шик отозвался на эти произведения сдержанным положительным отзывом, напечатанным в «Омской правде». Из-за этой публикации было созвано бюро обкома, где было высказано, что «Дудинцев порочит хозяйственный и партийный аппарат», а Кабо обвинили в искажении советской школы и клевете на преподавательский состав. Досталось работникам отдела агитации и пропаганды. Колущинский их наставлял: «Надо иметь ввиду, что очень много всякой дряни крутится вокруг редакции (это «Омской правды»-то! – П.Б.) и издательства».

Впрочем, времена изменились, книги были изданы не в Омске, и наказание газетчикам было мягким: завотделом Сергеевой поставлено на вид, а и.о. гл. редактора М. Филимонову указано на недостаточное внимание к публикациям по литературе.

Показателен пример с уничтожением 15-тысячного тиража повести Леонида Шевчука «Торжественная весна», за которую редактор омского издательства Курнева В.С. получила выговор. Шевчук (к слову, зять Курневой) представил повесть на семинар. Приехал из Москвы некий О. Хавкин и раскритиковал ее. Хавкина поддержал завотделом пропаганды и агитации, написав Колущинскому, что «по своим художественным достоинствам и по содержанию повесть безыдейна от первой до последней страницы». 10 января 1961 года вопрос по книге рассматривался на бюро обкома (ЦДНИИО, ф.17, оп.1, д. 7759), где было констатировано: «Подготовленная к выпуску в свет книга Л. Шевчука по своему содержанию безыдейна, пронизана пошлостью. Язык повести вульгарен и фальшив. Автор, изображая жизнь студенчества и учителей, по существу игнорирует роль общественных организаций в воспитании молодежи, уводит читателя в мир эгоистических переживаний и индивидуализма, в развязном тоне повествует о деятельности советской интеллигенции, приписывая ей вымышленные несовместимые с моральным обликом советского человека поступки…» Чем не понравился язык автора? «У него имеются такие выражения, как «скинемся», «раздавим бутылочку», «вкалывать», «ха-ха, хо-хо!», «баба по достоинству», «дать по мордасам» и т.д. и т.п. Да, какое все-таки целомудренное было время! Почитали бы члены бюро обкома, каким языком разговаривают герои сегодняшних книг.

Шевчук писал Хрущеву, ездил в Москву, но ничего не добился. Видимо, эта неудача его подкосила и как писатель он не состоялся.

И уж совсем не сложились отношения у Колущинского с омским писателем Леонидом Ивановым. Прекрасный знаток сельского хозяйства Иванов в своих очерках выступал за трехпольную систему земледелия с использованием паров, против сева по указке начальства, за внедрение передовых методов Мальцева… Отношения не сложились настолько, что Колущинский рекомендовал Иванову переехать в другой город, заявив, что тот мешает проведению линии партии в деревне.

Вот из-за таких фактов и сложился отрицательный образ Колущинского. А ведь при нем был построен нефтезавод и городок Нефтяников, происходило освоение целины…И, может, не зря его наградили двумя орденами Ленина, двумя орденами Знак Почета и медалью «За освоение целинных земель».

А с целиной оказалось не все так просто. После первых неплохих урожаев эйфория вскоре прошла. Земля стала выветриваться. Очевидцы рассказывают о горах земли у лесополос и голых полях, на которых как по асфальту катались зерна посеянной пшеницы. Урожайность упала до 3 центнеров с гектара или и того меньше. Именно такую картину застал на селе Сергей Иосифович Манякин, возглавивший область в августе 1961 года. Агроном по образованию он сразу обратил внимание на то, что такая печальная картина не во всех хозяйствах, стал разбираться и выяснил, что хорошие урожаи в тех хозяйствах, где используется безотвальная система вспашки по методу Мальцева и Бараева. В отличие от Колущинского он подружился сразу после первой встречи с Леонидом Ивановым и прислушивался к его советам. Внедрение метода Мальцева сразу дало ощутимые результаты. Урожайность повысилась до 20 центнеров с гектара, а в иных районах и свыше 30 центнеров. В 1982 году было сдано государству более 2 млн тонн хлеба. Область вышла на одно из первых мест в стране по производству так называемой сильной пшеницы.

Сергей Манякин возглавлял область до марта 1987 года. И чтобы описать все, что при нем сделано, потребуется целая книга. Впрочем, такая книга есть, ее написал сам Манякин, называется она «Сибирь далекая и близкая».

У нас сложился «колбасный» стереотип оценки уровня жизни. Воспользуемся и мы им. Автор этих строк приехал в Омск по распределению из Казани в 1972 году. И, зайдя в обычный продовольственный магазин, поразился количеству сортов колбасы. Если в Казани можно было купить один-два сорта вареной колбасы, то в Омске круги «Краковской» залеживались на прилавке. А ветчина по вкусу была куда лучше нынешней! Ходила легенда, что будто Манякин держит специальный неучтенный совхоз, снабжающий Омск продовольствием. Впрочем, к концу 70-х положение стало ухудшаться, хотя во всю заработал Лузинский свинокомплекс. Москва стала забирать мясцо себе. Манякин пишет об этом так: «У нас же ситуация иногда принимала абсурдный характер. Омской области, несмотря на значительный рост производства молока и мяса, постоянно уменьшают фонды на эти продукты. Скажем, в 1975 году на местное снабжение выделила 63 тысячи тонн мясных продуктов из государственных ресурсов. В 1981 году – уже 53 тысячи тонн. А ведь область за десятую пятилетку увеличила среднегодовую продажу мяса государству на 13,3 тысячи тонн. Так почему бы и фонды не увеличить? Вместо этого их снизили…»

Деятельность Почетного гражданина Омска оценена по достоинству. В 1983 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награж-

ден пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны 1 и 2-й степени.

В 1995 году 72-летний Манякин был избран депутатом Государственной думы второго созыва. Умер 4 января 2010 г. в Москве.

После ухода Манякина с 1987 по 1991 гг. первые секретари обкома КПСС уже смотрелись как жертвы перестройки, и сегодня их мало кто помнит, хотя сами по себе они люди достойные. Евгений Похитайло был первым секретарем обкома КПСС с марта 1987 по декабрь 1989 г., Анатолий Леонтьев – с декабря 1989 по сентябрь 1990 г., Николай Журавлев с 18.09. 1990 по 30.11. 1990 г., Иван Назаров – с декабря 1990 по сентябрь 1991 г.

ЗАГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Официальная версия 1933 года

В архиве УФСБ по Омской области хранится дело под № ОУ-5700 о белогвардейско-казачьем заговоре 1930-33 гг. Состоит дело из 31 тома и открывается обвинительным заключением, на титульном листе которого значится: «Полномочное Представительство ОГПУ по ЗапСибкраю. Омский оперативный сектор. Сов. Секретно. Обвинительное заключение по делу ОУ-№ 3380 контрреволюционной белогвардейско-казачьей организации, ликвидированной на территории бывшего Омского округа. Омск. 1933 май». Ознакомимся с ним, не отрываясь далеко от текста.

«Омским Оперативным Сектором ОГПУ вскрыта и ликвидирована контрреволюционная белогвардейско-казачья повстанческая организация, проводившая подготовку к свержению Соввласти путем вооруженного восстания.

Указанная организация имела широко разветвленную сеть к.-р. ячеек в гор. Омске и Черлакском, Любинском, Тевризском, Н-Колосовском районе б. Омского округа, охватывая ими 26 населенных пунктов.

Руководство к.-р. организацией осуществлялось Омским к.-р. Центром, в состав которого входили: б.б. (бывший белый. – *П. Б.*) полковник Генерального штаба Шайтанов В. Е., колчаковские полковники: Подкорытов А. А., Сорокин Д. Д., Матьянов Н. К., Тиволович В. Я. и б.б. капитан Отте Н. Э.

История возникновения к.-р. организации

Следствием установлено, что в середине 1930 года б. полковник генштаба Шайтанов В. Е. встретился в гор. Омске с нелегально прибывшим в СССР из Харбина б.б. штабс-капитаном Ридзелем, который, ссылаясь на поручение атамана Семенова, указал Шайтанову на необходимость развертывания к.-р. работы среди б.б. офицерства и казачества. Тогда же Ридзель договорился с Шайтановым о создании в гор. Омске белогвардейско-казачьей организации.

О своей встрече с Ридзелем полковник В. Е. Шайтанов показал: «...В средине 1930 года, месяца точно не помню, я встретил своего знакомого, б. штабскапитан б/ Барнаульского полка – Ридзель, с которым я познакомился на Дальнем Востоке, куда он прибыл, имея намерение эмигрировать в Китай. Ридзеля я пригласил к себе на квартиру и разговорился с ним на тему о прошлой службе, о том, где он, Ридзель, сейчас находится, что делает и как себя чувствует.

Ридзель мне сообщил, что он находился долгое время в эмиграции, объехал ряд европейских стран, был также в Америке и последнее время проживал в Харбине. На мой вопрос – какие политические настроения существуют за границей? – Ридзель ответил, что война неизбежна. Япония упорно готовится к вооруженному столкновению с СССР, подготовляет к этому почву в Китае и внутренней Монголии, где стремится обеспечить свое господство, так как оттуда будут впоследствии развертываться агрессивные действия против Советского Союза.

Ридзель сообщил, что Япония мобилизует для активного выступления против Соввласти белую эмиграцию и, в частности, атаман Семенов находится в весьма хороших отношениях с Японией.

По словам Ридзеля, он виделся с атаманом Семеновым, будучи за границей, и лично знает, что белое офицерство за рубежом имеет свои организации и хорошо вооружено для того, чтобы побороться с Советами.

Я рассказал Ридзелю о невыносимо тяжелых условиях существования б.б. офицеров в России и о полном бесправии и произволе, который применяется в отношении бывших белых в СССР и высказал желание с удовольствием выехать за границу.

На мое желание Ридзель ответил, что моя точка зрения совершенно неправильна, так как надо не бежать отсюда, а наоборот, находиться здесь и организовывать население на борьбу против большевиков, указав на то, что даже из-за границы сейчас направляется много людей в Россию, для того чтобы тут развернуть работу по объединению русских национальных элементов с целью борьбы против коммунистов. При этом Ридзель прервал (так в тексте, очевидно – «перешел» – П. Б.) на секретный характер и сообщил, что он прибыл из-за границы недавно и не просто побывать в СССР, а со специальным заданием от атамана Семенова провести работу по созданию на территории СССР – на Д. Востоке, в Восточной и Западной Сибири, в частности, в б. Омском округе и на Алтае к.-р. организации, опираясь при этом на б. белых офицеров и на казачество...»

И далее: «...После этого Ридзель предложил мне провести работу по подрыву, подборке надежных людей из числа б. белых для создания к.-р. организации с задачей вооруженного свержения Соввласти, порекомендовал мне обратить внимание на Прииртышское казачество, где имеются хорошие кадры на случай восстания.

Ридзель же сказал, что о времени активных действий я буду своевременно поставлен в известность и возможно, что еще увидимся лично. Я дал согласие на проведение работы по созданию организации, и мы договорились действовать».

Об этом же полковник Подкорытов А. А. показал: «...Шайтанов мне сообщил, что он имеет кое-какие связи с заграницей... (далее рассказ о встрече Шайтанова и Ридзеля. – П. Б.) В середине 1931 года полковник Шайтанов приступил к созданию в г. Омске к.-р. организации, завербовав в нее б.б. полковников Сорокина Д. Д., Матьянова и Тиволовича, впоследствии образовавших руководящий центр к.-р. организации».

По этому вопросу Шайтанов В. Е. показал: «Возникновение организации относится ко второй половине 1931 года. Встречаясь со своими знакомыми, б. белыми офицерами, полковником Сорокиным Дмитрием Дмитриевичем, б. подполковником Матьяновым и б. подполковником Голышевым, я неоднократно вел с ними разговоры на политические темы, явно к.-р. характера...

Не имея перед собой никаких перспектив улучшения своего положения, мы приходили к выводу, что единственным выходом из создавшегося положения может быть только активная борьба за изменение существующего строя, так как причиной переживаемых нами лишений является Соввласть.

Учитывая подобные настроения, и все они были не единичными среди белого офицерства, и будучи враждебно настроенным по отношению к Соввласти, я решил повести практическую работу по созданию к.-р. организации, с целью подготовки вооруженного свержения Соввласти».

И далее:

«... В июле месяце 1931 года я переговорил о своих намерениях с б. белыми офицерами полковником Сорокиным Д. Д. и Матьяновым Н.К., которые полностью присоединились к моим предложениям о необходимости создания к.-р. организации... Вскоре после этого я договорился с б. полковником Тиволовичем...»

(Далее приводятся показания Сорокина и Матьянова, которые подтверждают факт встречи с Подкорытовым и Шайтановым в июле-августе 1931 года и согласия создания организации. – П. Б.)

Таким образом, создав Центр к.-р. организации, Шайтанов, Сорокин, Матьянов и Тиволович приступили к активной вербовке в к.-р. организацию б.б. офицерства, насаждению в гор. Омске к.-р. ячеек, а также установления связей с казачеством и к.-р. элементом в деревне.

Развертывание работы среди казачества, установление связей с к.-р. повстанческим подпольем в Тевризском и Н-Колосовском районах

В июле 1931 года член Омского к.-р. Центра Шайтанов завербовал в к.-р. организацию б.б. казачьего офицера Назарова М. Д., которому предложил приступить к созданию к.-р. организации среди Прииртышского казачества.

Выполняя поручение Шайтанова, Назаров установил связь с бывшим казаком Захаровым А. Ф., договорился с ним о развертывании практической работы по созданию к.-р. организации среди казачества и вербовке повстанческих кадров.

Об этом Шайтанов показал: «...В конце июля 1931 года я встретил своего хорошего знакомого, б. казака, старшего адъютанта казачьего войска Сибири

при Колчаке, казачьего сотника Назарова, с которым завел разговор о текущей политической жизни и о тяжелом положении казачества, указывал на то, что всему виной Соввласть, лишившая казачество привилегий, которыми оно пользовалось раньше...»

(Назаров согласился и сказал, что знает через знакомого казака Захарова о недовольстве и что в станице Щучье б. первого отдела Сибирского казачьего войска уже имеется к.-р. организация и что он приехал специально посоветоваться с авторитетным лицом. Шайтанов посоветовал без его ведома активных действий не предпринимать.

Далее идут выдержки из показаний Сорокина и Матьянова, подтверждающих сведения о вербовке Назарова и готовности казаков выступить с оружием в руках. – П. Б.)

Об этом же б. казак Захаров А. Ф. показал: «...В августе 1931 года в процессе разговора Назаров рассказал о встрече с Шайтановым и предложил поехать в Черлак и привлечь к созданию к.-р. организации брата-учителя Захарова Ивана Федоровича, который пользовался уважением среди казаков. К 1932 году созданы ячейки в Б-Атмасе, Татарке, Елизаветинке и др.»

Установив связь с казачеством, руководящий к.-р. центр поручил члену центра полковнику Сорокину Д. Д. нащупать и установить связь с деревенским к.-р. элементом.

В начале 1932 года удалось Сорокину связаться с руководителем к.-р. организации, существовавшей в Тевризском районе Топорищевым Ив. Ив., а в июле месяце 1932 года через завербованного в к.-р. организацию б. б. офицера Исаева Т. П. Сорокин установил связь с к.-р. организацией, существовавшей в Н-Колосовском районе. С указанными к.-р. организациями Сорокин договорился о подчинении их Омскому к.-р. Центру и о взаимных к.-р. действиях.

Об установившейся договоренности с руководителями Тевризской к.-р. организации Сорокин показал: «...Топорищев сказал, что такая к.-р. организация у них уже есть, начиная с 1930 г. Позднее узнал о существовании другой организации, которую создал ссыльный сын генерала, капитан Бурков. Узнал об этом от ссыльного б.б. офицера Александровича. На мой вопрос: «Есть ли у вас оружие?» Топорищев ответил, что пока у них есть оружие только около 50 единиц».

Топорищев об этом показал: «...В начале 1932 года я, будучи в гор. Омске, случайно встретился с моим хорошим знакомым б.б. офицером Сорокиным Д.Д.<...> Я первое время не решался сообщить ему о нашей организации, боясь провала, но потом пришел к заключению, что Сорокин предавать нас не будет и сообщил ему, что у нас есть такая организация <...> Через 2-3 дня я выехал из гор. Омска и, возвратившись в с. Утьму, о разговоре с Сорокиным передал Петрову А. П., который этим остался доволен и заявил, что так будет лучше, потому что там люди грамотные, умные и им видней, что и как делать».

(Данные сведения подтвердили руководители ячеек Тевризской организации Соколовский и Попков. – П. Б.)

Об установлении связи с Н-Колосовской к.-р. организацией и подчинении

ее Омскому к.-р. Центру полковник Сорокин Д. Д. показал: «Через б.б. офицера Исаева Тихона Михайловича, который в августе сообщил, что удалось создать к.-р. организацию через знакомого Репина Василия Дорофеевича в дер. Владимировке Н-Колосовского района. По его словам, членов организации в Н-Колосовском районе более 20 чел.

Руководитель Н-Колосовской к.-р. организации Репин В. Д. показал:

«... В 1932 году, в августе месяце, будучи в Омске, я встретился со знакомым, б.б. офицером Исаевым Тихоном Ивановичем. Последний происходит из Н-Колосовского р-на с. Крайчиково, где до прихода Соввласти имел крупные торговые предприятия.

Узнав об отрицательном отношении крестьян, Исаев сказал: «Это вполне понятно, Соввласть порабощает крестьянство, грабит их хозяйство, загоняет насильно в колхозы, в которых заставляет бесплатно работать на государство. Такая политика проводится не только в отношении крестьян. Так же, еще в большей степени, угнетается интеллигенция и остальное население страны. Нужно недовольство населения властью использовать и направить его на борьбу против власти. Вам, как жившему среди крестьян, надо взяться за сколачивание крестьянской организации, которая бы проводила работу по подготовке людей для выступления в нужный момент против власти... На мои слова, что «у нас ядро такой организации уже имеется, которым ведется уже определенная а/с работа, но нет руководителей, которые бы знали военное дело», Исаев был весьма обрадован...»

Подчинение Омского филиала Краевому руководящему Центру к.-р. белогвардейского заговора

В начале января 1930 года Омский к.-р. Центр установил связи с Краевым руководящим Центром к.-р. белогвардейского заговора и подчинил всю свою практическую деятельность по подготовке восстания руководству этого к.-р. Центра.

Увязка произошла через бывшего полковника Подкорытова, проживающего в гор. Омске, который будучи вовлечен в к.-р. организацию б. полковником Булатовым, активным членом Новосибирского филиала к.-р. белогвардейского заговора, получил от него задание на создание в гор. Омске широкой к.-р. повстанческой белогвардейской организации.

По этому вопросу б. полковник Подкорытов показывает: «...Вербуя меня в к.-р. организацию, Булатов мне сообщил, что имеет поручение Краевого центра (переданное ему полковником Бутенко) нащупать связи и развернуть в гор. Омске и в районе б. Омского округа работу по созданию к.-р. повстанческой организации».

Выполняя задание Булатова по вербовке членов в к.-р. организацию, Подкорытов встретился с бывшим полковником ген. штаба Шайтановым, который в процессе разговора на политические к.-р. темы сообщил Подкорытову о наличии в гор. Омске крупной к-р. организации...

Получив информацию об Омской к.-р. организации, Подкорытов сообщил

Шайтанову о существовании краевой к.-р. организации, возглавляемой авторитетным к.-р. Центром во главе с б. генералом Болдыревым и полковником Бутенко...

Об этом Подкорытов показал: « ...Услышав фамилии полковника Бутенко и генерала Болдырева, Шайтанов заявил, что если такие дубы, как Харитон Ефимович, которого я хорошо знаю по Дальнему Востоку и генерал Болдырев взялись за дело объединения русского офицерства, за освобождение России от ига большевиков, то я глубоко верю в успех и конечную победу этого дела и могу смело сказать, что те усилия, которые нами будут положены на создание к.-р. организации и великий риск своей жизнью, – не будут напрасными...»

(О подчинении Омской организации Краевому Центру, возглавляемому генералом Болдыревым, сообщают в показаниях также п-ки Шайтанов, Тиволович и Сорокин. – *П. Б.*)

Структура организации

Построена по принципу «боевых ячеек». Член ячейки знает только руководителя ячейки, связанного с руководящим центром, что в случае провала одной ячейки, сохраняются остальные.

(На л.л. 24, 25, 26 – звания и фамилии командиров ячеек с численностью последних. – *П.Б.*)

Таким образом, Омский филиал к.-р. белогвардейского заговора состоял из 52 ячеек с общим количеством в них 408 чел. (привлечено – 352 чел.)

Справка: в цифру привлеченных руководители ячеек не входят.

Программно-политические установки к.-р. организации

Основной своей политической задачей к.-р. организация ставила свержение существующего строя и восстановление буржуазно-демократической республики.

По этому вопросу член Омского белогвардейского Центра полковник Подкорытов показал:

«...Программно-политические установки таковы: формой государственной власти организация считает буржуазно-демократическую республику, но на первое время, пока не окрепнет власть, устанавливается военная диктатура, опирающаяся на демократические элементы.

Считаем возможным как форму сохранить Советы, но решительным образом изгнать из них коммунистов и расширить круг избирателей, восстановить в правах те категории населения, которые были лишены избирательных прав при Соввласти.

Коммунистическая партия подвергается разгрому. Отдельные коммунисты, признавшие вредность коммунистических идей, на деле показавшие свой отход от коммунизма, могут быть использованы организацией и даже легализованы.

На мой вопрос об отношении к деревне Булатов сказал, что организация стоит на точке зрения ликвидации всех принудительно созданных колхозов и объявления свободных форм ведения сельского хозяйства. МТС ликвидируются полностью, и весь тракторный парк передается сельским обществам.

Всевозможные заготовки, проводимые Соввластью, отменяются. Государство заготовки производит на свободном частном рынке по существующим общим конъюнктурным ценам. Крупная промышленность и транспорт остаются в руках государства.

В области внешней политики, по словам Булатова, к.-р. организация считала необходимым заменить монополию обычной таможенной политикой, значительно сократить экспорт товаров и насытить ими внутренний рынок...»

«...К.-р. казачья организация с политическими установками к.-р. белогвардейской организации не соглашалась и выдвигала свои установки, беря ставку на восстановление монархического строя и атаманщины.

Свое согласие на подчинение Краевому Центру казачья к.-р. организация дала, учитывая лишь целесообразность совместных действий в вопросе свержения Соввласти».

(О том же показали Шайтанов, Тиволович, Матьянов, Назаров и братья Захаровы. В частности, Захаров А. Ф. говорил: «Когда мы, казаки, были самостоятельной войсковой единицей, несли охранную службу, пользовались почетом, привилегиями от царского правительства в виде хороших земельных участков, освобождались от податей и жили припеваючи, а теперь всего этого нас Соввласть лишила...» – П.Б.).

Тактические установки к.-р. организации. План восстания

а) сроки восстания

Из показаний Подкорытова:

«...Сроком восстания, наиболее подходящим, является начало войны Японии против Совсоюза... Булатов сообщил, что к.-р. организация ставит в задачу в самом начале войны повстанческими действиями нанести удар в тылу, чтобы дезорганизовать мобилизационную перестройку страны, отвлечь на тыл внимание правительства и показать этим неблагополучие внутри страны и дать сигнал интервентам к наступлению на Советский Союз».

(То же показал Шайтанов)

б) план восстания

Из показаний Подкорытова:

«...На мой вопрос о конкретных мероприятиях по поднятию восстания Булатов сказал: «Когда получится извещение Краевого руководящего центра о выступлении, все члены руководящей группы связываются с руководителями боевых ячеек и дают распоряжение о практических действиях. Боевые ячейки производят налеты на милицию, Осоавиахим, захватывают там оружие и, вооружась сначала этим оружием и оружием, имеющимся у членов организации, уничтожают советский актив, коммунистов и захватывают власть в свои руки».

Дальше Булатов дал указания, что в восставших районах взамен свергнутой Соввласти должно создавать «комитеты борьбы», которые принимают на себя всю полноту власти и осуществляют руководство восстанием...»

(То же показали Шайтанов, Матьянов, Тиволович, Назаров, братья Захаровы. Шайтанов добавил, что для привлечения крестьян должны были ис-

пользоваться лозунги: «Долой войну, не хотим воевать, долой коммунистов, защитников войны!», « Да здравствует Советская власть без коммунистов!», «Долой заготовки в деревне, долой голодный паек в городе, да здравствует свободная торговля!», «Долой колхозы и совхозы, да здравствует свободный труд!» – П.Б.)

Практическая деятельность к.-р. организации

Практическая деятельность производилась по следующим основным направлениям:

1) насаждение боевых к.-р. повстанческих ячеек;

2) организация подрывной и вредительской деятельности в колхозах;

3) организация хозполиткампаний;

4) вредительство в постановке учебного дела путем:

а) умышленного вредительства в подготовке кадров учащихся;

б) протаскивания в процессе преподавания чуждой идеологии и игнорирование советских учебников;

в) несвоевременный выпуск студентов и затирание рабочей части студенчества;

г) срыва занятий;

5) работы по изысканию оружия для повстанческих целей.

Вербовка повстанческих кадров

Лично Шайтановым завербованы Катанаев Д. – б. подъесаул казачьего войска, Назаров М.В. и др. Назаров завербовал Захарова А.Ф., Блохина В., Фролова, Грачева, Тычинского...

Тычинский завербовал Набокова и т. д.

Вредительская деятельность в колхозах

...В результате подрывной деятельности к.-р. организации только на территории Черлакского района по справкам с/советов и колхозов расхищено, вредительски забито, пало колхозного скота 2247 голов, в том числе лошадей – 402 головы, коров – 200, телят – 717, овец – 821, свиней – 107. Осталось неубранными урожая разных культур 322 га, расхищено 343 центнера пшеницы и картофеля и 218 центнеров сена.

Общий убыток, принесенный вредительской деятельностью к.-р. организацией колхозам Черлакского р-на выражается по твердым государственным ценам в сумме 145 021 р. и в Тевризском р-не на сумму 171 732 р., а всего на сумму 366 853 руб.

Член к-р. ячейки с. Кип Тевризского района Страхов Василий показывает:

1) затягивал ремонт инвентаря;

2) некачественно пахал так, что приходилось перепахивать;

3) работая сеяльщиком, уменьшал норму высева вдвое, остальное – присваивал.

Член к.-р. ячейки с. Татарка Черлакского р-на к-з им. Калинина Петлин Н.П. показывает:

«... В результате умышленного несвоевременного лечения и плохого надзора я уничтожил около 50 лошадей».

Член Уражской к.-р. ячейки Тевризского р-на Попов Николай дал следующие показания:

«... За время пребывания в колхозе я совершил следующие вредительские акты:

1) работая пахарем, старался быстрей измучить лошадей, пахал очень мелко;

2) работая конюхом, я сознательно доводил лошадей до такого состояния, что из 20-ти порученных мне 8 совершенно не могли работать. По моей вине пало 2 лошади;

3) работая машинистом полусложной молотилки, я в январе 1933 года вместе со снопом сунул в барабан половину кирпича, вследствие чего молотилка вышла из строя на 5 дней.

В отдельных случаях члены к.-р. повстанческой организации как метод вредительства и нанесения ущерба колхозам применяли поджог колхозного имущества.

Практическая деятельность по изысканию оружия

Поставив перед собой задачу – подготовку вооруженного восстания участники к.-р. заговора практически ставили вопрос о приобретении оружия.

При аресте участников к-.р. организации была изъята 81 единица оружия: боевых винтовок военного образца – 6 шт., охотничьих винтовок – 18, охотничьих ружей – 55 и револьверов – 2 шт.

(Далее показания Шайтанова и др. о методах добывания оружия: налеты на милицию, ОСО, воинские эшелоны...)

Наряду с этим Омским руководящим к.-р. Центром поднимался вопрос об использовании имеющихся в распоряжении ГорОСО 2-х пулеметов в момент восстания. С этой целью член Центра Шайтанов договорился с членом к.-р. организации б. штабс-капитаном Озолиным – начальником штаба боевой подготовки ОСО о передаче в момент вооруженного восстания имеющихся в ОСО пулеметов системы «ШОША».

На основании вышеизложенного обвиняются:

1) Шайтанов Владимир Евгеньевич, 2) Подкорытов Аполлон Аполлонович, 3) Сорокин Дмитрий Дмитриевич, 4) Матьянов Михаил Иванович, 5) Тиволович Владимир Яковлевич, 6) Оттэ Николай Эмильевич.

Обвиняются в том, что являлись инициаторами и непосредственными организаторами Омского филиала к.-р. белогвардейского казачьего заговора ЗСК, проводили широкую работу по созданию к-р. повстанческого подполья путем насаждения сети к.-р. повстанческих ячеек в гор. Омске среди б/б офицеров и вербовки участников в эти ячейки, являлись инициаторами создания к.-р. повстанческого подполья среди прииртышского казачества, среди крестьянства Тевризского и Н-Колосовского р-нов, идейно и практически руково-

дили подготовкой вооруженного восстания и к.-р. подрывной вредительской деятельностью на территории б. Омского округа. В процессе практической деятельности по подготовке восстания установили связь и вошли в подчинение краевого руководящего Центра к.-р. белогвардейского заговора в ЗСК, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.п. 2, 11 УК.

(Далее перечисляются 26 фамилий руководителей ячеек, которые также обвиняются по ст. 58 п.п. 2, 11. – П.Б.)

1) Назаров Михаил Денисович, 2) Набоков Михаил Михайлович, 3) Захаров Александр Федорович.

Обвиняются в том, что являлись руководителями и организаторами повстанческого подполья среди прииртышского казачества, насадив сеть боевых к.-р. ячеек в прииртышских казачьих станицах с общим числом 208 участников.

Руководители к.-р. ячеек в колхозах являлись организаторами к.-р. кулацкого саботажа выполнения внутриколхозных мероприятий и хозяйственных политических кампаний, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.п. 2, 11.

(Далее перечислены руководители ячеек, 30 человек, обвиняемых по ст. 58 п.п. 2, 11, 7. – П.Б.)

Материалы в отношении всех вышеперечисленных лиц выделены и направлены на рассмотрение Особого Совещания при комиссии ОГПУ

1. Щегловитов Петр Васильевич, 1883 г. р., уроженец г. Острожка, русский, СССР, в белой армии служил чиновником особых поручений, образование нижне-среднее, женат, трое детей, б/п, не судим. До ареста служил зав. базой КОКТ, проживал в г. Омске Комсомольская ул., 45. Виновным себя признал.

(Далее на лл. 59-105 список обвиняемых. – *П. Б.*)

Обвиняются в том, что состояли членами к.-р. повстанческой организации, подготовлявшей вооруженное восстание в целях свержения соввласти, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 пп. 11 и 2 УК, а посему, -

ПОЛАГАЛ БЫ:

на основании приказа ОГПУ настоящее дело по обвинению 288 человек представить на внесудебное рассмотрение Тройки при ПП ОГПУ по ЗСК

Начальник особого отдела Начальник СПО

(Шамарин) (Мартон)

Верно: Оперуполномоченный ОО ОС (Егоров)».

Официальное расследование 1956 года, или Как это было

Итак, из обвинительного заключения перед нами предстает заговор с весьма разветвленной сетью участников, из которых 352 человека были арестованы и проходили по данному делу. В его реальности как бы нет оснований сомневаться. Ведь еще живы большинство участников Гражданской войны, еще горячи в памяти ее страшные картины, от Ишимского восстания 1921 года отделяет чуть больше 10 лет, а Муромцевское восстание 1930 года только-только подавлено. Недавно завершилась коллективизация, и недовольных ею

было достаточно, особенно в Сибири. Так что заговор мог вполне быть. Да и три десятка томов, состоящих из протоколов допроса, очных ставок, с признаниями и непризнаниями в участии в белогвардейско-казачьем заговоре, с различными справками и прочими официальными документами следственной бюрократии являются весомым аргументом его реальности.

И лишь когда начинаешь вчитываться в документы, в глаза бросаются моменты, которые вызывают недоумение и желание разобраться, что же тогда было на самом деле. Например, на титульном листе обвинительного заключения стоит май 1933 г., судьбы всех уже распределены, а по протоколам видно, что в мае вовсю идут еще допросы участников заговора. Поражает однообразие в формулировках признаний и явные хронологические нестыковки. Даже руководителей Центра называют то полковниками, то подполковниками… Но исследователю не суждено здесь открытие истины. Следственные органы сделали это сами.

Произошло это в 1956 году, когда подул ветер перемен. Хотя прошло уже двадцать три года, оставшиеся в живых участники событий добивались справедливости и забрасывали официальные органы, вплоть до Верховного Совета, жалобами и просьбами о пересмотре дела.

Занимался изучением дела лейтенант госбезопасности Быстров. Он нашел и допросил 33 человека, которые проходили по делу и отбыли различные сроки в лагерях. Вот что он, в частности, написал в своем «**Заключении**» от 18 марта 1957 года:

«Я, следователь следственного отдела Управления КГБ при Совете Министров Союза ССР по Омской области лейтенант Быстров, рассмотрев архивно-следственное дело № 206332 и материалы проверки по нему, – нашел:

В 1932-33 годах Омским Оперативным Сектором ОГПУ были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по настоящему делу:

1. Щегловитов Петр Васильевич

…….

288. Князев Ипполит Семенович»

Далее он пишет об истории создания организации и о том, что из 288 человек виновными себя признали 264.

Внимательный глаз Быстрова заметил то же, что заметили и мы: «Протоколы допроса абсолютного большинства арестованных написаны трафаретно, неубедительно и с наличием существенных противоречий. Показания в части вредительской и антисоветской агитации проверке не подвергались и другими объективными доказательствами не подтверждались…

Материалы на всех руководящих членов повстанческой организации из дела были выделены и направлены в Новосибирск для приобщения к находившемуся там в производстве следственному делу (арх. № 593376) по обвинению Болдырева, Бутенко и других руководящих участников повстанческой организации».

Приводит лейтенант Быстров и примеры явных нестыковок и противоречий.

«Так, в протоколе допроса Ридзеля от 14 февраля 1936 года (так в тексте, вероятно Ридзель был арестован позднее. – *П. Б.*) записано: «В бытность мою

в Харбине, я среди белоэмигрантов весьма часто слышал об этом Шайтанове… По приезде в Омск в 1927 году, я наводил о Шайтанове справки… Могу сказать твердо, что первая встреча произошла или на квартире Симонова или в ресторане у моста через Омь. Больше вероятности, что эта встреча произошла у Симонова…

Шайтанов же 10.05.1933 г. показал: «В середине 1930 года, месяц точно не помню, я встретил своего знакомого, бывшего штабс-капитана Ридзеля… Ридзеля я пригласил к себе на квартиру и разговаривал с ним о прошлой службе…»

Сам Ридзель при допросах на предварительном следствии показывал, что имел звание подпоручика и в белой армии не служил. Фамилия атамана Семенова в его показаниях не упоминается.

В процессе предварительного следствия по делу Ридзеля были допрошены в качестве свидетелей супруги Симоновы. Эти свидетели показали, что Ридзель действительно проживал у них в течение 4-5 суток, но это было летом 1927 года, причем Шайтанов у них на квартире не был».

Еще одна несуразность, на которую обратил внимание лейтенант Быстров: «Если учесть, что Подкорытов был арестован и привлечен к уголовной ответственности по настоящему делу 25 февраля 1933 года, т. е. немногим более чем через месяц после установления связи с Шайтановым, то становится сомнительным, что он в такой короткий срок сумел лично сам завербовать в организацию Медведева, Кудрявцева, Веришко и Оттэ, которые в свою очередь также завербовали ряд лиц, ставших затем руководителями повстанческих ячеек».

И главное: «Из числа арестованных и осужденных было установлено и передопрошено 33 человека. Все передопрошенные заявили, что показания, которые они давали на предварительном следствии, не отвечают правде и что эти показания они подписали тогда в силу нарушения следователями социалистической законности»…

«На основании изложенного полагал бы:

Решение Тройки Полномочного Представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому Краю от 17 мая 1933 года в отношении всех осужденных по настоящему делу, за исключением Растрепенина И. Н. и Грибановского Д. П., пересмотреть на предмет отмены его и прекращения дела по признакам п. 5 ст. 4 УПК РСФСР.

В отношении Растрепенина И. Н. и Грибановского Д. П. предъявленное им обвинение переквалифицировать со ст. 58-2-11 УК РСФСР на ст. 58-4 УК РСФСР и определенную Тройкой ПП ОГПУ меру наказания считать правильной.

Следователь спецотдела УКГБ лейтенант Быстров

Согласен: Начальник спецотдела полковник Ильин»

Что же рассказали живые свидетели о том деле? Послушаем их.

Жебицкий Федор Александрович. Арестован 2 мая 1933 г., освободился 24 марта 1944 г. Допрошен в Воркуте 4 декабря 1956 года в возрасте 57 лет. До этого написал шесть жалоб в разные инстанции вплоть до Генерального прокурора.

Вопрос: На допросе 5 мая 1933 года Вы показали, что состояли в контрреволюционной белогвардейской организации в гор. Омске, в которую были завербованы в начале 1933 года Родионовым Александром Александровичем, подтверждаете ли Вы эти показания в настоящее время?

Ответ: Данные мною показания 5 мая 1933 года я не подтверждаю. Эти показания я подписал, не читая протокола, в силу того, что следователь уговорил меня подписать эти показания, сказав мне, что эти показания я должен подписать для пользы дела, пообещав мне, что меня не будут привлекать к ответственности. Однако сам ни в какой контрреволюционной организации не состоял и не знал о ее существовании. Родионова я знал по службе в Красной Армии в 1921-22 годах, после чего он жил в Омске, но близких взаимоотношений с ним никогда не имел, а в 1933 году вообще ни разу не встречал. Поэтому он меня не мог завербовать в указанную организацию.

Вопрос: Применялись ли к Вам во время следствия в 1933 году меры физического воздействия на допросах?

Ответ: На допросах мер физического воздействия ко мне не применялось, однако следователь уговаривал меня подписать написанные им протоколы допроса, а также угрожал мне в случае, если я не подпишу показаний, посадить в карцер. Кроме того, стучал по столу револьвером и заявил, что если я даже и не подпишу «показания», которые он написал, это не будет играть никакой роли в дальнейшей моей судьбе. В силу этого я и подписал два или три протокола допроса.

Вопрос: Что еще можете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Хочу дополнить, протоколы моего допроса следователь мне читать в руки не давал, а зачитал их сам, при этом опуская некоторые детали, записанные в протоколе, после чего, держа в руках конец протокола и указав место подписи, требовал подписать. Что я и делал, будучи в сильно нервном состоянии. И допросы велись в ночное время.

А вот, что рассказал 10 октября 1956 года **Лукиных Николай Сысоевич,** 1892 г. р.

«Меня арестовали утром 9 мая 1933 года. На допрос вызвали примерно через две недели, точную дату сейчас указать затрудняюсь. Допрашивал меня, как мне помнится, следователь Панасенко, причем при допросе меня Панасенко также допрашивал Гаринова Ивана Михайловича, т. е. вел допрос сразу нас двоих.

Следствию я тогда показаний не дал. Вызвавший меня и Гаринова следователь Панасенко задал нам один вопрос: «Советские ли мы люди?» и, получив утвердительный ответ, сказал: «В этом случае, пишите мне то, что я вам буду диктовать». И под его диктовку и был составлен протокол допроса. Здесь я могу отметить одну деталь, что когда меня арестовали и привезли на машине в здание ОГПУ и поместили в камеру, то там было примерно человек 30 заключенных. Когда я зашел, то один из заключенных некто Мельник Василий Петрович, бывший главный бухгалтер системы Омского промсоюза, по работе в котором я его и знаю, сказал мне: «Ты знаешь, Николай, как ты попал

сюда?» и, получив отрицательный ответ, заявил, что он ждет меня уже четвертый день, ибо показал на следствии, что завербовал меня. Я сказал ему, что он беспринципный и нечестный человек, как он мог показать следствию то, чего в жизни никогда не было. На это Мельник сказал мне, что он принужден был дать такие показания, ибо его посадили в какой-то сырой подвал и требовали признать, что им якобы была создана контрреволюционная организация, в которую было завербовано пять человек. По словам Мельника, с целью избавиться от мучений, он хотел совершить самоубийство повеситься, но в камере не было веревки, а когда он хотел повеситься на рукаве рубашки, то из этого ничего не вышло…

Протокол допроса мною подписан в силу следующих причин: во-первых, следователь Панасенко, допрашивавший меня, говорил, что если я советский человек, то должен писать показания, которые он диктует, во-вторых, я до момента ареста был секретным сотрудником ОГПУ, поэтому был уверен, что меня, если и арестовали, то никогда не осудят, тем более, что я сам выполнял задания органов ОГПУ по выявлению контрреволюционно настроенных лиц. В силу этого я подписал протокол и рекомендовал подписать его Гаринову. Высказываний от Мельника и Гаринова против существующего строя мне слышать не приходилось».

Вот как объяснил появление своей подписи под протоколом допроса бывший преподаватель Омской совпартшколы **Шевко Федор Михайлович,** отсидевший 10 лет в лагерях.

«Арестован я был 27 апреля 1933 года. На следующий день, к вечеру, примерно в 6-7 часов, я был вызван на допрос к Панасенко Владимиру Ивановичу. Последнего я хорошо знал как студента 5 курса мединститута и преподавателя рабфака, в котором до ареста я работал заведующим учебной частью. Незадолго до моего ареста Панасенко был взят на работу в Омский Оперсектор ОГПУ. Панасенко встретил меня любезно и сказал, что я арестован в целях внесения ясности в контрреволюционную деятельность Оттэ и других лиц. На что я ему сказал, что мне о контрреволюционной деятельности Оттэ ничего неизвестно. Тогда Панасенко спросил у меня, был ли я на вечере 6 ноября 1932 года у преподавателя рабфака Диброва, имя и отчество его не помню. Я сказал Панасенко, что был на этом вечере, где кроме меня были Оттэ, Кузнецов Семен, отчество не помню, и другие преподаватели рабфака, фамилии их сейчас не помню. Разговоров антисоветского содержания ни от кого из присутствующих я не слыхал. Панасенко предложил мне дать показания, что я был на вечере у Диброва не в ноябре, а в феврале или в марте 1933 года и что на вечере были антисоветские разговоры. Дать такие показания я категорически отказался.

Тогда Панасенко отправил меня обратно в камеру, предлагая хорошо подумать об обстоятельствах проведения вечера у Диброва, пообещав меня вызвать через день. При этом он просил меня помочь ему раскрыть дело о контрреволюционной организации, якобы существующей в городе Омске. Панасенко обещал при этом меня освободить и полностью реабилитировать, чтобы я, по его словам, «не увяз в этой паутине».

Вторично Панасенко вызвал меня на допрос примерно 30 апреля 1933 года. На этом допросе он мне вторично предложил дать показания о якобы имевших место антисоветских разговорах на вечере у Диброва. Дать такие показания я категорически отказался. Тогда Панасенко, выразив сожаление по поводу моего отказа дать такие показания, начал заполнять бланк протокола допроса. После заполнения анкетной части протокола допроса он записал мои показания в отношении вечера у Диброва и лицах, участвовавших на этом вечере. После этого он прочел протокол допроса и предложил мне расписаться на нем. При этом сказал мне, чтобы в конце показаний подпись я поместил несколько ниже текста, оставив 6-8 строк. Когда я у него спросил, для какой цели это нужно делать, он ответил, что в этом месте протокол оставляется чистым для оформления его начальством. Видя, что я сомневаюсь в правдивости его пояснения, Панасенко заверил меня, что бояться нечего, что он как хороший мой знакомый и бывший сослуживец по рабфаку, никогда мне плохого не сделает. Поверив объяснению Панасенко, я подписал протокол допроса и оставил в конце его, как это просил Панасенко примерно 5-6 строк протокола допроса, после которых стояла моя подпись.

В первых числах мая 1933 года я был вызван к сотруднику ОГПУ Попову, который приехал из гор. Новосибирска. Тут мне хочется отметить одно обстоятельство. Примерно дня два или три назад перед моим допросом по камерам внутренней тюрьмы делали обход, насколько мне помнится два или три сотрудника ОГПУ, один из которых и был Попов. Имел он ромб на петлицах и рекомендовался сотрудником ОГПУ Запсибкрая. Всем арестованным, находящимся в камерах, он говорил, что органам ОГПУ известно, что все арестованные являются участниками контрреволюционной организации, при этом говорил, что лица, признающие предъявленное обвинение, будут осуждены на незначительные сроки наказания и будут отправлены на работы сроком на 3-5 лет. Всем же, кто не признает свою вину в участии в контрреволюционной организации, Попов угрожал расстрелом.

Первыми словами, с которыми ко мне обратился Попов, были: «Вы состояли в контрреволюционной организации, дайте показания об этой организации». Я сказал Попову, что членом контрреволюционной организации никогда не состоял и о существовании ее мне ничего неизвестно. На это Попов мне заявил, что о том, что я член контрреволюционной организации ему видно из протокола моего допроса и предложил мне прочесть его. Этот протокол допроса был тем самым, который был написан Панасенко 30 апреля 1933 года. Но в оставленном свободном месте, то есть в незаполненных строках было написано: «Встав на путь чистосердечного признания, считаю себя виновным в том, что состоял членом контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти». Тогда я объяснил Попову, как произошло, что под данными словами находится моя подпись. Попов возмутился, сказал, что Панасенко не умеет вести следствие и что понесет ответственность за неправильное оформление протокола допроса. Далее Попов предложил дать показания о том, что я являюсь членом контрреволюционной организации. Когда

я отказался дать такие показания, Попов стал кричать на меня, всячески словесно оскорблять. Если я не дам показания об участии в контрреволюционной организации, я буду расстрелян, сказал Попов. При этом он обнажил пистолет и говорил мне, что «тебя, белогвардейская сволочь, мы расстреляем и расстреляем твою мать». Вследствие всех этих угроз и подавленного морального состояния, так как допрос в такой форме длился примерно часов 5-7 подряд, я вынужден был под диктовку Попова и написать, вернее, заполнить протокол допроса, в котором ложно оговаривал себя как члена контрреволюционной организации, в которую якобы был завербован Оттэ, а также дал показания о вербовке мною Лукина, Песковского, Петрова и Иракманова. Данные показания я дал вследствие грубого принуждения со стороны допрашивавшего меня сотрудника ОГПУ Попова. При этом допросе в качестве следователя, кроме Попова, был сотрудник ОГПУ с ромбом на петлицах, фамилия его, кажется, Коцерубо».

Много любопытного можно узнать из показаний 9 января 1957 года **Остапенко Андрея Семеновича**, получившего в 1933 г. 10 лет ИТЛ.

Он рассказал, что с марта по май 1933 года он вызывался на допрос 20-25 раз. Допрашивали его следователи Болотов, Панасенко, Елькин и еще двое сотрудников. Они требовали признать, что его завербовал в организацию Рутковский, и, в конце концов, добились своего. «Протокол очной ставки между мной и Рутковским я подписал в силу применения ко мне незаконных методов следствия со стороны сотрудника ОГПУ Елькина… Елькин угрожал расстрелом, а если подпишу, 5-10 лет ИТЛ. Запугивали меня расстрелом Болотов и Панасенко. Болотов даже рассказал, как расстреливают некоторых арестованных. По его словам, меня поведут в подвал, который имеется в ОГПУ. При этом сотрудник, который меня поведет, будет идти сзади и даст мне несколько выстрелов в затылок…

Помню, что однажды Болотов или Панасенко предложил мне список примерно 100 человек и просил указать фамилии завербованных. Я отказался, хотя знал, что давшие такие показания имели привилегии, питались в столовой ОГПУ, в любой день разрешались свидания и принимали передачи…»

Кроме угрозы расстрела, повлиял на Остапенко еще сильно и такой случай: «…Когда меня вели на допрос к сотруднику Елькину, то в коридоре меня встретили двое арестованных, которые отрекомендовались как Шайтанов и Рутковский. Оба они мне заявили, почему я не хочу подписывать предложенный мне сотрудниками ОГПУ протокол допроса. Шайтанов сказал мне, что я «своим упорством задерживаю следствие, окончание дела, и из-за меня они сидят здесь». Так же он мне сказал: «Мы все подписали, но ни в чем не виноваты». После этого я подписал протокол допроса.

В период следствия в камеру, где я находился, пришел заместитель полномочного представителя ОГПУ по Запсибкраю, фамилию его не помню. В беседе с нами он заявил: «Допустим, контрреволюционной организации в гор. Омске не существует, но если бы она была, то все арестованные были бы ее участниками». Это свое заявление он обосновал тем, что по делу в основном арестованы бывшие белые и царские офицеры и казачество прилегающих станиц.

На вопрос, не приходилось ли ему беседовать с арестованными по этому делу и признавали ли они себя виновными Остапенко показал: «Мне приходилось разговаривать на эту тему со многими, но фамилии их сейчас не помню. Все они говорили, что обвиняются в участии в контрреволюционной организации и что подписали предложенные им протоколы допроса, хотя участниками организации никогда не были и о существовании ее им ничего неизвестно. Из лиц, которых я помню и с которыми я разговаривал, – это Родионов Александр Александрович и Набоков Михаил Михайлович. Родионов находился со мной в одной камере и однажды, придя с допроса, рассказал, что он подписал предложенные ему протоколы допроса, в которых значилось, что он при перевороте, который организация совершит, захватит Госбанк, почту и телеграф. Когда я ему сказал, зачем он подписал такие показания, ведь это сплошной вымысел и абсурд, Родионов ответил, что весь измотался и ему теперь все равно, что требуют, он подписывает, лишь бы его не мучили допросами. Набоков Михаил Михайлович также находился со мной в одной камере. Однажды, придя с допроса, он сказал, что подписал протокол допроса, в котором значится как вербовщик среди прииртышского русского казачества. Когда я спросил, имело ли место это в действительности, Набоков сказал, что, конечно, он никого не вербовал, а подписал протокол допроса в силу того, чтобы оградить себя от вызовов на допросы. По его словам, ему теперь было безразлично все, он подпишет любые показания.

Шайтанова, Рутковского и Набокова я до ареста не знал. Родионова я знал по омскому Осоавиахиму, где я работал в 1925-26 году бухгалтером, а Родионов как любитель-авиамоделист посещал Осоавиахим. Знакомство наше было случайное, ни я у него, ни он у меня на квартире не были…

К своим показаниям мне хочется добавить то, что я глубоко убежден, что никакой контрреволюционной организации в гор. Омске не было. С кем из числа арестованных по данному делу я не разговаривал, все они в один голос заявляли, что о существовании контрреволюционной организации им ничего неизвестно.

Как я теперь припоминаю, однажды мне привелось разговаривать с арестованным по делу Подкорытовым Аполлоном Аполлоновичем. Знал я его еще до ареста, когда он работал секретарем промкомбината, где я был пайщиком. По разговорам, имевшим место среди арестованных, Подкорытов проходил как организатор контрреволюционной организации в гор. Омске. Встретив его в бане, я спросил у Подкорытова, правильно ли говорят, что он руководитель контрреволюционной организации. На что Подкорытов сказал, что разговоры соответствуют действительности, что его вызывали в Новосибирск, по его выражению, «для просветления мозгов» и он теперь все, что ему говорят, пишет или подписывает. Из разговора с ним я понял, что он хоть и значится организатором, но ему так же, как и мне, ничего неизвестно о существовании контрреволюционной организации.

Панфилов Алексей Никитович 1895 г. р., отсидел 10 лет, с февраля 1944 по сентябрь 1945 служил в армии, воевал на Северном фронте. 11 февраля 1957 года рассказал:

«В камере со мной находился Оттэ Николай Эмильевич, который начал уговаривать, чтобы я подписал протокол допроса, в котором было бы сказано, что я являюсь участником контрреволюционной организации якобы существующей в гор. Омске. Он мне говорил, что это необходимо сделать. По его словам, этого требовала международная обстановка и мы должны пожертвовать собой… Я сказал, что еще считаю себя нормальным человеком и таких показаний никогда не подпишу…

За отказ подписать протокол допроса меня поместили в подвал здания ОГПУ, в камеру, совершенно лишенную света…»

Затем около часа ночи Панфилова вызвали на допрос и предложили подписать протокол. Он отказался. Тогда вызвали Веришко, и тот сказал, что завербовал Панфилова. Панфилов утверждает, что это ложь, и он не знает Веришко. Тогда Веришко увели, и сотрудники стали запугивать Панфилова расстрелом. Он отказывался. И сдался, когда пустили в ход следующий аргумент: «…Если я не жалею себя, то должен пожалеть сына, ибо меня расстреляют, а сыну не дадут жить, по их словам, он будет валяться под забором, как беспризорник. После этого, желая избавить семью от мучений, я подписал протокол, что завербован Веришко».

Лысенко Иван Павлович 1890 г. р. отсидел пять лет в лагерях. 15 февраля 1957 года рассказал, что арестован был 3 мая 1933 года. Сокамерники говорили, что лучше подписать. Тех, кто не подписывает, по их словам, избивают, некоторым ломают ребра. После того, как с ним поговорил начальник из Новосибирска и сказал, что независимо от того, подпишет он или нет, все равно будет «выслан» из Омска, он переписал с черновика, который дал следователь Елькин, протокол допроса.

«Когда мы ехали в лагерь, то в вагоне совместно со мной находился Иванов, имя и отчество его не помню. Он буквально рвал на себе волосы и говорил, что он по национальности еврей. Желая стать русским, он переменил фамилию еврейскую на Иванова. В организации ОГПУ была анкета на белого офицера, однофамильцем которого он стал после перемены фамилии…»

Булдаков Корнилий Георгиевич 1886 г. р., отсидел 10 лет, георгиевский кавалер, жил в Черлаке.

11 января 1957 года рассказал, что арестован был в феврале 1933 года и до 13 марта 1933 года сидел в камере в Черлаке, на допрос не вызывали. В марте их, около 70-ти человек, перевезли во внутреннюю тюрьму ОГПУ, где он находился около трех месяцев. За 3 месяца его 22 раза вызывали на допрос. В одну ночь иногда вызывали по 2-3 раза.

Кроме принадлежности к контрреволюционной организации, в которую он якобы был завербован Соколовым Георгием Ивановичем, ему вменялось в вину и то, что, будучи в 1919 году председателем ревкома, якобы спрятал брошенное белыми оружие и не вернул его в комиссариат, чтобы использовать в выступлении против Советской власти. На что Булдаков возразил, что он командовал 80 казаками, перешел от белых к красным и никак не мог идти против Советской власти. Сотрудник (фамилию не знает) два раза ударил пистолетом по голове и всячески угрожал.

«После этого был вызван на допрос к другому сотруднику. Он, как и его предшественник, начал требовать от меня признания в участии в контрреволюционной организации. Я продолжал отрицать свою вину, и он тогда нанес мне три удара в низ живота».

12 апреля 1933 года вызвали к следователю Микову, который заявил: «Твоя жизнь или смерть зависят от меня». После этого допроса Булдаков подписал протокол и показал, что завербовал брата Ивана Георгиевича и шурина Войнова Константина Александровича.

«В отношении Соколова я могу показать, что он был павший, спившийся человек, который никак не мог быть руководителем организации и моим вербовщиком, каким его сделали на следствии. Однажды сильно пьяный он сказал, «что я у него буду командиром эскадрона». Я не придал значения этим словам, так как в Красной Армии действительно был командиром эскадрона»…

Велижанин Иван Алексеевич 1898 г. р., с. Черлак, был осужден Тройкой по данному делу к 10 годам ИТЛ. В 1951 году осужден на 10 лет по ст. 58-10, освобожден в 1954 году со снятием судимости.

12 января 1957 года рассказал, что арестован был в феврале 1933 года, протокол от 6 мая 1933 года подписал, будучи морально и физически подавленным. Был сильно истощен, так как давали на сутки 300-400 г хлеба и чашку вареной капусты. Следователь говорил, что не имеет значения, подпишет или нет, все равно будет осужден. После того как подписал протокол допроса, прямо в кабинет следователя принесли тарелку супа и хлеб, махорку и коробку спичек, повезли в баню, а оттуда в городскую тюрьму. За время следствия ни разу не водили в баню, не меняли белье, не стригли. О Соколове: «Это был окончательно спившийся человек, и если даже принять во внимание, что в с. Черлак действительно существовала контрреволюционная организация, то мне непонятно, как ей мог руководить человек, который никогда не был трезв».

«…Так же неверно записано в протоколе допроса и то, что я, будучи сотрудником (секретным) органов ОГПУ, встал на путь предательства, т. е. не сообщал Органам ОГПУ об известных мне контрреволюционных проявлениях в с. Черлак. Наоборот, я добросовестным образом выполнял всю порученную мне работу. И если бы Соколов предложил мне вступить в члены контрреволюционной организации или вообще рассказал о существовании ее в с. Черлак, я бы, конечно, в первую очередь поставил в известность органы ОГПУ».

О том, что такое гражданская война, когда буквально брат шел на брата, видно из показаний допрошенного 15 января 1957 года в качестве свидетеля жителя с. Черлак **Булдакова Ивана Ивановича**.

«Растрепенин Иван Николаевич какое хозяйство имел, я не знаю, но обычно был пьяный. В 1919 году с приходом к власти колчаковцев ими был пойман председатель Черлакского ревкома Мельников Афанасий Егорович. Когда его вели на площадь, то его старший брат ударил по голове кирпичом, после чего Мельников упал на живот и не смог подняться, так как руки у него были свя-

заны. Тогда кулаки с. Черлак, фамилии их уже не помню, возглавляемые старшим братом Мельникова Афанасия Егоровича, как его звать не помню, дали в руки Растрепенину винтовку и приказали ему, чтобы он заколол Мельникова Афанасия Егоровича. Но Растрепенин не хотел убивать Афанасия Егоровича. Тогда брат последнего сказал ему, что если он не убьет Афанасия, то его убьют самого. После этого Растрепенин, отвернувшись от Мельникова Афанасия Егоровича, размахнувшись, ударил его штыком в спину и бросил винтовку. Очевидцем всего этого я был сам и видел, что инициатором убийства Мельникова Афанасия Егоровича был его старший родной брат.

Высказываний же против Советской власти проходивших по делу черлакцев ему слышать не приходилось».

Бородихин Степан Сергеевич 1901 г. р., получил 5 лет ИТЛ, с 1943 года воевал на Украинском фронте, ранен в правую руку и челюсть. 21 января 1957 года в с. Б. Атмас рассказал, что факт падения 9 лошадей в с. Татарка был, но не от вредительства, а от сибирской язвы.

О своей подписи под протоколом допроса 2 мая 1933 года: «Подписать этот протокол я вынужден был в силу того, что, находясь два месяца в подвале здания ОГПУ, получал в сутки 200 граммов хлеба и был истощен до такой степени, что на допрос на второй этаж не мог подняться без посторонней помощи. Также я был морально подавлен. Учитывая все это и желая избавить себя от дальнейших мучений, и подписал указанный протокол».

Екимов Георгий Иванович 1905 г. р., житель с. Соляное, 26 января 1957 года показал: «Когда я был вызван к сотруднику ОГПУ Табасову, он мне предъявил обвинение в убийстве Мельникова (следователя не смутило даже то, что Екимову было в 1919 году 14 лет. – *П. Б.*) и передаче военного билета кулаку Пискунову. Я в этом виновным себя не признал. Тогда Табасов меня из кабинета выгнал в коридор. Простояв в коридоре примерно часа полтора, я был обратно приведен в кабинет к Табасову. Табасов прочитал мне данный протокол и предложил подписать. Я от подписи отказался. Тогда Табасов, угрожая мне стулом и пистолетом, вынудил меня подписать данный протокол допроса».

Темников Федор Сергеевич 1893 г. р., житель с. Елизаветинское Черлакского района, получил 10 лет ИТЛ. 24 января 1957 года показал, что арестован был 11 марта 1933 года и на допрос вызывался один раз к следователю Бараусову. Тот требовал признать, что Федор Сергеевич завербован младшим братом Александром. Он отказался, тогда им устроили очную ставку.

«Бараусов задал вопрос, знает ли он его. «Конечно, так как это мой родной брат». – «Что же ты тогда не признаешь, что он тебя завербовал?» На что я Бараусову сказал, что брат никогда ни в какую контрреволюционную организацию не вербовал. За время очной ставки брат Александр стоял и молчал. Бараусов распорядился, чтобы брата увели, а сам, схватив пистолет, ударил им меня по носу так, что у меня открылось обильное кровотечение. Затем он поставил меня на «выстойку» в коридор, где я простоял три часа. После этого меня обратно завели в кабинет Бараусова, который опять угрожал мне пистолетом и предложил подписать уже написанный им заранее протокол допроса.

Желая избавить себя от дальнейших издевательств со стороны Бараусова, я подписал прелагаемый им протокол допроса».

Дерябин Федор Николаевич, 1894 г. р., из с. М. Атмас Черлакского района, 10 января 1957 года допрошен в с. Черлак, был приговорен к 10 годам ИТЛ.

На допросе, который вели два следователя, один из которых был Качин, от Дерябина требовали признаться, что он состоит членом контрреволюционной ячейки в с. М. Атмас и завербован Растрепениным Логином Федоровичем. Он отказался. Тогда, продержав сутки в камере без света, «сотрудники (на петлицах ромбы) стали угрожать оружием, и один из них нанес мне четыре удара револьвером по спине. Затем я вторично был направлен в одиночную камеру. За двое суток пребывания меня в одиночной камере обед мне не давался. За сутки 300 граммов хлеба и кружка воды.

Когда я был в третий раз вызван на допрос, были те же сотрудники. Я решился на крайний шаг, вырвал протокол допроса и порвал его. После этого сотрудник ОГПУ, который писал этот протокол, начал избивать меня револьвером, бил он меня по лопаткам и раз очень сильно толкнул дулом револьвера под бок…»

Через двое суток Дерябина снова вызвали на допрос.

«Оба они опять стали требовать, чтобы я подписал протокол допроса. При этом они всячески угрожали мне, говорили, что им не жалко 7 копеек, т. е. цены одного патрона, что они меня расстреляют. При этом даже показали через окно угол двора, где они меня могут расстрелять. Когда проходил этот допрос, я услышал крики и шум падающего тела, которые неслись из дверей кабинета, находящегося напротив кабинета, где находился я. Так как дверь была открыта, то я увидел, что оттуда, т. е. из кабинета, вынесли на носилках человека, лицо которого было залито кровью, челюсть была выбита и сдвинута в сторону так, что были видны зубы, и глаз вылез из орбит.

Видя все это, и желая скорее покоя с вызовами на допрос, я подписал протокол, хотя и не был ни в чем виноват». (Арестанта с вывернутой челюстью видел и стоявший в коридоре Растрепенин Егор, который уговорил отца Логина Федоровича подписать протокол допроса. Позднее Егор погиб в Великой Отечественной войне, а отец до 1957 года не дожил. – П. Б.)

Далее Дерябин сказал, что о создании кулацкого колхоза ему ничего неизвестно, о разбазаривании посевного материала и сгноении колхозного хлеба слышит впервые.

Богомолов Иван Агафонович, в 1933 году был председателем Покровско-Иртышского с/совета. 16 января 1957 года в частности показал, как появились справки о вредительской деятельности в колхозах «Красный рыбак», «1 августа» и «Новая жизнь»:

«Весной, точного время не помню, приехали из города сотрудники ОГПУ, фамилии их не помню, и потребовали, чтобы мы, т. е. с/совет, дали им справки об убытках, понесенных колхозами с/совета за 1932 год. Мною, секретарем с/совета Роговым, председателями артелей и учителями были сделаны выверки

по хозяйственным книгам и выписаны все убытки, которые понесли артели. По-видимому, эти цифры и фигурируют в данных справках. Но насколько они верны и отвечают действительности, я сейчас за давностью времени сказать затрудняюсь. Помню, что в с/хозартели «Новая жизнь» осталось неубранными несколько гектаров гороха и в с/хозартели «1 августа» остались неубранными несколько гектаров подсолнуха. Заголовки во всех справках, где значится, что «нанесли следующий материальный ущерб, явившийся результатом вскрытой вредительской деятельности к.-р. и а/с элемента, имевшегося в личном составе колхоза…» и в заключительной части справки, где указано, что «в результате вредительской деятельности к.-р. и а/с элемента понесено материального ущерба…» – все это является реакцией сотрудников ОГПУ и написано, вернее, внесено в справки по их требованию».

На вопрос, почему не был убран подсолнух, Богомолов ответил: «Был дан план посева подсолнуха на три с/артели 1200 гектар, т. е. в основном был посеян подсолнух, что не вызывалось никакой необходимостью. Вследствие того, что машин не было, значительная часть его осталась не убранной».

Антипин Иван Васильевич, 1888 г. р. из д. Изюк, 6 декабря 1956 года показал, что подписанный им протокол допроса от 5 апреля 1933 года писал под диктовку следователя Пастаногова.

«Текст данного протокола от начала до конца является вымыслом Пастаногова. Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял, и Бормотов Леонтий с Лаптевым Яковом никогда в нее меня не вербовали. О существовании в дер. Изюк контрреволюционной организации, в которую входили Бормотов Леонтий, Ковригин Филипп, Лаптев Яков, Бормотов Дмитрий, мне ничего неизвестно. О разговорах между мной и Страховым Александром о существовании в д. Ураж контрреволюционной организации мне также ничего неизвестно. Разговоров с Топорищевым Ив. Ив. у меня не было, да и узнал я его, уже находясь во внутренней тюрьме ОГПУ…»

Пастаногов уговаривал не бояться, говорил, что сумеет реабилитировать и освободить. Когда отказался писать, Пастаногов «показал мне протокол допроса Ольшаневского, который, как и я, был секретным сотрудником и выполнял секретные поручения Пастаногова, в котором значилось, что Ольшаневский дал показания, что состоит членом к.-р. организации».

Однако в камере Ольшаневский сказал, что не подписывал протокола, и Антипин понял, что Пастаногов его обманул.

К Антипину, Ольшаневскому добавили в камеру Рыбьякова и Шалаева, тоже секретных сотрудников, и через их камеру пропустили около 70 арестованных из Тевризского района. Они обрабатывали арестованных, чтобы те подписались и признали себя участниками контрреволюционной организации.

Антипин проходил по делу группы «Печатники», возглавляемой Топорищевым Иваном Ивановичем из с. Утьма Тевризского района. Эта контрреволюционная ячейка занималась якобы антисоветской агитацией и изготовлением расклеиванием листовок.

Даже из сухих протокольных данных чувствуется, Топорищев И.И. был колоритной личностью. До революции – пимокат. Воевал на стороне красных. Активно участвовал в подавлении Ишимского восстания1921 года, был ротным политруком. Работал инструктором укома ВКП(б), но затем из партии вышел. В хозяйстве имел всего одну лошадь. У него было 9 детей от одного года до 12 лет, но при этом в колхоз он не вступил. На допросе 6 марта 1933 года фигурирует, что он высказывал недовольство тем, что надо сдавать 260 литров молока ему, у кого 10 человек семья и тому, у кого 2 человека – «это грабиловка». Такие высказывания вполне могли быть, но главное, в чем его обвиняли это – антисоветская агитация и изготовление листовок.

Что это за листовки, видно из показаний, данных 5 декабря 1956 года **Веревкиным Дмитрием Михайловичем**.

Когда он сказал, что не знает об изготовлении и вывешивании листовок Топорищевым И. И. и Петровым А. П. в д. Ураж, уполномоченный СПО-2 Пастаногов показал их ему: «На, смотри, какие они есть». Листовка была изготовлена из слов и букв, вырезанных из газет. И предупредил Веревкина, что если он не даст показаний об антисоветских разговорах, то будет сидеть вместе с ними, а пока арестован как свидетель. Доведенный в тюрьме до истощения, Веревкин подписал все, что от него требовали.

Но: «Находясь в одной камере с Топорищевым И. И., Веревкиным М. Е., Семеновым В. С. и другими, я припоминаю, что они говорили, что их посадили просто ни за что, что им и во сне не снилась какая-то организация, в участии в которой их обвиняют...»

Таким вот предстает дело в показаниях оставшихся в живых свидетелей через 24 года. Заговора не было. Но сроки были реальными. Из 288 человек, осужденных Тройкой ПП ОГПУ, 124 человека получили 10 лет ИТЛ, 146 человек – 5 лет ИТЛ, 7 человек приговорены к 5 годам ИТЛ, но ввиду преклонного возраста сосланы в Восточно-Сибирский край, 8 человек лишены прав проживания в 12 населенных пунктах Уральской обл., Омского, Барабинского и Тарского округов, 11 человек – к 5 годам условно.

10 мая 1957 года Президиум Омского областного суда постановление Тройки отменил и на основании ст. 4 и 5 УК РСФСР дело прекратил. То есть все, кроме Грибановского Д. П. и Растрепенина И. Н., реабилитированы. Растрепенину отказано в реабилитации, очевидно, за убийство председателя черлакского ревкома Мельникова, Грибановский Дмитрий Петрович якобы служил в карательном отряде Анненкова и участвовал в расстрелах.

Люди и судьбы

Лейтенант Быстров, пытаясь установить истину, разыскивал не только проходивших по делу арестантов, но и исполнителей, тех, кто вел следствие. К сожалению, показаний следователей в деле нет, хотя некоторые были еще живы. Так, бывший уполномоченный СПО-2 **Пастаногов Константин Константинович** в 1956 году проживал на ст. Яя Кемеровской обл.

После 1933 года Пастаногов был переведен в Новосибирск и в 1939 году занимал должность начальника 4 отдела УНКВД по Новосибирской области. Однако 21 декабря 1939 года был арестован и по ст.193-17 п. «б» приговорен к 8 годам лишения свободы с лишением звания старшего лейтенанта госбезопасности.

Дело состояло из 6 томов, из которых в лице Пастаногова предстает вольно или невольно облик врага, затесавшегося в ряды органов, с целью преследовать коммунистов и невинных людей.

«Установлено, что Пастаногов был в близких отношениях с бывшим руководством УНКВД по Новосибирской области Горбач, Поповым и Мальцевым, которые впоследствии были разоблачены как враги народа и осуждены. Из всех начальников отделов Пастаногов являлся самым близким к ним, участвовал с ними в банкетах, в отсутствие начальства, замещал их…

Социальное лицо Пастаногова характеризуется следующим образом.

Отец Пастаногова в 1924 году за растрату кооперативных средств осужден к 3 годам лишения свободы; сестра Пастаногова В. К. в 1938 году за растрату денег в сберкассе осуждена по закону от 7 августа 1932 года к 10 годам лишения свободы; дядя его по отцу Пастаногов М. К., бывший урядник, кулак, в 1930 году раскулачен и выслан в Нарым, второй дядя Пастаногов Н. М., также бывший урядник, в 1930 году за контрреволюционную деятельность арестован органами ОГПУ и расстрелян; двоюродный брат Пастаногов Н. М. в 1924 году уходил за границу в Китай к своему дяде, имевшему частную плантацию около города Пекина, оттуда вернулся в 1930 году нелегально и был выслан в Нарым. В Нарыме в окрздравотделе произвел растрату денег и скрылся.<…>

Материалами предварительного и судебного следствия вскрыта система незаконных методов ведения следствия: путем применения физических и психических мер воздействия, добиваясь как от арестованных (на суде Пастаногова было 43 свидетеля из числа коммунистов. – *П. Б.*), так и от других лиц, которых необходимо было опорочить, нужных сведений. Протоколы допросов либо составлялись заранее (до допроса), либо «корректировались» Пастаноговым и другими лицами, после чего от показаний арестованных ничего не оставалось, и в таком виде эти протоколы давались на подпись арестованным.

По обвинительному заключению и по приговору Военного трибунала Пастаногову вменено в вину фальсификация следственных дел на группу студентов «Сибстрина» – 6 человек, группу работников Кинотреста г. Новосибирска – 8 человек, группу работников прокуратуры области и районов – 14 человек и ряд лиц партийного и советского актива на 35 человек, в отношении которых к моменту привлечения Пастаногова к уголовной ответственности уголовные дела были прекращены, арестованные освобождены из-под стражи, за исключением областного прокурора Баркова, который, не выдержав издевательств над ним во время следствия, покончил жизнь самоубийством (выбросился в окно с четвертого этажа).

Обвиняемый Пастаногов на предварительном и судебном следствии виновным себя признал частично, подтвердив большинство преступных фактов, ему инкриминируемых, при этом ссылался, что выполнял в своей работе установки начальства».

Школа создания заговоров пригодилась и еще одному участнику тех событий **Витковскому Г. Я.** В «Справке по делу архивный № 14929 с материалами административного расследования на бывшего начальника отделения 4 отдела УНКВД по Омской области Витковского Георгия Яковлевича» говорится, что в июне 1939 года поступила жалоба Нагибина, что Витковский жестоко избивал его, оскорблял и заставлял давать показания о том, что он, Нагибин, вместе с председателем Березовского райисполкома Всиветкиным организовал повстанческие отряды. Такой допрос продолжался до утра. Витковский грозил Нагибину сделать из него «котлету». Вина Витковского была признана недоказанной. В мае 1939 г. была жалоба от Я. И. Кошелева. Витковский избивал его, сажал в холодный карцер за отказ давать нужные Витковскому показания. Расследование по данному факту не проводилось.

В 1951 году Витковский был откомандирован в распоряжение УМГБ по Челябинской области.

Из сотен арестантов, проходивших по делу, бросается в глаза судьба **Буркова Михаила Петровича**. В его протоколах допроса многое похоже на правду, хотя многое могло быть сочинено под него, так как допрос в Омске вел хорошо знакомый нам Уполномоченный СПО-2 Пастаногов. Однако начинались допросы еще в Тевризе, где 14 декабря 1932 года его допрашивал уполномоченный РО ПП ОГПУ Бендингер. Из этого протокола узнаем, что Бурков из дворян, сын генерал-майора, который при советской власти работал в Москве в ВСНХ. В 1929 году за антисоветскую агитацию (в протоколе допроса от 5.01.1933 говорится, что за антисоветские речи на площади Храма Христа Спасителя) Бурков был выслан в административном порядке по постановлению коллегии ОГПУ в Западную Сибирь, где проживал в с. Бичили Тевризского района. Ему вменялось в вину создание контрреволюционной организации и антисоветские разговоры с местными крестьянами.

В протоколе допроса от 8 января 1933 года он говорит: «Я сторонник в вопросах философии так называемого дуализма, т. е. признаю революционность духа и материи, которые, по-моему, занимают одинаковое место в природе, не превалируя друг над другом. Из всех философов я ценю больше всех Э. Канта, считая, что он правильно объясняет жизнь»…

«Кроме Медведева, Шабанова, Коптелова, говорил о контрреволюционной организации с крестьянином д. Бичили Серковским, Кулаковым (имя, отчество не знаю), сотрудником маслопрома в Тевризе. Этому я не ставил прямо вопроса о контрреволюционной организации, а высказывался лишь в том духе, что я нахожусь в таком положении, что меня должны или уничтожить, или поставить в нормальные условия. Также мог слышать мой разговор с Коптеловым о контрреволюционной организации крестьянин д. Кузнецово Загвоздин Степан Осипович, который при моем разговоре находился в соседней комнате за перегородкой».

В последнем из шести январских допросов 31 января 1933 года он якобы показал, что на данном этапе расходится с политикой партии и соввласти по следующим основным моментам: 1) по крестьянскому вопросу; 2) по вопросу индустриализации; 3) в законодательной политике; 4) по вопросам науки и творчества. Он считает, что темпы коллективизации надо сократить минимум на 60 %, так как «культурно-моральный уровень крестьянства слишком низок для ведения сельского хозяйства такой наивысшей формы, какой являются колхозы…

Ликвидация кулачества проведена крайне безобразно, нет слов для того, чтобы выразить творившиеся в то время безобразия. В числе кулаков выселено 50-75 % хозяйств, явно не кулацких, выселенных брали в том, в чем они находились в момент выселения, голодных, вместе с маленькими детьми, зимой везли в необжитые дикие местности, не обеспечивая их необходимым с/х инвентарем для ведения хозяйства на месте ссылки <…>

Задавая вопрос отдельным крестьянам о том, «пошли бы они против советской власти?» – я хотел знать, как реагируют крестьянин на резкий перелом в укладе его жизни в настоящий момент, а также определить изменение его психологии за период времени с 1926-27 гг. по 1932 год, как момент наиболее резкого перелома всего уклада его жизни»…

Через три месяца его все-таки вынудили сделать, хоть и обтекаемое, но все-таки нужное следствию признание: « Я признаю себя виновным в последствиях, которые получились в результате моих бесед с Медведевым Афанасием, в том смысле, что им завербованы лица в контрреволюционную организацию. Этих лиц, как и самой организации, я до моего ареста не знал. Все ранее данные показания на следствии в Оперсекторе ОГПУ, как мной, так и остальными обвиняемыми, т. е. Шабановым Михаилом, Коптеловым Николаем и Медведевым Афанасием, подтверждаю полностью.

Протокол написан мной собственноручно – Бурков.

Об окончании следствия по моему делу мне объявлено 12.04.33 г. К сему Бурков».

Во время следствия Бурков вел активную переписку с матерью. Одно из писем хранится в деле: *«Дорогая Муся, получил от тебя одновременно два письма от 4 и 5 августа. До этого очень долго ничего не получал. Ты пишешь, что мое дело решится через две недели – не дождусь этого момента. У меня одна мечта, вырваться из проклятого Омска. Далее, имей ввиду, что нигде и никогда я не участвовал в контрреволюционной организации. Ни на одном допросе я этого не признал, провел около сорока суток голодовок в знак протеста. Об этом знают арестованные Тевризские крестьяне, сидевшие со мной, а также сотни омичей. Если нужно, требуй преследствий, но только с условием, чтобы не сидеть в Омске, ибо я этому предпочитаю смерть.*

От т. Жени посылки опять получил, а добиться чего-либо здесь не представляется возможным. Омск не Москва, здесь делается все навыворот, у него свои законы. На прощание крепко целую тебя, отца и Володю. Миша.

Интересно знать, выдали ли отцу премию в 3000 р. Ни о каком Буракове не имею понятия. Далее, имей ввиду, что Омский сектор ОГПУ вел дело более или менее прилично, а все дело сделано в Тевризе. Покуда я жив, в такой чепухе никогда не признаю себя виновным».

В деле хранится заявление в ОГПУ Бурковой М. М.: *«6-го июня 1929 г. мой сын Бурков Михаил Петрович физико-математик был арестован органами ОГПУ, а затем выслан в Западную Сибирь на свободное поселение сроком на три года.*

Осенью 1932 года состоялось постановление об его освобождении с правом проживания во всех городах Союза, за исключением Москвы и Ленинграда. После получения документов об освобождении он был вновь арестован и направлен 7 декабря 1932 года в г. Омск. Из прокуратуры ОГПУ мне стало известно, что против моего сына возбуждено новое дело.

23 апреля 1933 года я получила от моего сына письмо с сообщением об окончании следствия по его делу.

28 июня с. г. представителем Прокуратуры мне было сообщено, что дело моего сына перепутано с делом какого-то Михаила Петровича Буракова, находившегося в то же время в Западной Сибири.

Из письма моего сына мне стало известно, что мой сын обвиняется в соучастии в какой-то антиправительственной организации, и что ему будто бы давно известно предъявленное обвинение.

Из сопоставления вышеизложенных данных, полученных мною из Прокуратуры ОГПУ и от моего сына, есть основания полагать, что в данном случае имеет место недоразумение, основанное на смешении имен Буркова и Буракова.

Затем в прокуратуре ОГПУ мне сообщили, что 5 августа мой сын осужден в исправительный лагерь на 10 лет.

Не зная приговора, я, конечно, лишена возможности судить о степени его основательности, но, зная сына и учитывая условия его жизни в период ссылки с 29 по 1933 г., не смогу допустить мысли о его причастности к какому-либо серьезному делу и обвинению. Из полученных мной от сына писем в июле и августе мне видно, что он не знает, в чем конкретно его обвиняют, и что в деле имеются какие-то искусственные наслоения. В особенности странным и непонятным до невозможности мне представляется полученное мною из Прокуратуры ОГПУ сведения о том, что сын мой признался в предъявленном ему обвинении. Если действительно в материалах дела имеется протокол его допроса с записанным его признанием, то надо полагать, что его надо отнести к тем искусственным наслоениям в деле, в которых надо разобраться.

Нельзя допустить, чтобы ссыльный, никогда не принадлежавший к какой-либо партии, неизменно аполитичный, мог принять участие в местном заговоре, в условиях ссылки, без связи и знакомств, вдали от населенных пунктов и железных дорог. Эта мысль должна быть совершенно исключена, если принять во внимание, что осенью 1932 года по отбытии срока ссылки, мой сын был освобожден с запрещением проживать только в Москве и Ленинграде. Следовательно, по признанию местных властей, он признан по-

литически вполне благонадежным и только в течение 2-х месяцев сделался заговорщиком. Искусственность такого обвинения с моей точки зрения, не подлежит никакому сомнению и совершенно не представляю себе, на чем конкретно может основываться версия о его признании.

Я прошу пересмотреть дело моего сына, Михаила Петровича Буркова, и в особенности, проверить материал следствия, имеющий отношение к признанию им своей вины в причастности к делу. М. Буркова».

Очевидно, что пересматривать никто ничего не стал. А на письме стоит пометка: *«24.VIII.-33 выбыл на этап в лагерь*». Дальнейшая судьба Михаила Буркова неизвестна.

А вот судьба **Плужникова Андрея Васильевича** 1889 г. р. прослеживается по документам до трагического финала.

Плужникова завербовал якобы Рутковский А. И., который подписал протокол допроса от 12 мая 1933 года. В нем о Плужникове даны такие показания: «Б.б. офицер в чине подпоручика (нестроевой) по хозяйственной части. Последнее время работал в системе АКОРТ и заведующим ЗР Горсовета (по протоколу допроса Плужникова – замдиректора хозкомбината Омгорсовета и управляющий ЗРК № 1 Омгорсовета. – *П. Б.*). Несмотря на приличное материальное положение по сравнению со многими даже специалистами, благодаря своей службе в таких учреждениях, он всегда плакался за «судьбу русского народа», который доведен до отчаяния, могущего разродиться голодными бунтами и другими неприятностями для Соввласти. В качестве выхода из положения рекомендовал терпение с надеждой на стихийное, без его участия, перерождение политического строя в стране. Однако на вхождение в к.-р. организацию (март 1932 г.) согласие дал, заявив, что будет полезным ее членом, т. к. стоит около руководящей советской верхушки».

Надо отдать Плужникову должное: он один из немногих не признал своей вины. В протоколе допроса от 12 мая 1933 г. записано: «В к.-р. белогвардейско-казачьей повстанческой организации я не состоял и от дачи исчерпывающих показаний по существу отказываюсь. Записано верно, мною прочитано. Об окончании следствия мне объявлено».

Он был приговорен Тройкой к 10 годам ИТЛ. Но в 1937 году уже в лагере был осужден Тройкой УНКВД и приговорен к высшей мере наказания. 30 сентября 1937 года Плужников был расстрелян.16 февраля 1963 года реабилитирован Амурским облсудом.

В 1964 году жена Плужникова обращается с заявлением о возмещении стоимости изъятого при аресте мужа имущества. А изъято было немало: только различных тканей 105 метров (!), дорогая посуда и другие предметы, которые для 1933 года были, безусловно, роскошью. Комиссия Омского облфинотдела вынесла решение о выплате жене Плужникова 316 руб. 87 коп.

Пересмотр дела о белогвардейско-казачьем заговоре стал возможен благодаря людям, которые не смирились с несправедливостью и писали заявления и жалобы с требованием пересмотра дела и реабилитации, необходимость которых объяснялась часто обычными житейскими причинами. Приведем несколько таких документов.

«Генеральному прокурору Союза ССР от Каравянского Николая Сидоровича, проживающего село Богучаны, Промпоселок Богучанского района, Красноярского края.

Жалоба

Родился я 1906 года в д. Кип Тевризского р-на Омской области в семье крестьянина-середняка. При коллективизации вся наша семья добровольно вступила в колхоз, куда и передали основное свое хозяйство.

Я и все мои близкие родственники живем и работаем только честно и добросовестно. Никто из нас ничего компрометирующего не имел и в прошлом.

Все мои братья члены КПСС, один из них работает председателем укрупненного колхоза по месту моего рождения. Несмотря ни на что, в 1933 году Омское МГБ арестовало меня и после двух допросов постановлением Особого совещания работников Новосибирского управления по ст.ст. 58-2, 58-11 я был приговорен к 10 годам лишения свободы с последующей ссылкой и ограничением меня в паспортном режиме. Этих незаконных мер ко мне я, конечно, не ожидал и не заслуживал.

Первое время я, находясь в местах заключения, и все мои родственники добросовестно ждали, что соответствующие органы примут надлежащие меры и освободят меня от этого наказания. Не дождавшись таких мер, я из мест заключения неоднократно пытался жаловаться, но мои жалобы, оказывается, как я потом узнал, задерживались работниками мест заключения и никуда не отправлялись по назначению.

Так я ни за что и отбывал наказание с 1933 по 1943 год, в том числе:

1. С 1933 по 1940 год в Тында-Бамлаге Читинской области,

2. С 1940 по 1943 год в гор. Биробиджане Хабаровского края на лесозаготовках и лесосплаве.

Кроме отбытия всего этого наказания, меня как наемного по работе еще задержали при лагере на 6 лет.

Несмотря ни на что, я и в этих местах вел себя только честно и добросовестно, получал премии, награды, значки ударников и т.п.

С 1949 года я нахожусь на поселении с ограничением паспортного режима в пределах Богучанского района.

По возвращении из лагеря и при оформлении меня на поселение я только и узнал, что дело на меня в 1933 году было создано по личной злобе односельчан Звягина Александра Павловича и Гоголева Василия Даниловича и по обвинительному указу работников Омского МГБ, по которому так подошло и Особое совещание работников МГБ Новосибирска, обвиняя меня в том, что я якобы был из зажиточных – кулак, получил задание от моего односельчанина Попкова Василия найти трех человек для закупки оружия какой-то антисоветской организации, что я в 1932 году пропил семена колхоза и т.д. и т. п. И что во всем этом я признался.

Тогда как, повторяю, что ничего этого и подобного даже я не знал, совесть моя чиста, и что во всем этом я подло оклеветан. Будучи лишенным тогда всяких прав на защиту, безграмотный, не имел возможности прочи-

тать сам протоколы допроса, я под подлым обманом следователя Омского МГБ Тихонова, сам на себя подписывал ложь и ни за что обвинил себя этим, а от меня все это было скрыто тогда.

Что касается длительной злобы на меня со стороны Звягина и Гоголева, то она выражалась в том, что Звягин усыновил моего ребенка, незаконно требовал от меня корову, а я отдал ее в свой колхоз. В 1932 году Звягин и Гоголев вступили со мной в драку, после чего я находился (и не мог, следовательно, пропить тогда семена) в КПЗ с 14.04 по 4.07.32 и потом освобожден нарсудом Тевризского района.

И в последующем, освободившись уже из мест заключения, и находясь в Богучанском районе, при оформлении которого мое дело, вероятно, проверялось, также я и мои родственники с нетерпением ожидали, что на свободе меня оправдают по прошлому делу 1933 г. и освободят от поселения 1949 г.

С этой же добросовестной целью и намерением я писал жалобу и в 1954 г., на имя Генерального прокурора СССР, которая была потом передана прокуратуре РСФСР и ею 3.XII-54 г. за № 9/4533-54 оставлена без удовлетворения по мотивам якобы за отсутствием оснований для применения протеста.

Так что, конечно, и ответа такого я и мои родные никогда не ожидали и не заслуживаем. Я просто не представляю себе, как мог последовать такой ответ мне. Или мое дело совершенно не проверялось по действительным обстоятельствам касающегося меня дела или ответ дан по той же наглой клевете, по которой в 1933 г. и было ни за что создано на меня дело, или тут что другое.

Все же и в этих случаях я, несмотря ни на что и независимо ни от чего, добросовестно уверен и не сомневаюсь, что мое дело должно и будет пересмотрено только объективно. Поэтому с самым честным намерением и уважением особо убедительно прошу Вас, невыразимо никакими словами, как прошу, принять соответствующие меры по моей жалобе к Вам с тем, чтобы я все же мог, наконец, законно вернуться домой к родным и с невыразимой радостью продолжать общую жизнь и работу, так же во всех добросовестных отношениях.

За всю ложь на меня по делу так же прошу принять соответствующие меры к виновным лицам. 23.XII-55 г.».

«Омскому областному прокурору от гр-ки Блохиной Евгении Николаевны, проживающей в г. Омске по Октябрьской ул., д. 8.

Мой муж, Блохин Вячеслав Иванович, 1886 года рождения был осужден органами НКВД в 1933 году на 10 лет. Срок наказания отбывал в Бамлаге НКВД. 19 октября с.г. из Центрального ЗАГСа г. Омска я получила свидетельство о смерти его. Умер в 1939 году 22 сентября в местах заключения НКВД. В течение 20 лет я и мои дети переносили много унижений и притеснений. Прошу вас разобрать дело моего мужа, если он не виновен, реабилитировать его и его семью. Арестован в г. Омске.

10 ноября 1956 г.».

«Областному прокурору г.Омска от гражданки Анненковой Клавдии Гавриловны, проживающей г. Омск, Сталинский р-н, ул. Октябрьская. д.32

Заявление.

Мой муж, Анненков Александр Петрович, рождения 1895 г., место рождения г. Омск, взят органми НКВД 4 мая 1933 года. В 1956 году НКВД мне сообщило, что мой муж Анненков А. П. умер в 1941 году 23 сентября. Прошу моего мужа либетировать (так в заявлении. *– П. Б.*)*, сообщить мне». На заявлении помета: «Поступило 10/1-57г.».*

Из заявления министру внутренних дел генерал-полковнику Круглову от **Кошелева Никандра Васильевича**:

«…Факт моего преступления не мог быть, потому что участником организации я не был. После неоднократных вызовов на допрос к следователю ОГПУ я по малодушию поддался его уговорам и дал ложное показание, что был завербован человеком, с которым даже мало знаком (Сухомлинов), и в свою очередь завербовал другого человека (Циглинского). Ни с одним из них я не мог вести таких разговоров, как вербовка. Мне никогда не приходила даже мысль, а не только участие в какой бы то ни было организации против Советской власти.

За свое малодушие, вызванное угнетающей обстановкой во время следствия, я уже наказан и вместо 10 лет, в силу войны с Германией отбыл наказание 11 лет 4 месяца.

Дожив до старости, мне 62 года, я остался с пятном судимости и не могу иметь обеспеченную старость и, несмотря на то, что всю жизнь работал…

На пенсию я не имею права, потому что трудовой стаж до заключения ввиду перерыва 11лет 4 месяца пропадает и во время заключения не считается…1955, 31 июля».

Приведем еще несколько документов дела без комментариев.

«Серия «К». Начальнику ОО ПП ОГПУ ЗСК и СибВО гор. Новосибирска.

По ликвидированной нами к.-р. белогвардейской повстанческой организации был арестован и привлечен к ответственности наш спецосведомитель «Райский» – Лукин Сергей Федорович, который коллегией ОГПУ от 5 августа 1933 г. осужден на 10 лет ИТЛ – г. Кемь. За время нахождения «Райского» у нас под стражей таковой использовался и используется внутрикамерным обслуживанием. За время его нахождения в течение 6 месяцев исключительно проявил в нашей работе инициативу и благодаря его умелого подхода было вскрыто дело «Японофилы», по которому основной фигурант, перебежчик из Китая сознался, что он перешел границу с разведывательными целями. Кроме того, в данный момент «Райский» нами используется по камерному обслуживанию изобличающегося в шпионаже чеха Вольф.

Исходя из вышеизложенного, со своей стороны считаем и просим Вас о том, чтобы «Райскому» дать возможность отбывать наказание при пересыльном пункте Сиблага на ст. Куломзино и использовать в дальнейшем на нашей работе.

Нач. Омоперсектора ОГПУ Тимофеев.

Нач. ОО Шамарин».

«Литер «А», августа 3 3380/959 УСО ПП ОГПУ ЗСК – гор. Новосибирск

Сообщаем, что 27/VIII-33 в 19 часов начальнику спецконвоя тов. Магомет сданы для направления в СЛАГОГПУ гор. Кемь нижеследующие осужденные:

1) Астафьев Константин Степанович,
2) Акулов Андрей Иванович,
3) Бородихин Николай Васильевич,
4) Екимов Иван Ильич,
5) Захаров Александр Федорович,
6) Медведев Афанасий Николаевич,
7) Лимонов Владимир Афанасьевич,
8) Петлин Николай Павлович,
9) Перов А. П.,
10) Савельев Петр Иванович,
11) Соколов Георгий Иванович,
12) Соколовский Андрей Васильевич,
13) Темников Александр Сергеевич,
14) Ткач Иван Григорьевич,
15) Фирулев Никандр Степанович,
16) Чемахин Петр Иванович,
17) Щербаков Петр Иванович,

Пом. нач. оперсектора ОГПУ Волохов

Оперуполномоченный УСО Пономарев».

«Начальнику Омского отд. ОГПУ

З/к Платоненко Митрофана Ивановича

Заявление

Во время ареста меня Черлакским РО ОГПУ 1933 г. 3 апреля у меня изъяты деньги и другие предметы, поименованные в прилагаемой копии протокола обыска и, кроме поименованного, взяты велосипед и охотничье ружье. Из письменных сообщений из дома видно, что часть денег, облигации займа семье возвращены, остальные предметы, также велосипед и ружье не возвращают, и объявляют, что возвращено не будет до моего возвращения. Прошу вашего содействия о возврате изъятого семье. Причем сообщаю, что с 1917 и по день ареста я работал на государственной службе в ведомстве связи и принадлежности все приобретены на трудовые отчисления. Нетрудоспособная семья находится в плохом материальном положении. Прошу в просьбе не отказать».

«РУП ПП ОГПУ по Черлакскому району с. Черлак ЗСК

Препровождаются при этом доверенность на имя жены Платоненко М. И. и копия протокола обыска для немедленного возвращения Платоненко Марии Ивановне все перечисленное в протоколе обыска, возвратите ей также изъятые вами при аресте Платоненко велосипед и охотничье ружье.

Дату исполнения сообщите в Сектор.

Пом. нач. о/с ОГПУ Волохов.

О/уполномоченный УСО Леонов».

«В Омский Опер сектор ОГПУ г. Омска

Копия: Прокурору при ОГПУ

На № 13/В –4286 от 16/!У-34

Сообщите гр. Михеевой М. И., проживающей гор. Омск, Республиканская ул., д. 46, что ее муж Михеев Иван Васильевич осужден коллегией ОГПУ от 29/X-33 в ИТЛ сроком на 10 лет и содержится в Сиблаге ОГПУ г. Мариинск.

Нач. УСО Генкин

Нач. 6 отделения Ланцевицкий».

30 апреля 1934 Лит. «А»

Омский сектор ОГПУ г. Омска

Просьба объявить граж. Рещиковой Александре Гавриловне, проживающей г. Омск, Сиротинская, № 119, что ее ходатайство о применении ее мужу Рещикову Михаилу Михайловичу – отклонено.

Нач. УСО Сивялов

П/уполномоченный Новоселов».

Вместо послесловия

Для чего же нужно было городить этот заговор и кто его инициаторы, можно только догадываться. Скорее, это было выполнение «установки начальства», видимо, московского: уж больно широк размах заговора. Кроме Омска, в Новосибирске, откуда как бы тянулись нити заговора, по делу бывшего белого генерала Болдырева и полковника Бутенко осуждено 285 человек. Создается впечатление, что подчищали остатки бывших белых офицеров, на фоне реального ухудшения отношений с милитаристской Японией. Это в какой-то мере подтверждается сведениями из заявления следователю Ивлеву Ясенева-Круковского, который обвинялся, «кроме участия в к.-р. повстанческой организации, в создании диверсионной к.-р. ячейки в Управлении Омской железной дороги с целью подготовки диверсионных актов на транспорте к моменту восстания».

Человек он был, судя по всему, не без юмора.

«Заявление

Настоящим заявляю, что ответить на предложенные Вами вопросы самостоятельно: 1) об обстоятельствах знакомства с Крузе, 2) о деятельности Крузе в к.-р. ячейке – для меня затруднительно, так как с Крузе я знаком не был.

Фамилии членов ячейки в Оперсекторе мною в показаниях были указаны по списку, предъявленному мне следователем Болотовым, и само показание было дано не потому, что оно соответствует действительности, а потому, что так нужно по политическому моменту и что это нужно, чтобы оказать помощь Советской власти. Так я понял следователя Болотова по вышесказанному и его угрозу о необходимости полного и окончательного разоружения перед Советской властью.

Будучи арестован на своей квартире в ночь с 4 на 5 мая и приведен в арестантский дом Оперсектора ГПУ, я перед допросом был подвергнут обработке в камере № 15 – спрашивали там таким образом: мне сказали, что я не должен ничему удивляться на допросе, что мне предъявят то обвинение, которое было в действительности предъявлено, что я должен стать на путь искреннего раскаивания, что в затруднительных случаях мне поможет сам следователь и что все они находятся в таком положении, как я. Наконец, что политический момент, необходимость помочь Соввласти и построения безклассового общества требует изоляции бывшего офицерства в лагерь особого назначения.

Настроение камеры (я находился больше 10 дней), то поднималось, то резко опускалось. Но после посещения камеры П. П. Чистовым, настроение камеры опять поднялось, так как П.П. Чистов, обратившись к находившимся с вопросом – как мы живем и нет ли жалоб, сказал в камере слово, в котором отчетливо подчеркнул мысль о необходимости с нашей стороны полностью разоружиться перед Соввластью и сказал, что сколько бы лет концлагеря нам бы не дали по делу – они сведутся к 2 с половиной, к 3 годам, так как это будет уже третий год второй пятилетки, когда будет бесклассовое общество, предусматривающее реорганизацию мест заключения и изоляции.

Давно полностью разоружившись перед Советской властью и 13 лет беспрерывно работая в Советских учреждениях и организациях, я готов вновь разоружиться, если на это есть какие-нибудь установки и выполнить любые требования, которые могут быть мне предъявлены советской властью.

16/V-33. Арестованный С. Н. Ясенев-Круковский».

Однако обещанные Чистовым 2-3 года для большинства рядовых участников заговора обернулись 5-10 годами ИТЛ, а руководители Омского Центра и руководители ячеек осуждены на 10 лет, и в свете надвигающихся событий внутри страны можно предположить, вряд ли большинство из них вышло на свободу.

ИСТОЧНИКИ И ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

РГАДА, ф. 248, Канцелярия Правительствующего Сената, оп. 7, кн. 373.

РГАДА, ф. 9, Кабинет Петра I, отд.2, кн. 20, кн. 23, д. 47.

РГАДА, ф. 196, оп.1, д.1543, «Летопись Сибирская начало имеет от предпринятого походу атаманом Ермаком Тимофеевичем и о всех сибирских народах и при них об случаях в древних временах бывших, собрана в Тоболску 1760 году тоболским ямщиком Иваном Черепановым».

РГАДА, ф.122, Киргиз-кайсацкие дела, оп.1, д.3.

РГАДА, ф. 13, Зюнгарские дела, д.1.

РГАДА, ф., 415, Сибирская губернская канцелярия, оп.2. д.299.

РГАДА, ф.371, оп.1, №1844.

РГАДА, ф. 6, оп.1, д.152, Дело о преступлении бывшаго Сибирского губернатора князя Гагарина, повешеннаго в Петербурге в 1721 году.

Фонды Исторического архива Омской области (ИсАОО):

ф. 67. Войсковое хозяйственное правление Сибирского Казачьего Войска;

ф. 354. Акмолинско-Семипалатинское (Омское) управление земледелия;

ф. 199. Дела Податного инспектора Омского уездного участка Акмолинской области;

ф. 52. Военное управление Атамана II отдела Сибирского Казачьего Войска;

ф. Р-209. Земельное управление исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;

ф. Р-1452. Земельное управление исполнительного комитета Черлакского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;

ф. Р-827. Ликвидированные сельские советы Нововаршавского (Дробышевского) района Омской области;

ф. Р-1154. Личный фонд И. Н. Березовского;

ф. 366, Личный фонд Г.Е. Катанаева;

ф.30, Омская городская дума;

ф. 172, Омская городская управа;

ф. 239, Омский губернский революционный трибунал.

ф. п-17, оп.1, д.д. 1041, 1042, 1079, 7176.

ГАРФ, ф.176, Совет министров, г. Омск.

ГАРФ, ф.1700, Министерство внутренних дел.

Адресная книга г. Омска на 1911 год.

Азиатская Россия, т.3, Спб, 1914.

Белов М.И., Овсянников О.В.,Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв., М., 1981.

Будберг А.П. Записки белогвардейца, М., 2001.

Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: колчаковское золото 1918-1957, М., 2008.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников Харьков, 1889.

Бетхер А., Сигутов П. Азовский немецкий национальный район, Омск, 2003.

Врачебно-санитарная хроника, Омск, 1907, 1914, 1915.

Вестник Омского городского управления, 1911-1916 гг.

Весь Омск. Справочник-указатель на 1911 год, Омск, 1911.

Весь Омск. Справочник-указатель на 1912 год, Омск,1912.

Весь Омск. Справочник-указатель на 1913 года. Омск, 1913.

Газета «Акмолинские областные ведомости», 1911 г.

Газета «Иртыш», №№28-40, 1919 г.

Газета «Омский вестник», 1910-1917 гг.

Газета «Омский телеграф», 1908-1916 гг.

Газета «Степное эхо», 1907 г.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак, М., 2007.

Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.

Горбань Н.В. Как омичи выбирали в Госдуму, Омск, 1947.

Горбань Н.В. Выборы при царизме в сибирской деревне, Омск, 1947.

Горбань Н.В. Выборы в старом Омске, Омск, 1958.

Гурьев Г.Ю., Гусев Е.Н., Огородникова Л.И. Улицы города Омска. Справочник, Омск, 2008.

Девятьярова И.Г., Селюк В.И. Прогулки по старому Омску. Омск,1991.

Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. М. 2009.

Дунин-Горкович А.А. Справочная книга Тобольской губернии, Тобольск, 1904.

Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости. В кн.: Города Сибири, Новосибирск, 1974.

Жиров А. Если бы стены могли говорить..., Омск, 2008.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862, т.1.

Записки ЗСРГО. Кн. 27, 1900.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России, М., 2006.

Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков, Спб, 1834.

Из XVIII века – в век XXI: история Омска, С-Петербург, 2004.

Из истории Омска (1716 – 1917), Омск, 1967.

Инструкция по управлению аптекою Омского медицинского общества, вып.3, 1907.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Омской губернии. Омск, 1922.

Итоги демографической переписи 1920 г. по Омской губернии. Омск, 1923.

Катанаев Г.Е. Историческая справка о том, когда и как построен город Омск, 1996.

Катанаев Г.Е. Князь Матвей Петрович Гагарин, Тюмень, 2005.

Колесников А.Д. Памятники и памятные места Омской области, Омск, 1987.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – в начале XIX вв. Омск, 1973.

Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город, Омск, 1960.

Краткий историко-статистический очерк Омска, Омск, 1911.

Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Приртышья, Омск, 2003.

Малеев В.Л. Испытание машин внутреннего горения на 1-й Западно-Сибирской выставке, Томск, 1912.

Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском бунте 1722 г. – В кн.: Источники по культуре и классовой борьбе периода феодализма. Новосибирск, 1982.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака, в 2-х кн., М., 2004.

Миллер Г.Ф. История о песошном золоте в Бухарии и о чиненных для онаго отправлениях и о строении крепостей по реке Иртыше, которым имена: Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская, «Ежемесяные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1760, январь-февраль.

Миллер Г.Ф. История Сибири тт. 1,2 М-Л. Акад., 1937 и 1941 г.

Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска, т. 1, кн. 1, 2, Омск, 2001.

Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска, кн. 3, Омск, 2004.

Обзор Акмолинской области за 1915 год, Омск, 1917.

Объяснительная записка к смете доходов и расходов на 1910 г., составленная Городской управой.

Окрест Колчака. Документы и материалы. Сост. А.В. Квакин. М., 2007.

Омская окружная промышленно-экономическая выставка, Омск, 1926.

Омский историко-краеведческий словарь, М., 1994.

Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища, Омск, 2005.

Описание Тобольского наместничества, Новосибирск, 1982.

Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании за 1901-1903 гг., Омск, 1905.

Отчет о работе библиотеки, Омск, 1913.

Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области, Омск, 1956.

Памятная книжка и адрес-календарь.Акмолинской области за 1912 год, Омск, 1912.

Памятная книжка Акмолинской области за 1916 года, Омск, 1916.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 високосный год, Тобольск, 1912.

Памятники Сибирской истории XVIII в. кн. 1-я 1700-1713, кн. 2-я 1713-1724, СПб, 1885.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897, т. 78, Тобольская губерния, 1905.

Первая Западно-Сибирская выставка. Тюремный отдел. Томск, 1911.

Переселение в Степной край в 1906 году, Спб, 1906, вып.27.

Петров И.Ф. По следам основателя Омска И.Д. Бухольца – Прииртышье моё, 1990.

План города Омска с окрестностями, Омск, 1917.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак, исследователь, адмирал, Верховный правитель России, М., 2003.

Позднеев А.Н. К истории Зюнгарских калмыков. – Н.И. Веселовский. Посольство к зюнгарскому хун-тайджиа Цеван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой его журнал за 1722-1724 гг., Спб, 1887.

Полное собрание русских летописей, т.36, Сибирские летописи, М., 1987.

Процесс над колчаковскими министрами. Документы. М., 2003.

Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в., Новосибирск, 1974.

Покровский Н.Н. Тарское «противное письмо» 30 мая 1922 – В кн.: Культурное наследие Древней Руси, М.,1976.

Покровский Н.Н. Новый документ по идеологии тарского протеста – в кн.: Источниковедение и археография Сибири.Новосибирск, 1977 .

Покровский Н.Н. Следственное дело и Выговская повесть о Тарских событиях 1722 г. В кн.: Рукописная традиция XVI-XIX веков на востоке России, Новосибирск, 1983.

ПСЗ, т.6, №3893, Устав «О наследии престола».

Районы Омской области. Омск, 1936.

Русский биографический словарь, т.4, 1914

Сельскохозяйственный сборник Акмолинской области, Омск, 1913.

Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы, М., 2002.

Сибирская Вандея. 1919-1920.т. 1, М., 2000.

Сибирская Вандея. 1920-1921. т.2.. М., 2001.

Сибирские вопросы, 1911, №№ 7-10, 24, 25, 37-49.

Словцов И.Я. Путевые заметки. – Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО, Омск, 1878.

Словцов И.Я. Историческая хроника Омска. – Старый Омск, Омск, 2000.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – Сибирские огни №№ 7-12, 1990, №№1-4, 1991.

Список экспонатов, получивших награды на первой Западно-Сибирской выставке, Омск, 1911.

Справочник и список абонентов телефонной сети г. Омска и Атаманского хутора, Омск, 1919.

Статистические материалы по анкетному обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае за 1909 г. Омск, 1911.

Справочные сведения о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района. Омск, 1911.

Списки населенных мест Сибирского края. Омский округ. Новосибирск, 1928.

Старый Омск, Омск, 2000.

Стогов Э.И. Русская старина, кн.11, 1878.

Таможенные книги сибирских городов XVII века, Новосибирск, 1997.

Тарская мозаика, Омск, 1994.

Труды Акмолинского статистического комитета, ч. 1, 1800.

Управление государственным имуществом Семипалатинской и Акмолинской областей на 1-й Западно-Сибирской выставке, Омск, 1911.

Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска, Спб, 1879.

Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в Российской Империи, 1917-1920 г.г., Спб, 2009.

Чистов К.В. Русские социально – утопические легенды XVII-XIX вв., М.,1967.

Шихатов И.П. На государевой службе. Омск, 2002.

Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска (в 2-х тт.) М. 2004.

Юрасова М.К. Омск. Ом. кн. изд. 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

I. ОТ ЕРМАКА ДО ОМСКОЙ КРЕПОСТИ 5

«Под его государеву царскую высокую руку подвели…» 6
Путями речными 12
«И взято с того пошлин…» 16
Сибирь-кормилица 20
Сибирь и коммерция 23
«Пожалуй нас, милосердный государь!..» 29
«Где бы государю было впредь прибыльнее…» 35
К присяге не пошли… 44
Тарский миллионщик Яков Немчинов 52
За песочным золотом 55
Губернатор всея Сибири – кто он? 73
Петр Великий или антихрист? 82
Крестьянская доля – соха да поле 89

II. ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ И ОТДЕЛЬНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ 93

Фабрик и заводов никаких не имеется 94
«Областному управлению быть в Омске…» 96
Основатели-переселенцы Нововаршавки 100
Исилькуль 121
«Местоположение Чернолучья прекрасное…» 125
«При озере Калачики к поселению место способно…» 128
Как у Тары у реки… 130
«Жители – переселенцы преимущественно из Таврической губернии» 138
Азово – от волостного центра до районного 140
На реке Большой 143
Сражение в зимней степи 146
Омский период в губернаторских судьбах 152

III. ОМСК ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ 157

«Заводская и фабричная промышленность довольно распространена…»... 158
Богатеи дореволюционного Омска..... 162
«Назначено устроить телеграфные линии…»..... 167
Приюты как убежища для сирот..... 169
«Через реку мост железный…»..... 171
В гостях у Ивана Ёлкина..... 175
О некоторых «хронических» недостатках..... 178
Электротеатры «великого немого»…..... 181
«Старое уходит, новому черед…»..... 185
Криминал столетней давности..... 188
По страницам «Омского телеграфа»..... 192
«Продаются участки земли…»..... 197
«Кондиции» против спекуляции..... 203
«Ходатайство оставить без удовлетворения…»..... 204
Отговорила роща…..... 207
Вдоль по Любинскому..... 209
От водовозов к водопроводу..... 211
От лучины к «лампочке Ильича»..... 216
«Общества» в жизни омичей..... 218
Хлеб наш насущный..... 221
Ученье – свет…..... 225
Для подготовки коммерсантов… в европейском смысле..... 230
«Пушкинка» под боком у ломбарда..... 233
На страже от огня..... 237
Табачная фабрика..... 239
Товарищество «Работник» в Омске..... 240
«Препятствий к постройке театра не встречается…»..... 241
«Вне всякой конкуренции…»..... 244
Первая Западно-Сибирская выставка..... 248
Наши омские улицы..... 259
Езда по улицам прошлого..... 264
Полицмейстер был главным блюстителем чистоты…..... 268
«…Некоторые улицы становятся от сугробов почти непроезжими»..... 270
Истреблять посредством пилюль…..... 272
Ломбард, выручай – проигрался невзначай..... 273
Сценка из жизни переселенцев,..... 275
Годовая смета доходов и расходов..... 278
Обвиняются в лихоимстве..... 281
«Нужна безусловно трезвая няня…»..... 282

Мировой судья как защитник пролетариата 284
«Для всяких надобностей и потребностей лекарств» 285
Уроки и правда Столыпина 290
Омская реклама в начале XX века 297
«Покорнейше прошу Городскую Думу…» 301
Из истории переписей населения Омской области 305
Городская дума постановила… 307
Как хлеботорговцы и Городская дума место для базара выбирали 313
Как Городская дума с губернаторами не согласилась 317
Как выбирали Омскую Городскую думу 319
Как омичи избрали в I Госдуму депутата от большевиков 322
Во II Государственную думу депутата выбрал жребий 328
Хроника омских наводнений 333
Первые шаги омского спорта 335
Однофамильцы 337
Омская жизнь на фоне войны 339
«Компания Зингер» в Омске 343

IV. ОМСК БЕЛЫЙ И СОВЕТСКИЙ 347

Революционные дни «третьей столицы» 348
Так начиналась война. Гражданская 351
И пошел брат на брата… 356
Жертва политического раздора 358
Как адмирал Колчак стал Верховным правителем 363
О «золоте Колчака» без мифов 370
«Романовки», «керенки», «сибирки»… 374
Прошения к Колчаку, которые до него не дошли 378
Шоколад и дамские чулки вместо хлеба 386
Колчаковский «огород» в царстве атамана Семенова 389
Восстание – 1918 397
Расстрел адмирала Колчака 401
Как ревтрибунал судил колчаковских министров 413
Большевики вернулись… 427
Дважды расстрелянный 433
«Штаб не может не озаботиться…» 434
«И мы, как связаны…» 437
«Руководствуясь революционной совестью…» 440
За советскую власть без коммунистов! 444
Мартовский случай на Иртышском мосту 454
«Я обращаюсь с просьбой взять меня на поруки...» 456

«Выселение приостановить…» 456
В реабилитации отказано 460
Расстрельное дело казака-сторожа 462
Ревтрибунал приговорил… 474
Дело прекратить... 476
«Удалить как кровожадного хищника…» 480
Это горькое слово «лишенец» 488
«Разговоры» 37-го 500
Истерия 516
«Красные отцы» области 521
Заговор, которого не было 525
Источники и использованная литература 559

Павел Алексеевич
БРЫЧКОВ

ОМСКАЯ МОЗАИКА
Очерки по истории города и края

В авторской редакции
Верстка *Пшичко О. Л.*
Корректор *И.В. Майоркина*
Технический редактор *В.В. Коваленко*

Подписано в печать	Формат 60x84/16
Печать офсетная.	Бумага офсетная.
Усл. печ. л.	Уч.-изд. л. ...
Тираж 500 экз.	Заказ ...

Отпечатано с магнитоносителей заказчика
в типографии ООО «Издатель-Полиграфист»
г. Омск, ул. Герцена, 158, тел. 24-58-84.